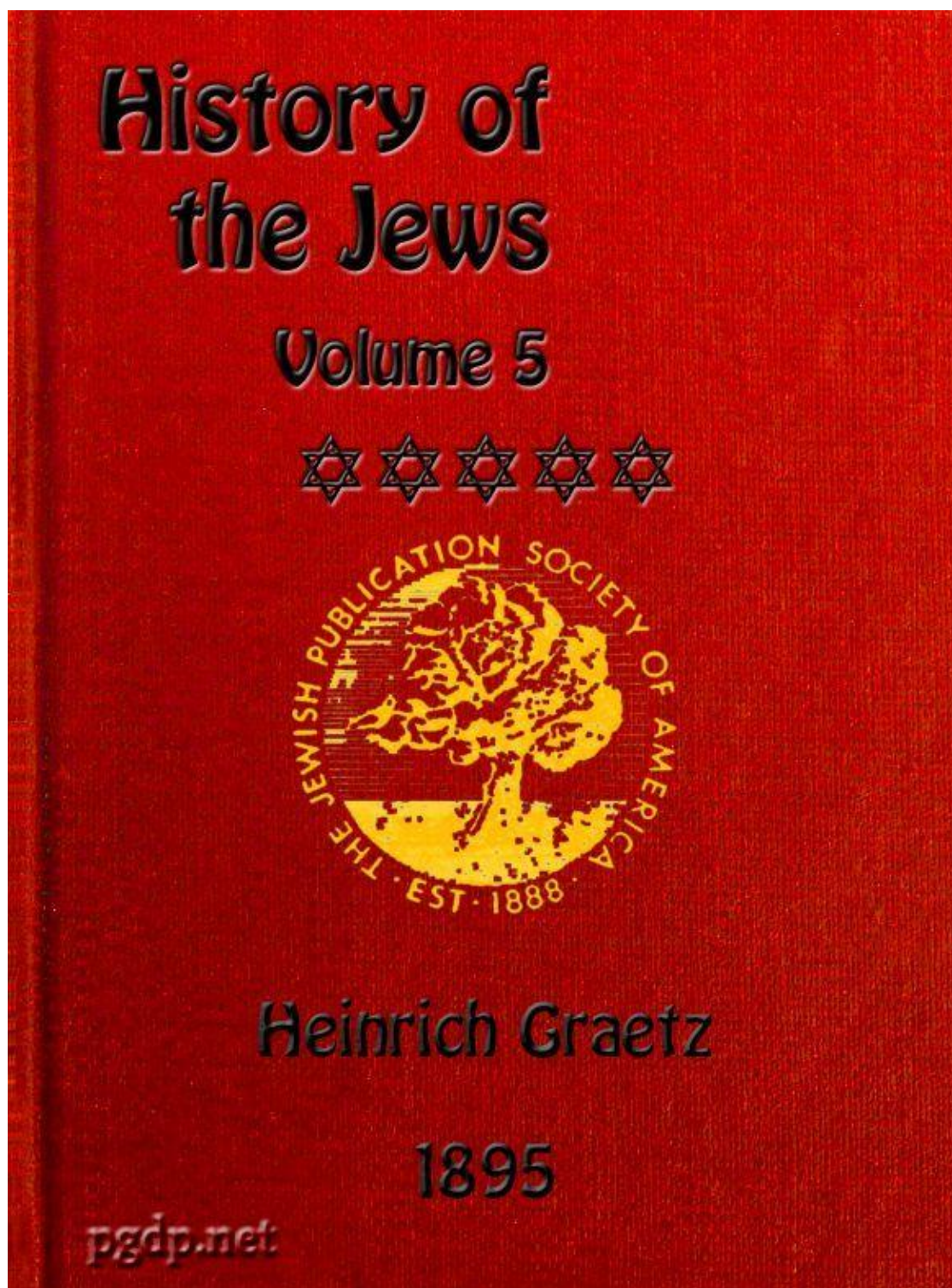

История евреев, Том 5 (из 6)

Генрих Грец

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории евреев, том 5 (из 6)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История евреев, Том 5 (из 6)

Author: Генрих Грец

Дата выхода: 9 марта 2014 г. [Электронная книга № 45085]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дэвид Эдвардс, Чарли Ховард и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных через Интернет-архив)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ", ТОМ 5 (ИЗ 6) ***

Обложка создана автором и размещена в общественном достоянии.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

BY

ГЕНРИХ ГРЕЦ

ТОМ V

От Хмельницкого преследования евреев в Польше (1648 г. н.э.) до периода эмансипации в Центральной Европе (ок. 1870 г. н. э.)

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Еврейское издательское общество Америки
5717-1956

Авторское право, 1895,
Еврейским издательским обществом Америки

Все права восстановлены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения издателя, за исключением рецензента, который может процитировать краткие отрывки из рецензии для публикации в журнале или газете.

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Содержание.

ГЛАВА I.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ И ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ ПОЛЬШИ КАЗАКАМИ.

Положение евреев в Польше до начала преследований—Влияние иезуитов—
Характеристики поляков и евреев—Дом казаков—Репрессии против казаков со
стороны правительства—Евреи, назначенные сборщиками налогов—Юрисдикция
Синодов—Изучение Талмуда в Польше—Литература на иврите в этой стране
становится полностью раввинской—Характерпольского иудаизма—Евреи и
казаки—Хмельницкий—Страдания евреев вследствие его успехов—Татарские
гайдамаки—Ужасные массовые убийства в Немирове, Тульчин и Гомель —Князь
Вишневецкий—Массовые убийства в Полонной, Лемберге, Нароле и в других
городах—Джон Казимир—Липман Хеллер и Саббатай Коэн—Возобновление
войны между казаками и поляками—Русские присоединяются к казакам в
нападении на евреев—Король Швеции Карл X—Польские беглецы—
"Полонизация" иудаизма

1648-1656 гг. н. э.

ГЛАВА II.

ИЗРАИЛЬ.

Препятствия на пути переселения евреев изАнглии —Манассия бен Израэль — Его
характер и достижения—Изучающие еврейскую литературу христиане: Скалигер,
Баксторфы, Селден и Воссиус—Женщины посвящают себя ивриту—Мужчины
Пятой монархии: ожидание тысячелетия-Восторженные друзья евреев—
Пуритане—Кромвель и Холмс—Защита евреев Николасом—"Надежда Израиля" —
Новые жертвы инквизиции—Переговоры Манассии бен Израэля с английским

страница
1

странице
18

парламентом—Он едет в Лондон и находится в заключении. любезно принят Кромвелем—В Уайтхолле заседает Совет, решающий вопрос о возвращении евреев—Антиеврейская работа Принна-Противоречивые брошюры— "Оправдание" Манассии-О возвращении евреев говорится на

1655-1657 гг. н. э.

ГЛАВА III.

СКЕПТИКИ.

Состояние иудаизма—Полный триумф каббалы—Ученики Исаака Лурьи—Виталь Калабрезе, Абрахам де Эррера и Исая Гурвиц—Иммануэль Абоаб—Уриэль да Коста; его карьера и смерть —Лео Модена; его Характер и его труды —Дебора Аскарелли и С.арах Копиа Суллам, еврейские писательницы — Завуалированный скептицизм Лео Модены—Путешествия и влияние Джозефа Дельмедиго— Труды Симоны Луццатто

1620-1660 гг. н.э.

ГЛАВА IV.

СПИНОЗА И САББАТАЙ ЦЕВИ.

Юность и образование Спинозы—Его интеллектуальный разрыв с иудаизмом— Новые мученики инквизиции—Раввины и Спиноза—Отлучение от церкви — "Трактат" и "Этика" Спинозы—Сочинения Спинозы об иудаизме—Современники Спинозы в Амстердаме—Де Пас и Пенсо —Мистический характер 1648 и 1666 годов — Ранняя карьера Саббатай Цеви—Иерусалимская община—Путешествия Саббатай—Натан Газати—Саббатай, объявленный в Smyrna Мессией— Распространение восторженной веры в псевдомессию-Мануэль Тексейра— Ритуальные изменения, внесенные Саббатаем—Саббатай отправляется в Константинополь—Неемия Козн—Отступничество Саббатай Цеви от ислама и его последствия—Продолжение Саббатианского движения—Смерть Саббатай и Спинозы—Результаты о саббатианском самозванстве

1656-1677 гг. н. э.

ГЛАВА V.

СВЕТ ИТЕНЬ.

Евреи при магометанских правителях—Изгнание из Вены—Евреи, допущенные курфюрстом Фридрихом Вильгельмом в Бранденбургскую марку —Обвинение в детоубийстве в Меце-Более мягкое обращение с евреями по всей Европе— Христианские защитники евреев: Юрье, Олигер Паули и Мозес Германус— Пристрастие христиан к изучению еврейской литературы—Ричард Саймон— Интерес Карла XI к караимам—Перингер и Якоб Тригланд—Немецкие нападки на иудаизм со стороны Вульфера, Вагензейля и Айзенменгера—Обстоятельства публикации о разоблаченном *иудаизме*—Молитва Алену—Суренгуйсиус, Баснадж, Ангер, Вольф и Толанд

1669-1700 гг. н. э.

ГЛАВА VI.

ОБЩАЯ ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ ИУДАИЗМА.

страница
51

страница
86

страница
168

Низкое положение евреев в конце семнадцатого века—Представители культуры: Дэвид Ньето, Иегуда Бриели—Каббала—Еврейские хронисты—Лопес Лагуна переводит Псалмы на испанский—Де Барриос—Гонка за богатством—Всеобщая бедность евреев—Возрождение саббатизма—Даниэль Израэль Бонафу, Кардоса, Мордехай Айзенштадтский, Якоб Керидо и Берахья—Саббатизм в Польше—Абрахам Куэнки—Иуда хасид—Хаим Малах—Соломон Айллон—Неемия Шайон—Знаменитая библиотека Дэвида Оппенгейма—Чахам Зеви—Спор о еретических трудах Ч.Айона в Амстердаме

1700-1725 гг. н. э.

ГЛАВА VII.

"ЭПОХА ЛУЦЦАТТО, ЭЙБЕШЮТЦА И ФРАНКА.

Поэтические произведения Моисея Хаима Луццатто—Луццатто, попавший в каббалу—Его борьба с раввинскими властями—Последняя драма Луццатто—Джонатан Эйбешютц—Характер и образование Эйбешютца—Его отношения с иезуитами в Праге—Австрийская война зауступку—Изгнание евреев из Праги—Эйбешютц становится раввином Альтоны—Якоб Эмден—Эйбешютц обвиняется в ереси—Спор между Эмденом и Эйбешютцем—Конфликт между Амулетами—Партийная рознь—Вмешательство христиан и гражданских властей—Возрождение аббатства—Якоб Франк Лейбович и франкисты—Доктрина Троицы—Экспессы франкистов

1727-1760 гг. н.э.

ГЛАВА VIII.

ЭПОХА МЕНДЕЛЬСОНА.

Возрождение еврейской расы—Моисей Мендельсон—Его юность—Совершенствование стиля иврита—Лессинг и Мендельсон—Сочинения Мендельсона—Спор Бонне и Лафатераси-Кельбеле—Вопрос о погребении—Реймарус—Анонимная публикация его работы—"Натан мудрый" Лессинга—Мендельсон в "Натане"—Пятикнижие Мендельсона—Оппозиция ему—"Берлинская религия"—Монтескье—Вольтер—Португальские марраны в Бордо—Исаак Пинто—Защищает португальских евреев—Дом и Мендельсон—Иосиф II австрийский—Михаэлис—"Иерусалим" Мендельсона—Вессели: его циркулярное письмо—Смерть Мендельсона

1750-1786 гг. н. э.

ГЛАВА IX.

НОВЫЙ ХАСИДИЗМ.

Союз разума с мистицизмом—Израэль Баалшем, его карьера и репутация—Движение против раввинизма—"Цаддик"—Беер Мизрич, его высокомерие и обманы—Религиозные методы хасидов—Их Литургия—Роспуск Синодов "Четырех стран"—Резня казаков в Польше—Илия Вильна, его характер и метод исследования—Хасиды Мизрич и Карлин—Обстоятельства оказались благоприятными для распространения Новой секты—Энергичное судебное разбирательство против них в Вильне—Смерть Беера Мизрича—прогресс хасидизма, несмотря на преследования его противников

страница
199

страница
232

страница
231

страница
294

1750-1786 гг. н.э.

ГЛАВА X.

МЕФИСТОФЕЛИ И ИУДЕО-ХРИСТИАНСКИЙ САЛОН.

Прогрессисты—Собиратель (Меассеф)—Дэвид Мендес—Мозес Энсхайм—
Весселис Мосаидом—Маркус Герц—Соломон Маймон—Культура берлинских
евреев—Влияние французской литературы—Первый шаг к воспитанию евреев—
Прогрессивные и ортодоксальные партии—Общество друзей—Фридлендер и
обращение—Порочность берлинских еврейки—Генриетта Герц—Гумбольдт—
Доротея Мендельсон—Шлегель—Рахель—Шлейермахер—Шатобриан

страница
395

1786-1791 гг. н. э.

ГЛАВА XI.

ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И ЭМАНСИПАЦИЯ ЕВРЕЕВ.

Предзнаменование Французской революции—Серф Берр—Мирабо о еврейском
вопросе во Франции—Берр Исаак Берр—Еврейский вопрос и Национальное
собрание—Уравнение португальских евреев—Усилия по уравнению Парижа—
Еврейский вопрос отложен—Уравнение французских евреев—Царство террора—
Уравнение евреев Голландии—Конгрегация Адат Джешурун—Распространение
эмансипации—Бонапарт в Палестине—Ненависть к евреям Фихте—Подушный
налог—"Петиция евреев Германии" Грунда-Якобсон.Брейденбах—Лефранк—
Александр I Российский: его попытки улучшить положение евреев России

страница
429

1791-1805 гг. н.э.

ГЛАВА XII.

ЕВРЕЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СИНХЕДРИОН И ЕВРЕЙСКИЕ КОНСИСТОРИИ.

Ненависть к евреям в Страсбурге—Обвинения Бональда—Заговоры против
французских евреев—Фуртадо—Дэвид Синцхайм—Ассамблея знати—
Итальянские депутаты—Двенадцать вопросов—Дебаты о смешанных браках—
Парижский синедрин—Его Конституция—Постановления Наполеона—Израэль
Якобсон—Вестфальская консистория—Эмансипация в Германии—В Ганзейских
городах—Ограничения в Саксонии

страница
474

1806-1813 гг. н.э.

ГЛАВА XIII.

РЕАКЦИЯ И ТЕВТОМАНИЯ.

Евреи в войнах за свободу—Венский конгресс—Христианский германизм
Харденберга и Меттерниха—Рюхса—Ненависть к евреям в Германии и Риме—Закон
о федерации Германии—Защита Эвальдом иудаизма—Ненависть к евреям в
Пруссии—Льюис Уэй-Конгресс в Экс-Хепе, преследование евреев—Хартвиг
Хундт—Юлиус фон Восс—Еврейские мстители

страница
510

1813-1818 гг. н. э.

ГЛАВА XIV.

BÖRNE AND HEINE.

Берне и Гейне—Юность Берне. —Его отношение к иудаизму—Его любовь к

страница

свободе—Его защита евреев—Гейне: его позиция по отношению к иудаизму—
Раввин Бахараха—Мысли Гейне об иудаизме—Влияние Берне и Гейне
1819-1830 гг. н.э.

ГЛАВА XV.

РЕФОРМА И МОЛОДОЙ ИЗРАИЛЬ.

Сегрегация евреев — Ее результаты—Раскол и упрямый консерватизм—Израэль
Якобсон—Его реформы—Гамбургский союз реформаторских храмов—Готтольд
Саломон—Падение авторитета раввинов—Элеазар Либерман—Аарон Хорин—
Лазарь Риссер—Партийная борьба—Исаак Бернейс—Труды Хи—Бернейс в
Гамбурге—Мангеймер—Его община в Вене—Берлинское общество культуры—
Эдвард Ганс—Его крещение—Распад Общества культуры
1818-1830 гг. н. э.

страница
557

ГЛАВА XVI.

ПРОБУЖДЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И НАУКИ ИУДАИЗМА.

Рассвет самоуважения-Исследование еврейской истории—Ханна Адамс—
Соломон Левизон—Йост—Его история—Июльская революция (1830)—Габриэль
Риссер—Его лекции—Штайнхайм—Его работы—Его "Откровение"—Нахман
Крохмаль—Рапопорт—Эртер—Его стихи—Труды Рапопорта—Зунц—Луццатто—Его
Толкование—Гейгер—"Девятнадцать писем" Бен Узиэля—Новая школа реформ—
Джоэл Джейкоби
1830-1840 гг. н. э.

пейдж 589

ГЛАВА XVII.

1840 ГОД И КРОВАВОЕ ВОССТАНИЕ В ДАМАСКЕ.

Мехмет Али—Ратти Ментон—Дамаск—Отец Томазо—Его исчезновение—Кровавое
обвинение против евреев Дамаска—Заключение обвиняемых—Их пытки и
мученичество—Кровавое обвинение на Родосе—В Пруссии—Адольф Кремье—
Собрание английских евреев—Мозес Монтефиорэ—Натаниэль де Ротшильд—
Мерлато, австрийский консул—Заговоры—Тьер—Шаги,предпринятые евреями в
Париже и Лондоне—Бернар ван Овен—Собрание в особняке—Монтефиоре,
Кремье и другие отправлены в Египет—Соломон Мунк
1840 ГОДА н.э.

страница
632

ГЛАВА XVIII.

СОБЫТИЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ФЕВРАЛЬСКИМ И МАРТОВСКИМ РЕВОЛЮЦИЯМ 1848 ГОДА, И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ.

Возвращение Монтефиоре и Кремье с Востока—Патриотические предложения—
Общая нерешительность—Габриэль Риссер—Михаэль Крейзенах—Партия реформ
во Франкфурте—Собрание раввинов—Холдхайм—Ассоциация реформаторов—
Захария Френкель—Берлинский реформаторский храм—Михаэль Сакс—Его
персонаж—Его Библейский эзотерикхегесис—Холдхайм и Сакс—Еврейская
немецкая церковь—Прогресс еврейской литературы—Эвальд и его
произведения—Предоставление избирательных прав английским евреям—
Еврейский колледж Бреслау—Его Основатели—The Дело Мортары—Папа Пий IX—

страница
667

Израильский альянс—Аструк, Кон, Кабальо, Масуэль, Неттер—Американские евреи— "Союз американских еврейских конгрегаций"—Англо-еврейская ассоциация—Бениш, Леви— "Израильский альянс"—Вертхаймер, Гольдшмидт, Куранда—Быстрое социальное продвижение евреев—Рост антисемитизма 1840-1870 гг. н. э.

Ретроспектива

страница
705

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ГЛАВА I.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ И ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ ПОЛЬШИ КАЗАКАМИ.

Положение евреев в Польше до начала преследований—Влияние иезуитов— Характеристики поляков и евреев—Дом казаков—Репрессии против казаков со стороны правительства—Евреи, назначенные сборщиками налогов—Юрисдикция Синодов—Изучение Талмуда в Польше—Литература на иврите в этой стране становится полностью раввинской—Характер польского иудаизма—Евреи и казаки—Хмельницкий—Страдания евреев в связи сего успехами—Татарские гайдамаки—Страшные массовые убийства в Немирове, Тульчин и Гомель —Князь Вишневецкий —Массовые убийства в Полонном, Лемберге, Нароле и в других городах—Джон Казимир—Липман Хеллер и Саббатай Коэн—Возобновление войны между казаками и поляками—Русские присоединяются к казакам в нападении на евреев—Король Швеции Карл X —Польские беглецы— "Полонизация" иудаизма.

1648-1656 гг. н. э.

Польша перестала быть убежищем для сынов Иуды, когда ее недалековидные короли призвали иезуитов для надзора за воспитанием молодых дворян и духовенства и подавления духа польских диссидентов. Эти зачинщики разобщенности, которым следует приписывать частые разделы Польши, стремились подорвать незаметную власть, которую евреи, благодаря своей моралиней и благоразумию, оказывали над дворянами, и они объединились со своими другими врагами, немецкими рабочими и ремесленниками, членами гильдий, чтобы ограничивать и угнетать их. После этого в Польше неоднократно происходили преследования евреев; иногда члены гильдииэрманов, иногда ученики иезуитов поднимали шум против них. Тем не менее, во время бедствий Тридцатилетней войны евреи-беглецы искали убежища в Польше, потому что канонические законы против евреев не применялись там со строгостью. Высшее дворянство продолжало зависеть от евреев, которые в какой-то мере компенсировали национальные недостатки. Польская ветреность, легкомыслие, неустойчивость, экстравагантность и безрассудство компенсировались еврейским благоразумием, проницательностью, экономией и осмотрительностью. Еврей был для польского дворянина больше, чем финансистом; он был его помощником в затруднительных ситуациях, его благоразумным советчиком, его всем во всем. Особенно аристократия использовала евреев для развития недавно созданных колоний, для чего у них не было ни необходимогоупорства, ни способностей. На нижнем Днепре и

северном берегу Черного моря постепенно формировались колонии беглых польских крепостных, преступников, авантюристов из всех провинций, крестьян и дворян, которые чувствовали себя стесненными и подвергавшимися опасности в своих домах. Эти изгои образовали корень казацкой расы у водопадов Днепра (За-Пороги), откуда казаки получили название запорожцев. Чтобы прокормиться, они принялись грабить соседних татар. Они привыкли к войне, и с каждым успехом их мужество и независимый дух возрастали.

Короли, которым казаки были нужны в военных предприятиях и для отражения набегов татар и турок, предоставили им некоторую независимость на Украине и в малой России и назначили над ними атамана из своей среды, или гетмана, с особыми знаками отличия. Но фанатичный нрав короля Сигизмунда III и иезуитов превратил казаков, которые могли бы стать элементом силы для земли По, в источник бесконечного недовольства и восстаний. Запорожцы по большей части были приверженцами греческой церкви, греко-католическое исповедание было преобладающим на юге Польши. После того, как папы с помощью иезуитов ослабили и притеснили польских диссидентов, они приложили усилия к объединению греко-католиков с Римской церковью или к их искоренению. При воинственном духе казаков это изменение далось нелегко; поэтому против них применялась регулярная система порабощения. Три благородных дома, Конечпольские, Вишневецкие и Потоцкие, контролировали колонизацию на Украине и в Малороссии, и они передали своим еврейским коммерческим агентам управление деспотическими поборами, обрушивающимися на казаков. Таким образом, еврейские общины постепенно распространились на Украине, в Малороссии и даже за пределами этих губерний. Казаки, например, должны были платить налог при рождении ребенка и при каждом браке. Чтобы не было никаких уклонений, у еврейских сборщиков податей были ключи от церквей Греков, и когда священник желал совершить крещение или венчание, он был обязан попросить у них ключ. В целом положение евреев в районах, где не проживали никто, кроме поляков, было лучше, чем в тех, где помимо поляков проживало немецкое население, как это было в крупных городах Познани, Кракове, Люблине и Лемберге.

Из-за своей многочисленности, важности и компактного объединения евреи в Польше образовали государство в государстве. Генеральный синод, который собирался два раза в год в Люблине и Ярославле, сформировал законодательный и судебный парламент, от которого не поступало апелляций. Первоначально называвшийся Синодом Трех стран, он стал в первой четверти семнадцатого века Синодом Четырех стран (Ваад Арба Аразот). Выборный президент (Парнес ди Арба Аразот) стоял во главе и вел государственные дела. Общины и раввины обладали гражданской и, в определенной степени, уголовной юрисдикцией, по крайней мере, в отношении донощиков и предателей. Поэтому ни один еврей не осмеливался выдвинуть обвинение против представителя своей расы перед властями страны, опасаясь подвергнуть себя позору и презрению общественного мнения, что омрачило бы его жизнь или даже повлекло бы за собой смерть. Почти в каждой общине была своя коллегия судей, раввин с двумя ассессорами, к которым направлялась каждая жалоба, но окончательное решение оставалось за синодом. Синод также заботился о честности в отношениях и поведении, а также о весе и мере везде, где мы, евреи, затрагиваем.

Изучение Талмуда в Польше, основанное Шахной, Соломоном Лурьей и Мозесом Иссерлесом, достигло такого уровня, какого не было ни в прежнее время, ни в какой другой стране. Спрос на экземпляры Талмуда был настолько велик, что менее чем за двадцать лет пришлось напечатать три издания, без сомнения, тысячным тиражом. Изучение Талмуда было большей

необходимостью в Польше, чем в остальной Европе. Раввины, как уже было сказано, обладали собственной юрисдикцией и принимали решения в соответствии с талмудическими религиозными и раввинскими законами. Огромное количество евреев в Польше и их любовь к судебным разбирательствам давали повод для сложных судебных разбирательств. Раввины-судьи были вынуждены обратиться к источнику права, Талмуду, чтобы найти точки опоры для подобных случаев. Поскольку противоборствующие стороны сами были хорошо информированы и проницательны, рассуждения раввинов должны были быть безупречными, чтобы избежать критики. Таким образом, раввинское гражданское право в Польше получило необычайное развитие, чтобы приспособить его ко всем случаям и сделать доступным для образованных тяжущихся сторон. Таким образом, постоянно растущая утонченность метода изучения Талмуда зависела от текущих условий и потребностей, а также от того обстоятельства, что каждый талмудист хотел превзойти всех остальных в изобретательности.

Было бы утомительно перечислять раввинских авторов Польши первой половины XVII века. Культивирование одной-единственной способности - трезвого суждения за счет всего остального - сузило воображение, поэтому в Польше не появилось ни одного литературного произведения, заслуживающего названия поэзии. Все произведения польской школы несли на себе отпечаток талмуда, поскольку школа на все смотрела с талмудической точки зрения. Ученики этой школы смотрели почти с презрением на Священное Писание и его простое величие, или, скорее, оно для них не существовало. Как, в самом деле, они могли найти время, чтобы заняться этим? И что они могли сделать с этими детскими рассказами, которые не допускали применения интеллектуальной утонченности? Они кое-что знали о Библии из отрывков, читаемых в синагогах, и тех, что иногда цитировались в Талмуде. Им было отказано в способности ценить возвышенность библейских доктрин и персонажей, а также простоту и возвышенность в целом. Любовь к подтасовкам, искажению, остроумной придирке и врожденная антипатия к тому, что не входило в поле их зрения, составляли характер польских евреев. Гордость за свое знание Талмуда и дух догматизма свойственны даже лучшим рабамбис и подрывают их моральное чувство. Польские евреи, конечно, были необычайно набожны, но даже их набожность основывалась на софистике и хвастовстве. Каждый хотел превзойти другого в знании того, что предписывал Кодекс для того или иного случая. Таким образом, религия превратилась не просто, как у евреев других стран, в механический, неразумный церемониал, но в тонкое искусство интерпретации. Знать лучше было для них всем; но действовать в соответствии с признанными принципами религиозной чистоты и применять их в нравственной жизни приходило в голову лишь немногим. Честность и здравомыслие они утратили так же полностью, как простоту и чувство правды. Вульгарные усвоили школьный метод придинок и использовали его, чтобы перехитрить менее хитрых. Они находят удовольствие и своего рода торжествующий восторг в обмане. Против представителей их собственной расы хитрость не могла быть применена должным образом, потому что они были остроумны; но нееврейский мир, с которым они соприкасались, испытал на себе в полной мере печаль превосходства талмудического духа польских евреев. Польские сыны Талмуда обращали мало внимания на тот факт, что Талмуд и великие учителя иудаизма еще более категорически возражают против использования в своих интересах представителей другой веры, чем представителей их собственной расы.

Развращение польских евреев было отомщено им ужасным образом, и в результате остальные евреи Европы на какое-то время были заражены им. С фатальной слепотой польские евреи

протянули дворянству и иезуитам руку помощи в угнетении запорожских казаков на Украине и в Малороссии. Магнаты хотели сделать из казаков прибыльных крепостных, иезуиты надеялись обратить греческих еретиков в римско-католическую веру, евреи, поселившиеся в округе, рассчитывали обогатиться и играть роль господ над этими париями. Они советовали владельцам казачьих колоний, как наиболее полно унижить, притеснять, мучить и дурно обращаться с ними; они узурпировали должность судей над ними и досаждали им в их церковных делах. Неудивительно, что поработанные казаки ненавидели евреев, с которыми у них были самые тесные отношения, едва ли не больше, чем своих дворянских и церковных врагов. Евреи не были без предупреждения предупреждены о том, какова будет их участь, если эти набегающие враги однажды одержат верх. Во время восстания запорожцев под руководством их гетмана примерно в 1638 году, несмотря на его кратковременную продолжительность, они убили 200 евреев и разрушили несколько синагог. Тем не менее, евреи протянули руку помощи, когда вследствие восстания было решено о дальнейшем поработлении страдальцев. В 1648 году, зафиксированном этой лживой книгой Зоар, они ожидали пришествия Мессии и времени искупления, когда они будут у власти, и, следовательно, они были более безрассудны и беспечны, чем это было в их обычае в другие времена. Кровавое возмездие не заставило себя долго ждать и поразило невинных вместе с виноватыми, возможно, первых более жестоко, чем вторых.

Это исходило от человека, который понимал, как использовать растущую ненависть казаков в своих целях, и которого его соотечественники считали своим идеалом. Богдан Хмельницкий (русский Хмель), родившийся около 1595 года, умерший в 1657 году, перед которым несколько лет трепетала вся Польша, дал России первую возможность вмешаться в польскую республику и был страшным бичом для евреев. Хмельницкий, храбрый на войне и искусный в осуществлении своих планов, непробиваемый в своих замыслах, одновременно жестокий и лицемерный, был обижен евреями, когда занимал подчиненную должность лагерного секретаря (писаря) казаков, подчиненных дому Конецпольских. Еврей Захария Сабиленки сыграл с ним злую шутку, в результате которой у него отняли жену и имущество. Другой предал его, когда он пришел к соглашению с татарами. Следовательно, помимо травм, которые его раса получила от еврейских сборщиков налогов на Украине, у него были личные обиды, за которые он должен был отомстить. Его замечания казакам: "Поляки отдали нас в рабство проклятому племени евреев", было достаточно, чтобы взволновать их. Жаждающие мести запорожцы и жадные до добычи татары за короткое время обратили польские войска в бегство успешными маневрами (18 мая 1648 г.). Потоцкий, генерал-лейтенант, и 8000 поляков, согласно соглашению, были переданы татарам. После победы дикие войска двинулись на восток от Днепра, между Киевом и Пултавой, грабя и убивая, особенно евреев, которые не обратились в бегство; число убитых достигло нескольких тысяч. Сотни людей приняли крещение в греческой церкви и притворились христианами, чтобы спастись. Повезло тем, кто попал в плен к татарам; они были перевезены в Крым и выкуплены турецкими евреями. Четыре еврейские общины (Поробища и другие) численностью около 3000 душ решили избежать резни, сдавшись татарам со всем своим имуществом. С ними хорошо обращались и продали в Турцию, где за них по-братски выкупили представители их собственной расы. Константинопольская община направила депутата в Голландию для сбора денег у богатых общин для выкупа пленников.

К несчастью для поляков и евреев, король Владислав, к которому Хмельницкий проявлял некоторое уважение, был смещен смертью. Во время междуцарствия, длившегося несколько месяцев, с мая по октябрь 1648 года, в Польше происходили обычные разногласия, которые

сводили на нет все попытки сопротивления. Сначала Хмельницкий отступил, очевидно, склонный к переговорам с короной, но он предоставил своим приспешникам всю полноту власти для опустошения польских провинций. Регулярные отряды убийц, называемые гайдамаками (татарское слово, обозначающее партизан), были сформированы под руководством жестоких лидеров, которым было наплевать на человеческую жизнь и которые упивались смертельной борьбой своих польских и еврейских врагов. Во имя религии греческие папы побуждали их убивать католиков и евреев. У командира каждого отряда был свой метод проявления жестокости. У одного были ремешки, накинута на шею католических и еврейских женщин, за которые их тащили; это он называл "предварительно перевязав их красной лентой". Через несколько недель после первой победы казаков отряд под командованием другого из этих вождей двинулся против крепости Немиров, где собралось 6000 евреев, местных жителей и беглецов из окрестностей; они овладели крепостью и закрыли ворота. Но у казаков было взаимопонимание с греческими христианами в городе, и они надели польскую форму, чтобы их приняли за поляков. Христианские жители убеждали евреев открыть ворота для их друзей. Они так и сделали, но были внезапно атакованы казаками и жителями города и почти полностью изрублены под страшными пытками (20 Сивана— 10 июня 1648 г.).

Другой отряд гайдамаков под командованием Кривоноса атаковал город Тульчин, где около 600 христиан и 2000 евреев укрылись в крепости. Среди них были храбрые евреи, или необходимость сделала их храбрыми, и они не умрут без сопротивления. Знать и евреи поклялись защищать город и крепость до последнего человека. Поскольку крестьяне-казаки ничего не понимали в искусстве осады и неоднократно серьезно страдали от вылазок евреев и поляков, они прибегли к хитрости. Они заверили знать, что их гнев направлен только против евреев, их смертельных врагов; если они будут выданы, они уйдут. Обезумевшие дворяне, забыв о своей клятве, предложили евреям сдать им оружие. Евреи сначала подумывали о том, чтобы обвинить поляков в их предательстве, поскольку они превосходили их в количестве человек. Но раввин из Тульчина предостерег их от нападения на поляков, которые учинили бы кровавую месть, и вся Польша была бы возбуждена против евреев, которые были бы уничтожены. Он умолял их пожертвовать собой ради своих братьев в стране возле; возможно, казаки примут их имущество в качестве выкупа. Евреи согласились и сдали оружие, после чего поляки впустили войска в город. После того, как последние отняли все у евреев, они поставили перед ними срадость смерти или крещения. Ни один из них не купил бы жизнь такой ценой; около 1500 человек были замучены и казнены на глазах польской знати (Тамуз 4— 24 июня). Казаки оставили в живых десять раввинов, чтобы вымогать крупные суммы у общины. Поляки были немедленно наказаны за свое предательство. Лишенные помощи евреев, они подверглись нападению казаков и были убиты, доказав, что нарушители своего слова не могут рассчитывать на верность по отношению к самим себе. Это печальное событие имело тот эффект, что поляки всегда были на стороне евреев и не выступали против них в ходе долгой войны.

В то же время другой отряд гайдамаков под предводительством Ходки проник в Малороссию и учинил ужасную резню в общинах Гомель, Стародуб, Чернигов и других местах к востоку и северу от Киева. Говорят, что евреи Гомеля наиболее жестоко приняли мученическую смерть в тот же день, когда была уничтожена община Тульчина. Командир отряда приказал раздеть всех евреев Гомеля, как жителей, так и беглецов, за пределами города и, окружив казаками, призвал их креститься или ожидать самой страшной смерти. Все они, мужчины, женщины и дети, числом около 1500 человек, предпочли смерть.

ПриН. Вишневецкий, единственная героическая фигура среди поляков того времени, человек проникательный, бесстрашный и обладающий стратегическими способностями, с преданным рвением защищал дело преследуемых евреев. Он взял беглецов под покровительство своей слабой, но храброй силы, с которой повсюду преследовал казачьи банды до полного уничтожения. Но из-за своей ограниченной власти он не смог добиться ничего существенного. Из-за мелкой зависти он был обойден вниманием при избрании главнокомандующего против казацкого восстания, и вместо него были выбраны трое с характером, рассчитанным на то, чтобы помочь Хмельницкому добиться дальнейших побед.

Раздраженный жалкой политикой регента, примаса Гнесенского, Вишневецкий последовал своим собственным курсом, но был вынужден отступить перед подавляющим числом бродячих войск и сочувствующим им греко-католическим населением, и таким образом евреи, рассчитывавшие на его героическое мужество, были уничтожены. В крепости Полонное, между Заславой и Житомиром, 10 000 евреев, частично жителей, частично беглецов из окрестностей, как говорят, погибли от рук осаждающих гайдамаков и жителей—предателей (13 Ав- 22 июля).

Печальный исход второй войны между поляками и казаками (сентябрь 1648 г.), когда польская армия, больше из-за страха перед татарами под командованием Тугай-бея и неспособности ее генералов, чем из-за храбрости Хмельницкого, была обращена в дикое бегство и собралась только за стенами Лемберга, уготовил кровавую участь даже евреям, которые считали себя в безопасности вдали от поля битвы. От диких нападений запорожцев не было спасения, если только они не доберутся до границ Валахии. Кровью убитых и подвергшихся жестокому обращению евреев было покрыто обширное пространство от южной части Украины до Лемберга через Дубно и Броды; только в городе Бар погибло от двух до трех тысяч человек. Едва ли нужно говорить, что звериная жестокость регулярных казаков, так же как и диких гайдамаков, не делала различия между рабанитами и караимами. Важная община Лемберга потеряла многих своих членов из-за голода и мора, а также свое имущество, которое ей пришлось выплатить казакам в качестве выкупа.

В городе Нароль запорожцы устроили отвратительную бойню. Говорят, что в начале ноября 45 000 человек, в том числе 12 000 евреев, были убиты там с применением жесточайших пыток. Среди трупов оставались живые женщины и дети, которым в течение нескольких дней приходилось питаться человеческим мясом. Тем временем гайдамаки бродили по Волини, Подолии и Западной Руси и утоляли свою месть кровью дворян, католиков, духовенства и евреев - тысяч и десятков тысяч. В Крженце бесчеловечное чудовище убило сотню еврейских детей, презрительно осмотрело трупы, как евреи поступают со скотом, и бросило их собакам. Во многих городах евреи, так же как и католики, вооружились и прогнали кровожадных казаков.

Выборы короля, которые, наконец, были осуществлены— и, хотя польское государство находилось на краю пропасти, они проходили среди сражений и беспорядков, — на данный момент положили конец кровопролитию. Хотя по большей части Хмельницкий находился в состоянии алкогольного опьянения, он сохранил достаточную трезвость, чтобы среди своих условий мира продиктовать, что ни одна католическая церковь не должна допускаться, и ни один еврей не должен жить в казацких провинциях. Комиссия, неспособная принять условия, отбыла, не уладив дела (16 февраля 1649 года). Евреи, которые рассчитывали на освобождение и вернулись в свои дома, заплатили за свою уверенность смертью, потому что казаки окружали

города с предсмертными криками. Таким образом, во второй раз в Остроге погибло много евреев и дворян (4 марта 1649 г.).

Прекращение переговоров с Чмильницки привело к третьей стычке. Хотя польская армия на этот раз оказалась лучше вооруженной на поле боя, успеха она добилась так же мало, как и раньше. В битве при Сбаразе он был бы полностью разрушен запорожцами и татарами, если бы родg мудро не пришел к соглашению с татарским вождем. Вслед за этим последовал мир (август 1649 г.), который подтвердил программу Хмельницкого, среди прочих пунктов, касающихся евреев. В главных местах проживания казачества (*т. е.* на Украине, на Западе России, в районе Киева и части Подолии) они не могли ни владеть земельными угодьями, ни арендовать их, ни жить там.

В результате этого соглашения поляки и евреи были свободны примерно полтора года, хотя с обеих сторон мывынашивали планы разорвать соглашение при первой возможности. Насколько им было разрешено проживание, беглые евреи вернулись в свои дома. Король Иоанн Казимир разрешил евреям, крещенным по греческому вероисповеданию, открыто исповедовать иудаизм. В результате крещенные евреи бежали из католических округов в Польшу, чтобы освободиться от обязательного христианства. Этим разрешением особенно пользовались еврейские женщины, на которых женились грубые запорожцы. Евреи вернули в иудаизм многие сотни детей, которые потеряли своих родителей и родственников и были воспитаны в христианстве, выяснили их происхождение и повесили им на шею указание на это в виде небольшого свертка, чтобы они не могли вступать в брак с кровными родственниками запрещенных степеней. Общий синод раввинов и лидеров, собравшийся в Люблине в 1650 году, был полностью занят попыткой залечить, хотя бы частично, раны иудаизма. Многие сотни, даже тысячи еврейских женщин не знали, лежат ли их мужья в могиле, или просят милостыню на Востоке или Западе, в Турции или Германии, были ли они вдовами или женами, или они оказались в других затруднительных ситуациях, созданных раввинским законом. Говорят, что Люблинский синод добился превосходных договоренностей. Скорее всего, снисходительный Липман Хеллер, тогдашний раввин Кракова, стремился добиться мягкого толкования закона, касающегося предполагаемой смерти. По инициативе молодого, добродушного раввина Саббатая Коэна (Шаха) день первой резни в Немирове (20 Сивана) был назначен общим постным днем для остатков польской общины. Седой Липман Хеллер из Кракова, Саббатай Гурвиц из Позена и молодой Саббатай Коэн составили покаянные молитвы (*Selichoth*), в основном выбранные из старых произведений, к этому печальному дню памяти.

После полуторагодичной паузы в начале 1651 года разразилась война между казаками и поляками, первыми жертвами которой снова стали евреи, поскольку Хмельницкий и дикие запорожцы теперь вторглись на польскую территорию, где снова поселились еврейские общины. Резня, однако, уже не могла быть такой масштабной, как раньше; больше не было тысяч евреев, которых можно было убивать. Более того, злые дни придали евреям мужества; они вооружили отряд еврейских солдат и зачислили их на службу царю. Военная удача отвернулась от казаков, и они были вынуждены принять мир, продиктованный королем (11 ноября 1651 года). Иоанн Казимир и его министры не забывали защищать права евреев в договоре. Им должно было быть разрешено селиться в любой точке Украины и сдавать имущество в аренду.

Этот договор также был заключен и ратифицирован только для того, чтобы быть разорванным. Хмельницкий принял его, чтобы укрепить себя и восстановить свою репутацию среди казаков.

Как только он достиг своей первой цели, он начал военные действия против поляков, от которых евреи всегда страдали наиболее жестоко. За два года после первого восстания запорожцев более 300 общин были полностью уничтожены смертью или бегством, и конец их страданиям еще не наступил. Польские войска не смогли противостоять ни яростным атакам, ни умелой политике Хмельницкого. Когда он больше не мог надеяться на помощь татар, он объединился с русскими и подстрекает их к войне против несчастной Польши, разделенной между собой. В результате войны с Россией в начале 1654 и 1655 годов пострадали те общины, которые были пощажены казацкими отрядами, то есть западные округа и Литва. Община Вильна, одна из крупнейших, была полностью обезлюдена (июль 1655 г.) в результате резни со стороны русских и миграции. Как будто судьба тогда определяла раздел Польши, к казакам и русским добавился новый враг в лице Карла X Шведского, который использовал Польшу как первый доступный предлог для утоления своей жажды войны. Во время шведской войны общины Великой и Малой Польши, от Познани до Кракова, были доведены до нищеты и отчаяния. Евреям Польши пришлось испытать чашу яда до дна. Польский генерал Чарницкий, ненавидевший евреев, жестоко обращался с теми, кого пощадили казаки, русские и дикие шведы Тридцатилетней войны, под предлогом того, что у них было предательское соглашение со шведами. Поляки также жестоко обращались с евреями, разрушали синагоги и рвали Священное Писание. Вся Польша была подобна кровавому полю битвы, на котором сражались казаки, русские, пруссаки, шведы и войска трансильванского князя Рагоци; евреи были жестоко избиты всеми. Только великий курфюрст Бранденбургский относился к ним снисходительно. Число еврейских семей, о которых говорят, что они погибли за десять лет этой войны (600 000), конечно, преувеличено, но количество убитых евреев Польши вполне можно оценить в четверть миллиона. С упадком Польши как державы первого ранга важность польского иудаизма уменьшилась. Оставшиеся были обнищавшими, подавленными и не могли восстановить свое прежнее положение. Их нужда была настолько велика, что те, кто переселился в окрестности Пруссии, нанимались к христианам поденщиками на полевые работы.

Как во времена изгнания евреев из Испании и Португалии каждое место было заполнено беглыми евреями-сефардами, так и во время казацко-польской войны беглые польские евреи, жалкие на вид, с ввалившимися глазами, избежавшие меча, пламени, голода и мора; или которые, утащенные татарами в плен, были выкуплены своими братьями, искали убежища повсюду. На запад, по пути от Данцика и через район Вислы, еврейско-польские беглецы добивались до Амстердама, а оттуда их переправляли во Франкфурт-на-Майне и другие рейнские города. Три тысячи литовских евреев прибыли в Тексель в Нидерландах и были гостеприимно приняты. Многие бежали на юг, в Моравию, Богемию, Австрию и Венгрию, а оттуда перебрались в Италию. Пленные в войсках татар прибыли в турецкие провинции, и некоторые из них перебрались в Берберию. Повсюду их братья принимали их с большим радушием и любовью, заботились о них, одевали и поддерживали. Итальянские евреи выкупили их и поддерживали ценой больших жертв. Таким образом, община Ливорно в это время приняла решение собирать и тратить четверть своих доходов на освобождение и содержание несчастных польских евреев. Немецкая и австрийская общины также, хотя и пострадали от бедствий Тридцатилетней войны, испытывали то братское чувство, о котором они редко говорили на устах, но которое лелеяли более глубоко в своих сердцах.

Число и нищета тех, кто бежал из Польши, были настолько велики, что немецкие общины и, вероятно, другие были вынуждены выделять деньги, предназначенные Иерусалиму, на содержание польских евреев. Иерусалимские евреи, зависевшие от милостыни, которые были

истощены пашой и его подчиненными, ощущали нехватку регулярной поддержки из Европы. Вскоре они оказались в таком бедственном положении, что из 700 вдов и меньшего числа мужчин, живших там, как говорят,, около 400 умерли от голода.

Преследование евреев казаками, в некотором смысле, изменило иудаизм. Он, так сказать, стал полонизированным. Польско-раввинский метод обучения долгое время доминировал в талмудических школах Германии и Италии благодаря обильной литературе польских авторов. Теперь, благодаря беглецам, большинство из которых были знатоками талмуда, она стала авторитетной. Назначения раввинами в основном назначались польским талмудистам, как в Моравии, Амстердаме, Фюрте, Франкфурте и Меце. Из-за своего превосходства в своей области эти польские талмудисты были так же горды, как испанские и португальские беглецы, и с презрением смотрели на раввинов, говоривших по-немецки, по-португальски и по-итальянски. Далекие от того, чтобы отказаться от своего собственного метода в чужой стране, они потребовали, чтобы весь мир регулировался ими, и добились своего. Люди шутили о "поляках", но тем не менее стали подчиняться им. Всякий, кто желал приобрести основательные знания талмуда и раввинистики, был обязан сидеть у ног польских раввинов; каждый отец семейства, желавший обучать своих детей Талмуду, искал для них польского раввина. Эти польские раввины постепенно навязывали свое софистическое благочестие немецкой и частично португальской и итальянской общинам. Под их влиянием научные знания и изучение Библии пришли в еще больший упадок, чем раньше. В век Декарта и Спинозы, когда три христианские нации, французская, английская и голландская, нанесли смертельный удар средневековью, еврейско-польские эмигранты, подстрекаемые бандами Хмельницкого, принесли европейскому иудаизму новое средневековье, которое сохраняло свою полную силу более столетия и в какой-то степени сохранилось до нашего времени.

ГЛАВА II. ПОСЕЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ В АНГЛИИ И МАНАССИЯ БЕН ИСРАЭЛЬ.

Препятствий для переселения евреев в Англию—Манассе Бен-Израиля—в его характере и достижениях—христианских студентов еврейской литературы: Скалигер, в Buxtorfs, Селден, и дополнительную плату—жпримета посвятить себя иврите—пятой монархии мужчин: Ожидание тысячелетия—восторженные друзья евреи—пуритане—Кромвель и Холмс—Николая защиту евреев—"Надежда Израиля"—свежие жертвы инквизиции—Манассия Бен ИСРАЕЛ переговорах с английским парламентом—она отправилась в Лондон, и любезно принят Кромвелем—Совет сидит в Уайтхолле, чтобы решить вопрос о повторном приеме евреев—Принн антиеврейские работы—спорный брошюры—Манассии "Vindication"—повторный прием евреев потворствовал.

1655-1657 гг. н. э.

В то самое время, когда евреев Польши топтали, убивали или гнали по Европе, как перепуганных диких зверей, открылась страна свободы, из которой евреи были изгнаны более трех с половиной столетий. Англия, которую мудрая королева Елизавета и храбрый Кромвель возвели в ранг первой державы в Европе, что сильно отличалось от положения распадающейся

Польша, снова приняла евреев, правда, не через большой портал, а через черный ход. Но это признание было настолько воспринято за границу, что это было похоже на триумф иудаизма. Евреи Амстердама и Гамбурга с тоской смотрели на этот остров, к которому они были так близки, с чьими купцами, судовладельцами, и учеными они были связаны, и который обещал широкий простор для проявления их разнообразных способностей. Но поселение там, казалось, было сопряжено с непреодолимыми препятствиями. Английская епископальная церковь, которая имела власть над сознанием англичан, была еще более нетерпимой, чем папство, которое она преследовала. Не предоставляя свободы католикам и инакомыслящим, будет ли оно терпимо относиться к потомкам тех, о ком говорится в Новом Завете? Английский народ, который веками не видел евреев, в полной мере разделял антипатию духовенства. Для них каждый еврей был Шейлоком, который с искренней доброжелательностью разрубил бы христианина на куски — чудовищем в человеческом обличье, несущим на себе клеймо Каина. Кто возьмется искоренить это сильное предубеждение, чтобы сделать людей и правителей благосклонными к потомкам Израиля?

Человек, взявшийся за выполнение этой трудной задачи, не принадлежал к первому разряду интеллектуальных людей, но обладал достаточной степенью проницательности и ограниченности, силой воли и гибкостью, знаниями и воображением, самоотречением и тщеславием, необходимыми для столь трудного предприятия. Манассия бен Израэль, второй или третий раввин Амстердама, который дома играл лишь второстепенную роль, бедный проповедник, который, чтобы прокормить свою семью, был вынужден прибегнуть к книгопечатанию, но получал от этого так мало прибыли, что пожелал сменить ораторское искусство на коммерческие спекуляции и был близок к тому, чтобы обосноваться в Бразилии; именно он завоевал Англию для иудаизма и, если не изгнал, уменьшил предубеждение против своего туза. Ему принадлежит заслуга за услугу, которую нельзя недооценивать, ибо мало кто мог ему помочь. Освобождение евреев от тысячелетнего презрения и обесценивания в европейском обществе, или, скорее, борьба за гражданское равенство, начинается с Манассии бен Израэля. Он был Риссером семнадцатого века. Как уже говорилось, он не был великим в истинном смысле этого слова, и его можно считать только человеком посредственным. Он принадлежал к счастливо устроенному классу людей, которые не воспринимают резких контрастов и резких диссонансов в окружающем мире, поэтому доверчивы и предприимчивы. Его сердце было глубже, чем разум. Его сила заключалась в непринужденном красноречии, в его способности объяснять и развивать идеи, которые лежали в пределах его узкого поля зрения и которые он скорее приобрел, чем продуцировал. Манассия бен Израэль полностью разбирался в еврейской литературе и знал христианскую теологию своего времени, а также то, что следовало сказать по каждому пункту, *то есть*, что было сказано его предшественниками. С другой стороны, он обладал лишь поверхностными знаниями в тех областях науки, которые требуют остроты интеллекта, таких как философия и Талмуд. Его сила была в одном отношении его слабостью. Его легкость в устной и письменной речи поощряла многословный стиль и чрезмерную продуктивность. Он оставил более 400 проповедей на португальском языке и массу сочинений, которые заполняют каталог, но обсуждают их темы лишь поверхностно. Современники Манассии смотрели на его труды другими глазами. В нем были собраны знания из всех литератур и языков, а плавность формы привлекала их внимание и вызывала восхищение. Среди евреев он был необычайно знаменит; всякий, кто мог сочинять латинские, португальские или испанские стихи, прославлял его. Но даже христианские ученые его времени переоценивали его.

В Голландии, которая по стечению многих обстоятельств, и особенно благодаря мощному импульсу Джозефа Скалигера, князя филологов, стала в некотором смысле школой Европы, в семнадцатом веке был заложен фундамент для замечательных знаний, содержащихся в объемистых фолиантах. Никогда еще не было так много филологов с ранней образованностью, железной памятью и поразительной преданностью науке о языке, как в первой половине семнадцатого века, которая, по-видимому, была специально создана для возрождения того, чем так долго пренебрегали. Были собраны и использованы все литературные сокровища древности; государственные деятели соперничали с профессиональными учеными. В этой гигантской коллекции было мало критического поиска истины; главным соображением было количество собранных научных фактов. У многих возникло стремление понять три любимых языка древности — греческий, латынь и иврит — и их литературу. Иврит, язык религии, пользовался особым предпочтением, и тот, кто понимал его так же хорошо, как два других языка, был уверен в различии. Джозеф Скалигер, оракул голландского и протестантского богословия, отвел так называемой раввинской литературе место в литературной республике рядом с ивритом, и даже к Талмуду он относился с определенной долей уважения. Его голландские, французские и английские ученики последовали его примеру и с рвением посвятили себя этой области знаний, к которой раньше относились с презрением или даже отвращением.

Можно сказать, что Джон Баксторф-старший (родился в 1564 году, умер в 1639 году) из Базеля был знатоком иврита и раввинской литературы, и он сделал их доступными для христианских кругов. Он вел оживленную переписку на иврите с еврейскими учеными в Амстердаме, Германии и Константинополе. Даже дамы посвящали себя языку и литературе на иврите. Этот вундеркинд, Анна Мария Шурманн из Утрехта, знавшая почти все европейские языки и их литературу, переписывалась на иврите с учеными, а также с англичанкой Доротеей Мур, и цитировала Раши и Ибн-Эзру с точностью ученого. Эксцентричная королева Швеции Кристина, ученая дочь Густава Адольфа, понимала иврит. Государственные деятели, такие как Гуго Гроций и англичанин Джон Селден, серьезно и глубоко занимались этим для своих теологических или исторических исследований.

Но христианские ученые, при всем их рвении, еще не приобрели независимости в раввинской литературе; без еврейского гида они не могли передвигаться или чувствовали себя в опасности. Поэтому христианским исследователям трактаты Манассии бен Израэля, в которых было представлено множество раввинских отрывков и новых точек зрения, были весьма полезны. Большая часть талмудической литературы вновь стала доступной благодаря его ясному изложению. Таким образом, голландские ученые искали Манассии, ухаживал за своей дружбы, довольно повисла у него на губах, и постепенно отбрасываются предрассудки против евреев, что даже наиболее либерально настроенные люди в самых толерантных корступление Европы не отложил. К Манассии присоединились особенно те нетерпеливые исследователи, которые подвергались преследованиям или были объявлены еретиками правящей церковью. Ученая семья Воссиусов, даже Джон Джерард Воссиус-старший, хотя и были полны сильной ненависти к агевсем евреям, были приветливы к Манассии. Его сын, Дионисий Воссий, одаренный ученостью, унесенный смертью на восемнадцатом году жизни, на смертном одре перевел на латынь "Примиритель" Манассии вскоре после его появления. Исаак Воссиус, младший сын, занимавший почетный пост при королеве Швеции, порекомендовал ей Манассию бен Израэля. В этой семье он познакомился с ученым государственным деятелем Гуго Гроциусом, который также получал от него наставления. Предводитель армийниан, Симон Епископиус, искал

общения с Манассией, как и Каспар Барлей, которого, как сочинианина, *то есть* отрицателя Троицы, ортодоксальные христиане избегали. Он присоединился к Манассии и воспел ему хвалу в латинских стихах, за что на него напали еще яростнее, потому что он поставил иудейскую веру наравне с христианской. Ученый иезуит Питер Даниэль Хьюэт также поддерживал свою дружбу. Постепенно амстердамский проповедник приобрел такую репутацию среди христиан, что каждый ученый, проезжавший через этот город, обращался к нему как к экстраординарной личности. Иностранцы обменивались с ним письмами и получали от него разъяснения по трудным вопросам. У Манассии было интервью с королевой Швеции Кристиной, которое стимулировало ее доброту к евреям и ее симпатию к еврейской литературе. Многие христиане так высоко ценили Манассию бен Израэля, что не могли подавить желания увидеть столь ученого и превосходного раввина, привлеченного к христианству.

Больше всего христианских провидцев, мечтавших о пришествии Пятой монархии, царствования святых (на языке Даниила), столпилось вокруг Манассии бен Израэля. Тридцатилетняя война, передавшая собственность и жизни в руки диких солдат, тираническое угнетение верующих, борющихся за внутреннюю свободу и нравственность, — в Англии епископами и светским правительством, во Франции деспотичным Ришелье — пробудили в провидцах идею о том, что мессианское тысячелетие, провозглашенное в книге Даниила и Апокалипсисе, близко, и что их страдания были лишь предвестниками благодатного времени. Эти фантастические провидцы проявили себя благосклонными к евреям; они хотели, чтобы эта великая перемена произошла при участии тех, кому это объявление было сделано первыми. Они признавали, что евреи должны сначала завладеть Святой Землей, что было нелегко осуществить даже чудом. Ибо сначала должны быть найдены и собраны вместе потерянные Десять Колен, если пророческие слова не должны были пасть на землю. Племена, собравшиеся, чтобы завладеть Святой Землей, должны иметь своего Мессию, побег из стебля Иессея. Но что стало бы с Иисусом, Христом, *то есть* Мессией, в которого евреев нельзя было заставить поверить? Некоторые провидцы Пятой монархии признавали за евреями своего собственного Мессию в ожидании, что борьба за первенство между еврейским и христианским спасителями разрешится сама собой.

Такие апокалиптические мечты задели отзывчивую струнку в сердце Манассеи бен Израэль. Он также ожидал не царствования святых, а, согласно каббалистическим представлениям, скорейшего наступления мессианского времени. Зоар, книга, почитаемая им как божественная, недвусмысленно провозгласила, что время благодати Израиля начнется с 5408 года от рождения Христова (1648). Манассия в глубине души был мистиком, его классическое и литературное образование было лишь внешним лоском, не умаляющим его веры в чудеса. Поэтому он был доволен письмом христианского провидца из Данцига, в котором выражалась вера в восстановление славы евреев. Джон Мочингер, представитель старой тирольской знати, попавший в водоворот мистицизма, написал Манассии бен Израэлю в разгар панегирика по поводу своего обучения: "Знайте и будьте убеждены, что я должным образом почитаю ваши доктрины и вместе с некоторыми моими братьями по вере искренне желаю, чтобы Израиль был просвещен истинным светом и наслаждался своей древней славой и счастьем". В более поздний период другой зародыш мистика Данцига установил отношения с каббалистическим хахамом Амстердама, а именно с Абрахамом фон Франкенбергом, дворянином и учеником Якоба Беме. Он открыто сказал: "Истинный свет придет от евреев; их время не за горами. Изодня в день из разных мест будут поступать новости о чудесных событиях, происходящих в их пользу, и все острова будут радоваться вместе с ними". С Манассией ежедневно общались два

друга-христианина, Генри Джесси и Питер Серрариус, которые были энтузиастами в деле восстановления Израиля. Во Франции, на службе у великого Конде, был своеобразный провидец, Исаак Ла Пейрер из Бордо, гугенот, возможно, еврейско-маррановской крови. У него было странное представление о том, что до Адама были люди (амиты доНашей эры), от которых произошли все люди, кроме евреев. В книге на эту тему, которая привела его в застенки инквизиции, он придавал большое значение евреям. В другой работе, посвященной "Возвращению евреев", он утверждал, что евреев необходимо отозвать из их рассеяния по всем частям мира, чтобы добиться скорейшего возвращения в Святую Землю. Король Франции, старший сын Церкви, обязан осуществить это возвращение старшего сына Божьего. Он тоже вступил в общение с Манассией.

Наибольшее количество горячих поклонников "народ Божий" обрел в Англии, именно среди тех, кто имел мощное влияние в совете и лагере. В то время, когда немцы воевали друг с другом из-за разницы в кредитееед, прибегая к вмешательству иностранцев и ущемляя свою собственную свободу и могущество, Англия обретала то, чего нельзя было отнять, религиозную и, в то же время, политическую свободу, и это сделало ее самой могущественной и процветающей страной. В Германии многие религиозные партии, католики, лютеране и кальвинисты, в эгоистической слепоте требовали религиозной свободы каждая только для себя, оставляя угнетение и преследования для других. Эти междоусобные распри немцев были использованы властями для утверждения своей собственной деспотической власти. В Англии такой же эгоизм преобладал среди приверженцев епископальной церкви, пресвитериан и католиков, но возникла четвертая партия, девизом которой была свобода вероисповедания для всех. Бессмысленный деспотизм Карла I и ограниченность бунтарства Долгого парламента сыграли на руку этой умной и могущественной партии. Англия, как и Германия, напоминала огромное, обгаренное кровью поле битвы, но она породила людей, которые знали, чего они хотят, которые рисковали за это своими жизнями, и способствовали возрождению нации. Оливер Кромвель был одновременно и головой, которая придумывала, и рукой, которая воплощала здравые идеи. Мечом он и его армия добыли свободу вероисповедания не только для себя, но и для других. Он и его сотрудники были не мстительными разбойниками или кровожадными солдатами, а высокомерными, вдохновленными воинами Божьими, которые вели войну против зла и лжи, надеялись на нравственную систему правления, царство Божье, и обязались установить ее. Подобно Маккавеям древности, пуританские воины сражались "с мечом в руке и хвалой Богу на устах". Кромвель и его солдаты читали Библию так же часто, как сражались. Но не из Нового Завета круглоголовые могли черпать вдохновение и воинственную отвагу. Христианская Библия с ее монашескими фигурами, ее экзорцистами, ее молящимися братьями и благочестивыми святыми не давала образцов для воинов, сражающихся с неверующим королем, фальшивой аристократией и нечестивыми священниками. Только великие герои Ветхого Завета, со страхом Божьим в сердцах и мечом в руках, одновременно религиозные и национальные чемпионы, могли служить образцами для пуритан: Судьи, освобождающие угнетенный народ от ига иностранного господства; Саул, Давид и Иоав, разгромившие врагов своей страны; Ииуй, положивший конец идолопоклонническому и богохульному царскому дому — это были любимые персонажи пуританских воинов. В каждом стихе книг Иисуса Навина, Судей, Самуила и Царей они видели отражение своего собственного состояния; каждый псалом, казалось, был написан для них, чтобы научить их, что, хотя со всех сторон их окружают нечестивые враги, им не нужно бояться, пока они верят в Бога. Оливер Кромвель сравнивал себя с судьей Гидеоном, который сначала нерешительно подчинился голосу Божьему, но впоследствии мужественно

рассеял нападавших язычников; или с Иудой Маккавеем, который из горстки мучеников сформировал войско победоносных воинов.

Погрузиться в историю, пророчества и поэзию Ветхого Завета, почитать их как божественные повдохновению, жить в них всеми эмоциями, но при этом не считать людей, создавших всю эту славу и величие, избранными, было невозможно. Поэтому среди пуритан было много искренних поклонников "народа Божьего", и Кромвель был одним из них. Казалось чудом, что народ или остатки народа, которых Бог отличил великой милостью и суровой дисциплиной, все еще существуют. В сердцах пуритан зародилось желание увидеть это живое чудо, еврейский народ, собственными глазами, привезти евреев в Англию и, сделав их частью готовящегося к созданию теократического сообщества, скрепить его печатью завершения. Чувства пуритан к евреям были выражены в обете Оливера Кромвеля: "Велико мое сочувствие к этому бедному народу, которого избрал Бог и которому Он дал Свой закон; он отвергает Иисуса, потому что не признает его Мессией". Кромвель мечтал о примирении Ветхого и Нового Заветов, о тесной связи между еврейским народом Божьим и английской пуританской теократией. Но другие пуритане были настолько поглощены Ветхим Заветом, что Новый Завет не имел никакого значения. Особенно провидцы в армии Кромвеля и среди членов парламента, которые надеялись на Пятую монархию, или царствование святых, отводили еврейскому народу славное положение в ожидаемом тысячелетии. Пуританский проповедник Натаниэль Холмс (Холмезиус) желал, согласно письмам многих пророческих версий, стать слугой Израиля и служить ему на коленях. Чем больше росло напряжение в Англии из-за тюремного заключения короля, разногласий между Долгим пресвитерианским парламентом и пуританской армией, гражданской войны, казни короля Карла и установления республики в Англии, тем больше общественная жизнь и религиозная мысль приобретали еврейскую окраску. Единственное, что могло заставить человека думать, что он в Иудее, - это чтобы ораторы в парламенте говорили на иврите. Один автор ругал седьмой день днем отдыха и в своем произведении показал святость этого дня и долг английского народа чтить его. Это было в начале 1649 года. Парламент, правда, приговорил это произведение к сожжению как еретическое, скандальное и нечестивое и приговорил печатника и автора к наказанию. Но израильский дух среди пуритан, особенно среди уравнилелей, или ультра-республиканцев, не был подавлен этими средствами. Многие хотели, чтобы правительство объявило Торуудой для Англии.

За этими событиями на Британских островах, которые обещали возвышение Израиля в недалеком будущем, Манассия следил с бьющимся сердцем. Разве эти голоса не возвещали о наступлении мессианского царства? Он надеялся на это и проявил лихорадочную активность, чтобы приблизить желаемое время. У него был дальновидный ход мыслей. Мессия не мог явиться до тех пор, пока не свершится наказание Израиля, рассеянного от одного конца земли до другого. В то время в Англии не было евреев. Необходимо приложить усилия, чтобы получить разрешение евреям проживать в Англии, чтобы устранить это препятствие на пути пришествия Мессии. Поэтому Манассия связался с некоторыми важными людьми, которые заверили его, что "умы людей благосклонны к евреям и что они будут приемлемы и желанны англичанам". Что особенно оправдало его надежды, так это "Извинения" Эдварда Николаса, бывшего секретаря парламента, "за благородную нацию евреев". В этом произведении, которое автор посвятил Долгому парламенту, к евреям относились как к избранному народу Божьему с нежностью, к которой они не привыкли. Поэтому автор счел необходимым подтвердить в конце, что он написал это не по наущению евреев, а из любви к Богу и своей стране. Мнение апологета состояло в том, что великие страдания, принесенные Англии религиозной и гражданской

войной, были справедливым наказанием за преследование англичанами святых и любимцев Божьих, *то есть* евреев, и настоящим призывом искупить этот великий грех, приняв их и проявив к ним братское отношение. Автор доказал предпочтение и избранность Израиля многими библейскими цитатами. Он сослался на проповедника, который сказал в парламенте в связи со стихом: "Не прикасайся к помазанникам моим и пророкам моим не причиняй вреда", что благо или горе мира зависит от хорошего или плохого обращения с народом Божиим. Бог в Своем тайном совете поддержал этот народ донастоящего дня, и для них было уготовано славное будущее. Следовательно, долгом англичан было попытаться утешить их, по возможности дать им удовлетворение за их невинную кровь, пролитую в этом королевстве, и вступить с ними в дружеские отношения. его работа также защищает евреев от обвинения в распятии Иисуса. Смерть Иисуса произошла по наущению Синhedриона, а не народа. В самых впечатляющих выражениях он призывает англичан утешить страждущих и несчастных евреев. Папа и его приверженцы, сказал он, будут разгневаны добрым обращением с евреями, поскольку они по-прежнему причиняют жестокость и унижение народу Божьему, папы заставляют евреев носить позорные значки, а католики избегают любых контактов с ними, потому что они питают отвращение к идолам и языческому поклонению.

Это произведение, которое более чем дружелюбно, абсолютно прославляло евреев, привлекло величайшее внимание в Англии и Голландии. Манассия бен Израэль был в восторге от этого, думая, что он близок к цели, тем более что его друг Холмс сразу же связался с ним по этому вопросу, сказав, что он сам собирается подготовить работу о тысячелетнем царстве, в которой он подчеркнет важность евреев в формировании будущего. Манассия бен Израэль немедленно приступил к работе, чтобы внести свой вклад в реализацию своей цели. Однако его, как и христианских мистиков в Англии, беспокоило одно: что стало с потерянными Десятью племенами, изгнанными ассирийским царем Шалманассаром? Восстановление еврейского царства без этих Десяти Колен казалось невозможным, более того, их открытие было гарантией истинности пророческих обетований. Союз Иудеи и Израиля, о котором впечатляюще возвещали некоторые пророки, остался бы невыполненным, если бы Десять Колен прекратили свое существование. Поэтому Манассия придавал большое значение возможности доказать где-либо их существование. К счастью, он был в состоянии уточнить ситуацию с Десятью коленами. Несколько лет ранее еврейский путешественник по имени Монтезинос под присягой подтвердил, что видел коренных евреев племени Рувима в Южной Америке и поддерживал с ними связь. Обстоятельность его рассказа возбудила любопытство и склонила к вере его современников. Антонио де Монтезинос был марраном, которого бизнес или любовь к путешествиям привели в Америку. Там он наткнулся на метиса (индейца), который возбудил в нем подозрение, что представители его расы живут в Америке, преследуемые и притесняемые индейцами, как индейцы были притеснены испанцами, и более поздний опыт подтвердил это подозрение.

Антонио де Монтезинос, или Аарон Леви, принес удивительную новость в Амстердам и рассказал о ней под присягой ряду лиц, среди которых был Манассия бен Израэль (около 1644 года). После этого он отправился в Бразилию и там умер. На смертном одре он неоднократно подтверждал правду о существовании некоторых израильских племен в Америке. Манассия бен Израэль был твердо убежден утверждением этого человека и положил его в основу произведения, озаглавленного "Надежда Израиля", написанного для того, чтобы проложить

путь к мессианскому времени. Десять племен, согласно его предположению, были рассеяны по Татарии и Китаю, а некоторые, возможно, отправились оттуда на американский континент. Некоторые признаки и определенные манеры и обычаи индейцев, напоминающие иудейские, как ему показалось, свидетельствовали в пользу этой идеи. Пророческое объявление о вечности израильского народа, соответственно, подтвердилось; более того, появились признаки того, что племена были готовы выйти из своих укрытий и объединиться с другими. Время искупления, которое, правда, нельзя было предсказать и в расчетах которого многие ошибались, казалось, наконец-то приближалось. Угрозы пророков о наказании евреев были исполнены ужасным образом; почему бы их обещаниям, пробуждающим надежду, не подтвердиться? Какую невыразимую жестокость чудовище Инквизиции причинило и все еще продолжает причинять бедным невинным представителям еврейской расы, взрослым и детям любого возраста и любого пола! По какой причине? Потому что они не отступали от Закона Моисея, открытого им среди стольких чудес. Из-за этого бесчисленные жертвы гибли везде, где осуществлялось тираническое правление инквизиции. Мученики продолжали проявлять невероятную твердость, позволяя сжигать себя заживо во славу имени Божьего.

Манассия перечислил все аутодафе Марранов и других еврейских мучеников, которые произошли в его время.

Большое волнение вызвало у португальских евреев сожжение молодого маррано, двадцати пяти лет от роду, хорошо начитанного в латинской и греческой литературе. Исаак де Кастро-Тартас, родившийся в Тартасе, маленьком городке в Гаскони, приехал со своими родителями в Амстердам. Преисполненный рвения и желания вернуть к иудаизму тех маррано, которые продолжали оставаться христианами, он приготовился отправиться в Бразилию. Напрасно родители и друзья предостерегали его от этого безумного шага. В Баии он был арестован португальцами, признан евреем, отправлен в Лиссабон и передан инквизиции. Этот орган не имел формальных прав на Исаака де Кастро, поскольку на момент ареста он был гражданином Нидерландов. Трибунал тщетно пытался склонить его к отречению от иудаизма. Молодой Де Кастро-Тартас был полон решимости мужественно претерпеть мученическую смерть в честь своей веры. Его смерть сопровождалась *роскошью*, к которой он так стремился. В Лиссабоне 22 декабря 1647 года был зажжен погребальный костер для него и нескольких других. Он воскликнул из пламени: "Слушай, о Израиль, Бог един", - таким впечатляющим тоном, что свидетели ужасного зрелища были очень тронуты. В течение нескольких дней в столице не говорили ни о чем другом, кроме ужасного голоса мученика Исаака де Кастро-Тартаса и "Шема", произнесенного при его последнем вздохе. Люди говорили об этом с содроганием. Инквизиция была вынуждена запретить произнесение слова "Шема" под угрозой сурового наказания. Говорят также, что в то время было решено больше не сжигать заживо еврейских еретиков в Лиссабоне.

Община Амстердама была ошеломлена новостями о последовательных казнях молодых страдальцев. У Де Кастро-Тартаса были родители, родственники и друзья в Амстердаме, и его любили за его знания и характер. Раввин Сол Мортейра произнес поминальную речь в связи с его смертью. Поэты выражали сожаление и чествовали его в стихах на иврите и испанском, и, ужаснувшись новым зверствам инквизиции против евреев, Манассия бен Исраэль написал "Надежду Израиля". Даже современный читатель может почувствовать скорбь, сквозящую в каждом слове. Действительно, если мученики смогли бы доказать истинность и устойчивость дела, за которое они проливают кровь, иудаизм не нуждается в дополнительных

доказательствах; ибо ни один народ и ни одна религия на земле не произвели на свет таких многочисленных и стойких мучеников. Манассия использовал это доказательство, чтобы сделать вывод, что, поскольку были причинены обещанные страдания, то и обещанное искупление и возрождение Божьего народа будет исполнено. Он отправил этот латинский трактат о существовании Десяти племен и их надеждах одному видному и образованному лицу в Англии для прочтения в парламенте, находившемся под влиянием Кромвеля, и в Государственном совете. В сопроводительном письме Манассия объяснил парламенту свою любимую идею о том, что возвращению евреев на их родную землю — время для которого было так близко — должно предшествовать их полное рассеяние. Расселение, согласно словам Священного Писания, должно было происходить от одного конца земли до другого, естественно, включая остров Англия, расположенный на крайнем севере обитаемого мира. Но более 300 лет ни один еврей не жил в Англии; поэтому он добавил просьбу о том, чтобы Совет и парламент разрешили евреям селиться в Англии, свободно исповедовать свою религию и строить там синагоги (1650). Манассия не делал секрета из своих мессианских устремлений, потому что он мог рассчитывать и действительно рассчитывал на тот факт, что святые или пуритане сами желали "собрания народа Божьего" в доме своих предков и были склонны помогать этому. В своем письме он также намекнул, что твердо решил отправиться в Англию, чтобы организовать поселение евреев.

Манассия бен Израэль не ошибся. Его просьба и преданность делу были благосклонно восприняты парламентом. Лорд Миддлсекс, вероятно, посредник, прислал ему благодарственное письмо с надписью: "Моему дорогому брату, еврейскому философу Манассии бен Израэлю". Ему также был выслан паспорт в Англию. Английский посол в Голландии лорд Оливер Сент-Джон, родственник Кромвеля, сказал ему, что он хотел бы посетить амстердамскую синагогу, и дал ему понять, вероятно, в соответствии с инструкциями Кромвеля, что Англия склонна удовлетворить давнее желание евреев. Манассия позаботился о том, чтобы его приняли в молитвенном доме с музыкой и гимнами (примерно в августе 1651 года). Однако цель, к которой он, казалось, был так близок, была удалена политическими осложнениями. Англия и Голландия вступили в ожесточенную войну, которая прервала сообщение между амстердамом и Лондоном. Отношения Манассии со своим старшим коллегой Саулем Мортейрой (1652) и президентом Джозефом да Коштой — неизвестно, по какой причине — стали натянутыми, и в гневном настроении он принял решение покинуть Амстердам. Руководителям общины удалось установить приемлемое взаимопонимание между двумя чакскимиветчинами, но у Манассии не было ни необходимой жизнерадостности, ни благоприятной возможности возобновить свой авантюрный план.

Но когда Оливер Кромвель, путем незаконного, но необходимого роспуска Долгого парламента, взял на себя верховную власть в апреле 1653 года и проявил склонность заключить мир с Генеральными штатами, Манассия снова взялся за свой проект. Кромвель созвал новый парламент, так называемый "Короткий", или "Без костей", который состоял исключительно из святых, *то есть*, пуританских проповедников, офицеров с библейским уклоном и провидцев тысячелетия. Пристрастие офицеров Кромвеля к старой еврейской системе проявляется в серьезном предложении о том, что Государственный совет должен состоять из семидесяти членов, по числу еврейского синода. В парламенте заседал генерал Харрисон, баптист, который вместе со своей партией желал, чтобы закон Моисея был введен в Англии. Когда состоялось заседание парламента (5 июля 1653 г.), Манассия поспешил повторить свою просьбу о том, чтобы евреям было предоставлено разрешение проживать в Англии. Вопрос о

евреях был немедленно включен в программу работы. Парламент отправил Манассии охранную грамоту в Лондон, чтобы он мог лично обсудить это дело. Поскольку война между Англией и Голландией все еще продолжалась, его родственники и друзья убедили его не подвергать себя опасности ежедневной смены дел, и он снова отложил свое путешествие до более благоприятного времени. Короткий парламент вскоре был распущен (12 декабря 1653 г.), и Кромвель получил королевскую власть под титулом протектора королевства. Заключая мир с Голландией (апрель 1654 г.), Манассия считал время вполне подходящим для осуществления своих желаний по искуплению Израиля. Его обнадежил тот факт, что в октябре 1654 года три адмирала английского флота составили петицию о допуске евреев в Англию. Манассия подал петицию об их приеме во второй, еще более короткий парламент Кромвеля, и, вероятно, по его наущению Дэвид Абрабанель Дормидо, один из ведущих людей Амстердама, в то же время представил петицию с тем же результатом, которую Кромвель настоятельно рекомендовал Совету для скорейшего принятия решения (3 ноября 1654 г.).

Манассия упивался пьянящими мечтами о приближающемся славном времени для Израиля. Он считал себя инструментом Провидения, призванным осуществить его. В этих мечтах его поддерживали и утверждали христианские мистики, которые с нетерпением ожидали наступления нового тысячелетия. Голландец Генри Джесси незадолго до этого опубликовал работу "О скорой славе Иудеи и Израиля" на голландском языке. Богемный врач, мистик и алхимик Пауль Фельгенгауэр вышел за рамки разумного. Испытывая отвращение к формальному вероучению Евангелической церкви и идолопоклоннической тенденции католицизма, он писал во время Тридцатилетней войны против коррупции Церкви и протестантского духовенства и желал духовной, мистической религии. Своеобразный расчет заставил Фельгенгауэра поверить, что шеститысячный год и связанное с ним пришествие Мессии наступит за горами. Преследуемый в Германии католиками и протестантами, он попросил убежища в Амстердаме и там познакомился с Манассе бен Израэлем. Между этими людьми и третьим провидцем, Питером Серрариусом, скорый приход мессианского времени часто был предметом разговоров. Затем Фельгенгауэр сочинил оригинальное произведение (декабрь 1654 г.), озаглавленное "Благая весть о Мессии для Израиля! Искупление Израиля от всех его страданий, его освобождение из плена и славное пришествие Мессии приближаются для утешения Израиля. Взято из Священного Писания Ветхого и Нового Завета христианином, который ожидает его вместе с евреями". Фельгенгауэр ставит еврейский народ очень высоко, как семя Авраама, и считает истинных правителей всех народов духовным семенем Авраама. Следовательно, евреи и христиане должны любить, а не презирать друг друга. Они должны объединиться в Боге. Этот союз близок. Кровавые войны нации против нации на море и суше во всем мире, которых раньше не было в такой степени, являются признаками этого. В качестве дополнительных знамений он назвал кометы, появившиеся в 1618, 1648 и 1652 годах, а также яростную польскую войну, разожженную казаками. Стихи из Библии, особенно из Книги Даниила, и Апокалипсиса, со смелыми интерпретациями, служили ему доказательствами. Фельгенгауэр отрицал существование земного Мессии и не допускал притязаний Иисуса на этот титул.

Поскольку это полубезумное произведение было посвящено Манассии, он был обязан ответить на него, что он и сделал с большим благоразумием (1 февраля 1655 г.), с радостью приветствуя страницы, благоприятные для евреев, и обходя остальные молчанием. По его словам, хорошие новости о ближайшем будущем были тем более приятны его сердцу, что он сам, несмотря на многие столетия невзгод, не переставал горячо надеяться на лучшие времена.

"С какой радостью я поверил бы тебе, что близко время, когда Бог, который так долго гневался на нас, снова утешит Свой народ и избавит его не только от вавилонского плена, но и от египетского рабства! Ваш знак начала мессианской эпохи, возвещающий о возвышении Израиля по всему миру, представляется мне не только вероятным, но и ясным. Немалое количество таких объявлений (со христианской стороны) для утешения Сиона было прислано мне Франкенбергом и Мочингером, из Франции и Венгрии. И сколько голосов раздавалось только из Англии! Они подобны тому маленькому облачку во времена пророка Илии, которое внезапно расширилось так, что закрыло все небо".

Манассии бен Израэлю хватило смелости без обиняков выразить еврейские ожидания в противовес мнениям христианских энтузиастов. Они, по большей части, представляли себе пятую монархию, которая, как они утверждали, вот-вот должна была начаться, как тысячелетнее царство, когда Иисус снова явится и передаст верховную власть святым. Евреи приняли бы в этом участие; они собрались бы со всех концов земли, вернулись на родину своих предков и снова построили Иерусалим и Храм. Но это было бы лишь промежуточным состоянием, средством, позволяющим всем Двенадцати Коленам признать Иисуса Мессией, так что осталось бы только одно стадо под началом одного пастыря. Против этого Манассия бен Израэль составил трактате, закончившийся 25 апреля 1655 года, о пятом царстве из пророчества Даниила, истолковав его как означающий независимость Израиля. В этой работе, названной "Славный камень, или Изображение Навуходоносора" и посвященной Исааку Воссю, находившемуся в то время на службе у королевы Швеции, он применил все свои знания, чтобы показать, что видения "четырёх зверей", или великих царств, подтвердились в ходе последовательного правления вавилонян, персов, греков и римлян, и поэтому приход пятого царства также был несомненным. Это было показано в книге Даниила достаточно ясно, чтобы быть царством Израиля, народом Божьим. В этом Мессианском царстве примут участие все народы земли, и к ним будут относиться с добротой, но власть всегда будет принадлежать Израэлю. Манассия искажил эту простую мысль каббалистической тривиальностью и софистикой. Удивительно, что не только образованный христианин согласился с посвящением этой по сути еврейской работы, но и знаменитый художник Рембрандт сделал четыре художественные гравюры, изображающие видение Навуходоносора или Манассии.

Манассия получил дружеское приглашение от второго парламента, собранного Кромвелем; но поскольку он тем временем был распущен, он не мог отправиться в путь, пока его не пригласит сам Протектор. Он, по-видимому, заранее отправил своего сына Самуэля бен Израэля, который был представлен Оксфордским университетом, учитывая его знания и природные способности, к присвоению степени доктора философии и медицины и, согласно обычаю, получил золотое кольцо, биретту и поцелуй мира. То, что эта честь была оказана еврею университетом, строго христианским по своему поведению, было немаловажным обстоятельством. Воля Кромвеля, по-видимому, сыграла решающую роль в этом вопросе. Он послал приглашение Манассии, но путешествие было отложено до осени. Только после окончания праздников Тишри (25-31 октября 1655 г.) Манассия предпринял важное, по его мнению, имевшее огромное значение для мира путешествие в Лондон. Кромвель принял его дружелюбно и предоставил ему вид на жительство. Среди его товарищей был Якоб Саспортас, ученый человек, привыкший общаться с лицами высокого ранга, который был раввином в африканских городах. Другие евреи сопровождали его в надежде, что при приеме евреи встретятся без затруднений. Несколько

тайных евреев из Испании и Португалии уже проживали в Лондоне, среди них был богатый и уважаемый Фернандес Карвахаль. Но дело не допускало такого быстрого урегулирования. На слушании Манассия передал Защитнику тщательно составленную петицию, или обращение. Он получил разрешение евреев разных стран Европы действовать в качестве их представителя, чтобы вопрос о допуске евреев в Англию мог решаться не только от его имени, но и от имени всей еврейской нации. В своем прошении он умело развил аргумент, используя отрывки из Библии и Талмуда, о том, что сила и авторитетность даруются Богом согласно его воле; что Бог опекает и наказывает даже правителей земли, и что это было подтверждено в еврейской истории; что великих монархов, которые беспокоили Израиль, ждал несчастливый конец, как фараона, Навуходоносора, Антиоха Епифана, Помпея и других. С другой стороны, и благодетели еврейского народа наслаждались счастьем даже здесь, внизу, так что слово Божье, обращенное к Аврааму, было буквально исполнено:—

"Я благословлю благословляющих тебя и прокляну проклинающих тебя". Следовательно, я, один из наименьших среди евреев, поскольку на собственном опыте убедился, что благодаря великой щедрости Бога к нам многие значительные и выдающиеся личности, как благочестивые, так и могущественные, проникнуты искренней и внутренней жалостью и состраданием к нам и готовы утешить нас относительно приближающегося Освобождения Израиля, не мог не обратиться с этим смиренным обращением к вашему Высочеству от имени моих соотечественников и умолять вас ради Бога, чтобы вы согласились. , согласно тому благочестию и силе, в которых вы выдаетесь выше других, соблаговолите даровать, чтобы великое и славное имя Господа Бога нашего могло быть превознесено и торжественно почитаемо и восхваляемо нами во всех пределах этого Содружества; и предоставить нам место в вашей стране, чтобы мы могли иметь наши синагоги и свободно исповедовать нашу религию. Язычники издревле ... предоставляли свободу даже евреям-отступникам: ... насколько же больше мы, которые не являемся отступниками или беглыми евреями, можем надеяться на это от вашего Высочества и вашего христианского Совета, поскольку вы обладаете столь великими знаниями и поклоняетесь одному и тому же единственному Богу Израиля вместе с нами.... Ибо наш народ действительно ... предвещал это ... древняя ненависть к ним также превратилась бы в добрую волю: что эти строгие законы ... против столь невинных людей были бы с радостью отменены".

В то же время Манассия бен Исраэль распространил через прессу "Декларацию", в которой объяснялись причины приема евреев, а также встречались возражения и развеивались предубеждения против их приема. Все его объяснения можно свести к двум - мистическому и касающемуся торговой политики. Мистическая причина неоднократно объяснялась. Его мнение совпадало с мнением многих христиан о том, что возвращение израильтян в их дом было не за горами. Согласно его мнению, этому событию должно предшествовать всеобщее рассеяние евреев:—

"Теперь мы знаем, как наша нация разбросана повсюду и имеет свое местопребывание в самых процветающих странах мира, а также в Америке и в трех других ее частях, за исключением только этого значительного и могущественного острова. И поэтому, прежде чем придет Мессия ... сначала мы также должны занять здесь свое место".

Другая причина была изложена в такой форме: что благодаря евреям торговля Англии значительно увеличит экспорт и импорт из всех частей света. Он подробно развил этот пункт о

преимуществах, которыми могли бы воспользоваться евреи, показав, что из-за их верности и привязанности к гостеприимным и дружественным к ним странам они заслуживают того, чтобы к ним относились с уважением. Кроме того, их следовало бы уважать из-за их древнего благородства и чистоты крови среди народа, который придавал большое значение таким отличиям.

Манассия бен Израэль рассматривал коммерцию, которой по большей части были преданы евреи, с более высокой точки зрения. Он имел в виду оптовую торговлю португальских евреев Голландии монетами различных наций (биржевой бизнес), бриллиантами, кошенилью, индиго, вином и маслом. Их денежные операции не были основаны на ростовщичестве, на которое полагались евреи Германии и Польши. Амстердамские евреи поместили свой капитал в банки и удовлетворились пятью процентами. Капитал португальских евреев в Голландии и Италии был очень значительным, потому что марраны в Испании и Португалии вкладывали в них свои деньги, чтобы избежать алчности инквизиции. Поэтому Манассия придавал большое значение преимуществам, которые Англия могла ожидать от его предприимчивых соотечественников. Он считал, что торговля, главное занятие и, в определенной степени, естественная склонность евреев всех стран с момента их рассеяния, была делом Провидения, знаком божественного благоволения к ним, чтобы, накопив сокровища, они могли обрести благосклонность в глазах правителей и народов. Они были за то, чтобы се занялись торговлей, поскольку из-за ненадежности своего существования они не могли владеть земельными владениями. Соответственно, они были вынуждены заниматься торговлей до своего возвращения в свою землю, ибо тогда "не будет больше ни одного торговца в доме Господнем", как провозглашает пророк.

Затем Манассия бен Израэль провел обзор всех стран, где евреи в его время или незадолго до этого благодаря торговле достигли значительного положения, и перечислил людей, которые достигли высокого положения благодаря своим заслугам перед государствами или правителями. Однако многое из того, что он привел, при ближайшем рассмотрении оказывается не очень блестящим, за исключением уважаемого и надежного положения, которое евреи занимали в Голландии. Затем он привел примеры верности и преданности евреев в древние и современные времена своим защитникам. Он решительно опроверг клевету о том, что евреи были изгнаны из Испании и Португалии за предательство и неверие. Ему было легко показать на примере христианских авторов, что изгнание евреев и жестокое обращение с ними Португалии были одновременно преступными и глупыми и самым решительным образом осуждались мудрыми правителями. Он воспользовался случаем, чтобы защитить своих братьев от трех других обвинений: в ростовщичестве, детоубийстве и прозелитизме. Чтобы смыть пятно ростовщичества, он воспользовался оправданием Симоны Луццатто, современной еврейской итальянской писательницы, которая утверждала, что ростовщичество предосудительно не само по себе, а в его избытке. Очень весомым был тот факт, который он привел, что португальские евреи, за которых он выступал, ненавидели ростовщичество так же сильно, как и многие христиане, и что их большой капитал не был получен от него. Манассия мог бы с большей яростью отвергнуть обвинение в убийстве христианских детей. Христиане выдвинули это обвинение, по его мнению, в значительной степени исходя из мотивов, которые повлияли на негров Гвинеи и Бразилии, которые мучили тех, кто только что спасся от кораблекрушения или вообще был постигнут несчастьем, предполагая, что такие люди были прокляты Богом..... ,

"Мы живем не среди черных мавров и дикарей, а среди белых и цивилизованных людей мира, и все же мы считаем обычным делом то, что люди очень склонны ненавидеть и презирать того, кому не повезло; а с другой стороны, придавать большое значение тому, к кому благосклонна удача".

Манассия напомнил христианам, что было время, когда язычники тоже обвиняли их в том, что они были убийцами детей, колдунами и колдуньями, и были наказаны языческими императорами и чиновниками. Он смог сослаться на дело своего времени, дело Исаака Иешуруна из Рагузы, еврея, неоднократно подвергавшегося пыткам за детоубийство, чья невиновность вскрылась и наполнила судей раскаянием. Манассия отверг обвинение в обращении христиан в иудаизм и сослался на предписание еврейского закона отговаривать, а не привлекать прозелитов.

"Теперь, поскольку я верю, что с чистой совестью я освободил нашу нацию евреев от этих трех наветов.... Исходя из этих двух качеств - Прибыльности и Верности, я могу заключить, что такую нацию следует хорошо развлекать, а также любить и защищать в целом. Тем более, учитывая, что в Священном Писании они названы сынами Божьими.... Я мог бы добавить третий (пункт), а именно, о Благородстве евреев, но потому, что этот пункт достаточно известен среди всех христиан, как недавно было показано ... этим достойным христианским священником, мистером Генри Джесси ... и мистером Эдв. Николас, джентльмен. Поэтому я здесь воздержусь и остановлюсь на изречении Соломона... "Пусть уста другого человека восхваляют тебя, а не твои собственные".

Кромвель был решительно склонен принять евреев. Возможно, он имел в виду вероятность того, что обширная торговля и капитал испанских и портовых гугенотских евреев, исповедующих иудаизм как открыто, так и тайно, могли быть перенесены в Англию, которая в то время еще не могла конкурировать с Голландией. Он также был воодушевлен великой идеей безусловной терпимости ко всем религиям и даже думал о том, чтобы предоставить свободу вероисповедания сильно ненавидимым, внушающим страх и, следовательно, преследуемым католикам. Поэтому он согласился с желанием евреев открыть для них убежище в Англии. Но больше всего на него повлияло религиозное желание привлечь евреев к христианству дружеским обращением. Он думал, что христианство, проповедуемое в Англии независимыми, без идолопоклонства и суеверий, пленит евреев, до сих пор отвращавшихся от христианства.

Кромвель и Манассия бен Исраэль согласились с невысказанной дальновидной, мессианской причиной допуска евреев в Англию. Каббалистический раввин считал, что в результате поселения евреев на британском острове начнется мессианское искупление, а пуританский защитник верил, что евреи в большом количестве примут христианство, и тогда наступит время одного пастыря и одного стада. Чтобы расположить народ благосклонно к евреям, Кромвель нанял двух самых ревностных независимых людей, своего секретаря, священника Хью Питерса, и Гарри Мартена, пламенного члена Совета, для выполнения этой задачи.

Наконец пришло время серьезно рассмотреть вопрос о допуске евреев. Они были изгнаны в 1290 году во исполнение указа, предписывающего им никогда не возвращаться, и ясомневался, что этот указ все еще не вступил в силу. Поэтому Кромвель собрал комиссию в Уайтхолле (4 декабря 1655 г.) для обсуждения каждого аспекта этого вопроса. Комиссия состояла из лорда Главного судьи Глинна, лорда-шефа барона Стилаи семи граждан, включая лорда-мэра, двух

шерифов Лондона, олдермена и городского регистратора, а также четырнадцати видных священнослужителей из разных городов. Кромвель упомянул две темы для обсуждения: законно ли допускать евреев в Англию и, в случае, если это не противоречит закону, на каких условиях должен осуществляться прием. Манассия сформулировал свое предложение по семи пунктам: что они должны быть допущены и защищены от насилия; что им должны быть предоставлены синагоги, свободное отправление религии и места захоронения; что они должны пользоваться свободой торговли; и что их споры должны разрешаться их собственными раввинами и директорами; и что все прежние законы, враждебные евреям, должны быть отменены для их большей безопасности. При поступлении каждый еврей должен принести клятву верности королевству.

Во время обсуждения вопроса о допуске евреев в Лондон было большое волнение, и настроения населения сильно разделились. Слепая ненависть к распинающим Сына Божьего и слепая любовь к народу Божьему; страх перед конкуренцией евреев в торговле и надежда добиться превосходства голландцев и испанцев с их помощью, предвзятые идеи о том, что они распинали христианских детей, чеканили монеты или хотели превратить весь английский народ в евреев — эти противоречивые чувства мешали вынесению решения за и против них. Последователи Кромвеля, и республиканцы в целом, были за их принятие; роялисты и паписты, тайные или открытые его враги, были против этого предложения. Люди столпились в зале, где публично обсуждался еврейский вопрос. В самом начале юридические представители заявили, что никакой древний закон не исключал евреев из Англии, поскольку их изгнание было осуществлено королем без согласия парламента. Представители города хранили молчание; самыми жестокими были священнослужители, которые не могли избавиться от своей ненависти к евреям, почерпнутой из Евангелий и их богословской литературы. Кромвель, который самым искренним образом желал, чтобы их приняли, поэтому добавил трех священнослужителей, среди них Хью Питерса, от которого он ожидал голосования в пользу евреев. Вопрос не был вынесен на решение за три заседания. Поэтому Кромвель распорядился провести окончательное обсуждение (18 декабря 1655 г.), на котором он председательствовал. Большинство духовенства в этот день тоже было против допуска евреев, даже меньшинство одобряло это только с должными предосторожностями. Кромвель, недовольный ходом дискуссии, сначала добился, чтобы теологические возражения были опровергнуты Манассией бен Израэлем, затем высказался с большой теплотой и сделал выговор духовенству. Он сказал, что надеялся получить просветление для своей совести; вместо этого они сделали вопрос еще более неясным. Главной силой аргументов было то, что евреям необходимо проповедовать чистое (пуританское) Евангелие, чтобы привлечь их в церковь. "Но можем ли мы проповедовать им, если не потерпим их среди нас?" На этом Кромвель прекратил дискуссию и решил решить этот вопрос согласно своему собственному суждению.

Ему приходилось бороться не только с оппозицией фанатичного духовенства, но и с оппозицией толпы, разделявшей их предвзятое мнение. Враги евреев прилагали все усилия, чтобы склонить народ против их признания. у распространили сообщение о том, что евреи намеревались купить библиотеку Оксфордского университета и, если возможно, превратить собор Святого Павла в синагогу. Они стремились поставить дружбу Кромвеля с евреями под сомнение и распространили сообщение о том, что в Англию из Азии и Праги прибыло посольство, чтобы выяснить, не был ли Кромвель ожидаемым Мессией евреев. Клерикальный памфлетист по имени Уильям Принн вызвал самое фанатичное возбуждение против евреев. Он сочинил ядовитую работу "Краткий отчет", в которой собрал все ложные обвинения против них в

фальшивой чеканке монет и распятии христианских детей, а также кратко резюмировал антиеврейские декреты XIII века, чтобы возненавидеть само имя еврея. Со стороны других участников также появились различные публикации против них. Голландец Джон Хорнбек написал книгу об обращении евреев, в которой он притворялся их другом, но на самом деле стремился очернить их. Джон Дьюри, англичанин, проживающий в то время в Касселе, также был полон решимости сделать так, чтобы его голос о евреях был услышан; он взвесил аргументы за и против их приема и, наконец, склонился к мнению, что разрешить евреям въезд в Англию - серьезный вопрос. Его работа была напечатана и распространялась. Вероятно, по предложению Кромвеля Томас Кольер написал опровержение обвинений Принна, посвятив его Защитнику. Он даже оправдал распятие Иисуса евреями и завершил свою работу отрывком во вкусе того времени:

"О, давайте будем уважать их; давайте дождемся того славного дня, который сделает их главами народов. О, близится время, когда каждый будет считать себя счастливым, кто может только ухватиться за юбку еврея. Наше спасение пришло от них! Наш Иисус был изм! Мы получили их обещания и привилегии! Естественные ветви были срезаны, чтобы к нам можно было привиться! О, давайте не будем высокомерными, а будем бояться. Давайте, ради Бога, не будем немилосердны к ним! Нет! пусть будет достаточно, если у нас будут все их [духовные ценности] богатства".

Хотя прием евреев в Англию столкнулся со многими трудностями, голландское правительство отнюдь не было удовлетворено усилиями Манассии бен Исраэля осуществить это, несомненно, опасаясь, что амстердамские евреи переедут в Англию со всеми своими капиталами. Манассии пришлось успокоить голландского посла в беседе и заверить его, что его усилия касались не голландских евреев, а маррано, за которыми наблюдал аргус в Испании и Португалии, для которых он хотел предоставить *asylum*. Манассия ждал шесть месяцев в Лондоне, чтобы добиться от Кромвеля благоприятного решения, но безуспешно. Протектор не находил времени заниматься еврейским вопросом, его энергия была направлена на получение средств, необходимых для правительства и иностранных войн, в которых ему отказывали один парламент за другим, и на срыв заговора роялистов против его жизни. Спутники Манассии, потерявшие всякую надежду на успех, покинули Лондон; другие, бежавшие с Пиренейского полуострова и находившиеся на пути туда, повернули назад и обосновались в Италии или Женеве.

Но друзья евреев были неутомимы и надеялись изменить мнение народа. Один из "святых" опубликовал небольшую работу (апрель 1656 г.), в которой он кратко изложил процедуру обсуждения вопроса о допуске евреев, а затем добавил:

"Чем это закончится, знает всевышний Бог; раввин Манассия бен Исраэль все еще остается в Лондоне, желая получить благоприятный ответ на свои предложения; и, не получив его, он заявил, что, если они не будут предоставлены, он может получить благоприятное разрешение и вернуться домой. Но поскольку сейчас решаются другие важные дела, а это дело вызывает очень большую озабоченность, абсолютного ответа он пока не получил".

Чтобы добиться тщательного рефутации все обвинения, выдвинутые врагами евреев и противники веротерпимости, человек высокого ранга, в тесной связи с государством, индуцированной Манассия Бен Израиль опубликовать краткий, но всеобъемлющий труд, в защиту евреев. В форме письма он изложил все основания для обвинения. К ним относились нынешние наветы: использование крови христиан на Пасху, проклятия в адрес христиан и

богохульство против Бога христиан в еврейских молитвах, а также идолопоклонническое почитание США свитков Торы, якобы демонстрируемое. "Защита евреев", которую Манассия бен Исраэль написал в ответ (10 апреля) и которая вскоре после этого была распространена в прессе, является, пожалуй, лучшим произведением, вышедшим из-под его пера. Это написано с глубоким чувством и, следовательно, убедительно; изученного материала не требуется, но изучение подчинено главному объекту. При составлении этой защиты Манассия, должно быть, испытывал особые чувства. Он приехал в Англию в качестве переводчика или представителя народа Божьего, рассчитывая быстро завоевать симпатии христиан и проложить путь к господству Израиля над миром, а теперь его народ оказался перед судом, и он должен был защищать его. Поэтому тон этого произведения не агрессивный и не торжествующий, а жалобный. Он подтвердил, что ничто никогда не производило на него более глубокого впечатления, чем адресованное ему письмо с перечнем антиеврейских обвинений.

"Это бросает тень на репутацию нации, которую среди стольких клеветнических заявлений, столь мужественных (и, следовательно, постыдных), я осмеливаюсь объявить невиновной. И, во-первых, я не могу не оплакивать горько и с большой душевной болью это странное и ужасное обвинение некоторых христиан в адрес рассеянных и страдающих евреев, которые живут среди них, когда они говорят (о чем я трепещу писать), что евреи имеют обыкновение отмечать Праздник опресноков, заквашивая его кровью некоторых христиан, которых они для этой цели убили".

Этому ложному обвинению, столь часто выдвигаемому, среди прочего, словами Принна, посвящена большая часть его защиты, и это действительно поразительно. Он связал обвинение с лжесвидетельством или признаниями обвиняемых под пытками. Невиновность обвиняемых часто выявлялась, но слишком поздно, когда их казнили. Манассия подтвердил это занимательной историей. Врач португальского графа был обвинен инквизицией как иудействующий христианин. Напрасно граф клялся в своей ортодоксальности, тем не менее его пытали, и он сам признался, что был иудействующим грешником. Впоследствии граф, притворившись серьезно больным, послал за инквизитором, и в его доме, при закрытых дверях, тот угрожающим тоном приказал ему письменно признаться в том, что он еврей. Посетитель отказался; тогда слуга принес раскаленный докрасна шлем, чтобы надеть ему на голову. После этого инквизитор признался во всем, чего требовал граф, который воспользовался случаем, чтобы упрекнуть его в жестокости и бесчеловечности.

Манассия бен Исраэль, помимо аф, подтвердил торжественной клятвой абсолютную ложность часто повторяющихся обвинений в использовании христианской крови.

Выслушав другие обвинения против евреев, он завершает свою защиту прекрасной молитвой и обращением к Англии:

И к высокочтимому народу Англии я обращаюсь со своей самой смиренной просьбой, чтобы они прочитали мои доводы беспристрастно, без предубеждения и без всякой страсти, эффективно рекомендуя меня их милости и благосклонности, и искренне умоляли Бога, чтобы Он был умолен приблизить время, обещанное Софонией, в течение которого мы все будем служить ему с единодушного согласия, одинаковым образом, и у всех будет одинаковое суждение; чтобы, поскольку имя Его едино, страх его может быть также един, и чтобы мы все могли приблизить время, обещанное Софонией. узрите благодать Господа (благословенного во веки веков!) и утешение Сиона".

Эта последняя работа Манассии бен Израэля произвела в Англии желаемый благоприятный эффект. Хотя Кромвель, несмотря на растущие трудности своего правительства, не мог в полной мере осуществить приемевреев, он положил начало этому. Он уволил Манассию с почестями и назначил ему ежегодное пособие в размере ста фунтов стерлингов (20 февраля 1657 г.) из государственной казны. Евреев не впустили с триумфом через великий портал, но Кромвель впустил их через черный ход, и все же они прочно обосновались. Это произошло вследствие обвинения, предъявленного иммигранту-торговцу из Маррано Антонио Роблесу, в том, что он, португальский папист, незаконно занимался бизнесом в Англии, но Защитник оправдал его на том основании, что он был не католиком, а евреем. Таким образом, проживание таких евреев было затруднено; следовательно, они могли сбросить маску католицизма. Двое уважаемых маррано, Симон де Касерес и Фернандес (Исаак) Карвахаль, фактически получили разрешение Кромвеля открыть специальное кладбище для евреев-сефардов, поселившихся в Лондоне (1657). В результате этого разрешения больше не было необходимости устраивать шоу из посещения церкви или крестить своих новорожденных детей. Но они занимали аномальное положение. Будучи чужаками и из-за своей незначительной численности, они жили не то чтобы терпимо, но их игнорировали. Таким образом, усилия Манассии бен Израэля не были совсем напрасными. Он не получил назначенной ему пенсии и не дожил до того, чтобы увидеть всходы посеянного им семени, ибо по дороге домой он умер в Мидделбурге, вероятно, сломленный своими усилиями и разочарованием в своих надеждах, еще до того, как добрался до своей семьи (ноябрь 1657 г.). Впоследствии его тело было перевезено в Амстердам, и над его могилой была установлена почетная эпитафия. Но его ревностная деятельность, хотя и была результатом мессианских заблуждений, принесла плоды, потому что была искренней. Не прошло и десяти лет после его смерти, как монархия, пришедшая на смену республике, постепенно допустила евреев в Англию. Была собрана община, которая вскоре стала организованной, помещение на Кинг-стрит было оборудовано под синагогу, и Якоб Саспортас, странник из Африки, спутник Манассии бен Израэля, был избран раввином. Лондонское отраслевое сообщество взяло за образец амстердамское. Из этого второго оплота, занятого португальскими евреями, впоследствии началась агитация за народную свободу и освобождение евреев.

ГЛАВА III. СКЕПТИКИ.

Состояние иудаизма — Полный триумф каббалы — Ученики Исаака Лурьи — Витал Калабрезе, Абрахам де Эррера и Исаяя Гурвиц — Иммануэль Абоаб — Уриэль да Коста; его карьера и смерть — Лео Модена; его Характер и его труды — Дебора Аскарелли и Сара Копиа Суллам, еврейские писательницы — Скрытый скептицизм Лео Модены — Путешествия и влияние Джозефа Дельмедиги — Труды Симоны Луццатто.

1620-1660 гг. н. э.

Иудаизм, тогда, на трехтысячном году своего существования, был подобен богатому зерну, покрытому корками, наложенными одна на другую, и посторонними веществами, так что лишь очень немногие могли распознать его истинный характер. Синаитское и пророческое ядро мысли долгое время было покрыто тройственным слоем софистических, мишнистических и

талмудических объяснений и ограничений. Поверх них в течение столетий гаоническими, испанскими, французскими, немецкими и польскими школами были сформированы новые слои, и эти слои были окружены неприглядным наросом грибковых форм, заплесневелым налетом Каббалы, который, оседая в промежутках и щелях, рос и разветвлялся. Все эти новые формы уже имели авторитет времени в свою пользу и считались неприкосновенными. Люди больше не спрашивали, чему учат в основном синайском законе или что считали важным пророки; они едва ли обращали внимание на то, что Талмуд считал существенным или несущественным; только раввинские писатели, Джозеф Каро и Моисей Иссерлес, будучи высшими авторитетами, решали, что такое иудаизм. Кроме того, были дополнения из польских школ и, наконец, каббалистические сны Исаака Лурьи. Паразитическая каббала задушила всю религиозную жизнь евреев. Почти все раввины и лидеры еврейских общин, будь то в маленьких польских городках или в культурном Амстердаме, хахам Исаак Абоаб де Фонсека, а также Исая Гурвиц, эмигрант в Палестину, были пленены Каббалой. Набирая влияние в четвертом веке, одновременно с запретом науки, она добилась таких гигантских успехов после смерти Исаака Лурьи, или, скорее, совершила такие гигантские разрушения, что ничто не могло удержать ее в узде. Дикие представления Лурьи о происхождении, переселении и единении душ, искуплении и чудотворении после его смерти привлекали все больше и больше приверженцев в его магический круг, затуманивая их умы и сужая их симпатии.

Ученики Лурьи, львята, как они хвастливо называли себя, предпринимали безумные систематические попытки добиться обращения, распространяли самые абсурдные истории о чудесах Лурьи, заявляли, что на них снизошел дух их учителя, и окутывали себя тайной, чтобы привлечь большее внимание. Хаим Виталь Калабрезе был самым известным и своими фокусами вводил в заблуждение легковерных в Палестине и соседних странах (1572-1620) до самой своей смерти. Он утверждал, что является Ефремитским Мессией, и поэтому взял на себя своего рода власть над своими товарищами-учениками. В Иерусалеме, где он прожил несколько лет, Витал проповедовал и имел видения, но не получил того признания, на которое он рассчитывал. Только женщины говорили, что видели огненный столп или пророка Илию, парящего над Виталом во время его проповеди.

В Сафете Витал, подражая своему учителю, посещал могилы, занимался экзорцизмом духов и другими мистическими безумствами, но не жил в хороших отношениях со своими коллегами, особенно со своим шурином, Годалией Леви, которому он завидовал, он поселился в Дамаске (1594-1620), продолжал свои мистификации, придавал большое личное значение, как будто спасение мира лежало на его плечах, и проповедовал о скором пришествии Мессии и своей миссии ускорить это. Иисус и Магомет, раскаиваясь в своих ошибках, сложат свои короны к его ногам. Осмеянный за свои дикие поступки и объявленный лжепророком, он отомстил своим недоброжелателям грубой клеветой.

В старости он продолжал нести свою мистическую чушь, говоря, что ему было запрещено раскрывать свои видения, но теперь, когда этот запрет был снят, он мог объявить, что определенные души, живущие в человеческих телах, будут соединены с ним — конечно, в подчиненном качестве — для осуществления искупления, одна из душ, предназначенных для этой миссии, будет жить в чужой стране. Это была приманка для привлечения энтузиастов каббалы и, таким образом, привлечения последователей. И энтузиасты поспешили из Италии, Германии, Польши и других стран сыграть мессианскую роль. Рукописные заметки, оставленные Лурьей, послужили поводом для дальнейших махинаций. Виталь утверждал, что

они принадлежат только ему, и получил постановление колледжа в Сафете, в котором говорилось, что никто не имеет права публиковать информацию о Каббале Лурьи где-либо еще. Каббалисты стали еще больше стремиться обладать этим несравненным сокровищем. Брат Хаима Витала, Мозес Витал, воспользовался их стремлением сделать из этого хороший бизнес. Во время болезни своего брата он приказал скопировать найденные в его доме рукописи и продал их по высокой цене. После своего выздоровления Хаим Виталь подтвердил, что украденные рукописи не были подлинными; их он никогда не опубликует. Говорится, что в своем завещании он распорядился, чтобы их положили в его могилу. Тем не менее, после его смерти его сын Сэмюэл Виталь продал "аббалистические откровения" Лурьяна К. и опубликовал сны и видения своего отца отдельным изданием. Иммигрант Маррано из Португалии, приверженец каббалы, утверждал, что лучшую коллекцию он нашел на могиле Виталья.

После этого был начат регулярный поиск Каббалы Лурьи и Виталья. Кто бы ни владел экземплярами и ни предлагал их для продажи или публикации, он находил готовых покупателей. Для передачи этой фальшивой валюты в еврейских общинах были наняты посыльные. Израэль Сарук, или Саруг, герман, один из учеников Лурьи, ввел лурьяновскую каббалу в Италию, приобрел для нее много приверженцев и много денег для себя. Его рассказ о чудесах своего учителя пришелся по вкусу очень немногим. Из Италии он отправился в Голландию и там обрел ученика, который знал, как придать каббалистическому безумию философский оттенок. Алонзо, или Абрахам, де Эррера (умер в 1639 году), потомок Великого Полководца, вице-короля Неаполя, был посвящен Саруком в тайны Лурианской каббалы. Прожив большую часть своей жизни христианином, он был больше знаком с нееврейской философией, чем с еврейской литературой; поэтому его было легко обмануть, заставив принять шлак за золото. Он ясно чувствовал, что Каббала Лурьи обнаруживает сходство с неоплатонической философией, но это мало беспокоило Де Эррера, или, скорее, подтверждало каббалистическое учение, и он попытался объяснить одно другим. Обнаружив невозможность примирить две системы, он тоже пустился в праздные разговоры и бессвязные выражения. Абрахам де Эррера, который, как уже говорилось, стал евреем в зрелом возрасте, не мог выучить иврит, и поэтому амстердамский проповедник Исаак Абоаб перевел два своих каббалистических труда, "Дом Божий" и "Врата рая", с испанского языка на иврит, и в своем завещании выделил значительную сумму денег на их публикацию. Автор и переводчик, несомненно, считали, что оказали невыразимо большую услугу иудаизму. Но из-за кажущегося великолепия, которое эти работы придавали Каббале, они ослепили поверхностные умы обычных португальских евреев, которые, несмотря на свои знания классической литературы и европейской культуры, поддались заблуждениям Каббалы. Манассия бен Исраэль и все его старшие и младшие современники в Голландии отдавали дань уважения мистицизму и не сомневались в его истинности и божественности.

В Германии и Польше два человека, наполовину поляк, наполовину немец, высоко оценили Каббалу Лурьи: Исая Гурвиц (Шелох) по прозвищу Холи и Неффалим Франкфуртер, к которым мы, возможно, можем добавить легковерного Соломона, или Шломеля, из Моравии, который прославлял глупейшие истории о чудесах, совершенных Исааком Лурьей, Виталем и их окружением, в письмах, отправленных в Германию и Польшу, которые были быстро прочитаны и распространены.

Однако в этой толстой неприглядной корке, покрывающей Каббалу, появились некоторые трещины, что указывало на распад. Тут и там встречались непредубежденные люди, которые чувствовали и выражали сомнения относительно истинности иудаизма в его более поздней

раввинской и каббалистической форме. Многие пошли дальше и включили талмудическую интерпретацию. Другие перешли от сомнений к уверенности и более или менее открыто выступили против существующей формы иудаизма. Таких исследователей, конечно, нельзя было встретить ни среди немцев и поляков, ни среди азиатских евреев; они считали каждую букву в Талмуде и Зоаре, каждый закон в кодексе (Шулхан Арух) нерушимым словом Божиим. Сомневающиеся были только в итальянской и португальской общинах, у которых были связи с образованными кругами. Благочестивый приверженец традиции Эммануэль Абоаб португальского происхождения, долгое время проживший в Италии, почувствовал себя призванным написать книгу в защиту иудаизма Талмуда и раввинов ("Номология", составлена в 1616-1625 годах), показывающую непрерывную цепочку представителей истинной традиции вплоть до его собственного времени, работу с благими намерениями, но не очень убедительную. Сбитый с толку каббалист Нафтали Франкфуртер жаловался на своих современников, которые высмеивали Талмуд. Трое или четверо одаренных исследователей более или менее откровенно раскрыли скрытый скептицизм. Этими тремя мужчинами, разными по характеру, образу жизни и положению, были Уриэль Акоста, Джуда Лео Модена и Джозеф Дельмедиго; возможно, мы можем добавить к этому списку Симоне Луццатто. Они пытались выявить недостатки и слабости существующего иудаизма, но ни один из них не смог предложить или применить средство правовой защиты.

Уриэль да Коста (Габриэль Акоста, родился около 1590 г., умер в апреле 1640 г.) был оригинальным персонажем, чьи внутренние волнения и внешний образ жизни не могли не привести его к конфликту с иудаизмом. Он происходил из португальской семьи маррано в Порту, члены которой искренне уверовали во Христа из-за ужасов инквизиции. По крайней мере, его отец, принадлежавший к высшим классам Португалии, стал строгим католиком. Юный Габриэль научился церковности и достоинствам кавалера у своего отца, был, как и он, хорошим наездником и прошел курс образования, правда, ограниченного, недостаточного для того времени. Он избрал единственную карьеру, доступную молодым португальцам из высшего среднего класса, благодаря которой одаренные могли добиться отличия и определенного равенства с дворянством. Он был подготовлен к юриспруденции, изучению, которое могло бы проложить путь ко второму званию, к священнослужению. Во времена его юности иезуиты уже обладали мощным влиянием на умы людей, и их методы возбуждения воображения и подчинения интеллекта путем изображения вечного проклятия и наказаний ада оказались эффективными. Ничто, кроме педантичного, механического богослужения и постоянной исповеди, не могло преодолеть ужасы ада.

Габриэль да Коста, несмотря на свою педантичную церковность, не чувствовал успокоения в своей совести. Ежедневные механические упражнения не смогли повлиять на его разум, и постоянная исповедь с целью получения отпущения грехов из уст священника доставляла ему все меньше удовольствия по мере того, как он становился более зрелым. Что-то от утонченного еврейского духа осталось в его натуре и потрясло прочно построенную католическую систему веры до основания. Чем глубже он погружался в католическое иезуитское учение, тем больше сомнений терзало его и тревожило его совесть. Однако около 1615 года он принял полуцерковную должность главного казначея в аббатстве. Чтобы развеять свои сомнения, он исследовал древнейшие записи Священного Писания. Пророки должны были разгадать загадки, которые доктрины Римско-католической церкви ежедневно преподносили ему. Свежий дух, веявший от Ветхого Завета, каким бы искаженным он ни был в своем латинском обличье, принес ему успокоение. Доктрины иудаизма казались тем более определенными, что

они были признаны Новым Заветом и Церковью, в то время как доктрины католицизма были отвергнуты иудаизмом; в одном случае было единодушие, в другом - противоречие. Да Коста принял решение оставить католицизм и вернуться в иудаизм. Обладая импульсивным, страстным темпераментом, он стремился быстро привести свое решение в исполнение. С большой осторожностью он сообщил о своем намерении своей матери и братьям — его отец был уже мертв, — и они также решили подвергнуть себя опасности тайной эмиграции, покинуть свой очаг и родину, отказаться от уважаемого положения в обществе и обменять определенный подарок на неопределенное будущее. Несмотря на яростный шпионаж Марраноса со стороны инквизиции и светских властей, семье Да Кошта удалось заполучить судно и бежать в Амстердам (примерно в 1617-18 годах). Габриэль да Коста и его братья были приняты в ковену Авраама, и Габриэль сменил свое имя на Уриэль.

Горячий по натуре, энтузиаст, чье воображение преобладало над здравым смыслом, Уриэль да Коста сформировал для себя идеал иудаизма, с которым он ожидал встретиться в Амстердаме, но который так и не был реализован. Он думал увидеть библейские условия, поддерживаемые чистыми законами Пятикнижия, реализованными в молодой амстердамской общине, и обрести возвышенность ума, которая сразу прояснила бы загадки, которые католическая церковь не могла решить. То, чего не могли предложить католические исповедники, он думал, что сможет получить у раввинов Амстердама. Да Коста строил религиозные и догматические воздушные замки и был раздосадован тем, что не встретился с ними в мире реальности. Вскоре он обнаружил, что религиозная жизнь амстердамской общины и ее установленные законы не согласуются с заповедями Моисея или Пятикнижия, а часто противоречат им. Поскольку он пошел на большие жертвы ради своих убеждений, он считал, что имеет право свободно выражать свое мнение и указывать на разрыв, который существовал между библейским и раввинским иудаизмом. Он был глубоко уязвлен, озлоблен и раздражен и позволил своим чувствам полностью завладеть собой. Он не ограничивался простыми словами, но соответствующим образом регулировал свое поведение, открыто пренебрегал религиозными обычаями и думал, что, выступая против постановлений "фарисеев" (как на языке Церкви он называл раввинов), он снискал благосклонность Бога. Тем самым он навлек на себя неприятели, которым суждено было закончиться трагически. Неужели амстердамские евреи, которые так много пострадали за свою религию, спокойно смотрели, как один из их членов открыто нападает на иудаизм и высмеивает его, стали им так дороги? Те, кто родился и вырос в ли инквизиции, не имели ни малейшего представления о терпимости и снисхождении к осуждению других. Раввины, возможно, Исаак Узиэль и Джозеф Пардо, пригрозили Да Косте отлучением от церкви, то есть исключением из религиозной общины и разрывом всех отношений с ней, если он будет упорствовать в нарушении религиозных предписаний иудаизма. Это противодействие только усилило страсть Да Кошты; он был недоволен тем, что своими жертвами приобрел новые оковы. Он продолжал пренебрегать действующими законами и в конце концов был отлучен от церкви. Родственники Уриэля, которым было легче приспособиться к новой вере, избегали его и не говорили с ним ни слова. Так Да Коста стоял один посреди огромного города. Оторванный от своей расы, друзей и родственников, чужой среди христианских жителей Амстердама, языка которых он еще не выучил, и предоставленный самому себе, он все больше и больше погружался в тонкие рассуждения. Действуя под влиянием чрезмерного раздражения, он решил опубликовать труд, враждебный иудаизму того времени, и особо подчеркнуть вопиющий контраст между ним и Библией. В качестве неопровержимого доказательства он намеревался подчеркнуть, что первое признавало только

телесные наказания и награды и ничему не учило относительно бессмертия души. Но он обнаружил, что сама Библия хранит молчание о чисто духовной будущей жизни и не вводит в круг религии идею души, отделенной от тела. Короче говоря, его исследования увели его не только от католицизма и раввинского иудаизма, но и от самой Библии. Неизвестно, как распространился слух о том, что отлученный от церкви Да Коста намеревался нанести публичное оскорбление, но его ожидали. Самуэль да Силва, еврейский врач, в 1623 году опубликовал работу на португальском языке, озаглавленную "Трактат о бессмертии Души", чтобы опровергнуть невежество некоего Оппонента, который в Заблуждении утверждает множество ошибок". В ходе работы автор прямо называл Уриэля и описывал его как "бтупого и неспособного". Да Коста считал, что его оппоненты, особенно раввины, наняли перо Да Силвы, чтобы напасть на него. Поэтому он поспешил опубликовать свой труд, также на португальском языке (1624-1625), озаглавленный "Исследование фарисейских традиций в сравнении с написанными им законами и ответ клеветнику Самуэлю да Силве". Тот факт, что он назвал своего оппонента клеветником, показывает его замешательство, поскольку он фактически утверждал то, в чем его упрекнул Да Силва, а именно, что душа не бессмертна. Поскольку теперь он недвусмысленно заявил о своем разрыве с иудаизмом, ему пришлось отвечать за последствия. До этого молодые люди открыто презирали его на улице как отлученного от церкви, еретика, эпикурейца (в талмудическом смысле); его забрасывали камнями, беспокоили и раздражали в его собственном доме (как он думал, по наущению раввинов). Теперь, после появления его труда, официальных представителей Амстердамской общины жаловалась на магистраты, что, отрицая бессмертие души, он напал на то только учение иудаизма, но также христианства, и издал ошибки. Да Коста был арестован, несколько дней продержан в тюрьме, в конце концов оштрафован на 300 гульденов, а его работа предана сожжению. Самое свободное государство того времени считало, что у него есть право следить за свободой мысли и письма и ограничивать ее; его отличие заключалось лишь в том, что оно не разжигало погребальных костров для людей. Собратья Да Кошты по расе не могли бы преследовать его очень сурово, поскольку он смог вынести отлучение от церкви в течение долгих пятнадцати лет. Только его изоляция была тяжелым бременем; он не мог вынести, чтобы его семья избегала его, как человека, зараженного чумой. Да Коста не был сильным духом человеком, мыслителем первого порядка, который мог бы жить счастливо в своем мире идей, как в безграничном пространстве, не заботясь о внешнем мире и радуясь своей уединенной свободе; он не мог обойтись без мира. Он вложил свой капитал в одного из своих братьев и думал, что это подвергнется опасности, если он продолжит войну против общины. Он подумывал о том, чтобы жениться, что было невозможно, пока он был отлучен от церкви. Поэтому он в конце концов уступил настойчивости своих родственников примириться с общиной. Он был готов, как он сказал, "быть обезьяной среди обезьян". Он исповедовал иудаизм своими устами в то самое время, когда в глубине души полностью отошел от него.

Да Коста в своих философских изысканиях натолкнулся на новое открытие. Иудаизм, даже в его чистой библейской форме, не мог иметь божественного происхождения, потому что он во многих моментах противоречит природе, а Бог, Творец природы, не может противоречить Самому Себе в откровении. Он не может предписывать какой-либо принцип в Законе, если Он внедрил в природу противоположный принцип. Это был первый шаг к деистической тенденции, появившейся тогда во Франции и Нидерландах, которые признавали Бога только в природе, а не в моральном законе и в религиозном и политическом развитии. Теория Да Кошты предполагала, что естественная религия врожденна в человеке, которая

порождает нравственный закон и достигает кульминации в любви членов семьи друг к другу. Лучшее в иудаизме и других богооткровенных религиях заимствовано из религии природы. Последние знают только любовь и единение; другие, напротив, укрепляют родителей и детей друг против друга из-за веры. Эта теория была намеком на его горечь, потому что родственники избегали его и проявляли к нему мало внимания. Да Коста, по-видимому, выдвинул в качестве религии природы то, что Талмуд называет заповедями Ноя.

Несмотря на свое полное отпадение от иудаизма, он решил, как он сам утверждает, прибегнуть к вмешательству своего племянника и, проведя пятнадцать лет в отлучении от церкви (около 1618-1633 гг.), изменить свой образ жизни и действий, сделать признание или, скорее, поставить свою подпись под таким документом, акт того, что он сам описывает как откровенное лицемерие, направленное на покупку покоя и комфорта ценой убеждения. Но его страстная натура лишает его постели и того, и другого. Он не мог наложить на себя отречение, чтобы соответствовать религиозным обычаям иудаизма, но нарушил их сразу же после своего покаянного признания. Его обнаружил один из его родственников, и все они, особенно племянник, который добился примирения, были настолько озлоблены, что преследовали его даже более безжалостно, чем те, кто был менее близок к нему. Они снова отказались от общения с ним, помешали его браку и, как говорят, причинили ему вред в его собственности. Из-за своей страстной ненависти к иудаизму, в которой он признавался своими устами, он совершил безумный поступок, который обнажил его истинные чувства. Два христианина, итальянец и испанец, приехали из Лондона в Амстердам, чтобы присоединиться к иудаизму. Когда они проконсультировались по этому поводу с Уриэлем да Коштой, он обрисовал ужасающую картину еврейской формы религии, предостерег их от того, чтобы возлагать на свои шеи тяжелое ярмо, и посоветовал им продолжать придерживаться своей собственной веры. Вопреки обещанию, двое сторонников Христа предали высказывания Да Кошты об иудаизме лидерам общины. Война между ними и ним вспыхнула с новой силой. Раввины вызвали его во второй раз перед своим трибуналом, изложили перед ним его религиозные прегрешения и заявили, что он мог избежать второго сурового отлучения от церкви, только прилюдно принеся торжественную епитимью. Скорее из чувства чести, чем по убеждению, он отказался от этой епитимьи, и поэтому был вторично подвергнут запрету, гораздо более суровому, чем первый, в котором он пребывал в течение семи лет. В течение этого времени члены общины относились к нему с презрением и даже оплевывали. Его братья и племянники вели себя по отношению к нему с величайшей строгостью, потому что думали таким образом принудить его к покаянию. Они рассчитывали на его беспомощность и слабость, и они не ошиблись.

Тем временем Да Коста достиг среднего возраста, конфликты и волнения сделали его покорным и он жаждал покоя. В судебном порядке, который он возбудил против властей Амстердама, он ничего не мог добиться, потому что не мог облечь свои жалобы в осязаемую форму; следовательно, он согласился на все, что требовалось за его унижение. Его публичное покаяние должно было быть очень суровым. В Религиозном кодексе не было определенного предписания на этот счет, которое, по сути, противоречит по духу публичному покаянию; грешник не должен признаваться вслух в своих преступлениях против религии, но молча перед Богом. Иудаизм с самого своего возникновения возражал против исповеди и механического признания грехов. По этой причине коллегии раввинов оставалось назначить форму епитимьи. Амстердамские раввины и общинный совет, состоящий из маррано, приняли за образец мрачную форму трибунала инквизиции.

Как только Да Коста согласился на свое унижение, его отвели в одну из синагог, которая была полна мужчин и женщин. Должно было состояться что-то вроде аутодафе, и его покаянию была придана максимально возможная огласка, потому что скандал был публичным. Он должен был подняться на сцену и зачитать свое признание в грехах: что он осквернил субботу, нарушил диетические законы, отрицал символы веры и советовал людям не принимать иудаизм. Он торжественно заявил, что решил больше не отвечать за подобные правонарушения, а жить как истинный еврей. По шепоту первого раввина, вероятно, Саула Мортейры, он отошел в угол синагоги, разделся до пояса и получил тридцать девять ударов бичом. Затем его обязали сесть на землю, после чего запрет был снят. Еще не удовлетворив требования властей, он был вынужден растянуться на пороге синагоги, чтобы присутствующие могли перешагнуть через него. Это была, безусловно, чрезмерная епитимья, которая была наложена на него. Не из желания преследования или мести, а из религиозной щепетильности и подражания католическим формам. Неудивительно, что позор и унижение глубоко ранили Да Кошту, который согласился на наказание не из внутреннего раскаяния, а из изнеможения. Публичный позор потряс все его существо и навел на мысли о мести. Вместо того чтобы жалеть раввинов как порождение исторических условий, он ненавидел их со жгучим чувством мести как отбросы человечества, как будто они не думали ни о чем, кроме обмана, лжи и нечестия. Его уязвленное чувство чести и воспаленное воображение видели в евреях амстердамской общины, возможно, во всех евреях на земле, своих личных, злобных врагов, а в иудаизме - организацию, побуждающую людей к ненависти и преследованиям. Думая, что он окружен злейшими врагами, и чувствуя себя слишком слабым для нового конфликта, он решил умереть, но в то же время отомстить своему главному преследователю, своему брату (или двоюродному брату). Чтобы вызвать сочувствие своих современников и потомков, он написал свою автобиографию и исповедь, которые, однако, не содержат новых мыслей, только горечь и яростные выпады против евреев, смешанные с новой клеветой на них в глазах христиан: что даже в это время они распяли бы Иисуса и что государство не должно предоставлять им свободу вероисповедания. Этот документ, составленный в разгар подготовки к смерти, не дышал ничем, кроме мести его врагам. После того, как он закончил свое страстное завещание, он зарядил два пистолета и выстрелил из одного в своего родственника, который проходил мимо его дома. Он промахнулся, поэтому закрыл дверь своей комнаты и покончил с собой другим оружием (апрель 1640 г.).

Открыв его квартиру после сообщения о выстреле, они обнаружили на столе его автобиографию "Пример человеческой жизни", в которой он привел евреев и иудаизм в бар и патетическими предложениями описал их так, как подсказало его возбужденное воображение за последний час. Этим поступком Наследи Да Коста показал, что он позволил своим чувствам взять верх над собой, а не руководствовался разумом. Он не был ни мыслителем, ни мудрецом, ни обладал мужественным характером. Поскольку его система мышления не была хорошо сбалансирована, что заставляло его выступать против того, что существовало как ложное и плохое, потому что это было у него на пути, он не произвел неизгладимого впечатления. Его еврейские современники хранили о нем упорное молчание, как будто хотели, чтобы память о нем канула в лету. Он вел себя как мальчишка, который разбивает окна в старом ветхом здании и таким образом создает сквозняк.

Второй мятежный мыслитель того времени, Лео (Иуда) бен Исаак Модена (родился в 1571 году, умер в 1649 году), был другого склада и воспитывался в другой обстановке. Лео Модена происходил из культурной семьи, которая мигрировала в Модену, в Италию, после изгнания

евреев из Франции, и чьи предки из-за недостатка интеллектуальной ясности, несмотря на свое образование, поощряли всевозможные суеверия и причудливые идеи.

Лео Модена в высокой степени обладал этой семейной экулярностью. Он был чудесным ребенком. На третьем курсе он смог прочесть отрывок из пророков; на десятом он произнес нечто вроде проповеди; на тринадцатом он написал умный диалог по вопросу о законности игры в карты и кости и сочинил элегию на смерть учителя своей юности Моисея Басулы в стихах на иврите и итальянском, имеющих одинаковое звучание, — сущий пустяк, конечно, но который в более зрелом возрасте так понравился ему, что он приказал ее напечатать. Но чудесный ребенок не превратился в замечательного мужчину, в выдающуюся личность. Модена, однако, стал обладателем удивительно разнообразных знаний. Поскольку он занимался всевозможными профессиями, чтобы прокормить себя, а именно: был проповедником, наставником евреев и христиан, чтецом молитв, переводчиком, писателем, корректором, книготорговцем, брокером, коммерсантом, раввином, музыкантом, свахой и изготовителем амулетов, так и не достигнув определенного положения, он изучал многие области знания, не выделяясь ни в одной из них. Он изучил всю библейскую, талмудическую и раввинскую литературу, был хорошо начитан в христианских богословских трудах, кое-что понимал в философии и физике, умел писать версии на иврите и итальянском — короче говоря, он прочитал все, что было доступно на трех языках: иврите, латыни и итальянском. Он запоминал прочитанное, потому что обладал превосходной памятью, изобрел метод, позволяющий обострить ее еще больше, и написал книгу на эту тему. Но Лео Модена не получал удовольствия ни от знаний, ни от поэзии; ни то, ни другое не имело для него ценности, за исключением того, что они приносили хлеб. Он проповедовал, писал книги и стихи, переводил и комментировал — и все это для того, чтобы заработать деньги, которые он тратил на карточную игру, страсть, которую он теоретически считал наиболее преступной, но на практике не мог преодолеть. В возрасте шестидесяти лет он приобрел собственность, но потерял ее быстрее, чем приобрел, промотав 100 дукатов едва ли за месяц и вдвое больше за следующий год. Знание не просветило и не возвысило его, не оказало влияния на его принципы. Лео Модена не обладал ни гением, ни характером. Недовольный собой и своей судьбой, пребывающий в постоянном беспокойстве из-за своей любви к играм и борющийся с нуждой, он стал жертвой сомнений. Религия не имела власти над его сердцем; он проповедовал другим, но не самому себе. Неверие и суеверия вели в нем постоянную войну. Он завидовал наивным верующим, которые в своей простоте не терзаются сомнениями, ожидают и, как добавил Лео, обретают счастье от скрупулезного соблюдения церемоний. Вопрошающие, с другой стороны, вынуждены бороться за свою веру и зависящее от нее счастье, и их непрестанно мучают муки сомнения. У него не было ни разумной серьезности, ни истинной убежденности, или, скорее, в зависимости от его юмора и настроения, оно у него менялось каждый день, не будучи лицемером. Следовательно, он мог сказать о себе: "Я не принадлежу к классу раскрашенных людей, мое внешнее поведение всегда соответствует моим чувствам".

Лео Модена был искренен в каждый момент. В один день он сломал копье за Талмуд и раввинистический иудаизм, а в следующий — категорически осудил их. Он не одобрял азартные игры и горевал о том, что звезды наделили его этой прискорбной склонностью, поскольку он также верил в астрологию; и все же он подготовил талмудическое решение, защищающее ее. Когда венецианская коллегия раввинов объявила о запрете на карты и кости, он указал, что азартные игры разрешены раввинскими принципами и что у запрета нет никакого оправдания. Его ученик Джозеф Чамиз, врач и мистик, однажды спросил его мнение о каббалистическом

переселении душ. Модена ответил, что, как правило, он исповедует веру в это учение, даже будучи убежден в его безумии, чтобы не быть объявленным еретиком и глупцом, но ему он готов высказать свои искренние и истинные взгляды. После этого Лео Модена подготовил работу, призванную разоблачить абсурдность и несоответствие иудаизму веры в переселение душ. Но это убеждение так слабо укоренилось в его натуре, что, получив экстраординарный опыт, он снова, по крайней мере на время, поверил в переселение душ, любимую теорию каббалы.

Венецианское гетто, должно быть, было совершенно иным местом, чем гетто Франкфурта, Праги или польско-еврейских кварталов, поскольку такие люди, как Лео Модена с его особыми принципами и Симоне Луццатто, столь же мало похожий на настоящего раввина, могли быть членами раввината. В крупнейшем итальянском сообществе рядом с Римом, насчитывающем 6000 душ, были образованные евреи, интересующиеся итальянской и общеевропейской культурой и наслаждающиеся не только социальным, но и литературным общением с христианским обществом. Стены гетто не создавали разделения между еврейским и христианским населением. В то время, в эпоху Шекспира, не было Шейлока, тем более в Венеции, который бы потребовал в качестве оплаты своего займа фунт мяса у своего христианского должника. Собственно люди, так называемые рабочие, матросы и носильщики, именно в Венеции были мягче и дружелюбнее по отношению к евреям, чем в других христианских городах. Еврейские фабриканты нанимали в лагунном городе 4000 рабочих-христиан, так что их существование зависело только от их еврейских работодателей. Во время опустошительной эпидемии, когда даже в этом хорошо охраняемом городе бразды правления ослабли и грозили выпасть из рук власть имущих, еврейские капиталисты добровольно предложили свои деньги государству, чтобы предотвратить конфуз. Среди них было немало тех, кто соперничал с образованными слоями христиан в изящном использовании итальянского языка в разговорной речи и письме, а также в создании хороших стихов. Помимо двух раввинов, Ле Моденского и Симоне Луццатто, иллюстрациями к нему являются две еврейские поэтессы, Дебора Аскарелли и Сара Копиа Суллам. Первая, жена Джозефа Аскарелли, уважаемого венецианца, переводила еврейские гимны в изящные итальянские строфы, а также сочиняла оригинальные стихи. Еврейско-итальянский поэт обратился к ней в стихах так: "Другие могут воспевать великие трофеи, ты прославляешь свой народ".

Грациозная и одухотворенная Сара Копиа (родилась около 1600 года, умерла в 1641 году) в свое время привлекала определенное внимание. Она была оригинальной поэтессой и мыслителем, и ее дары, так же как и ее изящество, принесли ей искушения и опасности. Единственная дочь богатого отца, Симона Копиа (Коппио) из Венеции, который нежно любил ее, она поддалась своей склонности к обучению и посвятила себя науке и литературе. Этой склонности она оставалась верна даже после замужества с Джейкобом Сулламом. Сара Копиа Суллам превзошла в знаниях свой пол и даже мужчин своего возраста. Она восхищалась красотой и выражала свое вдохновение в ритмичных, элегантных стихах. Молодая, привлекательная, с благородным сердцем и проницательным пониманием, стремящаяся к высоким идеалам и любимица муз, Сара Суллам очаровывала как старых, так и молодых. Ее музыкальный, хорошо поставленный голос вызывал восхищение. Когда пожилой итальянский священник Ансальдо Чеба из Генуи опубликовал героическую поэму в итальянских строфах, героиней которой была библейская Есфирь, Сара была в таком восторге, что написала восторженное анонимное письмо, полное похвал ее автору (1618). Ей было приятно видеть еврейскую героиню, ее идеал,

воспетый в стихах, и внимание культурной публики, обращенное к еврейской старине. Она надеялась, что таким образом исчезнет предубеждение против евреев того времени. Сара не скрывала от поэта, что всегда носила с собой его поэтические творения, а на ночь клала его книгу себе под подушку. Вместо того чтобы находить удовлетворение в искреннем почитании чистой женской души, Себа в своем рвении к обращению думал только о том, чтобы обратить ее в христианство. Когда он услышал, как слуга, которого он послал с подарками и стихами, перевозносит красоту Сарры, в нем пробудилась любовь к ней. Это усилилось после того, как она прислала ему свой портрет, сопроводив восторженными стихами в преувеличенном стиле того времени, в которых она сказала: "Я ношу своего кумира в своем сердце, и я желаю, чтобы все поклонялись ему". Но прекрасная венецианская еврейка не позволила заманить себя в ловушку. Она твердо придерживалась своих еврейских убеждений и раскрыла своему священническому концу причины, побудившие ее предпочесть иудаизм. Тщетно Чеба нежностью, упреками и сентиментальным томлением, намеками на свой скорый конец и страстным желанием соединиться с ней на небесах пытался поколебать ее убежденность. Когда он попросил разрешения помолиться за ее спасение, она удовлетворила его просьбу при условии, что сможет помолиться за его обращение в иудаизм.

Ее исключительное положение поэтессы и связь с высокопоставленными христианами принесли ей известность, не лишенную неприятностей. Клеветнические единоверцы распространили слух, что она легкомысленно относилась к принципам иудаизма и не до конца верила в их божественность. Беспринципный христианский священник Бальтазар Бонифаччо, позже занявший должность епископа, опубликовал работу, обвиняющую еврейку Сару Суллам в отрицании бессмертия души. Такое обвинение могло бы в католической Венеции возыметь иные последствия, чем обвинение против Уриэля да Кошты в свободомыслящем протестантском Амстердаме. Это могло быть не просто оштрафовано и заключено в тюрьму, но инквизиция могла приговорить ее к тюремному заключению, пыткам и, возможно, даже к костру. Едва оправившись от болезни, она написала (1621) манифест о бессмертии души, полный зрелой диалектики, благородного мужества и сокрушительной силы против своего клеветнического обвинителя. Посвящение ее покойному отцу трогательно, и еще более трогательна ее пылкая, похожая на псалом молитва в мелодичных итальянских стихах. Сознание того, что она, женщина и еврейка, могла полагаться не на свои силы, а только на помощь свыше, окутывает память о ней ореолом. Чем закончится это дело, неизвестно. Эпос Чебы "Эстер", вероятно, побудил Лео Модену перевести трагедию Соломона Уске на ту же тему с испанского на итальянский стих; он посвятил ее Саре Копиа, эпитафию которой сочинил мелодичными стихами на иврите.

Лео Модена также часто общался с христианами. Его своеобразный характер, общительный характер и большая образованность, а также остроумие и любовь Хик играм открыли двери христианских кругов для непостоянного раввина. Ученики-христиане сидели у его ног. Французский епископ Якоб Плантавичюс и полусумасшедший христианский каббалист Якоб Гаффарелли были его учениками. Дворяне и ученые люди переписывались с ним и позволяли ему писать им свои произведения с лестными посвящениями. Лео Модена занимал в Италии почти такое же положение, как Манассия бен Исраэль в Голландии. В разговорах серьезных людей и в веселом кругу игроков он часто слышал, как иудаистские церемонии высмеивались как детская чепуха (*Lex Judæorum, lex puerorum*). Сначала он защищал свою религию, но постепенно был вынужден признать то одно, то другое в иудаизме ущербным и нелепым; ему было стыдно быть настолько убежденным евреем, чтобы оправдывать все последствия. Его

потребности побудили его, под давлением друзей-христиан, сделать отдельные части и, наконец, весь еврейский кодекс доступным для христианской публики на итальянском языке. Английский лорд заплатил ему за эту работу с намерением передать ее королю Якову I, который претендовал на обширные познания. Впоследствии его ученик-христианин Гаффарелли напечатал эту работу под названием "Еврейские обряды" в Париже и посвятил ее французскому послу в Венеции. В этом произведении, жадно читаемом христианами, Лео Модена, подобно Хаму, обнажил наготу своего отца, выставил внутреннее святилище евреев напоказ любопытным и насмешливым взорам. Непосвященному то, что в еврейском кругу было предметом почитания, не могло не показаться мелочным, глупым и абсурдным. Лео Модена объяснил, какие церемонии и уставы используют евреи в связи со своим жильем, одеждой, домашней мебелью, вставанием и укладыванием, физическими функциями, а также всинагогах и школах. Невольно автор ассоциировал себя с теми, кто презирал иудаизм, который он, как раввин, практиковал и преподавал. Он показал, что сознавал это:

"Во время написания я фактически забыл, что я еврей, и считал себя простым, беспристрастным рассказчиком. Однако я не отрицаю, что приложил все усилия, чтобы избежать насмешек из-за многочисленных церемоний, но у меня не было намерения защищать или смягчать вину, потому что я хотел только общаться, а не убеждать".

Однако было бы ошибкой сделать из этого вывод, что Лео Модена в глубине души полностью порвал с раввинским иудаизмом. Он не был, как уже говорилось, человеком с твердыми и прочными убеждениями. Почти в то же самое время, когда он представил обряды иудаизма христианской библии, он выступил в защиту их и устного учения в целом от нападков с еврейской стороны. Гамбургский еврей маррано по происхождению выдвинул одиннадцать пунктов, чтобы показать ложность талмудической традиции. Из этих аргументов некоторые важны, другие бессмысленны. Гамбургский скептик сделал главный акцент на том, что талмудические и раввинские постановления являются дополнениями к Пятикнижию иудаизма, а Пятикнижие прямо запрещало дополнения такого рода. По желанию некоторых португальских евреев Лео Модена совместно сопроверг эти возражения, выдвинутые ученым. Его опровержение было слабым представлением и не содержало ничего нового. С Лео Моденой никогда не знаешь, был ли он искренен в своей вере или в своем неверии. Как в юности он снова и снова выдвигал доводы в пользу азартных игр, в конце концов осудил их и, тем не менее, свободно участвовал в них, так и он вел себя по отношению к талмудическому иудаизму. Он нападал на это, защищал это, выставял это нелепым и все же практиковал это с определенной степенью честности.

Спустя несколько лет после своей защиты талмудического иудаизма от гамбургского скептика он написал лучшее произведение (1624), вышедшее из-под его активного пера. С одной стороны, это была мощная атака на раввинский иудаизм, которая вряд ли была предпринята даже христианами и караимами, с другой стороны, впечатляющая его защита. Он не рискнул поставить свое собственное имя под тяжкими обвинениями против иудаизма, но использовал вымышленное имя. Ту часть, которая содержит атаки, он назвал "Голосом дурака" (Кол Сачал), а защиту - "Рыком льва" (Шаагат Арье). Лео Модена наделил двух персонажей своей двойственной натурой, разными убеждениями. Он заставляет противника иудаизма выражать себя со смелостью, которой мог бы позавидовать Уриэль да Коста. Он не только подорвал раввинский иудаизм Талмуда, но и библейский иудаизм, синайское откровение и Тору. Но удары, которые Лев Модена, под именем Ибн-раз в Алькала, в результате нападения неверия, нанесенные на устное учение, или талмудические Джадаизм, были весьма красноречивы.

Он исходит из того, что ни одна форма религии не сохраняет себя в своем первоначальном состоянии и чистоте в соответствии со взглядами своего основателя. Иудаизм также, хотя законодатель недвусмысленно предостерегал своих последователей от каких-либо добавлений, содержал множество дополнений. Толкования и комментарии многое в нем изменили. Ибн-Раз (или Лео Модена в его неверующем настроении) критически рассматривает кодекс Джейкоба Ашери и в каждом пункте отмечает дополнения, внесенные раввинами в исходный кодекс, и где они ослабили и исказили его. Он заходит так далеко, что выдвигает предложения о том, как очистить иудаизм от наростов, чтобы восстановить подлинный, древний, библейский, духовный иудаизм. Это была первая попытка реформы: упрощение молитвы синагогального богослужения, отмена обрядов, исключение второго дня праздников, смягчение законов о субботе, празднике, Песахе и даже о Дне искупления. Каждый должен был поститься только в меру своих телесных и духовных сил. Он хотел бы, чтобы ритуал забоя животных и законы о еде были отменены или упрощены. Запрет пить вино с представителями других вероисповеданий делал евреев смешными, как и строгость в отношении предполагаемого идолопоклонства. Все это, заметил в конце Ибн-Раз, или Лео Модэна, не исчерпывает тему; это лишь пример зла раввинского иудаизма. Он хорошо знал, что его объявят еретиком и будут преследовать за его откровенную критику, но если бы он смог открыть глаза хоть одному читателю, он счел бы себя щедро вознагражденным.

Если бы Лео Модена всерьез придерживался этой смелой точки зрения, которая произвела бы революцию в иудаизме его времени, если бы он высказал ее миру с глубокой убежденностью, он, без сомнения, произвел бы большой переполох в иудаизме. Но критика Талмуда была для него всего лишь умственным развлечением; он не собирался вступать в настоящий конфликт. Он сочинил ответ со столь же малой искренностью и позволил как нападению, так и защите погрузиться в свои бумаги.

Лео Модена был серьезно настроен против каббалы, которая стала для него обременительной и отталкивающей. Он чувствовал побуждение выпустить в нее разрушительные стрелы, и делал это с виртуозным мастерством. Антикаббалистическую работу, которую он посвятил своему ученику Джозефу Чамизу, энтузиасту лурьяна, он назвал "Рыкающий лев" (Ари Нохам). Со многих сторон он пролил свет на обман, абсурдность и ложь Каббалы и ее фундаментального источника, Зоара. Ни эта работа, ни его нападки на талмудический иудаизм не были им опубликованы: автор не стремился работать ни в том, ни в другом направлении. До глубокой старости он продолжал вести свой беспорядочный образ жизни, не стремясь к реальному совершенствованию. Лео Модена умер, устав от конфликта не с богами (*т. е.* Идеями) и людьми, а с самим собой и с теми неприятностями, которые он сам на себя навлек.

Внешне похожим, но коренным образом отличающимся от него, был третий копатель того периода: Джозеф Соломон Дельмедиго (родился в 1591 году, умер в 1655 году). Отпрыск старой и благородной семьи, у, в среде которой культивировались наука и Талмуд, и правнук по женской линии ясного мыслителя Элиаса дель Медиго, он лишь слегка походил на других членов своего дома. Его отец, раввин из Кандии, не только приобщил его к талмудической литературе, но и заставил выучить греческий. Позже Дельмедиго овладел литературными языками того времени, итальянским и испанским в дополнение к латыни. Знание языков, однако, было лишь средством для достижения цели. В Падуанском университете он получил свое научное образование; он проявил явную склонность к математике и астрономии и мог похвастаться тем, что его наставником был великий Галилей, первооткрыватель законов

неба, мученик естествознания. Благодаря ему он познакомился с коперниканской системой солнца и планет. Ни Дельмедигу, ни какой-либо другой верующий еврей не питали иллюзий, что стабильность солнца и движение земли противоречат Библии и, следовательно, еретичны. Дельмедигу также изучал медицину, но только как профессию; его любимым предметом по-прежнему оставалась математика. Он обогатил свой ум всеми сокровищами знаний, даже более разнообразными, чем у Лео Модены, к которому во время своего пребывания в Италии он прилепился как ученик своего учителя. В кругу еврейско-итальянских полусвободномыслящих он утратил простую веру, которую привез из дома, и им овладели сомнения относительно истинности традиции, но он не был достаточно воодушевлен стремлением к истине, чтобы преодолеть эти сомнения и утвердиться в ранней вере, на которой он был воспитан, или беспощадно разоблачать ложные элементы в еврейской традиции. Джозеф Дельмедигу был так же мало создан для того, чтобы стать мучеником за свои убеждения, как и Лео Модена, последний из-за непостоянства, первый - из-за неискренности.

С сомнением в сердце он вернулся в свой дом в Кандии и был оскорблен своим свободным образом мыслей, особенно тем, что отдавал предпочтение светским знаниям. Он нажил врагов, которые, как говорят, преследовали его, и был вынужден покинуть свою родину. Затем началась кочевая жизнь, которая гнала его из города в город, подобно его образцу Ибн-Эзре. Подобно ему, он заводил друзей с караимами, где бы ни встречал их, и они толпами устремлялись к нему. В Каире Дельмедигу отпраздновал полный триумф своими математическими знаниями, когда старый учитель математики-магометанин Али Ибн-Рахмадан вызвал его, юношу, на публичный поединок, в котором Али был побежден. Победивший воин был достаточно великодушен, чтобы оказать честь Али перед всем миром. Вместо того чтобы отправиться в Палестину, как он намеревался, Дельмедигу отправился в Константинополь; здесь он также примкнул к кругу караимов и, наконец, проследовал через Валахию и Молдавию в Польшу. Там, не добывая себе хлеба математикой, он занимался медициной, о которой, однако, узнал больше из книг, чем у постели пациентов. В Польше он слыл великим врачом и был принят на службу к князю Радзивиллу в Вильне (около 1619-1620). Раньше из-за чрезмерного внимания, уделяемого Талмуду, общая культура была подорвана, но молодежь и мужчины, жаждущие знаний, особенно караимы, толпами стекались в Дельмедигу, чтобы утолить свою жажду знаний. Полусумасшедший караим Серах бен Натан из Трока, имевший склонность к раввинскому иудаизму, чтобы продемонстрировать свои обширные познания, с притворным смирением поставил перед ним ряд важных вопросов, на которые Дельмедигу должен был ответить без обиняков, и прислал ему соболиный мех для польской зимы.

Дельмедигу использовал это в своих интересах, чтобы придать себе вид выдающейся личности в Польше, окутать себя тишиной и уединением. Сначала он отвечал на вопросы Сераха не лично, а через одного из своих товарищей, помощника и последователя Мозеса Меца. Этот человек описывал своего учителя как избранный интеллект, полубога, который нес в своем мозгу все человеческие и божественные знания. Он обрисовал свою внешность и характер, свои занятия и поведение, регламентированные, по его словам, высшей мудростью, сообщил информацию о своем происхождении из ученой и выдающейся семьи со стороны отца и матери и, как рупор своего учителя, внушил доверчивому караиму, что он написал труды по всем отраслям знания, которым мир был бы поражен, если бы они вышли на свет. Мец также поделился Серахом некоторыми теориями своего учителя в области математики, религии и философии, и таким образом еще больше запутал разум Сераха. В своих сообщениях об иудаизме, которые Дельмедигу сделал либо сам, либо через Мозеса Меца, он был очень осторожен;

кое-где, это правда, он допускал проблеск неверия, но быстро покрывал его дымкой ортодоксальности. Только там, где он мог сделать это без опасности, Дельмедигвыражал свое истинное мнение.

Когда он, наконец, собственноручно отправил караиму ответ на письмо (около 1621 г.), он не скрывал своих истинных взглядов, но заявлял о своем предпочтении караизму и его древним учителям, незаслуженно восхвалял их, превозносил науку и высмеивал заблуждения каббалы и ее приверженцев. В том же письме Сераху Дельмедиго позволил себе насмешки над Талмудом и счел, что караимам повезло, что они смогли обойтись без него. Ему нечего было бояться, когда он изливал душу перед своим караимским поклонником.

В целом Дельмедиго, похоже, чувствовал себя в Польше не в своей тарелке. Он не мог кутить со знатью, которую посещал профессионально, из страха перед евреями, а в такой бедной стране невозможно было заработать многолет. Поэтому он отправился через Данцик в Гамбург, где недавно разрешили поселиться португальской общине. Его познания в медицине, похоже, не пользовались большим уважением в городе на Эльбе. Каково было его мастерство в спорте по сравнению с мастерством Де Кастросов, отца и сына? Он был вынужден, чтобы прокормиться, взять на себя определенную часть раввинских обязанностей, хотя бы в качестве проповедника. Ради хлеба насущного ему приходилось лицемерить и выступать в пользу раввинского иудаизма. Да, чтобы рассеять слух из Польши, который представлял его еретиком, он не стыдился восхвалять Каббалу, которую незадолго до этого осудил, как высшую мудрость, перед которой философия и все науки должны быть немы. С этой целью он подготовил свою защиту "тайной доктрины", опровергая сокрушительные аргументы против нее одного из его предков, Элиаса Дель Медиго. Его работа была из тех, что пускают пыль в глаза невежественной толпе; в ней было немногознаний по самым разным предметам, но ни следа логики. Он был слишком умен, чтобы придерживаться застенчивого стиля тупой доверчивости, и не мог удержаться от сатиры. Он защищал подлинность "Зоара" как древнего произведения Симона бар Йохая или, по крайней мере, его школы. Он утверждал, что никого не должны шокировать его многочисленные несоответствия и абсурдности; Талмуд также содержит немало таких примеров, и все же это священная книга. Чтобы спасти свою репутацию в глазах более умных людей, Дельмедиго намекнул, что защищал Каббалу только по необходимости. Мы не должны, говорит он, поверхностно судить о характере автора по его словам. Он, например, писал эту защиту Каббалы по желанию высокопоставленного покровителя, который был влюблен в нее. Если бы этот картофель пришел к другому мнению и потребовал атаки на Каббалу, он не отказал бы ему. В заключение он замечает, что студенты-философы, без сомнения, высмеяли бы его за то, что он отвернулся от мудрости и предался безумию; но он предпочел бы, чтобы его всю жизнь называли глупцом, чем хоть на час согрешить против благочестия.

Эту работу, начатую в Гамбурге, Дельмедиго не смог там закончить. Разразилась эпидемия, которая вынудила его, хотя он и был врачом, перебраться в Глюкштадт. В этой маленькой общине, где, по его словам, не было ни города (Stadt), ни удачи (Glück), он не мог найти средств к существованию и около 1629 года отправился в Амстердам. Он не мог пытаться заниматься медицинской практикой в городе, где жили врачи еще более высокого ранга, чемхан в Гамбурге, и поэтому был вынужден во второй раз взять на себя функции раввина. Чтобы показать свою значимость, он напечатал свои научные ответы на вопросы своих польских поклонников с пышными панегириками, облаками ладана и глупым почтением, которое оказал ему молодой караим Серах. Это произведение истинно польского беспорядка, в котором

математические теоремы и научные проблемы обсуждаются сбивчиво, наряду с философскими и теологическими вопросами. Дельмедигο позаботился о том, чтобы не публиковать свои нападки на Каббалу и Талмуд, а также свое предпочтение караимам — короче говоря, все, что он написал, чтобы угодить богатому Сераху. Вместо того чтобы опубликовать энциклопедический труд, который, по его хвастливым словам, он сочинил в ранней юности, охватывающий все науки и решающий все вопросы, он выпустил простую мешанину.

Община Амстердама в то время была полна подозрений по отношению к философии и культуре из-за безрассудного поведения Да Коста, и поэтому Дельмедигο счел целесообразным отвести от себя все подозрения в неверии и приобрести репутацию сторонника строжайшей ортодоксальности. Это откровенное лицемерие не вызвало должного отклика. Правда, его назначили проповедником и частично раввином в Амстердаме или его окрестностях, но он смог остаться в Голландии лишь на несколько лет. Каким бы бедным и неуравновешенным он ни был, около 1630 года он отправился со своей женой во Франкфурт-на-Майне в поисках средств к существованию. Но здесь, в немецкой общине, где раввинское образование было распространено, он не мог получить раввинскую должность; но он мог использовать свои медицинские знания, какими бы скудными они ни были, для объяснения причин. Поскольку он не чувствовал призвания ни к должности раввина, ни к медицинской практике, ему было безразлично, сменил ли он мантию проповедника на мантию врача. Он был нанят, в невыносимых условиях, в качестве общинного врача (14 февраля 1631 года). Как долго он оставался во Франкфурте, неизвестно; его положение не могло быть благоприятным, поскольку он переехал в Прагу (около 1648-1650 гг.) и поселился в этой самой заброшенной общине. Позже (1652) он был в Вормсе, вероятно, лишь временно, и закончил свою жизнь, которая так много обещала и так мало реализовала, в Праге. Он также не опубликовал ни одной части своего великого труда, о котором объявил с такой помпезностью.

В какой-то мере Симона (Симха) Луццатто (родился в 1590 году, умер в 1663 году) можно причислить к числу скептиков того времени. Одновременно с Лео Моденой он был раввином в Венеции. Луццатто не был выдающейся личностью, но у него было больше солидности, чем у его коллеги Модены или Дельмедигο. Последний, знавший его лично, хвалил его как выдающегося математика. Он также был хорошо начитан в древней и современной литературе. Его прямота и любовь к истине, которые он никогда не отрицал, отличали его больше, чем его знания. Притча, которую Луццатто написал на итальянском в юности, показывает его взгляды, а также зрелость мышления и то, что он рано задумался об отношении веры к науке. Он вкладывает свои мысли в уста Сократа, отца греческой мудрости. В Дельфах была создана академия для исправления ошибок человеческого знания. Разум немедленно подал прошение из темницы, где ее так долго держали ортодоксальные власти, об освобождении. Хотя главные представители знания, Пифагор и Аристотель, выступили против этой просьбы и предостерегли против ее освобождения, потому что, будучи свободной, она породила бы и распространила повсюду самые ужасные ошибки, все же академия отпустила ее на свободу; ибо только таким способом можно было продвигать знание. Новновь освобожденные умы причинили большой вред, и академики были в растерянности, что делать. Затем встал Сократ и в длинной речи объяснил, что разум и власть, если позволить им править единолично, приведут лишь к ошибкам и вреду; но если взаимноограничить, разум откровением и откровение разумом, они смешаются в правильной пропорции и создадут прекрасную гармонию, посредством которой человек может достичь своей цели здесь, внизу, и в будущей жизни. Эта мысль о том, что разум и вера должны регулировать и присматривать друг за другом, которая во времена Маймуни

стала обычным явлением, в этот период, под властью Каббалы Лурьи, считалась в еврейских кругах смелым нововведением.

Симоне Луццатто не позволил заманить себя в ловушку каббалистических заблуждений; он не отказывался от здравого смысла; он был верующим, но при этом трезвомыслящим. Он не разделял заблуждения Манассии бен Израэля и других, что потерянные колена Израилевы существовали в какой-то части мира, наслаждаясь независимостью как военная держава. Как трезвые еврейские исследователи прошлых времен, он предположил, что откровение Даниила не указывает на будущего Мессию, а лишь отражает исторические события. Он сочинил работу о нравах и верованиях евреев, которую предлагал показать "верой всея, без усердия и страсти". Вероятно, это было задумано как аналог представления Лео Модены, которое бросало тень на иудаизм.

Работа Луццатто в защиту иудаизма и евреев под названием "Трактат о положении евреев" является выдающейся. Это красноречиво говорит о его практическом, трезвом мышлении, о его любви к истине, его привязанности к иудаизму и его солидных знаниях. Он хотел посвятить его не какому-то отдельному покровителю из лести, а друзьям истины в целом. Он заклинал этих друзей не относиться к остаткам древнееврейской нации, даже если они изуродованы страданиями и опечалены долгим угнетением, более легкомысленно, чем к изуродованному произведению искусства Фидия или Лисиппа, поскольку все люди были согласны с тем, что эта нация когда-то воодушевлялась и руководилась величайшим из Мастеров. Удивительно, какими глубокими знаниями обладал раввин о торговле того времени и о влиянии на нее политического положения европейских и соседних азиатских государств. Целью его защиты было прежде всего обезоружить недоброжелательность некоторых венецианских патрициев по отношению к евреям в этом строго управляемом государстве. Простые люди не испытывали особой антипатии к евреям; в какой-то степени они жили за их счет. Но среди тех, кто имел долю в правительстве, были фанатичные религиозные фанатики и завистливые противники, которые выступали за дальнейшие ограничения или даже изгнание. Их не устраивало, что венецианские евреи, которые, будучи запертыми в гетто, не обладали ни землей, ни правом заниматься ремеслом, конкурировали с ними в финансах и торговле. Торговый город Венеция, намного превзойденный новыми морскими державами, Голландией и Англией, которые постепенно получили контроль над торговлей с Левантом, увидел, что многие из его крупных торговых домов оказались в ужасающей нищете, когда на их место пришли новые еврейские капиталисты и захватили левантийский бизнес. Искусными поворотами и деликатными намеками Луццатто дал понять венецианским политикам, что истощение ускоряет падение республики. Преуспевающие заботились только о том, чтобы сохранить то, что они приобрели, и получать от этого удовольствие, а прежняя венецианская торговля, казалось, попадала в руки иностранцев. Таким образом, евреи стали благословением для государства. Было более целесообразно оставить свою обширную торговлю, особенно на Востоке, местным евреям и защищать их, чем видеть, как она перенаправляется в соседние города или чужеземцам, которые образовывали государство в государстве, не всегда подчинялись законам и постепенно вывозили наличные деньги из страны. Луццатто подсчитал на основе статистических данных, что евреи ежегодно вносили в республику более 250 000 дукатов, что они давали хлеб 4000 рабочим, поставляли домашнюю продукцию по дешевой цене и получали товары из дальних стран. Раввин должен был довести это политико-экономическое соображение, имеющее жизненно важное значение для островной республики, до сведения мудрых советников. Луццатто также обратил внимание на важное преимущество, которым недавно

была еврейская столица, когда во время эпидемии и роспуска политического правительства евреи спонтанно предложили деньги государству, чтобы предотвратить конфуз.

Луццатто также защищал евреев от нападков с религиозной стороны, но в этом пункте его изложение не является окончательным. Если он выявил яркие черты своих еврейских современников, он ни в коем случае не обошел молчанием их темные стороны, и это делает ему честь. Луццатто изобразил их следующим образом. Как бы ни отличались манеры венецианских евреев от их собратьев в Константинополе, Дамаске, Германии или Польше, у всех них есть нечто общее:—

"Это нация робкого и недужного нрава, в настоящее время неспособная к политическому управлению, занятая только своими отдельными интересами и мало заботящаяся об общественном благе. Экономность евреев граничит со скупостью; они поклонники старины и не обращают внимания на нынешний ход вещей. Многие из них необразованны, у них нет вкуса к учебе или знанию языков, и, следуя законам своей религии, они преувеличивают до самой болезненной степени. Но у них есть и заслуживающие внимания особенности — твердость и выносливость в своей религии, единообразие доктринального учения на протяжении более чем пятнадцати столетий с момента рассеяния; удивительная стойкость, которая заставляет их если не подвергаться опасностям, то все же переносить жесточайшие страдания. Они обладают знанием Священного Писания и его толкования, мягкостью и гостеприимством по отношению к представителям своей расы — персидский еврей в некоторой степени страдает от недостатков итальянца — строгого воздержания от плотских утех, необычайной заботливости о сохранении семьи незапятнанной и умении решать сложные вопросы. Они покорны и уступчивы ко всем, только не к своим собратьям по религии. Недостатки евреев носят скорее характер трусости и подлости, чем жестокости и зверства".

Какова была позиция Луццатто по отношению к Талмуду, он не высказал четко, а лишь объяснил в общих чертах, что есть три или четыре класса евреев: талмудисты или раввиниты, которые придерживаются устного закона, равного авторитету Библии; во-вторых, философский и культурный класс; и, наконец, каббалисты и караимы. Еще он дал понять, что он проводит в талмудические традиции тpUE; в то время как он рассматривал Каббалу не как евреев, но платонические, пифагорейские, и гностического происхождения. Один из его учеников рассказывает о нем, что он высмеивал каббалистов и считал, что их теория не претендует на звание традиции; ей не хватало Святого Духа.

Эти четыре мыслителя, более или менее неудовлетворенные иудаизмом того времени, которые были наделены таким большим умом, знаниями и красноречием, все же оказали очень небольшое влияние на своих еврейских современников и, таким образом, ни в малейшей степени не пробились сквозь господствующую темноту. Луццатто писал лишь для ограниченного круга читателей и не наносил и не желал наносить тяжелых ударов по иудаизму. Уриэль да Коста промахнулся из-за своего вспыльчивого, нетерпеливого нрава; Лео Модене сам был слишком колеблющимся, гонимым туда-сюда ветром противоречивых мнений, чтобы приобрести серьезные убеждения и бороться за них. Его нападки на слабую сторону иудаизма, как уже говорилось, были сделаны в частном порядке. Джозеф Дельмедиго причинил больше вреда, чем пользы своей неискренностью и лицемерием. Лишенный характера, он пал так низко, что высказался в пользу запутанных доктрин Каббалы, и весом своих знаний подтвердил

и усилил заблуждение толпы. Но с двух других сторон, двумя совершенно противоположными характерами, были нанесены иудаизму тяжелые удары, угрожавшие полностью разрушить его. Разум, воплощенный, так сказать, в одном еврее, и неразумие, воплощенное в другом, объединились, чтобы относиться к иудаизму как к аболи, отброшенной и распавшейся, и, так сказать, свергнуть Бога Израиля.

ГЛАВА IV. СПИНОЗА И САББАТАЙ ЦЕВИ.

Молодость и образование Спинозы—Его интеллектуальный разрыв с иудаизмом—Новые мученики инквизиции—Раввины и Спиноза—Отлучение от церкви—"Трактат" и "Этика" СпинозыА. —Труды Спинозы об иудаизме—Современники Спинозы в Амстердаме—Де Пас и Пенсо—Мистический персонаж 1648 и 1666 годов—Ранняя карьера Саббатай Цеви—Иерусалимская община—Путешествия Саббатай—Натан Газати—Саббатай, объявленный в Смирна как Мессия—Распространение восторженной веры в псевдомессию-Мануэль Тексейра—Ритуальные изменения, внесенные саббатианцами—Саббатай отправляется в Константинополь—Неемия Козн—Отступничество Саббатай Зеви от ислама и его последствия —Продолжение саббатианского движения—Смерть Саббатай и Спинозы —Результаты самозванства саббатианцев.

1656-1677 гг. н. э.

В то время как Манассия бен Исраэль ревностно трудился над завершением структуры иудаизма, ускоряя наступление мессианской эры, один из его учеников применил интеллектуальный рычаг, чтобы разрушить это здание до основания и превратить его в бесформенную кучу пыли. Он серьезно относился к тому, что для Лео Модены было всего лишь развлечением. Еврейская раса снова принесла в мир глубокого мыслителя, того, кто должен был радикально исцелить человеческий разум от его укоренившихся извращений и ошибок и предписать ему новое направление, чтобы он мог лучше понять связь между небом и землей, между разумом и материей. Подобно своему предку Аврааму, этот еврейский мыслитель желал разбить вдребезги всех идолов и суетные изображения, перед которыми люди до сих пор преклонялись из страха, обычая и лени, и открыть им нового Бога, не восседающего на небесной высоте за пределами их досягаемости, но живущего и движущегося внутри них, храмом которого они сами должны быть. Его влияние было подобно влиянию бури, оглушающей и сокрушающей, но также очищающей и освежающей.

Вспышки молний этого великого философского гения нанесли величайший ущерб иудаизму, который был ближе всего к нему. В условиях деградации религии его времени и ее приверженцев даже его пылкий взгляд не мог распознать прекрасную фигуру, скрытую под отвратительной внешностью.

Этим великим мыслителем, самым известным философом своего времени, принесшим обновленное искупление, был Барух Спиноза (на самом деле Эспиноза, родился в Испании в 1632 году, умер в 1677 году). Он принадлежал к семье, не отличавшейся ни умом, ни богатством. Ничто при его рождении не предвещало, что он будет править более двух столетий в качестве короля в

царстве мысли. Вместе со многими другими мальчиками он посещал еврейскую школу, состоящую из семи классов, недавно открытую в Амстердаме, куда переехали его родители. Обладая своими экстраординарными талантами, он, несомненно, шел в ногу с требованиями школы, если не превышал их. На тринадцатом или четырнадцатом году жизни Манассия бен Исраэль, вероятно, приобщил его к изучению Талмуда и посвятил в грамматику иврита, риторику и поэзию. Он получил последние наставления по раввинским знаниям от Саула Мортайры, величайшего талмудиста своего времени в Амстердаме. Вместе со Спинозой Мортайра учил других, которые позже оказали большее или меньшее влияние на еврейскую историю, но были совершенно другого склада.

Моисей Закут (1630-1697), потомок знаменитой семьи с таким именем, считался первым учеником Мортайры. С юности, со своим пристрастием к мистицизму и поэзии, он составлял прямую противоположность Спинозе. Он любил все неточное и неясное, Спиноза - ясное и определенное. Два инцидента могут послужить для описания Моисея Закута. В юности его спросили, что он думает о сказочных повествованиях раббы Бар-Бар-Ханы в Талмуде, которые похожи на рассказы Мюнхгаузена, и он ответил, что считает их историческими. В молодости он выучил латынь, как и большинство португальских юношей в Амстердаме. Позже он так пожалел о том, что выучил этот язык, что постился сорок дней, чтобы забыть его, потому что, как он думал, этот язык дьявола был несовместим с каббалистической истиной. Другим соучеником Спинозы был Исаак Наар (Нахар), также мистик, злобный и не слишком щепетильный по натуре.

Жажда знаний побудила Спинозу выйти за пределы ограниченного круга занятий, проводимых в лекционном зале Мортайры. Он погрузился в труды старыхеврейских мыслителей, трое из которых одинаково привлекали и отталкивали его: Ибн-Эзра с его свободомыслием и скрытностью, Моисей Маймуни с его искусственной системой, направленной на примирение веры и науки, иудаизма и философии, и Хасдай Крескас с его враждебностью к традиционной философии. Спиноза также чувствовал себя как дома в Каббале, основные доктрины которой стали доступны благодаря Абрахаму де Эррере и Исааку Абоабу. Эти различные элементы бурлили и бродили в его уме, который требовал проницательности, и возбуждали в его груди мучительные сомнения, которым главным образом способствовало скрытое неверие Ибн-Эзры. Говорят, что пятнадцатилетний юноша Спиноза выразил свои сомнения в форме вопросов своему учителю Мортайре, которые, возможно, несколько неозадачили раввина, привыкшего идти проторенными путями. К этим элементам скептицизма, переданным ему из еврейской литературы, извне добавились другие. Спиноза выучил латынь, что само по себе не было чем-то примечательным, поскольку, как уже отмечалось, почти всяеврейская молодежь Амстердама, а также христиане из образованных классов Голландии рассматривали этот язык как средство распространения культуры. Но он не довольствовался поверхностными знаниями; он хотел глубоко проникнуться классической литературой. Он обратился за наставлениями к выдающемуся филологу своего времени, доктору Францу ван ден Эндену, который читал лекции в Амстердаме знатной молодежи, местной и иностранной. Здесь, общаясь с образованной христианской молодежью, он научился придерживаться точки зрения, отличной от той, которая была распространена в лекционном зале Мортайры и в еврейских кругах. Ван ден Энден также оказал сильное влияние на его мышление. Хотя он и не был атеистом, он был человеком скептического и сатирического склада, который высмеивал религиозные обычаи и предрассудки и разоблачал их слабости. Но то, что с ним было предметом юмора и остроумия, побуждало восприимчивый и аналитический ум Спинозы к глубоким размышлениям и медитации. Естественные науки, математика и физика, которыми он занимался с

преданностью, и новорожденная, внушительная философия Декарта (Картезия), к которой его ум имел особую склонность, расширили круг его зрения и прояснили его суждения. Чем больше он впитывал идеи из различных источников, ассимилируя их с теми, которые были ему присущи, и чем больше развивалось его логическое понимание, тем больше он отчуждался от иудаизма в его раввинских и каббалистических проявлениях, и любовь к ученой дочери Ван ден Эндена не требовалась, чтобы сделать его извращенцем еврейской веры.

Независимый, рассудительный разум, который пренебрегает тем, что является традицией или освящено временем, и следует своим собственным законам, был его любовницей. Ей он посвятил чистое, безраздельное поклонение, и она заставила его порвать с унаследованными взглядами. Все, что не могло быть оправдано перед неумолимым трибуналом ясного человеческого видения, сошло у него за суеверие и затуманенные мысли, если не за действительное безумие. Его горячее стремление к истине, чистой правде и определенности привело его к полному разрыву с религией, которую он любил с детства; он не только отверг талмудический иудаизм, но и признал Библию творением человека. Очевидные противоречия в книгах Священного Писания, по-видимому, впервые вызвали у него сомнения относительно их богодухновенности. Должно быть, ему стоило тяжелой борьбы отказаться от обычаев и мнений, которые были ему дороги благодаря многочисленным связям, и стать, в определенной степени, новым человеком. Ибо Спиноза был в такой же степени моральным персонажем, как и глубоким мыслителем. Считать что-либо ложным в теории, и все же из страха, привычки или выгоды применять это на практике было для него невозможно. Он был устроен иначе, чем его почитаемый учитель Декарт, который держал подальше от церкви зажженный им факел истины, сделал разрыв между теорией и практикой, чтобы не оскорблять эту церковь, и, например, поклялся совершить паломничество к Богородице о.ф. Лоретто ради успеха своей системы и ее разрушительной тенденции. Согласно идее Спинозы, каждое действие должно быть истинным отражением разума. Когда он больше не мог находить истину в иудаизме, он не мог заставить себя следовать его ритуальным предписаниям. Он перестал посещать синагогу, больше не заботился о субботе и праздниках и нарушал законы, касающиеся питания. Он не ограничился отречением от иудаизма, но делился своими убеждениями с молодыми людьми, которые искали его наставления.

Представители общины Амстердама были тем более обеспокоены ежедневно растущими сообщениями об отчуждении Спинозы от иудаизма и его враждебности к нему, поскольку они в какой-то мере рассматривали одаренного юношу как своего выразителя и твердую поддержку религии их отцов, подвергшейся опасности. Теперь следовало опасаться, что он откажется от нее, перейдет в христианство и посвятит свои интеллектуальные способности борьбе против своей материнской веры. Могли ли представители этой веры, коллегия раввинов и светские главы общины равнодушно взирать на это систематическое пренебрежение иудаизмом в их среде? Из Испании и Португалии постоянно прибывали беглецы, которые отказывались от своего высокого положения и ставили на карту жизнь и имущество, чтобы остаться верными иудаизму. Другие, непреклонно приверженные вере своих отцов, позволяли тащить себя в мрачные тюрьмы инквизиции или с веселой отвагой взбирались на погребальный костер. Современный писатель, очевидец, сообщает:

"В Испании и Португалии есть монастыри, полные евреев. Немало людей таят иудаизм в своем сердце и притворяются христианками из-за мирских благ. Некоторые из них чувствуют угрызения совести и сбегают, если могут. В этом городе (Амстердам) и в

нескольких других местах у нас есть монахи, августинцы, францисканцы, иезуиты, доминиканцы, которые отвергли идолопоклонство. В Испании есть епископы и почтенные монахи, чьи родители, братья или сестры живут здесь (в Амстердаме) и в других городах для того, чтобы иметь возможность исповедовать иудаизм".

В то самое время, когда Спиноза отошел от иудаизма, дым и пламя от погребальных костров еврейских мучеников поднялись в нескольких городах Испании и Португалии, в Куэнке, Гранаде, Сантьяго-де-Компостела, Кордове и Лиссабоне.

В последнем-по имени города Видного Маррано, Мануэль Фернандо-де-Вилья-Реал, государственного деятеля, писателя, публициста, поэта, который проводил консульским вопросам португальский суда в Париже, вернулся в Лиссабон по делам, был захвачен Inquisition, с кляпом во рту, и ведут на казнь (1 декабря 1652). В Куэнке в один день (29 июня 1654 г.) пятьдесят семь христиан-прозелитов, обратившихся в иудаизм, были притащены на аутодафе. Большинство из них получили лишь телесные наказания с потерей имущества, но десять были сожжены заживо. Среди них был выдающийся человек, придворный шорник Бальтазар Лопес из Вальядолида, который сколотил состояние в 100 000 дукатов. Он эмигрировал в Байонну, где терпимо относились к небольшой общине бывших маррано, и вернулся в Испанию только для того, чтобы убедить племянника вернуться в иудаизм. Он был схвачен инквизицией, подвергнут пыткам и приговорен к смертной казни через веревку и кол. По пути на эшафот Бальтазар Лопес высмеял инквизицию и христианство. Он воскликнул палачу, собиравшемуся связать его: "Я не верю в вашего Христа, даже если вы свяжете меня", - и бросил крест, который ему навязали, на землю. Пять месяцев спустя двенадцать маррано были сожжены в Гранаде. Снова, несколько месяцев спустя (март 1655 г.), многообещающий двадцатилетний юноша Маркос да Алмейда Берналь, еврейское имя которого было Исаак, умер на костре; а два месяца спустя (3 мая) Авраам Нуньес Берналь был сожжен в Кордове.

Каждый, кто в амстердамской общине умел сочинять стихи на испанском, туземском или латыни, воспевал или оплакивал мученическую смерть двух Берналей. Была ли верна точка зрения Спинозы о том, что все эти мученики и тысячи еврейских жертв, все еще преследуемых инквизицией, преследовались заблуждением? Могли ли представители иудаизма допустить, чтобы в их ближайшем окружении безпорицания распространялась идея о том, что иудаизм - всего лишь устаревшее заблуждение?

Коллегия раввинов, в которой заседали два главных хахама, Сол Мортейра и Исаак Абоаб — Манассия бен Исраэль в то время жил в Лондоне, — установила факт изменения мнения Спинозы и собрала доказательства. Обвинить его в вероотступничестве было нелегко, поскольку он не высказывал своих мыслей вслух на рыночной площади, как Уриэль да Коста объявил о своем разрыве с иудаизмом. Кроме того, он вел тихую, замкнутую жизнь и мало общался с мужчинами. Его избегание синагоги - первое, что, вероятно, привлекло внимание, - не могло стать предметом обвинения раввинов. Возможно, что, как рассказывают, двое его товарищей по учебе (один, возможно, хитрый Исаак Наар) набросились на него, вывели из себя и обвинили в неверии и презрении к иудаизму. Спинозу вызвали, судили и увещевали вернуться к своему прежнему образу жизни. Суд раввинов поначалу не применил к нему суровость, поскольку он был любимцем своего учителя и любим в общине за свою скромную осанку и нравственное поведение. В силу твердости своего характера Спиноза, вероятно, не пошел ни на какие уступки, но настаивал на свободе мысли и поведения. Без сомнения, вследствие этого

он был подвергнут меньшему отлучению от церкви, то есть близкие сношения с ним были запрещены в течение тридцати дней. Это, вероятно, причинило меньше боли Спинозе, который, будучи эгоцентричным, находил достаточный ресурс в своем богатом мире мысли, чем поверхностному Да Кошты. Кроме того, у него были друзья-христиане, и поэтому он не внес никаких изменений в свой образ жизни. Эта твердость, естественно, была истолкована как упрямство и неповиновение. Но раввинат, а также светские власти общины не хотели применять к нему строгость раввинского закона, чтобы не толкать его на крайнюю меру, то есть в объятия Церкви. Какой вред может нанести обращение в христианское вероисповедание столь замечательного юноши недавно основанной общине, состоящей из евреев с христианскими реминисценциями! Какое впечатление это произвело бы на маррано в Испании и Португалии? Возможно, скандал, вызванный отлучением Да Кошты от церкви, все еще живущий в памяти людей, возможно, сделал повторение невозможным. Поэтому раввины частным образом предложили Спинозе, через его друзей, ежегодную пенсию в тысячу гульденов при условии, что он не предпримет никаких враждебных шагов против иудаизма и время от времени будет появляться в синагоге. Но Спиноза, хотя и был молод, обладал настолько решительным характером, что деньги не могли заставить его отказаться от своих убеждений или лицемерить. Он настаивал, что не откажется от свободы исследования и мысли. Он продолжал пропагандировать еврейской молодежи доктрины, подрывающие иудаизм. Таким образом, напряжение между ним и представителями иудаизма с каждым днем становилось все больше; обе стороны были правы, или воображали, что были правы. Фанатик в Амстердаме думал, что сможет положить конец этому бунту ударом кинжала, направленным на опасного отступника. Он подстерег Спинозу у выхода из театра и ударил философа его смертоносным оружием. Но последний вовремя заметил движение противника и уклонился от удара, так что пострадала только его шерсть. Спиноза покинул Амстердам, чтобы избежать опасности покушения, и отправился в дом друга, также преследуемого господствующей кальвинистской церковью, приверженца секты рейнсбургцев, или коллекционеров, которые жили в деревне между Амстердамом и Удеркерком. О примирении между Спинозой и синагогой больше не могло быть и речи. Раввины и светские власти общины наложили на него еще большее отлучение от церкви, провозгласив его на португезском языке в четверг, 6 Ав (24 июля) 1656 года, незадолго до поста в память о разрушении Иерусалима. Приговор был торжественно произнесен в синагоге с кафедры перед открытым Ковчегом. Приговор был следующим:

"Советіі давно обратил внимание на порочные взгляды и действия Баруха д'Эспинозы, и их количество с каждым днем увеличивается, несмотря на попытки вернуть его обратно. В частности, он учит и провозглашает ужасную ересь, о которой имеются заслуживающие доверия свидетели, давшие свои показания в присутствии обвиняемого".

Все это, продолжали они, было доказано в присутствии старейшин, и совет постановил подвергнуть его запрету и отлучить от церкви.

В присутствии свитков Закона в его адрес были произнесены обычные проклятия, и, наконец, совет запретил кому бы то ни было вступать с ним в сношения устно или письменно, оказывать ему какие-либо услуги, находиться с ним под одной крышей или приближаться к нему на расстояние четырех локтей или читать его писания. Вопреки обыкновению, запрет на Спинозу был строго соблюден, чтобы удержать молодежь от его ереси.

Спиноза был далеко от Амстердама, когда против него был введен запрет. Говорят, что он воспринял новость с безразличием и заметил, что теперь он был вынужден делать то, что в противном случае он сделал бы без принуждения. Его философская натура, любившая уединение, могла легко обойтись без общения с родственниками и бывшими друзьями. Однако на этом дело для него не закончилось. Представительный орган португальской общины обратился к муниципальным властям с просьбой добиться его бессрочного изгнания из Амстердама. Магистраты передали этот вопрос, на самом деле теологический, духовенству, и последнее, как говорят, выступало против его отъезда из Амстердама на несколько месяцев. Скорее всего, эта процедура побудила его составить оправдательную брошюру, чтобы показать гражданским властям, что он не был нарушителем законов государства, но что он воспользовался своими справедливыми правами, когда размышлял о религии своих предков и религии в целом и выработал новые взгляды. Цепочка рассуждений, предложенная Спинозе при подготовке его защиты, несомненно, побудила его придать более широкое значение этому вопросу. Это дало ему возможность говорить о свободе мысли и исследования в целом и таким образом заложить фундамент первого из своих наводящих на размышления произведений, которые даровали ему литературное бессмертие. В деревне, к которой он остроумно *drawn*, 1656-60, а позже в Rhynsburg, где он также провел несколько лет, 1660-64, Спиноза занимался (при шлифовке линз, которые ремесленные он научился обеспечить себе умеренные суточные) с картезианской философией и разработкой работа под названием "The Theologico-political tractate." Его главной целью было распространение убеждения в том, что свобода мысли может быть разрешена без ущерба для религии и спокойствия в государстве; более того, что она должна быть разрешена, поскольку, если бы она была запрещена, религия и мир не могли бы существовать в государстве.

Апология свободы мысли далась Спинозе скорее труднее, чем легче, из-за вспомогательных идей, с которыми он пересекался с основными линиями своей системы. Он не смог философски найти источник права и перенес его происхождение на силу. Ни Бог, ни человеческая совесть, согласно Спинозе, не являются источником вечного закона, который управляет человечеством и цивилизует его; он проистекает из всего низшего природного мира. Он сделал людей в определенной степени "подобными рыбам морским, пресмыкающимся, у которых нет хозяина". Крупные рыбы имеют право не только пить воду, но и пожирать рыб помельче, потому что у них есть для этого власть; сфера прав отдельного человека простирается настолько далеко, насколько это возможно. Это естественное право не признает разницы между добром и злом, добродетелью и пороком, подчинением и силой. Но поскольку такое неограниченное самоутверждение со стороны каждого должно привести к постоянному состоянию войны всех против всех, люди молчаливо, из страха, или надежды, или разума, уступили свои неограниченные привилегии коллективному органу, государству. Из двух зол — с одной стороны, полного обладания своей сферой права и могущества, стремящейся к взаимному уничтожению, и ее усилению, с другой — люди выбрали последнее как меньшее зло. Государство, независимо от того, представлено ли оно высшим органом власти, избранным для этой цели, таким как Генеральные штаты Нидерландов, или деспотом, является полным обладателем прав всех, в силу власти всех. Каждый в своих собственных интересах обязан безоговорочно повиноваться, даже если ему прикажут лишить жизни других; сопротивление не только наказуемо, но и противоречит разуму. Эта верховная власть не контролируется никаким законом. Независимо от того, осуществляется ли это отдельным человеком, как в монархии, или несколькими, как в республике, это оправдано во всем и не может привести ни к чему

неправильному. Но государство обладает высшим правом не только на действия гражданского характера, но и на духовные и религиозные взгляды; оно не могло бы существовать, если бы каждый мог нападать на него под предлогом религии. Только правительство имеет право контролировать религиозные дела и определять веру, неверие, ортодоксальность и ересь. Какой тиранический вывод! Поскольку эта теология Спинозы не признает моральный закон, она игнорирует непоколебимую верность. Как только правительство становится слабым, оно больше не претендует на повиновение; каждый может отречься от него и сопротивляться ему, подчиняясь приходящей власти. Согласно этой теории гражданского и религиозного деспотизма, никто не может иметь своего мнения о законах государства, в противном случае он бунтарь. Теория Спинозы почти уничтожает свободу, даже мысли и мнения. Тот, кто выступает против государства постановление в придирчивость Спирега, или бросить ненависти к правительству, или направлен на отмену закона против его желанию, следует рассматривать как возмутителя общественного спокойствия. Только с помощью софистической уловки Спиноза смог сохранить свободу мысли и свободное выражение мнений. Каждый человек имеет это право от природы, единственное, которое он не передал государству, потому что оно по сути неотчуждаемо. Необходимо признать, что каждый может думать и судить вопреки мнению правительства, даже говорить и принимать решения, при условии, что это делается разумно и обдуманно, без обмана, гнева или злого умысла и без намерения вызвать революцию.

На этой слабой основе, подкреплённой несколькими другими второстепенными соображениями, Спиноза оправдывал свой конфликт с иудаизмом и свои философские нападки на священные писания, признанные голландскими государствами. Он считал, что ему в достаточной степени удалось оправдаться перед магистратами, защищая свободу мысли. В формулировке этого извинения было указано родителю, что он не был равнодушен к обращению, которому подвергся со стороны коллегии раввинов. Спиноза был настолько полон недовольства, если не ненависти, к евреям и иудаизму, что его в остальном ясное суждение было предвзятым. Он, как и Да Коста, не называл раввинов ничем иным, как фарисеями, и приписывал им амбициозные и низменные мотивы, в то время как они хотели только обезопасить свои сокровенные убеждения от нападков. Гордясь даже больше, чем его современники, французские и английские философы, свободой мысли, веками подавлявшейся церковью, а теперь вознесшейся ввысь еще сильнее, Спиноза призвал теологию, в частности древний иудаизм, к престолу разума, изучил его догмы и архивы и вынес приговор своей матери-вере. Он воздвиг в своем мозгу башню мысли, с которой, так сказать, хотел штурмовать небеса. Философия Спинозы подобна тонкой сети, расставленной перед нашими глазами, ячейка за ячейкой, в которую неожиданно попадает человеческий разум, так что наполовину добровольно, наполовину принудительно он сдается. Спиноза, как ни один мыслитель до него, распознал те универсальные законы, незыблемые, как железо, которые проявляются в развитии самого незначительного зернышка не в меньшей степени, чем во вращении вздымающихся тел, в точности математической мысли, как и в кажущейся неправильности человеческих страстей. В то время как эти законы действуют с постоянным единообразием и порождают одни и те же причины и одни и те же явления в бесконечной последовательности, инструменты закона - это вещи преходящие, однодневные создания, которые возникают и исчезают, уступая место другим: здесь вечность, там временность; с одной стороны необходимость, с другой случайность; здесь реальность, там обманчивая видимость. Эти и другие загадки Спиноза стремился разрешить с проницательностью, которая выдает сына

Талмуда, и с логической последовательностью и виртуозным расположением, которым мог бы позавидовать Аристотель.

Вся Вселенная, все единичные вещи и их активное полномочия, согласно Спинозе, нет только от Бога, но от Бога; они образуют бесконечную последовательность форм, в которых Бог открывает Себя, через который он вечно работает по своей вечной природе души, как это было, мышления, тела, тела души в пространстве. Бог является внутренней, а не внешней действенной причиной всех вещей; все находится в Боге и движется в Боге. Бог как творец и генератор всего сущего является порождающей или самопроизводящей природой. Вся природа одушевлена, и идеи, как тела, вечно движутся по линиям, идущим параллельно или пересекающим одна другую. Хотя полнота вещей, которые произошли от Бога и которые существуют в Нем, имеют не вечную, а преходящую природу, все же они не ограничены и не определены случайно, а по необходимости божественной природы, каждая по-своему существующая или действующая в пределах своей меньшей или большей сферы. Вечная и неизменная природа Бога действует в них через вечные законы, сообщенные им. Следовательно, вещи не могут быть устроены иначе, чем они есть; ибо они являются проявлениями Бога, вступающими в существование в вечном потоке в тесной связи мысли и протяженности.

Каково место человека в этой логической системе? Как он должен действовать и работать? Даже он, со всем его величием малостью, его силой и слабостью, его устремленным к небесам умом и его телом, подверженным потребности в поддержании, есть не что иное, как форма существования (Модус) Бога. Человек за человеком, поколение за поколением, возникают и погибают, утекают подобно капле в вечном потоке, но его природа, законы, по которым он движется телесно и ментально в особой связи разума и материи, отражают Божественное Существо. Особенно человеческий разум, или, скорее, различные способы мышления, чувства и концепции всех людей, образуют вечный разум Бога. Но человек так же мало свободен, как вещи, как камень, который скатывается с горы; он должен подчиняться причинам, которые влияют на него изнутри и извне. Каждое его действие является результатом конечного ряда причин и следствий, которые он едва ли может различить, не говоря уже о том, чтобы контролировать и изменять по своему желанию. Хороший человек и плохой, мученик, жертвующий собой ради благородной цели, а также отвратительный злодей и убийца - все они подобны глине в руках Божьих; один поступает хорошо, другой плохо, побуждаемый своей внутренней природой. Все они действуют исходя из жесткой необходимости. Ни один человек не может упрекнуть Бога в том, что он дал ему слабую природу или затуманенный интеллект, поскольку было бы иррационально, если бы кругобъяснял, что Бог не наделил его природой и свойствами сферы. Не каждому мужчине свойственно быть сильным духом, и в его силах иметь здоровый ум так же мало, как и здоровое тело.

С одной стороны, человек в определенной степени свободен, или, скорее, некоторые люди с особыми умственными способностями могут немного освободиться от оказываемого на них давления. Человек является рабом главным образом из-за своих страстей. Любовь, ненависть, гнев, жажда славы, алчность делают его рабом внешнего мира. Эти страсти СПкольцо с недоумением души, который думает, что он может контролировать вещи, но и изнашивается, так сказать, на их упорное сопротивление, и страдает, и тем самым. Чем лучше душа преуспевает в понимании последовательности причин и следствий и необходимости явлений в плане вселенной, тем лучше она способна превратить боль в чувство комфорта. Благодаря

более высокому пониманию человек, если он позволит разуму руководить собой, может обрести силу души и почувствовать возросшую любовь к Богу, то есть к вечному целому. С одной стороны, это обеспечивает благородство ума, позволяющее помогать людям и завоевывать их мягкостью и доброжелательностью; и создает, с другой стороны, удовлетворение, радость и счастье. Тот, кто одарен высшим знанием, живет в Боге, а Бог в нем. Знание - это добродетель, поскольку невежество в определенной степени порок. В то время как мудрец, или, строго говоря, философ, благодаря своей высшей проницательности и любви к Богу, наслаждается душевным спокойствием, человек с затуманенным интеллектом, который предается безумию своих страстей, вынужден обходиться без этой радости и часто вследствие этого погибает. Высшая добродетель, по мнению Спинозы системы, самоотречения через знание, имея в состоянии пассивности, поступающие как possible в контакте с дробильной техникой в войска— избегать их, если они подойдут близко, или не подчиняясь им, если их дикие карьеры свергает личности. Но как тот, кого обуревают желания, не заслуживает порицания, так и мудрый человек, практикующий самоотречение, не заслуживает похвалы; оба следуют закону своей природы. Высшее знание и мудрость не могут быть достигнуты при отсутствии условий, а именно разума, восприимчивого к знанию и истине, которые человек не может ни дать себе сам, ни отбросить. Таким образом, у человека нет истинной цели, не более чем вечная субстанция.

Моральные доктрины Спинозы - этика в более узком смысле — столь же бесплодны, как и его политические теории. В любом случае, он признает подчинение единственному рациональному путем.

При такой концепции Бога и морального действия нас не может удивить, что иудаизм не пользовался благосклонностью в глазах Спинозы. Иудаизм устанавливает прямо противоположные принципы — призывает человека к высокой, самостоятельной задаче и громко провозглашает прогресс человечества в простом служении Богу, святости и победе над насилием, мечом и унижительной войной. Этому прогрессу во многом способствовал иудаизм на протяжении веков. Не имея, как и Спиноза, представления об исторических событиях, более замечательных, чем явление природы, и неспособный поэтому придавать иудаизму особое значение, он еще больше неверно истолковал его из-за своей горечи против амстердамской коллегии раввинов, которая достаточно простительно отлучила его от церкви. Спиноза перенес свою горечь против общины на всю еврейскую расу и на иудаизм. Как уже было сказано, он называл раввинов фарисеями в своем "Богословско-политическом трактате" и в письмах к своим друзьям и придавал этому слову самое оскорбительное значение. С христианством, напротив, Спиноза признавал большие достоинства; поэтому он относился к иудаизму с неудовольствием, повсюду обнаруживал недостатки и нелепости, в то время как на христианство он смотрел благожелательно и не замечал его слабостей. Таким образом, Спиноза, обладая всем присущим ему инстинктом истины, сформировал концепцию иудаизма, которая, в какой-то степени справедливая, во многих моментах была извращенной и ущербной. Каким бы ясным ни был его ум в метафизических исследованиях, на исторической почве он был темным и запутанным. Чтобы принизить иудаизм, Спиноза заявил, что книги Священного Писания содержат ошибки переписчиков, вставки и искажения и, как правило, не являются работой авторов, которым они приписываются, — даже Пятикнижие, первоначальный источник иудаизма. Возможно, Ездра первым собрал и упорядочил его после вавилонского изгнания. Подлинных писаний Моисея больше не сохранилось, даже Десяти заповедей в их первоначальном виде. Тем не менее, Спиноза принял каждое слово в Библии как своего рода

откровение и назвал всех людей, фигурирующих в ней, пророками. Он признал, на основании Священного Писания, что откровение пророков было подтверждено видимыми знаками. Тем не менее, он очень недооценил это откровение. Моисей, пророки и все высшие персонажи Библии имели лишь смутное представление о Боге, природе и живых существах; они не были философами, они не пользовались естественным светом разума. Иисус стоял выше; он учил не только нацию, но и все человечество на рациональных основаниях. Апостолы также должны были быть поставлены выше пророков, поскольку они ввели естественный метод обучения и действовали не только с помощью знамений, но и с помощью рационального убеждения. Как будто главное усилие апостолов, которому было посвящено все их рвение, а именно достижение веры в чудесное воскресение Иисуса, соответствовало разуму! Только ожесточение Спинозы по отношению к евреям заставило его обесценивать их духовную собственность и переоценивать христианство. Его трезвый интеллект, проникающий в вечную связь вещей и событий, не мог принять чудес, но о чудесах Нового Завета он судил мягко.

Несмотря на свой осуждающий вердикт иудаизму, он был поражен двумя явлениями, которые он не до конца понимал и о которых, следовательно, судил лишь поверхностно в соответствии со своей системой. Это было моральное величие пророков и превосходство израильского государства, которые в какой-то мере зависят друг от друга. Не понимая политической организации, в которой естественные и моральные законы, необходимость и свобода действуют вместе, Спиноза объясняет происхождение еврейского государства, то есть иудаизма, следующим образом: когда израильтяне, после освобождения от египетского рабства, были свободны от всякого политического рабства и восстановлены в своих естественных правах, они добровольно избрали Бога своим Господом и передали свои права только Ему по официальному договору и союзу. Чтобы не было никаких признаков мошенничества со стороны бога, Бог позволил им признать Свою чудесную силу, благодаря которой Он до сих пор сохранял, и пообещал в будущем сохранять их, то есть Он явил Себя им в Своей славе на Синае; таким образом, Бог стал Царем Израиля, а государство - теократией. Таким образом, религиозные мнения и истины имели правовой характер в этом государстве, религия и гражданские права совпадали. Тот, кто восстал против религии, утратил свои гражданские права, а тот, кто умер за религию, был патриотом. Среди израильтян царило чистое демократическое равенство, право всех обращаться к Богу и толковать законы. Но когда, находясь в сильном замешательстве от откровения с Синае, они добровольно попросили Моисея принять законы от Бога и истолковать их, они отказались от своего равенства и передали свои права Моисею. С этого времени Моисей стал представителем Бога. Следовательно, он издал законы, соответствующие положению людей в то время, и ввел церемонии, чтобы всегда напоминать им о Законе и удерживать их от своеволия, чтобы в соответствии с определенным предписанием они пахали, сеяли, ели, одевались, одним словом, делали все в соответствии с предписаниями Закона. Прежде всего, он предусмотрел, чтобы они действовали не из холода или рабского страха, а из благоговения перед Богом. Он связал их благами и пообещал им земное процветание — все благодаря силе и повелению Бога. Моисей был наделен духовной и гражданской властью и уполномочен передавать и то, и другое. Он предпочел передать гражданскую власть своему ученику Иисусу Навину полностью, но не в качестве наследия, а духовную власть своему брату Аарону в качестве наследия, но ограниченного гражданским правителем и не сопровождаемого предоставлением территории. После смерти Моисея еврейское государство не было ни монархией, ни аристократией, ни демократией; оно оставалось теократией. Семья первосвященника была Божьим толкователем,

и гражданская власть после смерти Иисуса Навина перешла к отдельным племенам или их вождям.

Эта конституция не давала никаких преимуществ. Гражданские правители не могли ни использовать закон в своих интересах, ни угнетать народ, поскольку Закон был прерогативой жреческого сословия — сыновей Аарона и левитов. Кроме того, люди знакомились с Законом посредством предписанного чтения в конце Учебного года и не прошли бы равнодушно мимо любого умышленного нарушения закона штата. Армия состояла из местного ополчения, в то время как иностранцы, то есть наемники, были исключены. Нам, правителям, запретили угнетать народ или произвольно вести войну. Племена были объединены религией, и угнетение одного племени его правителем было бы наказано остальными. Принцы были поставлены во главе не благодаря рангу или привилегии крови, а благодаря способностям и заслугам. Наконец, институт пророков оказался очень полезным. Поскольку конституция была теократической, каждый человек безупречной жизни мог с помощью определенных знаков представлять себя пророком, подобным Мосэсу, привлекать к себе угнетенный народ во имя Бога и выступать против тирании правителей. Эта своеобразная конституция породила в сердцах израильтян особый патриотизм, который в то же время был религией, так что никто не мог предать ее, покинуть царство Божье или присягнуть на верность чужеземцу. Эта любовь, соединенная с ненавистью к другим народам и подпитываемая ежедневным поклонением Богу, стала второй натурой израильтян. Это придало им сил вынести все ради своей страны стойкостью и мужеством. Эта конституция давала дополнительное преимущество, поскольку земля была разделена поровну, и никто не мог быть навсегда лишен своей доли из-за бедности, поскольку реституция должна была быть произведена в юбилейный год.

Следовательно, существовала небольшая бедность, или только такая, которая была терпимой, ибо любовь к ближнему нужно было проявлять с величайшей добросовестностью, чтобы сохранить благосклонность Бога, Царя. Наконец, большое место было отведено радости. Трижды в год и в других случаях люди должны были собираться на праздники не для того, чтобы предаваться чувственным наслаждениям, но для того, чтобы приучить себя с радостью следовать за Богом; ибо нет более действенного средства направлять сердца людей, чем радость, возникающая из любви и восхищения.

После того, как Спиноза изобразил израильскую теократию как образец для всех государств, он, очевидно, был поражен тем, что пролил так много света на картину, и огляделся в поисках тени. Вместо того чтобы ответить в чисто исторической манере на вопросы, откуда взялось, что евреи так часто были покорены, и почему их государство было полностью разрушено; вместо того, чтобы указать, что эти благотворные законы так и остались нереализованным идеалом, Спиноза предлагает софистическое решение. Поскольку Бог не хотел, чтобы владычество Израиля было прочным, он дал плохие законы и статуты. Спиноза подкрепляет эту точку зрения стихом, который он неправильно понял. Эти плохие законы, бунт против священного государства в сочетании с плохой моралью вызвали недовольство, бунт и переворот. Наконец дела пошли настолько плохо, что вместо Божественного Царя израильтяне выбрали человеческого, а вместо храма - двор. Монархия, однако, только усилила беспорядок; она не могла терпеть государство в государстве, первосвященство и принижала достоинство правителя введением странного богослужения. Пророки ничем не могли помочь, потому что они только выступали против тиранов, но не могли устранить причину зла. Все вместе взятое привело к разрушению божественного государства. С его

разрушением вавилонским царем естественные права израильтян были переданы завоевателю, и они были обязаны повиноваться ему и его преемникам, как они повиновались Богу. Все законы иудаизма, более того, весь иудаизм был таким образом отменен, и больше не имел никакого значения. Это было результатом исследования Спинозы в его "Теолого-политическом трактате". У иудаизма было блестящее прошлое, Бог заключил союз с народом, показал им Свою возвышенную силу и дал им превосходные законы; но Он не хотел, чтобы превосходство Израиля было постоянным, поэтому Он также дал плохие законы. Следовательно, иудаизм пришел к своему концу более двух тысяч лет назад, и все же он продолжал свое существование! Замечательно! Спиноза находил историю Израиля и государственное устройство превосходными во времена варварства периода Судей, в то время как блестящие эпохи Давида, Соломона и царя Озии оставались для него необъяснимыми. И, прежде всего, эпоха второго Храма, эпоха Маккавеев, когда еврейский народ поднялся от позорной деградации к блистательной высоте и привел сам языческий мир к поклонению единому Богу и принятию нравственной жизни, оставалась для Спинозы неразрешимой загадкой. Это показывает, что вся его демонстрация и его анализ (схематизм) не выдерживают критического испытания и основаны на ложных предположениях....."....."

Спиноза, возможно, подверг иудаизм крайней опасности; ибо он не только снабдил его противников оружием разума для более эффективной борьбы с иудаизмом, но также предоставил каждому государству и магистрату право подавлять его и применять силу против его последователей, чему они должны были безропотно подчиняться. Погребальные костры инквизиции для Маррано были, согласно системе Спинозы, вдвойне оправданны; граждане не имеют права на религиозных основаниях сопротивляться признанной государственной религии, а исповедовать иудаизм и жертвовать собой ради него - безумие. Но своеобразная черта характера Спинозы сослужила иудаизму хорошую службу. Он слишком любил тишину и покой, чтобы стать сторонником своих критических принципов. "Быть миролюбивым" было его идеалом; избегание конфликтов и противодействия было одновременно его силой и слабостью. До конца своей жизни он вел идеально-философский образ жизни; на еду, одежду и кров он получал ровно столько, сколько мог заработать своим ремеслом по полировке линз, которым распоряжались его друзья. Он боролся против получения пенсии, обычно назначаемой ученым людям в то время, даже от своих искренних и богатых поклонников, Симона де Фриза и великого пенсионария Де Витта, чтобы не впасть в зависимость, стеснение и беспокойство. По причине этого непреодолимого стремления к философскому спокойствию и свободе от забот он не принял бы решения в пользу ни одной из политических партий, что привело бы затем Генеральные штаты в лихорадочное возбуждение. Даже волнующее убийство его друга Джона де Витта не смогло подтолкнуть его к партийности. Спиноза оплакивал своего высокого и благородного друга, но не защищал его честь, чтобы очистить ее от подозрений. Когда самый образованный немецкий принц своего времени, граф-палатин Карл Людвиг, питавший определенную привязанность к евреям, предложил ему, "еврею-протестанту", как его все еще называли, кафедру философии в Гейдельбергском университете на очень выгодных условиях, Спиноза отклонил это предложение.....". Он не скрывал своей причины: он не собирался отказываться от своего спокойствия. Из-за этой преобладающей тенденции или, скорее, из-за боязни волнений и неудобств, а также из опасения натравить на себя врагов или привести к столкновению с государством он долгое время отказывался публиковать свои рассуждения. Когда, наконец, он решил, под давлением друзей, отправить "Теолого-политический трактат" в печать, он не поставил своего имени под произведением, которое стало эпохой в литературе, и

даже добился того, что на титульном листе было напечатано ложное место публикации, а именно Гамбург, чтобы стереть все следы его настоящего авторства. Он почти отрекся от своего отпрыска, чтобы его не беспокоили.

Как и можно было предвидеть, появление "Теолого-политического трактата" (1670) произвело необычайный ажиотаж. Никто не писал так отчетливо и язвительно об отношении религии к философии и власти государства, и, прежде всего, так резко не осуждал духовенство. Служители всех конфессий были чрезвычайно взволнованы против этой, как ее называли, "безбожной" книги, которая унижала богооткровенную религию. Влиятельные друзья Спинозы не смогли защитить ее; она была осуждена декретом Генеральных штатов и запрещена к продаже, что только заставило читать ее с еще большим рвением. Но Спиноза еще более неохотно публиковал другие свои труды, особенно свою философскую систему. При всей силе своего характера он не принадлежал к тем смелым духам, которые берут на себя обязательство быть первопроходцами истины, которые громким голосом несут ее в мир и завоевывают ее приверженцев, не заботясь о том, придется ли им претерпеть кровавое или бескровное мученичество. В бескорыстии характера и системы Спинозы таился элемент эгоизма, а именно желание, чтобы его как можно меньше беспокоили в достижении знания, в счастье созерцания и в размышлениях о вселенной и цепи причин и следствий, которые в ней преобладают. Призыв к действию, усилию и сопротивлению оппозиции не был присущ ни характеру Спинозы, ни его философии.

В этой, казалось бы, безобидной черте заключалась также причина того, что его самые мощные и яростные нападки на иудаизм не произвели глубокого впечатления и не вызвали большого переполоха в еврейском мире. В то время, когда Спиноза бросил вызов иудаизму, в еврейско-португальском кругу преобладал уровень культуры и науки, неизвестный ни до, ни после; вобщине Амстердама и его колоний царили литературная деятельность и плодотворность, которые можно было бы назвать классическими, если бы достоинства литературных произведений соответствовали их направленности. Авторами были в основном образованные марраны, сбежавшие из испанских или португальских тюрем инквизиции, чтобы посвятить себя в свободной Голландии своей вере и свободному исследованию. Там были философы, врачи, математики, филологи, поэты, даже поэтессы. Многие из этих маррано, сбежавших в Амстердам, пережили особые превратности судьбы. Монах из Валенсии, брат Винсент де Рокамора (1601-1684), был выдающимся специалистом в области католического богословия. Он был назначен духовником инфанты Марии, впоследствии императрицы Германии и гонительницы евреев. Однажды исповедник бежал из Испании, добрался до Амстердама, объявил себя Исааком де Рокамора, в возрасте сорока лет изучал медицину и стал счастливым отцом семейства и президентом еврейских благотворительных организаций. Бывший монах, впоследствии Парнасс (президент общины), был также хорошим поэтом и писал замечательные испанские и латинские стихи.

У Энрике Энрикеса де Паса из Сеговии (1600-1660), еврея Кальдерона, была совсем иная карьера. Поступив в армию молодым, он вел себя так доблестно, что получил орден Сан-Мигеля и был произведен в капитаны. Помимо меча, он владел пером, которым описывал комические фигуры и ситуации. Энрикес де Пас, или, как его называли в связи с его поэтическими способностями, Антонио Энрикес де Гомес, сочинил более двадцати двух комедий, некоторые

из которых были поставлены на сцене Мадрида и, будучи взяты за постановки Кальдерона, были встречены бурными аплодисментами. Ни Марсу, ни Музам не удалось защитить его от инквизиции; он мог вырваться из ее лап только стремительным бегством. Он долгое время жил во Франции. Его плодовитая муза прославляла Людовика XIV, королеву Франции, могущественного государственного деятеля Ришелье и других высокопоставленных особ двора. В элегиях он оплакивал свои несчастья и потерю своей страны, которую любил как сына, хотя она и была для него мачехой. Несмотря на благословение судьбы, Энрикес де Пас чувствовал себя несчастным на суровом севере, вдали от голубых гор и мягкого воздуха Испании. Он сетовал:

"Я завоевал для себя многобогатств, переплыл многие моря и тысячами собирал все новые сокровища; теперь мои волосы обесцвечены, а борода белоснежна, как мои серебряные слитки, - награда за мои труды".

Он тоже жил во Франции как христианин, но заявлял о своих симпатиях к иудеям, оплакивая в элегических стихах мученическую смерть Лопе де Вера и Аларкона. В конце концов он поселился в приюте Маррано, а его изображение было сожжено на погребальном костре в Севилье. Снова было великое аутодафе (1660) шестидесяти маррано, из которых четверо были сначала задушены, а затем сожжены, в то время как трое сгорели заживо. Процессией проносили и бросали в огонь чучела спасшихся Маррано, в том числе чучела рыцаря Сан-Мигеля, автора комедий. Новый христианин, который присутствовал при этом ужасном зрелище и вскоре после этого сбежал в Амстердам, встретил Гомеса на улице и взволнованно воскликнул: "Ах! Señor Gomez! Я видел, как твое изображение сжигали на погребальном костре в Севилье!" "Что ж, - ответил он, - добро пожаловать". Наряду с своими многочисленными светскими стихотворениями Энрикес Гомес оставил одно, представляющее еврейский национальный интерес, посвященное герою-судье Самсону. Лавры, которые пожилой испанский поэт Мигель Сильвейра, тоже маррано, которым он восхищался, снискал своим эпосом "Маккавеи", преследовали его до тех пор, пока он не выпустил сопутствующее произведение. Слепому герою, отомстившему филистимлянам самой своей смертью, Гомес посвятил стихи, которые выражали его собственное сердце:

"Я умираю за Твое святое слово, за Твою религию,
За Твое учение, За Твои священные заповеди,
За нацию, принятую по Твоему выбору,
Я умираю За Твое возвышенное постановление".

Другая точка зрения представлена двумя эмигрантами-Маррано того периода, отцом и сыном, двумя Пенсо, один из которых богат имуществом и благотворительностью, другой - поэтическими способностями. Вероятно, они происходили из Эспехо в провинции Кордова, спаслись от ярости инквизиции и наконец, после многих перемен местожительства, обосновались как евреи в Амстердаме. Исаак Пенсо (умер в 1683 году) - старший, банкир, был отцом для бедных. Десятую часть дохода от своей собственности он тратил на бедных и раздавал вплоть до своей смерти 40 000 гульденов. Его кончина вызвала глубокое сожаление в обществе Амстердама. Его сын (Феличе) Джозеф Пенсо, которого также звали Де ла Вега из семьи его матери Ильи (1650-1703), был богатым торговцем и обратил свое внимание на поэзию. Семнадцатилетним юношей он пробудил давно дремлющее эхо неоеврейской поэзии и

заставил ее взяться за самую высокую ноту. Джозеф Пенсо смело взялся за самую трудную задачу: он написал еврейскую драму. С тех пор как Эммануэль Роми написал свои остроумные рассказы в стихах, неоеврейская муза была поражена бесплодием, в котором были виноваты не только растущие проблемы того времени. Моисей да Риети и поэтическая школа Салоник сочиняли стихи, но не писали стихов. Даже величайшие еврейские поэты, Гебироль и Иегуда Халеви, создавали только лирическую и дидактическую поэзию и не думали о драме. Джозеф Пенсо, вдохновленный поэтическим воздухом Испании, страны, на которой он родился, где мелодичные стихи Лопе де Веги и Кальдерона звучали рядом с литаниями монахов и криками жертвоприношений, перенес формы испанского искусства в неоеврейскую поэзию. Пенсо с удовольствием подражал различным видам метра и строфы европейской римской поэзии на языке Давида и Исаяи.

Действительно, нельзя применять строгие стандарты к драме Джозефа Пенсо, но следует постараться забыть, что задолго до него Шекспир создал жизнеподобные формы и интересы. Ибо, исходя из всего этого, драматический монолог и диалог Пенсо кажутся ребяческими. Как бы ни было безупречно его стихосложение, изобретательность оставляет желать лучшего, идеи банальны. Царь, серьезно относящийся к своим обязанностям правителя, сбивается с пути истинного, то из-за собственных импульсов (Езер), то из-за кокетки (Иша), то из-за сатаны. Три другие противостоящие силы пытаются направить его по правильному пути — его собственное суждение (Сечель), божественное вдохновение (Хашгача) и ангел. Это персонажи драмы Пенсо "Пленники надежды" (Asiré ha-Tikvah). Но если принять во внимание цель, которую имел в виду Пенсо, а именно показать зеркало молодым маррано, поселившимся в Амстердаме, которые привыкли к испанской распущенности, и показать им высокую ценность добродетельной жизни, то не стоит пренебрегать манерой молодого поэта. Джозеф Пенсо де ла Вега сочинил большое количество стихов на испанском языке, время от времени стихи, моральные и философские размышления и панегирики принцам. Его романы под названием "Опасные маршруты" (los Rumbos peligrosos) пользовались популярностью.

В то время в Амстердаме было так много посредственных поэтов-маррано, что один из них, испанский резидент в Нидерландах Мануэль Бельмонте (Исаак Нуньес), назначенный графом-палатином, основал академию поэзии. Должны были быть переданы поэтически произведения, и в качестве судей он назначил бывшего духовника Де Рокамору и другого Маррано, сочинявшего латинские стихи, Исаака Гомеса де Соса. Последний был так восхищен еврейской драмой Пенсо, что торжествующе провозгласил латинскими стихами:

"Теперь это, наконец, достигнуто! Еврейская муза шагает в туфлях на высоком каблуке, целая и невредимая. Размеренным поэтическим шагом Джозеф благоприятно ведет ее — происходящую из той расы, которая по большей части все еще находится в неволе. О чудо! ясный луч надежды сияет заново, и теперь даже сцена может быть открыта для священной песни. Но почему я восхваляю его? Поэт прославляется своей собственной поэзией, и его собственное произведение прославляет мастера".

Другим другом еврейского драматурга был Николас де Оливер-и-Фуллана (Даниэль Иегуда), поэт и полковник испанской службы; он был посвящен в рыцари, поступил на службу в Голландию и был точным картографом и космографом. Был также Джозеф Шемах (Самех). Ариас, человек высокого военного ранга, который перевел на испанский язык труд историка Иосифа Флавия "Против Апиона", в котором оспаривались старые предрассудки и ложь против

евреев. Эта полемика не была лишней даже в то время. Из еврейских поэтесс-маррано достаточно упомянуть прекрасную и одаренную Изабель Корреа (Ребекку), которая сплела венок из различных стихотворений и перевела итальянскую популярную драму "Истинный пастырь" (Pastor Fido, Гуарини) прекрасными испанскими стихами. Изабель была второй женой поэта-воина Де Оливера-и-Фуллана.

Совершенно иного склада был португальский маррано Томас де Пинедо (Исаак, 1614-1679), получивший образование в иезуитском колледже в Мадриде. Он больше разбирался в классической, чем в еврейской античности, и занялся изучением области, которая в его время в Испании была мало изучена, - древней географии. Он тоже был изгнан из Испании инквизицией и считал, что ему повезло, что он остался невредимым. Филолог Де Пинедо позже поселился в Амстердаме, где напечатал свою всеобъемлющую книгу. Он сочинил свою собственную эпитафию на латыни.

Мы не должны оставить без внимания личность, прославленную в то время, возможно, не по заслугам, Джейкоба Иегуду Леона (Темпло, 1603-1671). Если он и не был маррано, то имел маррановское происхождение, жил сначала в Мидделбурге, затем в Амстердаме и был скорее художником, чем человеком науки. Леон посвятил себя воспроизведению первого Храма и его сосудов в том виде, в каком они описаны в Библии и Талмуде. Он выполнил модель Храма в уменьшенном масштабе (3 квадратных метра, 1½ в высоту) и добавил краткое, ясное описание на испанском и иврите. Работа столь необычного характера привлекла необычайное внимание в то время, когда все виды антикварных знаний, особенно библейские, высоко ценились. Правительство Исландии и Зеландии предоставило автору привилегию на авторское право. Герцог Август Брауншвейгский и его жена Элизабет пожелали получить немецкий перевод описания Леона и поручили профессору Джону Зауберту из Хельмштедта заняться этим. Во время переписки с автором, чтобы обеспечить тщательность, его опередил другой человек, который привез в Ганновер немецкий перевод. Это обстоятельство вызвало большое раздражение профессора Зауберта. Темпло, как прозвали Леона и его потомков за его работу в связи с Храмом, вступил в полемику с христианскими священнослужителями по иудаизму и христианству и опубликовал перевод Псалмов на испанский.

В этом образованном кругу современников Спинозы были два человека, которые жили попеременно в Гамбурге и Амстердаме, Дэвид Коэн де Лара и Дионисий Мусафия, оба выдающиеся филологи, но не более того. Благодаря своему знанию латыни и греческого они объяснили диалект Талмуда и исправили ошибки, которые вкрались в более ранние талмудические словари. Давид де Лара (1610-1674) также был проповедником и писателем о морали; но его усилия в этом направлении не имеют большой ценности. Он слишком много общался с гамбургским проповедником Ездасом Эдзартусом, который был сторонником обращения евреев. Последний распространил ложное сообщение о том, что Де Лара был почти христианином перед смертью. Дионисий (Бенджамин) Мусафия (родился около 1616 года, умер в Амстердаме в 1676 году), врач и изучавший естественные науки, до смерти монарха находился на службе у датского короля Кристиана IV. Он также был философом и позволял себе подвергать сомнению различные положения Талмуда и Библии. Тем не менее в старости он занимал должность раввина в Амстердаме.

Гораздо более важным, чем весь этот круг, был Бальтазар Оробио де Кастро (1620-1687). Он также происходил от родителей-маррано, которые втайне продолжали придерживаться

иудаизма, воздерживаясь от еды и питья в День Искупления. В этом скудном представлении об иудаизме Оробио был воспитан. Наделенный ясным интеллектом, он изучал пришедшую в упадок и устаревшую философию, все еще преподаваемую в испанских академиях, и стал профессором метафизики в Университете Саламанки. Эта окаменелая философия, по-видимому, не удовлетворила его и не принесла ему достаточных средств к существованию, поскольку в более зрелые годы он посвятил себя изучению медицины. В этом стремлении Оробио добился большого успеха; он приобрел репутацию в Севилье, был врачом герцога Медина-Чели и семьи, пользующейся большим расположением при дворе, и накопил значительное состояние. Он был счастливым мужем и отцом, когда инквизиция бросила на него свой недобрый взгляд. Слуга, которого он наказал за воровство, донес на него. Оробио был схвачен, обвинен в использовании иудаизма и брошен в узкую мрачную темницу, где ему некуда было двигаться, и где он провел три года (около 1655-1658).

Сначала он заполнял свое время философскими тонкостями, которые изучал в испанских университетах. Он взялся защищать тезис, действуя в воображении одновременно как оппонент, который выдвигает возражения, и как судья, который подводит итог и просеивает аргументы. Постепенно его разум пришел в такое замешательство, что он часто спрашивал себя: "Действительно ли я дон Балтазар Оробио, который разгуливал по улицам Севильи и жил в достатке со своей семьей?" Его прошлое казалось сном, и он верил, что родился в тюрьме и должен там умереть. Но трибунал инквизиции внес изменения в его пустую жизнь-мечту. Его ввели в темный склеп, освещенный только тусклой лампой. Он с трудом различал судью, секретаря и палача, которые собирались заняться его делом. Получив еще одно предупреждение признаться в своей ереси и снова отрицая это, палач раздел его, связал веревками, которые были прикреплены к крюкам в стене, заставил его тело раскачиваться между потолком и полом и так туго затянул веревки, что из-под ногтей брызнула кровь. Более того, его ноги были крепко привязаны к небольшой лестнице, ступени которой были утыканы шипами. Во время пыток его часто уговаривали сделать признание, и угрожали, в случае, если он будет упорствовать в отрицании, причинением еще более ужасных мучений, за которые, хотя они и привели к его смерти, он должен был благодарить свое собственное упрямство, а не трибунал. Однако он пережил пытки, был доставлен обратно в тюрьму, чтобы дать затянуться своим ранам, затем приговорен к ношению одежды позора (Сан-Бенито) и, наконец, был изгнан из Испании. Он отправился в Тулузу, где стал профессором медицины в университете. Несмотря на уважение в своей новой должности, Оробио не мог долго терпеть лицемерие. Он отправился в Амстердам, публично исповедал еврейскую религию и принял имя Исаак (около 1666 года). Неудивительно, что он стал непримиримым противником христианства, которое он досконально изучил. Он стал приверженцем иудаизма по убеждениям, проявил себя смелым и способным защитником религии своих отцов и нанес христианству такие мощные удары, каких мало кто до него наносил, так что выдающийся протестантский богослов (Ван Лимборх) почувствовал себя вынужденным ответить на нападки Оробио.

Все эти образованные юноши и мужчины, поэты-воины Энрикез Гомес, Николас де Оливер-и-Фуллана и Джозеф Ариас, а также писатели Джозеф Пенсо, Томас де Пинедо, Якоб Леон, Давид де Лара и Дионисий Мусафия, знали о нападках Спинозы на иудаизм и, несомненно, читали его "Теолого-политический трактат". Как Оробио связан со Спинозой. Однако удары, которыми последний пытался поколебать иудаизм, не заставили первого поколебаться в своих убеждениях. Это тем более примечательно, что одновременно, с другой стороны, иудаизм был покрыт позором, или, что означает одно и то же, его последователи повсюду на Востоке и

Западе, за немногими исключениями, стали рабами заблуждения, которое выставило их на посмеище всего мира и впервые погрузило их во тьму Средневековья.

Сам того не подозревая, Спиноза имел на Востоке союзника, диаметрально ему противоположного, который стремился разложить иудаизм и преуспел в том, что поверг всю еврейскую расу в смятение, которое долгое время препятствовало ее прогрессу. Саббатай Цеви был одновременно и противоположностью Спинозы, и его союзником. У него было гораздо больше поклонников, чем у амстердамского философа, он на какое-то время стал кумиром еврейской расы и имеет тайных приверженцев даже по настоящее время. Саббатай Цеви (родился 9 Ав 1626 г., умер в 1676 г.) из Смирны, в Азии, штат Minor, был испанского происхождения и стал зачинателем нового мессианского безумия, основателем новой секты. Привязанностью, которую он внушал еще в юности, он был обязан не своим душевным качествам, а своей внешней внешности и привлекательным манерам. Он был высоким, хорошо сложенным, с прекрасными темными волосами, красивой бородой и приятным голосом, который завоевывал сердца речью и еще больше песней. Но его разум был затуманен из-за преобладания фантазии; у него был восторженный темперамент и склонность ко всему странному, особенно к одиночеству. В детстве Саббатай Цеви избегал компании и игр товарищей по играм, искал уединенные места, и то, что обычно привлекает молодежь, его не привлекало. Он получил образование по нынешнему методу. В ранней юности он изучал Талмуд в школе ветерана Джозефа Эскафы, убежденного талмудиста из Смирны, но не достиг больших успехов. Тем больше его привлекала запутанная путаница Каббалы. Попав в лабиринт Зоара, он почувствовал себя там эльфом как дома, руководствуясь интерпретацией Лурьи. Саббатай Цеви разделял преобладающее мнение о том, что Каббалу можно постичь только с помощью аскетизма. Он умерщвлял свое тело и очень часто купался в море, днем и ночью, зимой и летом. Возможно, именно от морских купаний его тело приобрело особый аромат, который, по утверждению его почитателей, оно имело. В раннем возрасте он представлял собой контраст со своими товарищами, потому что не испытывал влечения к женскому полу. Согласно обычаю, Саббатай Цеви рано женился, но так упорно избегал своей молодой, красивой жены, что она подала на развод, который он охотно предоставил ей. То же самое произошло и со второй женой.

Это отвращение к браку, редкое в теплом климате Востока, его усердное изучение Каббалы и аскетическая жизнь привлекли внимание. Ученики искали его, и он познакомил их с Каббалой. Двадцати лет от роду он был мастером небольшого кружка. Он привязывал к себе учеников отчасти своей серьезной и сдержанной манерой, которая исключала фамильярность, отчасти своим музыкальным голосом, которым он пел по-испански каббалистические стихи, сочиненные Лурьей или им самим. Необходимо добавить еще одно обстоятельство. Когда султан Ибрагим взойшел на трон, между Турцией и Венецией разразилась жестокая война, которая сделала торговлю с Левантом в столице небезопасной. Вследствие этого несколько европейских, то есть голландских и английских, торговых домов перенесли свои офисы в Смирну. Этот доселе незначительный город впоследствии приобрел значение торговой точки. Евреи Смирны, которые были бедны, извлекли выгоду из этого коммерческого развития и накопили огромные богатства, сначала как агенты крупных домов, а затем как независимые фирмы. Мордехай Цеви, отец Саббатая, из Мореи, изначально бедный, стал агентом английского дома в Смирне, выполнял его поручения со строгой честностью, пользовался доверием руководителей и стал богатым человеком. Свое растущее процветание слепой отец приписывал заслугам своего любящего каббалу сына, которому он оказывал такое великое

почтение, что рассказывал об этом незнакомым людям. Саббатаи считался молодым святым. Более сдержанный из-за его глупости объявил его сумасшедшим. В доме своего английского директора Мордехая З.Эви часто слышал, как обсуждается приближение тысячелетия, поскольку либо он сам, либо некоторые из его людей с энтузиазмом верили в апокалипсис Пятой монархии. 1666 год был назван этими энтузиастами Мессиянским годом, который должен был принести евреям новое величие и привести к их возвращению в Иерусалим. Ожидания, услышанные в английской бухгалтерии, были переданы Мордехаем Цеви членам его семьи, никто из которых не слушал более внимательно, чем Саббатай, уже запутавшийся в лабиринтах лурианской Каббалы и склонный ошибочно принимать восторженные надежды за прозаический факт. Что, если бы он сам был призван возвестить об этом времени искупления? Разве он не проник в более раннем возрасте, чем кто-либо прежде, в самое сердце Каббала? И кто может быть более достоин этого призвания, чем тот, кто глубоко погружен в его тайны?

Центральным моментом более поздней Каббалы было самое напряженное ожидание Мессии; Лурья, Виталь и их ученики и последователи заново провозгласили: "Царство небесное близко". Этому должно было предшествовать и сопровождать особое искупление — освобождение рассеянных элементов изначальной души (Ницот) от оков изначального зла, демонической природы (Келифот), которая, овладев людьми через падение ангелов или божественных элементов, удерживала их в плену, препятствовала их полету ввысь и требовала постоянного переселения душ из тела в тело. Как только злой дух был либо поглощен, уничтожен, обессилен, либо, по крайней мере, существовал сам по себе, без примеси божественного, тогда каббалистический порядок (Олам ха-Тиккун) восторжествовал бы, потоки милосердия беспрепятственно излились бы в низший мир по каналам Сфирот, и оплодотворили бы и чудесным образом оживили бы его. Этот труд искупления может быть достигнут каждым истинно благочестивым человеком (цадиком), которые, светлая душа, и быть посвященным в каббалу, выступает в тесном союзе с миром духов, осмысливает связи между верхним- и нижний мир, и выполняет все религиозные учения (Kewanoth) с сосредоточенной преданности и с учетом их влияния на высшие силы. Еще более действенно Мессия, сын Давида, завершит уничтожение демонических цветов и восстановление потерянных душ, или, скорее, собрание рассеянных элементов вселенской души Адама. Ибо Мессии, в котором обитает чистая, непорочная душа, открываются таинственные глубины высших миров, сущностей и божественного творения, даже Самого Божественного Существа. Мессия из семени Давидова был бы, в определенной степени, воплощенным изначальным человеком (Адамом Кадмоном), частью Божества.

Этот лурианский мистицизм ослепил сбитый с толку мозг юноши из Смирны и вызвал такое замешательство и головокружение, что он подумал, что может легко возвестить о духовном искуплении, за которым немедленно последует искупление телесное. Каким образом этот надменный хотел бы играть роль Мессии прорастает и пробивается в путеводителем ум, - это непостижимая загадка. Саббатай Цеви был не первым, кто поверил, что способен перевернуть весь порядок вещей в мире с помощью мистического фокуса-покуса и частично преуспеть в этом начинании. Достоверно известно, что в экстравагантной обуви entertained евреями и христианами в связи с рядом подходов благодатное время работал на Sabbatai слабый мозг. Эта книга лжи, Зоар, провозгласила, что в 5408 году от рождества Христова (1648) наступит эра искупления, и именно в тот год Саббатай явил себя своим юным товарищам как Мессиянский искупитель. Это произошло, по-видимому, незначительным образом, но способ откровения имел огромное значение для посвященных. Саббатай Цеви без колебаний произнес

полное четырехбуквенное имя Бога на иврите (Jhwh, тетраграмматон), хотя это было строго запрещено Талмудом и обычаями веков. Каббалисты придавали этому запрету всевозможное мистическое значение. Во время рассеяния Израиля совершенство Самого Бога было в определенной степени разрушено из-за греховности людей и деградации еврейского народа, поскольку Божество не смогло осуществить Свой нравственный план. Высший и низший миры были отделены друг от друга глубокой пропастью; четыре буквы имени Бога были разделены на части. С мессианским периодом искупления моральный порядок мира, как Бог заложил его в плане вселенной, а также совершенство и единство Бога будут восстановлены. Когда Саббатай Зеве позволил себе произнести имя Бога полностью, он тем самым провозгласил, что для него началось время благодати.

Однако, несмотря на его благочестивую, мистическую жизнь, в возрасте двадцати двух лет у него было слишком мало авторитета, чтобы раввины могли допустить нарушение существующего порядка вещей, которое могло привести к дальнейшим вторжениям. Когда несколько лет спустя о притязаниях Цеви стало известно, коллегия раввинов во главе с его учителем Джозефом Эскафой наложила на него и его последователей запрет. В общине произошло много распрей, подробности которых неизвестны. В конце концов он и его ученики были изгнаны из Смирны (около 1651 года). Мессианское заблуждение, казалось, погасло, но оно продолжало тлеть и вспыхнуло снова, примерно пятнадцать лет спустя, ярким, всепожирающим пламенем. Это преследование не только не устрасило Саббатая Цеви, но и дало ему чувство собственного достоинства. Идея страдающего Мессии были переселены из христианства в иудаизм; это было принято мнение, что унижение чье предшественником Мессии возвеличивание и прославление. Саббатай верил в себя, и его ученики, среди которых был Мозес Пиньейру, человек зрелого возраста, высоко ценимый за научные познания, стойко разделяли эту веру. Если бы Мессии пришлось просить милостыню, чтобы проложить себе путь по миру, его иллюзия недолго продержалась бы в силе. Но Саббатай был богато обеспечен средствами, он мог сохранить свою независимость и предполагаемое достоинство и завоевать сторонников своего дела. Однако поначалу он держался скрытно, почти не говорил о своем мессианстве и тем самым избежал насмешек. Куда он направился после изгнания из родного города, не совсем известно; вероятно, в турецкую столицу, где проживала крупнейшая еврейская община, в которой было так много чистых и нечистых элементов, что каждый мог найти компаньонов для планов и приключений. Здесь он познакомился с проповедником Абрахамом Яхини, который подтвердил его заблуждение. Яхини пользовался высокой репутацией благодаря своему таланту проповедника. Он был нуждающимся и искусным парнем и делал аккуратные транскрипции для голландского христианина, который увлекался восточной литературой. Из эгоистичных побуждений или наслаждения мистификацией, а также чтобы утвердить Саббатая Зеви в его заблуждении, Яхини подсунул ему апокрифическую рукопись, написанную архаичными буквами, которая, как он утверждал, содержала древнее свидетельство мессианства Саббатая.

"Я, Авраам, был заперт на сорок лет в пещере и удивлялся, что время чудес так и не наступило. Затем голос ответил мне: "Сын родится в 5386 году мира (1626) и будет назван Саббатай. Он усмирит великого дракона: он истинный Мессия и будет вести войну без оружия".

Этот документ, который сам молодой фанатик, по-видимому, принял за подлинное откровение, позже стал источником многих мистификаций и обманов. Однако простаку и обманщице

показалось нецелесообразным, чтобы он появлялся в Константинополе. Салоники, которые всегда отдавали дань уважения мистицизму, казались более подходящим полем для каббалистических излияний. Поэтому Саббатай прожил здесь некоторое время, приобрел приверженцев и выступил вперед с большей смелостью. Здесь он разыграл одну из своих любимых сцен, с помощью которой впоследствии воздействовал на воображение каббалистов. Он подготовил торжественный праздник, пригласил своих друзей, послал за священной книгой (Торой) и намекнул присутствующим, что собирается отпраздновать с ней свой мистический брак. На языке каббалы это означало, что Тора, дочь неба, должна была быть неразрывно связана с Мессией, сыном неба, или Эн-Соф. Эта сцена вызвала неудовольствие благоразумных раввинов Салоник, и они издали указ о его изгнании. Оттуда он отправился в Морею, вероятно, к родственникам и друзьям своего отца, и некоторое время жил в Афинах, где в то время существовала еврейская община. Когда евреи этого региона услышали о вынесенном ему приговоре, они никак не ободрили его. Это противостояние, далекое от Discouraging его, только служил, чтобы сделать его смелее; он видимо считал свои страдания, как это необходимо для прославления Мессии.

Наконец, после долгих скитаний, в Каире ему представилась перспектива осуществить свою мечту. В египетской столице был еврей-монетный дворник и сборщик налогов с титулом Сарафа-баши, подобный алабархам в Александрии в более ранние эпохи. В то время (после 1656 года) этот пост занимал Рафаэль Джозеф Челеби из Алеппо, человек огромного богатства и щедрогоразвития, но невыразимой доверчивости и неискоренимой склонности к мистицизму и аскетизму. Пятьдесят ученых талмудистов и каббалистов пользовались его поддержкой и обедали за его столом. Каждый, кто искал его сочувствия, находил помощь и облегчение в своей нужде. Когда он ехал в царской колеснице и появлялся в великолепных одеждах, под ними он носил вретисце, много постился и мылся, а по ночам часто бичевал себя. Сэмюэль Виталь, сын Хаима Калабрезе, руководил его постоянными аскезами в соответствии с каббалистическими предписаниями Лурьи (Тиккун Лурья). Как уже говорилось, они были предназначены для того, чтобы ускорить приход Мессии. Быть в Каире и не познакомиться с Рафаэлем Джозефом было немыслимым поступком для каббалиста. Таким образом, Саббатай Цеви вошел в его круг и тем скорее завоевал его доверие, что, благодаря его независимому положению, он ничего от него не хотел. Похоже, он частично раскрыл Рафаэлю свои мессианские планы. Он стал старше, возмужалее и мудрее и знал, как заставить мэна подчиниться его желаниям. Приближался апокалиптический 1666 год, и было важно использовать благоприятный момент.

Он отправился в Иерусалим, возможно, пребывая в заблуждении, что на Святой Земле произойдет чудо, подтверждающее его величие. Община в Иерусалиме была в то время во всех отношениях бедной и убогой. Помимо того, что она была подавлена притеснениями и вымогательствами турецких чиновников, она пострадала из-за того, что поставки из Европы были исчерпаны из-за постоянных массовых убийств евреев в Польше. Следствием этого стало то, что лучшие люди эмигрировали, оставив управление общиной опытным каббалистам, преданным приверженцам Лурьи и Виталья, или распущенному кругу людей, которые следовали импульсам неприкрытого эгоизма. В то время в Иерусалиме было очень мало людей с хорошей репутацией и авторитетом. Врач-маррано по имени Джейкоб Цемах, по-видимому, стоял во главе их. Он, так сказать, одним прыжком перескочил из португальской церкви в гнездо каббалистов в Сафете, и там, как позже в Иерусалиме, стал бессознательным инструментом мистификаций, практикуемых Виталем. Абрахам Амиго, талмудист второго или третьего ранга,

преследовал схожие цели. Несомненно, довольно важным человеком был Джейкоб Чагес (1620-1674), который переехал из Италии в Иерусалим и хорошо писал по-испански. Чагес, однако, не имел официального положения, но вел жизнь отшельника в академии, которую основали для него два брата по имени Вега из Ливорно. О бездумной доверчивости жителей Иерусалима того времени свидетельствует грубый обман, осуществленный над ними Барухом Гадам, одним из их эмиссаров по сбору милостыни, которому они, образованные и необразованные, не только поверили, но и поклялись, что это правда. Барух Гад отправился в нищенское путешествие в Персию, где он притворился, что пережил много приключений, и был спасен евреем из племени Неффалима, который дал ему каббалистическое письмо от одного из "Сыновей Моисея" у чудесной реки Саббатин. В нем содержалась многоинформации о богатстве, великолепии и ежедневных чудесах Сынов Моисея и говорилось, что они с минуты на минуту ожидают начала мессианской эпохи как сигнала к выступлению. Эта история, подтвержденная циркуляром, была передана Барухом Гадам в ДжеруСалем, где ей безоговорочно поверили. Когда иерусалимская община оказалась в большой нужде вследствие казачьей резни, десять так называемых раввинов во главе с Якобом Цемахом отправили в Реджио своему посланнику Натану Спири из Иерусалима копию этого документа от Сынов Моисея, который тщательно хранился.. Это должно было послужить приманкой для получения более обильной милостыни.

Чудо, которого Саббатай Цеви ожидал для себя в Святом Городе, проявлялось в легковерии и мании чудессо стороны жителей Иерусалима, которые были склонны, подобно последним дикарям, принимать любое абсурдное послание за божественное откровение, если только оно было доведено до них надлежащим образом. Сначала энтузиаст из Смирны вел себя тихо, и гэвне обиделся. Он жил в соответствии с предписаниями Каббалы, накладывал на себя самые суровые ограничения и часто оставался у могил благочестивых людей, чтобы успокоить их дух. Таким образом, благодаря своему приятному, притягательному и благоговейному поведению и молчаливым манерам, он постепенно собрал вокруг себя круг приверженцев, которые слепо верили в него. Один из его преданных последователей с доверчивой простотой рассказал, что Саббатай Зеви пролил потоки слез во время молитвы. Всю ночь он пел Псалмы своим мелодичным голосом, расхаживая по комнате то короткими, то длинными шагами. Все его поведение выходило за рамки обычного. Он также имел обыкновение петь грубые любовные песни на испанском с мистическим смыслом о прекрасной дочери императора МелисСельде, с ее коралловыми губами и молочно-белой кожей, когда она выходила из ванны. Саббатай использовал другое средство для завоевания сердец. Когда он появлялся на улицах, он раздавал детям всевозможные сладости, которые в результате бежали за ним, и он таким образом снискал расположение их матерей.

Один случай приблизил его эксцентричные идеи к их воплощению. Община в Иерусалиме была приговорена одним из пашей или каким-нибудь мелким чиновником к одному из тех жестоких наказаний, которые часто влекли за собой пытки или смерть в их свите. Обедневшие прихожане возлагали свои надежды исключительно на Рафаэля Джозефа Челеби в Каире, известного своими средствами и склонностью помогать своим страждущим братьям, особенно иерусалимским святым. К нему должны были послать гонца, и Саббатаи Зеви повсеместно считался наиболее подходящим, особенно потому, что он был любимцем Сараф-баши. Он взялся за эту задачу охотно, потому что надеялся получить возможность сыграть роль спасителя Святого Города. Поклоняющиеся ему иперы считают это путешествие в Египет началом его чудесной силы и утверждают, что он совершил много чудес на море. Саббатай, однако, путешествовал не по воде, а по суше, через Хеврон и Газу, вероятно, присоединившись к

каравану, идущему через пустыню. Он привлек к себе столько внимания, что все евреи Хеврона, чтобы понаблюдать за ним, воздерживались от сна в ночь его пребывания. Прибыв в Каир, он немедленно получил от Челеби сумму, необходимую для выкупа иерусалимской общины, и кроме того, представилась необычайно благоприятная возможность подтвердить его мессианские мечты.

Во время массового убийства евреев в Польше Хмельницким еврейская девочка-сирота лет шести была найдена христианами и отдана в женский монастырь. Ее родители были мертвы, брата увезли в Амстердам, вся община распалась и обратилась в бегство, и никто не беспокоился о покинутом ребенке, так что монахини монастыря считали подкидыша принесенной к ним душой и дали ей христианское монастырское воспитание. Впечатления, полученные в доме ее родителей, были настолько живыми, что христианство не нашло входа в ее сердце; она осталась верна иудаизму. Тем не менее, ее душа питалась фантастическими мечтами, навеянными ее окружением, и ее мысли приняли эксцентричное направление. Она выросла в милую девушку и мечтала сбежать из монастыря. Однажды ее нашли евреи, которые снова поселились в этом месте, на еврейском кладбище. Удивленные, обнаружив красивую шестнадцатилетнюю девушку, легко одетую в таком положении, они расспросили ее и получили ответ, что она еврейского происхождения и воспитывалась в монастыре. По ее словам, накануне вечером призрак ее отца физически овладел ею и вынес из постели на кладбище. В подтверждение своего заявления она показала следы женских ногтей на своем теле, которые, как утверждалось, остались от рук ее отца. Похоже, что она научилась в монастыре искусству нанесения шрамов на свое тело. Евреи сочли опасным держать среди себя беглянку из монастыря и отправили ее в Амстердам. Там она нашла своего брата. Эксцентричная по натуре и взволнованная переменой в своей судьбе, она постоянно повторяла слова о том, что ей суждено стать женой Мессии, который вскоре должен был появиться. Прожив несколько лет в Амстердаме под именем Сара, она приехала — неизвестно с какой целью — через Франкфурт-на-Майне в Ливорно. Там, как утверждают заслуживающие доверия свидетели, она использовала свои чары в аморальных целях, однако продолжала утверждать, что посвятила себя Мессии и не могла заключить никакого другого брака. Странная история этой польской девушки распространилась среди евреев и проникла даже в Каир. Саббатай Цеви, услышавший об этом, рассказал, что полисная девушка-еврей была обещана ему во сне в качестве его духовной жены. Он послал гонца в Ливорно и приказал доставить Сару в Каир.

Своим фантастическим, свободным, уверенным в себе поведением и своей красотой Сара произвела особое впечатление на Саббатая и его спутников. Сам он был твердо убежден в своем мессианстве. Саббатаю и его друзьям была известна аморальная жизнь этой польской авантюристки. Говорили, что это также было мессианским устроением; ему, как и пророку Осии, было предписано жениться на нецеломудренной жене. Никто не был так счастлив, как Рафаэль Джозеф Челеби, потому что в его доме Мессия встретил свою невесту и женился. Он предоставил свое богатство в распоряжение Саббатая Зеви и стал его самым влиятельным последователем. Теплое общение с таким достойным, уважаемым и могущественным человеком привело многих верующих в Саббатая. Справедливо было сказано, что он прибыл в Египет как посланник, а вернулся как Мессия. Ибо с этого второго места жительства в Каире начинается его общественная карьера. Сарра, также, прекрасная невеста Мессии, привела ему много учеников. Благодаря ей романтический, распущенный элемент вошел в фантастическую карьеру Смирнского Мессии. Ее красота и свободный образ жизни привлекали молодежь и мужчин, которые не испытывали симпатий к мистическому движению. С большим количеством

последователей, чем когда он начинал, Саббатай вернулся в Палестину, привезя с собой два талисмана, обладающих большей силой, чем каббалистические средства, — влияние Сары и деньги Челеби. В Газе он нашел третьего сообщника, который помог уладить его делоч.

В Иерусалиме жил человек по имени Елисей Леви, переселившийся туда из Германии. Евреи Святого Города разослали его во все концы света с письмами-мольбами. Пока он странствовал по северной Африке, Амстердаму, Гамбургу и Полу, его сын Натан Бенджамин Леви (1644-1680) был предоставлен самому себе или извращенному образованию того времени. В школе Якоба Чагеса он превратился в юношу с поверхностным знанием Талмуда, усвоил каббалистические обрывки и приобрел легкость в высокопарном, но пустом, бессмысленном раввинском стиле того периода, который скрывал бедность мысли под многословием. Перо было его верным инструментом и заменило дар речи, в котором у него было мало возможностей. Этот юноша внезапно поднялся из крайней нищеты к богатству. Богатый португалец Самуэль Лисбона, переехавший из Дамаска в Газу, попросил Якоба Чагеса порекомендовать мужа для его красивой, но одноглазой дочери, и тот предложил своего ученика Натана Бенджамина. Таким образом, он связался с богатым домом и вследствие перемены своего состояния потерял всякую стабильность, если таковая у него и была. Когда Саббатай Зеви с большой группой последователей прибыл в Газу на обратном пути из Каира, выдавая себя за Мессию, и толпы, собравшиеся вокруг него, приняли его как такового, Натан Газати (*т.е.* из Газы) вступил с ним в тесные отношения. Каким образом возникло их общее знакомство и привязанность, не объясняется. Ученики Саббатая заявили, что Натан откопал часть древнегосписьма, в котором засвидетельствовано мессианство Зеви. Вероятно, ближе к истине то, что Саббатай, чтобы убедить Газати в своей миссии, подсунул ему поддельный документ, полученный от Абрахама Яхини. Во всяком случае, Натан стал его самым ревностным последователем, то ли по убеждению, то ли из желания сыграть заметную роль, чего больше нельзя разглядеть в этой истории, в которой простая вера, самообман и умышленное надувательство так близко граничат друг с другом.

После того, как Натан Газати и Саббатай познакомились, первый был двадцатилетним юношей, второй - сорокалетним мужчиной, пророческие откровения следовали одно за другим. Газати утверждал, что он воскресший Илия, который должен был проложить путь Мессии. Он сообщил, что в определенный день (вероятно, в канун Пятидесятницы 1665 года) ему был дан призыв, что через год и несколько месяцев Мессия явится во всей своей славе, возьмет султана в плен без оружия, только с музыкой, и установит владычество Израиля над всеми народами земли. Мессианская эпоха должна была начаться в 1666 году. Это откровение было провозглашено повсюду в письменной форме мнимым пророком из Газы, с добавлением диких фантазий и наводящих на размышления деталей. Он написал Рафаэлю Джозефу, подтверждая получение присланных им денег, и умоляя его не терять веру в Саббатая; последний, несомненно, через год и несколько месяцев сделает султана своим подданным и будет водить его повсюду как пленника. Владычество будет доверено Натану до тех пор, пока он не завоюет другие народы без кровопролития, воюя только против Германии, врага евреев. Затем Мессия отправлялся на берега реки Саббатаион и там женился на дочери великого пророка Моисея, которая в возрасте тринадцати лет была возведена как царица, а Сарра стала ее рабыней. Наконец, он поведет обратно десять племен в Святую Землю верхом на льве с семиглавым драконом в пасти. Чем более преувеличенными и абсурдными были пророческие измышления Натана, тем больше доверия они находили у ти. Настоящий приступ опьянения охватил почти всех евреев Иерусалима и соседних общин. С пророком, в прошлом застенчивым

юношей, провозглашающим столь великое послание, и Мессией, более глубоко сведущим в Каббале, чем Хаим Витал, кто осмелится усомниться в приближении благодатного времени? Те, кто качал головами в ответ на это растущее самозванство, подвергались презрительному смеху со стороны саббатянцев.

Раввинские лидеры иерусалимской общины были неприятно поражены этим мессианским движением и стремились задушить его при зарождении. Для того, чтобы настроить их против Саббата, было достаточно того, что он стоял на переднем плане, а их отодвинул в тень. Говорят, что он распределял деньги из Египта по своему собственному усмотрению, и я считаю, что подразделение чрезмерно благоволило его собственным последователям. Джейкоб Чейджес и его колледж пригрозили ему строжайшим отлучением от церкви, если он будет упорствовать в своем курсе. Саббата Зеве, похоже, это мало заботило, тем более что запрет не мог иметь никакого эффекта, если бы сообщество было на его стороне. Даже Мозес Галанте, зять Якова Чагеса, почитаемый авторитетом в Святой Земле, относился к нему с уважением, хотя, как он впоследствии заявлял, не верил в него безоговорочно. Саббатай Зеве ясно видел, что Иерусалим - неподходящее место для его планов, поскольку раввины будут чинить препятствия на его пути. Вслед за этим Натан Газати в экстазе провозгласил, что Иерусалим утратил свое значение священного города и что Газа заняла свое место. В Смирне, его родном городе — важном месте сбора европейцев и азиатов - Саббатай думал, что сможет добиться большего успеха. Его богатые братья приготовили ему хороший прием, раздав деньги бедным и нуждающимся, а экстравагантные пророческие послания Натхана разожгли воображение людей. Но прежде чем покинуть Иерусалим, Саббатай позаботился о том, чтобы направить активных миссионеров фанатичного и мошеннического характера, которые предсказывали его Мессианское появление, будоражили умы людей, и наполняли их его именем. Саббатай Рафаэль, нищий и самозванец из Мореи, в манере шарлатана распространялся о величии Мессии; и немецкий каббалист Мататиаас Блох сделал то же самое в слепой простоте.

Таким образом, случилось так, что, когда Саббатай Зеве покинул Иерусалим — по собственному желанию, как он утверждал, изгнанный, как говорили другие, — его сразу же с триумфом приняли в большой азиатской общине Алеппо. Еще более велико было почитание, оказанное ему в его родном городе (осень 1665 г.). Запрет, объявленный агаи при нем, не был запомнен. Его сопровождал житель Иерусалима Сэмюэл Примо, который стал его личным секретарем и одним из самых ревностных агентов по вербовке персонала. Сэмюэл Примо понимал искусство придавать мелочам вид официальной серьезности и с помощью цветистого стиля придавать мировое значение мессианскому самозванству. Он один оставался трезвым посреди постоянно растущего фанатизма и давал энтузиастам цель и направление. Примо, по-видимому, возвестил о славе Саббата после осуждения; у него был тайный план, который должен был быть осуществлен через Мессию. Похоже, он больше пользовался Саббатаем, чем был нанят им. Саббатаю хватило такта не объявлять себя сразу в Смирне Мессией; он приказал верующей толпе не говорить об этом до надлежащего времени. Но эта сдержанность в сочетании с другими обстоятельствами — разглашающими письмами Нафана, прибытием некоторых жителей Иерусалима, которые принесли ему почести Святого Города (хотя и не были уполномочены делать этого), суровыми унижениями, которым подвергли себя люди, чтобы искупить свои грехи и стать достойными пришествия Мессии, — все это подействовало на умы толпы, и они едва могли дождаться дня его откровения. Он привлек каббалистов на свою сторону своими мистическими высказываниями. Наконец Саббатай Зеве публично

провозгласил себя в синагоге, протрубив в рога, ожидаемым Мессией (Новый год, сентябрь или октябрь 1665 г.), и толпа закричала ему: "Да здравствует наш Царь, наш Мессия!"

Пословица о том, что пророка меньше всего почитают в его собственной стране, на этот раз была опровергнута. Безумию евреев Смирны не было границ. Ему были оказаны все знаки почета и восторженной любви. Это была не радость, а безумие -чувствовать, что долгожданный Мессия наконец появился, причем в их собственной общине. Безумие охватило великих и малых. Женщины, девушки и дети пришли в восторг и провозгласили Саббатай Цеви на языке Зоар истинным искупителем. Слово пророка о том, что Бог в конце мира изольет свой дух на молодежь, казалось исполненным. Все готовились к скорейшему исходу, возвращению в Святую Землю. Рабочие забросили свои дела и думали только о приближающемся царствовании Мессии. Путаница в мозгах людей проявилась в том, как саббатанцы Смирны стремились заслужить свою долю во время благодати. С одной стороны, они подвергали себя невероятным покаяниям — постились несколько дней подряд, не спали по ночам, чтобы каббалистическими молитвами (тикунимами) в полночь смыть свои грехи, и купались в чрезвычайно холодную погоду, даже когда на земле лежал снег. Некоторые зарывались по шею в землю и оставались в своих сырых могилах до тех пор, пока их конечности не коченели от холода. С другой стороны, они предавались самым экстравагантным удовольствиям и отмечали фестиваль за фестивалем в честь Мессии, когда бы Саббатай Зеви ни показывался — всегда с большой вереницей последователей — или ходил по улицам, распевая псалмы "Десница Господня превознесена, десница Господня приносит победу", или проповедовал в синагоге и доказывал свое мессианство каббалистическими толкованиями Священных Писаний. Он появлялся только в процессии на публике, размахивал веером, чтобы охладиться, и всякий, кого это касалось, был уверен в царствии небесном. Безумной радости его последователей не было предела. Каждое его слово повторялось тысячу раз как слово Божье, разъяснялось, преувеличивалось и усиливалось. Все, что он делал, считалось чудесным, публиковалось и в это верили. Безумие зашло так далеко, что его приверженцы в Смирне и в других местах, например, в Салониках, этом древнем каббалистическом очаге, женили друг на друге своих детей двенадцати, десяти и даже младше - всего семьсот пар, — чтобы, согласно каббалистическим идеям, они могли заставить еще не рожденные души войти в жизнь и тем самым устранить последнее препятствие к началу благодатного времени.

Деятельность Саббатай Зеви по электрификации умов простых верующих, то публичной помпой и зрелищами, то тихим уединением, дополнялась Сарой, его женой, которая своим распущенным поведением разжигала страсти мужского населения. Узы поспешности, стянутые гораздо крепче среди восточных евреев, чем в Европе, были разорваны. Собрание людей обоего пола в огромных количествах, доселе неслыханное, было небольшим нововведением. В мессианском порыве восторга мужчины и женщины танцевали друг с другом как безумные, и, как говорят, в мистическом порыве было совершено множество эксцессов. Голос порицания и предостережения постепенно умолк; все были втянуты в водоворот, а неверующие были обезврежены. Раввин Аарон де ла Папа (умер в 1674 году), пожилой и респектабельный человек, который сначала выступил против этого мессианского безумия и вместе с другими раввинами объявил запрет против его создателя, был публично оскорблен в проповеди Саббатаи, отстранен от должности и вынужден покинуть Смирну.

Самым недостойным было поведение раввина Хаима Бенвенисти (1603-1673), очень значительного авторитета в Талмуде и удивительно образованного человека, который,

поскольку он был литературным оппонентом Де ла Папы, не только потерпел отстранение последнего от должности, но и позволил Саббатаю назначить себя на его место. Хотя поначалу он был настроен резко по отношению к новому Мессии, он стал верующим и своим авторитетом повел за собой толпу. Саббатаи подстрекали последних к кровавому фанатизму. Поскольку знатный, богатый и уважаемый человек в Смирне Хаим Пенья, который щедро поддерживал Хаима Бенвенисти, с упрямым недоверием противостоял широко распространенному заблуждению, на него внезапно напали в синагоге, он подвергся преследованиям и был чуть не разорван на куски разбушевавшейся толпой. Саббатай Цеви, мнимое воплощение благочестия, приказал взломать синагогу и схватить мерзкого еретика. Но когда дочери Пеньи, также охваченные безумием, пришли в восторг и начали пророчествовать, у отца не было иного выбора, кроме как сделать доброе лицо в этом ужасном деле. Он также напустил на себя вид ревностного приверженца. После порабощения Пеньи Саббатай Цеви стал единоличным правителем в общине и мог по своему желанию вести еврейское население к добру или ко злу. Во время его настроения, которое длилось несколько месяцев, евреи Смирны очень мало боялись своих тиранов, турецких кади; если они предлагали сдерживать преобладающую тенденцию, богатые подарки побуждали их бездействовать.

Эти события в еврейском квартале в С.мирна произвели большую сенсацию во все более широких кругах. Соседние общины Малой Азии, многие из которых уже брать себя в Смирне, и свидетелем сцены действующих в этом городе, принесли домой преувеличенные рассказы о Мессии военнопленных РП притяжения и творить чудеса, были сметены в один и тот же вихрь. Личный секретарь Саббатая, Самуэль Примо, позаботился о том, чтобы слухи о славе и деяниях Мессии доходили до евреев за границей. Натан Ghazati рассылал циркуляры из Палестины, ДЕ странствующие пророки, Sabbatai Рафаэля и Matathias блох, залил уши своих ревизоров с самых дивных счетов нового Исккупителя. Христиане также помогли распространить эту историю. Местные жители, клерки английских и голландских торговых компаний и евангелические служители сообщали о необычных происшествиях в Смирне, и хотя они насмехались над безрассудством евреев, не могли сдерживать наполовину доверчивого сочувствия. Разве они не видели собственными глазами экстаз и не слышали ушами предсказания пророков и пророчиц Саббатая Цеви, истинного искупителя? На биржах в Европе люди говорили о нем как о выдающейся личности и с нетерпением ждали новостей из Смирны или Константинополя. Сначала евреи были ошеломлены сообщениями, которые внезапно обрушились на них. Осуществилась ли наконец давняя надежда на то, что однажды угнетение и позор Израиля будут устранены и что он вернется в славу в свой дом? Неудивительно, что почти повсюду повторялись сцены, подобны тем, что были в Смирне, что умы людей были полны легковерия, принимая простые слухи за подтвержденные факты, или что дикое возбуждение, аскетическая жизнь и раздача милостыни нуждающимся в качестве подготовки ко времени прихода Мессии, за которыми нас то тут, то там сопровождают пророческие экстазы. Не только бессмысленная толпа, но почти все раввины и даже люди культуры и философских суждений пали жертвой этой доверчивости.

В то время ни один влиятельный человек не осознавал, что первоисточник всех этих явлений лежит в Каббале и Зогаре. Якоб Саспартас, родом из Африки, жил в Амстердаме и Лондоне, а в это время находился в Гамбурге. Он родился около 1620 года и умер в 1698 году. Человек мужественный и проникательный, чье слово имело вес благодаря его талмудическим познаниям, Саспартас с самого начала боролся с этим мессианским гневом со страстной теплотой. Он неустанно отправлял письмо за письмом различным общинам и их руководителям

в Европе, Asia и Африке, чтобы разоблачить практикуемый грубый обман и предостеречь от печальных последствий. Но даже он был запутан в сетях Каббалы и принял ее принципы. Исходя из этой ложной философии, убежденные энтузиасты были более правы, чем нерешительные приверженцы. Спиноза, который мог бы рассеять этот густой туман своими светлыми идеями, был не только отчужден от иудаизма и своей расы, но даже враждебен им и относился к преобладающим затруднениям с безразличием или злобой.

Рассказы о Саббатае Цеви и мессианском волнении доходили либо напрямую, либо окольными путями через Александрию, Венецию, Ливорно и другие итальянские города.

Венецией руководил фанатичный каббалист Моисей Закут, очень не гениальный сокурсник Спинозы, который планировал перебраться из Амстердама через Польшу в Палестину, но остановился в Венеции. Далекий от того, чтобы противостоять заблуждению толпы, он поощрял его, как и раввинат Венеции. Новости из Смирны произвели наиболее поразительный эффект на великий и малый северный Иерусалим. Пророк Газы, не лишенный трезвого расчета, направил свои пропагандистские циркуляры в самые значительные и богатые общины — Амстердам и Гамбург. Они вступили в тесные отношения с новым мессианским движением. Евреи Амстердама и Гамбурга получили подтверждение экстраординарных событий в Смирне от заслуживающих доверия христиан, многие из которых были искренне рады этому. Даже Генрих Ольденбург., выдающийся немецкий ученый из Лондона, писал своему другу Спинозе (декабрь 1665 г.):

"Весь мир здесь говорит о слухах о возвращении израильтян, рассеянных более чем на две тысячи лет, в свою собственную страну. Немногие верят в это, но многие желают этого.... Если новость подтвердится, это может вызвать революцию во всем".

Число верующих в Амстердаме росло с каждым днем среди португальцев не меньше, чем среди немцев, и многие образованные люди подавали пример; раввины Исаак Абоаб и Рафаэль Мозес Д'Агвилар, сокурсник Спинозы Исаак Наар и Абрахам Перейра, один из капиталистов Амстердама и автор книг о морали на испанском языке, все стали верующими. Даже полуспинозист Дионисий Мусафия стал ревностным приверженцем новой Мессии. В Амстердаме преданность новой вере проявлялась противоречиво — в шумной музыке и танцах в молитвенных домах и в мрачном монашеском самоуничтожении. Печатные станки не могли обеспечить достаточное количество экземпляров специальных молитвенников на иврите, португальском и испанском для множества верующих. В этих книгах были даны покаяния и формулы, с помощью которых люди надеялись стать участниками царства Мессии. Многие саббатские молитвенники (тикунимы) печатали изображение Саббатая вместе с изображением царя Давида, а также эмблемы его владычества и избранные фразы из Библии. В уверенном ожидании скорейшего возвращения в Святую Землю старейшины одной синагоги ввели обычай произносить священническое благословение каждую субботу.

В Гамбурге евреи пошли на еще большие глупости, потому что они хотели устроить демонстрацию против фанатичных христиан, которые во многих отношениях мучили их досадными ограничениями и, когда было возможно, заставляли их слушать христианские проповеди. Всякий, кто входил в синагогу и видел, как еврейские прихожане прыгают и пританцовывают со свитком Закона в руках, серьезные, уважаемые люди с испанской статностью, должны были принять их за сумасшедших. На самом деле преобладала психическая

болезнь, которая делала людей инфантильными; даже самые выдающиеся в обществе становились ее жертвами.

Мануэль Тексейра, также называемый Исааком сеньором Тексейрой, родился около 1630 года и умер около 1695 года. За несколько месяцев до смерти своего отца, Диего Тексейры, дворянина маррано, эмигрировавшего из Португалии и поселившегося в Гамбурге, Мануэль стал постоянным министром, банкиром и доверенным лицом Кристины, бывшей королевы Швеции. Она ценила его за честность, за благородное украшение и проницательность. Она обменивалась с ним письмами по важным вопросам, обсуждала с ним политические интересы Европы и приписывала ему глубокие, присущие государственному деятелю взгляды. Во время своего пребывания в Гамбурге она поселилась в доме Мануэля Тексейры, к неудовольствию местных церковных властей, которые враждебно относились к евреям, и оставалась совершенно равнодушной, хотя протестантские проповедники сурово осуждали ее с кафедр. Люди самого высокого ранга приходили в дом Тексейры и играли с ним по-крупному. Этот еврейский кавалер также принадлежал к приверженцам Саббата и участвовал в абсурдных танцах; как и искусный и знаменитый врач Бендито де Кастро (Барух Неемия), ныне преклонных лет, который некоторое время был врачом королевы во время ее пребывания в Гамбурге. Де Кастро в то время был директором гамбургской общины, и по его приказу в синагоге практиковались мессианские безумства. Якоб Саспортас, который из-за вспышки чумы в Лондоне в то время проживал в Гамбурге, приводил серьезные аргументы и сатиру против этого мессианского заблуждения; но он не смог добиться, чтобы его голос был услышан, и лишь чудом избежал грубого обращения со стороны саббатистов. Община, недавно созданная в Лондоне во времена правления Карла II, которая избрала Якоба Саспортаса главным раввином, была не менее одержима этим увлечением. Дополнительную поддержку ему придали контакты с христианскими энтузиастами, которые надеялись приблизить тысячелетие. Любопытные сообщения передавались из уст в уста. Как уже говорилось, на севере Шотландии появился корабль с шелковыми парусами и канатами, управляемый матросами, говорившими на иврите. На флаге была надпись: "Двенадцать колен или семейств Израилевых". Верующие, живущие в Лондоне, по английской моде предлагали шутникам шансы десять к одному, что Саббатай будет помазан на царство в Иерусалиме в течение двух лет, и оформляли официальные переводные векселя по этому поводу. Всюду, где жили евреи, проникали вести о каббалистическом Мессии из Смирны и повсюду производили дикий ажиотаж. Маленькая община Авиньона, с которой папские чиновники обращались не самым мягким образом, готовилась эмигрировать в Иудейское королевство весной 1666 года.

Если бы Саббатай Цеви до сих пор не был твердо уверен в себе и своей божественности, это почтение почти всей еврейской расы должно было бы пробудить уверенность. Каждый день прибывали советы, гонцы и депутации, приветствовавшие его в самых лестных выражениях как царя Иудейского, предоставлявшие в его распоряжение жизнь и имущество и осыпавшие его подарками. Если бы он был человеком непреклонной решимости и силы воли, он мог бы добиться важных результатов благодаря этому искреннему энтузиазму и добровольной преданности своих верующих. Даже Спиноза допускал возможность, с учетом этой благоприятной возможности и изменчивости человеческих качеств, что евреи могут восстановить свое царство и снова стать избранниками Бога. Но Саббатай Цеви был доволен ароматом благовоний. Он не вынашивал никаких великих замыслов, или, скорее, он жил в заблуждении, что ожидания людей сбудутся сами собой, благодаря чуду. Однако Сэмюэль Примо и некоторые из его приближенных, по-видимому, следовали четкому плану, а именно

изменить раввинскую систему или даже упразднить ее. Это было в реальности, подразумеваемой во время правления Мессии. Фундаментальная концепция Зоар, Библии каббалистов, заключается в том, что во времена благодати, в мире порядка (Олам ха-Тиккун) законы иудаизма, предписания, касающиеся законных и запрещенных вещей, полностью утратили бы свое значение. Теперь, по мнению саббатянцев, это время уже началось; следовательно, мелкий ритуальный кодекс Шулхан Аруха больше не должен считаться обязательным. Сомнительно, пришел ли к такому выводу сам Саббатай. Но некоторые из его доверенных сторонников придали этой теории большое значение. В этом кругу преобладала определенная горечь по отношению к Талмуду и талмудическому методу преподавания. Мистики-саббатяне чувствовали себя скованными тесными узлами раввинской сети и пытались распутать ее петля за петлей. Они установили новое божество, заменив Бога Израиля человеком-богом. В своей беспричинной экстравагантности каббалисты настолько полностью изменили представление о божестве, что оно превратилось в ничто. С другой стороны, они настолько возвеличили Мессию, что он был близок к Богу. Саббатяне, или один из них (Сэмюэль Примо?), строили на этом фундаменте. Они говорили, что из Божественного лона (От Века Древнего) возникла новая божественная личность, способная восстановить порядок в мире, предусмотренный первоначальным планом Божественного Совершенства. Этой новой личностью был Святой Царь (Малка Кадиша), Мессия, Изначальный Человек (Адам Кадмон), который уничтожит зло, грех и порочность и заставит эти иссякшие потоки благодати течь снова. Он, святой царь, Мессия, есть истинный Бог, искупитель и спаситель мира, Бог Израиля; только к нему следует обращаться с молитвами. Святой Царь, или Мессия, сочетает в себе две природы — одну мужскую, другую женскую; благодаря своей высшей мудрости он может сделать больше, чем Создатель мира. Сэмюэль Примо, который рассылал циркуляры и постановления от имени мессианского царя, часто использовал подпись: "Я, Господь, твой Бог, Саббатай Цеви". Невозможно решить, допускал ли фанатик из Смирны подобную богохульную самонадеянность, как и то, считал ли он в глубине души еврейский закон недействительным. Ибо, хотя некоторые саббатяне, произносившие эти нелепости, делали вид, что слышали их из его собственных уст, другие ученики утверждали, что он был приверженцем традиционного иудаизма.

Истина, вероятно, заключается в том, что Саббатай Зеви, поглощенный праздными размышлениями, принимал все, чему учили или предлагали наиболее энергичные из его последователей. Они начали распад иудаизма с превращения поста десятого числа Тебета (Асара бе-Тебет) в день радости. Сэмюэль Примо во имя своей божественности разослал циркуляр по всему Израилю в полуофициальной форме:

"Первороденный Соот Бога, Саббатай Цеви, Мессия и Искупитель народа Израиля, всем сынам Израиля, Мир! Поскольку вы были признаны достойными лицезреть великий день и исполнение слова Божьего через пророков, ваш плач и печаль должны превратиться в радость, а ваш пост - в веселье, ибо вы больше не будете плакать. Возрадуйтесь песне и мелодии и превратите день, ранее проведенный в печали, в день юбилея, потому что Я явился".

Вера в Саббатай Зеви настолько прочно укоренилась в умах людей, что общины, до которых вовремя дошло письмо, прекратили этот пост, хотя они верили, что смогут войти в царство Мессии только при строгом воздержании. Стойкая ортодоксальная партия, однако, была шокирована этим нововведением. Они не могли представить себе Мессию иначе, как

благочестивым раввином, который, если бы это было возможно, изобрел бы новые тяготы. Тысячу раз они читали в "Зоаре" и повторяли друг другу, что во времена Мессии дни траура будут заменены днями празднеств, и Закон в целом больше не будет иметь обязательной силы; но когда слова превратились в дела, их охватил ужас. Те раввины, которые раньше относились к движению наполовину недоверчиво или не вмешивались в аскезы и дела активной благотворительности, к которым многие саббатанцы чувствовали побуждение, тем самым давая молчаливое согласие, теперь подняли свой голос против мессианства, разрушающего закон. В каждой крупной общине начала формироваться небольшая группа неверующих (кофрим), главным образом людей, сведущих в Талмуде, которые желали защитить установленную религию от нападков и разрушения.

Раввинистический иудаизм и каббала, до сих пор находившиеся в тесной конфедерации, начали расходиться друг с другом; этот сомнительный союзник наконец проявил себя в своем истинном обличье врага раввинизма. Но это отрезвляющее открытие, что Каббала была змеей, возвращенной на свет самими раввинами, было признано лишь немногими. Они все еще оставались верны ей, приписывая растущую враждебность к Схалчан Арух Саббатаю и его помощникам и подстрекателям. Было слишком поздно, их голоса потонули в криках радости. Соломон Алгази и некоторые члены раввината Смирны, разделявшие его мнение, пытались воспротивиться отмене поста, но были чуть не забиты камнями до смерти толпой верующих и были вынуждены, как и Аарон де ла Папа, в спешке покинуть город.

Но Мессия был, наконец, вынужден вырваться из своего рая для дураков и атмосферы благовоний в Смирне, чтобы завершить свою работу в турецкой столице — либо потому, что его последователи вынудили его поместить свой свет не в бушель, а на него, чтобы весь мир мог это увидеть, либо потому, что кади больше не мог терпеть безумное поведение евреев и не хотел нести единоличную ответственность. Говорят, что кади дал Саббатаю Зеви три дня на то, чтобы отправиться в Константинополь и предстать перед высшими турецкими властями. В своем заблуждении Зеви, возможно, верил, что чудо исполнит пророчества Натана Газати и других пророков, что он легко сможет отнять корону у султана. Он приготовился к своему путешествию. Прежде чем покинуть Смирну, он разделил мир между двадцатью шестью своими верными и назвал их королями и принцами. Его братья, Элия и Джозеф Цеви, получили львиную долю; первый был назван царем царей, второй - царем царей Иудеи. Другим своим верным последователям он раскрыл на каббалистическом языке, какая душа бывших царей Иудеи или Израиля обитала в каждом из их тел, то есть перешла в них путем переселения. Среди наиболее известных имен были имена товарища его юности Исаака Сильвейры и Абрахама Яхини из Константинополя, которые обучили его искусству мистицизма. Меньше всего можно было обойти вниманием Рафаэля Джозефа Челеби; он был первым твердым сторонником Мессии и звался царем Иоасом. Врач-маррано, бежавший из Португалии и бывший его преданным приверженцем, получил корону Португалии. Даже его бывший оппонент Хаим Пенья получил собственное королевство. Нищий Абрахам Рубио из Смирны также был возведен на трон под именем Иосии и был настолько твердо убежден в своем приближающемся владычестве, что отказался от крупных сумм за свое воображаемое королевство.

Саббатай Цеви, по-видимому, намеренно отправился в свое мессианское путешествие в Константинополь именно в начале мистического 1666 года. Его сопровождали несколько его последователей, в его свите находился его секретарь Сэмюэл Примо. Он объявил день своего прибытия в Константинополь, но обстоятельства оказались для него ложными. Кораблю, на

котором он плыл, пришлось бороться с плохой погодой, и путешествие затянулось на недели. Поскольку море не поглотило его, саббатанцы сочинили чудесные истории о том, как шторм и волны подчинились Мессии. В каком-то месте на побережье Дарданелл пассажиры потрепанного непогодой судна были вынуждены высадиться, и там Саббатаи был арестован турецкими офицерами, посланными взять его в плен. Великий визирь Ахмед Коприли услышал о волнениях евреев в Смирне и пожелал подавить их. Офицеры имели строгий приказ доставить мнимого искупителя в оковах в столицу, и поэтому поспешили встретить корабль, на котором он прибыл. Асогласно приказу, они заковали его в кандалы и привезли в маленький городок по соседству с Константинополем, потому что приближался канун субботы. Извещенные гонцом о его прибытии в Чекнесе Кутчук, его последователи поспешили из капитолия, чтобы увидеть его, но нашли его в плачевном состоянии и в цепях. Деньги, которые они привезли с собой, принесли ему некоторое облегчение, и в следующее воскресенье (февраль 1666 г.) он был доставлен морем в Константинополь - но насколько иным способом, чemoжидали он и его верующие! Однако его приход вызвал волнение. На пристани собралась такая толпа евреев и турок, желавших увидеть Мессию, что полиции пришлось наблюдать за высадкой. Помощник паши, назначенный принимать его, приветствовал человека-бога энергичным тычком в ухо. Однако говорят, что Саббатай Цеви мудро подставил другую щеку под удар. Поскольку он не мог играть роль триумфатора, он, по крайней мере, хотел с достоинством сыграть роль Мессии из суффиксического кольца. Когда его привели к заместителю визиря (каймакаму) Мустафепаше, он не блестяще выдержал первое испытание. На вопрос, каковы были его намерения и почему он привел евреев в такое возбуждение, Саббатай, как говорят, ответил, что он был не более чем еврейским Хахамом, приехавшим из Иерусалима в столицу собирать милостыню; он ничего не мог поделать, если евреи свидетельствовали о такой большой преданности ему. После этого Мустафа отправил его в тюрьму, в которой содержали несостоятельных еврейских должников.

Его последователи в Константинополе не только не были разочарованы таким обращением, но и упорствовали в своем заблуждении. Несколько дней они тихо сидели дома, потому что уличные мальчишки дразнили их, крича: "Он идет? он идет?" (Gheldi mi, Gheldi mi.) Но вскоре они снова начали утверждать, что он был истинным Мессией и что страдания, с которыми он столкнулся, были необходимыми, условием его прославления. Пророки продолжали провозглашать скорое искупление Саббатая и всего Исроэля. Турецкий дервиш заполнил улицы Константинополя пророчествами о Мессии, враги которого утверждали, что последователи Саббатая подкупили его. Тысячи людей ежедневно приходили к месту заключения Саббатая только для того, чтобы хоть мельком увидеть его. Английские христиане, чьи требования не были удовлетворены их еврейскими должниками, обратились к Мессии. Написанный его рукой приказ, призывающий неплательщиков воздавать должное своим кредиторам, поскольку в противном случае они не смогут разделить его радость и славу, возымел наилучший эффект. Самуэль Примо позаботился о том, чтобы до евреев Смирны и тех, кто жил издалека, дошли самые невероятные слухи о почитании Мессии турецкими властями. В глубине души, писал он, все они были убеждены в его достоинстве. Ожидания Jews были подняты до еще более высокого уровня, и самые преувеличенные надежды укрепились в большей степени. То, что суровое турецкое правосудие позволило ему, мятежному еврею, выжить, считалось осязаемым чудом. Разве этот акт милосердия не доказал, что его боялись? Турецкое правительство, похоже, на самом деле благоговело перед еврейским мессией. Надвигалась Критская война, которая потребовала всей энергии наполовину истощенной

турецкой империи. Благоразумный великий визирь Ахмед Коприли не захотел приговаривать его к смерти, тем самым сделав нового мученика и вызвав отчаянный бунт среди евреев. Даже турки, очарованные манерами Саббатая и обманутые необычайными чудесными явлениями, особенно пророчествами женщин и детей, присоединились к рядам его почитателей. Коприли казалось столь же опасным оставлять Саббатая на время его отсутствия на войне в Константинополе, где он мог легко подлить масла во все возрастающее волнение в столице. Поэтому он приказал, после того как Саббатай был заключен в тюрьму в Константинополе на два месяца — с начала февраля по 17 апреля, — доставить его в замок Дарданеллы в Абидосе, где обычно содержались государственные заключенные. Это было мягкое заключение; некоторым из его друзей, в том числе Сэмюэлю Примо, было разрешено сопровождать его туда. Саббатианцы называли эту крепость мистическим названием "Башня силы" (Мигдал-Оз).

Если Саббатай Цеви хоть на мгновение усомнился в себе, его мужество возросло благодаря смене места жительства, выдающемуся милосердию, проявленному к нему диваном, и постоянной и возрастающей преданности евреев. Он снова почувствовал себя Мессией. По прибытии в замок Дарданеллы 19 апреля, в день подготовки к Пасхе, он зарезал пасхального ягненка для себя и своих последователей и съел его с жиром, что запрещено законами Талмуда. Говорят, что при этом он использовал благословение, которое подразумевало отмену Моисеевых, талмудических и раввинских законов — "Благословен Бог, который снова восстановил то, что было запрещено". В Абидосе он регулярно содержал двор на большие суммы денег, которые щедро присылали ему его братья и богатые приверженцы. Его жена Сарра, которой было позволено остаться с ним, вела себя как мессианская святыня и околдовывала толпу своим обаянием. Из турецкой столицы несколько кораблей доставили его последователей в замок Дарданеллы. В результате стоимость проезда на судах росла с каждым днем. Из других стран и континентов тоже толпы евреев устремлялись к месту его заключения в надежде, что их сочтут достойными лицезреть его. Управляющий замком извлек из этого выгоду, поскольку взимал с посетителей плату за вход и поднял ее до пятнадцати-тридцати марок с человека. Даже жители этого места извлекали выгоду, потому что они могли зарабатывать высокие цены на питание и ночлег. Настоящий золотой дождь хлынул на Абидос. Впечатление, которое эти факты, старательно распространяемые и преувеличиваемые, произвели на евреев Европы, Азии и Африки, и эффект, который они произвели, неописуемы. За немногими исключениями, все были убеждены в мессианстве Саббатая и в скором искуплении, самое позднее, через два года. Они утверждали, что у него хватило смелости отправиться в турецкую столицу, хотя он открыто провозгласил свержение султана, но при этом не заплатил за жизнь, а был оставлен в своего рода имитационном заключении. Что еще требовалось для подтверждения предсказаний пророков древних и современных времен? Соответственно, евреи серьезно готовились к возвращению в свой первоначальный дом. В Венгрии они начали снимать крыши со своих домов. В крупных торговых городах, где евреи лидировали в оптовом бизнесе, таких как Амстердам, Ливорно и Гамбург, наступил застой торговли. Почти во всех синагогах его инициалы, S и Z, были вывешены с большим или меньшим количеством украшений. Почти везде молитва о нем была вставлена в следующей форме: "Благослови нашего Господа и Царя, святого и праведного Саббатая Зеви, Мессию Бога Иакова". В Европе взоры всех сообществ были устремлены на Амстердам, представители которого с наибольшим энтузиазмом присоединились к движению. Каждый почтовый день, приносивший свежие письма, был для них праздником. Амстердамские евреи открыто демонстрировали свою

радость и не боялись ни христианского населения, ни магистратов. Исаак Наар из Амстердама и богатый Абрахам Перейра готовились к путешествию к Мессии, и первый по иронии судьбы объявил об этом неверующему Якобу Саспортасу. Гамбургское сообщество всегда подражало амстердамскому или выходило за его рамки. Собор ввел обычай молиться за Саббатай Цеви не только в субботу, но также в понедельник и четверг. Неверующих заставили остаться в синагоге и присоединиться к молитве с громким "Аминь". И все это было сделано по предложению образованного врача Бендито де Кастро. Верующие зашли так далеко, что угрожали своим оппонентам, если те осмелятся произнести хоть слово порицания в адрес Саббатая. В Венеции, в субботу, между саббатянами и их противниками произошла ссора, и один из последних чуть не лишился жизни. Когда Саббатай спросили, как следует поступить с кофрим (неверующими), он или Сэмюэль Примо ответили, что их можно без промедления предать смерти, даже в субботу; исполнители такого наказания наверняка наслаждались вечным блаженством. Ученый талмудист из Буды, Якоб Ашкенази из Вильны, сын и внук которого стали ревностными преследователями саббатянцев, руководствовался этим решением и объявил члена этой общины достойным смерти, потому что он не произнес благословение Саббатаи Цеви. В Моравии (в Никольсбурге) были такие жестокие разногласия и беспорядки вследствие помешательства на Мессии, что губернатор провинции был вынужден расклеивать объявления, чтобы успокоить умы людей. В Сали, в северо-западной части Африки, правящий эмир Гайлан (Гайланд) приказал начать преследование евреев, потому что они слишком открыто демонстрировали надежду на грядущее искупление.

Многие христиане разделяли иллюзорную веру в нового Мессию, и еженедельные вести с Востока о Саббатае Цеви и его деяниях производили на них ошеломляющее впечатление. Например, в Гамбурге благочестивые протестанты отправились к проповеднику-прозелиту Ездрусу Эдзарду и спросили его, что нужно делать:

"У нас есть определенные сообщения, не только от евреев, но и от наших христианских корреспондентов в Смирне, Алеппо, Константинополе и других местах Турции, о том, что новый Мессия евреев творит много чудес, и евреи всего мира стекаются к нему. Что станет с христианским учением и верой в нашего Мессию?"

Внимание, уделяемое образованными классами христиан экстраординарным событиям, которые были опубликованы в качестве новостей дня, в свою очередь, повысило авторитет образованности евреев. Короче говоря, все обстоятельства способствовали усилению обмана. Только Якоб Саспортас возвысил свой предостерегающий голос против самозванства. Он разослал письма во все стороны, здесь, чтобы указать на абсурдность текущих слухов, там, чтобы собрать точную информацию. Ему не удалось раздобыть убедительных доказательств мошенничества Саббатая или Натана. Поддельные письма и документы были в порядке вещей; добросовестность и прямота полностью исчезли. Таким образом, туман ложной веры становился все гуще и гуще, и человек уже не мог докопаться до истины.

В течение трех месяцев, с апреля по июль, Саббатай вел жизнь принца в замке на Дарданеллах, думая только о своем собственном апофеозе. Либо из каприза, либо по Самуилу Примо Syggestion, он заявил, пост 17-го Тамуза упразднить, потому что в этот день он понял, что его мессианский характер. Было ли это просто чудачеством, или это было сделано с намерением приучить своих приверженцев к отмене раввинского иудаизма? В любом случае, он назначил

23-е число Таммуза (25 июля), понедельник, который должен соблюдаться как строгая суббота. Более четырех тысяч евреев, мужчин и женщин, случайно оказавшихся в Абидосе, праздновали эту новую субботу с большой скрупулезностью. Саббатай, или его секретарь, разослал циркуляры общинам, предписывая им отмечать следующий пост, девятое число Ава, его день рождения, как праздник с особой службой, с специально подобранными псалмами, с употреблением отборных мясных блюд, под звуки арфы и пение. Говорят, что он подумывал об отмене всех еврейских праздников, даже Дня Искупления, и введении вместо них других. Но прежде чем это удалось сделать, он в своей гордыне был повинен в безрассудном поступке, который привел к разрушению всей ткани.

Среди многих тысяч посетителей издалека и из ближних стран два поляка из Лемберга совершили паломничество к нему, чтобы подтвердить свою веру и насладиться его ликом. Одним из них был Исаяя, сын высокоуважаемого раввинского авторитета, престарелого Дэвида Леви (Туре Захаба), и Джирэндсона не менее знаменитого Джоэла Серкеса; другим был его сводный брат Леб Герц. От этих двух поляков Саббатай услышал, что в далекой стране, из которой они пришли, другой пророк, Неемия Коэн, возвещал о приближении царства Мессии, но не через Саббатая. Он дал Исаяе Леви лаконичное письмо для передачи его отцу, в котором тот обещал евреям Польши отомстить за резню, устроенную казаками, и безапелляционно приказал Неемии как можно скорее прибыть к нему. Он придавал такое большое значение пришествию Неемии, что заставил своих последователей с нетерпением ждать его прихода. Оба поляка в восторге вернулись в Лемберг, и повсюду рассказывали о великолепии, среди которого они видели Мессию. Неемии было приказано поспешить в Саббатай, и он не был удивлен продолжительностью путешествия. Когда он прибыл в Абидос в начале сентября, его сразу же допустили на аудиенцию, которая длилась несколько дней. Польский пророк и Смирнский Мессия не рассмеялись друг другу в лицо, как два других гура, а вели серьезную дискуссию. Предмет их мистической беседы, как можно себе представить, оставался неизвестным. Говорили, что это касалось предтечи Мессии — Мессии Ефремова — независимо от того, явился он или нет и погиб, как было описано заново. Неемию не убедил долгий спор, и он не стал скрывать этот факт. По этой причине фанатичные саббатианцы, как говорят, тайно подавали друг другу знаки, чтобы покончить с этим опасным Шестом. Он, к счастью, избежал изгнания, немедленно отправился в Адрианополь, к Каймакаму Мустафе, стал магометанином и выдал фантастические и изменнические планы, которые лелеял Саббатай Цеви и которые, по его словам, остались неизвестными правительству только потому, что надзиратель замка Дарданеллы был заинтересован в скоплении евреев.

Каймакам передал разведданные султану Магомету IV, и курс, которого следовало придерживаться в отношении Саббатаи, был взвешенно рассмотрен, муфтий Ванни также был допущен к участию в обсуждениях. Совет счел невозможным быстро расправиться с мятежным интриганом, тем более что магометане также последовали за ним. Если бы он пал мучеником, могла бы возникнуть новая секта, которая разжигала бы новые беспорядки. Ванни, обращающий в свою веру священник, предложил предпринять попытку обратить Саббатая в ислам. Этому совету последовали, и врач султана (Хаким Баши), еврейский ренегат по имени Гвидон, был нанят в качестве медиума. Внезапно в Абидосе появился гонец, прогнал евреев, которые осаждали Мессию с почестями, доставил его в Адрианополь и сначала привел к Хакиму Баши, который, как бывший единоведец, смог бы легче обратить его в свою веру. Врач представил ему ужасное наказание, которое неизбежно постигнет его — его свяжут и будут гонять по улицам с горящими факелами, если он не успокоит гнев султана, приняв исламу.

Неизвестно, стоил ли этот призыв к отступничеству от иудаизма тщеславному Мессии большого душевного конфликта. У него было не так уж много мужского мужества, и иудаизм в его существующей форме, возможно, был мертв для него. Поэтому он последовал совету Гвидона. На следующий день (13 Элула, 14 сентября 1666 г.) он предстал перед султаном. Он немедленно сбросил свой еврейский головной убор в знак презрения; паж предложил ему белый турецкий тюрбан и зеленую мантию вместо черной, которую он носил, и таким образом его обращение в магометанскую религию было завершено. Говорят, что, когда его переодевали, в его свободных брюках нашли несколько фунтов печенья. Султан был очень доволен таким прекращением движения, дал ему имя Мехмед Эфенди и назначил его своим привратником — Капиджи Баши Отораком - со значительным ежемесячным жалованьем; он должен был оставаться рядом с султаном. Жена Мессии, Сарра, прекрасная дочь польского раввина распутного поведения, также стала магометанкой под именем Фаума Кадин и получала богатые подарки от султанши. Некоторые из последователей Саббата также перешли в ислам. Муфтий Ванни наставлял их в магометанской религии. Говорят, что Саббата женился на рабыне-магометанке в дополнение к своей жене Саре по приказу муфтия. Неемия Коэн, вызвавший этот внезапный гнев, не остался в Турции, а вернулся в Польшу, снял тюрбан и жил спокойно, не произнося ни слова о том, что произошло. Он исчез так же внезапно, как и появился. Через несколько дней после своего обращения бывший Мессия дерзко написал своим братьям в Смирне: "Бог сделал меня измаильтянином; Он повелел, и это было сделано. Девятый день моего перерождения. Почти в то же время раввины и президенты школ Амстердама собрались и направили Саббатаю Цеви почтительное письмо, чтобы засвидетельствовать свою веру в него и подчинение ему. Полуспинозист Дионисий (Бенджамин) Мусафия, раздосадованный тем, что его не пригласили, написал Саббатаю Цеви отдельное письмо, подписанное им самим и двумя членами школы (24 июля). Неделью спустя двадцать выдающихся людей Амстердама отправили еще одно письмо с выражением почтения Мессии-отступнику. Их возглавлял Абрахам Гидеон Абудьенте. Дошли ли эти письма до магометанина Мехмеда Эфенди? В Гамбурге, где также не подозревали о его обращении, благословение было произнесено пять раз над отступником Саббатаем в День Искупления (9 октября 1666 г.).

Но когда слух о его отступничестве разнесся по общинам и его уже нельзя было отрицать, уверенность сменилась ошеломляющим чувством очарования и стыда. Высочайший представитель иудаизма отказался от него и предал! Хаим Бенвенисти, раввин Смирны, который наделил лжемессию властью из побуждений, далеких от благородства, чуть не умер от стыда. Магометане и христиане-христиане презрением указывали на слепых, доверчивых евреев. Уличные мальчишки в Турции открыто глумились над прохожими-евреями. Но это были еще не все насмешки. Столь массовый переполох не мог угаснуть и не оставить следов. Султан подумывал уничтожить всех евреев в своей империи, потому что у них были мятежные планы, и приказать всем детям младше семи лет воспитываться в исламе. Говорят, что новообращенный магометанин Мехмед Эфенди, желая отомстить за себя, предал свои собственные планы и согласие евреев на них. Сообщается, что два советника и султанша-мать отговорили султана от его замысла, заметив, что евреев следует рассматривать как введенных в заблуждение. Однако пятьдесят главных раввинов, пренебрегших своим долгом по обучению народа, должны были быть казнены — двенадцать из Константинополя, двенадцать из Смирны и остальные двадцать шесть из других общин Турции. Особым чудом считалось то, что эта резолюция осталась мертвой буквой, и что евреям даже не пришлось платить штраф. Разделение в общинах могло бы иметь еще худшие последствия, если бы неверующие осыпали

презрением и насмешками покойных приверженцев. Но коллегии раввинов Востока вмешались и попытались умиротворить и примирить, пригрозив отлучить от церкви любого, кто словом или делом оскорбит бывшего саббатанина.

Хотя на какое-то время умы людей успокоились, прошло много времени, прежде чем мир был восстановлен. После того, как прошло первое удивление по поводу обращения Саббатая, его ревностные последователи, особенно в Смирне, начали приходить в себя. Они не могли убедить себя, что действительно гнались за тенью. В мессианских притязаниях Саббатая должна быть или была доля истины, поскольку все знаки так полностью совпадали. Каббалисты легко преодолели возражения. Саббатай не стал магометанином; эту роль сыграл призрак, в то время как сам он удалился на небеса или к Десяти Коленам и вскоре появится снова, чтобы совершить дело искупления. Как во времена зарождения христианства верующие-мистики (докеты) интерпретировали распятие Иисуса как фантазм, так и теперь убежденные мистики объясняют отступничество Саббатая от иудаизма. Другие, такие как Сэмюэль Примо, Джейкоб Фалячи, Джейкоб Израэль Дюкан, которые замыслили через него привести к падению раввинского иудаизма и не отказались бы так легко от своего плана, все еще цеплялись за него. Пророки, которые были явно признаны ложными в результате его обращения, были больше всего заинтересованы в том, чтобы оставаться верными ему. Они не стремились спокойно отказаться от своих функций и уйти в неизвестность, иначе над ними будут смеяться. Пророки, проживавшие в Смирне, Константинополе, на Родосе и Хиосе, замолчали; но странствующие пророки, Натан Газати и Саббатай Рафаэль, не захотели отречься от престола. Первый оставался в Палестине во время триумфа Саббатая, чтобы получить дань уважения за свой счет. После того как обман был разоблачен, он почувствовал, что больше не находится в безопасности; он приготовился отправиться в Смирну и продолжал рассылать свои мистические, напыщенные письма. Из Дамаска он письмом предупредил евреев Алеппо, чтобы они не позволяли странным обстоятельствам обескураживать себя в своей вере в Мессию; вскоре должна была открыться глубокая тайна; но в чем заключалась эта тайна, пока нельзя было раскрыть. Этими циркулярами легковверные люди вновь утвердились в своем заблуждении. В Смирне многие синагоги продолжали включать благословение Субботы в свои молитвы. Следовательно, раввины были обязаны энергично вмешиваться в работу, особенно раввинат турецкой столицы. Они наложили запрет на всех, кто хотя бы произнесет имя Саббатая или заговорит с его последователями, и пригрозили передать их в руки светских властей. Натан Газати, в частности, был отлучен от церкви, и всех предостерегали от того, чтобы укрывать его или приближаться к нему (Кислев 12, 9 декабря 1666 г.). Эти приговоры об отлучении от церкви были настолько действенными, что Натан не мог нигде оставаться надолго, и даже в Смирне он мог лишь короткое время тайно оставаться в доме верующего. Но раввины не смогли полностью изгнать обман. Один из самых ревностных саббатанцев, вероятно, Сэмюэль Примо, который был изобретателем, выдвинул более эффективное предложение, чем мнимое обращение. Все было предопределено так, как это произошло. Именно своим переходом в ислам Саббатай доказал, что он Мессия. Это была каббалистическая тайна, о которой заранее сообщалось в некоторых писаниях. Как первый искупитель МОсес был вынужден некоторое время проживать при дворе фараона, не как израильтянин, а, по всей видимости, египтянин, так и последний искупитель должен был некоторое время жить при языческом дворе, по-видимому, язычнике, "внешне грешном, но внутренне чистом". Задачей Саббатаи было освободить утраченные эманации души, которые пронизывают даже магометан, и, так сказать, отождествив их с самим собой, вернуть их к истоку. Искушая души во всех кругах, он самым эффективным образом

продвигал царство Мессии. Это предложение было удачным ударом; оно вновь разожгло пламя самозванства. Это стало лозунгом для всех саббатянцев, позволяющим им, соблюдая приличия и демонстрируя разум, называть себя верующими и держаться вместе.

Натан Газати также поддержал эту идею, и ему было предложено возобновить свою роль пророка. До сих пор дела у него шли плохо; он был вынужден тайно покинуть Смирну, где скрывался несколько месяцев (конец апреля 1667 года). Его последователи, состоявшие из более чем тридцати человек, были рассеяны. Но благодаря этому новому обману он набрался храбрости и приблизился к Адрианополю, где председательствовал Мехмед-эфенди в сопровождении нескольких своих приверженцев, которые притворялись магометанами и строили вместе с ним фантастические планы. Представители еврейской общины Константинополя и Адрианополя справедливо опасались новых беспорядков из-за присутствия лжепророка и желали избавиться от него. Натан Газати, однако, полагался на свое пророчество, которое, возможно, по его словам, сбудется в конце года. Он ожидал, что Святой Дух сойдет на отступника Мехмеда в Праздник Седмиц (Пятидесятница), и тогда он также сможет являть знамения и чудеса. До тех пор, дерзко ответил он депутатам, у него не может быть никаких предложений. Когда Праздник Седмиц закончился, жители Адрианополя снова призвали его прекратить свои фокусы. После долгих трудов они получили лишь письменное обещание держаться на расстоянии двенадцати дней пути от города, не переписываться с Саббатаем, не собирать вокруг него людей и, если к концу года Искупитель не явится, считать его пророчества ложными. Несмотря на свое письменное обещание, этот лживый пророк продолжал свою агитацию и увещевал саббатянцев в Адрианополе заявить о своей неизменной приверженности приостановлением поста 17 Таммуза. В этом городе существовал шаббатианский конвент под руководством бывшего ученика, который был в тесной связи с Мехмедом Эфенди. Раввинат Адрианополя не знал, как остановить пагубный курс этой дерзкой секты, и был вынужден прибегнуть к лжи. Они объявили, что отступник внезапно предстал перед еврейским общинным советом, раскаялся в своем самозванстве и возложил вину на Натана и Абрахама Яхини, которые одурачили его. Таким образом, раввинату удалось обмануть саббатянцев. Эффект длился недолго. Натан, с одной стороны, и окружение Мехмеда Эфенди, с другой, пробудили новую надежду, число верующих снова увеличилось, и они особо отметили, что не постыятся 9 Ава, в день рождения их Мессии. Раввинаты Константинополя и Смирны пытались пресечь это самозванство старыми средствами — отлучением от церкви и угрозами наказания (конец июля), — но без особого успеха. Саббатянцы в некотором роде жаждали мученической смерти, чтобы утвердить свою веру. Лжепророк возобновил свою пропаганду. У него все еще было несколько последователей, в том числе двое магометан. В Салониках, где жило множество каббалистов, ему жилось плохо. Тем легче ему было добиться признания в общинах островов Хиос и Корфу. Однако его надежды были направлены главным образом на Италию.

Здесь также продолжала царить неразбериха. Первые известия о дезертирстве Саббатая не подтвердились, поскольку в результате войны на Крите корабли христиан были захвачены турками. Таким образом, саббатянам предоставили свободу сохранять свою веру и осудить сообщение как ложное, особенно после того, как пришли обнадеживающие письма от Рафаэля Джозефа Челеби из Каира и других. Самые абсурдные истории о власти и достоинстве Саббатая в Порте были опубликованы в Италии и нашли подтверждение. Мозес Пиньейру, старый компаньон Саббатая, Рафаэль Софино из Ливорно и амстердамские фанатики, Исаак Наар и Абрахам Перейра, которые отправились в Италию на поиски Мессии, были особенно

заинтересованы в том, чтобы цепляться за соломинку; они боялись насмешек как обманутые. Невежественный шарлатан и бродячий пророк Саббатай Рафаэль из Мореи, проживавший тогда в Италии, был склонен к обману и афере и, похоже, собрал там хороший урожай. Когда, наконец, не могло быть никаких сомнений в смене Саббатаем религии, Рафаэль направил свои стопы в Германию, где из-за неисправного почтового устройства, и слабого общения евреев с внешним миром они имели лишь смутное представление о ходе событий и принимали самые глупые истории за правду. Саббатай Рафаэль считался там пророком; но, поскольку он ожидал большей выгоды от богатой общины Амстердам, он отправился туда (сентябрь 1667 г.). Здесь также продолжалось самозванство. Пристыженные тем, что они, проникательные и образованные португальцы, были так явно обмануты, они сначала не поверили известию о предательстве Саббатая. Даже раввины Исаак Абоаб, Рафаэль Мозес д'Агвилар и философский скептик Мусафия оставались непоколебимыми. Джейкоб Саспортас справедливо высмеивал их, особенно Мусафию, из-за его нынешней непоколебимой веры, контрастирующей с его прежней репутацией.

Тем временем Натан Газати, пророк Газы, продолжал свой пагубный путь в Италии. Прибыв из Греции, он высадился в Венеции (конец марта 1668 г.), но раввинат и совет, которые были предупреждены о нем, не позволили ему войти в гетто. Саббатианин заступился за него перед несколькими высокопоставленными христианами, и под такой защитой он не мог быть изгнан. Чтобы вылечить тех, кто разделял это заблуждение, раввинат вырвал у него письменное признание в том, что его пророчества о мессианстве Саббатая Зеві основаны на причуде его воображения, что он признавал их таковыми и считал пустыми. Это признание было напечатано с предисловием раввината Венеции, чтобы, наконец, открыть глаза саббатианцам в Италии. Но толку от этого было немного. Заблуждение, основанное на Каббале, слишком глубоко укоренилось. Из Венеции Газати отправили в Ливорно с предложением обезвредить его там, где евреи пользовались большей свободой; но Натан Газати тайно сбежал в Рим, отрезал бороду, переоделся и, как говорят, бросил в Тибр записки, написанные по-халдейски, чтобы вызвать разрушение Рима. Евреи узнали его, и, поскольку они опасались опасности для себя на папской земле из-за его лживых нелепостей, они добились его изгнания. Затем он отправился в Ливорно и нашел последователей и там. Пообещав себе больше почестей и прибыли в Турции или больше возможностей удовлетворить свой беспокойный ум, Натан вернулся в Адрианополь. Он не придавал большого значения слову и клятве. Натан Газати собрал много каббалистической чепухи, но славы не приобрел. Говорят, что он умер в Софии и был похоронен в склепе, вырытом им самим (1680). Во главе саббатианцев появились другие люди, которые намного превзошли его и преследовали определенную цель.

Саббатай, или Мехмед Эфенди, в это время заново начал воплощать свои революционные химеры. Сразу же после своего отступничества он был обязан под руководством муфтия Ванни усвоить магометанские обычаи и тщательно охранять агаот любых проявлений склонности к иудаизму и евреям. Поэтому он изображал из себя набожного магометанина. Постепенно ему была предоставлена большая свобода высказывать свои каббалистические взгляды на Бога и вселенную. Ванни, для которой многое было внове, с любопытством слушала его рассказы, и султан, как говорят, тоже внимательно прислушивался к его словам. Вероятно, Саббатай привлек некоторых магометан к своим каббалистическим мечтам. Устав от тишины и стремясь снова играть активную роль, он снова вступил в тесные отношения с евреями и объявил, что он был заново наполнен Святым Духом на Пасху (конец марта 1668 года) и получил откровения. Саббатай или один из его помощников и пособников опубликовал мистический труд ("Пять

свидетельств веры", "Сахадута ди Мехемнута"), адресованный евреям и изложенный экстравагантным языком, в котором излагались следующие фантастические взгляды: Саббатай был и остается истинным Искупителем; было бы легко доказать, что он таковым является, если бы у него не было сострадания к Израилю, которому предстояло испытать те же ужасные страдания, что и Мессии; и он только упорствовал в своих убеждениях. Магометанство для того, чтобы привлечь тысячи и десятки тысяч неевреев в Израиль. С другой стороны, султану и муфтию он сказал, что его сближение с евреями было направлено на то, чтобы привлечь их в ислам. Он получил разрешение общаться с евреями и проповедовать перед ними в Адрианополе, даже в синагогах. Таким образом, в одно время он играл роль еврея, в другое - мусульманина. Если присутствовали турецкие шпионы, его еврейские слушатели знали, как их обмануть. Они сбросили свой еврейский головной убор и надели тюрбаны. Вполне вероятно, что многие евреи были серьезно обращены в ислам, и таким образом вокруг Саббатаи Зеви начала формироваться еврейско-турецкая секта. Евреи, которые до сих пор испытывали такой ужас отступничества, что только отверженные среди них переходили в христианство или ислам, стали менее суровыми. Они сказали без возмущения, что такой-то принял тюрбан. Благодаря такому фокусу аббатисы Адрианополя, Смирны, Салоник и других городов, даже в Палестине, позволили себе утвердиться в своей непоколебимой вере в Мессию. Даже благочестивые люди, сведущие в Талмуде, продолжали придерживаться его.

Как будто это усложнение должно было усугубиться, а каббалистически-мессианский беспорядок должен был быть доведен до крайних пределов, поборник саббатианства неожиданно появился в лице человека европейской культуры, не нуждавшегося в подарках, Абрахама Майкла Кардозу. Он был оригинальным персонажем, живым олицетворением трансформации португальских евреев после их изгнания. Родившийся от родителей-мarrано в маленьком португальском городке Челарико в провинции Бейра, Мигель Кардозу, как и его старший брат Фернандо, изучал медицину. В то время как последний искренне посвятил себя науке, Мигель коротал дни среди роскоши Мадрида, пел песни о любви под гитару под балконами прекрасных дам и уделял очень мало внимания каббале или иудаизму. Что побудило его покинуть Испанию неизвестно. Возможно, его более серьезный и вдумчивый брат, который, сделав себе имя в Испании как медицинский и научный писатель, из любви к иудаизму переехал в Венецию, где глубоко погрузился в еврейскую литературу, заразил его энтузиазмом. Другие братья приняли еврейские имена после возвращения к религии своих предков. Старший, Исаак Кардозу, отказался от своего имени Фернандо; младший взял имя Абрахам в дополнение к имени Мигель (Майкл). Оба сочиняли стихи на испанском. В то время как старший брат вел размеренную жизнь, руководствуясь моральными принципами и рациональной верой, младший попал во власть экстравагантных фантазий и эксцентричного образа жизни. Исаак Кардозу (родился в 1615 году, умер после 1680 года) принес иудаизму известность, в то время как Авраам Майкл Кардозу (родился около 1630 года, умер в 1706 году) был его позором.

Последний жил врачом в Ливорно, но, не преуспев, он принял должность рядового врача бея Триполи. Его теплотовная, распутная натура была помехой его продвижению по службе. Вопреки обычаю африканских евреев, он женился на двух женах и вместо того, чтобы заниматься своей сложной наукой, строил фантастические планы. Кардозу, по-видимому, был посвящен в Каббалу и Шаббат как в заблуждение Мозесом Пиньейру, который жил в Ливорно.

У него постоянно были сны и видения, которые участились после публичных выступлений Саббатаи в Смирне и Константинополе. Он поделился своим заблуждением со своими женами

и слугами, которые также притворились, что видели всевозможные привидения. Отступничество лжемессии от иудаизма не излечило Кардозу от его заблуждения; он оставался ревностным приверженцем и даже оправдывал предательство Мессии, говоря, что для него было необходимо причислить его к грешникам, чтобы он мог искупить грех идолопоклонства Израиля и изгладить его. Он разослал циркуляры во все стороны, чтобы поддержать мессианские притязания Саббата и фигурировать как пророк. Напрасно его более трезвый брат Исаак Кардосо предостерегал и высмеивал его, иронически спрашивая, получил ли он дар пророчества от своей прежней галантности и от игры на гитаре для прекрасных мадридских дев. Легкомыслие Абрахама Кардозу ни в коей мере не уменьшилось, он даже принял дидактический тон по отношению к своему серьезному старшему брату, который презирал каббалу так же, как алхимию и астрологию, и присылал ему бесчисленные доказательства из "Зоара" и других каббалистических писаний, что Саббатай был истинным Мессией, и что он должен быть отчужден от иудаизма. Своим рвением он приобрел много сторонников саббатинского заблуждения в Африке; но он также нажил врагов и навлек на себя опасности. Он продолжал пророчествовать о скором начале правления Мессии, хотя реальность часто подтверждала это. Он откладывал это событие из года в год, выполнял каббалистические трюки, установил нового Бога для Израиля и, наконец, объявил себя Мессией из дома Ефремова, пока не подвергся суровому преследованию со стороны противника этих причуд. Кардозу был отброшен назад в свое прежнее неудобное положение, вынужден вести жизнь авантюриста и добывать хлеб для себя и своей семьи, так сказать, своими иллюзиями, прибегая ко всевозможным фокусам в Смирне, Константинополе, на греческих островах и в Каире и пропагандируя саббатинские иллюзии своими обширными знаниями, красноречивым языком и готовым пером. Благодаря своему образованию в христианских школах, он намного превосходил других апостолов-саббатинцев и знал, как придать видимость рациональности и мудрости бессмыслице, таким образом полностью ослепляя предвзятых и ставя в тупик даже тех, кто испытывает отвращение к саббатинскому движению.

Ободренный поддержкой евреев, продолжавшей оказывать поддержку, несмотря на смену религии, Саббатай упорно сохранял свой статус Мессии и все больше и больше общался с евреями. Ошеломляющий поток событий вскружил его слабый мозг, и он полностью потерял равновесие. В свое время он поносил иудаизм и Бога Израиля нецензурными словами и, как говорят, даже сообщил турецким судьям об обвинении евреев в богохульстве ислама. В другое время он проводил богослужение по еврейскому ритуалу со своими еврейскими последователями, пел псалмы, толковал Зоар, приказывал читать отрывки из Торы в субботу, и часто выбирал для этой цели семь девственников. Говорят, что из-за его постоянных сношений с евреями, которых он не смог полностью обратить в магометанство, как он, возможно, хвастливо утверждал, Мехмед Эфенди попал в немилость, поскольку лишился своего содержания и был сослан из Адрианополя в Константинополь. В конце концов он женился на другой жене, дочери человека, сведущего в Талмуде, Иосифа Философа из Салоник. Турецкий патруль застал его врасплох в деревне (Куру Гисме) недалеко от Константинополя, когда он пел псалмы в палатке с несколькими евреями, и Бостанджи баши (офицер) доложил об этом, великий визирь приказал Каймакаму сослать его в Дульчиньо, небольшой городок в Албании, где не проживало ни одного еврея. Там он и умер, покинутый и покинутый, как говорили впоследствии, в День Искупления в 1676 году.

Спиноза, который также порвал с иудаизмом, вполне мог с большим презрением относиться к этому мессианскому увлечению своих современников. Если бы он захотел вырыть могилу

иудаизму и похоронить его, он был бы вынужден признать Саббатая Цеви, своего личного секретаря Сэмюэля Примо и его пророков союзниками и подстрекателями. Иррациональность Каббалы дискредитировала иудаизм гораздо эффективнее, чем разум и философия. Примечательно, что ни то, ни другое не смогло отучить многочисленных культурных евреев Амстердама от религии их предков, настолько прочно она укоренилась в их сердцах. В это время, когда две силы еврейского происхождения были непримиримыми Джадаисм на Востоке и на Западе, португальской общины, выросли в число четырех тысяч семей, провели (1671) здание великолепную синагогу, и через несколько лет завершил огромный труд, который был прерван войной неприятностей. Освящение синагоги (Ab 10, 2 августа 1675 г.) было отпраздновано с большой торжественностью и помпой. Ни первый Храм Соломона, ни второй храм Зоровавеля, ни третий храм Ирода не прославлялись так широко песнями и красноречивыми речами, как новый храм в Амстердаме, называемый Талмуд-Тора. Были опубликованы гравюры на медных пластинах, снабженные стихотворными надписями. В посвящении также приняли участие христиане. Они ссужали евреев деньгами в трудные времена, и поэт Ромэн де Хоог сочинил пятьстихотворений в честь синагоги и еврейского народа на латыни, голландском и французском языках.

Спиноза дождался до того, чтобы увидеть ликование сообщества, в котором он стал извращенцем. Ему случилось быть в Амстердаме как раз в то время. Он был занят просмотром в прессе трактата ("Этика"), который перевернул преобладавшие до сих пор взгляды, и второго, расширенного издания другой его работы, в основном направленной против иудаизма. Он мог бы посмеяться над праздной радостью амстердамских евреев; но строительство этой синагоги в городе, который сто лет назад не терпел евреев и поддерживал испанскую инквизицию, было громким свидетельством того времени и противоречило многим его утверждениям. Он умер вскоре после этого, или, скорее, отошел мягко, как от божественного поцелуя (21 февраля 1677 г.), примерно через пять месяцев после Саббатаи Зеви. Против своей воли он внес свой вклад в славу расы, которую он так несправедливо поносил. Его мощный интеллект, логическая проницательность и сила характера все больше и больше признаются как качества, которыми он был обязан расе, из которой происходил. Среди образованных евреев только Исаак Ороббио де Кастро попытался серьезно опровергнуть философские взгляды Спинозы. Хотя его намерения были благими, он был слишком слаб, чтобы прорваться сквозь тесные сети системы Спинозы. История должна была опровергнуть это фактами.

ГЛАВА V. СВЕТ И ТЕНЬ.

Евреи при магометанских правителях—Изгнание из Вены—Евреи, допущенные курфюрстом Фридрихом Вильгельмом в Бранденбургскую марку—Обвинение в детоубийстве в Мец-Мижестокое обращение с евреями по всей Европе—Христианские защитники евреев: Юрье, Олигер Паули и Мозес Германус—Пристрастие христиан к изучению еврейской литературы—Ричард Саймон—Интерес Карла XI к караимам—Перингер и Якоб Тригланд—Немецкие нападки на иудаизм со стороны Вульффера,

Вагензейля и Айзенменгера — Обстоятельства публикации книги "*Разоблаченный иудаизм*" — Молитва Алену" — Суренхейзиус, Баснадж, Ангер, Вольф и Толанд.

1669-1700 гг. н. э.

Князья и народы Европы и Азии проявили большое уважение, не потревожив мессианский фарс евреев, которым спокойно позволили выставить себя на посмешище. В постоянно повторяющихся преследованиях евреев наступила пауза, которая, однако, длилась недолго. Серия обвинений, досад и изгнаний, имевшая регулярный успех, вскоре возобновилась. Контраст между последователями Магомета и последователями Иисуса очень разителен. В Турции евреи были свободны от преследований, несмотря на их большое возбуждение и абсурдные мечты о номинальном Мессии. В Африке Сид Гайланд, а позже Мулей Аршид, султан Тафилета, Феса и Марокко, притесняли евреев, частично из-за их активности, частично из-за алчности. Но это прекратилось при следующем правителе, Мулее Исмаиле. Он был покровителем евреев и доверил нескольким из них важные посты. У него было два советника-еврея: Даниэль Толедано из Микенеса, друг Якоба Саспортаса, талмудиста и опытного в государственных делах, и Джозеф Маймаран, тоже из Микенеса.

Напротив, в христианском мире евреев уважали и обращались с ними как с людьми только в Голландии; в других государствах на них смотрели как на изгоев, у которых не было никаких прав и никаких притязаний на сострадание. Испания снова стала лидером в вынесении приговоров к изгнанию. Этой несчастной страной, становившейся все более и более обезлюдившей из-за деспотизма, суеверий и инквизиции, тогда правила глупая, фанатичная женщина, вдовствующая регентша Мария Анна Австрийская, которая назначила своего отца-исповедника, немецкого иезуита Нейдхарда, генеральным инквизитором и министром неограниченными полномочиями. Естественно, при этом фанатичном дворе не могло быть допущено никакой терпимости к другим религиям. Евреи все еще были в некоторых частях монархии, в северо-западном уголке Африки, в Ороне, Максаркивире и других городах. Многие из них оказали значительные услуги испанской короне во времена мира и войны против местных арабов или мавров, которые с внутренней яростью переносили власть креста. Семьи Кансино и Саспортас, бывшие королевские переводчики, или драгомены, для правительства Орона, особенно отличились своей верностью и преданностью Испании; и их поведение было признано Филиппом IV, мужем Марии Анны, в специальном письме. Тем не менее, вдовствующая королева внезапно приказала изгнать евреев из округа, потому что она больше не могла терпеть представителей этой расы в своем королевстве. По настоятельной просьбе еврейских вельмож губернатор предоставил евреям восьмидневную отсрочку во время Песаха и признал, что они были изгнаны не из-за неподобающего поведения или измены, а просто из-за нетерпимости регента (конец апреля 1669 г.). Они были вынуждены в спешке продать свое имущество по смехотворным ценам. Изгнанники поселились в районе Савойи, в Виллафранке, недалеко от Ниццы.

Как мать, так и дочь. Примерно в это же время по наущению дочери испанского регента, императрицы Маргариты, союзницы иезуитов, был издан указ об изгнании евреев из Вены и архиепископского герцогства Австрийского. Императору нелегко было позволить себе относиться с предубеждением к евреям, от которых он получал определенный доход. Только венская община, насчитывавшая почти две тысячи душ, платила ежегодный налог в размере 10 000 флоринов, а сельская община - 4000 флоринов. Включая доходы от евреев в других местах,

император получал от них ежегодно 50 000 флоринов. Но императрице не нужно беспокоиться о финансах; она может следовать побуждениям своего сердца, а сердце Маргариты, наполненное иезуитизмом, глубоко ненавидело евреев, и ее отец-исповедник укреплял это чувство. Попав в аварию на балу, она хотела засвидетельствовать свою благодарность небесам, которые чудесным образом сохранили ее, и не могла найти средства, более приемлемого для Бога, чем страдания евреев. Более настойчиво, чем прежде, она умоляла своего императорского супруга изгнать из столицы и страны евреев, которых ее отец-исповедник называл изгоями ада, и получила его обещание. Трубным звуком в Вене (14 февраля 1670 г.) было объявлено, что по приказу императора евреи должны покинуть город в течение нескольких месяцев под страхом смерти. Они не оставили без применения ни одной меры для предотвращения инсульта. Австрийские императоры часто отзывали подобные резолюции и раньше. Евреи ссылались на привилегии, предоставленные им в жизни, и на услуги, которые они оказали императорскому дому. Они предлагали большие суммы денег (в Вене были очень богатые придворные евреи), использовали влияние лиц, связанных с двором, и после торжественной службы в честь выздоровления императора от болезни подарили ему, когда он выходил из церкви, большую золотую чашу, а императрице - красивую серебряную чашу и кувшин. Подарки были приняты, но командование отозвано не было.

В Вене и при дворе не было никаких перспектив на изменение цели; иезуиты одержали верх через императрицу и ее духовника. Венская община в отчаянии решила предотвратить зло другим, обходным путем. Евреи Германии испытывали искреннее сочувствие к своим братьям и молитвами и постом умоляли небеса спасти их. Евреи Вены могли с уверенностью рассчитывать на их рвение. Поэтому в жалостливом письме самому влиятельному и, возможно, самому богатому еврею того времени Исааку (Мануэлю) Тексейру, уважаемого агента королевы Кристины, они умоляли его оказать свое влияние на светских и церковных князей, чтобы через них заставить императрицу Маргариту изменить свое мнение. Тексейра ранее предпринимал активные шаги в этом направлении, и он пообещал продолжить их. Он написал нескольким испанским грандам, с которыми был в близких отношениях, чтобы они использовали свое влияние на духовника императрицы. Королева Швеции, которая после своего романтического обращения в католицизм пользовалась большим уважением в католическом мире, внушила Тексейре надежду, что письмами, адресованными папскому нунцию, императрице и своей матери, испанской регентше, она сможет предотвратить изгнание австрийских евреев. Евреи Рима также внесли свой вклад в спасение своих братьев, которым угрожала опасность. Но все эти усилия ни к чему не привели. К несчастью, в Риме только что прошли выборы папы после смерти Климента IX, так что главу церкви, хотя евреев терпели в его государстве, не удалось убедить занять решительную позицию. Император Леопольд остался тверд, и избавился от домов евреев до того, как они их покинули. Он был достаточно гуманен только для того, чтобы приказать, под страхом сурового наказания, не причинять вреда уезжающим евреям.

Так что евреям пришлось подчиниться железной воле необходимости и взяться за свои мрачные посохи. Когда 1400 душ попали в бедственное или, по крайней мере, тревожное положение, и многие умерли, остальные, более трехсот человек, снова обратились с петицией к императору, рассказывая о заслугах евреев перед императорским домом и показывая, что все обвинения против них были беспочвенными, во всяком случае, не доказанными. Они не постеснялись заявить, что быть евреем нельзя назвать преступлением, и возразили, что с ними следует обращаться как с римскими гражданами, которые не должны подвергаться немедленному изгнанию. Они умоляли хотя бы об отсрочке до следующего заседания рейхстага. Даже это

прошение, в котором они ссылались на трудности с поиском убежища, если император, правитель половины Европы, отвергнет их, осталось безрезультатным. Всем пришлось уехать; только одной семье придворного фактора Маркуса Шлезингера Яффа было разрешено остаться в Вене в связи с оказанными услугами. Иезуиты были полны радости и постепенно возносили хвалу Богу. Магистраты выкупили у императора еврейский квартал за 100 000 флоринов и назвали его Леопольдштадт в его честь. На месте синагоги была построена церковь, краеугольный камень которой император заложил 18 августа 1670 года в честь своего святого покровителя. Золотая скрижаль должна была увековечить позорные деяния евреев:

"После изгнания евреев император повелел превратить их синагогу, которая раньше была склепом, в дом Божий".

Табличка, однако, лишь доказывает умственную слабость императора и его народа. Школа талмуда (Бет ха-Мидраш) также была преобразована в церковь и названа в честь императрицы и ее святой покровительницы.

Но у этой мрачной картины была и своя светлая сторона. Борющееся государство, которое до сих пор не терпело евреев, теперь стало новым, хотя и не очень гостеприимным домом, где еврейская раса возродилась. Австрийские изгнанники рассеялись в разных направлениях. Многие искали защиты в Моравии, Богемии и Польше. Другие отправились в Венецию и дошли до турецких границ, другие повернули в Фюрт, в Баварию. Пятьдесят семей были приняты курфюрстом Фридрихом Вильгельмом в Бранденбургской марке. Этот великий князь, заложивший прочный фундамент будущего величия прусской монархии, был не более терпимым, чем другие князья Люи XIV века; но он был более дальновидным, чем император Леопольд, и понимал, что хорошее состояние финансов необходимо для процветания государства и что евреи отчасти сохранили свою старую славу финансистов. В Бранденбургской марке ни одному еврею не разрешалось проживать в течение ста лет, с момента их изгнания при курфюрсте Иоанне Георге. Фридрих Вильгельм сам предпринял шаг, столь трудный для многих; он написал (апрель 1670 г.) своему послу Эндрю Нойманну в Вене, что он склонен принять в избирательную комиссию от сорока до пятидесяти зажиточных еврейских семей изгнанников из Вены при определенных условиях и ограничениях. Условия, о которых стало известно год спустя, оказались во многих отношениях очень суровыми, но были более благоприятными, чем в других протестантских странах, как, например, в фанатичном городе Гамбурге. Евреи могли селиться где им заблагорассудится в Бранденбурге и в герцогстве Кроссен и могли беспрепятственно торговать везде. Бургомистрам было приказано не чинить никаких препятствий на пути их поселения и не приставать к ним. Каждая семья должна была платить восемь талеров в год в качестве защитного налога, золотой флорин за каждый брак и столько же за все похороны; с другой стороны, они были освобождены от подушной подати по всей стране. Они могли бы покупать и строить дома при условии, что по истечении определенного срока продадут их христианам. Им не разрешалось иметь синагоги, но они могли иметь молитвенные комнаты и назначать школьного учителя и мясника (Шохета). Эта охранная хартия действовала всего двадцать лет, но предполагалось, что она будет продлена курфюрстом или его преемником. Из этих пятидесяти австрийских семей около семи поселились в Берлине и составили основу общины после того, как стали такими большими и влиятельными. Один шаг привел к другому. Фридрих Вильгельм также принимал богатых евреев из Гамбурга, Глогау и других городов, и таким образом возникли общины в Ландсберге и Франкфурте-на-Одере.

Очевидно, что Фридрих Вильгельм принял евреев исключительно из финансовых соображений. Но иногда он проявлял бескорыстную доброжелательность по отношению к некоторым. Когда он согласился с донкихотским планом шведского королевского советника Скитте основать в Тангермюнде в Марке университет для всех наук и приют для преследуемых ученых, он не преминул, согласно своей программе, допустить в эти Афины Марка еврейских ученых, а также арабов и неверующих всех мастей, но при условии, что они будут держать свои ошибки при себе и не распространять их за границу.

В другом месте христианской Европы несколько лучей света пронзили тьму. Примерно в то же время, когда евреи были изгнаны из Вены, против евреев города, недавно перешедшего под власть Франции, было выдвинуто ложное обвинение, которое могло иметь далеко идущие последствия. В Меце за столетие сложилась значительная община из четырех еврейских семей, которая с начала семнадцатого века назначила своего собственного раввина. Евреи Меца вели себя так хорошо, что король Людовик XIV публично заявил о своем удовлетворении ими и возобновил их привилегии. Но поскольку в Меце в то время все еще проживало немецкое население, продолжали существовать узкие гильдии, которые настаивали на ограничении евреев в их занятиях. Сорванные магистратами, некоторые из них пробудили в народе жгучую ненависть к евреям. У крестьянина пропал ребенок, и быстро распространилась весть о том, что евреи убили его, чтобы колдовать с его плотью. Обвинение было выдвинуто конкретно против разносчика Рафаэля Леви. Клочки бумаги с еврейскими буквами, написанные им во время заключения, послужили доказательствами его вины. Крещеный еврей Поль дю Валье (Валье, ранее Исаак), сын известного врача из этого района, с помощью другого новообращенного еврея перевел отрывки в ущерб обвиняемому.

Дю Валье был буквально заманен в христианство и превратился в злейшего врага своих бывших единоверцев. Он был хорошим сыном, которого обожали родители. Он также был благочестивым евреем и заявил двум искуителям, пытавшимся склонить его к отступничеству от иудаизма, что скорее он будет сожжен. Тем не менее, священники продолжали свои усилия, пока не убедили его принять христианство. Известие о его крещении разбило сердце его матери, Антуанетты. Сохранилось трогательное письмо к ее сыну на французском, в котором она умоляет его вернуться в иудаизм. Дю Валье, однако, отказался и, кроме того, показал себя плохим человеком и предателем. Он представил ложные показания против бедного обвиняемого еврея. Соответственно, Рафаэль Леви был растянут на дыбе, и, хотя он настаивал на своей невинности тоном убедительной правды, он был осужден парламентом Меца и предан смерти с помощью пыток, которые он стойко перенес (январь 1670 г.). Парламент намеревался продолжить преследование. Более того, враги евреев напечатали и широко распространили документ по этому вопросу, чтобы произвести должный эффект. Но община Меца нашла сторонника в ревностном единоверце Джоне Сальвадоре, торговце табаком из Пиньероля. Он был сведущ в Талмуде и последователем Саббата Цеви. Ричард Саймон, страстный студент, разыскал его, чтобы изучать иврит под его руководством. Ионе Сальвадору удалось заинтересовать этого Основоположника Ораторского искусства в общине Меца и вдохновить его на то, чтобы он выступил в защиту евреев, осуждающих детоубийство. Торговец табаком из Пиньероля передал этот документ лицам в court, чье слово имело вес, и это перевернуло чашу весов. Королевский совет распорядился прислать протоколы парламента Меца и постановил (конец 1671 года), что в деле Рафаэля Леви было совершено судебное убийство. Людовик XIV приказал, чтобы отныне все уголовные обвинения против евреев были предъявлены королевскому совету.

Бесчеловечное обращение с евреями, изгнание, ложные обвинения против них и массовые убийства фактически не прекратились, но их количество и масштабы уменьшились. Это явление было следствием растущей цивилизации европейских столиц, но растущее пристрастие к евреям и их блестящей литературе сыграло свою роль в улучшении обращения с ними. Образованные христиане, как католики, так и протестанты, и трезвые, непредвзятые люди, чье мнение имело вес, начали удивляться продолжающемуся существованию этого народа. Как получилось, что народ, преследуемый десять веков и более, попираемый ногами и с которым обращались как со стаей ядовитых или зловредных зверей, — народ без дома, с которым грубо обращался весь мир, — как получилось, что этот народ все еще существовал - не только существовал, но и образовал компактное тело, отдельное от других народов, даже в своем подчинении слишком гордое, чтобы смешиваться с более могущественными нациями? Многочисленные авторы выступали в качестве апологетов евреев, призывая к более мягкому обращению с ними и искренне призывая христиан не уничтожать и не уродовать это живое чудо. Многие зашли очень далеко в своем энтузиазме по отношению к евреям. Проповедник-гугенот Пьер Юрье из Роттердама написал книгу (1685) "Исполнение пророчества", в которой он излагал будущее величие евреев как несомненное — что Бог сохранил эту нацию для Себя, чтобы творить для нее великие чудеса: истинным антихристом было преследование евреев. Датчанин, Олигер (Хольгер) Паули проявил чрезмерно ревностную деятельность по возвращению еврейского народа в его бывшую страну. В юности у него были видения грядущего величия Израиля, в котором ему тоже предстояло сыграть свою роль. Олигер Паули так любил еврейскую расу, что, хотя он происходил от христианских предков благородного происхождения, он всегда выдавал свое происхождение из еврейского рода. Будучи торговцем, он накопил миллионы и щедро потратил их на свое хобби - возвращение евреев в Палестину. Он отправил мистические письма королю Англии Вильгельму III и дофину Франции, чтобы побудить их взяться за объединение и восстановление евреев. Дофину датский энтузиаст прямо заявил, что своим рвением к евреям Франция могла бы искупить свою кровавую резню в Сент-Бартоломе и драконьи походы. Джон Питер Спит из Аугсбурга, родившийся в Вене в семье католиков, пошел еще дальше в своем энтузиазме по отношению к евреям и иудаизму. Написав брошюру в честь католицизма, он перешел к социнианцам и меннонитам и наконец стал евреем в Амстердаме и взял имя Моисей Германус (умер 17 апреля 1702 года). Он признался, что именно ложные обвинения против евреев внушили ему отвращение к христианству.

"Даже в настоящее время во многом то же самое происходит в Польше и Германии, где на улицах рассказывают истории и поют песни о том, как евреи убили ребенка и послали кровь друг другу в виде игл для использования их женщинами при родах. Я вовремя обнаружил этот возмутительный обман и отказался от христианства, которое может допускать подобные вещи, чтобы не иметь к нему никакого отношения и не водиться с теми, кто попирает ногами Израиля, перворожденного Сына Божьего, и проливает Его кровь, как воду".

Моисей Германус был Паулем реве, умершим. Последний, как христианин, стал ревностным презрителем иудаизма; первый, как еврей, стал столь же фанатичным противником христианства. Он считал его происхождение грубым мошенничеством. Даже сейчас невозможно описать все, что Моисей Герман сказал об учении Иисуса. Он был не единственным христианином, который в это время "из любви к иудаизму" подвергся болезненной операции и еще более острому стыду и поношению обрезания. За один год трое

христиан, разумеется, в свободном Амстердаме, перешли в иудаизм, среди них студент из Праги.

Даже больше, чем ожидаемое величие Израиля, еврейская литература привлекала образованных христиан и внушала им своего рода сочувствие к народу, из недр которого были добыты такие сокровища. Еврейский язык изучался христианами даже больше, чем в начале семнадцатого века. В середине и ближе к концу того столетия еврейскую раввинскую литературу наиболее усердно искали, переводили на латынь или современные языки, цитировали, использовали и применяли. "Еврейская ученость" была, как и прежде, не простым украшением, а неотъемлемым элементом обучения. Для католических и протестантских теологов считалось позором незнание раввинских знаний, и невежды могли защитить себя только, называя этих гебраистов полураввинами.

Первый католический критик, отец Ричард Саймон из конгрегации Оратории в Париже, внес большой вклад в то высокое уважение, которым пользовались евреи и их литература. Этот человек, заложивший основы научного, филологического и экзегетического изучения Ветхого и Нового Завета, с большим рвением исследовал еврейские писания и использовал их для своей цели. Он был одарен острым пониманием, которое бессознательно привело его за пределы католической доктрины. Критика Библии Спинозой побудила его провести оригинальные исследования, и поскольку, как истинный француз, он был наделен здравым смыслом, а не метафизическим воображением, он добился большего успеха, а его метод является полностью научным. Ричард Саймон испытывал отвращение к библейской экзегезе протестантов, которые имели обыкновение подкреплять свою мудрость и глупость стихами из Священного Писания. Поэтому он взялся доказать, что библейское знание и библейская экзегеза протестантской церкви, которой она гордилась перед католиками и иудеями, были просто туманом и ошибкой, потому что она неправильно понимала смысл оригинального текста и не имела представления об историческом фоне, колорите времени и места, о книгах Библии, и в этом невежестве множила абсурдные догмы.

"Вы, протестанты, взываете к чистому слову Божьему, чтобы сразиться с католической традицией; я намерен выбить почву у вас из-под ног и оставить вас, так сказать, с вашими ногами, болтающимися в воздухе".

Ричард Саймон был предшественником Реймаруса и Дэвида Штрауса. Католики аплодировали ему — даже кроткий епископ Боссюэ, который поначалу выступал против него из тщеславия, не подозревая, что они вынашивают змею у себя за пазухой. В своем шедевре "Критическая история Ветхого Завета" он поставил перед собой задачу доказать, что написанного слова никоим образом не достаточно для веры. Ричард Саймон, как никто до него, оценил взглядом мастера широкие масштабы новой науки — библейского критицизма. Хотя он свободно критиковал, он выступал с извинениями, отстаивал священный характер Библии и отражал нападки Спинозы на ее достоверность. Сочинения Ричарда Саймона, написанные не на латыни, а на просторечии, были отмечены определенной элегантностью стиля и привлекли заслуженное внимание. Они составляют приятный контраст с хаосом гнетущей учености того времени, и в них есть что-то вкрадчивое. Поэтому их охотно читали образованные классы, особенно женщины. Саймон уделял много места еврейской литературе и составил список еврейских писателей. Таким образом, раввинская литература стала известна образованным

людям не только благодаря усилиям Рейхлина, Скалигера, двух Буксторфов и ученого меня из Голландии, писавшего на латыни.

Чтобы получить всестороннее представление об этой литературе, Ричард Саймон был вынужден, как и Рейхлин до него, искать общения с евреями; в частности, он общался с Ионой Сальвадором, итальянским саббатянцем. Таким образом он частично утратил свое предубеждение против евреев, которое все еще существовало во Франции в своей интенсивности. Его тянуло к евреям в другом направлении. Делая упор на католическую традицию в противовес буквальной вере протестантов, он чувствовал себя в какой-то степени связанным сталмудистами и раббанитами. Они также отстаивали свою традицию вопреки буквальной вере караимов. Поэтому Ричард Саймон превознес раввинский иудаизм во введении и дополнениях, которые он добавил к своему переводу "Rites" Лео Модены. Знакомый со всей еврейской литературой своего времени или более позднего периода, Ричард Саймон воздержался от хвастливого утверждения, основанного на невежестве, что христианство - это нечто особенное, принципиально отличное от иудаизма и гораздо более возвышенное. Он признал истину и имел смелость заявить о ней, что христианство по своему содержанию и форме было сформировано по образцу иудаизма и должно будет снова стать подобным ему.

"Поскольку христианская религия берет свое начало в иудаизме, я не сомневаюсь, что прочтение этой небольшой книги ("Обряды") внесет вклад в понимание Нового Завета из-за его сходства и тесной связи со Старым. Те, кто его сочинил, были евреями, и это можно объяснить только с помощью традиций иудаизма. Часть наших церемоний также унаследована от евреев.... Кроме того, христианская религия имеет то общее с еврейской, что каждая из них основана на Священном Писании, на предании отцов, на традиционных привычках и обычаях.... Невозможно в достаточной степени восхититься скромностью и набожностью евреев, когда они по утрам отправляются на молитву.... Евреи отличаются не только молитвами, но и делами милосердия, и кажется, что в их сочувствии к бедным можно увидеть образ любви первых христиан к своим братьям. В те времена люди повиновались тому, что евреи сохранили до наших дней, в то время как мы (христиане) едва сохранили память об этом".

Ричард Саймон почти сожалел о том, что евреи, ранее столь хорошо изученные во Франции, которые смотрели на Париж как на свои Афины, были изгнаны из этой страны. Он защищал их от обвинения в ненависти к христианам и подчеркивал тот факт, что они молятся о благополучии государства и его князей. Его пристрастие к выдумкам о традициях зашло так далеко, что он утверждал, что коллегия кардиналов в Риме, верховный суд христианского мира, была сформирована по образцу иерусалимского Синhedриона и что папа соответствовал президенту Насси. В то время как он сравнивал католиков с раввинитами, он называл протестантов караимами и в шутку писал своим друзьям-протестантам: "Мои дорогие караимы". Упоминалось, что Ричард Саймон ревностно интересовался евреями Меца, когда их обвинили в убийстве христианского ребенка. Когда представлялись другие возможности, он защищал евреев от ложных обвинений и подозрений. Крещеный еврей Кристиан Герсон, ставший протестантским пастором, в начале семнадцатого века, чтобы очернить Талмуд, составил выдержки в форме нелепых легенд, напечатанных и опубликованных во многих изданиях. Ричард Саймон написал швейцарцу, собиравшемуся перевести эти немецкие отрывки на французский, что Герсон не был невиновен в том, что выдавал игры словами и чисто аллегорическими выражениями в Талмуде за серьезные повествования. Герсон вменял всему

еврейскому народу определенные ошибки, признаваемые только легковверными, неспособными отличить вымысел от факта, и поэтому он злоупотреблял Талмудом. Не следует забывать, что это был выдающийся священнослужитель, более того, трезвый, умеренный человек, который так благосклонно отзывался об иудаизме. Его книги и письма, написанные в живом французском стиле и широко читаемые образованным миром, приобрели для Иудаизма много друзей и, по крайней мере, уменьшили число его врагов. Официальный католический мир, однако, похоже, сделал выговор этому восхвалителю иудаизма, и Ричард Саймон, любивший мир, был вынужден частично отказаться от своих похвал.

"Я сказал слишком много хорошего об этой несчастной нации, и благодаря общению с некоторыми из них я с тех пор научился узнавать их".

Это не могло быть сказано им от чистого сердца, ибо он не имел обыкновения судить о целом классе людей по нескольким личностям.

Внимание, уделяемое евреям и их природе христианами учеными и князьями, то тут, то там приводило к забавным происшествиям. В Швеции, самой фанатичной протестантской стране, ни одному еврею и ни одному католику не разрешалось жить. Тем не менее король Карл XI испытывал необычайный интерес к евреям, еще больше к караимам, которые делали вид, что следуют простому слову Божьему без приращения традиций, и, как говорили, имели большое сходство с протестантами. Разве не было бы легко обратить в христианство этих людей, которые не были запутаны в паутине Талмуда? Соответственно, Карл XI отправил профессора из Упсалы, сведущего в еврейской литературе, Густавуса Перингера из Лилиенблада (около 1690 г.) в Польшу с целью разыскать караимов, узнать об их образе жизни и обычаях, и особенно приобрести их труды, не считаясь с затратами. Снабженный рекомендательными письмами к королю Польши, Перингер сначала отправился в Литву, где проживало несколько караимских общин. Но польские и литовские караимы были еще более деградировавшими, чем их собратья в Константинополе, Крыму и Египте. Среди них было очень мало тех, кто знал какие-либо подробности о своем происхождении и истории своей секты; ни у кого не было точной информации. Примерно в это же время польский король Ян Собиеский приказал через караимского судью Авраама бен Самуила из Трока, который был ему симпатичен, чтобы караимы по какой-то неизвестной причине покинули свои штаб-квартиры в Троке, Луцке и Галиче и поселились также в других небольших городах; они подчинились и рассеялись вплоть до северной провинции Жемайтия. Эти польские караимы, отрезанные от своего центра, изолированные, избегающие общения с раввинами и общающиеся только с польским сельским населением, становились все более и более невоспитанными и погружались в глубокую летаргию.

Неизвестно, выполнил ли Перинджер хотя бы частично желание своего короля; вероятно, он полностью провалил свою миссию. Несколько лет спустя (1696-1697) двое ученых шведов, вероятно, также по заказу Карла XI, отправились в Литву, чтобы посетить караимские общины и купить их труды. В то же время они пригласили караимов посетить Швецию и поделиться информацией об их доктринах. Рвение к обращению, безусловно, имело большее значение в этом вопросе, чем любопытство к неизвестному. Молодой караит, Самуэль бен Аарон, который поселился в Посволе в Жемайтии и немного понимал латынь, решил совершить путешествие в Ригу и провести совещание с Джоном Пуффендорфом, королевским чиновником. Из-за

недостатка литературных источников и невежества караимов относительно происхождения и развития их секты Самуэль бен Аарон смог дать лишь скудный отчет в работе, название которой доказывает, что причудливость проникла и в караимские круги.

С другой стороны, караимы были объектом настойчивых расспросов. Профессор из Лейдена Якоб Тригланд, довольно хорошо знакомый с еврейской литературой, который намеревался написать книгу о старых еврейских сектах, больше не существующих, обратил свое внимание на все еще существующих караимов. Вдохновленный желанием получить информацию о польских караимах и завладеть их трудами, он отправил караимам через известные торговые дома письмо с различными вопросами, на которое просил ответа. Это письмо случайно попало в руки караима Мордехая бен Ниссана в Луцке, бедного чиновника общины, который не знал достаточно, чтобы сообщить желаемую информацию о начале и причине раскола между равванитами и караимами. Он считал делом чести для себя воспользоваться возможностью напомнить образованному миру о забытых караимах с помощью христианского писателя и нанести удары по их противникам, евреям-равванитам. Он не пожалел жертв, чтобы раздобыть несколько книг, с помощью которых он мог бы обучить себя и своего корреспондента Тригланда. Эти материалы, однако, не стоили многого, и диссертация Мордехая в Тригланде оказалась неудовлетворительной, но за неимением лучшей работы ей посчастливилось служить в течение почти полутора столетий единственным источником по истории караизма. Несколько лет спустя, когда Карл XII, герой севера, завоевал Польшу в ходе своей победоносной карьеры и, подобно своему отцу, стремился получить более точные сведения о караимах, он также навел справки о них. Мордехай бен Ниссан воспользовался этим случаем, чтобы написать для Карла XII сочинение на иврите, в котором он свободно выражал свою ненависть к равванитам и напрягал все силы, чтобы сделать талмудическую литературу неприглядной.

Ревностное внимание, уделяемое христианами учеными еврейской литературе, не могло не вызывать раздражения и неудобств у евреев. Они чувствовали себя тяжело обремененными немецкими протестантскими литераторами, которые, приобретая громоздкую ученость, стремились соперничать с голландскими писателями Ч. и Ричардом Саймоном во Франции, не обладая их мягкой терпимостью к евреям или элегантностью стиля. Почти в то же время три немецких гебраиста, Вульффер, Вагензейл и Айзенменгер, использовали свои знания еврейской литературы, чтобы выдвинуть обвинения против евреев. Все трое много общались с евреями, учились у них и посвятили много времени изучению еврейской литературы, в определенной степени овладев ею.

Джон Вульффер из Нюрнберга, получивший церковное образование и учившийся у еврея из Фюрта, а затем в Италии, основательно ознакомившись с библейской и талмудической литературой, искал еврейские рукописи и старые еврейские молитвенники, чтобы обосновать обвинение против евреев. Христиане, подстрекаемые крещеными евреями, обиделись на прекрасную молитву (Алену), возникшую во времена и стране, в которых христианство было мало известно. Некоторые евреи имели обыкновение добавлять к этой молитве фразу: "Ибо они (язычники) молятся суете и пустоте". В слове "пустота" многие из евреев делали вид, что видят намек на Иисуса и находят в нем богохульство. Эта фраза не была напечатана в молитвенниках, но во многих экземплярах для нее было оставлено пустое место. Это пустое место, или присутствие неприятного слова, в равной степени привело протестантов в ярость, и поэтому Вульффер обыскал библиотеки, чтобы найти для него авторитетные источники, и когда он нашел

это слово в рукописях, он не преминул опубликовать свое открытие. Он восхвалял принца Георга Гессенского за то, что тот заставил своих евреев дать клятву никогда не произносить богохульных слов против Иисуса, и угрожал наказать их смертью в случае нарушения. Вульффер, с другой стороны, был достаточно откровенен, чтобы признать, что евреи долгое время подвергались жестоким преследованиям со стороны христиан, что обвинение их в использовании крови было злонамеренной выдумкой и что свидетельские показания крещеных евреев не заслуживают особого доверия.

Джон Кристофер Вагензейл, юрист и профессор Альторфа, был добросердечным человеком и благожелательно относился к евреям. Он прошел дальше Вульффера, проник через Испанию в Африку и приложил величайшие усилия, чтобы отыскать такие еврейские писания, которые нападали на христианство на основании Священного Писания или с помощью разума. Его открытия наполнили его колчан "огненными стрелами сатаны". Вагензейл нашел ту безвкусную подборку магических чудес Иисуса (Toldoth Jesho), с помощью которой еврей, преследуемый христианами, пытался отомстить основателю христианства, и он потратил много денег на поиски этой еврейской пародии на Евангелие. Лишь у немногих евреев были его копии, и владельцы держали их под замком в целях собственной безопасности. Поскольку один еврей однажды написал эти нелепости об Иисусе, и у некоторых евреев были экземпляры этой книги, в то время как другие защищались от нападков христиан, Вагензейл был уверен, что евреи его времени были гнусными богохульниками Иисуса. Поэтому Он умолял князей и гражданских чиновников самым строгим образом запретить евреям продолжать подобное богохульство. Он направил памфлет "Христианское обличение" всем высшим властителям, призывая их дать евреям официальную клятву не произносить ни слова насмешливого в адрес Иисуса, Марии, креста, мессы и других христианских таинств. Кроме того, у Вагензейля было два благочестивых желания. Первое заключалось в том, чтобы протестантские князья предприняли активные шаги по обращению евреев. Он, правда, убедил себя, что в Риме, где со времен папы Григория XIII доминиканскому монаху было позволено по определенным субботам сонно выступать перед множеством евреев, они либо игнорировали его, либо насмехались над ним. Но он считал, что протестантским князьям, более ревностным христианам, чем католики, следовало бы разработать план получше. Этого основательного ученого также огорчило, что коллегии раввинов осмелились критиковать труды, касающиеся еврейской религии, и что они осмелились выразить свое одобрение или неодобрение; это было нарушением прав и достоинства христиан! ВитХэл Вагензейл, как уже было сказано, был доброжелательно расположен к евреям. Он подчеркнул, что считает неправильным и недостойным сжигать евреев, отнимать у них все имущество или изгонять их вместе с женами и детьми из страны. То, что в Германии и других странах детей евреев крестили против воли их родителей и принуждали принимать христианство, было исключительной жестокостью. Притеснения и оскорбления, которым они подвергались от рук христианской черни, ни в коем случае не должны были быть одобрены. Было неправильно, что их заставляли говорить "Христос воскрес", что на них нападали с побоями, в них бросали грязью и камнями и не позволяли передвигаться в безопасности. Вагензейл написал брошюру, разоблачающую ужасную ложь обвинения в том, что евреи используют кровь христиан. Ради этого памфлета, в котором так тепло говорилось о евреях, следует простить и другие его нелепости. Вагензейл выразил свое возмущение этой ужасной ложью:

"Это могло бы пройти, если бы дело ограничилось досужими сплетнями; но то, что из-за этой отвратительной лжи евреев мучили, наказывали и казнили тысячами, должно было вызвать сострадание даже у камней и заставить их кричать".

Можно ли поверить, что перед лицом этого суждения, высказанного с твердой убежденностью Вульффером и Вагензейлем, которые не только годами общались с евреями, но и были хорошо знакомы с еврейской литературой и проникали в ее самые сокровенные уголки, как никто до них, их современники должны всерьез воскрешать ужасную ложь и оправдывать ее показной ученостью? Протестант Джон Эндрю Айзенменгер, профессор восточных языков, тысячу раз повторил это обвинение, заклеянное как ложное, и предоставил потомкам обильный материал для обвинений против евреев. Айзенменгер принадлежал к классу насекомых, которые высасывают яд даже из цветов. В доверительных беседах с евреями, притворяясь, что он желает обратиться в иудаизм, и в глубоком изучении исламской литературы, которую он узнал от них, он искал только темную сторону того и другого.

Он составил ядовитую книгу в двух томах, название которой само по себе было приглашением к христианам убивать евреев и было синонимом повторения более ранних сцен ужаса для евреев.

"Разоблаченный иудаизм; или Подробный и правдивый рассказ о Том, как Упрямые евреи ужасно богохульствуют и бесчестят Святую Троицу, поносят Святую Матерь Христа, насмешливо критикуют Новый Завет, евангелистов, Апостолов и христианскую религию, а также до Крайности презирают и проклинают все христианство. Кроме того, здесь фигурирует многое другое, либо вовсе неизвестное, либо очень малоизвестное, и Грубые ошибки еврейской религии и теологии, а также Смехотворные для нас и Забавные истории. Все доказано из их собственных книг. Написано для честного ознакомления всех христиан".

Айзенменгер намеревался метнуть "огненные стрелы сатаны" Вагензейля со смертельной целью в евреев. Если бы он просто цитировал отдельные положения из талмудической, а позже раввинской литературы и антихристианских сочинений, переводил их и делал из них враждебные евреям выводы, он бы только доказал свою умственную слабость. Но Айзенменгер представлял самую ужасную ложь, как назвал их Вагензейл, как неоспоримые факты. Он привел целую главу доказательств, показывающих, что евреям не позволено спасать христианина от опасности для жизни, что раввинские законы предписывают убивать христиан и что не следует доверять еврейским врачам и принимать их лекарства. Он повторил все лживые истории об убийствах, совершенных евреями против христиан, об отравлении евреями колодцев во время Черной смерти, об отравлении эльэктора Бранденбурга Иоахима II его еврейским монетным мастером, об убийстве ребенка Рафаэлем Леви в Меце - короче говоря, все это когда-либо было выдумано святой простотой, мошенничеством священников или возбужденным фанатизмом и приписывалось евреям. То, что мученическая смерть маленького Симона из Трента была сфабрикована, было четко доказано дожем и сенатом Венеции на основании подлинных документов. Не только еврейские писатели Исаак Вива и Исаак Кардозу, но и христиане, такие как Вульффер и Вагензейл, признали эти документы подлинными и представляли обвинение против евреев Трента как вопиющую несправедливость. Айзенменгер не поддавался этому

влиянию, объявил документы поддельными, и поддерживал кровожадность евреев с пламенным рвением и энергией. Можно было бы с полным основанием приписать его действия против евреев жестокости или алчности. Несмотря на то, что он очень хорошо знал иврит, в остальном он был некультурен. Он был готов дать взятку твердой монетой за молчание в отношении евреев. Но к чести человечества, его поступок скорее можно было бы списать на слепоту; он долгое время жил во Франкфурте-на-Майне, бывшем центре ненависти к евреям в Германии, и, возможно, там он перенял свою горькую враждебность и поначалу из добросовестных побуждений хотел очернить характер евреев.

Некоторые евреи пронюхали о печатании работы Айзенменгера во Франкфурте и были немало встревожены грозящей им опасностью. Старые предубеждения масс и духовенства против евреев, более сильные среди протестантов, чем у католиков, все еще существовали слишком сильно, чтобы подстрекательское издание могло появиться на немецком языке, не причинив вреда, куда бы оно ни попало. Поэтому франкфуртские евреи установили связь с придворными евреями в Вене, чтобы противостоять опасности. Император Леопольд I, который по наущению императрицы и ее отца-исповедника изгнал евреев из Вены, нуждаясь в деньгах из-за турецких войн, пятнадцать лет спустя разрешил нескольким богатым евреям поселиться в столице. Сэмюэль Оппенгейм из Гейдельберга, банкир, один из благороднейших евреев, чьи сердце и рука были открыты для всех страждущих, вероятно, добился этой уступки.....Как и прежде, несколько еврейских семей, которые якобы были его слугами, приехали с ним в Вену. Сэмюэль Оппенгейм рьяно стремился предотвратить распространение книги Айзенменгера против евреев. В том же году он испытал на себе, на что способен христианский сброд, подстрекаемый ненавистью к евреям. Было совершено яростное нападение на его дом, который был взломан, и все, что находилось там, включая сундук с деньгами, было разграблено (17 июля 1700 г.). Следовательно, из личных побуждений и по общественным соображениям Сэмюэль Оппенгейм приложил все усилия, чтобы 2000 экземпляров работы Айзенменгера не увидели свет. Он и другие евреи могли бы справедливо предположить, что публикация этой книги на немецком языке, каким бы непривлекательным ни был ее стиль, приведет к массовому истреблению евреев. Поэтому император издал указ, запрещающий его распространение. Айзенменгер был разочарован вдвойне; он не мог выместить свою ненависть на евреях, к тому же он потерял все свое имущество, которое потратил на типографию, и был вынужден влезть в долги. Все копии, за исключением нескольких, которые он изъял, находились во Франкфурте под замком. Он вступил в переговоры с евреями и предложил уничтожить его работу за 90 000 марок. Поскольку евреи предложили едва ли половину этой суммы, конфискация осталась в силе, и Айзенменгер, обманутый во всех своих надеждах, умер от досады.

Но на этом дело не закончилось. Фридрих I, недавно коронованный король Пруссии, проявил живой интерес к книге. Внимание этого князя было остро направлено на евреев по разным причинам. В начале восемнадцатого века в его владениях проживало более тысячи евреев. За тридцать лет, прошедших с момента их принятия, берлинское сообщество выросло с двенадцати до примерно семидесяти семей. Фридрих I, любивший показуху и помпезность, не питал особого пристрастия к евреям, но ценил их за доход, получаемый от них. Придворный ювелир Йост Либманн пользовался большим уважением при дворе, потому что поставлял жемчуг и безделушки в кредит и, таким образом, занимал исключительно выгодное положение. Говорили, что жена Либмана приглянулась принцу; позже она получила право входить в апартаменты короля без предупреждения. Через нее евреи получили разрешение на строительство кладбища в Кенигсберге; но еврейские деньги ценились этим королем выше, чем

еврейские фавориты. Фредерик, который в то время как курфюрст считал изгнания евреев, Тольятти, подпадающего под их безопасности налога, который им приходилось платить—100 дукатов ежегодно—но они подверглись серьезным ограничениям, в частности, они не могли собственных домов и земель. Тем не менее, им было разрешено иметь синагоги, сначала частную, предоставленную в качестве одолжения придворному ювелиру Йосту Либманну и семье Дэвида Рисса, иммигранта из Австрии, а затем, из-за частых споров о правах и привилегиях, и общественную синагогу.

Два злонамеренно настроенных крещеных еврея, Кристиан Кац и Фрэнсис Венцел., стремились настроить нового короля и население против евреев. "Богохульство против Иисуса" — так звучит лживое обвинение. Молитва "Алену" и другие приводились в качестве доказательств того, что евреи произносили имя Иисуса с пренебрежением и что они плевали при этом. Гильдии, не очень хорошо настроенные к евреям, использовали это возбуждение для фанатичного преследования, и в городах и деревнях возникло такое ожесточение против евреев, что (как они выражались, возможно, сознательно преувеличивая) их жизнь больше не была безопасной. Король Фредерик предложил курс, который делает честь его доброму сердцу. Он отдал приказ (декабрь 1700 г.) всем президентам департаментов созвать раввинов и, при их отсутствии, еврейских школьных учителей и elders в определенный день и спросить их под присягой, применяли ли они к Иисусу богохульное слово "ва-рик", произнося или про себя используя богохульное слово "ва-рик". Евреи повсюду торжественно заявляли под присягой, что они не ссылались на Иисуса в этой молитве в том месте, где в молитвенниках был оставлен пробел. Джон Генри Михаэлис, теолог из Галле, которого спросили о характере евреев, объявил их невиновными в богохульстве, в котором их обвиняли. Поскольку король продолжал подозревать евреев в том, что они переосмыслили Иисуса, он издал характерные для того времени приказы (1703). Он сказал, что это было желанием его сердца привести народ Израиля, которого Господь когда-то возлюбил и избрал Своим особым достоянием, в христианское сообщество. Однако Он не предполагал осуществлять контроль над их совестью, но оставлял обращение евреев на усмотрение времени и мудрого совета Бога. Он также не стал бы связывать их клятвой воздерживаться от произнесения в молитве слов, о которых идет речь. Но он приказал им под страхом наказания воздержаться от этих слов, произносить молитву "Алену" вслух и не плевать при этом. Были назначены шпионы, которые время от времени посещали синагоги, как одиннадцать веков назад в Византийской империи, чтобы наблюдать, произносится ли эта заключительная молитва вслух или шепотом.

Айзенменгер перед своей смертью и его наследники после него, зная, что король Пруссии склонен прислушиваться к обвинениям в адрес евреев, обратились к нему с просьбой умолять императора Леопольда освободить книгу против евреев, озаглавленную "Разоблаченный иудаизм", от запрета. Фридрих I горячо заинтересовался этим вопросом и направил своего рода петицию императору Леопольду I (25 апреля 1705 г.), весьма характерную для тона того времени. Король заявил, что Айзенменгер вложил все свои деньги в эту книгу и умер от досады на императорский запрет. Было бы принижением христианства, если бы евреи были настолько могущественны, что смогли подавить книгу, написанную в защиту христианской культуры и в опровержение еврейских заблуждений. Не было никаких оснований опасаться, как утверждали евреи, что это подстрекает народ к жестокому нападению на них, поскольку недавно появились подобные писания, которые не причинили им никакого вреда. Книга Айзенменгера была направлена главным образом на пропаганду христианства, чтобы христиане не могли, как неоднократно случалось несколько лет назад, восстать против него и стать приверженцами

иудаизма. Но император Леопольд не снял запрета с книги Айзенменгера. Кинг. Фридрих повторил свою просьбу три года спустя, по желанию наследников Айзенменгера, императору Иосифу I. Вместе с ним король Фридрих также не получил благоприятного слушания, и 2000 экземпляров "Разоблаченного иудаизма" оставались во Франкфурте под запретом в течение сорока летрूपий. Но с одобрения Фридриха второе издание было выпущено в Кенигсберге, где имперская цензура не имела никакой власти. На данный момент это не возымело такого эффекта, на который надеялась одна сторона и которого опасалась другая; но позже, когда были рассмотрены права евреев как людей и граждан, это оказалось оружием для злонамеренных или ленивых противников.

Враги евреев часто призывали короля Фридриха I использовать его королевскую власть как прикрытие для их злодейства. Отчетливо проявились светлые и темные стороны общей оценки еврейской литературы. В Голландии, также протестантской стране, христианский ученый того периода с большим энтузиазмом относился к Мишне, становому хребту талмудического иудаизма. Уильям Суренгейзиус, молодой человек из Амстердама, в течение многих лет переводил Мишну с двумя комментариями к ней на латынь (напечатано в 1698-1703 годах). Он продемонстрировал больше, чем обычно, голландской трудолюбия и прикладных способностей. Безусловно, требовалась любовь, чтобы взяться за такое исследование, упорно продолжать его и закончить работу в ясном и привлекательном стиле. Ни один язык и литература не представляют столько трудностей, как этот диалект, ныне почти устаревший, объекты, которые он описывает, и форма, в которую он облечен. Суренгуйсиус сидел у ног еврейских учителей, которых было много в Амстердаме, и он был чрезвычайно благодарен им за помощь. Но их помощь не позволила ему обойтись без трудолюбия и преданности делу. На него повлияло убеждение в том, что устный Закон, Мишна, по своему основному содержанию так же диоклетичен, как письменное слово Библии. Он желал, чтобы христианские юноши, обучающиеся богословию и профессии священнослужителя, не поддавались соблазну классической литературы, а, занимаясь изучением Мишны, как бы заранее получали рукоположение.

"Тот, кто желает быть хорошим и достойным учеником Христа, должен сначала стать евреем, или он должен сначала тщательно изучить язык и культуру евреев и стать учеником Моисея, прежде чем присоединиться к Апостолам, чтобы он мог быть в состоянии через Моисея и пророков убедить людей, что Иисус есть Мессия".

В этом восторженном восхищении краеугольным камнем здания иудаизма, которое строители культуры привыкли презирать, Суренгуйсиус включил людей, которые владели этими законами. Он сердечно поблагодарил сенат Амстердама за то, что он особо защищал евреев.

"В той мере, в какой этот народ когда-то превосходил все другие народы, вы отдаете ему предпочтение, достойные люди! Былая слава и достоинство, которыми когда-то обладали этот народ и жители Иерусалима, принадлежат вам. Ибо евреи искренне преданы вам, их не победить силой оружия, но завоевать человечность и мудрость; они приходят к вам и счастливы подчиняться вашему республиканскому правительству".

Суренхуйзий был откровенен в своем недовольстве теми, кто, узнав о том, что служило их интересам, из Священных Писаний евреев, поносил их и поливал грязью, "подобно разбойникам с большой дороги, которые, сорвав с честного человека всю его одежду, избивают его до смерти и с презрением отсылают прочь". Он разработал план сделать всю

раввинскую литературу доступной для ученого мира через латинский язык. А Surenhuysius Амстердама чувствовал такой энтузиазм в отношении этой, не самой блестящей, бок оф иудаизм, и видели в нем средство для продвижения христианства (в котором он не самостоятельные), гнусная польская еврейка, по имени Аарон Margalita, Отступник христианства ради наживы, принес свежие обвинения в богохульстве перед королем Фридрихом ПруГасс против совершенно безобидного часть еврейской литературы—старый Агада. Соответственно, издание Мидраш Рабба (1705), опубликованное во Франкфурте-на-Одере, было запрещено по приказу короля до тех пор, пока христианские богословы не вынесут по нему решенияnt.

Лучшим результатом этого пристрастия к еврейской литературе со стороны образованных христиан и пропагандируемых таким образом литературных произведений стал интересный исторический труд о евреях и иудаизме, который, можно сказать, положил конец старому и предвосхитил новую эпоху. Джейкоб Баснаж (родился в 1653 году, умер в 1723 году), благородный человек, протестантский богослов, солидный историк, приятный автор и вообще человек, пользующийся большим уважением, оказал неоценимую услугу иудаизму. Он проанализировал результаты кропотливых исследований ученых, популяризировал их и сделал доступными для всех образованных кругов. В своих усердных исторических исследованиях, особенно в том, что касается развития Церкви, Баснадж встречался с евреями почти на каждом шагу. У него было подозрение, что еврейский народ не стал, как думали обычные теологи, полным банкротом из-за потери своей политической независимости и распространения христианства, обреченной жертвой, призраком своего прежнего "я". Великие страдания этого народа и его богатая литература внушали ему благоговейный трепет. Его чувство правды в отношении исторических событий не позволяло ему отмахиваться от фактов или объяснять их пустыми фразами. Баснаж взялся составить историю евреев или еврейской религии, насколько она была ему известна, от Иисуса вплоть до его собственных времен. Он работал над этой работой более пяти лет. Предполагалось, что она продолжит историю еврейского историка Иосифа Флавия после рассеяния еврейского народа. Basnage стремился, насколько это ж насколько это возможно для убежденным протестантом, в то время, в настоящем и судить о событиях беспристрастно.

"Христиан не должно удивлять, что мы часто оправдываем евреев в преступлениях, в которых они не виновны, поскольку этого требует правосудие. Не подразумевается никакой пристрастности в обвинении в несправедливости и угнетении тех, кто был в них виновен. У нас нет намерения причинять вред евреям не больше, чем льстить им.... В упадке и отбросах веков люди переняли дух жестокости и варварства по отношению к евреям. Их обвинили в том, что они были причиной всех произошедших катастроф, и обвинили во множестве преступлений, о которых они даже не мечтали. Бесчисленные чудеса были изобретены, чтобы обличить их или, скорее, лучше удовлетворить ненависть под прикрытием религии. Мы составили сборник законов, которые советы и князья издали против них, с помощью которых люди могут судить о злобе первых и притеснении вторых. Люди, однако, не ограничивались эдиктами, но повсюду имели место военные казни, народные бунты и массовые убийства. И все же, по чуду Провидения, которое должно вызывать изумление у всех христиан, этот ненавистный народ, преследуемый повсюду на протяжении многих веков, все еще существует повсюду.... Народы и короли, язычники, христиане и магометане, противостоящие друг другу во многих отношениях, сошлись в цели уничтожения этой нации, но не преуспели в этом. Куст Моисея, окруженный

пламенем, всегда горел, не будучи сожженным. Евреи были изгнаны из всех городов мира, и это только способствовало их распространению по всем городам. Они все еще живы, несмотря на презрение и ненависть, которые преследуют их повсюду, в то время как величайшие монархии пали и известны нам только по названию".

Баснаж, который из-за отмены Нантского эдикта из-за католической нетерпимости Людовика XIV был сослан в Голландию, мог в какой-то степени оценить чувства евреев во время их долгого изгнания. Он приобрел достаточные знания еврейской литературы, чтобы консультироваться с властями при выполнении своей работы. Историческими трудами Авраама ибн Дауда, Ибн Яхьи, Ибн Верги, Дэвида Ганса и других не пренебрегли; они послужили фундаментом в качестве строительного материала, с помощью которого была воссоздана великая ткань еврейской истории за шестнадцать веков, прошедших с момента возникновения христианства.

Но Баснаж не был в достаточной степени художником, чтобы разворачивать перед взором в ярких красках, пусть даже в образах, мимолетных, как туман, возвышенные или трагические сцены еврейской истории. У него также не было таланта собирать воедино или организовывать в группы и отряды факты, широко разбросанные вследствие своеобразного хода истории этого народа. В изложении Баснейджа чувствуется, что он был подавлен и лишен сил из-за переизбытка деталей. Он перемешал времена и происшествия в пестрой неразберихе, разделил историю на две неестественные половины, Восточную и Западную, и описал связно события, не связанные между собой. О глубоких внутренних ветвях жизни и деяниях нации он не имел ни малейшего представления. Его протестантское вероучение мешало ему; он видел еврейскую историю только сквозь густой туман церковной истории. Несмотря на его усилия быть беспристрастным и честным, он не мог избавиться от убеждения, что "евреи отвергнуты, потому что они отвергли Иисуса". Короче говоря, у "Истории религии евреев" Баснейджа тысяча недостатков. Едва ли хоть одно предложение можно считать совершенно справедливым и соответствующим истине.

Однако появление этой работы имело большое значение для евреев. Она распространила в образованном мире массу исторической информации, какой бы грубой и искаженной она ни была, потому что была написана модным французским языком, и это семя обильно возшло повсюду. Народ, который, несмотря на кровавые преследования, без дома, без единого уголка на всей земле, где он мог бы преклонить голову или поставить ногу, все же обладал историей, не совсем лишенной великолепия, — такой народ не был похож на цыганскую орду, но должен был вызывать все большее уважение. Без своего вклада или намерения, даже подвергая еврейскую расу многочисленной клевете, Баснаж проложил путь к поднятию ее из жалкого состояния. Кристиан Теофилус Унгер, пастор из Силезии, и Джон Кристофер Вольф, профессор восточных языков в Гамбурге, которые усердно занимались изучением еврейской литературы и истории, стали учениками Баснажа, и без его работы они не смогли бы добиться такого успеха в этой области. Оба, особенно Вольф, заполнили многие пробелы, оставленные Баснейджем, и проявили определенную степень теплоты по отношению к делу.

Восхищение или, по крайней мере, симпатия, испытываемая к евреям в то время, побудила Джона Толанда (ирландца, отважного противника окаменелого христианства) возвысить свой голос в защиту их равенства с христианами в Англии и Ирландии. Это было первое слово, сказанное в пользу их эмансипации. Но люди, в пользу которых произошло это замечательное

изменение настроений в образованном мире, не знали об этом и не почувствовали никаких изменений в настроениях населения.

ГЛАВА VI. ОБЩАЯ ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ ИУДАИЗМА.

Низкое положение евреев в конце семнадцатого века—Представители культуры: Дэвид Ньето, Иегуда Бриели—Каббала—Еврейские хронисты—Лопес Лагуна переводит Псалмы на испанский—Де Барриос—Гонка за богатством—Общая бедность евреев—Возрождение саббатиянства—Даниэль Израэль Бонафу, Кардосо, Мордехай Айзенштадтский, Якоб Керидо и Берахья—Саббатиянство в Польше—Авраам Куэнки—Иуда хасид—Хаим Малах—Соломон Айллон—Неемия Шайон — Знаменитая библиотека Дэвида Оппенгейма—Чахам Зеви—Спор о еретических работах Шайона в Амстердаме.

1700-1725 гг. н. э.

В то время, когда взоры цивилизованного мира мы обратили на еврейскую расу с определенной степенью симпатии и восхищения, и когда на заре просвещения в так называемый философский век церковные предрассудки начали исчезать, представители этой расы производили отнюдь не благоприятное впечатление на тех, с кем они соприкасались. Взвешенные на весах, они были признаны недостаточными даже их доброжелателями. Никогда евреи не были в столь плачевном положении, как в конце семнадцатого и начале восемнадцатого века. Несколько обстоятельств способствовали тому, что они были совершенно деморализованы и презираемы. Бывшие учителя Европы на протяжении печальных столетий стали инфантильными или, что еще хуже, слабоумными. Каждый общественный или исторический поступок еврея носит этот характер идиотизма, если не презрения. Не было ни одного радостного мероприятия, вряд ли нашелся человек, заслуживающий уважения, который мог бы достойно представлять иудаизм и дать ему высокую оценку. Сильный духом, мужественный Ороббио де Кастро (умер в 1687 году), бывшая жертва инквизиции, чья верность убеждениям, чье достоинство и проницательность, с которыми он оспаривал христианство, вызывали уважение ведущих противников иудаизма, действительно был еще жив. Но он не оставил преемника равноположения в высококультурном сообществе Амстердама, и уж точно не за его пределами, где совершенно отсутствовали условия для независимой еврейской личности, обладающей культурой. Лидеры общины по большей части были ведомы за собой, блуждая, как во сне, и спотыкаясь на каждом шагу. Но лишь немногие раввины занимались какой-либо отраслью знаний, выходящей за рамки Талмуда, или вступали на новый путь в этом изучении. Исключения можно пересчитать. Раввин Дэвид Ньето из Лондона (родился в 1654 году, умер в 1728 году) был культурным человеком. Он был врачом, разбирался в математике, был достаточно способен защитить иудаизм от клеветы и, помимо множества банальностей, написал много разумного. Итальянский раввин Иегуда Леон Бриели из Мантуи (родился около 1643 г., умер в 1722 г.) также был важной фигурой — человеком здравых взглядов, солидных, даже философских знаний, чей стиль в просторечии был элегантным, и кто знал, как защитить иудаизм от христианской агрессивности. Бриели имел мужество пренебречь двумя обычаями, которые его современники считали хуже, чем преступными: он всю свою жизнь оставался

холостяком и, хотя был раввином, не носил бороды. Но влияние Бриели на его еврейских современников было очень незначительным. Он знал слабости христианского христианства, но не обладал таким же острым видением недостатков иудаизма и евреев. Однако Бриели был прекрасно осведомлен о вредной природе Зоара и Каббалы в целом; он предпочел бы, чтобы они не увидели дневного света; но его критические знания не простирались дальше.

В остальном раввины того периода не были образцами для подражания, поляки и немцы по большей части были жалкими фигурами, их головы были забиты бесполезными знаниями, в остальном они были невежественны и беспомощны, как маленькие дети. Португальские раввины имели достойную, импозантную внешность, но были поверхностны. Итальянцы больше походили на немцев, но не обладали их образованностью. Таким образом, не имея проводников, знакомых с дорогой, погрязшие в невежестве или преисполненные самомнения, окруженные призраками, евреи во всех частях света без исключения переходили от одного абсурда к другому и позволяли обманывать себя фокусникам и провидцам. В любой абсурд, каким бы очевидным он ни был, при условии, что он был явно подкреплён религиозной серьёзностью и перемежался натянутыми стихами Священного Писания или изречениями из Талмуда, искусственно объясненными или украшенными обрывками Каббалы, упорно верили и пропагандировали. "Умы людей, отчужденные от ливеры и истинного знания, исчерпали свои силы в тонкостях и суеверных заблуждениях Каббалы. Учителя говорили со своими учениками редко или только словами Талмуда; на изложение не обращалось никакого внимания, потому что не было ни языка, ни красноречия". Кульминационный момент средневековья был достигнут в еврейской истории в то время, когда его миновала большая часть Западной Европы. Распространение суеверных обычаев с налетом религии никоим образом не было остановлено. От раввинов требовалось написать амулеты (Камеа) для изгнания нечистой силы из болезней, и они посвятили себя этой работе; многие хотели, чтобы их считали заклинателями духов. Раввин Симон Баки из Казале в Италии пожаловался своему учителю, глупому каббалисту Моисею Закуту из Венеции, на то, что он использовал предписанные формулы заклинания для женщины из Турина, которая, как предполагалось, была одержима, без какого-либо успешного результата. Вслед за этим последний дал ему более эффективное средство, а именно, используя имя Бога в молитве, он должен был подносить горящую серу носу одержимого. Чем более чувствительной она была и чем больше боролась с лекарством, тем больше он мог быть убежден, что она одержима злым духом. Просвещенный еврей из каббалистической школы Дамаска однажды серьёзно похвастался перед свободомыслящим критиком Ричардом Саймоном, что он может вызвать гения высокого порядка, и начал готовиться. Недоверчивый Отец с сатирической улыбкой следил за его движениями, и фокусник вышел из затруднительного положения, заметив, что почва Франции не подходит для привидений.

Возвысить иудаизм в глазах народов и представлять его достойным уважения образом было в то время не во власти евреев. Они скорее деградировали и сделали его достойным презрения. Вдумчивые христиане стояли пораженные перед этим замечательным памятником истории, этим народом с его ученостью и его попеременно славной и трагической судьбой; но его собственные сыновья были слишком тупы, чтобы чувствовать собственное величие, или искали его только в глупых историях и абсурдных поступках. В то время как христиане усердно и с чувством изумления исследовали историю евреев за три тысячи лет, у евреев не было такого чувства, даже у культурных португальских евреев. Манассия бен Исраэль изложил историю евреев и, вероятно, предложил работу Баснейджа, но он не осуществил свой собственный замысел. Действительно, названы три историка, относящиеся к этому времени: странствующий

раввин Дэвид Конфорте, во—вторых, Мигель (Даниэль) де Барриос, маррано, родившийся в Португалии, вернувшийся к иудаизму в Амстердаме, и, наконец, польский раввин Иехиэль Хейлперин из Минска. Но все трое напоминают монахов-хронистов варварских эпох, и их стиль скорее отталкивающий, чем привлекательный.

Если литература - это подлинная фотография мыслей и устремлений эпохи, то век между Спинозой и Мендельсоном, если судить по его литературным произведениям, должен был иметь очень уродливые черты. Много, это правда, было написано и опубликовано; каждый раввин, внося новый вклад в и без того огромную кучу раввинских материалов, старался увековечить свое имя, обеспечить себе будущее блаженство и, кроме того, заработать гроши. Тонкие раввинские комментарии, безвкусные проповеди и книги благочестия, вызывающие у нас споры сочинения были проявлениями еврейского ума или отсутствия ума в то время. Цветок поэзии не нашел почвы в этой трясине. Эта эпоха породила только двух еврейских поэтов, подлинных сыновей еврейской музыки, которые жили на большом расстоянии друг от друга, один на острове Ямайка, другой в Италии, — Лопеса Лагуну и Луццатто, — как будто старый еврейский ствол, лишенный кроны и листьев, хотел раскрыть жизнь в своем сердце и доказать свою способность продлевать молодость даже при самых неблагоприятных обстоятельствах. Лопес Лагуна, уроженец Маррано во Франции (около 1660 г., умер после 1720 г.), еще юношей приехал в Испанию, где познакомился с ужасной инквизицией. В ночь его страданий Псалмы, полные нежного чувства, принесли ему, как и многим его товарищам по несчастью, свет и надежду. Освобожденный из тюрьмы и бежавший на Ямайку Лагуна под еврейским именем Даниэль Израэль настроил свою арфу на священные песни, которые оживили его душу. Чтобы сделать Псалмы доступными для других авторов, особенно для Маррано, не знающих иврита, он сделал точный перевод их на мелодичный, элегантный испанский стих. Эту псалтирь "Зеркало жизни" Даниэль Израэль Лопес Лагуна взял с собой в Лондон, где его работа была триумфально принята несколькими второстепенными поэтами, а также тремя еврейскими поэтами, Сарой де Фонсека Пинто-и-Пиментель, Мануэлой Нуньес да Алмейда и Бьенвенидой Коэн Бельмонте, которые обратились к нему со стихами на латыни, английском, португальском и испанском.

Моисей Хаим Луццатто, жертва печальных ошибок того времени, сочинил две драмы на иврите, полные красоты и юношеской свежести. За исключением этих поэтических цветов, этот длительный период демонстрирует бесцветную расточительность. Даниэля де Барриоса, капитана, историка и нищего, нельзя причислить к поэтам, хотя он сочинил поразительное количество испанских, а также еврейских стихотворений, помимо нескольких испанских драм, и он пел перед почти каждым еврейским и христианским магнатом, у которого был полный кошелек, и не стыдился просить милостыню.

В результате этой общей деморализации был утрачен или, по крайней мере, притуплен не только научный дух, но и нравственное чувство. Основные добродетели еврейской расы продолжали существовать даже в это время в неослабевающей силе — идиллическая семейная любовь, братское сочувствие друг к другу и целомудрие. Грубые пороки и преступления происходили даже тогда, но редко в шатрах Иакова. Полностью развращенные изгои были достаточно тактичны, чтобы покинуть их и осквернить церковь или мечеть своей безнравственностью. Но чувство права и чести среди евреев в целом было ослаблено. Снизился тон той нежной совести, которая с каким-то девичьим стыдом избегает даже того, что предписания религии и параграфы гражданского кодекса оставляют недозволенным. Для

макаденыги были настолько непреложной необходимостью, что пути и средства стали безразличными и не подлежали порицанию. Использовать неоправданное преимущество и перехитрить не только враждебно настроенное население, но даже своих единоверцев по большей части считалось не позором, а скорее своего рода героическим поступком. Из этого возникло поклонение Маммоне, не просто любовь, но и уважение к золоту, каким бы нечистым ни был его источник. Демократическое равенство, до сих пор поддерживавшееся среди евреев, которые отказывались признавать различия классов и каст, было утрачено в бешеной пляске вокруг золотого тельца. Богатый человек считался достойным чести — тот, на кого менее благосклонно благодетельствованные фортуной люди смотрели как на нечто высшее и в ком они поэтому не замечали многих недостатков. Самые богатые, но не самые достойные были назначены управляющими сообществом и получили хартию за произвол и высокомерие. Сатира того периода очень сурово бичевала всемогущую власть денег, перед которой все преклонялись. "Доллар связывает и ослабляет, он поднимает невежд на высшие должности в обществе".

Растущая бедность среди евреев отчасти была причиной такого положения дел. Лишь среди небольшого числа португальских евреев в Амстердаме, Гамбурге, Ливорно, Флоренции и Лондоне были люди со значительным состоянием. Исаак (Антонио) Суассо, получивший титул барона Альвернеса де Гра от испанского короля Карла II, смог передать Вильгельму III за его наполовину авантурную экспедицию в Лондон за английской короной два миллиона флоринов, не представляющих для меня интереса, простыми словами: "Если вам повезет, вы вернете их мне; если нет, я готов их потерять". Миллионерами Амстердама были Пинтос, Бельмонте, Дэвид Буэно де Мескито, Франсиско Мело, которые своим богатством оказали много услуг Холланд. Один из Де Пинто завещал несколько миллионов на благородные цели, выделяя средства еврейским общинам, государству, христианским сиротским приютам, духовенству, клеркам и пономарям. В Гамбурге были Тексейрасы, которые состояли в родстве через брак с Суассо, и Даниэль Абенсур, способные делать крупные авансы бедным правителям Польши. С другой стороны, поляки, немцы, а также итальянцы и восточные евреи были чрезвычайно бедны. Изменения, произошедшие в торговле, привели к этому изменению. Евреи больше не могли заниматься ростовщичеством, у них не было капитала, или, скорее, христианские капиталисты конкурировали с ними. Беднее всех были польские евреи, те, кто раньше господствовал над всеми евреями Европы. Они не могли оправиться от горя, причиненного им казацкими беспорядками, а последовавший за этим распад Польского королевства причинил им новые неприятности. Растущая бедность польских евреев с каждым годом гнала толпы нищих на запад и юг Европы. Они обращались в большие общины, чтобы получить кров и пищу у своих богатых собратьев. Польские студенты, изучавшие Талмуд, превосходившие всех других евреев в знании Талмуда, посещали главным образом важные раввинаты Праги, Никольсбурга, Франкфурта-на-Майне, Амстердама и Гамбурга и даже итальянские общины. Каждый польский эмигрант был или провозглашал себя раввином или проповедником, и к нему так относились. Многие из них были позором для раввинской канцелярии, для которой у них не было квалификации, ни умственной, ни моральной. Они заискивали перед богатыми по нужде и привычке. Из-за них происходила все возрастающая деморализация среди евреев. Их попечению или, скорее, пренебрежению были вверены еврейские юноши, которые, как только они научились говорить, были ознакомлены с Талмудом с помощью софистического, искусственного метода. Из-за этой извращенности язык немецких евреев, как и язык поляков, выродился в отвратительное заикание, а их образ мышления и любовь к диспутам - в грубый

догматизм, который не поддавался никакой логике. Их чувство простоты и правды было утрачено, и даже португальские евреи, которые держались в стороне от отвратительного жаргона, не остались незатронутыми извращенным образом мышления, преобладавшим в то время.

К этому добавился тот факт, что грязевые потоки саббатианского фанатизма вырвались наружу с новой силой. Они порочили всех, кто соприкасался с ними, но, тем не менее, на них смотрели как на чистый поток из источника Божества. Их единственным положительным эффектом было то, что они разбудили и привели в движение застойное болото; или, выражаясь без метафор, вялотекущая рутина, в которой жили евреи, была нарушена, и раввины, отупевшие от бесплодной учености, обрели определенную степень страсти и энергии. После смерти Саббата один из его последователей, Даниэль Израэль Бонафу, невежественный чтец богослужения (Хазан) в Смирне, поддерживал веру в умершего Мессию всевозможными фокусами. В один момент он притворился, что увидел движущийся огненный шар; в другой - что услышал голос, говорящий, что Саббатай все еще жив и будет править вечно. Община в Смирне подкупила кади, чтобы изгнать его из города, но Даниэль Израэль поселился в окрестностях Смирны и призвал секту упорствовать в своей вере. Ему помогал и подстрекал к этому Абрахам Майкл Кардозо из Триполи, который вновь появился на этой сцене, где он нашел группу единомышленников саббатианца, которые столпились вокруг него, потому что с его научным образованием, культурой и беглостью речи он был намного выше их. Кардозо объявлял о снах и видениях, объявлял себя преемником Саббатай Цеви, Мессией-Эфраимитом, практиковал необычные обряды и посещал могилы, чтобы вдохновиться духами умерших и получить предсказания, соответствующие его теории. Это заключалось в богохульном предположении, что есть два Бога: один — Первопричина, непостижимая, не имеющая воли и влияния на вселенную; другой - Бог Израиля, действительный Творец мира и Законодатель еврейского народа, которому одному следует поклоняться. Но раввины Смирны положили конец действиям Кардозо, пригрозили ему смертью и вынудили покинуть место рождения Саббатай Цеви. Оттуда он отправился в Константинополь со своими приверженцами из Смирны, позже занимался своимозорным поведением в Адрианополе, Родосто, в Египте, на Архипелаге и в Кандии; то как Мессия, то как врач, сочинил многочисленные трактаты о пришествии Мессианского царства, излагал свою теософско-дуалистическую теорию, влез в долги, привлекал женщин в свою каббалистическую общину и, как говорят, жил аморально даже до старости. Наконец Кардозу был заколот своим племянником, который считал, что тот его обманул (1706). Его самозванство не прекратилось с его смертью, ибо его труды, представлявшие собой смесь смысла и бессмыслицы, жадно читались и воспламеняли умы людей. Авраам Майкл Кардозу оставался, по крайней мере, верен иудаизму, не почитал Саббатай Зеви как божественного, яростно выступал против этого богохульства и не перешел в магометанство. С другой стороны, его пророк Даниэль Израэль Бонафу надел тюрбан, вероятно, из-за преследований, которым подвергался раввинат Смирны.

Гораздо важнее был каббалистический фанатизм, распространенный странствующим проповедником саббатианства ашером и перенесенный в Польшу, где он нашел благоприятную почву и упорно держался на ней. Мардохей из Айзенштадта (Мохиак) даже после смерти отступника оставался его верным последователем. Ученик Натана и сторонник Кардозу, он вернулся к себе домой с Востока, обладал привлекательной внешностью и внушающими благоговейный трепет чертами лица, вел аскетический образ жизни, постился одиннадцать дней подряд, проповедовал в Венгрии, Моравии, Богемии и Италии с большим впечатлением о

покаянии и раскаянии- фактически, играл роль еврея Винсента Феррера. Аплодисменты, вызванные его проповедью, пробудили в нем уверенность, и он выдал себя за пророка. На словах и письменно проповедник из Айзенштадта утверждал, что Саббатай Цеви был истинным Мессией, обязанным стать мусульманином по высокому мистическому устройению. Венгерские, моравские и чешские евреи с большим интересом слушали эти саббатианские проповеди и пророчества. Безумие саббатианцев настолько притупило их способность мыслить, что они не были оскорблены идеей о новом Мессии, отступившем от иудаизма. Мардохей зашел еще дальше в своем безумии, выдавая себя за истинного Мессию из дома Давидова и утверждая, что он Саббатай Цеви, воскресший из мертвых. Последний не был в состоянии совершить дело искупления, потому что был богат. Мессия должен быть беден; следовательно, он, Мардохей, будучи бедным и гонимым, был истинным искупителем. Вся эта бессмыслица принималась с легковой преданностью. Некоторые итальянские евреи официально пригласили венгерского мессию прийти к ним, и он подчинился призыву. В Модене и Реджо его приняли с энтузиазмом. Он говорил о своей миссии — о том, что он должен отправиться в Рим, чтобы совершить мессианские приготовления в этом грешном городе. Он хитро намекнул, что ему, возможно, придется переодеться христианином, как Саббатаю Зеви был вынужден облачиться в турецкую одежду: то есть в случае необходимости он, по-видимому, примет крещение. Некоторые евреи, по-видимому, выдали его планы римской инквизиции, и его итальянские последователи посоветовали ему покинуть Италию. Он еще раз отправился в Богемию, но не смог найти там опору и эмигрировал в Польшу. Здесь, куда дошли лишь смутные слухи о Саббатае и саббатианцах, он обнаружил, по-видимому, множество последователей; ибо там образовалась секта, которая продолжала свою пагубную деятельность до начала эры Мендельсона и даже после этого периода.

В то же время старое мошенничество вновь проявилось в Турции в новых формах. Саббатай Цеви оставил вдову, дочь Джозефа Философа из Салоник, ученого талмудиста. Говорят, что она либо из честолюбия, либо, как заявляли ее враги, из распущенных побуждений привела саббатианцев в новое безумие. Говорят, что, вернувшись в Салоники, она выдала своего брата Джейкоба (по прозвищу Кверидо, фаворит) за своего сына от Саббатая Зеви. Этот мальчик, получивший имя Якоб Зеви, стал объектом благоговейного почитания саббатианцев. Они верили, что в нем заново родились объединенные души двух Мессий из семей Иосифа и Давида; поэтому его следовало рассматривать как истинного искупителя, подлинного преемника Саббатая. Эта новая фантастическая идея нашла еще больше приверженцев, потому что собственный отец Кверидо, Джозеф Философ, человек, глубоко сведущий в Талмуде, и другой ученый талмудист, Соломон Флорентин, присоединились к верующим и поддержали нового претендента. Вдова Мессии и ее брат Кверидо, как утверждается, сразу же порекомендовали и практиковали сексуальное потворство своим желаниям как средство продвижения дела искупления. Греховность мира, утверждали они, может быть преодолена только переизбытком греха, крайней степенью распущенности. Таким образом, среди этих салоникских саббатианцев открыто практиковалось бесстыдное распутство, даже кровосмешение — так заявляли их враги. Несомненно только одно: брак у этих людей не считался священным. Согласно извращенному учению каббалистической школы Луриана, женщины, которые не были приемлемы для своих мужей, являясь препятствием для гармоничного мистического брака, могли быть разведены без дальнейших церемоний и переданы другим, которые чувствовали к ним влечение. Этому предписанию слишком рьяно следовали в мистическом кругу. Это была своеобразная "избирательная близость".

Несколько сотен жителей Салоник принадлежали к этой саббатрианской секте, в основном молодежь. Среди них был молодой человек по имени Соломон Айллон, впоследствии раввин в Лондоне и Амстердаме, который вел разгульную жизнь. Он женился на жене, назначенной небом, которую другой мужчина оставил без официального развода, и ее увел от него третий. Саббатрианцы Салоник были в тесной связи с другими членами секты в Адрианополе и Смирне.

Раввины не могли равнодушно отнестись к этому нарушению порядка и донесли на нарушителей турецким властям. Последний возбудил расследование и приговорил их к суровым наказаниям. Но саббатрианцы научились у своего основателя способу умиротворять гнев турецких правителей. Все они, в количестве четырех сот человек, как говорят, надели белые тюрбаны (около 1687 г.) и проявили больше серьезности, чем Саббатаи, в своей недавно принятой вере. Псевдомессия Якоб Зеви Кверидо со многими своими последователями совершил паломничество в Мекку, чтобы помолиться у могилы пророка Магомета. На обратном пути он умер в Александрии. Впоследствии руководство тюрко-еврейской сектой в Салониках взял на себя его сын Берахья, или Барочья (около 1695-1740). Он также считался преемником Саббатая Цеви, воплощением изначальной души Мессии, воплощенным Божеством. Его последователи жили под именем Долма (правильно Донма), то есть отступники от иудаизма, секта, одинаково отличная от евреев и турок, которые не ненавидели только друг друга и время от времени посещали мечети, но чаще собирались тайно для своего собственного мистического служения, чтобы поклоняться своему искиупителю и человеку богу. В Салониках до сих пор есть потомки секты Саббатаи-кверидо-Берахья, которые придерживаются смеси каббалистических и турецких обычаев. Из иудаизма они сохранили только обрезание на восьмой день и Песнь Песней Соломона, любовные диалоги и монологи которой оставляли им свободу для мистических и распущенных интерпретаций. Недавно султан даровал Донме, которая, как теперь говорят, насчитывает 4000 членов, право свободно исповедовать свою религию.

Несмотря на эти эксцессы со стороны саббатрианцев Салоник, в равной степени настроенных против иудаизма и морали, они постоянно находили новых сторонников, которые упорно цеплялись за это заблуждение, обманывали себя и других и давали самозванцам возможность воспользоваться этим фанатичным юмором. С Востока и из Польши приходили тайные саббатрианцы, из последних - как настоящие проповедники, из первых - как мнимые посланники из Святой Земли, и постоянно подстрекали к новым заблуждениям. Эмиссар Абрахам Куэнки из Хеврона, который в Польше и Германии заявлял о благотворительности бедным этого города, по просьбе мистика дал яркое описание жизни Саббатая, которого он видел и которым восхищался в юности. Эта биография, своего рода евангелие от Саббатрианцев, является прекрасным примером того, как в области религии история принимает форму мифа, а миф снова превращает меня в историю. В Польше, вероятно, по наущению сумасшедшего Мардохея из Айзенштадта, возникла секта саббатрианцев, которые верили, что покаянием ускоряют наступление царства небесного. Во главе его стояли два человека: Иуда Хасид (он набожный) из Дубно, недалекий простак, и Хаим Малах, хитрый талмудист. Оба взбудоражили народ захватывающими проповедями и нашли аплодирующую аудиторию, которая присоединилась к ним в покаянии и каббалистических излишествах. Ассоциация называлась "Чассидим". В Польше невежество было настолько велико, что сами раввины не признавали силы и пагубных склонностей этих энтузиастов саббатрианства. От 1300 до 1500 представителей этой секты под руководством Иуды хасида эмигрировали из Польши в начале 1700 года, намереваясь отправиться в Святую Землю, чтобы ожидать там искипления. Подобно христианским бичевателям древности, эти так называемые преданные отличались многодневным постом и

всевозможными умерщвлениями плоти. Вожди носили в субботу белые одежды из атласа или ткани, которыми они намеревались обозначить время благодати. Куда бы они ни приезжали в Германии, они проповедовали и призывали к строгой епитимье. Иуда Хасид своим мощным голосом, жестами и горькими слезами увлекал своих слушателей. Особенно он воздействовал на слабые умы женщин, которым, вопреки обычаю, он имел обыкновение проповедовать со свитком Торы подмышкой на женской галерее. В то время как большая часть хасидов собиралась в Моравии и Венгрии, Иуда Хасид путешествовал примерно со 150 людьми по Германии от Альтон до Франкфурта-на-Майне и Вены, повсюду проповедуя, стеля и предостерегая. Секта, особенно в более крупных общинах, пользовалась широкой поддержкой. Из-за большого скопления мужчин и женщин, которые стекались к этим сектантам, раввины не осмеливались возражать против их действий. Сэмюэль Оппенгейм, богатый придворный еврей в Вене, щедро поддерживал хасидов и раздобыл для них паспорта на Восток.

Энтузиазму этой секты вскоре пришел конец. В первый же день после их прибытия в Иерусалим умер их главный лидер Иуда Хасид; его последователи были беспомощны и вместо скорейшего искупления обрели только ужасные страдания. Поэтому некоторые из хасидов, разочарованные и отчаявшиеся, перешли в ислам. Остальные разбежались во все стороны. Многие были крещены как христиане, среди них племянник Иуды Хасида, Вольф Леви из Люблина, принявший имя Франциска Лотаря Филиппи; другой племянник, Исая Хасид, впоследствии вызвал новые беспорядки в Саббатии. Однако Хаим Малах, который познакомился с престарелым Самуэлем Примо, личным секретарем и советником Саббата Цеви, несколько лет оставался в Иерусалиме и возглавлял небольшую саббатянскую секту. Он также проповедовал доктрину о двух или трех Богах и Божественном воплощении, оказывал божественное почтение Саббатау Зеви и, как говорят, носил его изображение, вырезанное из дерева, в синагоге для поклонения, а его последователи, как говорят, танцевали вокруг него. Хаим Малах был направлен на разрушение раввинского иудаизма или иудаизма в целом. Непостижимо, как община Иерусалима могла годами наблюдать за его действиями, не выступая против них. Вероятно, тамошние раввины разделяли саббатянское идолопоклонство или извлекали из него выгоду. Однако Хаим Малах, похоже, в конце концов был изгнан из Иерусалима. Затем он отправился к магометанским саббатянам в Салониках, Донма, принял участие в их сумасбродствах, затем начал проповедовать в нескольких турецких общинах открыто проповедовал саббатянскому самозванству. В Константинополе он был отлучен от церкви, а во время своего второго пребывания в этой общине был изгнан Чачам Баши (около 1709 года). После этого он вернулся через Германию в Польшу, рассеяв семя ереси Саббатиян, призванной подорвать иудаизм. Говорят, что его смерть наступила из-за чрезмерного употребления алкоголя.

В то самое время, когда Малах сеял семена в Польше для процесса роспуска, факел раздора был брошен в еврейский лагерь двумя переодетыми саббатянами, Шайоном и Айллоном. Один путем самозванства, другой из-за упрямства и догматизма продвигал движение, имеющее очень неприятные черты. Соломон Айллон (родился около 1667 г., умер в 1728 г.), испанец по происхождению, родился в Безданном месте, и его разум был полон ошибок Кабалы. В юности он сблизился с салоницкими саббатянами и отчасти разделял их экстравагантность. Позже он переехал в Ливорно, а после смерти достойного и опытного раввина Якова Абенданы был приглашен в Лондон на его место (1696-1707). У Айллона были враги в Лондоне, которые, прослышав о его не совсем безупречной молодости, умоляли одного раввина за другим добиться его увольнения с должности. Опасаясь общественного скандала, который разразился

бы, если бы стало известно, что бывший приверженец печально известного Саббата исполнял обязанности раввина, все, с кем консультировались, советовали забыть эту уродливую историю. Айллон не отличался ни в одной области знаний, даже в знании Талмуда, и у него не могло быть чрезмерно щепетильной совести. Претендуя на должность раввина в Амстердаме, лондонская община не желала его терять, и он дал торжественную клятву, что не примет предложенный ему пост, хотя он уже дал свое согласие совету Амстердама и фактически принял эту должность. Он смягчал свое поведение софистическим и иезуитским образом. Его юношеское пристрастие к саббатанским заблуждениям, от которого он, похоже, не полностью отказался даже будучи раввином Amsterdam, побудило Айллона оказать помощь отъявленному мошеннику и тем самым способствовать возникновению глубоких разногласий в еврейском мире.

Этим архи-самозванцем, которому в лицемерии, дерзости и беспринципности было мало равных в восемнадцатом веке, таким богатым средисамозванцев, был Неемия Чия Чайон (родился около 1650 года, умер после 1726 года). Особое удовольствие он получал от мистификации и экстравагантности и с юности вел полную приключений, легкую жизнь притворства. Карьера этого каббалистического авантюриста по-разному характеризует деморализацию эпохи. Шайон получил свои талмудические наставления в Хевроне, где саббатанское опьянение привело к многочисленным жертвам. Он обладал значительной логической проницательностью, был готов обнаруживать противоречия и несообразности; но его легкомысленный ум и холодное сердце, нацеленные на удовлетворение низменных желаний, побудили его нечестиво использовать свои способности. Талмуд и раввинскую литературу он понимал достаточно, чтобы чувствовать себя в них как дома, но у него не было ни реальногвовлечения к этим занятиям, ни какого-либо религиозного чувства. Он был наблюдателен из лицемерия; когда за ним не наблюдали, он пренебрегал требованиями религии и морали. Он мог вести себя серьезно, внушая благоговейный трепет, и приводил людей в восторг своим привлекательным обращением, своими каббалистическими отрывками и своим таинственным поведением. Обычно он разыгрывал роль святого, в то же время распевая любовные песни и общаясь с женщинами. Он был, по его собственному признанию, в тесных отношениях с саббатанцами в Салониках и приложил немало усилий, чтобы завладеть их трудами. Он часто беседовал с их лидером Сэмюэлем Примо о каббалистических проектах. Говорят, что в одном из этих интервью он предложил новое учение о Троице. Он написал работу, в которой утверждал, что иудаизм, безусловно, каббалистический иудаизм, прививал веру в триединого Бога. С этой рукописью в своем обычно пустом сундуке он отправился в Смирну весной 1708 года, намереваясь попытать счастья либо у саббатанцев, либо с их противниками. На самом деле ему удалось обмануть нескольких богачей Смирны. Его покровители пообещали друг другу и Шайону оказать ему мощную поддержку. К закоренелому негодяю в Смирне относились как к святому пророку, и почти вся община проводила его до корабля, который должен был доставить обратно в Палестину. Его планы на данный момент увенчались успехом. Но прежде чем Шайон смог успокоиться, раввинат Иерусалима вынес против него приговор об отлучении от церкви, приговорил к сожжению его работу, которую они даже не читали (июнь 1708 г.), и отказался заслушать автора. Эта грубая ошибка впоследствии отомстила за себя. Однако на данный момент Шайон потерпел поражение. Как человек, официально запрещенный главным колледжем Палестины, он не мог нигде поселиться. Энтузиазм его покровителей в Смирне угас так же быстро, как и вспыхнул, ибо благосклонность людей непостоянна.

Таким образом, Шайон после нескольких удачных дней снова опустился до нищенства. В Италии, куда он отправился после отъезда из Египта и где провел несколько лет, прося милостыню (1709-1711), его планы не встретили особого сочувствия. Только в Венеции он встретил некоторое внимание со стороны раввинов и мирян. Здесь он напечатал небольшую брошюру, отрывок из своего более крупного труда, в котором он открыто излагал Троицу как символ иудейской веры, а не христианскую Троицу, но три личности (парзифим) в Божестве: святой Первоначальный, или Душа всех Душ, Святой Царь, или воплощение Божества, и личность женского Пола (Шхина). Эта бессмыслица, оскорбляющая иудаизм и его концепцию Бога, была повторена Чайоном в "доггере", который он рекомендовал в качестве назидательной молитвы для особо набожных. Смелый и отважный, он вплел в первые куплеты слова низкоитальянской песни "Прекрасная Маргарита". И этот богохульный памфлет ("Тайна Троицы", "Раза ди Иехуда") был принят и рекомендован раввином Венеции либо потому, что они не видели его до того, как он был напечатан, либо потому, что по причине каббалистической глупости они не поняли его сути. Шайон недолго пробыл в Венеции. Он отправился в Прагу, где обрел доверчивую веру, благоприятствовавшую его обману. Лидеры общины, старые и молодые раввины и студенты Талмад, все были переполнены этим.

Давид Оппенгейм, главный раввин Праги, более известный своей богатой коллекцией книг, чем своими подвигами и литературным трудом, был заядлым каббалистом. Разумеется, у него не было свободного времени, чтобы беспокоиться о будущем муравьином проповеднике Шайоне или о делах общины и интересах иудаизма. Ему нужно было время для денежных операций с фондами, которые вместе со значительной библиотекой оставил ему его богатый дядя в Вене, Сэмюэль Оппенгейм. Поэтому Дэвид Оппенгейм редко встречался с Шайоном; но его сын Джозеф, который был очарован его каббалистическим жонглированием, взял его к себе в дом. Он был хорошо принят также каббалистическим раввином Неффалимом Коэном, который тогда жил в Праге и чья тауматургия дорого обошлась ему. И если дом Оппенгеймов и Неффалим Коэн воздали бы ему почести, кто не приложил бы усилий ради мнимого проповедника или эmissара из Палестины, каким себя выдавал Шайон? Неудивительно, что трудолюбивые молодые исследователи Талмуда, жаждущие знаний, толпами устремились в Шайон! Среди них был Джонатан Эйбешютц, впоследствии получивший такую известность, который в то время жил в Праге. Шайон читал проповеди в Праге и очаровал своих слушателей своей софистической и остроумной манерой, благодаря которой многие противоречивые вещи казались совместимыми. Время от времени он позволял проявиться ошибочному учению салонических саббатянцев, а именно, что грех может быть преодолен только переизбытком греховности, удовлетворением всех, даже самых порочных, желаний и нарушением Торы. Он рассказал своим пражским приверженцам или распространил это через своего венецианского компаньона, что он беседовал с пророком Илией, что он мог заставить Божество открыться ему, и что он был способен воскрешать мертвых к жизни и создавать новые миры — все это нашло подтверждение. Он писал амулеты, которые пользовались большим спросом, и в то же время тайне вел распутный образ жизни. Деньги, полученные обманом, он растратил на игру в карты. Наконец он решился представить свою еретическую работу, свое саббатянское исповедание веры в Троицу, Неффалиму Коэну для выяснения его мнения и показал ему поддельные свидетельства итальянских раввинов. Из восхищения личностью Шайона Нафтали Коэн, даже не взглянув на рукопись, выразил не просто свое одобрение, но и дал ему блестящую рекомендацию — небрежная привычка, характерная для раввинов того времени, которым в данном случае было суждено жестоко отомстить.

Снабженный фальшивыми рекомендациями, Шайон обманул многие другие общины, в том числе в Вене, Никольсбурге, Проснице, Бреслау, Глогау и Берлине. Ему удалось выдать себя за пророка перед легковверными немецкими евреями и заручиться их поддержкой. Тайно он вступил в ятесные отношения с энтузиасткой саббатиянства или самозванкой Лебеле Просниц, которая вырезала из золотой мишуры четыре еврейские буквы имени Бога, прикрепил их себе на грудь и заставила сиять перед ослепленными глазами легковверных посредством горящего алкоголя и скипидара. Подобно дикарям, моравские евреи взирали на алкогольное чудо Лебеле Просниц. В Берлине, где Шайон провел несколько месяцев, у него была отличная возможность порыбачить в мутной воде. Община Берлина, насчитывавшая более сотникрасных семей, пришла в разлад, по-видимому, из-за двух враждебно настроенных семей при дворе. Вдова придворного ювелира Либманна была фавориткой короля Фридриха I, и поэтому ее невзлюбил наследный принц, впоследствии Фридрих Вильгельм I. При последнем присутствовал его собственный еврей, Марк Магнус, смертельный враг дома Либманов, и не только из угодливости наследнику престола. Вражда между двумя еврейскими домами в Берлине распространилась на всю общину, разделив ее надве партии и затронув даже синагогу. Когда пламя вражды разгорелось особенно яростно, Шайон приехал в Берлин и обратил ссору в свою пользу. Он присоединился к партии Либмана, которая, хотя и была более слабой из двух, была богатой и поэтому была готова идти на жертвы. Раввин Берлина Аарон Бенджамин Вольф, зять придворной еврейки Либман, простой парень, относился к Шайону с почетом. Нафтали Коэн, приехавший в Берлин, мог бы разоблачить Шайона, но, по его словам, боялся еще больше разжечь ссору. Таким образом, Шайон без всяких помех смог напечатать в Берлине свою еретическую книгу, с которой он начал свою пагубную деятельность пять лет назад в Смирне. Он дал своей работе хитроумное название "Бытьдушой Вселенной" ("Mehemenuta de Cola"). Основной текст, произведение Саббатияна (некоторые считают, что самого Саббата Цеви), провозглашает "святого царя", Мессию, воплощенное Божество, Богом Израиля и исключительным объектом почитания и поклонения. Шайон добавил два софистических комментария, в которых различными способами доказывал, что Богом иудаизма была Троица. В молитве "Услышь, о Израиль, Бог един" каждый еврей должен думать об этой Троице, иначе он не сможет достичь спасения, даже если он выполнит все религиозные и нравственные обязанности. Только эта вера может сделать человека уверенным в блаженстве. Иудаизм пал так низко, что подобное богохульство было напечатано на глазах и с согласия раввина Аарона Бенджамина Вольфа в Берлине — вероятно, за счет партии Либмана! У Шайона хватило наглости приказать поставить перед поддельными свидетельствами раввинов префикс, как будто они прочитали книгу и рекомендовали ее. С этой работой он поспешил через Гамбург в Амстердам, чтобы разбогатеть в этом желанном Эльдорадо, и таким образом раскол был внесен в еврейский мир..... "..... "..... "

Община Амстердама была достаточно предупреждена о махинациях саббатиянцев. Иерусалимский раввин Авраам Ицхаки, назначенный посланником для сбора милостыни, вел себя как папский легат, наделенный властью над всем религиозным, и как великий инквизитор, которому поручено уничтожить набиравшую силу ересь. В Смирне еретические труды фанатика Абрахама Майкла Кардозу оказались в руках нескольких тайных саббатиянцев. По предложению Ицхаки их владельцы должны были отказаться от них под угрозой отлучения от церкви и сурового временного наказания, и они были сожжены. Община Смирны, таким образом, почувствовала себя освобожденной от тяжелого бремени и была благодарна своему освободителю. Ицхаки также приезжал в Амстердам и предостерег раввинов и общественный

совет от саббатинских эмиссаров, а также обратил внимание на намек Смирнского раввина на то, что тайный саббатинец направлялся к трудам прин.Кардосо. Фактически, эмиссар саббатинцев действительно приезжал в Амстердам с этой целью. Шайон поначалу вел себя скромно и был связан с португальцами. Он подарил совету экземпляр своей работы о Троице, напечатанной в Берлине, являя того, чтобы получить разрешение на ее продажу. По-видимому, он выдавал себя за эмиссара из Палестины. Вслед за этим возникли разногласия, которые начались с личных чувств и закончились широко распространенными разногласиями.

Раввин немецкой общины Зеви Ашкенази, Калифорния, Чахам Зеви был очень взволнован новостью о присутствии Шайона в Амстердаме. Этот человек, чей отец принадлежал к самым ревностным саббатинцам, в то время как ему самому и его сыну Якобу Эмдену было суждено бороться с ними с неистовым рвением, был подготовлен с ясной головой и сочетал тщательность с проницательностью в изучении Талмуда. На восемнадцатом году жизни к нему обратились за консультацией как к специалисту по Талмуду. Избалованный, востребованный, женившийся в молодости на дочери богатого человека из Буды оставший независимым, он стал гордым, застенчивым и кичился своим знанием Талмуда. Из-за его талмудических познаний его пригласили стать главным раввином немецкой общины в Амстердаме (1710); он предпочитал, чтобы его называли Хахамом. Здесь он с большим презрением смотрел на своих португальских коллег, особенно на Соломона Айллона, и никогда не считал его равным себе по рангу. "Хачам Зеви желает занять более высокое положение, чем даже пророк Моисей", - таково было суждение, вынесенное ему Айллоном.

Как только имя Шайона достигло ушей немецкого Хахама, он связал его со своим бывшим врагом в Босна-Сераи в Боснии, где Зеви недолгое время был раввином, и немедленно намекнул португальским властям, что было бы разумно не оказывать никакого расположения незнакомцу, поскольку он пользовался дурной славой. Не имея Шайон объяснил, что ошибка в его личности была вызвана сходством имен, и вел себя так смиренно по отношению к Хачаму Зеви, что последний вскоре сообщил совету, что ему нечего возразить незнакомцу, личность которого он перепутал. Шайон, казалось, устранил все препятствия на своем пути в Амстердаме, когда Мозес Чагес из Иерусалима, находившийся в Голландии, забил тревогу против него, возможно, потому, что боялся его как палестинского соперника. Еретический труд, напечатанный в Берлине, был представлен ему на экспертизу, поскольку некоторые члены совета не доверяли своему Чачаму Айллону. Едва он заглянул в него, как поднял крик ееэси. На самом деле, не нужно было долго искать в книге, чтобы найти четкое изложение учения о Троице. Немец Чахам, после того как Мозес Чагес привлек его внимание к подозрительной доктрине Шайона, снова уведомил, почти приказал португальскому совету изгнать незнакомца, вместо того чтобы благосклонно относиться к нему. Совет, не склонный принимать такие резкие приказы, попросил Чачама Зеви либо указать на еретические пассажи в книге Шайона, либо присоединиться к некоторым членам, назначенным советом в качестве комитета для ее изучения. Хахам Зеви, по совету Чагеса, категорически отверг оба предложения, заявив, что как раввин он не обязан приводить доказательства, а просто выносить окончательное решение. Еще в меньшей степени он предпочел посоветоваться с Айллоном, поскольку это было бы равносильно признанию его талмудистом такого же ранга, как и он сам. Надменное поведение чачама, с одной стороны, и чувствительность Айллона, с другой, разожгли искру в яркое пламя.

У португальца Чакахэма были причины чувствовать себя ущемленным и жаловаться. Его собственная паства обошла его в этом вопросе, проявила к нему недоверие и поставила его

оппонента выше него как более высокий авторитет. Кроме того, он, по-видимому, опасался хитрого авантюриста, который в случае преследования мог бы рассказать больше, чем хотелось бы, о прошлом Айллона и его связях с салоникскими еретиками. Он чувствовал, что в его интересах оставаться на стороне Шайона и защищать его от угрозы изгнания из Амстердама. Ему было нетрудно настроить члена португальского совета Аарона де Пинту, решительного, несгибаемого, жесткого человека, равнодушного к духовным проблемам, против немецкого народа Хачам и убедить его в том, что его долг - защищать независимость старого, уважаемого и превосходного португальского народа от самонадеянности до сих пор подчиненного немецкого сообщества. Айллон превратил важный вопрос ортодоксии и ереси в вопрос приоритета между общинами. Де Пинто рассматривал это дело в таком свете, и другие члены совета подчинились его решительной воле. Он сразу же отверг вмешательство немецкого Chacham в дело, представляющее интерес только для португальской общины, прервал все переговоры с ним и поручил Айллону назначить комитет португальцев для изучения работы Шайона и представления отчета о ней. Айллон присоединил к коллегии раввинов четырех человек, из которых только один понимал суть вопроса. Этот человек не решался присоединиться к комитету, но был вынужден это сделать. Остальные были совершенно невежественны в теологии и, соответственно, зависели от суждений Айллона. Айллон и совет, то есть Пинто, заставили членов комитета поклясться никому не показывать копии работ Шайона, переданные им на экспертизу, фактически хранить все в секрете до вынесения окончательного решения. Мелкий вопрос о том, терпеть или изгнать нищего авантюриста, таким образом, приобрел огромное значение.

В то время как португальский комитет, по-видимому, все еще занимался расследованием, Хахам Зеви в сотрудничестве с выдумкой Моисея Чагеса поспешил вынести приговор об отлучении от церкви Шайона и его еретической книги, потому что "он стремился отвлечь Израиль от своего Бога и ввести чужих богов (Троицу)". Никто не должен был иметь дела с автором до тех пор, пока он не откажется от своей ошибки. Его произведения в любом случае должны были быть преданы огню. Этот осуждающий приговор был напечатан на иврите и португальском и распространен в виде брошюры. Значительная часть возражений, выдвинутых этими двумя зелотами против трудов Чайона, была в равной степени применима к "Зоару" и другим каббалистическим книгам. Какими бы близорукими они ни были, они видели только пагубные последствия каббалистических ошибок, а не их первопричину.

Велико было волнение евреев Амстердама по поводу этого шага. Чачам Зеви и Мозес Чагес подверглись оскорблениям на улицах со стороны португальских евреев, и утверждалось, что Айллон нанял для этой цели людей с сомнительной репутацией. Когда появился Чагес, толпа закричала: "Побейте его камнями". Попытки примирения провалились; частично из-за догматизма Айллона, который отказывался признать свою неправоту, частично из-за твердости Де Пинто, который просто имел в виду достоинство португальской общины. Брошюры усиливали чувство горечи.

Ссоры амстердамских евреев вызвала большой переполох в других местах и стала причиной партийной розни. Айллон и Де Пинто запретили членам своей общины под угрозой отлучения от церкви читать брошюры или высказываться устно или письменно по данному вопросу. Они также ускорили вынесение вердикта, который, однако, был вынесен только Айллоном. В нем было заявлено, что в прямом противоречии с решением Хачама Зеви и Чагеса, работа Чайона не учила ничему оскорбительному или опасному для иудаизма; в ней содержались только

доктрины, встречающиеся в других каббалистических трудах. В синагогах было официально объявлено (14 августа 1713 г.), что Шайон был оправдан по предъявленному ему обвинению в ереси и что он подвергся невинному преследованию. ПДРу меня немного, изначальная причина вражды была с триумфом вынесли на руках на португальский начальника синагоги, и к досаде его соперников, чуть ли не поклоняются. Лжепророк, открыто заявивший: "Придите, давайте поклоняться ложным богам", был преисполнен ненависти к португальцам, которые поставили на карту жизнь и имущество ради единства Бога. Они приветствовали Шайона в синагоге и кричали: "Долой его противников". В глубине души Шайон, вероятно, посмеивался над возникшими из-за него осложнениями и над доверчивостью мультяшного этюда. Де Пинто позаботился о том, чтобы Чачам Зеви не пользовался поддержкой своей собственной немецкой общины, а был оставлен без защиты от грубого обращения со стороны своих оппонентов. Он оказался в полной изоляции, почти как человек, находящийся под домашним арестом.

Но помощь пришла к Хачаму Цеви извне. Раввины, чьи фальшивые рекомендательные письма Шайон приложил к своей работе, заявили, что они подделаны. Самое глубокое впечатление произвели письма весьма уважаемого престарелого раввина Мантуи Л.Эона Бриели, который, хорошо знакомый с прошлой историей самозванца, разоблачил его и одобрил приговор об осуждении его еретической книги. Бриели срочно написал в совет Амстердама и Эйллону на иврите и итальянском, умоляя их не использовать свои полномочия для столь пагубного дела. Но они оставались упрямыми, отвечали ему вежливо, но уклончиво. Спор в амстердамском сообществе разгорался с каждым днем; каждый принимал ту или иную сторону, отстаивая свою точку зрения с горечью, страстью, а часто и энергичными действиями. Мир исчез из этого образцового сообщества, и разногласия проникли в семейную жизнь. Дело зашло так далеко, что лидеры не могли уступить. Айллон и Де Пинто зашли в своем упрямстве еще дальше. Еу предложила португальскому совету вызвать Хачама Цеви, раввина немецкой общины (над которым он не имел никакой власти), в свой трибунал с намерением пристыдить его или побудить к отречению. Когда он не обратил на это внимания, это наложило на него и Мозеса Чагеса запрет, самым строгим образом запретив членам общины иметь с ними дело, защищать их или ходатайствовать за них перед гражданскими властями.

Как будто совет и раввинат были заражены подлостями Шайона, они совершали одну подлость за другой. В оправдание своих действий они исказили фактическое положение дел и использовали заведомую ложь. Они поощряли или, по крайней мере, одобряли клевету Шайона на его противников самыми гнусными и отвратительными высказываниями, не только Хачама Цеви и Чагеса, но даже мудрого и почтенного раввина Леона Бриели, и поддерживали Шайона во всех его дерзостях. Португальский совет и раввинат, или, скорее, Де Пинто и Айлон, поскольку их коллеги были всего лишь марионетками, преследовали противников Шайона так, как будто у них не было никакого чувства справедливости. С Мозесом Чагесом у них была легкая игра. Он жил за счет португальской общины; и когда у них отняли средства к существованию, он был вынужден покинуть Амстердам со своей беспомощной семьей и переехать в Альтону. Они также сильно давили на Чачама Зеви, раздражали его, обвиняли перед гражданскими властями и препятствовали чьей-либо помощи ему. Он тоже покинул Амстердам, либо Де Пинто добился своего изгнания от магистратов, либо Чачам Зеви, чтобы избежать скандального изгнания, отправился в изгнание по собственному желанию. Сначала он отправился в Лондон, затем через Бреслау в Польшу, и везде его с почетом принимали и к нему относились.

Его противники, Шайон, Айллон и Де Пинто, не смогли насладиться плодами своей победы. Казалось бы, тривиальный спор приобрел большие масштабы. Почти все немецкие, итальянские, польские и даже некоторые африканские общины с их раввинами поддержали дело преследуемого Хачама Зеви и вынесли приговоры об отлучении от церкви беспринципного еретика. Эти анафемы были опубликованы и беспощадно разоблачили злодейство Шайона, пролив свет на приговор, вынесенный ему много лет назад в Иерусалиме. Разоблачение его характера свидетелями, приехавшими из стран, где была хорошо известна его прошлая история, способствовало гибели лжепророка новой Троицы.

Но амстердамские португальцы или, по крайней мере, их лидеры не бросили бы его, либо потому, что поверили его наглой лжи, либо из чувства стыда и упрямства. Однако они ясно видели, что Шайон должен предпринять шаги, чтобы утихомирить поднявшуюся против него бурю. Поэтому они одобрили его путешествие на Восток, снабдив его деньгами и рекомендациями влиятельным евреям и христианам, которые должны были помочь ему снять запрет, наложенный на него в турецкой столице. Но этот путь оказался для Шайона полон терний; ни один еврей не впустил его в свой дом и не устроил ему прием. Подобно Каину, обремененному проклятиями, он был вынужден переезжать с места на место в Европе. В конце концов ему пришлось в спешке сесть на корабль, идущий в Константинополь. За ним последовали новые обвинения в ереси, причем не только от Чагеса и Нафтали Коэна, но и от выдающегося каббалиста Джозефа Эргаса и лондонского проповедника Дэвида Ньюто, которые спокойно разоблачали на иврите и испанском ересь, ложь и злодейство этого лицемерного саббатянина.

В Константинополе евреи избегали Шайона и относились к нему как к изгою; но его рекомендательные письма из Амстердама проложили ему путь к визирю, который приказал своим еврейским агентам оказывать ему поддержку. Однако, несмотря на его уловки, раввинат Константинополя отказался отменить вынесенный ему приговор, но передал его в коллегия Иерусалима, которая первой вынесла ему приговор. Прошло несколько лет, прежде чем три раввина, вероятно, запуганные визирем, заявили, что готовы освободить Шайона от запрета, но они добавили условие, что он никогда больше не будет читать, проповедовать или публиковать каббалистические доктрины. Шайон связал себя торжественной клятвой, данной для того, чтобы быть нарушенной при первой возможности. С письмом, свидетельствующим о его повторном принятии в еврейскую общину, он поспешил в Европу за новыми приключениями и импровизированными позициями.

Тем временем саббатянианское опьянение распространилось по Польше, особенно в Подолии и округе Лемберг. Сохранились отвратительные свидетельства безнравственности подоляских саббатянианцев: как они барахтались в луже бесстыдного распутства, все это время притворяясь, что спасают мир. Их нарушение и презрение к талмудическому иудаизму долгое время держались в секрете, но они стремились завоевать приверженцев, проповедуя и объясняя Зоар в поддержку своих аморальных теорий. По мере того как их секта росла, они немного приподняли маску благочестия, выступали смелее и были торжественно отлучены лембергским раввином с потушенными свечами в синагоге. Но эту секту нельзя было подавить такими средствами. Ее члены были вдохновлены фанатичным желанием пренебречь Талмудом,

дыханием жизни польских евреев, и установить на его месте Каббалу и ее Библию Зоар, и этот план они стремились привести в исполнение.

Их лидеры тайно послали (1725 г.) эмиссара в лице Мошес Меира Каменкера в Моравию, Богемию и Германию, чтобы установить связь с саббатианцами этих стран и, возможно, также выпросить денег для их предприятия. Каменкер объехал несколько населенных пунктов, оставаясь незамеченным. Кто мог угадать мысли этого просящего милостыню польского раввина, который умел спорить на манер Талмуда и закатывал глаза в благочестивой, лицемерной манере? Моисей Меир вступил в отношения с Джонатаном Эйбешюцем в Праге, который, хотя и был молод, был известен как самый основательный и проницательный талмудист, но который запутался в сетях саббатианской каббалы. Моисей Меир неузнанным добрался до Мангейма, где тайный саббатианин из числа последователей Иуды Хасида выдал себя среди своих товарищей за вернувшегося на землю Мессию. Из Мангейма эти два польских саббатианца раскинули свои сети и обманули простых людей звучными фразами из Зоара. Их главная доктрина заключалась в том, что евреи, преданные Талмуду, не имели правильной веры, которая коренилась только в Каббале. В то же время из Праги была распространена работа, по-видимому, каббалистическая. Едва ли можно найти равного ему по абсурдности, извращенности и богохульству; самые грубые понятия связываются с Божеством в талмудических и зоологических формах выражения. Она также развивает учение о личностях в Божестве — Первозданном и Боге Израиля, и намекает на то, что с более высокой точки зрения Тора и законы не имеют никакого значения. В то время сообщалось, что Джонатан Эйбешютц был автором этой постановки, столь же отвратительной, сколь и абсурдной.

Случай выявил эти тайные действия. Моисея Меира заманили во Франкфурт обещаниями, и в доме раввина Якоба Каханы его поведение было разоблачено. При нем было найдено множество еретических писаний, а также письма саббатианцев, среди которых письма от Эйбешютца и к нему. Допрос свидетелей был проведен тремя раввинами (июль 1725 года). Несколько свидетелей обвинили Моисея Меира, Исая Хасида и Лебеле Просниц в том, что они были близкими союзниками фанатичных саббатианцев, причем Эйбешютц также был связан с ними. Эти трое, действительно, считали его преемником Саббата, подлинным Мессией. Свидетели утверждали, что они получили каббалистические еретические труды о Песне Соломон и других от Моисея Меира. Они также притворились, что слышали много богохульств, которые невозможно было повторить. Из-за записей, найденных у Мозеса Меира Каменкера, и показаний свидетелей раввинат Франкфурта вынес ему, его коллегам и всем саббатианцам самый суровый из возможных приговоров, постановив, что никто не должен иметь с ними никаких дел в какой бы то ни было форме, и что каждый еврей должен быть обязан информировать раввинов о тайных саббатианцах и раскрывать их проступки безоглядки на людей. Раввины немецких общин Альтона-Гамбург и Амстердам присоединились к этому предложению; они приказали зачитать его в синагогах для всеобщего сведения и напечатали. То же самое было сделано во Франкфурте-на-Одере на ярмарке и в присутствии многих евреев из других городов, и несколько польских раввинов сделали то же самое. Они, наконец, поняли, что только объединенными силами и постоянными усилиями можно положить конец безумствам саббатианцев.

Как раз в это время Шайон вернулся в Ес и усилил неразбериху. Чтобы защитить себя от преследований, он тайно сблизился с христианами, получил доступ в императорский дворец в Вене, частично разорвал свою связь с евреями, поносил их как слепцов, отвергающих

истинную веру, и следует понимать, что он тоже проповедовал учение о Троице и что он мог привлечь евреев на свою сторону. Получив охранное письмо от суда, он продолжил свое путешествие и снова вел двойную игру, тайно живя как саббатянец, возможно, как ортодоксальный еврей, освобожденный от интердикта. Вряд ли можно поверить, как рассказывают современники о Шайоне, что в возрасте почти восьмидесяти лет он взял с собой в жены отъявленную проститутку, которую подцепил в Венгрии. На этот раз он не встретил такого хорошего приема; недоверие было возбуждено против тайных саббатянцев, особенно против него. В Праге его не впустили в город. В Берлине, Шайон написал бывший знакомый, что, если деньги ему нужны были не послал его, не было принято решение креститься до безобразия евреев. В Ганновере у него отобрали документы, что разоблало его еще больше. Таким образом, негодяй потащился в Амстердам в надежде снова найти восторженных друзей. Но Эйллон больше не захотел иметь с ним ничего общего; говорят, он раскаялся в том, что благоволил к Шайону. Последний был включен в проscriпцию саббатянцев и отлучен от церкви (1726). Моисей Чагес, ранее преследуемый им, теперь занимал почетное положение в Альтоне. Его считали, так сказать, главным судьей по ереси, и он нанес Шайону последний удар. Последний не смог удержаться ни в Европе, ни на Востоке и поэтому отправился в северную Африку, где и умер. Его сын был обращен в христианство, и, находясь в Риме, своими ложными или наполовину правдивыми обвинениями он привлек внимание инквизиции к древней еврейской литературе, которую он объявил враждебной христианству.

ГЛАВА VII. ЭПОХА ЛУЦЦАТТО, ЭЙБЕШЮТЦА И ФРАНКА.

Поэтические произведения М.осеса Хаима Луццатто—Луццатто, попавший в каббалу—Его борьба с раввинскими властями—Последняя драма Луццатто—Джонатан Эйбешютц—Характер и образование Эйбешютца—Его отношения с иезуитами в Праге—Австрийская война за наследство—Изгнание евреев из Праги—Эйбешютц становится раввином Альтоны—Якоб Эмден—Эйбешютц обвинен в ереси—Спор между Эмденом и Эйбешютцем—История Амулеты—Партийная рознь—Вмешательство христиан и гражданских властей—Возрождение саббатянства—Якоб Ф.ранк Лейбович и франкисты—Доктрина Троицы—Эксцессы франкистов.

1727-1760 гг. н. э.

Позор и разочарование, вызванные провидцами и самозванцами на протяжении почти целого столетия, плачевные последствия карьеры Саббата Зеваи и его группы пророков — Кардосо, Мордехая Айзенштадтского, Кверидо, Иуды Хасида, Хаима Малаха, Шайона и других — не смогли подавить каббалистические и мессианские излияния. Пока что эти самозванцы приглашали только новых подражателей, которые находили лежачего больного, готовый поверить в них, и таким образом порождались новые беспорядки. Нездоровые испарения, которые по прошествии веков были внедрены в организм иудаизма, проявлялись на поверхности в виде отвратительных высыпаний, но это можно было считать признаком выздоровления. Коррупция охватила даже самые чувствительные органы. Одаренный юноша, наделенный прекрасными талантами, которые в обычных условиях бы стали

украшением иудаизма, был запятнан общей деградации, и под влиянием mysticism неправильно применил его отличные подарки, и способствовали ошибки. Невозможно удержаться от чувства печали, видя, что этот дружелюбный человек с его идеальным характером впадает в ошибки, которые низводят его до уровня таких нечистых духов, как Шайон и Лэбеле Просниц — разноцветного солнечного луча, погасшего в болоте. Если мы осуждаем Каббалу, породившую такие невыразимые ложные представления об иудаизме, и справедливо гневаемся на ее авторов и распространителей, мы испытываем особое негодование, когда обнаруживаем, что два благородных молодых человека с высокими дарованиями и чистотой жизни, Соломон Молчо и Луццатто, следуют ее химерам и тем самым низвергаются в пропасть. Оба буквально пожертвовали своими жизнями ради снов, запутанные образы которых были подсказаны ошеломляющей мешаниной Каббалы. Хотя Луццатто не пришел к трагическому концу, как португалец Маррано, разделявший его убеждения, все же он тоже был мучеником, тем не менее, его раны были нанесены им самим под влиянием волнения.

Моисей Хаим Луццатто (родился в 1707 году, умер в 1747 году) был сыном очень богатых родителей, уроженцев Падуи. Его отец, занимавшийся обширным шелковым бизнесом, не жалел средств на его образование. Два древних языка, иврит и латынь, которые в Италии были в какой-то мере литературной необходимостью, один среди евреев, другой среди христиан, Луццатто усвоил в ранней юности; но они оказали на его сознание совершенно иное влияние, чем то, которое они оказывали на его современников. И то, и другое обогащало его гений и способствовало его высшему развитию. Латынь открыла ему царство прекрасного, иврит — врата возвышенного. У Луццатто была тонко натянута душа поэта, эолова арфа, которая отзывалась на каждый вздох гармоничными, мелодичными переживаниями. Его поэтический дар проявлял одновременно силу и сладость, богатство фантазии и образность в сочетании с должным чувством меры. Верующий в переселение душ мог бы сказать, что душа еврейско-кастильского певца Иегуды Халеви родилась заново в Луццатто, но стала более совершенной, более зрелой, более нежной и наделенной более тонким чувством гармонии, поскольку он был окружен музыкальной атмосферой своей итальянской родины. Даже в раннем детстве каждое событие, радостное или печальное, было для него целостной картиной, маленьким произведением искусства, в котором цвет и благозвучие раскрывались вместе. Семнадцатилетним юношей он с такой поразительной ясностью распознал скрытое очарование языка, законы гармонии, выводимые из более простых форм красноречия, чем из поэзии, и изящество ритма и интонации, что сочинил труд на эту тему и проиллюстрировал его прекрасными примерами из священной поэзии. Он подумывал о введении нового метра в современную еврейскую поэзию, чтобы добиться большего разнообразия в последовательности долгих и кратких слогов и таким образом создать музыкальную интонацию. Иврит обычно относят к мертвым языкам. Однако для Луццатто он был полон жизни, энергии, молодости, ясности и благозвучия. Он использовал иврит как гибкий инструмент и извлекал из него сладкие ноты и ласкающие мелодии; он обновлял его молодость, придавал ему особое очарование, короче говоря, жил в нем так, словно его ухо впитало богатые тона красноречия Исайи. Несравненно более одаренный, чем Джозеф Пенсо де ла Вега, Луццатто, также на семнадцатом году жизни, сочинил драму на библейскую тему о Самсоне и филистимлянах. Это раннее произведение подает надежды на будущего мастера. Стихосложение безупречно, мысли исходят от сердца, а язык свободен от напыщенности и избыточности. Его еврейская проза также представляет приятный контраст с безвкусным, витиеватым и старательно остроумным стилем его еврейских современников; в ней много простоты, лоска и живости библейского повествования. К своему двадцатилетию

Луццатто сочинил сто пятьдесят гимнов, которые являются лишь имитацией старой псалтири, но язык которых отличается пылкостью и чистотой. Возможно, в тот же период он сочинил свою вторую драму на иврите в четырех действиях — "Высокая башня, или Невинность добродетельных" - прекрасную по стихосложению, мелодичную по языку, но бедную по мысли. Молодой поэт еще не видел жизнь во всей ее полноте, не изучал ее контрасты и борьбу. Он был знаком только с идиллической семейной жизнью и академическим покоем. Даже добродетель и порок, любовь и эгоизм, которые он хотел изобразить в своей драме, были известны ему лишь понаслышке. Его муза становится красноречивой только тогда, когда она поет о величии Бога. Изолированные стихи безупречны, но в целом это работа школьника. Он слишком зависел от итальянских моделей — по-прежнему ходил на ходулях.

Эта легкость и универсальность в облекании как банальностей, так и оригинальных мыслей в новые, так и заимствованные формы, а также обилие незрелых идей, которые, если бы он мог усовершенствовать их, могли бы стать благословением для иудаизма и для него самого, превратились в проклятие. Однажды (Сиван, 1727) его охватило желание подражать мистическому языку Зоара, и он преуспел в этом так же хорошо, как и в случае с псалмами. Его предложения и выражения были обманчиво похожи на предложения его модели, такие же высокопарные, внешне полные смысла, на самом деле бессмысленные. Этот успех вскружил ему голову и сбил с пути. Вместо того чтобы понять, что если каббалистический стиль "Зоара" поддается имитации, то эта книга должна быть работой умного автора-человека, Луццатто пришел к выводу, что его собственные творческие способности проистекают не из природных дарований, а, как в случае с "Зоаром", были результатом высшего вдохновения. Другими словами, он разделял ошибочный взгляд своего времени на происхождение и ценность каббалы. Исая Бассан из Падуи, который обучал Луццатто в ранние годы его жизни, ввел мистический *ад а* в его здоровую кровь. Однако любой другой учитель также ввел бы его в заблуждения Каббалы, от которых не было спасения. Воздух гетто был пропитан каббалой. С юности Луццатто ежедневно слышал, что великие адепты мистицизма обладали особыми духами-покровителями (Маггид), которые каждый день давали им проявления свыше. Почему бы и ему не удостоиться этого божественного дара благодати? Некоторые из мистических сочинений Лурьи, в то время еще являвшиеся редкостью, попали в его руки. Он выучил их наизусть, полностью погрузился в них и таким образом довел до конца свое помешательство. Луццатто был одержим своеобразным заблуждением. Его от природы ясный и методичный интеллект, тонкое чувство простоты и красоты поэзии Библии и его эстетические представления об итальянской и латинской литературе побуждали его искать ясность и здравый смысл даже в хаосе Каббалы, божественное происхождение которой он принимал как факт. Он ни в коей мере не походил на безумных фантазеров Моисея Закута и Мордехая Айзенштадтского; он не довольствовался пустыми формулами и расцветками, но стремился к здравому смыслу. Это он нашел скорее в своем собственном сознании, чем в "Зоаре" или в трудах Лурьи. Тем не менее, он жил в заблуждении, что божественный дух даровал ему глубокое проникновение в Каббалу, разгадал ее загадки и распутал ее сети. Самообман был причиной его ошибок, а религиозный пыл, вместо того чтобы защищать, только погружал его в еще более глубокую иллюзию. Его ошибкам способствовала убежденность в том, что существующий иудаизм с его народами был непонятен без каббалы, теории которой одни могли объяснить явления, борьбу и противоречия в мире, а также трагическую историю еврейского народа. Израиль — Божий народ — благороднейшая часть творения, стоит ослабленный и униженный на низшей ступени лестницы

наций; его религия недооценена, его борьба бесплодна. Чтобы объяснить этот ошеломляющий факт, Луццатто создал систему паутины.

Тщеславию этого двадцатилетнего молодого человека льстило то, что он смог проникнуть в суть взаимоотношений верхнего и нижнего миров, объяснить их на мистическом языке Зоар и таким образом стать важным членом ряда сотворенных существ. Твердо убедив себя в истинности фундаментальной идеи Каббалы, он принял все ее наросты — переселение душ, анаграммы и некромантию. Он написал множество каббалистических химер и составил второй Зоар (Зоар Тиньяна) с соответствующими введениями (тикунимами) и приложениями. Чем больше возможностей он приобретал, тем сильнее становилось его заблуждение, что он тоже был вдохновлен великим духом и был вторым, возможно, более совершенным Саймоном бар Йочаем. Мало-помалу в его одиночестве закралось фантастическое убеждение, что он был предопределенным Мессией, призванным искупить посредством второго "Зоара" души Израиля и всего мира.

Луццатто не смог долго выносить необходимости прятать свои связи под спудом. Он начал свою деятельность с того, что сообщил Израэлю Марини и Израэлю Тревесу, двум молодым людям того же образа мышления, что и он сам, что его дух-хранитель повелел ему даровать им знание о его новом Зогаре. Его ученики по Каббале были ослеплены и восхищены и не смогли сохранить тайну. В результате венецианские каббалисты разыскали молодого и богатого вундеркинда в его доме в Падуде и таким образом утвердили его в своем фанатизме. Живой, энергичный, порывистый поляк Екутиэль (Куссиэль) из Вильны, приехавший в Падуду изучать медицину, присоединился к кружку Луццатто. Услышать о последнем, присоединиться к нему, бросить свои прежние занятия и посвятить себя мистицизму было для поляка быстрым и легким решением. Ему было гораздо труднее сохранить секретность. Как только Луццатто посвятил его, он возвестил миру об этом новом чуде. Куссиэль распространял экстравагантные письма на эту тему, которые попали в руки Моисея Чагеса в Альтоне. Последний, кто был решительно против и эффективнее невозможно молчать Chayon и другие Sabbatian фантазеров, был, так сказать, признанных официальными фанатиком, чьи высказывания стали решающими в вопросах веры; и раввин из так называемых "трех общин", Альтона, Гамбург, и Вандзбеке, Иезекииль Katzenellenbogen, кто был отлучен от церкви Моисея Meïr Kamenker и его сообщники, был подвластен ему. Поэтому Чагес обратился к венецианскому сообществу с просьбой подавить новоявленный выводок еретиков, прежде чем яд их учения сможет распространиться дальше.

Венецианская община, однако, не была расположена осуждать Луццатто как еретика, но относилась к нему с большой снисходительностью, вероятно, из уважения к его молодости, талантам и богатству его семьи, и просто приказала ему оправдаться. Восторженный юноша восстал против этого требования, с гордостью дал понять Чагесу, что не признает его авторитета, отверг подозрения в саббатинской ереси и настаивал на том, что ему были ниспосланы откровения с Небес. Он направил его к своему инструктору Бассану, который никогда не отказался бы засвидетельствовать, что его ортодоксальность вне подозрений. В этом Луццатто был совершенно прав. Бассан был настолько увлечен своим учеником, что постарался бы смягчить его самые вопиющие недостатки и скорее поощрял, чем сдерживал его сумасбродства. Напрасно Чагес и Каценелленбоген угрожали ему и падуанской общине самой суровой формой отлучения от церкви, если он не откажется от своих притязаний на второе зрение и мистические способности. Луццатто остался непоколебим: God выбрал его, как и многих других до этого, чтобы раскрыть ему Свои тайны. Другие итальянские раввины проявили

себя в этом вопросе столь же равнодушно, как раввины из Падуи и Венеции. Моисей Чагес призвал трех раввинов сформировать трибунал, но все трое отказались вмешиваться повторно. Однако он проявлял такое рвение, что убедил нескольких немецких раввинов (июнь 1730 г.) отлучить от церкви всех, кто будет сочинять произведения на языке Зоар во имя ангелов или святых. Эта угроза оказалась действенной. Исая Бассан был вынужден отправиться в Падую и получить обещание от своего любимого ученика прекратить свои мистические труды и обучение молодых каббалистов или эмигрировать в Святую Землю. Наконец венецианский раввинат был вынужден вмешаться и направил в Падую трех представителей — Якоба Белильоса, Моисея Менахема Мерари и Неемию Виталья Коэна, — в присутствии которых Луццатто был вынужден повторить свое обещание под присягой. Он был вынужден передать свои каббалистические труды своему учителю Бассану, и они были запечатаны. Таким образом, грозившая ему буря была предотвращена.

Эти события, похоже, отрезвили Луццатто. Он занялся своим бизнесом, написал больше стихов и решил жениться. Он был счастливым отцом, жил в согласии со своими миродителями, братьями и сестрами и пользовался большим уважением. Однако злой дух, которому он продался, не отпустил его и вернул к юношеским безумствам. Ссора в семье и неудачи в бизнесе, связанные с домом его отца, в котором он был партнером, по-видимому, стали причиной возобновления его прежних занятий. Обеспокоенный настоящим, он стремился узнать будущее с помощью каббалистических искусств. Он снова начал записывать свои мистические фантазии и отважился показать их Бассану, у которого получил разрешение опубликовать их. Ходили слухи, что Луццатто творил заклинания с помощью магии и что его учитель передал ему для публикации некоторые из запечатанных рукописей, хранящихся в его обычае. Венецианский совет раввинов, согласно некоторым сообщениям, был особенно взволнован и настроен против него предвзято. Луццатто написал резкий ответ на насильственную работу Леона Модены против Каббалы; и поскольку последний был венецианским раввином, хотя и сомневался в искренности, члены венецианского совета, Самуэль Абоаб и его пятеро коллег, считали любую атаку на него оскорблением их собственной чести. Их *корпоративный дух* побуждал их к большей активности, чем ревность к вере, когда они, казалось бы, были виле. Настоящие венецианцы, у них на службе был шпион Салман из Лемберга, который наблюдал за передвижениями Луццатто и докладывал им о них. Пока он был преуспевающим и окруженным друзьями, венецианские раввины относились к нему с удивительной снисходительностью и даровали ему почетный титул; но после того, как его семью постигло несчастье, когда он был на грани разорения и покинут своими друзьями и льстецами, их уважение к нему прекратилось, и они не могли найти достаточно камней, чтобы бросить в него. Они поверили одному из их числа, который утверждал, что нашел магические орудия в доме Луццатто. Довольно нелепо также, что они упрекали Луццатто в том, что он выучил латынь; человеку, который изучал этот язык сатаны, по их словам, не мог явиться никакой ангел! Члены венецианского совета раввинов верили или делали вид, что верят, что Луццатто хвастался, что в мессианскую эпоху его псалмы заменят псалтирь Давида. Теперь они проявили себя столь же активными, сколь ранее были небрежны в преследовании несчастного автора. Они послали трех инквизиторов в Падую, чтобы допросить его, обыскать его дом в поисках рукописей и заставить его заявить под присягой, что он ничего не опубликует, не отправив предварительно это на цензуру венецианского совета раввинов. Поэт, глубоко оскорбленный, надменно ответил, что этот совет не имеет никакой власти над ним, членом общины Падуи. Затем венецианские раввины отлучили его от церкви и предали его труды огню (декабрь 1734 г.), позаботившись о том, чтобы уведомить об их действиях все

общины Германии, особенно "большой барабан" Чагес. Падуанская община также отказалась от несчастного Луццатто. К чести своего учителя Исаяи Бассана следует сказать, что он придерживался его так же стойков несчастье, как и в процветании. Раввин Каценеленбоген, или, скорее, его глашатай Чагес, по этому поводу высказал разумное предположение о том, что изучение Каббалы должно быть полностью запрещено молодым людям, чтобы предотвратить их впадение в прискорбные ошибки, как-то имело место до сих пор; но это предложение не встретило одобрения у других раввинов. Двадцать лет спустя зло, порождаемое каббалой, стало настолько очевидным, что синод польских евреев принял указ на этот счет, не встретив противодействия.

Несчастный, отлученный от церкви сновидец был вынужден оставить своих родителей, жену и ребенка и отправиться странствовать; но что огорчало его еще больше, так это разлука со своими братьями-каббалистами и своим мистическим сообществом. Он лелеял надежду напечатать свои каббалистические труды в Амстердаме. Увы, у него не было опыта! Кто поможет ему после того, как фортуна отвернулась от него? Во Франкфурте-на-Майне его грубо разбудили от приятного сна. Как только раввин Якоб Кахана услышал о его прибытии, он настоял на том, чтобы он поклялся под присягой отказаться от своих каббалистических иллюзий и воздерживаться от написания статей или наставления кого-либо в доктринах Зоара (12 января 1735 г.). Однако одну свободу Луццатто оставил за собой: в возрасте сорока лет продолжить свои любимые занятия в Святой Земле. Многие раввины Германии, Польши, Голландии и Дании, которые были проинформированы об уступках Луццатто, заранее согласились на его отлучение от церкви на случай, если он нарушит свое слово. Имя Чейджеса, конечно же, было в списке.

Глубоко униженный и разочарованный, Луццатто отправился в Амстердам. Здесь солнечный луч снова улыбнулся ему. Португальская община приняла его доброжелательно, как будто желая искупить несправедливость, которую он испытал от рук немцев и поляков. Ему назначили пенсию, и он нашел гостеприимный приют в доме Мозеса де Шавеса, богатого португальца, и стал наставником его сына. Чтобы быть независимым, он, подобно Спинозе, занялся полировкой линз, и это привело его к изучению физики и математики. Он почувствовал себя настолько комфортно, что уговорил приехать в Амстердам не только свою жену, но и родителей, и они были хорошо приняты португальской общиной. Благоприятный поворот в судьбе побудил его вернуться к своим химерическим теориям. Он неоднократно призывал своих учеников в Падуе оставаться верными своим каббалистическим занятиям; после чего совет раввинов Венеции, получивший информацию о его действиях, вынес приговор об отлучении от церкви в синагогах и гетто всех, кто владел каббалистическими трудами или псалмами Луццатто, и не смог передать их совету.

В дополнение к своим различным занятиям, используя каббалу для своих духовных нужд и полируя линзы для своих мирских нужд, Луццатто опубликовал шедевр, не имеющий аналогов в еврейской поэзии; драму, совершенную по форме, языку и мысли; памятник его дарованиям, призванный увековечить его самого и язык, на котором она написана. В незатейливой форме случайного стихотворения в честь свадьбы своего ученика Якоба де Шавеса с высокородной девушкой Рахиль де Вега Энрикес он опубликовал свою драму "Слава добродетельным" (La-Yesharim Tehilla). Это существенно отличается от его более ранних работ. В промежутке времени поэт пользовался различными возможностями для получения приятных и болезненных переживаний и обогащения своих умственных способностей. Его муза, ставшая более зрелой,

познакомилась с хитросплетениями жизни. Луццатто узнал вульгарное стадо достаточно хорошо, чтобы видеть, что оно напоминает тростинку, раскачивающуюся взад и вперед в воде, и удерживается оковами Обмана в состоянии невежества и немоци, против которых бессильна сама Мудрость. Он был научен опытом, как Безумие, связанное с Невежеством, веселится над теми, кто рожден от Духа, и насмехается над их трудами, когда они измеряют пути звезд, наблюдают за жизнью растительного мира, созерцают дела Божьи и считают более ценным, чем Богатства. Поверхностный человек видит во всех событиях жизни и природы, как бы сильно они ни взывали к сердцу, лишь игру Случая или непреклонные законы бессердечной Необходимости. Луццатто на собственном примере доказал, что Хитрости Гордыня, тесно соединенные, могут лишиться Заслугу ее короны и возложить ее на их собственные головы. Тем не менее он лелеял убеждение, что Заслуги, хотя их неправильно оценивают и клеветают, в конце концов побеждают, и что их признание (Слава) рассыплется к чертям, как невеста, если только она позволит Разуму и своему терпению служанки, отведет свой взор от низменной борьбы и погрузится в чудеса Творения. "Если бы мы могли незамутненными глазами на мгновение увидеть мир таким, какой он есть, лишенным притворства, мы увидели бы Гордость и Безумие, которые так презрительно отзываются о Добродетели и Знании, глубоко униженными". Благодаря экстраординарному происшествию, своего рода чуду, раскрывается Истина, разоблачается Обман, Гордыня становится посмешищем, а непостоянную толпу язаставляю признать истинные Заслуги.

Луццатто в своей драматической притче облакает и оживляет этот ряд идей и излагает их в монологах и диалогах устами действующих или, правильнее сказать, говорящих персонажей. Шедевр Луццатто действительно не является драмой в строгом смысле этого слова. Представленные персонажи не из плоти и крови, а просто абстракции: Разум и Безумие, Заслуги и обман представлены на сцене. Драматическое действие незначительно. На самом деле это прекрасный венок из благоухающих цветов поэзии, серия восхитительных монологов и диалогов. В нем Луццатто воплощает глубокие мысли, которые трудно воплотить в жизнь или раскрасить в поэтические тона; но ему это удалось. Удивительная эволюция растительного мира, экстраординарные явления света трактуются Луццатто в драматических стихах с той же легкостью, что и подходящие темы для поэзии, и это тоже на иврите, который не так легко поддается новым формам мысли, и с самими наложенными оковами метра, которыми он никогда не грешил. Его стиль исполнен достоинства, и он использовал совершенно собственную дикцию, полную юношеского очарования, красоты и гармонии. Тем самым он придал новый импульс грядущему возрасту. Когда рассеялся туман заблуждений, общий хаос мыслей привел к некоторому подобию порядка и наступил более счастливый период, молодые поэты черпали вдохновение в мягких теплых лучах, излучаемых гением Луццатто. Современный еврейский поэт, который помог осуществить переход от старого периода к новому, Давид Франко Мендес, обязан своим вдохновением Луццатто.

Чего бы только не достиг Луццатто, если бы мог освободить свой разум от экстравагантных безумств каббалы! Но это держало его в плену и вскоре послезавершения его драмы (около 1744 г.) привело в Палестину. Здесь он надеялся беспрепятственно следовать порывам своей возбужденной фантазии или сыграть роль Мессии. Из Сафета он также продолжал общаться со своей группой учеников; но прежде, чем смог приступить к операциям, он пал жертвой чумы на сороковом году жизни. Его тело было похоронено в Тверии. Два величайших современных еврейских поэта, Луццатто и Иегуда Халеви, должны были упокоиться на еврейской земле. Даже языки клеветников, евреи Палестины, которым Луццатто с его особенностями, должно быть,

казался загадкой, могли говорить о нем только хорошее после его смерти. Тем не менее, он посеял плохие семена. Его итальянские последователи вновь ввели каббалу в Италии. Говорят, что его польский ученик Екутиэль из Вильны, чьи буффонады впервые привели его к неприятностям, вел жизнь авантюриста в Польше и Голландии, разыгрывая скандальные трюки под маской мистицизма. Другой поляк, Элайджа Олианов, который принадлежал к последователям Луццатто и провозглашал его Мессией, а себя - своим Илией, пользовался не самой лучшей репутацией. Этот человек принимал участие в позорных беспорядках, вспыхнувших в Альтоне после смерти Луццатто и которые, снова расшевелив саббатинскую трясину, разделили евреев Европы на два враждебных лагеря.

Грязный омут, который на протяжении веков, с момента запрета свободного исследования и триумфа его врага Каббалы, находился в процессе формирования в иудаизме, с извращенной глупостью постоянно перемешивался, бросая вызов чистому и нечистому. Иррациональное возбуждение, вызванное тщеславным лжемессией из Смирны, не было подавлено проскрипцией Шайона и польских саббатинцев, но проявило себя в еще более неблагоприятном аспекте, пробившись в круги, которые раньше были закрыты против него. Раввины, занятые практическим и диалектическим толкованием Талмуда, до сих пор отказывались от равного доступа к Каббале и лишь кое-где тайно вводили что-то из нее. Они выступили против вереси саббатинцев и предали ее анафеме. Но один влиятельный раввин обручил ее причину, вложил его важность, и поэтому вызвало конфликт, который подрывает дисциплину и порядок, а еще больше притупляется чувство собственного достоинства в самоуважение, истины и нравственности. Поводом к конфликту послужила мелкая ревность двух раввинов. Его истинное происхождение лежало глубже, в интеллектуальной извращенности и тайной неприязни, с одной стороны, к избытку ритуальных обрядов, а с другой - к экстравагантности Каббалы. Авторы этого далеко зашедшего раскола — два польских раввина из Альтоны - каждый бессознательно сделали шаг через порог ортодоксальности. Диаметрально противоположные друг другу по способностям и темпераменту, они подходили по своим характерам друг другу. И Джонатан Айбешютц, и Якоб Эмден принимали участие в вышеупомянутых конфликтах и в конечном итоге придали этим ссорам более широкий размах.

Джонатан Эйбешютц, или Айбешютцер (родился в Кракеве 1690 году, умер в 1764 году), происходил из польской семьи каббалистов. Его отец, Натан Ната, короткое время был раввином небольшого моравского городка Айбеншиц, от которого его сын получил свою фамилию. Обладая необыкновенно острым интеллектом и внове tentative памяти, юный Ионафан, рано оставшись сиротой, получил образование неправильной, или, скорее, недоумение инструкция возраста, который снабжал его только две темы, о которых исполнять свои мозги — далеко идущие сфере Талмуд, интернет Wi- го его запутанных лабиринтах, и в этот момент появляется Каббала, с ее отмели полно подводных камней. Один предлагал обильную пищу для своего голодного разума, другой - для своей плохо регулируемой фантазии. С его поразительной изобретательностью из него мог бы получиться ловкий, мелочный юрист, способный составить блестящее и успешное обоснование для наихудшего случая; или, если бы у него был доступ к высшей математике Ньютона и Лейбница, он мог бы многого добиться в этой области как первооткрыватель. Eibeschutz было несколько ТАсте по отраслям знаний вне сферы Талмуда, а также определенное тщеславие, которое заставило его стремление преуспеть в них; но этого он не мог удовлетворить. Извращенный дух польских и немецких евреев того времени закрыл для каждого честолобивого юноши врата наук, основанных на истине и острой наблюдательности, и загнал его в лабиринты раввинской и талмудической литературы. Из-за

отсутствия более полезной пищи для своего активного интеллекта молодой Эйбешютц наполнил свой мозг вредными веществами, а отсутствие метода вынудило его пойти по извилистым путям софистики. Он действительно воображал или хотел, чтобы это предполагалось, что он приобрел всевозможные знания, но его труды по предметам, не связанным с Талмудом, насколько о них можно судить, его проповеди, его каббалистические сочинения и масса случайных статей не раскрывают ничего, что можно было бы назвать мудростью или основательной ученостью. Эйбешютц даже не был знаком с еврейскими философами, писавшими на иврите; он чувствовал себя как дома только в тальской грязи. Им он мог манипулировать, как мягкой глиной, придавать ему любую желаемую форму и распутывать самые замысловато запутанные мотки. Он превзошел всех своих современников и предшественников не только в знании Талмуда, но и в остроумии.

Но Эйбешютц не получал полного удовлетворения от своей учености; она лишь оттачивала его ум, развлекала его и ослепляла других. Его беспокойная натура и огненный темперамент не могли довольствоваться этим, но стремились к более высокому гоалу. Эта цель, однако, была неизвестна даже ему самому или лишь смутно вырисовывалась в его сознании. Поэтому его жизнь и поведение кажутся загадочными и полными противоречий. Если бы он жил в эпоху борьбы за реформы, за ослабление оков власти, он был бы среди нападавших и использовал бы свою талмудическую ученость и агрессивное остроумие в качестве рычагов, чтобы пошатнуть здание раввинского иудаизма и противопоставить талмуду оружие, которое он предоставил. Ибо он был покладист, ему не нравилось мрачное благочестие немецких и польских евреев; и хотя оно производило на него впечатление, ему не хватало рвения поддаться его влиянию. Поэтому он находил мистицизм в интерпретации последователей Саббатаи очень утешительным: закон должен был быть отменен с началом мессианской эры, или дух Каббалы не требовал чрезмерной щепетильности в отношении мелочей. Неemia Шайон, по-видимому, произвел большое впечатление на молодого Айбешютца в Праге или Гамбурге. С саббатиканкой Лебеле Просниц он состоял в постоянных, хотя и тайных сношениях. Он тщательно изучил работы Абрахама Майкла Кардозу, хотя они были публично осуждены и заклеены как еретические. Эйбешютц принял богохульные догматы этих и других саббатиканцев, а именно, что нет никакой связи между Всевышним Богом, Первопричиной и Вселенной, но что второе лицо в Божестве, Бог Израиля, образ и прототип первого, сотворил мир, дал Закон, избрал Израиль, короче говоря, управляет Конечным. Он, по-видимому, также принял выводы, сделанные из этой еретической теории, что Саббатай Зеви был истинным Мессией, что в нем была воплощена вторая личность Божества и что с его появлением Тора перестала иметь какое-либо значение.

Но Эйбешютц не обладал достаточной силой характера или решимостью, чтобы действовать в соответствии со своими убеждениями. Было бы противно его натуре открыто порвать с раввинским иудаизмом и, объявив себя анти-талмудистом, как это сделали несколько саббатиканцев, вести войну против всего иудаизма. Он был слишком практичен и слишком любил легкость, чтобы подвергать себя неприятным последствиям такого разрыва. Должен ли он, подобно Шайону, скитаться беглецом по Азии и Европе и обратно? Кроме того, он любил Талмуд и раввинскую литературу как пищу для своего остроумия и не мог без них обойтись. Противоречия в его карьере и беспорядки, которые он породил, могут быть объяснены отсутствием гармонии между его интеллектом и темпераментом. Раввинский иудаизм не совсем устраивал его, но источники, из которых он был почерпнут, были для него необходимы, и если бы их не существовало, он бы их создал. Скованный этим противоречием, он воспринимал не

только мир, но и самого себя; он не мог прийти к какому-либо ясному взаимопониманию с самим собой и лицемерил, сам того не желая.

В двадцать один год Эйбешютц руководил школой в Праге, и группа любящих тонкости изучения талмуда учеников собралась вокруг него, впились в его уста и восхищались его стимулирующим методом, и игровой манерой справляться с трудностями. Он очаровывал и вдохновлял своих учеников своими добродушными, можно даже сказать, студенческими манерами, своим искрометным остроумием и искрометной ложью, не всегда выходящей за рамки приличий. Его манера обращения со своими учениками совершенно отличалась от манеры обращения раввинов обычного типа. Он не крался мрачно, как кающийся грешник, со склоненной головой, и не накладывал на них таких ограничений, но предоставлял им большую свободу. Общественная жизнь и живые, интересные беседы были ему необходимы. По этим причинам число учеников Эйбешютца ежегодно увеличивалось и исчислялось тысячами. В тридцать лет он считался не единственным в Праге, но повсюду авторитетом.

Было заявлено, что совет раввинов Франкфурта-на-Майне располагал четкими доказательствами связи Эйбешютца с Лебеле Просниц и подольскими саббатянами. Только его обширное влияние и большое количество его учеников защитили его от включения в приговор об отлучении от церкви, вынесенный в отношении остальных. У него хватило мужества опровергнуть подозрения против себя, отлучив саббатянцев от церкви (1725). Моисей Чейджес, человек без "уважения ключам", "страж Сиона" той эпохи, предсказал, что терпимость окажется пагубной. В самом деле, Eibeschütz был в то время глубоко привержен Sabbatian ереси, сознался в том, чтобы Meïr Айзенштадт, учителя его молодости, кто знал его erring путями, и, видимо, стыдно и раскаялся, обещал поправку. Благодаря этому милосердию Эйбешютц сохранил свою репутацию, приумноженную его эрудицией, постоянно растущим числом учеников и его активностью. Подозрение в ереси было постепенно забыто десятилетиями, и община Праги, в знак признания его заслуг, назначила его проповедником (1728).

В другом случае Эйбешютц сошел с проторенного пути и выставил себя в несколько двусмысленном свете. То ли из тщеславия, то ли по расчету он вступил в близкие отношения с иезуитами в Праге. Он вел с ними дискуссии, проявляя определенную либеральность, как будто не разделял предрассудков евреев. Он был связан, например, с духовным тираном Хассельбауэром, иезуитом бишопом из Праги, который часто посещал евреев по месту жительства для поиска и конфискации книг на иврите, ускользнувших от бдительности цензора. Благодаря этой близости Эйбешютц получил от епископа привилегию печатать Талмуд, так часто переписываемый Римской церковью. Действовал ли он таким образом из корыстных побуждений, с целью заставить чешских евреев использовать только напечатанные им экземпляры Талмуда и таким образом создать прибыльный бизнес, прибылью от которого можно было бы делиться с иезуитами? Этого наиболее положительно утверждали во многих еврейских кругах. Эйбешютц получил разрешение на печать от епископальной цензурной коллегии при условии, что каждое выражение, каждое слово в Талмуде, которое, хотя бы в малой степени, казалось враждебным христианству, будет вычеркнуто. Он был готов совершить этот процесс увечья (1728-1739). Такая подбострастная уступчивость иезуитам вызвала неудовольствие многих евреев. Община Франкфурта-на-Майне потратила значительную сумму — Моисей Чейджес и, возможно, Дэвид Оппенгейм были в основе движения — в своих попытках добиться от императора запрета на публикацию пражского издания. Эйбешютц, с другой

стороны, использовал свои связи в христианских кругах, чтобы предотвратить чп, надвигающееся на богемских евреев.

Ранние еретические пристрастия Эйбешютца не были полностью забыты. Когда должность раввина в Меце стала вакантной, он подал на нее заявление. Когда совет был занят выборами, седовласая вдова покойного раввина появилась на собрании и предупредила их, чтобы они не оскорбляли память ее покойного мужа и благочестивых раввинов, которые были до него, назначая еретика, возможно, хуже (Мумара), их преемником. Это торжественное предостережение от почтенной матроны, которая приходилась родственницей жене Эйбешютца, произвело такое впечатление на совет, что его избрание провалилось. Якоб Джошуа Фальк был назначен в Мец. Он пробыл там всего несколько лет, и после его перевода во Франкфурт-на-Майне на его место был выбран Айбешютц. Прежде чем он приступил к своим обязанностям, разразилась Австрийская война за наследство, борьба между молодой, амбициозной Пруссией при Фридрихе Великом и дряхлой Австрией при Марии Терезии. Французская армия совместно с Пруссией и антиимператором Ч.Арлем VII оккупировала Прагу. Систематически подвергавшееся жестокому обращению население Богемии и Моравии зародило ложное представление о том, что евреи вероломно перешли на сторону врага. Говорили, что Фридрих Великий, протестантский еретик, был особенным покровителем евреев. В Моравии, куда пруссаки еще не проникли, происходили страстные вспышки ярости против евреев. Австрийский генерал-фельдмаршал в Моравии, под влиянием заблуждения иудеев предательство, издал указ о том, что общины, В пределах шесть дней, должен "погасить наличными 50,000 Рейнских гульденов в район, в противном случае, они бы все отдали грабить и мечом". Благодаря самоотверженным усилиям барона де Агилара и богатого раввина Иссахара Беруша Эскелеса — двух членов венской общины — этот указ был отменен императрицей Марией Терезией (21 марта). У этих людей была еще одна возможность предотвратить сокрушительную катастрофу, постигшую их собратьев.

Джонатан Эйбешютц, будучи назначен раввином Меца либо по собственному желанию, либо для того, чтобы обеспечить себе пост раввина во Французской Лотарингии, неосмотрительно побратался с французскими солдатами, оккупировавшими город. Он получил от французского коменданта охранную грамоту, позволяющую ему беспрепятственно выехать во Францию, и тем самым возбудил у населения Богемии подозрение, что у него было предательское соглашение с врагом. После ухода французов (конец 1742 г.) австрийские власти провели расследование его поведения; и все его имущество, которое не было конфисковано хорватами, было конфисковано. В конце концов все моравские и богемские евреи были заподозрены в государственной измене. Императрица-католичка, которая была одновременно добродушной и жестокосердной, 18 декабря 1744 г. издала указ для Богемии, 2 января 1745 г. для Моравии, согласно которому все евреи в этих королевских провинциях должны быть, "по нескольким важным причинам", в течение короткого периода времени изгнаны; и что евреи, обнаруженные в этих землях короны по истечении этого срока, должны быть "удалены силой оружия". Ужасная суровость была проявлена при приведении в исполнение этого указа. Евреи Праги, более 20 630 душ, были вынуждены в разгар зимы поспешно покинуть город и страдать в деревнях; королевским городам было запрещено укрывать их даже временно. Положение чешских и моравских евреев было плачевным. Куда им обратиться? В восемнадцатом веке евреи не пользовались спросом и не были желанными гостями из-за своего богатства, как это было раньше. Как будто Эйбешютц чувствовал себя в какой-то мере виноватым в этих несчастиях, он позаботился о том, чтобы облегчить их участь. Он проповедовал от их имени в Меце,

адресовал письма общинам на юге Франции, в Байонне и Бордо, с просьбой о помощи, и написал римской общине, умоляя их заступиться запапу римского от имени их несчастных братьев. Все это мало что дало. Более действенным, по-видимому, было заступничество Де Агилара, Беруша Эскелеса и других евреев, связанных с венским двором. Духовенство тоже выступало от их имени, и послы Голландии и Англии горячо и настойчиво ходатайствовали за них. Императрица отменила свой суровый указ и разрешила евреям оставаться в обеих королевских провинциях на неопределенное время (15 мая 1745 года). Только в случае с пражским объединением, которое находилось в основном под подозрением, строгость указа не была ослаблена. Лишь несколько лет спустя, в результате заявления штатов империи о том, "что их отъезд повлечет за собой потерю многих миллионов", пребывание всех евреев было продлено до десяти лет, но на унижительных условиях. Их следовало скорее уменьшить, чем разрешить увеличивать, при этом их точное количество было установлено. Только старшему сыну разрешалось основывать семью. Около 20 000 "фамильянов", как их называли, были допущены в Богемию и 5100 в Моравию, которые были обязаны ежегодно выплачивать в имперскую казну сумму около 200 000 гульденов. Эти ограничения сохранялись почти до революции 1848 года. Джонатан Айбешютц, справедливо или нет, ли был объявлен предателем своей страны и ему запретили когда-либо ступать на австрийскую землю.

Если в течение первых лет, проведенных в Меце, он был настолько популярен, что община не позволила ему занять предложенную ему должность раввина в Фюрте, должно быть, позже он стал неприятным, поскольку во время своих трудностей он не мог найти там ни сторонников, ни свидетелей своей невиновности. Если он совершил лишь малую часть тех подлых поступков, в которых его упрекали, то его жизнь, должно быть, представляла разительный контраст с проповедями, которые он сочинял. Эйбешютц не чувствовал себя в Меце как дома; он скучал по шумной, спорящей группе молодых поклонников и широкой платформе, на которой можно было продемонстрировать свою талмудическую эрудицию. Во Франции было меньше изучающих Талмуд. Поэтому было простительно, что он приложил все усилия, чтобы получить пост раввина "трех общин" (Гамбурга, Альтоны и Вандсбека). Благодаря усилиям его связей и поклонников, а также его славе самого выдающегося талмудиста и чудотворца выбор пал на него. Поскольку евреи трех городов имели свою собственную гражданскую юрисдикцию, основанную на раввинском праве, им требовался проницательный раввин, юрист, и они не могли, с этой точки зрения, сделать более тщательный выбор..

Но злой дух, по-видимому, проник в Альтону со своим отрядом, который привел в беспорядок не только три общины, но и весь немецкий и польский иудаизм. Эйбешютц, хотя и не свободен от вины, не должен в одиночку нести ответственность. Тенденция того времени была виновата, и Якоб Эмден, раввин-одиночка, был, в первую очередь, главной движущей силой этой борьбы. Он желал разоблачить лицемерие и при этом обнажил наготу своих еврейских современников.

Джейкоб Эмден Эшкенази (сокращенно Джабез; родился в 1698 году, умер в 1776 году) походил на своего отца Чачама Зеви, как ветвь на родительский ствол; или, скорее, он сделал отца, которым экстравагантно восхищался, своим образцом во всем. Извращенный дух эпохи помешал ему следовать своим естественным наклонностям и вдохновению. Истинный сын Талмуда, он всерьез верил, что еврей должен заниматься другими отраслями знания только в "час сумерек", и считал незаконным читать газеты в субботу. Он тоже хорошо разбирался в Талмуде и высоко ценил Каббалу и Зоар - опасные изыски, о которых поначалу ничего не знал. Философия, хотя он и не разбирался в ней, была для него отвратительна. В своей

извращенности он считал невозможным, чтобы философский труд "Путеводитель" мог быть написан ортодоксальным раввином Маймуни. По характеру он был справедливым, правдолюбивым и стойким, чем резко контрастировал с Джонатаном Эйбешютцем. Что бы он ни считал правдой или ложью, он, не колеблясь, немедленно защищал или осуждал с острой резкостью; скрывать, лицемерить, скрывать свое мнение или лицемерить противоречило его натуре. Он отличался от Эйбешютца еще в одном отношении. Последний был приятным, податливым, беззаботным, веселым и общительным; Эмден, напротив, был необщительным, несгибаемым, серьезным, меланхоличным и любителем уединения. Состоятельный человек, зарабатывающий на жизнь своим бизнесом, Эмден всегда был не склонен брать на себя обязанности раввина. Он слишком хорошо осознавал свою собственную тягу к независимости, свою неловкость и порывистость. Только однажды его убедили принять должность раввина в Эмдене (от которой он получил свою фамилию); но через несколько лет он отказался от нее из-за своей нелюбви к этой работе и плохого состояния здоровья и поселился в Альтоне. Он получил от короля Дании привилегию установить типографию; построил дом с частной синагогой и вместе со своей семьей и несколькими друзьями основал внутри общины сообщество. Он действительно посещал биржу, но жил, погруженный в свой собственный мир грез.

Эмден был в списке кандидатов на назначение раввином в "три общины". Его немногочисленные друзья работали на него и убеждали его приложить все усилия, чтобы попытаться получить эту должность. Он, однако, воспротивился всем их домогательствам и решительно заявил, что не примет участия в выборах, даже если выбор падет на него, но тем не менее он был огорчен тем, что получил всего несколько голосов, сохранил неприязнь к Эйбешютцу, потому что ему отдали предпочтение. В характере Эмдена была еще одна особенность: его антипатия к еретикам. Его отец Хахам Зеви бесстрашно преследовал Неемию Хайона и других саббатянцев и тем самым поставил себя в болезненное положение. Эмден ничего так страстно не желал, как последовать за своим отцом, и не отказался бы от мученической смерти за это дело. С момента возвращения Моисея Чагеса в Палестину он считал себя стражем ортодоксальности среди своих единоверцев. Он был еврейским великим инквизитором и был готов обрушить громы отлучения от церкви всякий раз, когда проявится ересь, особенно саббатянская. Джонатан Эйбешютц предоставил ему возможность исполнять свою неоплачиваемую должность следователя, доказать свое рвение к православию и даже пострадать за него.

В то время, когда Эйбешютц приступил к исполнению своих обязанностей раввина, среди евреев "трех общин" царил болезненное возбуждение. В течение года несколько молодых женщин умерли при родах. Каждая жена, готовящаяся стать матерью, с возрастающей тревогой ожидала приближающегося часа. Прихода нового раввина, который должен был прогнать ангела-разрушителя, которого молодые женщины были выбраны в качестве жертв, ждали с нетерпением. В то время раввин считался защитником от всех видов зла (Мегин), своего рода волшебником, и жены Гамбурга и Альтоны ожидали еще большего от Джонатана Эйбешутца, которого его поклонники называли самым одаренным из раввинов и творцом чудес. Как бы он отреагировал на эти преувеличенные ожидания? Даже если бы он был честен, Эйбешютц был бы вынужден прибегнуть к какой-нибудь мистификации, чтобы утвердить свой авторитет на новом посту. Поэтому сразу после своего прибытия он приготовил талисманы — письма для изгнания духов (Камеи, Камеот) — для перепуганных женщин и прибегнул к другим формам магии, чтобы воздействовать на доверчивых. Он распространял подобные амулеты в Меце,

Франкфурте-на-Майне и других местах. Из Франкфурта до Альтоны дошел слух, что талисманы Эйбешютца имели совершенно иную природу, чем обычно, и что они были еретическими по своему характеру. Из любопытства один из амулетов, распространяемых главным раввином Джонатаном Эйбешютцем, был открыт в Альтоне, и было обнаружено, что он содержит следующее заклинание:

"О Бог Израиля, Ты, пребывающий в украшении Твоего могущества [каббалистическая аллюзия], пошли этой женщине исцеление заслугой Твоего слуги Саббатая Цеви, благодаря которому Твое имя и имя Твоего Мессии, Саббатая Цеви, могут быть освящены в мире".

Трудно сказать, что более удивительно — глупая вера Эйбешютца и привязанность к самозванцу из Смирны, отступившему от иудаизма, или его неосторожность таким образом разоблачить себя. Он действительно немного изменил слова и вставил одни буквы, чтобы обозначить другие; но он, должно быть, знал, что ключ к его загадке легко найти. Эти попытки обмана, естественно, не остались секретом. Амулеты попали в руки Эмдена, который больше не сомневался в том, что Эйбешютц все еще придерживается саббатической ереси. Хотя он очень радовался тому, что нашел возможность выполнять свою должность инквизитора, он в какой-то мере испытывал отвращение к последствиям этого. Разумно ли было начинать соревнование с человеком, который имел широкую репутацию самого ученого талмудиста своего времени, ортодоксального раввина, чьи многочисленные ученики — по слухам, более 20 000 человек — были раввинами, должностными лицами общин и обладателями влиятельных постов, которые цеплялись за него с восхищением и были готовы сформировать вокруг него фалангу и приложить все свои силы для его защиты? С другой стороны, этот вопрос не мог быть замалчиваем, поскольку он обсуждался в еврейском квартале и на бирже. Старейшины сочли своим долгом расспросить Эйбешютца по этому поводу, и он ответил жалкой уклончивостью. Совет, независимо от того, верил Эйбешютц или нет, был обязан протянуть ему руку помощи в закрытии этого дела. Какой позор для высокоуважаемых "трех общин", которые четверть века назад осудили и заклеили саббатианцев как еретиков, что они сами выбрали саббатианца своим главным раввином! Якоб Эмден, от рвения которого следовало ожидать самого худшего, был частично обольщен лестью, частично запуган угрозами, чтобы воздержаться от публикации этого дела. Но эти угрозы в его адрес неизбежно привели к огласке. Эмден торжественно объявил в своей синагоге, что, по его мнению, автор амулетов был еретиком-саббатианцем, заслуживающим отлучения от церкви, что он не обвинял главного раввина в их составлении, но что последний был обязан снять с себя подозрения. Это заявление вызвало глубокую сенсацию в "трех сообществах" и вызвало яростную враждебность. Совет и большая часть сообщества расценили это как грубую самонадеянность и как посягательство на их юрисдикцию. Друзья Эйбешютца, особенно его ученики, раздули пламя. Религиозное поклонение героям было настолько распространено, что некоторые без колебаний заявляли, что если бы их раввин верил в Саббатая Цеви, они разделили бы его веру. Не привлекая Эмдена к суду, совет произвольно постановил, что никто под страхом отлучения от церкви не должен посещать его синагогу, которая должна была быть закрыта, и что он не должен ничего публиковать в своей типографии. И вот началась борьба, которая сначала породила изобилие зла, но которая в конце концов возымела очищающий эффект. Джонатан Эйбешютц широко распространил это дело среди своих многочисленных друзей и учеников в Богемии, Моравии и Польше и изобразил себя невинным человеком, несправедливо обвиненным, а Якоба Эмдена — дерзким человеком, который имел наглость заклеить его еретиком. Его бросало от одной лжи к другой, от насилия к насилию; но, тем не менее, у него было много сторонников, которые

поддерживали его. Якоб Эмден, напротив, был почти одинок, ибо у тех немногих, кто придерживался его, не хватило смелости открыто выступить вперед. Однако в тот же день он сообщил своим друзьям, врагам Эйбешютца, о том, что произошло. Таким образом, глупая история с амулетами приобрела дурную славу, которую было невозможно проверить. Каждый еврей, способный составить мнение по этому вопросу, принимал ту или иную сторону; большинство придерживалось Эйбешютца. Многие действительно не могли себе представить, что столь выдающийся талмудист может быть саббатянцем, и обвинение против него было вызвано низкой клеветой со стороны вспыльчивого и злобного Эмдена. Царило глубокое невежество в отношении характера и истории саббатианцев (или шабов, как их называли), поскольку прошло четверть века с тех пор, как они были повсеместно изгнаны из общества. Таким образом, общественное мнение поначалу было на стороне Эйбешютца.

Айбешютц досконально понимал, как привлечь противников на свою сторону и успокоить их иллюзиями. Он созвал собрание в синагоге и дал торжественную клятву, что непридерживается ни единого пункта саббатянского вероучения; если он это сделает, пусть огонь и сера снизойдут на него с небес! Далее он предал анафеме эту секту всевозможными проклятиями и отлучил от церкви своих противников, которые оклеветали его и породили эти элементы раздора. Это торжественное заявление произвело глубокое впечатление. Кто мог усомниться в невиновности раввина такого высокого положения, когда он призвал Бога в свидетели этого? Совет "трех общин" счел себя полностью оправданным, приказав Эмдену, как обычному клеветнику, покинуть Альтону. Поскольку он отказался и сослался на хартию, выданную ему королем, он был отрезан от всех сношений с другими людьми, преследуемый интригами и безжалостно преследуемый. Такое обращение только подвигнет Эмдена к более напряженным усилиям. Тем временем из Меца были отправлены письма с другими амулетами (1751 г.), которые Эйбешютц распространил там и подлинность которых он сам признал, ясно демонстрируя, что он почитал Саббатая Цеви как Мессию и спасителя. Амулеты меца были в основном одного и того же характера:—

"Во имя Бога Израиля ... именем Бога, его помазанника Саббатая Зеви, через раны которого к нам приходит исцеление, который дыханием Своих уст убивает Злодея, я заклинаю всех духов и демонов не причинять вреда носителю этого амулета".

Судебная экспертиза этих амулетов была произведена советом раввинов и старейшин; и всем, у кого они были, было приказано сдать их под страхом освобождения от ответственности. Королевский прокурор подтвердил их подлинность, то есть показания свидетелей под присягой подтвердили, что они являются работой Эйбешютца, который не нашел в Меце ни одного известного человека, способного поддержать его честь. Джейкобу Эмдену было довольно того, что он не одинок в своем конфликте; но совпадение взглядов не принесло ему особой пользы. Члены "трех общин", за исключением небольшого меньшинства, присоединились к Эйбешютцу и сделали его дело своим. Было запрещено произносить клеветнические слова в адрес главного раввина. В других местах его враги строили планы — он получал уведомления отовсюду о том, что замышлялось против него, — но определенного плана не было. С другой стороны, его ученики были необычайно ревностны в его защите. Один из них, Хаим из Люблина, имел смелость, прославляя Эйбешютца и клеветая на его противников, отлучить от церкви троих последних в своей синагоге: Якоба Эмдена, Неемию Райшера и старейшину из Меца Мозеса Майо, потому что они осмелились оклеветать "этого совершеннейшего человека, Ионафана, в котором Бог прославил Себя". Этот указ об отлучении от церкви был

распространен по всей Польше для соблюдения и подражания. Остальные польские раввины согласились с этим, хотялибы были сторонниками Эйбешюца, либо были подкуплены, либо были безразличны к этому вопросу. Например, через Кенигсберг и Бреслау в Польшу были отправлены крупные суммы для ознакомления раввинов этой страны с делом Эйбешюца. Дело не ограничилось отлучениями от церкви и анафемами; в Альтоне (25 ияра= мая) кульминацией стали беспорядки. Произошла рукопашная схватка, и пришлось вызвать полицию. В результате Якоб Эмден, полагая, что его жизнь находится в опасности из-за ярости приверженцев Айбешютца, на следующий день бежал в Амстердам, где был любезно принят. Городской совет приказал жене Эмдена не расставаться ни с чем из его имущества, поскольку против него будет предъявлен иск о возмещении ущерба.

Айбешютц был достаточно проницателен, чтобы понять, что резиденция Якоба Эмдена в Амстердаме может оказаться опасной, поскольку у него будет полная возможность с помощью своего острого пера разоблачить прошлое раввина через прессу. Чтобы противодействовать этому, Эйбешюц обратился к своим последователям в Германии, Польше, и Италии с энцикликой (Письмо о рвении, 3 сентября 1751 г.), в которой под видом призыва свидетельствовать о его ортодоксальности он умолял их сделать его дело своим. Он призывал их преследовать его противника со всей энергией и всевозможными средствами: это было бы отнесено на их счет Всевышним как особая заслуга. Это очень напоминало приказ популярного генерала тысячам своих солдат атаковать и безжалостно жестоко обращаться с незащитными людьми. В довершение заблуждения он заставил двоих людей, преданно приверженных мистицизму, но не истине — Элайджу Олиану и Сэмюэля Эссингена — заявить, что в его амулетах нет ничего опасного или еретического, но много глубокого ортодоксального мистицизма, понятного лишь немногим.

У Эйбешютца еще не было просто оснований для радости. Чрезмерная наглость новоиспеченного люблинского раввина, отлучившего от церкви седовласых раввинов, взбудоражила ведущих людей общин. Крик ужаса раздался от Лотарингии до Подолии при этом происшествии, которое, как справедливо подозревалось, произошло по наущению Эйбешюца. В конце концов трое раввинов объединились: Джошуа Фальк, Леб Хешельс и Хайльманн, а к ним присоединились и другие. Эйбешютцу было предложено оправдаться перед собранием раввинов по поводу приписываемых ему мулет а, которые, несомненно, были еретическими. Как и следовало ожидать, Эйбешютц отказался каким-либо образом оправдываться, и конфедераты совещались о том, какие дальнейшие шаги предпринять против него. Скандал продолжал разрастаться. Новые газетчики сообщили о ссоре между евреями из-за раввина из Альтоны. Христиане, естественно, не могли понять природу спора. Было сказано, что среди евреев возник яростный спор о том, уже явился Мессия или нет. Евреев высмеивали за то, что они предпочитали верить в самозванца Саббатая Цеви, а не в Иисуса. Это подействовало на евреев, и обе стороны обвинили друг друга в этом скандале, в этой "профанации имени Божьего". Энергичный человек, Барух Яван из Польши, перенес раскол в эту страну. Он был учеником Фалька, агентом печально известного саксонского министра Брюля, и пользовался значительной репутацией в Польше. Благодаря своим интригам польский магнат лишил Чайима Люблина должности раввина и приказал бросить его и его отца в тюрьму (Элул= сентябрь 1751 г.). В Польше противоречие приняло уродливый характер — среди его ведущих черт были подкуп, информация через шпионов, акты насилия и предательства. Отколовшиеся от каждой партии выдавали секреты друг друга. Каждая ярмарка и каждый синод были полями сражений, на которых сражались сторонники Айбешютца и Фалька. Заседания

синодов были более беспорядочными, чем в польском рейхстаге. Когда защитники любой из сторон оказывались более многочисленными или энергичными, более слабая сторона отлучалась от церкви. Сторонники Эйбешютца были в основном более активными. Граф Брюль дал им столько же пустых обещаний защиты, сколько он давал их противникам через Баруха Явана.

В Германии, естественно, дела велись более сдержанно. Триумвират раввинов опубликовал решение о том, что автор саббатических амулетов должен быть отстранен от общения с Израилем. Каждый набожный еврей был обязан преследовать его изо всех сил. Никто не мог изучать Талмуд под его руководством. Все, кто поддерживал его дело, должны были быть отлучены от церкви. Имя Эйбешютца не упоминалось. Многие немецкие раввины согласны с этим умеренным решением, как и венецианские раввины, отлучившие Луццатто от церкви. Резолюция была передана Эйбешютцу и совету "трех общин" (февраль 1752 г.), и Эйбешютцу было направлено уведомление о том, что в течение двух месяцев он должен оправдаться перед раввинским арбитражным судом от подозрений в том, что он был автором еретических амулетов, в противном случае его имя будет публично заклеено. Этот приговор об отлучении от церкви должен был быть напечатан венецианским советом rabbis и распространен по всему Востоку и Африке. Но Эйбешютц знал, как хитро отразить этот удар. Итальянские раввины, по большей части, не хотели обжигать себе пальцы в этой жестокой ссоре и отказались принимать в ней какое-либо участие. Совет раввинов в Ливорно, особенно Малахия Коэн, последний из итальянских раввинских авторитетов, склонился на сторону Эйбешютца. Португальцы в Амстердаме и Лондоне намеренно держались в стороне от этой внутренней перепалки между немцами и поляками. Один амстердамский брокер, Дэвид Пинто, единственный поддержал Эйбешютца и пригрозил "Эмдену" своим гневом, если тот продолжит свою враждебность. Совет раввинов Константинополя, ослепленный прославленным именем Эйбешютца или каким-то образом обманутый, решительно высказался в его пользу, но не стал выносить прямой приговор об отлучении от церкви его противников. То, чем они пренебрегли, было сделано так называемым посланником из Иерусалима Авраамом Израэлем, самонадеянным нищенствующим, который как представитель Святой Земли и еврейской нации проклинал и предавал анафеме всех, кто произносил клеветническое слово против Эйбешютца. Таким образом, почти весь Израиль был отлучен от церкви; с одной стороны, те, кто проявлял враждебность к знаменитому главному раввину "трех общин", а с другой - те, кто поддерживал этого еретика. Таким образом, последствия отлучения от церкви были сведены на нет, или, скорее, это стало нелепым, а вместе с этим исчезла фаза раввинского иудаизма.

Новый оборот получил этот неприятный спор, когда он был перенесен из своего дома в суды христиан. Фанатизм последователей Эйбешютца был более виноват, чем поведение их противников. Один из старейшин Альтоны, который до сих пор оставался верен делу преследователей, в письме своему брату выразил некоторое сомнение в его справедливости. Это письмо было вскрыто последователями Эйбешютца, и автор был объявлен предателем, исключен из совета, подвергнулся жестокому обращению и угрозе бани из Альтоны. У него не оставалось иного выхода, кроме как обратиться к правительству Гольштейна, к королю Дании Фредерику V, и беспощадно разоблачить все беззакония, низости и насилие, в которых были виновны Эйбешютц и его партия. Несправедливость совета по отношению к Якову Эмдену и его жене обсуждалась в связи с этим делом. Заверенная копия предполагаемых амулетов была переведена на немецкий. Судебный процесс проводился с крайней жестокостью; обе стороны не жалели средств. Истец и его фракция в своем гневе не ограничились

необходимыми заявлениями, но вероломно заклеили как преступление многое из того, что носило невинный характер. Король Фридрих, любивший справедливость, и его министр Бернсторф.Ф. вынес приговор последователям Эйбешютца (3 июня 1752 г.). Совет Альтоны подвергся суровому порицанию за незаконное и жестокое обращение с Якобом Эмденом и был наказан штрафом в размере 100 талеров. Эмдену не только разрешили вернуться в Альтону, но и восстановили пользование его синагогой и типографией. Эйбешютц был лишен полномочий раввина гамбургской общины и ему было приказано снять с себя обвинения в отношении инкриминирующих амулетов и ответить на пятнадцать предложенных ему вопросов. Таким образом, события приняли для него неудачный оборот. Даже полное благих намерений письмо партизана, отправленное из Польши, показало, насколько отчаянным было его положение. Иезекииль Ландау (родился в 1720 году, умер в 1793 году) в молодости питал надежды на то, что он станет вторым Джонатаном Эйбешютцем в раввинской учености и проницательности. Его мнение как раввина Ямполья (Подолье) имело большой вес. Ландау с юношеской простотой и прямотой написал Эйбешютцу, что амулеты, которые он видел, были, безусловно, саббатскими и еретическими. Поэтому он не мог поверить, что их написал уважаемый и набожный раввин из Альтоны. По этой причине он был сторонником как осуждения амулетов, так и поддержки Джонатана Эйбешютца и объявления войны его противникам. Он умолял Эйбешютца осудить амулеты как еретические, а при удобном случае снять с себя обвинение в том, что он был автором клеветнических сочинений, полных недостойных выражений о Боге, и осудить их лист за листом. Это был серьезный удар со стороны друга. Поскольку Эйбешютц признал, что амулеты подлинные, и лишь софистически опроверг их ересь, теперь он был в бедственном положении. Последователь Эмдена, кроме того, опубликовал переписку и решения врагов Эйбешютца, которые клеймили его поведение, вместе с отчетом об амулетах и их истинном толковании ("Язык истины", напечатан в августе 1752 года). Эмден сам опубликовал историю лжемессии Саббата Цеви и последовавших за ним проводцев и мошенников, вплоть до Шайона и Луццатто, ярко описав ошибки и беспорядочные выходки саббатянцев для своего собственного поколения, которое было беспечно по отношению к историческим событиям и обладало лишь скудными, путанными знаниями по этому предмету. Таким образом, многим стало ясно, что саббатская ересь была направлена не на что иное, как на свержение Бога Израиля в пользу фантома и распад иудаизма посредством каббалистических химер. Но худшим, что выпало на долю Эйбешютца, было то, что сам Эмден беспрепятственно вернулся в Альтону и имел перспективу получить компенсацию за свои потери.

Опасность, в которой оказался Эйбешютц, быть разоблаченным как еретик в судах и перед глазами всего мира, побудила его к шагу, на который не решился бы раввин старого образца честного благочестия даже под угрозой смерти. Он связался с крещеным евреем-отступником, бывшим его учеником, чтобы получить от него помощь в своих трудностях. Мозес Герсон Коэн из Митау, который по материнской линии происходил от Хаима Виталья Калабрезе, в течение семи лет изучал Талмуд под руководством Эйбешютца в Праге, затем путешествовал по Востоку, а после возвращения в Европу был крещен в Вольфенбюттеле под именем Чарльз Антон. Он был назначен своим покровителем, герцогом Брауншвейгским, читателем на иврите в Хельмштедте. Впоследствии было доказано, что этот новообращенный стал христианином исключительно из корыстных побуждений.

К нему тайно обратился главный раввин "трех общин", чтобы побудить его сочинить оправдание или, скорее, панегирик его поведению. На первый взгляд, даже в наши дни очевидно, что

работа была написана "на заказ", и выяснилось, что Эйбешюц продиктовал ее Чарльзу Антону. Его превозносят как самого проникательного и честного еврея своего времени, как человека, сведущего в философии, истории и математике, и как жертву преследований. Джейкоб Эмден, с другой стороны, представлен как некомпетентный, наивный парень. Антон посвятил эту работу королю Дании и рассказал ему о деле предполагаемого невинного и преследуемого человека. Эта работа, с другим хитро выбранным средством, имела благоприятные результаты для Эйбешютца. Он прикрывался не только крещеным евреем, но и принцессой. Король Фридрих V женился в качестве своей второй жены на принцессе Брауншвейгской Марии Юлиане, а еврейский агент — сторонник Эйбешюца — вел дела при брауншвейгском дворе. Последний максимально использовал свое прямое и косвенное влияние на молодую датскую принцессу и сказал ей доброе слово от имени главного раввина, обвиняемого в ереси. С комментарием о том, что большинство раввинов, за исключением некоторых склонных к тяжбам, недоброжелательных личностей, встали на сторону Эйбесачютца — доказательство справедливости его дела — суд закрыл дело об амулетах. Королевский указ, запрещающий продолжение этой полемики, был зачитан вслух в синагоге Альтона (7 февраля 1753 года). По предложению правительства было вновь проведено голосование общества в отношении Эйбешютца, которое завершилось в его пользу. Затем он принес клятву верности королю, и его положение стало более уверенным, чем когда-либо. Его проникательность во второй раз одержала победу, но успех был лишь временным. Число его врагов существенно возросло даже в Альтоне из-за далеко зашедших разногласий, и мало-помалу мы лучше узнавали его характер. Его противники не позволили себе замолчать из-за произвольного решения короля, не предприняв дополнительных усилий; и раввинский триумvirат призвал их ходатайствовать о пересмотре дела о ереси против Эйбешютца и попытаться убедить короля, что утверждение о том, что большинство раввинов были его сторонниками, было полностью ложным, что, напротив, его поддерживали только его родственники и ученики. Трое раввинов и раввин Ганновера предъявили совету требование считать Эйбешютца отлученным от церкви и запретить ему выполнять какие-либо раввинские функции до тех пор, пока он не раскается в своей ереси и не пообещает исправиться. Враждебные статьи Эмдена и других авторов разжигали огонь разногласий; они были написаны яростным, безжалостным языком и были полны мелких сплетен. Чтобы утихомирить общественный гнев, совет Альтоны с большим трудом заставил Эйбешютца сделать обязательное для исполнения заявление о том, что он готов по собственной воле оправдаться перед беспристрастным раввинским арбитражным судом и подчиниться его решению (начало 1753 года). Это только разожгло раздор. Эйбешюц предложил в качестве своих судей двух раввинов из Лиссы и Глогау, людей малоизвестных, которые должны были увеличить их число на треть. Но противоположная сторона настаивала на том, чтобы в состав суда вошли Джошуа Фальк и его коллеги. Это разозлило Эйбешютца, который потерял спокойствие духа, которое сохранял до сих пор. В одно время он желал представить свое дело раввинам Константинополя, в другое - предложил созвать Синод Четырех польских стран в Ярославле в конце лета 1753 года. Он, по-видимому, вновь рассчитывал добиться благоприятного приговора от этого собрания многих раввинов и влиятельных людей. Полагаясь на это, он полагал, что сможет легко освободиться от навязанного ему соглашения о передаче дела в арбитраж. Говорят, что ему удалось добиться этого, предоставив суду информацию о том, что королевская прерогатива была нарушена предложенной апелляцией на решение суверена к решению раввинов. Таким образом, обе стороны были оштрафованы мировыми судьями. Это только усилило его врагов, и несколько его самых горячих сторонников, бывших членов общинного совета, отреклись от него и объявили не

только еретиком, но и интриганом. Эти оппоненты еще раз пожаловались королю на широко распространенные разногласия в общине, причиной которых он был. По их словам, они не могли добиться от него беспристрастного суждения в своих судебных процессах, потому что он позволял себе руководствоваться в своих решениях злобой и страстью. Любящий справедливость король уделил этим жалобам свое внимание. Он хотел прийти к определенному выводу относительно этого дела, был ли Эйбешютц архиеретиком, как утверждали его оппоненты, или преследуемым невинным, как он сам себя называл.

Имея это в виду, король приказал некоторым христианским профессорам и теологам, знающим иврит, высказать ему свое мнение относительно амулетов. Эйбешютц чувствовал себя неловко из-за того, какой оборот приняли дела; он опасался, что это может обернуться для него катастрофическими последствиями. Чтобы выставить себя в выгодном свете, он решился на курс, который до сих пор не решался избрать, — настроить общественное мнение в свою пользу через прессу. При тогдашнем положении вещей для него не было другого выхода, и поэтому он сочинил защиту — "Таблицы свидетельских показаний", завершённые Таммузом 18, конец июня 1755 года, первое произведение его пера. Как и следовало ожидать от человека его способностей, это умело разработано, и он выставляет свое дело в выгодном свете. Но Эйбешютцу не удалось убедить ни своих беспристрастных современников, ни последователей в своей невинности. Напротив, его оправдание и большая часть приведенных доказательств явно свидетельствуют о его вине. Эмден и его ученик Дэвид Ганс не преминули опубликовать опровержения, обратив внимание на слабые места и поставив под сомнение показания в пользу Эйбешютца.

Публикация профессора и пастора Дэвида Фредерика Мегерлина в начале 1756 года сделала новое отступление, очевидно, в пользу Эйбешютца, в отношении этого щекотливого вопроса. Этот сбивший с толку болтун и прозелитист, побужденный приказом датского короля высказать свое мнение по этому вопросу, вообразил, что нашел ключ к загадочным амулетам Эйбешютца, спорные символы, которые его оппоненты объясняли как относящиеся к Саббатаю Цеви, были не чем иным, как мистическим намеком на Иисуса Христа! Мегерлин утверждал, что главный раввин Альтоны и Гамбурга в глубине души был привязан к христианской вере, но не осмеливался открыто заявить об этом из страха перед евреями. Правда, сам он и его ученик Чарльз Антон объясняли эти амулеты совсем по-другому, не в христианском смысле; но последний не понял более глубокого смысла, и Эйбешютц сочинил свое оправдание только для польских евреев. В глубине души главный раввин был истинно верующим в христианство. Поэтому Мегерлин призвал короля Дании защитить Эйбешютца от преследований евреев, особенно от клеветы Якоба Эмдена, который ненавидел и преследовал христиан, как его отец преследовал Шайона, также тайного христианина. В своем безумии Мегерлин самым серьезным образом призывал Эйбешютца сбросить маску, уйти с поста раввина "трех общин" и позволить себе креститься. Он также обратился с циркулярным письмом к евреям, призывая их организовать общее собрание раввинов и открыто прославлять христианство. Если бы у Эйбешютца была хоть капля чести, он бы отказался, даже рискуя потерять расположение короля, от своей предполагаемой приверженности христианству. Но ему не потребовалось ни малейшего упрека, чтобы ответить на обвинение в лицемерии; он был доволен тем, что извлек из этого выгоду. Доводы Мегерлина, какими бы глупыми они ни были, убедили короля Фредерика. Он отменил отстранение от должности, которым угрожали Эйбешютцу, и постановил, что евреи

общины Альтона должны проявить к нему повиновение. Сенат Гамбурга также вновь признал его раввином немецкой общины. Эйбешютц ликовал, и его поклонники готовили для него торжественный триумф (Ханука — середина декабря 1756 года). Его ученики, одетые как настоящие раввины, с криками маршировали по улицам, пока не добрались до дома раввина, где устроили вечеринку с танцами. Шесть лет раздоров, которые возбудили все злые страсти среди евреев, от Лотарингии до Подолии и от Эльбы до По, закончились иногда танцем. Но в то же время Айбешютц потерпел поражение в другом направлении, что заклеило его в глазах тех, кто до сих пор благосклонно отзывался о нем и поддерживал его.

Факты категорически противоречили его утверждению, выдвинутому его рупором Чарльзом Антоном, что "саббатянцев больше не было". В этот самый момент они подняли свои змеиные головы и высунули языки, полные ядовитой ярости. Семя, которое Хаим Малах разбросал по Польше, никоим образом не было остановлено в росте анафемами раввинов. Они только вынудили саббатянцев лучше маскироваться и имитировать смерть; но они процветали тайно, и их последователей становилось все больше. В некоторых городах Подолии и Пакотии было полно талмудистов, которые в саббатянской манере насмеялись над Талмудом, отвергали законы иудаизма и, прикрываясь аскетической дисциплиной, вели нечистый образ жизни. Беспорядки, к которым привел спор относительно Эйбешютца в Польше, побудили польских саббатянцев выйти из своих укрытий и немного приподнять маски. Время казалось благоприятным для попытки отбросить одиозные религиозные обряды и открыто выступить в качестве антталмудистов. Им нужен был энергичный лидер, который собрал бы разрозненную группу, придав ей сплоченность и наметил линию действий. Этот лидер теперь представился, и с его появлением началось новое движение, которое повергло весь еврейский мир Польши в сильное волнение и отчаяние. Этим лидером был печально известный Якоб Франк.

Янкиев Лежбович (то есть Якоб, сын Леба) из Галиции был одним из худших, самых изощренных и лживых негодяев восемнадцатого века. Он мог обмануть самых проницательных и так искусно завуалировать свои махинации, что после его смерти многие все еще считали его замечательным человеком, который пронес через всю жизнь и унес с собой в могилу самые важные секреты. Он постиг искусство обмана еще в юности и хвастался, как обманул собственного отца. Молодым человеком он путешествовал по Турции на службе у еврейского дворянина, и в Салониках вступил в отношения с тамошними саббатянами или еврейскими мусульманами. Если он и не научился у них творить обманчивые и мистифицирующие чудеса, то, во всяком случае, научился безразличию ко всем формам религии. Он стал магометанином, как впоследствии католик, до тех пор, пока это служило его цели, и сменил религию, как человек меняет одежду. За время своего долгого пребывания в Турции он приобрел имя Фрэнк, или Френк. Невежественный в талмудической литературе, как он сам признавался, он был знаком с зоаристской каббалой, объяснял ее в соответствии со своими целями и получал особое удовольствие от доктрины метемпсихоза, в силу которой сменявшие друг друга мессии были не провидцами или самозванцами, а воплощением одной и той же мессианской души. Царь Давид, Илия, Иисус, Магомет, Саббатай Цеви и его подражатели, вплоть до Берахьи, были одной и той же личностью, принимавшей разные телесные формы. Почему бы ему самому не быть еще одним воплощением Мессии? Хотя Якоб Ф. ранк, или Лейбович, очень любил деньги, он считал их всего лишь рычагом для собственного возвышения; он хотел сыграть блестящую роль и окружить себя таинственным ореолом. Обстоятельства были исключительно благоприятны для него. Он женился в Никополе (Турция) на очень красивой жене, через которую привлёк последователей. Постепенно он собрал небольшое количество турецких и валашских евреев,

которые разделяли его свободные принципы и считали его высшим существом — последним воплощением Мессии. Однако он не смог осуществить свои коварные планы в Турции, где его преследовали.

Франк, по-видимому, получил информацию о расколе в Польше, вызванном спором вокруг Эйбешюца, и подумал, что он мог бы использовать благоприятный момент, чтобы собрать вокруг себя саббатианцев Подолии и сыграть свою роль среди них и с их помощью. Он внезапно появился среди них, посетив многие города Подолии и округа Лемберг, где проживали тайные саббатианцы, с которыми он, возможно, поддерживал связь ранее. Они упали, так сказать, в его объятия. Фрэнку нужны были последователи, и они искали лидера. Теперь они нашли того, кто пришел к ним с полным кошельком, на содержимое которого он не жалел. В мгновение ока он завоевал саббатианцев Подолии. Фрэнк дисклосовал себя им как преемник Саббатаи, или, что было то же самое, как новорожденная душа саббатианского вождя Берахьи. Что означало это проявление, было известно посвященным. Под этим они понимали кощунственную и в то же время абсурдную теорию о некоей Троице, состоящей из Святого и Древнейшего, Святого Царя, и женского лица в Божестве. Франк, как и его предшественники, придавал первостепенное значение Святому королю, одновременно Мессии и воплощенному Богу, обладавшему всей властью на земле и на небесах. Фрэнк приказал своим последователям обращаться к нему как к Святому Господу. В силу своего участия в Божестве Мессия был способен творить все, даже чудеса, и Фрэнк действительно творил чудеса, как утверждали его последователи.

Последователи, которых он привел со своей свитой и которых собрал вокруг себя в Польше, так сильно верили в его божественную природу, что обращались к нему с мистическими молитвами на языке Зоар, с теми же формулами, с которыми Донма из Салоники обычно обращались к Джейкобу Кверидо и Берахье. Короче говоря, Франк сформировал секту из саббатианцев Подолии, названную его именем "франкисты". Их основатель учил своих учеников приобретать богатство для себя, даже мошенническими и бесчестными средствами. Обман был не более чем искусной выдумкой. Их главной задачей было подорвать раввинский иудаизм, выступить против Талмуда и уничтожить его. За эту задачу они взялись со страстью, которая, возможно, была обязана своим происхождением ограничениям, наложенным на них из-за страха преследований. Франкисты противопоставляли "Зоар" Талмуду, а Симона бар Йохая, его предполагаемого автора, другим авторитетам Талмуда, как будто в прежние времена первые боролись со вторыми и обвиняли их в том, что они являются сторонниками иудаизма. Говорили, что истинное учение Моисея содержится только в книге Зоар, которая объявляла весь раввинский иудаизм находящимся на более низком уровне — факт, который бестолковые каббалисты так долго упускали из виду. Франкисты, более дальновидные, раскрыли полускрытую тайну "Зоара". Они справедливо называли себя антиталмудистами, а также зоаритами. С некоторой детской холодностью они делали именно то, что строго запрещал раввинский иудаизм, и пренебрегали тем, что последний предписывал не только в вопросах ритуала, но также в отношении брака и законов целомудрия. Среди этих франкистов-антиталмудистов были раввины и так называемые проповедники (даршаним, маггидим), Иегуда Леб Криса, раввин из Надворны, и раввин Нахман бен Самуэль Леви из Буска. Особой репутацией среди польских саббатианцев пользовался Элиша Шор из Рогатина, пожилой человек, происходивший из рода выдающихся польских раввинов. Он, его сыновья, его дочь Хая (которая знала Зоар наизусть и считалась пророчицей), его внук и зятья с раннего периода были убежденными саббатианцами, которым доставляло истинное удовольствие высмеивать раввинские предписания.

В течение первых месяцев после своего возвращения в Польшу Франк проводил секретные совещания сантиталмудистами Подолии, поскольку публичная демонстрация была сопряжена с опасностью. Однажды он примерно с двадцатью своими последователями был застигнут врасплох в Ласкоруне на собрании. Франкисты заявили, что они пели псалмы на языке Зоар, в то время как их противники утверждали, что они исполняли непристойный танец вокруг полуобнаженной женщины и целовали ее. Многие собрались у гостиницы, чтобы силой прорваться внутрь; другие побежали в полицию, чтобы сообщить, что турок пробрался в Подолию, чтобы обратить евреев в магометанскую религию и заставить их эмигрировать в Турцию, и что те, кто присоединился к нему, вели адамитский, то есть распутный, образ жизни. Полиция немедленно вмешалась, взломала забаррикадированные двери и изгнала франкистов. На следующий день Франка уволили как иностранца и отправили на соседнюю турецкую территорию; а подольских франкистов оставили под стражей. Инцидент произвел сенсацию и, возможно, был намеренно преувеличен. Подобно лесному пожару, распространились новости о саббатанцах. Можно себе представить, что означало это пренебрежение раввинским иудаизмом в те дни, особенно в Польше, где усердно соблюдались самые незначительные религиозные обряды. Теперь было обнаружено, что среди исключительного благочестия, которое характеризовало поляков, ряд людей, воспитанных на знании Талмуда, насмеялись над всей системой раввинского иудаизма. Раввины и старейшины немедленно начали применять обычное оружие отлучения от церкви и преследования нарушителей, и тайные еретики были выслежены. Привлеченные крупными суммами, польские власти энергично поддерживали преследователей. Те, кто находился в бедственном положении, проявляли признаки раскаяния и публично признавались в своих проступках, которые, будь они точными или преувеличенными, представляют собой печальную картину ухудшения положения польских евреев. Перед советом раввинов в Сатанове, на открытом судебном заседании, несколько мужчин и женщин заявили, что они и их друзья не только с неприязнью относились к обрядам иудаизма, но и предались блуду, прелюбодеянию, кровосмешению и другим беззакониям, и делали это в соответствии с каббалистическими мистическими учениями. Кающиеся заявили, что Фрэнк научил своих последователей насмеяться над целомудрием.

В результате этого свидетельства в Броди был вынесен торжественный приговор об отлучении от церкви, во время чтения которого гасились свечи, против франкистов: никто не мог вступать с ними в браки, с их сыновьями и дочерьми следовало обращаться как с незаконнорожденными, и никто, кого можно было даже заподозрить, не мог быть допущен к должности раввина, к любой религиозной должности или к профессии учителя. Каждый был обязан разоблачить тайных саббатанцев. Это отлучение от церкви было повторено в нескольких общинах и окончательно утверждено большим синодом в Константинове на еврейский Новый год (сентябрь 1756 года). Документ был напечатан, распространен и предписан для ежемесячного чтения вслух в синагогах для соблюдения ритуалов. Это предложение об отлучении от церкви содержало один пункт, имеющий огромное значение. Никому моложе тридцати лет не должно было быть разрешено изучать каббалу. Необходимость, наконец, открыла раввинам глаза на существование нечистого источника, который со времен Лурьи отравлял сок дерева иудаизма. Более четырех столетий прошло с тех пор, как философские изыскания были запрещены, а молодая каббала поощрялась. В своей слепоте раввины вообразили, что укрепляют иудаизм, возводя безумие на трон мудрости. Этот курс породил ту книгу лжи, Зоар, которая нагло поставила себя выше Священных Писаний и Талмуда. Наконец, иллюзии Каббалы объявили

раввинскому иудаизму войну не на жизнь, а на смерть. Таковы были плоды слепоты. Члены Константиновского синода в своем недоумении обратились к Якобу Эмдену, который после своего спора с Эйбешютцем считался представителем здоровой ортодоксии. Он тоже наслаждался триумфом, хотя и совершенно иного рода, чем тот, который в то же время праздновал его тагонист в окружении своих шумных поклонников. Польские евреи, наконец, начали осознавать, что светские знания и развитое красноречие, в конце концов, не так уж и нежелательны, поскольку они могут оказать помощь иудаизму. Они желали, чтобы в Польшу приехал культурный португалец, наделенный знаниями и красноречием, который представлял бы их интересы перед польской магистратурой и духовенством, чтобы подавить опасную франкистскую секту.

Якоб Эмден, глубокотронутый отчаянным призывом своих польских братьев, пришел к выводу, имеющему огромное значение для грядущих эпох. Саббатианцы всех мастей апеллировали к Зоару как к священному авторитету, как к Библии нового откровения, оправдывая все свои богохульства и непристойности цитатами из него. Что, если "Зоар" окажется не подлинным, а лишь предполагаемым произведением? Именно к такому выводу пришел Эмден. Отвратительные инциденты в Польше впервые навели его на мысль о проведении расследования, и ему стало ясно, что по крайней мере часть "Зоара" была произведением самозванца.

На вопрос, было бы законно преследовать франкистов, Якоб Эмден решительно ответил утвердительно. Согласно отчетам, полученным из Польши, он считал их бесстыдными нарушителями самых священных законов приличия и целомудрия, превращающими порок в добродетель посредством мистического жонглерства. Однако от него не требовалось никаких уговоров; когда преследование в Польше стало необходимым, в желании его осуществить никогда не было недостатка. Франкисты были объявлены магистратурой и духовенством новой сектой и переданы католической инквизиции, а епископ каменецкий Николас Дембовский, в епархии которого они были задержаны, не возражал против возведения кола. Фрэнк был достаточно хитер, чтобы отвести от своих последователей направленный на них удар и направить его против их врагов. Из Чоцима, где после недолгого заключения он обосновался в безопасности, он посоветовал им подчеркнуть два момента в свою защиту: что они верят в Троицу и что они отвергают Талмуд как сборник, полный ошибок и богохульства. Его совет столкнулся с оппозицией, он тайно собрал нескольких своих последователей в маленьком городке в Польше и повторил свой совет, добавив, что двадцать или тридцать из них должны как можно скорее креститься, чтобы придать больший вес их утверждениям о том, что они признают Троицу и отвергают Талмуд. Для Фрэнка смена религии была сущим пустяком. Еврей-талмудисты этого района, услышав о тайном совещании Франка со своими сообщниками, собрали банду, напали на них и, грубо используя, поместили в тюрьму. Это спровоцировало антиталмудистов на месть. Они, действительно, не хотели креститься, но они заявили перед трибуналом епископа Дембовского, что они *почти* христиане, что они верят в Божественную Троицу, что остальные евреи, которые отвергли это учение, не придерживались истинной веры и преследовали их из-за их превосходства. Чтобы сделать очевидным свой разрыв с иудаизмом или отомстить самым кровавым образом, они выдвинули ложные обвинения, а именно, что верующие в Талмуд используют кровь христиан и что Талмуд проповедует убийство христиан как священный долг. Не было никаких трудностей с фабрикацией доказательств в пользу обвинения. Необходимо было только, чтобы пропал какой-нибудь христианский ребенок. Нечто подобное, должно быть, произошло в Ямполье на Подолии

(апрель 1756 г.), и сразу же самые уважаемые евреи города были закованы в цепи, а другим общинам угрожали. Епископ Дембовский и его капитул, радуясь своей удаче, всячески поддерживали франкистов в обмен на их ложные показания, освободили их из тюрьмы, защитили их от преследований, позволили им поселиться в Каменецкой епархии, позволили им жить так, как им заблагорассудится, и были рады усилить их ненависть к евреям-талмудистам. Епископ льстил себя надеждой, что через франкистов, среди которых было несколько раввинов, он сможет обратить многих польских евреев в католицизм. Новая секта перешла в состояние, в котором преследуемый становится преследователем.

Чтобы довести своих противников до отчаяния, франкисты (1757) обратились к епископу Дембовскому с просьбой устроить диспут между ними и талмудистами и обязались доказать как учение о Троице, так и вредоносную природу Талмуда на основе Священных Писаний и Зоара. На это епископ охотно согласился. Один из франкских раввинов — возможно, старый Элиша Шор из Рогатина — составил "исповедание веры", которое, почти не имеющее себе равных по смелости и лживости, настолько искусно объясняет саббатанско-каббалистические доктрины, что заставило епископа предположить, что они находятся в согласии с католической верой, и загнало их противников в угол. Франкистское исповедание веры содержит девять статей. Религия, открытая Богом человеку, содержит так много глубоких тайн, что ее необходимо тщательно исследовать и постичь; однако без высшего вдохновения ее невозможно понять. Одна из этих тайн состоит в том, что Божество состоит из трех Личностей, равных друг другу, являющихся одновременно Троицей и Единством. Другая тайна заключается в том, что Божество принимает человеческий облик, чтобы проявлять себя зримо для всех людей. Через посредничество этих воплощенных божеств человечество искупается и спасается, а не через Мессию, который, как ожидается, соберет евреев и поведет их обратно в Иерусалим. Последнее является ложным убеждением: Иерусалим и Храм никогда не будут восстановлены. Талмуд, действительно, истолковывает богооткровенную веру иначе; но его толкование пагубно и привело его приверженцев к заблуждению и неверию. Талмуд содержит самые отвратительные утверждения; например, что евреям позволено, более того, они обязаны обманывать и убивать христиан. Зоар, который диаметрально противоположен Талмуду, предлагает единственно верное толкование Священных Писаний. Все эти абсурдные утверждения, франкистское исповедание веры, подкрепленное отрывками из Библии и Зоара; и чтобы очернить Талмуд, отрывки из него были намеренно искажены. Символ веры был напечатан и издан на иврите и польском языке. Представители польской общины — Синод Четырех стран — в своем отчаянном положении с болью осознавали, что среди них преобладает недостаток образования. Они не смогли найти ни одного человека, который мог бы разоблачить обман франкистов и пустоту их вероучения хорошо выверенным или хотя бы сносным языком. Гордые руководители Синода вели себя в своей тревоге как дети. Они беспомощно строили экстравагантные планы, хотели обратиться к папе римскому и побудить португальцев в Амстердаме и Риме защитить их от происков своих мстительных врагов.

Епископ Дембовский согласился с предложением франкистов и отдал приказ, чтобы талмудисты послали депутатов на диспут в Каменец, в противном случае он накажет их и сожжет Талмуд как книгу, враждебную христианству. Напрасно польские евреи ссылались на свои древние привилегии, прикрывались спинами знати и тратили большие суммы денег. Они были обязаны подготовиться к диспуту и отчитаться перед врагами, которых они так сильно презирали. Пришли всего несколько раввинов. Какие могут представители Талмуда, с их глубочайшее невежество и остановить выступление, эффект против дерзких доносы

франкистов, особенно как они также признали "Зоар" как в священной книге, и это, как вопрос о сути, формулирует учение о некоей Троицы! О том, что произошло на диспуте в Каменце, так и не стало известно. Талмудисты считались побежденными и опровергнутыми. Епископ Дембовский публично заявил (14 октября 1757 г.), что, поскольку антиталмудисты изложили в письменной форме и доказали главные пункты своего исповедания веры, им повсюду разрешалось вести диспуты с талмудистами. Экземпляры Талмуда было приказано конфисковать, доставить в Каменец и там публично сжечь палачом. Дембовскому было позволено произвольно отдавать предпочтение одной партии и осуждать другую. Король Польши и его министр граф Брюль почти не беспокоились о внутренних делах, еще меньше - о евреях. Следовательно, Дембовскому, который примерно в то же время был назначен архиепископом Лемберга, было разрешено с помощью духовенства, полиции и франкистов разыскивать экземпляры Талмуда и других раввинских писаний в городах своего епископства, собирать их в Каменце и таскать по улицам в насмешку. Пощадили только Библию и Зоар, поскольку во времена гонений на Талмуд при папах Юлии IV и Пии V. Почти тысяча экземпляров Талмуда были брошены в огромную яму в Каменце и сожжены палачом. Талмудистам ничего не оставалось, как стенать, рыдать и объявить строгий постный день из-за "сожжения Торы". Именно каббала зажгла факелы для погребального костра Талмуда. Духовенство совместно с антиталмудистами ежедневно посещало еврейские дома с целью конфискации экземпляров Талмуда.

Чтобы освободить себя и всех других евреев от часто повторяемого и столь же часто опровергаемого обвинения в детоубийстве, которое подтвердили презренные франкисты, еврейские талмудисты послали Элиакима Селига (Селека) к Бенедикту XIV, чтобы добиться официального разоблачения ложности обвинения, выдвинутого против евреев. Решимость и настойчивость Элиакима привели к вынесению этого авторитетного оправдательного приговора в Риме в конце 1757 года.

Внезапно епископ Дембовский скончался (17 ноября 1757 г.) насильственной смертью, и это привело к новому развитию полемики. Преследование талмудистов немедленно прекратилось, и с этого времени франкисты подвергались преследованиям, были заключены в тюрьмы и объявлены вне закона. Их бороды были сбриты в знак позора, чтобы их было легко узнать. Большинство, будучи больше не в состоянии содержать себя в Каменце, бежали в соседнюю Бессарабскую губернию. Но еще больше их беспокоила турецкая юрисдикция. Их преследователи сообщили еврейской общине о прибытии антиталмудистов в их район и об их вреде иудаизму, и первым нужно было только уведомить пашу и кади, что эти предполагаемые польские евреи не находятся под защитой Хачам Баши (главного раввина) Константинополя, чтобы пригласить турок напасть на новоприбывших и безжалостно грабить и жестоко обращаться с ними. В отчаянии франкисты беспокойно бродили по пограничным землям Подолии и Бессарабии. Наконец они обратились к королю Польши и умоляли его подтвердить привилегию терпеть их богослужение, предоставленную им епископом Дембовским. Август III, слабый и мученик семилетней войны, вслед за этим издал указ (11 июля 1758 г.), разрешающий франкистам беспрепятственно возвращаться в свои дома и проживать в Польше, где им заблагорассудится. Указ не был приведен в исполнение с достаточной энергией, и франкисты продолжали подвергаться преследованиям со стороны своих противников, которым помогала знать. В беде некоторые из них были отправлены умолять Фрэнка, который так долго оставлял их, помочь им своим советом. Делая вид, что возражает, он охотно подчинился их призыву и снова отправился в Подолию (январь 1759 г.).

С его появлением старое пламя интриг возобновилось. С того времени Фрэнк был жизнью и душой своих последователей, и без его приказов они ничего не предпринимали. Он ясно видел, что лицемерие простого заявления о том, что анти-талмудисты верили в Троицу, не должно быть повторено, но что они должны пойти на большую уступку христианству. По его совету шестеро франкистов, в большинстве иностранцы, отправились к Вратеславу Любенскому, архиепископу Лембергскому, с заявлением (20 февраля 1759 г.) "от имени всей своей церкви", что все они готовы, при определенных условиях, принять крещение. В своей петиции они использовали фразы, отдающие католицизмом, и дышали местью своим бывшим единоверцам. Лубенский напечатал это прошение зоритов в order, с одной стороны, чтобы провозгласить победу Церкви, с другой - чтобы заставить членов этой секты сдерживать слово; но он ничего не сделал для них. Хотя на своем католическом и каббалистическом языке они заявляли, что томятся по крещению, "как олень по ручьям", они ни в малейшей степени не помышляли о немедленном формальном присоединении к христианству. Фрэнк, их лидер, за которым они слепо следовали, считал, что время для этой крайней меры еще не пришло. Он приберег это для того, чтобы вымогать выгодные условия, которые были воплощены в обращении, представленном королю и архиепископу Любенскому (16 мая 1759 г.) двумя депутатами. Они особенно настаивали на диспуте со своими оппонентами, приводя в качестве причины то, что они хотели показать миру, что их привели к принятию христианства не необходимость и бедность, а убеждение. Более того, они хотели дать возможность своим тайным сообщникам публично признать себя верующими в христианство, что они безошибочно и сделали бы, если бы их правое дело восторжествовало в публичных спорах. В конце концов, они надеялись таким образом открыть ослепленные глаза своим противникам. На это хитроумно составленное прошение, дышащее злобой против их врагов, король ничего не ответил, в то время как Лубенский ответил уклончиво, что он может пообещать им вечное спасение только в том случае, если они позволят себе креститься; остальное последует само собой. Он не проявлял никакого рвения к обращению этих оборванцев, которых считал лицемерами. Папский нунций в Варшаве Николас Серра не одобрял идею обращения анти-талмудистов.

Однако положение дел изменилось, когда Лубенский удалился в Гнесен, свою архиепископскую резиденцию, а администратор архиепископства Лемберг, каноник Де Микульски, проявил больше рвения к обращению. Он немедленно пообещал франкистам организовать религиозную конференцию между ними и талмудистами, если они проявят искреннее желание креститься. По этому поводу епископы утии Леб Крыса и Соломон Рогатинские от имени всего общества сделали католическое исповедание веры (25 мая), которое отдавало каббалистикой: "крест - это символ Святой Троицы и печать Мессии". Оно заканчивалось такими словами: "Тамудисты учат использовать кровь христиан, и всякий, кто верит в нее, обязан использовать эту кровь". Вслед за этим Микульский, не посоветовавшись с папским нунцием Серрой, договорился о повторном диспуте в Лемберге (июнь 1759 г.). Раввины этой епархии были вызваны к явке под страхом крупного штрафа, а дворянству и духовенству было предложено в случае необходимости принудить их. Нунций Серра, на которого жаловались талмудисты, был в высшей степени недоволен идеей казни, но не позаботился предотвратить ее, потому что хотел с уверенностью узнать, использовали ли евреи кровь христиан. Это показалось ему самым важным моментом из всех. Как раз в это время папа Климент XIII дал благоприятный ответ на этот вопрос еврейскому депутату Селеку. Климент XIII провозгласил, что Святой Престол изучил основания, на которых зиждется вера в использование человеческой крови для празднования Пасхи и убийства христиан евреями, и

что евреи не должны быть осуждены как преступники по этому обвинению, но что в случае таких случаев должны использоваться законные формы доказательства. Несмотря на это, папский посланник в то самое время, обманутый подлостью франкистов, частично поверил ложному обвинению и уведомил об этом Курию.

Религиозная конференция, которая должна была привести к обращению стольких евреев, поначалу воспринимавшаяся с безразличием, начала пробуждать интерес. Польская знать обоего пола приобретала входные билеты по высокой цене, вырученные средства шли бедным людям, которые должны были креститься. В назначенный день талмудисты и зоариты были приведены в кафедральный собор Лемберга; все духовенство, знать и бюргеры столпились там, чтобы увидеть зрелище евреев, по-видимому, принадлежащих к одной религии, бросающих друг другу обвинения в самых отвратительных преступлениях. На самом деле это были Талмуд и Каббала, некогда тесно связанная пара сестер, которые поссорились друг с другом. Спор с треском провалился. Из франкистов, которые хвастливо заявили, что в мероприятии примут участие несколько сотен человек из их партии, явилось только около десяти, остальные были слишком бедны, чтобы предпринять долгое путешествие и прилично одеться. Из талмудистов присутствовали сорок человек из-за их страха перед грозящим штрафом. Насколько иудаизм отступил в век "просвещения" по сравнению с тринадцатым веком! В то время, по аналогичному случаю, представитель евреев Моисей Нахмани гордо выступил перед своими противниками при дворе Барселоны и почти заставил их содрогнуться от своих знаний и твердости. В Лемберге представители талмудического иудаизма стояли неловкие и сбитые с толку, не в силах вымолвить ни слова. Они даже не понимали языка страны — их оппоненты, конечно, были в таком же положении, — и пришлось нанять переводчиков. Но католическое духовенство Польши и образованные классы также демонстрировали свое поразительное невежество. Ни один поляк не понимал иврит или язык раввинов в достаточной степени, чтобы быть беспристрастным свидетелем спора, в то время как в Германии и Голландии христиан, знающих иврит, можно было насчитать сотнями. Талмудистам выпала трудная роль на этой религиозной конференции. Главный тезис франкистов состоял в том, что Зоар учит доктрине Троицы и что одна Личность Божества воплотилась. Могли ли они осмелиться полностью отрицать эту догму, не оскорбляя чувств христиан, своих хозяев? И то, что склонность к этой доктрине не могла быть обнаружена в "Зоаре", они не могли отрицать. Конечно, они могли бы полностью опровергнуть ложное обвинение в использовании крови христианских детей и в кровожадной природе Талмуда, или могли бы сослаться на свидетельства христиан и даже на решения пап. Однако они ничего не знали об истории своих собственных страданий, и их невежество отомстило им. Легко поверить, что представители Талмуда после трехдневной конференции вернулись домой пристыженные и смущенные. Еван обвинение в пролитии христианской крови продолжало цепляться за их религию.

Зоаритов, которые добились своего, духовенство теперь настоятельно призывало выполнить свое обещание и позволить им креститься. Но они продолжали сопротивляться, как будто это стоило им больших усилий, и сдались только по прямому приказу своего начальника Фрэнка и в его присутствии. Последний появился с большой помпой, в великолепных турецких одеждах, с упряжкой из шести лошадей и в окружении охраны в турецких одеждах. Он хотел произвести впечатление на поляков. Его сильная воля руководила франкистами, и они беспрекословно подчинялись ей. По этому случаю были крещены несколько тысяч зоаритов. Франк не захотел креститься в Лемберге, но внезапно появился с ослепительной магической выдумкой в Варшаве (октябрь 1759 г.), возбудил любопытство польской столицы и попросил короля сделать его

крестным отцом. Газеты польской столицы были полны сообщений о ежедневных крещениях стольких евреев и обименах знатных вельмож и дам, которые были их крестными родителями. Но Церковь не могла радоваться своей победе. Духовенство с подозрением наблюдало за Фрэнком. Они не доверяли ему и подозревали в нем мошенника, который под маской христианина, как раньше под маской ислама, желал играть роль лидера секты. Чем больше Фрэнк повторял требование о выделении ему особого участка страны, тем больше он вызывал подозрение, что преследует эгоистичные цели и что крещением было всего лишь средством для достижения цели. Евреи Талмуда не пренебрегали ничем, чтобы представить доказательства его обмана. В конце концов он был разоблачен и предан некоторыми из своих польских последователей, которые были разгневаны тем, что их игнорировали иностранные франкисты, и показали, что для него вера в христианство была всего лишь фарсом, и что он приказал своим последователям обращаться к нему как к Мессии, Воплощенному Богу и Святому Господу. Он был арестован и допрошен президентом польской инквизиции как самозванец и богохульник. Показания свидетелей ясно раскрыли его махинации, и он был доставлен в крепость Ченстохов и заключен в монастырь (март 1760 г.). Только тот факт, что король был его крестным отцом, спас Фрэнка от сожжения на костре как еретика и отступника. Его главные последователи также были арестованы и брошены в тюрьму. Рядовые были частично приговорены к работам на укреплениях Ченстохова, а частично объявлены вне закона. Многие франкисты были вынуждены просить милостыню у дверей церкви, и к нимпольское население относилось с презрением. Однако они оставались верны своему Мессии или Святому Господу. Все неблагоприятные события они объясняли каббалистическим образом: они были предопределены Богом. Монастырь в Ченстохове они называли мистически, "врата Рима". Внешне они придерживались католической религии и приобщались ко всем таинствам, но общались только друг с другом и, подобно своим турецким товарищам, донмахам, вступали в браки только друг с другом. Семьи, произошедшие от них в Польше, Воловские, Дембовские, Дзальские, и по сей день известны как Френки или Шабсы. Франк был освобожден русскими после тринадцати лет заключения в крепости, более двадцати лет играл роль самозванца в других местах - здесь, в Вене, Брюнне и, наконец, в Оффенбахе; выставял свою прекрасную дочь Еву воплощенным Божеством и обманывал мир до конца своей жизни и даже после своей смерти; но к этой части его карьеры еврейская история не имеет никакого отношения.

Во всех этих катастрофических событиях в какой-то мере был виноват Джонатан Айбешютц. Франкисты считали его, великого Гаона, одним из своих, и он ничего не сделал, чтобы снять с себя клеймо этого подозрения. Его умоляли помочь польским евреям, проявить свое влияние в опровержении обвинения в использовании христианской крови. Он хранил молчание, как будто боялся спровоцировать франкистов против себя. Некоторые из его последователей, которые горячо поддерживали его, начали ему не доверять, среди них Иезекииль Ландау, в то время главный раввин Праги. Якоб Эмден одержал победу, он мог обрушить на него бич своего презрения; и он преследовал его даже за гробом как самое покинутое существо, которое когда-либо позорило иудаизм. Раввинат поставил себя к позорному столбу и подорвал свой собственный авторитет. Но тем самым она разрыхлила почву, из которой могло прорасти лучшее семя.

Пока Эйбешютц и его оппоненты ссорились из-за амулетов и саббатанской ереси, а Якоб Франк Лейбович продолжал свои зоаристские махинации, Мендельсон и Лессинг укрепляли лигу дружбы, Португалия тушила погребальные костры по маррано, а в Англии вопрос об эмансипации евреев серьезно обсуждался в парламенте.

ГЛАВА VIII. ЭПОХА МЕНДЕЛЬСОНА.

Возрождение еврейской расы—Моисей Мендельсон—Его юность—Улучшение стиля иврита—Лессинг и Мендельсон—Сочинения Мендельсона—Спор Бонне-Лафатера—Кельбеле—Вопрос захоронения—Реймарус—Анонимная публикация его работы—"Натан Мудрый" Лессинга—Мендельсон в "Натане"—Пятикнижие Мендельсона—Оппозиция ему—"Берлинская религия"—Монтескье—Вольтер—Португальские марраны в Бордо—Исаак Пинто — Его защита Португезских евреев—Дом и Мендельсон—Иосиф II Австрийский—Михаэлис—"Иерусалим" Мендельсона—Вессели: его Циркулярное письмо —Смерть Мендельсона.

1750-1786 гг. н. э.

Может ли "нация родиться сразу— - или народ может быть возрожден? Если с таким трудом сконструированная организация нации утратила жизнеспособность, если узы, соединяющие отдельные части, ослабли, и начался внутренний распад, отсутствует даже деспотическая воля, которая удерживает членов в механическом союзе; короче говоря, если смерть постигает общество в его корпоративном состоянии, и оно погребено, может ли оно быть реанимировано и претерпеть возрождение? Эта участь постигла многие народы древности и современности. Но если в таком народе должно произойти новое рождение, *то есть* воскрешение из мертвых кажущееся разложение, и если это должно произойти в расе, давно вышедшей из юношеского расцвета, история которой насчитывает тысячи лет, — тогда такое чудо заслуживает самого внимательного рассмотрения со стороны каждого человека, который не упускает из виду, что в нем чудесного.

Еврейская раса демонстрировала чудесные явления не только в древние времена, в эпоху чудес, но и в эту обыденную эпоху. Сообщество, которое было объектом насмешек не только для злобных и невежественных, но едва ли не в большей степени для доброжелательных и культурных людей; презренное в своих собственных глазах; достойное восхищения только благодаря своим домашним добродетелям и древним воспоминаниям, однако и то, и другое изуродовано до неузнаваемости тривиальными обрядами; бичевавшее себя горькой иронией; о котором представитель активного члена мог справедливо заметить: "Моя нация настолько отделилась от культуры, что возможность улучшения сомнительна" — это сообщество, тем не менее, восстало из праха! Оно с поразительной быстротой возродилось из своего омерзения, как будто некая опора воззвала к нему: "Отряхнись от праха; встань ... освободись от оков на твоей шее, о плененная дочь Сиона!" И кто вызвал это пробуждение? Один человек, Мозес Мендельсон, которого можно считать воплощением своей расы — низкорослый нам, неуклюжий, робкий, заикающийся, уродливый и отталкивающий внешне. Но в этом расовом уродстве дышал вдумчивый дух, который, только будучи введен в заблуждение, преследовал химеры и терял самоуважение, только будучи объявлен вне закона. Как только оно поняло, что является выразителем истины, оно отбросило свои визионерские фантазии, его дух преобразил тело и выпрямил согбенную фигуру, ненавистные черты исчезли, а презрительное прозвище "еврей" превратилось почти в почетный титул.

Это омоложение или ренессанс еврейской расы, который можно без колебаний приписать Мендельсону, заслуживает внимания, поскольку автор этого великого произведения не намеревался и не подозревал об этом; фактически, как уже отмечалось, он почти сомневался в способности своих братьев к омоложению. Он добился этого совершенно непреднамеренного великолепного результата не благодаря своей профессии или общественному положению. Он не был проповедником в пустыне, который призывал заблудших сынов Израиля изменить свое мнение; всю свою жизнь он уклонялся от прямого воздействия. Даже когда его искали, он избегал любого руководства, часто повторяя, что он никоим образом не подходит для этой должности. Мендельсон сыграл важную роль, сам того не зная и не желая: невольно он пробудил дремлющий гений еврейской расы, которому требовался только импульс, чтобы освободиться от своего стесненного положения и развиваться. История его жизни интересна, потому что она олицетворяет историю евреев в нынешние времена, когда они поднялись от низости и презрения к величию и самосознанию.

Моисей Мендельсон (родился в Дессау в августе 1728 года, умер в Берлине 4 января 1786 года) был таким же незначительным и жалким существом, как почти все бедные еврейские дети. В то время даже младенцы, казалось, имели подобострастный вид. Для сообразительных мальчиков не было периода юности; они рано начинали дрожать от ледяного дыхания грубой жизни. Таким образом, они преждевременно пробудились к размышлениям и были вознаграждены за свою борьбу с неприятной реальностью. Однажды Мендельсон, слабый, изуродованный юноша четырнадцати лет от роду, постучал в дверь одной из берлинских застав. Еврейский сторож, что-то вроде полицейского, ужас евреев-иммигрантов, которому было приказано отказывать в приеме тем, у кого нет средств к существованию, резко обратился к бледному мальчику-калеке, добивающемуся приема. К счастью, ему удалось, застенчиво заикаясь, пробормотать, что он хотел бы записаться в ученики нового раввина из Берлина по талмуду. Это была своего рода рекомендация, позволившая ему обойтись без полного кошелька. Мендельсона впустили, и он направился к дому раввина Давида Френкеля, своего земляка и учителя, которого незадолго до этого вызвали из Дессау в раввинат Берлина.

Он проявил интерес к застенчивому юноше, позволил ему посещать свои раввинские лекции, обеспечивал его содержание и нанял его переписывать свой Комментарий к Иерусалимскому Талмуду, потому что Мендельсон унаследовал красивый почерк как единственное наследство от своего отца, составителя свитков Закона. Даже если Мендельсон не научился у Френкеля ничему, кроме Талмуда, все же последний оказал благоприятное влияние на ум своего ученика, потому что его метод, применявшийся на девственной почве, Иерусалимском Талмуде, не был таким искаженным, ошеломляющим и извращенным, как у большинства толкователей Талмуда, которые делали кривое прямым, а прямое кривым. Врожденная честность Мендельсона и стремление к истине не были подавлены или воспрепятствованы его первым учителем, и это имело большое значение.

Как и большинство учеников Талмуда (бахурим), Мендельсон вел жизнь в бедности, которую Талмуд в определенной степени предусматривает для изучения:—

"Ешь хлеб с солью, пей воду мерой, спи на твердой земле, живи в лишениях и занимайся Законом".

Его идеалом в то время было совершенствоваться в знании Талмуда. Случайно ли в Берлине было посажено семя, которому суждено дать такие пышные плоды? Или результат был бы таким

же, если бы он остался с Френкелем в Дессау или если бы последнего вызвали в Хальберштадт, или Фюрт, или Мец, или Франкфурт? Это в высшей степени невероятно. Какой бы уединенной ни была жизнь Мендельсона, все же свежий ветерок дул из столицы Пруссии в узкие покои его раввинских занятий. С восшествием на престол Фридриха Великого, который помимо войны поклонялся музам (хотя и во французском наряде), литературный дилетантство, французские обычаи и презрение к религии стали входить в моду среди берлинских евреев. Хотя их положение при Фридрихе было ограниченным, все же, поскольку некоторые из них разбогатели, новый дух не обошел их стороной, не оставив впечатления, каким бы неадекватным и поверхностным оно ни было. Начало проявляться стремление к культуре, духу новаторства и подражания христианским обычаям. Влечение к культуре, дух новаторства и подражание христианским обычаям.

Поляк впервые познакомил Мендельсона с философскими работами Маймуни, которые для него и через него самого стали "Руководством для сбивших с толку". Память о великом еврейском мыслителе, прах которого более пятисот лет пролежал в Палестине, снизошла на молодого Мендельсона, вдохновила его свежими мыслями и сделала его, так сказать, своим Елисеєм. Что означал для Мендельсона длительный интервал в таких-либо столетиях? Он слушал слова Маймуни так, словно сидел у его ног, и впитывал его мудрые наставления глубокими глотками. Он перечитывал эту книгу снова и снова, пока его не согнуло постоянное перечитывание ее страниц. У поляка Израэля Замосца он также научился математике и логике, а у Аарона Соломона Гумпертца - любви к хорошей литературе. Мендельсон учился писать по буквам и философствовать одновременно, и получал лишь отрывочную помощь в том и другом. В основном он преподавал и воспитывал себя сам. Он воспитывал твердость характера, укрощал свои страсти и приучил себя, еще до того, как узнал, что такое мудрость, жить по ее правилам. В этом отношении Маймуни также был его наставником. По натуре Мендельсон был вспыльчивым человеком, но он овладел таким полным самообладанием, что, став вторым Гиллелем, отличился кротостью.

Как будто Мендельсон предвидел, что его миссией будет очищение нравов и возвышение умов своих братьев, он, еще будучи юношей, внес свой вклад в еврейскую газету, основанную сочувствующими ему коллегами с целью облагораживания евреев. Зачатки его интеллекта подобны сочной траве ранней весной. Он отказался от закоряченного, искаженного, чрезмерно приукрашенного ивритского стиля своих современников, который превратил иврит в простое бормотание дряхлого языка. Свежие и чистые, как горный ручей, излились еврейские излияния Мендельсона. Философско-религиозные взгляды пронизывали эти ранние работы, не только где он хотел изобразить веру в Бога и неэффективность зла, но и омоложение природы в ее весеннем наряде и восторг чистого разума человека от этой прекрасной перемены. Школа страданий, через которую он прошел в течение стольких лет, вместо того чтобы тянуть его вниз, пробудила, возвысила и облагородила его дух. Его борьба за средства к существованию прекратилась, когда он получил должность репетитора в богатой семье (Исаака Бернарда), которая, хотя и не была чрезмерно прибыльной, была достаточной для его бережливости. Однако его дни подмастерья еще не закончились. Старое и новое, традиции и оригинальные взгляды будоражили его ум; ясность и самосознание должны были вливаться в него из другого источника.

К великим умам, которые произвела на свет Германия в восемнадцатом веке, принадлежит Готхольд Эфраим Лессинг. Он был первым свободомыслящим человеком в Германии, вероятно,

в большей степени, чем королевский герой Фридрих, который действительно освободился от фанатизма, но все еще имел кумиров, которым приносил жертвы. Своим гигантским умом Лессинг преодолел все границы и предписания, которые развращенный вкус, сухая, как пыль, наука, надменная ортодоксальность и педантизм любого рода стремились установить и увековечить. Свобода, которую Лессинг принес немцам, была более прочной, и постоянной, чем та, которую Вольтер пробудил в развращенном французском обществе своим едким сарказмом; ибо его целью было облагораживать, а его остроумие было лишь средством для достижения этой цели. Лессинг хотел возвысить театр до кафедры, а искусство - до религии. Вольтер превратил философию в светскую болтовню для гостини.

Это был важный момент в истории евреев, когда познакомились эти два молодых человека, Мендельсон и Лессинг. Рассказывают, что страстный любитель шахмат по имени Исаак Гесс свелих вместе за шахматной доской (1754). Королевская игра объединила двух монархов в царстве мысли. Лессинг, сын пастора, был демократом по натуре: он стремился к обществу изгоев и тех, кого презирало общественное мнение. Как незадолго до этого он общался с актерами в Лейпциге, и как впоследствии общался с солдатами в Бреслау, так и теперь он не стыдился общаться в Берлине с презираемыми евреями. До этого он посвятил первые плоды своего искусства, которое ему казалось высшим искусством, народу-изгою. Своей драмой "Евреи" он хотел показать, что еврей может быть бескорыстным и благородным, и тем самым вызвал неудовольствие образованных христианских кругов. Идеал благородного еврея, который Лессинг имел в виду, сочиняя эту драму "а", он увидел воплощенным в Мендельсоне, и ему, должно быть, было приятно обнаружить, что он не ошибся в своем портрете и что реальность не опровергла его мечту.

Как только Лессинг и Мендельсон познакомились, они научились уважать и любить друг друга. Последний восхищался в своем друге-христианине его способностями и непринужденностью, его мужеством и совершенной культурой, его бьющим через край духом и энергией, которые позволили ему нести новый мир на своих широких плечах; а Лессинг восхищался в Мендельсоне благородством мысли, стремлением к истине и твердостью характера, основанной на нравственности. Они оба были настолько проникнуты высоким благородством ума, что один ценил в другом то совершенство, которого он не мог достичь наравне со своим другом. Лессинг подозревал в своем еврейском друге "второго Спинозу, который сделал бы честь своей нации". Мендельсон был совершенно очарован дружбой Лессинга. Он признался, что его дружелюбный взгляд имел такую власть над его разумом, что прогонял все горе. Они оказывали друг на друга заметное влияние. Лессинг, в то время простой "шенгейст", как его называли, пробудил в Мендельсоне интерес к благородным формам, эстетической культуре, поэзии и искусству; последнее, в свою очередь, подтолкнуло Лессинга к философской мысли. Таким образом, вы взаимно отдавали и получали, настоящие отношения, достойные дружбы. Узлы дружбы стали настолько сильными и так искренне объединили двух друзей, что продлились и за гробом.

Стимул, который Мендельсон получил от своего друга, был необычайно плодотворным как для него, так и для евреев. Возможно, без преувеличения будет сказано, что влияние Лессинга было больше в облагораживании еврейской расы, чем в возвышении немецкого народа, из-за того факта, что евреи были более склонны к учебе и более восприимчивы к культуре. Все, что Мендельсон получил от общения со своим другом, пошло на пользу иудаизму. Через своего друга, который благодаря своей добродушной, отзывчивой натуре оказывал большое влияние

на талантливых людей, Мендельсон был введен в свой круг, изучил общественные формы и избавился от неловкости, которая была печатью гетто. Теперь он ревностно посвятил себя освоению привлекательного немецкого стиля — трудная задача, поскольку немецкий язык был ему незнаком, а немецкая лексика, использовавшаяся среди евреев, была устаревшей и вводила в заблуждение. У него также не было образца для подражания; ибо до того, как Лессинг обогатил немецкий стиль своим гением, он был громоздким, грубым и неприглядным. Но Мендельсон преодолел все трудности. Он изъяснялся, как он выразился, отредактировал это, "часть своей любви у достойной матроны (философии), чтобы даровать ее распутной девице (так называемой *беллетристке*.)" Прежде чем истек год близости с Лессингом, он смог в превосходной форме сочинить свои "Философские беседы" (начало 1755 г.), в которых он, еврей, обвинял немцев, потому что, неправильно понимая глубину своего собственного гения, они несли на себе ярмо французского вкуса: "Неужели, значит, немцы никогда не осознают собственной ценности? Всегда ли они будут обменивать свое золото на мишуру своих соседей?" Этот упрек был применим даже к философствующему монарху Фридриху II, который не мог ни в достаточной степени презирать местные таланты, ни в достаточной степени восхищаться талантами из чужих стран. Еврей был большим немцем, чем большинство немцев его времени.

Его патриотические чувства к иудаизму от этого не пострадали; они были объединены в его сердце с любовью к немецким идеалам. Хотя он так и не смог преодолеть свою неприязнь к революционной системе Спинозы, все же в своей первой работе он стремился сохранить за Спинозой право первородства в новой метафизике. "Философские беседы" Мендельсон передал своему другу с шутливым замечанием, что он мог бы создать что-то вроде Шефтсбери, англичанина. Без его ведома Лессинг напечатал их, и таким образом вложил первые листья в лавровый венец своего друга. Благодаря стремлению Лессинга всячески продвигать его, Мендельсон стал известен в ученых кругах Берлина. Когда в столице Пруссии, до сих пор лишенной литературных интересов, была основана "Кофейня ученых" для объединения примерно сотней красных людей науки, основатели не обошли вниманием молодого еврейского философа, а пригласили его присоединиться к ним. Каждый месяц кто-нибудь из членов клуба выступал с речью на какую-нибудь научную тему. Мендельсон, однако, не мог читать на публике из-за скромности и несовершенства речи; он представил свой вклад в письменной форме. Его эссе называлось "Исследование вероятности", которое должно заменить определенность в ограниченной сфере человеческих знаний. Пока ее читали вслух, он был признан автором, и критическая аудитория аплодировала ему. Таким образом, Мендельсон стал гражданином литературной республики, принимал активное участие в литературных постановках того времени, и внес свой вклад в "Библиотеку изящных искусств", основанную его другом Николаем. Его вкус с каждым днем становился все изысканнее, стиль - благороднее, а мысли - яснее. Его метод изложения был тем более привлекательным, что он приправлял его острым остроумием.

То, что евреи потеряли из-за унижения тысячелетнего рабства, Мендельсон теперь восстановил для них за короткий промежуток времени. Почти все, за исключением нескольких португальских и итальянских евреев, утратили чистую речь, первое средство интеллектуального общения, и были заменены детским жаргоном, который, будучи верным спутником их несчастий, казалось, не желал покидать их. Мендельсон испытывал отвращение к полному пренебрежению языком. Он видел, что извращенная речь евреев внесла немалый вклад в "безнравственность среднего человека", и он надеялся на хорошие результаты от того внимания, которое начинают уделять чистому языку. Одним из последствий обесценивания

языка было то, что немецкие и польские евреи потеряли всякое чувство формы, вкус к художественной красоте и эстетическое чувство. Угнетение извне и их обременительные обязанности, превратившие их в настоящих рабов, изгнали из их среды эти, вместе со многими другими, облагораживающими влияния. Мендельсон вернул эти утраченные сокровища своим братьям. Он приобрел такое замечательное чувство прекрасного, что впоследствии немцы признали его знатоком вкуса. Извращенный курс обучения, которого придерживались евреи в XIV веке, притупил их разум до простоты. Они настолько привыкли ко всему искусственному, искаженному, сверхумно созданному и к тонкостям, что простая, ничем не приукрашенная правда стала в их глазах бесполезной, если не сказать детской и смехотворной. Ход их мыслей был в основном извращенным, некультурным и не поддавался логической дисциплине. Тот, кто за короткое время должен был восстановить свои юношеские силы, так вышколил себя, что извращенные методы и мысли стали ему противны. С его утонченной оценкой простого, прекрасного и истинного он приобрел глубокое понимание библейской литературы, суть которой - простота и истина. Благодаря тесному слою затхлый мусор, с которым комментариями и супер-комментариями занимавшее ее, он проник в глубины здания, и был способен очистить прекрасную картину от пыли, и, чтобы понять и сделать понятными древнее Откровение, как если бы он был новый. Хотя он и не был одарен способностью выражать свои мысли поэтически или ритмично, он обладал тонким восприятием поэтической красоты любой литературы, особенно той, что написана на священном языке. И венцом этих достижений было то, что его моральные взгляды характеризовались крайней деликатностью; он был болезненно добросовестен и правдив, как будто в его жилах текла кровь длинного ряда благородных предков, избравших для дела своей жизни все почетное. Его отличала почти детская скромность, скромность, весьма далекая, однако, от презирающего себя раболепия. Он сочетал в себе так много врожденных и с трудом приобретенных качеств, что представлял разительный контраст с карикатурами, которые представляли немецкие и польские евреи того времени. В Мендельсоне не хватало только одного чувства — и этот недостаток был пагубен для ближайшего будущего иудаизма. Ему не хватало понимания истории, мелочей при ближайшем рассмотрении, но великих в перспективе, комического и трагического хода человеческой расы с течением времени. "Что я знаю об истории!" он заметил наполовину извиняющимся, наполовину презрительным тоном: "Что бы ни называлось историей, политической историей, историей философов, я не могу понять". Он разделил этот недостаток со своим прототипом Меймонуни и заразил им свое окружение.

Некоторые из его блестящих качеств проявились в глазах и чертах лица Мендельсона и завоевали ему больше сердец, чем если бы он стремился их завоевать. Любопытство к "этому еврею" начало пробуждаться даже при дворе Фредерика Великого. Его считали воплощением мудрости. Бесстрашный Лессинг вселил в него такое мужество, что он осмелился критиковать в периодическом издании поэтические произведения прусского государя и мягко намекать на их недостатки (1760). Фридрих Великий, считавший стихотворчество поэзией, а догматизм философией, поклонялся Музе на придворном языке того времени, глубоко презирал немецкий язык, в то время изобиловавший настоящей поэзией, и насмехался над интеллектуальными сокровищами, священными для солидных мыслителей. Еврей Мендельсон был задет ненавистью короля к немецкому языку, а также его поверхностными суждениями. Однако, поскольку никто не осмеливается говорить правду монархам, он ловко, через хвалебную трубу, вложил мягкую нотку обвинения, понятную проницательному читателю.

Как ни искусно Мендельсон скрывал свое порицание короля, все же злонамеренный придворный, проповедник Джасти, обнаружил это, а также назвал имя обвинителя и назвал его "евреем, который отбросил всякое почтение к самой священной особе Его Величества в наглой критике его поэзии". Внезапно Мендельсон получил суровый приказ явиться в субботу в "Сан-Суси"; поступок, соответствующий грубости эпохи. Полный ужаса, Мендельсон отправился в Потсдам, в королевский замок, где его допросили и спросили, не он ли автор неуважительной критики. Он признал свой проступок и извинился замечанием, что "тот, кто сочиняет стихи, играет в кегли, а тот, кто играет в кегли, будь то монарх или крестьянин, должен быть удовлетворен мнением мальчика, который отвечает за шары, относительно достоинств его игры". Фредерику, без сомнения, было стыдно наказывать еврейского рецензента за его тонкую критику в присутствии французских придворных, и таким образом Мендельсон остался невредимым.

Фортуна была необычайно благосклонна к этому человеку, невольно ставшему главным провозвестником будущего. Это дало ему теплых друзей, которые находили истинное удовольствие в том, чтобы превозносить его, хотя и еврея, в общественном мнении. Это обеспечило ему не блестящее, но довольно независимое положение бухгалтера в доме, где он до сих пор занимал утомительную должность постоянного репетитора. Это подарило ему верную, нежную и простую спутницу жизни, которая окружила его знаками преданной любви. Вскоре Фортуна обеспечила ему большой триумф. Берлинская академия предложила премию за эссе на тему "Поддаются ли философские (метафизические) истины математической демонстрации?". Скромно Мендельсон взялся за работу, чтобы решить эту проблему. Он не принадлежал к гильдии ученых, не выучил алфавит до тех пор, пока не вырос, в том возрасте, когда головы традиционно образованных молодых людей забиты латынью. Когда он узнал, что его друг, молодой, подающий большие надежды ученый Томас Абт, тоже был конкурентом, он почти потерял мужество и захотел уйти. Тем не менее, его работа получила премию (июнь 1763 г.), причем не только над Абтом, но даже над Кантом, чье эссе получило лишь почетное упоминание. Мендельсон получил призв размере пятидесяти дукатов и медаль. Еврей, торговец, победил своих соперников из гильдии ученых. Исследование Канта углубилось в этот вопрос, но исследование Мендельсона имело преимущество в ясности и понятности. "Он вырвал шипы из роз философии". Вынужденный приобретать каждый элемент своих знаний с большим трудом и лишь с трудом овладев варварским диалектом школ, он не довольствовался сухими формулами, но прилагал усилия, чтобы сделать понятными, как для себя, так и для других, метафизические концепции и истины. Это обстоятельство принесло ему победу над своим гораздо более глубоким противником. Его сочинение, которое вместе с сочинением Канта было переведено на французский и латынь за счет Академии, принесло ему несомненную известность в ученом мире, которая была усилена тем фактом, что лауреатом премии был еврей.

В том же году (октябрь 1763 г.) он получил знак отличия от короля Фридриха, характерный для низкого положения евреев в Пруссии. Эта честь была привилегией быть защищенным евреем (Schutz-Jude), то есть гарантией того, что в один прекрасный день его не выгонят из Берлина. До сих пор его терпели в Берлине только как слугу своего работодателя. Король-философ Фридрих сочувствовал антипатии своего прославленного врага Марии Терезии к евреям и издал антиеврейские законы, достойные скорее средневековья, чем восемнадцатого века, столь хвастающегося своей гуманностью. Он хотел, чтобы число евреев в его владениях уменьшилось, а не увеличилось. "Общая привилегия" Фридриха для евреев была оскорблением эпохи. Маркиз д'Аржан, один из французских придворных Фридриха, который по своей

наивности не мог себе представить, что такой мудрый и образованный человек, как Мендельсон, может в любой день быть изгнан из Берлина жестокой полицией, убедил Мендельсона подать в суд на привилегию защиты, и король предоставил ее. Однако прошло много времени, прежде чем сухой официальный документ, подтверждающий это, дошел до him. В конце концов Мендельсон стал прусским "шуцем-иудой".

Философский "Шуц-Иуда" из Берлина ныне снискал большой успех своим произведением, которое вызвало почти восторженное восхищение у его современников из всех слоев общества. Два десятилетия спустя это произведение устарело и в наши дни имеет лишь литературную ценность. Тем не менее, когда оно появилось, оно по праву приобрело большое значение. Мендельсон выбрал именно тот момент, чтобы выдвинуть это на первый план, и он стал одной из знаменитостей восемнадцатого века. Почти шестнадцать веков христианство воспитывало народы Европы, управляло ими и почти насытило их верой в сверхъестественное. Оно использовало все доступные средства для достижения своих целей, и, наконец, когда мыслители пробудились от дремоты, вызванной его колыбельными, чтобы поинтересоваться уверенностью, обеспечиваемой этим объявлением о спасении, которое обещало так много, серьезные люди с сожалением сказали — в то время как скептики хихикали от жестокого восторга, — что оно предлагает обманчивые фантазии вместо истины.

В серьезных произведениях или сатирах французские мыслители восемнадцатого века — вся группа материалистов — раскрыли пустоту доктрины, в которой так называемые цивилизованные народы находили утешение и успокоение на протяжении многих веков. Мир был лишен Бога, небеса были окутаны туманом; все, что до сих пор казалось незыблемым и неподвластным смещению, было перевернуто вверх дном. Учение Иисуса утратило свою притягательную силу и опустилось в глазах серьезных и вдумчивых людей до уровня детских басен. Неверность вошла в моду. С лишением Иисуса, по-видимому, шли рука об руку свержение Бога и сомнение в важном догмате о бессмертии души, который христианское богословие позаимствовало из греческой философии и, как всегда, украсив себя странными перьями, провозгласило своим первоначальным творением. От этого зависела не только уверенность человечества в будущем существовании, но и практическая мораль настоящего. Если душа смертна и преходяща, думали в восемнадцатом веке, то поступки человека не имеют никакого значения! Был ли он добрым или злым, добродетельным или преступником, по ту сторону могилы его не ждало возмездие. Таким образом, после долгой многовековой мечты цивилизованная часть человечества снова впала в уныние, преобладавшее в римском обществе империи; они остались без Бога, без поддержки, без моральной свободы, без стимула к добродетельной жизни. Человек был низведен до сложной машины.

Мендельсон также был подвержен предубеждению, что достоинство человека встает и падает вместе с вопросом о бессмертии души. Поэтому Он предпринял попытку восстановить эту веру в культурном мире, вновь открыть утраченную истину, утвердить ее так прочно и так решительно отразить материалистические атаки на нее, чтобы умирающий человек мог спокойно ожидать блаженного будущего и блаженства в загробной жизни. Он сочинил диалог под названием "Федон, или Бессмертие души". Это должна была быть популярная книга, новое учение о спасении для неверующего или скептически настроенного мира. Поэтому он придал своему диалогу легко понятный, привлекательный стиль по образцу одноименного платоновского диалога, с которого он скопировал также внешнюю форму. Но Платон снабдил его простой

формой. Мендельсон заставил своего Сократа изложить философию восемнадцатого века устами своего ученика Федона.

Его отправной точкой в доказательстве доктрины бессмертия души является факт существования Бога, в котором он обладает наивысшей возможной уверенностью. Душа - это творение Бога, точно так же, как и тело; тело на самом деле не погибает после разложения, но преобразуется в другие элементы; и уж тем более душа, простая сущность, не может быть разложена и погибнуть. Далее, Бог познакомил душу с идеей бессмертия, внедрил ее в душу. Может ли Он, Доброжелательный и Верный, практиковать обман?

"Если бы наша душа была смертной, тогда разум был бы сном, который послал нам Юпитер, чтобы мы могли забыть наши страдания; и мы были бы созданы подобно животным только для того, чтобы искать пищу и умирать".

По этой причине каждая мысль, врожденная в человеке, должна быть истинной.

Демонстрируя доктрину бессмертия, Мендельсон преследовал еще одну благородную цель. Он думал противодействовать болезни талантливой молодежи того времени, иерусалимских вертеров, которые, не имея цели в своих начинаниях, были отстранены от политической и возвышающей их общественной деятельности, погрязли в причудливой сентиментальности и созданной самими собой боли, опустили до мыслей о самоубийстве, которое они и совершили, если только мужество тоже не было ослаблено. Поэтому Мендельсон в своем "Федоне" стремился внушить убеждение, что человек с его бессмертной душой является собственностью Бога и не имеет никакого права произвольно решать вопрос о себе и своей жизни или об отделении своей души от тела — слабый аргумент, но достаточный для этого слабого, женоподобного поколения.

Своим "Федоном" Мендельсон достиг большего, чем намеревался и ожидал, а именно "убежденности сердца, теплоты чувств" в пользу доктрины бессмертия. "Федон" был самой популярной книгой своего времени, и его читали с душой. За два года она выдержала три издания и была немедленно переведена на все европейские языки, в том числе и на иврит. Богословы, философы, художники, поэты, такие как Гердер, Глейм и Гете, тогда еще совсем молодые, государственные деятели и принцы — мужчины и женщины — были наставлены этим, возродили свое подавленное религиозное мужество и с энтузиазмом, который сегодня показался бы абсурдным, благодарили еврейского мудреца, вернувшего им то утешение, которого христианство больше не давало. Освобождение Мендельсона, еврея, было так же радостно встречено миром, ставшим языческим, как в более раннюю эпоху язычники приветствовали то, что совершили евреи, Иисус и Павел из Тарса. Его современники были в восторге как от содержания, так и от формы, от яркого, свежего, энергичного стиля, счастливого, художественного подражания диалогам Платона. Со всех сторон на скромного автора посыпались поздравительные письма. Каждый член литературной гильдии, проезжавший через Берлин, с нетерпением разыскивал еврея Платона, как одну из величайших знаменитостей прусской столицы, чтобы перекинуться с ним парой слов. Герцог Брауншвейгский всерьез подумывал о том, чтобы заручиться услугами Мендельсона для своего государства. Принц Липпе-Шаумбургский относился к нему как к закадычному другу. Берлинская академия наук избрала его своим членом. Но король Фридрих вычеркнул имя Мендельсона из списка, потому что, как было сказано, он в то же время желал, чтобы императрицу Екатерину приняли в ученое общество, а она была бы оскорблена тем, что ее

компаньоном был еврей. Два монаха—бenedиктинца - один из монастыря Петер близ Эрфурта, другой из монастыря Ла Трапп - обратились к еврею Мендельсону как к советчику своей совести за наставлениями в нравственном и философском поведении. Книга "Федон", устаревшая за двадцать лет, как отмечалось выше, вознесла своего автора на вершину славы. Ему повезло, потому что он представил это миру именно в нужный момент.

Неприятный сам по себе инцидент способствовал необычайному возвышению Мендельсона в глазах его современников и наделил его ореолом мученичества. Джон Каспар Лафатер, евангелический священник из Цюриха, энтузиаст, впоследствии присоединившийся к иезуитам, думал, что нашел в интеллектуальном облике Мендельсона подтверждение его обманчивого искусства, умение читать характер и таланты человека по его чертам. Лафатер утверждал, что в каждой черточке лица Мендельсона непредубежденный человек мог сразу распознать душу Сократа. Он был полностью очарован творчеством Мендельсона, бредил им, желая обладать хорошо выполненной моделью, чтобы прославить свое искусство. Мендельсон заставил своего Федона говорить на таком греческом языке, что никто не смог бы узнать в авторе еврея, и Лафатер пришел к фантастическому выводу, что Мендельсон полностью отделился от своей религии. Лафатер узнал, что некоторые берлинские евреи были равнодушны к иудаизму, и сразу же причислил Мендельсона к их числу. Был еще один факт, что в разговоре, который неохотно завязался с Лафатером, Мендельсон высказал спокойное, трезвое суждение о христианстве и с определенным уважением отозвался об Иисусе, хотя и с оговоркой: "если Иисус из Назарета желал, чтобы его считали только добродетельным человеком". Это выражение показалось Лафатеру рассветом благодати и веры. Что, если бы этого великого человека, это воплощение мудрости, ставшего равнодушным к иудаизму, можно было привлечь в христианство! Таков был ход мыслей, возникший в голове Лафатера после прочтения "Федона". Простодушный или хитрый, он раскинул свою сеть для Мендельсона и таким образом показал, насколько он был невежественен относительно его истинного характера. Примерно в это же время женевский профессор Каспар Бонне написал по-французски слабую апологетику, озаглавленную "Исследование свидетельств христианства против неверующих". Это произведение Лафатер перевел на немецкий и отправил Мендельсону с неуклюжим посвящением, которое выглядело как ловушка (4 сентября 1769 года). Лафатер торжественно заклинал его публично опровергнуть доказательства христианства Бонне или, если он сочтет их правильными, сделать "то, что естественно диктовали бы проницательность, любовь к истине и честность, что сделал бы Сократ, если бы прочитал этот трактат и нашел его неопровержимым". Если бы Лафатер действительно был знаком с тайнами сердца, как он гордился собой, он бы понял, что, даже если бы Мендельсон порвал всякую связь с иудаизмом, христианство было ему еще более отвратительно, и что проницательность, то есть стремление к наживе и преимуществам приятного существования, совершенно отсутствовали в его характере. Лафатер не хотел разоблачать его перед публикой, но он хотел произвести сенсацию, не думая о том, какую боль он причиняет застенчивому ученому из Бэрлина.

Позже у Мендельсона были основания поблагодарить Лафатера за то, что он по легкомыслию или благочестивой хитрости вывел его из состояния неуверенности в себе и замкнутости. Мендельсон действительно выразил свое отношение к иудаизму и своим единоверцам так расплывчато, что онlookers мог быть введен в заблуждение. В общественной жизни он был философом и элегантным писателем, олицетворявшим принципы гуманности и хорошего вкуса,

и, по-видимому, не беспокоился о своей расе. В темноте гетто он был строго ортодоксальным евреем, который, явно не заботясь о законах красоты, присоединялся к соблюдению всех благочестивых обычаев. Каким бы замкнутым и непоколебимым он ни был на самом деле, он казался двойственной личностью, проявляющей то одно, то другое, каким он был в христианском или в еврейском обществе. Он не мог выступить в защиту иудаизма без того, чтобы, с одной стороны, не оскорбить христианство своими философскими убеждениями, а с другой - не показать, пусть даже и столь легкомысленно, свое недовольство хаотическими традициями синагоги, и тем самым не оскорбить чувствительность своих единоверцев и не поспорить с ними. Ни один из этих вариантов, благодаря его миролюбивому характеру, не приходил ему в голову. Он мог бы провести свою жизнь в молчании, если бы грубая важность Лафатера не вытащила его из этого ложного положения, совершенно недостойного человека с миссией. Как ни больно было раскрывать свои самые сокровенные мысли об иудаизме и христианстве, он не смог промолчать перед этим вызовом, не прослав трусом даже среди своих друзей. Эти размышления тяжело давили на него и заставили взяться за перчатку.

Он умело вел навязанное ему таким образом состязание и в конечном итоге одержал победу. В конце 1769 года в публичном письме, адресованном КрисуТендому и Лафатеру, его представителю, Мендельсон в самой мягкой форме изложил самые резкие истины, высказывание которых в прежние времена неизбежно привело бы к кровопролитию или костру. Мендельсон изучал свою религию со времен своей юности и нашел ее истинной. *Философия и художественная литература* никогда не были для него целью, а лишь средством подготовить его к испытанию иудаизмом. Он никак не мог ожидать пользы от соблюдения этого правила; а что касается удовольствия ...

"О мой достойный друг, положение, отведенное моим единоверцам в гражданской жизни, настолько далеко от всякого свободного проявления духовных сил, что удовлетворение человека не увеличивается от изучения истинных прав человека. Тот, кто знает, в каком состоянии мы сейчас находимся, и у кого гуманное сердце, поймет больше, чем я могу выразить".

Если бы изучение иудаизма не дало благоприятных для него результатов, что приковало бы его к религии, которую так сильно и повсеместно презирали, что могло бы помешать ему покинуть ее? Страх перед своими единоверцами, для успокоения? Их светская власть была слишком незначительной, чтобы причинить какой-либо вред.

"Я не отрицаю, что заметил в своей религии определенные человеческие дополнения и злоупотребления, подобные тем, которые со временем допускает каждая религия, которые, к сожалению, затуманивают ее великолепие. Но в сути своей веры я настолько твердо и неоспоримо уверен, что призываю Бога в свидетели того, что я буду придерживаться своего основного вероучения до тех пор, пока моя душа не примет другую природу".

Он, как всегда, был настроен против христианства по причине, о которой он сообщил Лафатеру устно и которую последнему не следовало скрывать, а именно: его основатель провозгласил себя Богом.

"И все же, что касается меня, то иудаизм мог бы быть полностью разгромлен в каждом полемическом учебнике и триумфально разоблачен в каждом школьном сочинении, даже

если бы я никогда не вступал в полемику по этому поводу. Без малейшего противоречия с моей стороны любой ученый или любой научный сотрудник в области раввинства мог бы составить для себя и своих читателей самый нелепый взгляд на Иудаизм, основанный на никчемных книгах, которые ни один разумный еврей не читает и о которых не знает. Презрительное мнение о евреях я хотел бы посрамить добродетелью, а не полемикой. Моя религия, моя философия и мой статус в гражданской жизни являются самыми весомыми аргументами в пользу того, чтобы избегать любых религиозных дискуссий и излагать в публичных трудах истины, одинаково важные для всех религий".

Иудаизм был обязателен только для общины Иакова. Оно так мало желало прозелитов, что раввины постановили, что любого человека, который предлагает присоединиться к этой религии, следует отговорить от его замысла.

"Религия моих отцов не желает распространяться за границей; мы не должны посылать миссии в обе Индии или в Гренландию, чтобы проповедовать нашу веру отдаленным народам. Мне посчастливилось иметь в друзьях многих замечательных людей, не принадлежащих к моему вероисповеданию. Мы нежно любим друг друга, и никогда я не говорил в своем сердце: "Как жаль эту прекрасную душу!" Я могу признавать национальные предрассудки и ошибочные религиозные мнения моих сограждан и, тем не менее, чувствовать себя вынужденным хранить молчание, если эти ошибки непосредственно не затрагивают естественную религию или естественный закон (мораль), а лишь случайно связаны с продвижением добра. Это правда, что мораль наших действий не заслуживает такого названия, если она основана на ошибке.... Но до тех пор, пока истина не будет признана, до тех пор, пока она не станет национальной, чтобы оказывать такое же сильное воздействие на огромные массы людей, как укоренившийся предрассудок, последний должен быть почти священным для каждого друга добродетели. Вот причины, по которым религия и философия побуждают меня избегать религиозных споров".

Кроме того, будучи евреем, он должен был довольствоваться веротерпимостью, потому что в других странах его расе отказывали даже в этом. "Разве не запрещено по законам вашего родного города, - спросил он Лафатера, - вашему обрезанному другу даже навещать вас в Цюрихе?" Французская работа Бонне, по его словам, не показалась ему настолько убедительной, чтобы поколебать его убеждения; он лучше читал защиту христианства, написанную англичанами и немцами; кроме того, она не оригинальна, а заимствована из немецких трудов. Аргументы были настолько слабыми и так мало стремились доказать христианство, что они могли одинаково хорошо или плохо защищать любую религию. Если Лафатер думал, что Сократ мог бы быть убежден в истинности христианства с помощью этого трактата, он только показал, какую власть предрассудки оказывают над разумом.

Если евангелическая консистория, которой Мендельсон предложил подвергнуть цензуре свое письмо, прежде чем печатать его, не пожалела о том, что разрешила ему печатать все, что ему заблагорассудится, "потому что они знали, что его мудрость и скромность таковы, что он не напишет ничего, что могло бы оскорбить общественность", тем не менее он, несомненно, оскорбил многих благочестивых людей.

Послание Мендельсона Лафатеру, естественно, произвело большую сенсацию. С момента появления Федона он принадлежал к избранной группе авторов, чьи произведения каждый культурный человек считал своим долгом прочитать. Кроме того, так получилось, что предмет

спора в то время был привлекательным. Вольнодумцы - в то время их было отнюдь не мало — были рады, что наконец-то кто-то, к тому же еврей, отважился сказать откровенное слово о христианстве. Из-за своей навязчивости и самонадеянной пропаганды христианства у Лафатера было много врагов. Они с озорным восторгом читали остроумный ответ Мендельсона ревностному обращенцу. Наследственный принц Брауншвейгский, который, как было сказано выше, был очарован Мендельсоном, выразил (2 января 1770 г.) свое восхищение тем, что он высказался "с таким большим тактом и такой высокой степенью гуманизма" по этим замечательным вопросам. Сам Бонне, менее предосудительный, чем его раболепный льстец, признавал справедливость дела Мендельсона и сожалел о неблагоприятном рвении Лафатера. Его письмо, датированное 12 января 1770 года, стало почти триумфом Мендельсона. Он сказал, что его диссертация, с помощью которой Лафатер хотел обратить евреев, не была адресована почтенному "Дому Иакова", в отношении которого его сердце питало самые искренние и теплые пожелания; и тем более в его намерения не входило составить у еврейского философа благоприятное мнение о христианстве. Он был полон восхищения мудростью, умеренностью и способностями знаменитого сына Авраама. Он действительно хотел, чтобы тот исследовал христианство, поскольку оно могло выиграть только от тщательного изучения мудрым сыном Менделя. Но он не хотел повторять ошибки Лафатера и делать это обременительным для него. Однако, несмотря на свое добродетельное негодование, Бонне совершил небольшое мошенничество против Мендельсона. Сам Лафатер был вынужден в письме публично просить прощения у Мендельсона за то, что поставил его в столь неловкое положение, умоляя его в то же время хотя бы проверить, что он намеренно не был виновен в какой-либо неосмотрительности или вероломстве. Таким образом, у Мендельсона появилась возможность проявить великодушие по отношению к своему оппоненту. Однако в самом спорном вопросе он оставался тверд; он ни на йоту не отступил от своего иудаизма, даже от его талмудических и раввинских особенностей, и с каждым шагом его мужество росло.

Мендельсон не хотел упускать эту благоприятную возможность прославить иудаизм, который так сильно презирился, и дать понять, что он никоим образом не противоречит разуму. Несмотря на предупреждения робких евреев о необходимости прекратить спор, чтобы не вызвать гонений, он со все возрастающей смелостью указывал на пропасть, которую христианство вырыло между собой и разумом, тогда как иудаизм по своей сути был в согласии с разумом. "Чем ближе я подхожу к этой столь высоко почитаемой религии, - писал он в своем исследовании "Палингенезии" Бонне, - тем более отвратительной она кажется моему разуму". Особое удовольствие ему доставляло, когда строго ортодоксальные христиане считали, что они злоупотребляют иудаизмом, объявляя его эквивалентным естественной религии (деизму).

"Благословен Бог, который дал нам учение истины. У нас нет догм, противоречащих разуму или выходящих за его пределы. Мы ничего не добавляем к естественной религии, кроме заповедей и уставов; но фундаментальные доктрины нашей религии покоятся на основе понимания". "В этом наша слава и гордость, и все писания наших мудрецов полны этого".

Мендельсон откровенно говорил наследному принцу О.Ф. Брауншвейгу о несостоятельности христианских и разумности еврейских догм. Он считал, что еще недостаточно сделал для иудаизма.

"Если бы, слава Богу, мне была предоставлена еще одна подобная возможность, я бы сделал то же самое.... Когда я думаю о том, что мы должны сделать для признания святости нашей религии".

Те, кто не совсем расстался с разумом, считали Мендельсона правым, а его защиту справедливой. Они с удивлением увидели, что иудаизм, столь сильно презираемый, все же значительно превосходит прославленное официальное ортодоксальное христианство. Через своего благородного сына иудаизм праздновал триумф. Несчастный пыл Лафатера и изысканный, но смелый ответ Мендельсона долгое время были темой разговоров в культурных кругах Германии и даже за ее пределами. Журналы комментировали это и отмечали каждый инцидент. Анекдоты передавались из уст в уста между Цюрихом и Берлином. Говорили, что Лафатер утверждал, что если бы он смог продолжать в течение одиннадцати дней пребывать в состоянии полной святости и молитвы, то наверняка преуспел бы в обращении Мендельсона в христианство. Когда Мендельсон услышал это высказывание — подлинное или нет, но характерное для Лафатера, — он с улыбкой сказал: "Если мне будет позволено сидеть здесь в моем кресле и философски курить трубку, я не возражаю!" Больше говорили о соперничестве Мендельсона и Лафатера, чем о войне и мире. На каждой ярмарке продавались брошюры, написанные на немецком и французском языках, неважные произведения, которые не заслуживали долгой жизни. Лишь немногие были на стороне Мендельсона, большинство встало на сторону христианства и его представителей против "наглости еврея", который не считал за честь быть принятым в христианскую общину.

Худшая из них была написана мелочным, холеричным автором по имени Джон Бальтазар Кельбеле из Франкфурта-на-Майне, который из ненависти к евреям или из-за расстройства тела и души осыпал Мендельсона, раввинов, евреев, и иудаизм такими грубыми оскорблениями, что сама ярость парализовала его натиск. Кельбеле и раньше нападал на Мендельсона и глумился над ним с помощью непрофессионала в одном из своих забытых романсов. Он хотел написать, или сказал, что написал, "Антифедон" против "Федона" Мендельсона. Вся его желчь была излита в письме "мистеру Мендельсону по поводу дела Лафатера и Кельбеле" (март 1770 г.). В противовес утверждениям Мендельсона о чистоте иудаизма он выдвинул клевету и утверждения своего брата по чувствам Айзенменгера. Чистый, бескорыстный характер Мендельсона был известен почти во всех культурных и высших кругах Европы. Тем не менее, Кельбеле обвинил его в приверженности к иудаизму из корыстных побуждений, "потому что еврейский бухгалтер находится в лучшем положении, чем христианский профессор, и первый, кроме того, получает некоторую прибыль от присутствия в приемных князей". На утверждение Мендельсона, что он будет цепляться за иудаизм всю свою жизнь, злобный дурак или клеветник ответил: "Как мало значения христиане придают клятве еврея!" Мендельсон отделался от него несколькими словами в постскрипуме к письму, адресованному Лафатеру. Больше ничего не требовалось; Кельбеле сам себя осудил. Мендельсон извлек выгоду из этих клеветнических выпадов, поскольку респектабельные авторы, которые в глубине души были немало раздражены его независимыми и смелыми действиями, оставили его в покое, предпочитая не связываться с Кельбеле. Мендельсон вышел победителем из этого конфликта, незначительного только на первый взгляд, который длился почти два года; он поднялся в общественном мнении, потому что мужественно отстаивал свою собственную религию.

Это навлекло на него также упреки благочестивых евреев. То, чего боялась его проницательность, сбылось. Из любви к истине он публично заявил, что обнаружил в иудаизме

определенные человеческие дополнения и злоупотребления, которые только затуманивали его великолепие. Это выражение оскорбляло тех, кто почитал любой обычай, каким бы нееврейским он ни был, как откровение от Грехааі, потому что он был освящен временем и кодексом. Весь еврейский мир, включая берлинскую общину, за исключением немногих, кто принадлежал к кругу Мендельсона, не желал признавать, что на благородном металле иудаизма скопилась ржавчина. Поэтому он был допрошен по этому поводу, вероятно, раввином Хиршелем Левином, и попросил точного объяснения этой фразы. Он был очень хорошо способен дать ответ, который, вероятно, удовлетворил раввина, который не был фанатиком. Но его ортодоксальность все еще вызвала подозрения у строго набожных людей, которых он называл "кельбелами наших единоверцев". Он был обязан освободить себя от вменения, имеющим ярко выраженную решения талмудические мудрецы ", как бесполезный мусор". Молодые поляки, авантурный дух, thirstiHГ знаний", с хорошими сознании, но мысли путаются," чистых и нечистых элементов, заставил себя Мендельсона, и принес его в плохой репутацией. Большинство порвало не только с Талмудом, но и с религией и моралью; они вели распутный образ жизни и считали это признаком философии и просвещения. Из любви к человечеству и независимому мышлению Мендельсон вступил с ними в отношения, вел с ними дискуссии, продвигал их вперед и помогал им, что также бросало ложный свет на его отношение к иудаизму. Легкомыслие и эксцессы этих молодых людей приписывались ему, и они считались его протеже и учениками.

Вскоре он дал повод для усиления этого подозрения. Герцог Мекленбург-Шверинский, чтобы избежать опасностей преждевременного погребения, в мягкой, отеческой форме (апрель 1772 г.) запретил евреям своей страны хоронить умерших сразу, согласно еврейскому обычаю. Еврейское благочестие по отношению к умершим, запрещающее держать мертвых над землей достаточно долго, чтобы началось разложение — чувство, окаменевшее в ритуальном кодексе, — было оскорблено этим указом, как будто герцог приказал пренебречь религиозной практикой. Представители конгрегаций Шверина умоляли Якоба Эмдена из Альтоны, векового поборника ортодоксии, продемонстрировать на основании талмудических и раввинских законов, что длительное выставление трупа на всеобщее обозрение является серьезным нарушением еврейского закона. Эмден, знавший о своей неспособности написать мемориал на немецком языке, направил жителей Шверина к МендуЭльссону, чье слово имело большое влияние на принцев. Они последовали его совету. Как потрясены были они, чтобы узнать, из письма Мендельсона (май 1772), что он согласился с княжеским того, что мертвые не должны быть похоронены до третьего дня; Бекаиспользования, по опыту грамотных врачей, случаи мнимой смерти было возможно; и что он был прав, по сути, принудительно, чтобы спасти человеческую жизнь, несмотря на самые строгие уставы религиозных код! Мендельсон доказал, кроме того, что во времена талмуда принимались меры предосторожности для предотвращения поспешного захоронения в сомнительных случаях. Его мнение было, за исключением одной грубой ошибки, безупречно сформулировано в раввинской манере. Тем не менее, верный своему миролюбивому, покладистому характеру, он направил герцогу петицию с просьбой смягчить указ. Эмден, однако, в своем ортодоксальном рвении провозгласил этот спорный вопрос почти догматом веры. Обычай, столь распространенный среди евреев, итальянцев и португальцев, а также немцев и поляков, нельзя было так легко отбросить. Высказываниям врачей не следовало придавать большого значения. Талмудические доказательства Мендельсона не были убедительными. В письме Эмден ясно дал ему понять, что упрекает его ради его же собственной выгоды, чтобы вновь рассеять подозрения в прохладной

вере, которые он вызвал своим злым окружением. Так возникли мелкие разногласия между Мендельсоном и жестко ортодоксальной партией, которые впоследствии усилились.

Между тем его друг Лессинг незадолго до своей смерти непреднамеренно вызвал в Германии бурю, которая заставила содрогнуться Церковь, и, находясь под влиянием недовольства и художественного порыва, прославил Мендельсона вместе со всеми евреями в совершенном поэтическом творении. Первой причиной этой бури, которая потрясла христианство до глубины души, был спор Мендельсона с Лафатером. Лессинг был настолько возмущен уверенностью в победе, которую предполагал представитель церковного христианства, что усиленно поощрял своего друга-еврея участвовать в доблестном сражении.

"Вы один осмеливаетесь и способны писать и высказываться подобным образом по этому вопросу, и поэтому вам бесконечно повезло больше, чем всем другим честным людям, которые не могут добиться ниспровержения этой отвратительной структуры неразумия иначе, как под прикрытием усилий по созданию новой основы".

Он не подозревал, что даже тогда держал в руках молнию, которую вскоре сможет метнуть в ложных богов, возомнивших, что они завоевали небеса. Во время своей беспокойной жизни, которая соответствовала его постоянно взволнованному духу, Лессинг приехал в Гамбург, где познакомился с уважаемой и свободомыслящей семьей Реймарус. Герман Самуэль Реймарус, глубокий исследователь, возмущенный окаменелым и наглым христианством гамбургских пасторов, написал "Защиту рациональных поклонников Бога", в которой он отвергал все богооткровенные религии, пытаясь убедить разум в правах, в которых им отказано, и особенно обесценив основателя христианства. Реймарусу, однако, не хватило смелости смело заявить о том, что он считал истиной, и публично обнажить, в соответствии со своими убеждениями, слабости господствующей религии. Он оставил этот трактат, содержащий опасный и подстрекательский материал, своей семье и тайному ордену вольнодумцев в наследство. Элиза Реймарус, благородная дочь, достойная своего отца, передала фрагменты этой зажигательной рукописи Лессингу, который с интересом прочитал их и подумывал о публикации. Однако он не был достаточно уверен в себе, чтобы выносить решения по вопросам теологической дискуссии, и поэтому отправил эти фрагменты своему другу-еврею, который был способен оценить их. Мендельсон, действительно, не считал это произведение очень убедительным, потому что использовать автора, озлобленного легковерием Церкви, впал в противоположную ошибку, защищая самую бездуховную форму неверия и, согласно близорукому взгляду того времени, находя лишь мелкие интриги в великих исторических событиях.....ements. Несмотря на суждения Мендельсона, его друг продолжал думать, что эта книга послужит делу унижения Церкви. Он всерьез подумывал о том, чтобы подбросить Церкви подстрекательские труды Реймаруса под вымышленным именем. Но берлинский центр не разрешил их печатать. Тогда Лессинг разработал другой план. Его должность смотрителя герцогской библиотеки Брауншвейга в Вольфенбюттеле позволила ему опубликовать рукописные сокровища этой богатой коллекции. В интересах истины он солгал, утверждая, что обнаружил в этой библиотеке эти "Фрагменты неизвестного", произведение автора последнего поколения. Под этой маской, защищенный своим иммунитетом от цензуры при публикации материалов "к его истории и литературе из сокровищ библиотеки Вольфенбюттеля", он начал их выпускать. Он шаг за шагом приступал к публикации этих фрагментов. Первые взносы были сформулированы в тон умоляя, прося поддержку религиозно не разума против религии катехизиса и амонна. Затем он отважился на шаг дальше — доказать

невозможность чудес, на которых была основана Церковь, и особенно сделать очевидным неисторический характер и невероятность воскресения Иисуса, одного из главных столпов христианства, на котором оно стоит и падает. Наконец, в начале 1778 года Лессинг опубликовал самый важный из фрагментов "О цели Иисуса и Его учеников". Здесь было объяснено, что Иисус всего лишь хотел объявить себя еврейским Мессией и Царем евреев. С этой целью он вместе со своими учениками тайно готовился, составлял заговоры с целью разжечь революцию в Иерусалиме и нападал на власти, чтобы вызвать падение Высшего Совета (Синhedриона). Но когда этот план подрывной деятельности провалился, и Иисусу пришлось понести смерть, его ученики изобрели другую систему и объявили, что царство Иисуса не от мира сего. Они провозгласили его духовным купителем человечества и выдвинули на первый план надежду на его скорое возрождение; таким образом, апостолы скрыли и исказили первоначальную систему Иисуса.

Такая трактовка ранней истории христианства, справедливо рассчитанная на то, чтобы ниспровергнуть всеразличие Церкви, была подобна вспышке молнии. Это было трезво, убедительно, научно проработано, но при этом понятно всем. Результатом были изумление и оцепенение, особенно при публикации последнего фрагмента. Государственные и церковные круги были столь же пострадавшими, как теологи. Общественного мнения по данному вопросу разделились. Серьезные молодые люди, собирающиеся начать карьеру теолога, колебались; они не хотели посвящать свою жизнь деятельности тому, что, возможно, было всего лишь мечтой, и выбрали другое призвание. Некоторые утверждали, что доказательства против христианства неопровержимы. Анонимность автора усилила волнение. Высказывались предположения относительно того, кем мог быть автор; имя Мендельсона публично упоминалось. Лишь немногие знали, что этот удар был нанесен Реймарусом, которого также почитали богословы. Гнев знатных обрушился на издателя Лессинга. На него нападали со всех сторон, и у него не было товарища по оружию. Его друг-еврей охотно поспешил бы к нему на помощь, но как он мог ввязаться в эти домашние дразнилки христиан? Среди многочисленных наветов, распространяемых ортодоксальными о Лессинге, говорилось, что богатая еврейская община Амстердама заплатила ему тысячу дукатов за публикацию Вольфенбюттельских фрагментов. Привыкший в одиночку бороться с отсутствием вкуса и разума, Лессинг был достаточно мужествен, чтобы защитить себя. Было приятно наблюдать за этим гигантом в бою, наносящим сокрушительные удары с легким подтруниванием и грациозным сублиманием. Он побеждал своих врагов одного за другим, особенно одного из представителей слепо доверчивой, высокомерной и злобной ортодоксии - министра Гезе в Гамбурге. Поскольку его пигмеи-оппоненты не смогли одолеть этого Геркулеса литературным мастерством, они призвали себе на помощь светскую руку. Произведения Лессинга были запрещены и конфискованы, он был вынужден сдать рукописи "Фрагментов", его освободили от цензуры, и от него ожидали, что он больше не будет писать на эту тему (1778). Он боролся против этих жестоких действий, но в одном пункте был уязвим. Величайший человек, которого до сих пор произвела на свет Германия, был без средств, и, поскольку его положение библиотекаря находилось под угрозой, он был вынужден искать другие средства к существованию. Во время одной из бессонных ночей (10 августа 1778 г.) ему в голову пришел план, который одновременно избавил бы его от финансовых затруднений и нанес бы лютеранским теологам удар похуже, чем десять "Фрагментов". Они обрушивались на него с своих церковных кафедр; он пытался ответить им со своей театральной кафедры. Последний, самый зрелый и совершенный отпрыск его

Музы, "Натан Мудрый", должен стать его мстителем. Лессинг вынашивал эту идею в своей голове в течение нескольких лет, но он не смог бы осуществить ее в более благоприятное время.

К неудовольствию благочестивых христиан, которые со всем своим фанатизмом, безжалостностью и желанием преследований претендовали на любую добродетель из-за своей веры в Иисуса и осуждали евреев, всех до единого, как изгоев, Лессинг представлял еврея как безупречный идеал добродетели, мудрости и совестливости. Этот идеал он нашел воплощенным в Мозесе Мендельсоне. Он осветил его и величие его характера ярким светом театральных эффектов и наложил на него печать вечности своими бессмертными стихами. Главный герой драмы Лессинга - мудрец и торговец, подобный Мендельсону, "настолько хороший, насколько он умен, и настолько умный, насколько он мудр". Его народ чтит его как принца, и хотя он должен называть его мудрым Натаном, он был превыше всего хорошего:

"Закон требует милосердия, а не подчинения.

И поэтому ради милосердия он не подчиняется:

... Насколько свободна от предрассудков его возвышенная душа —

Насколько открыто его сердце ко всем добродетелям —

С каждым прекрасным чувством, насколько знакомо

... О, какой же он еврей! и все же хочет
только сойти за еврея".

Сын иудаизма, Натан возвысил себя до высочайшего уровня гуманности и милосердия, ибо так предписывал его Закон. В результате фанатичной резни, устроенной крестоносцами, свирепые христиане перебили всех евреев в Иерусалиме вместе с их женами и детьми, а его любимая жена и семеро подающих надежды сыновей были сожжены. Сначала он бушевал и роптал на судьбу, но вскоре заговорил с терпением Иова:

"Это тоже было Божьим указом: Да будет так!"

В своем ужасном горе всадник принес ему юное, нежное христианское дитя, девочку-сироту, и Натан взял ее, отнес к своему ложу, поцеловал, бросился на колени и возблагодарил Бога за то, что потерянные семь часов нашей эры были заменены по крайней мере одним. Эту христианскую девушку он любил со всей теплотой отеческого сердца и воспитывал ее строго добросовестно. Не какую-либо религию предпочитал он другой, тем более своей собственной, он внушал юной душе Речи или Бланш, но только доктрины чистого страха Божьего, идеальной добродетели и морали. Таков был представитель иудаизма.

Как вел себя представитель христианства? Иерусалимский патриарх, которого вместе с его церковью великодушный султан Саладин терпел в магометанском городе на основании торжественно ратифицированного договора, вынашивает коварные планы против султана, плетет против него интриги:

"Но то, что является злодейством в глазах людей,
Может, в глазах Бога, по мнению патриарха,
Не быть злодейством".

Что касается Натана, то он желает разжечь погребальный костер, потому что он вырастил прекрасную, духовную девушку, покинутое христианское дитя. Без сострадания еврея ребенок погиб бы:

"Это ерунда! Еврея все равно можно жечь".

Дайя, еще одна представительница церковного христианства, которая знает о христианском происхождении Речи, испытывает дурные предчувствия, когда видит христианское дитя, купающееся в теплой любви еврея. Дорогие подарки избавляют ее от этих угрызений совести, но она все еще подумывает о том, чтобы лишить Натана самого ценного предмета, к которому привязана его душа, даже несмотря на то, что из-за этого ему грозит опасность.

Тамплиер Леон Фильнекский представляет собой еще одну фазу христианства. Солдат и в то же время священнослужитель, которого пощадил Саладин, хотя он нарушил свое слово, спасает Речь, предполагаемую еврейскую девушку; он ведет себя с христианской дерзостью по отношению к Натану, разговаривая с ним грубо, в то время как последний изливает сердечную благодарность за спасение своей приемной дочери. Затем, постепенно, благодаря чудесной силе любви, тамплиер сбрасывает с себя грубые, ненавистные одежды христианских предрассудков. В его жилах течет магометанская кровь. Только святая простота монаха Бонафида сочетает в себе человеческую доброту с монашеской церковностью; но он знает только один долг — послушание — и по приказу фанатично жестокого Патриарха готов совершить самые ужасные преступления.

Эти уроки Лессинг проповедовал со своей театральной кафедры упрямым умам последователей Христа. Мудрый еврей Натан Мендельсон достиг высочайшего уровня человеческого сочувствия; в то время как лучший христианин, тамплиер, каждый образованный христианин — николаи, абты, Гердеры — еще должны освободиться от своих толстокожих предрассудков, чтобы достичь этой высоты. Утверждать, что обладание единственной истинной религией и единственным средством спасения — это заблуждение. У кого настоящее кольцо? Как можно отличить настоящее от фальшивого? Только кротостью, сердечной терпимостью, истинной благожелательностью и самой горячей преданностью Богу; короче говоря, всеми теми качествами, которых официальное христианство того времени не проявляло и которые были в совершенстве реализованы в Мендельсоне.

Лессинг всячески бичевал окаменевшее, преследующее христианство и прославлял иудаизм через его главного представителя. Как будто эта великолепная драма, прекрасный первый плод немецкой поэзии, должна была принадлежать евреям, хотя и подарена миру христианским поэтом, сын Израиля способствовал ее постановке. Мендееинг, осаждаемый богословскими врагами и борющийся против крайней необходимости, не смог бы завершить ее, если бы во время ее составления он не имел возможности жить без тревог. Он нуждался в ссуде и не нашел помощника среди христиан. Моисейс. Вессели из Гамбурга, брат неоеврейского поэта Нафтали Вессели, который впоследствии сделал себе имя в еврейской истории, внес желаемую сумму, хотя он не был богатым евреем и всего лишь хотел иметь честь обладать чем-то, написанным рукой Лессинга.

Лессинг не ошибся, полагая, что эта драма рассердит благочестивых христиан гораздо больше, чем десять противоречивых памфлетов против Гезе. Как только она появилась (весна 1779 г.), на

поэта обрушился сильный гнев, как будто он унижил христианство. "Осколков" и его полемика против Göze не сделал ему столько врагов, как "Натан". Даже его друзья встретили его холодно, избегали его, исключил его из социальных праздников, которую он любил, и оставил его в преследовании своих Adversaries. Из-за этого молчаливого отлучения он чувствовал себя обиженным, все больше и больше терял свой яркий юмор и упругость духа, становился усталым, подавленным и почти отупевшим. Обращение с благочестивыми христианами ужасно озлобило его в последние годы жизни. Он умер крепким мужчиной, как старец, мучеником за свою любовь к истине. Но его покоряющий душу голос прозвучал в защиту терпимости и постепенно смягчил диссонирующие ноты ненависти и предрассудков. Несмотря на запрет, наложенный на "Натана", а также на его автора, как в протестантских, так и в католических странах, эта драма стала одной из самых популярных в немецкой поэзии, и как только со сцены звучат стихи, вдохновленные убеждением, они захватывают сердца зрителей, ослабляя звенья цепи ненависти к евреям в умах немцев, которым труднее всего сбросить ее оковы. "Натан" произвел впечатление на умы немецкого народа, которые, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, не были стерты с лица земли. Двадцать лет назад, когда Лессинг поставил свою первую драму "Евреи", один высокомерный теолог осудил ее, потому что было совершенно невероятно, чтобы среди такого народа, как евреи, мог когда-либо сформироваться столь благородный характер. При появлении "Натана" ни один читатель не думал, что благородный еврей возможен. Даже самые упрямые не осмеливались утверждать столь чудовищную нелепость. Еврейский идеальный мудрец был реальностью и жил в Берлине, являясь украшением не только евреев, но и немецкой нации. Без Т. Мендельсона драма "Натан" не была бы написана, точно так же, как без дружбы Лессинга Мендельсон не стал бы тем, что он сделал для немецкой литературы и еврейского мира. Сердечность отношений между этими двумя друзьями проявилась после смерти Лессинга. Его братья и друзья, которые только после его кончины осознали его величие, в горести утраты обратились к Мендельсону, как будто было естественно, что он должен быть главным скорбящим. И он был совершенно прав: никто из его соратников не хранил память о Лессинге с таким скорбным чувством и религиозным благоговением. Он превыше всего заботился о том, чтобы защитить своего бывшего друга от неправильного понимания и клеветы.

Как Мендельсон, сам того не зная и не желая, побудил Эда Лессинга создать идеал и через него помог развеять предубеждение против евреев, так и в то же время, не стремясь к этому, он положил начало духовному возрождению своей расы. Библия, особенно Пятикнижие — главное для всех евреев, — хотя очень многие знали его наизусть, стала для них такой же странной, как любая непонятная книга. Толкователи раввинов и каббалистики настолько исказили простой библейский смысл этих слов, что в них было найдено все, кроме фактического содержания.

Польские школьные наставники - других не было — розгами и сердитыми жестами инструктировали еврейских мальчиков нежной юности находить самые абсурдные извращения в Священной Книге, переводя ее на свой ненавистный жаргон и так путая текст со своим собственным переводом, что казалось, будто Моисей говорил на варварском диалекте польских евреев.

Пренебрежение ко всем светским знаниям, которое увеличивалось с каждым столетием, достигло такой степени, что каждая бессмысленная странность, даже богохульство, незаметно читались в стихах Священного Писания. То, что было задумано как утешение для души, превратилось в яд. Мендельсон остро ощущал это невежество и искажение библейских слов, поскольку он пришел к просвещенному мнению, что Священное Писание не содержит "того,

что, по мнению евреев и христиан, они могут найти в нем", и что хороший, простой перевод был бы важным шагом на пути продвижения культуры среди евреев. Но из-за своей скромности и неуверенности в себе ему не пришло в голову использовать эти средства для воспитания своих братьев. Он составил перевод Пятикнижия для своих детей, чтобы дать им основательное образование и познакомить их со словом Божьим в неизменном виде, не беспокоясь (как он заметил) о том, "будут ли они по-прежнему вынуждены в Саксен-Готе, в каждом путешествии, платить за головы своих евреев при игре в кости или рассказывать историю о трех кольцах каждому мелкому правителю". Только по настоятельной просьбе человека, чье слово имело вес для Мендельсона, он решил опубликовать свой перевод Пятикнижия на немецкий (еврейско-немецкими буквами) для еврейских читателей. Однако ему стоило немалых усилий прикрепить к нему свое имя.

Он слишком хорошо знал свою еврейскую аудиторию, чтобы не понимать, что перевод, каким бы превосходным он ни был выполнен, не вызвал бы особого одобрения, если бы не сопровождался изложением на иврите. Какую ценность для развращенного вкуса еврейских читателей представляла книга без комментария? С незапамятных времен, с тех пор как появились комментарии и суперкомментарии, ими восхищались гораздо больше, чем самым красивым текстом. Поэтому Мендельсон заручился помощью образованного поляка по имени Соломон Дубно, который, являясь похвальным исключением среди своих соотечественников, был досконально знаком с грамматикой иврита, чтобы разобраться с составом текущего комментария. Работа была начата с привлечения необходимых подписчиков, без которых в то время не могла быть выпущена ни одна книга. Стало очевидно, что у Мендельсона уже было много сторонников и почитателей среди его собратьев, в Германии и за ее пределами. Его начинание, заключавшееся в том, чтобы снять с евреев упрек в незнании их собственной литературы и в том, что они говорят на испорченном языке, было встречено с радостью. Большинство подписчиков были из Берлина и родного города Мендельсона, Дессау, который действительно гордился им. Из Польши также поступали заказы на германизированную "Тору", в основном из Вильны, где Илия Вильна, в определенной степени либеральный мыслитель, и визионерские извращения новохасидов привлекли внимание к Священному Писанию. Как знамение времени, можно также отметить, что перевод был приобретен христианами, профессорами, пасторами, придворными проповедниками, советниками консистории, придворными советниками и знатью. Друзья-христиане Мендельсона были, действительно, необычайно активны в продвижении его творчества. Элиза Реймарус, благородная подруга Лессинга, даже собирала подписки.

Как ни рады были поклонники Мендельсона получить известие о переводе Пятикнижия из его рук, столь же встревожены были непреклонные приверженцы старины и устаревших привычек. Они живо чувствовали, не будучи в состоянии ясно обдумать это, что старые времена с их простодушной доверчивостью, которые с непререкаемой верой относились ко всему, как к эманации из Божественного источника, теперь сойдут в могилу.

Как только был опубликован образец перевода, раввины старой школы отнеслись к нему с предубеждением и задумались, как не допустить врага к дому Иакова. К этим противникам предприятия Мендельсона принадлежали люди, которые прославили иудаизм не только своей раввинской ученостью и острым умом, но и благородством характера. Особенно выделялись трое мужчин, поляки по происхождению, которые так же мало ценили новшества времени, как красота лица и чистоту речи. Один из них, Иезекииль Ландау (главный раввин Праги с 1752 года;

умер в 1793 году), пользовался большим уважением как внутри, так и за пределами своей общины. Он был умным человеком и вовремя научился плыть по течению. Второй, Рафайл Козн, дед Риссера (родился в 1722 году, умер в 1803 году), эмигрировавший из Польши и призванный из Познани в раввинат трех общин Гамбурга, Альтоны и Вандсбека, был твердым, решительным человеком, без лукавства или двуличия, который как судья вершил правосудие без уважения к личностям, считая правосудие опорой Божьего престола. Третьим и самым молодым был Хирш Янов, зять Рафаэля Козна, которого из-за его глубокой проницательности в талмудических дискуссиях прозвали Эдом "увлеченным ученым" (родился в 1750 году, умер в 1785 году). Его острый ум был одинаково сведущ как в сложных проблемах математики, так и в проблемах Талмуда. Он был совершенно бескорыстен, тот ничтожный доход, который он получал от обедневшей общины Познани, не раздавал несчастным; он раздавал милостыню с открытой щедростью, не задавая вопросов, были ли получатели православными или еретиками, в то время как сам умирал с голоду. Он влезал в долги, чтобы спасти нуждающихся от нищеты. Соломон Маймон, глубокий мыслитель, имевший возможность узнать людей с их худшей стороны, назвал этого раввина из Позена и Фюрта "благочестивым человеком", и этот эпитет из таких уст не следует считать преувеличением. К этим трем раввинам можно добавить четвертую родственную душу, Финев роли Леви Гурвица (родился в 1740 году; умер в 1802 году), раввина Франкфурта-на-Майне, также поляка, получившего образование в хасидской школе. Эти люди и другие, которые думали подобно им и считали прочтение немецкой книги тяжким грехом, со своей точки зрения были правы, выступая против новаторства Мендельсона. Они понимали, что еврейская молодежь будет изучать немецкий язык по переводу Мендельсона больше, чем понимание "Торы"; что первое будет иметь сильную тенденцию становиться главным объектом изучения; внимание к Священному Писанию вырождается в второстепенное дело, в то время как изучение Талмуда будет полностью подавлено. Хотя сам Мендельсон пользовался хорошей репутацией с религиозной точки зрения, его приверженцы и сторонники всегда были свободны от упреков. Недостойные люди, порвавшие с иудаизмом и самонадеянно называвшие себя последователями Мендельсона, энергично продвигали продажу перевода и, таким образом, навлекли подозрение на строго ортодоксальную партию окса.

Рафаэль Козн из Гамбурга, человек вспыльчивого характера, был самым рьяным агитатором против немецкой версии Библии. Но поскольку у Мендельсона были родственники со стороны жены в этом городе, а также много поклонников, никаких действий против него не могло быть предпринято там, ни в Праге, где среди евреев были вольнодумцы. Таким образом, Фюрт рассматривался как наиболее подходящее место, откуда должен был быть объявлен интердикт (примерно в июне 1779 г.) против "немецкого Пятикнижия Моисея Дессауского". Всем верным иудаизму нам запрещено, под страхом отлучения от церкви, использовать этот перевод.

Между тем конфликт между старым и новым иудаизмом протекал спокойно, и никаких признаков насилия не проявлялось. Если бы Якоб Эмден был жив, состязание было бы более ожесточенным и вызвало бы больше волнений. Мендельсон был слишком бескорыстен, слишком мягок и философски спокоен, чтобы прийти в восторг, услышав о запрете его предприятия, или обратиться за помощью к своим высокопоставленным друзьям-христианам, чтобы заставить замолчать своих противников. Он был готов к сопротивлению. "Как только я уступил Дубно, чтобы напечатать мой перевод, я вложил душу в руки, поднял глаза к горам и повернулся спиной к кузнецам". Он рассматривал игру человеческих страстей и необузданный пыл к религии как естественные явления, требующие спокойного наблюдения. Он не хотел нарушать это мирное наблюдение внешним влиянием, угрозами и запретами или

вмешательством светской власти. "Возможно, небольшое волнение послужит наилучшим интересам предприятия, самого близкого моему сердцу". Он предположил, что, если бы его версия была принята без возражений, ее избыточность была бы доказана. "Чем больше так называемые современные мудрецы возражают против этого, тем более это необходимо. Сначала я предназначал это только для обычных людей, но теперь я нахожу, что это гораздо более необходимо раввинам". Однако со стороны его противников не было предпринято никаких решительных усилий, чтобы замять его перевод, который показался им таким опасным, или осудить его автора. Только в некоторых польских городах, таких как Позен и Лисса, это было запрещено, и, как говорят, оно было публично предано огню. Насильственных действий следовало опасаться только со стороны нескромного, решительного раввина Рафаэля Коэна. Однако, по-видимому, он отложил принятие мер до появления всего этого, чтобы получить доказательства заслуженного осуждения. Поэтому Мендельсон обратился за помощью, чтобы умерить свое рвение. Он убедил своего друга Августа фон Хеннигса, датского государственного советника и шурина своего близкого подруги Элизы Реймарус, попытаться убедить короля Дании и некоторых придворных подписаться на это произведение; это охладило бы пыл фанатика. Хеннигс, человек поспешных действий, немедленно обратился к датскому министру фон Гульдбергу с просьбой выполнить просьбу Мендельсона. К его удивлению и удивлению Мендельсона, он получил оскорбительный ответ о том, что король и его прославленные братья готовы подписаться, если министр сможет заверить их, что в публикации не содержится ничего против богодухновенности и истинности Священного Писания, чтобы евреи не могли впоследствии говорить, "что Моисей Мендельсон был приверженцем (пользующейся дурной славой) религии Берлина".

Эта "берлинская религия" была в то время ужасом православных, как в Церкви, так и в синагоге, и нельзя сказать, что это был праздный страх. Чтобы держать на расстоянии эту насмешливую тенденцию против религии, чрезмерно рьяные раввины пытались перекрыть все возможные пути подхода к домам евреев. События ближайшего будущего доказали, что раввины преследовали не призрак. Мендельсон в своем невинном благочестии не распознал врага, хотя тот ходил взад и вперед по его собственному дому. Наконец, 17 июля Рафаэль Коэн обнародовал запрет на перевод Пятикнижия Мендельсона; он был направлен против всех евреев, которые читали новую версию. Сам автор не был отлучен от церкви ни из уважения к его известности, ни из-за слабости и нерешительности. Однако, прежде чем последовал удар, Мендельсон предотвратил его последствия. Он убедил фон Хеннигса, что ему не нужно стесняться получать королевскую подписку на перевод, и это было сделано. Во главе списка жертвователей стояли имена короля Дании Кристиана и наследного принца. Таким образом, Рафаэлю Коэну был фактически нанесен ущерб в его попытках осудить и уничтожить произведение, которое он считал еретическим.

Его противники, тем не менее, нанесли Мендельсону удар, который помешал завершению перевода. Им удалось оттолкнуть Соломона Дубно, его правую руку, что вызвало у Мендельсона серьезное недоумение. Чтобы его работа не осталась незаконченной, он должен был сам взяться за комментарий к Пятикнижию, но, обнаружив, что эта работа выше его сил, он был вынужден искать помощников. В Уэссели он нашел сотрудника, похожего по характеру на него самого; но тот не захотел брать на себя все бремя, и поэтому Мендельсон был вынужден доверить часть работы Герцу Хомбергу, наставнику своего сына, и другому поляку, Аарону Ярославу. Первый был не совсем подходящим партнером. Он знал, что Хомберг в глубине души чужд иудаизму и что он не будет выполнять священную работу в соответствии со своим методом

и как священный долг, как он сам это считал. Но у него не было выбора. Из-за участия Хомберга в этой работе перевод, законченный в 1783 году, был дискредитирован ортодоксами; и они хотели полностью исключить его из еврейских домов.

Это - суровость, вызвавшая противодействие. Запретный плод сладок на вкус. Юные изучающие талмуд ухватились за немецкий перевод за спиной своих учителей, которые недооценивали новое влияние, и тайно усвоили одновременно самые элементарные и самые возвышенные уроки — немецкого языка и философии религии, грамматики иврита и поэзии. Им открылся новый взгляд на мир. Комментарий на иврите служил руководством к правильному пониманию перевода. Словно по мановению волшебной палочки, изучающие Талмуд, ископаемые из заплесневелых школьных зданий, преобразились, и на крыльях интеллекта они воспарили над мрачным настоящим и устремились ввысь. Ненасытная жажда знаний овладела ими; ни одна земля, какой бы темной она ни была, не оставалась для них недоступной. Проницательность, быстрое понимание и глубокая проницательность, которые эти юноши приобрели при внимательном изучении Талмуда, позволили им легко занять свое место во вновь открытом мире. Тысячи изучающих талмуд из великих школ Гамбурга, Праги, Никольсбурга, Франкфурта-на-Майне, Фюрта и даже из Польши стали маленькими Мендельсонами; многие из них были красноречивыми, глубокими мыслителями. С ними иудаизм обновил свою молодость. Все, жившие к концу восемнадцатого и началу девятнадцатого века, в той или иной степени были государственными служащими, до определенного периода своей жизни были односторонними талмудистами и нуждались в вдохновении примером Мендельсона, чтобы стать иNT и популяризаторами культуры среди евреев. За очень короткое время возникла многочисленная группа еврейских авторов, писавших в четком еврейском или немецком стиле о вещах, о которых незадолго до этого они ничего не знали. Перевод Мендельсона быстро привел к настоящему возрождению евреев. Они быстрее немцев достигли своего уровня в европейской цивилизации, и — чего не следует упускать из виду — талмудическое образование отточило их интеллект. Перевод Пятикнижия Мендельсона, сделанный тогевместе с его пересказом Псалмов, принес больше пользы, чем перевод Лютера, потому что вместо того, чтобы окаменевать, он оживлял разум. Внутренняя свобода евреев, как уже было сказано, восходит к этому переводу.

Начало внешнего освобождения евреев от жестокого тысячелетнего рабства также было связано с именем Мендельсона, и, как и его деятельность во имя их внутренней свободы, была бессознательной, без насилия или расчета. Это кажется чудом, хотя ни одно чудесное событие не сопровождало этого. Это обеспечило евреям двух защитников, более ревностных и теплых, чем они, нельзя было и желать: это были Лессинг и Дом.

С середины восемнадцатого века внимание культурного мира было направлено на евреев безкаких-либо действий с их стороны. Монтескье, первым проникший в глубины человеческих законов и раскрывший их дух, был также первым, кто поднял свой веский голос против варварского обращения с евреями. В своей широко читаемой, наводящей на размышления работе "Дух законов" он убедительно продемонстрировал вред, который нанесло государствам жестокое обращение с евреями, и заклеил жестокость инквизиции неискоренимым клеймом. Пронзительный крик агонии замученного маррано при виде кола, уготованного "иудействующей" восемнадцатилетней девушке в Лиссабоне, взволновал Монтескье, и эхо его голоса разнеслось по всей Европе.

"Вы, христиане, жалуетесь, что император Китая поджаривает всех христиан в своих владениях на медленном огне. Вы ведете себя гораздо хуже по отношению к евреям, потому что они верят не так, как вы. Если кто-нибудь из наших потомков когда-нибудь осмелится сказать, что народы Европы были культурными, ваш пример будет приведен в доказательство того, что они были варварами. Картина, которую они нарисуют о вас, несомненно, запятнает вашу эпоху и распространит ненависть по всему миру ко всем вашим современникам".

Монтескье заново открыл истинную идею справедливости, которую человечество утратило. Но как трудно было добиться полного признания этой идеи применительно к евреям!

Два события привлекли внимание общественности к евреям, их проблемам, их настоящему и их прошлому: их требование о легальном статусе в Англии и нападки Вольтера на них. В Англии, куда столетием ранее они как бы прокрались, они образовали отдельное сообщество, особенно в столице, где их не терпели и не признавали законом. Они считались иностранцами — испанцами, португальцами, голландцами или немцами, и должны были платить иностранную пошлину. Однако власти, особенно судьи, проявили уважение к еврейской вере; например, они не вызывали свидетелей-евреев в субботу. После натурализации евреев, поселившихся в американских колониях Англии, купцы и фабриканты, евреи и их друзья, представили в парламент законопроект, в котором просили обращаться с ними как с уроженцами Англии, без принуждения к получению гражданских прав путем принятия причастия, как предписывает закон. Пелхэм, мини-стер, поддержал петицию и указал на преимущества, которые принесут стране крупный капитал португальских евреев и их теплая привязанность к Англии. Однако их противники использовали против них отчасти личный интерес, отчасти религиозные предрассудки. Настаивалось на том, что, поставленные в равные условия с английскими гражданами, евреи приобретут все богатства королевства, получат во владение всю земельную собственность и лишат христиан наследства: последние станут рабами, а евреи сами будут выбирать себе правителей и королей. Ортодоксальные буквалисты утверждали, что, согласно христианским пророчествам, они должны были оставаться без дома до тех пор, пока не соберутся на земле своих отцов. Как ни удивительно, Верхняя палата приняла законопроект, разрешающий натурализоваться евреям, проживавшим в Англии или Ирландии три года подряд; но они не должны были занимать никаких светских или канцелярских должностей и не должны были получать парламентские права. Таким образом, лорды и епископы не были настроены против евреев. Большинство Нижней палаты также согласилось с законопроектом, и Георг II ратифицировал его (март 1753 г.). Действительно ли решение Трех сословий было выражением мнения большинства нации? Это сразу же стало сомнительным: с кафедр, из гильдий и таверн немедленно посыпались обвинения против министерства, которое настаивало на принятии Закона о натурализации евреев. В наши дни кажется маловероятным, что лондонские торговцы должны были опасаться разорения своей торговли из-за притока еврейских капиталистов. Диякон Джосайя Такер, который встал на сторону евреев и защищал Закон о натурализации, подвергся нападкам со стороны оппозиции в парламенте, в газетах и в брошюрах, а его изображение вместе с текстом "В защиту евреев" было сожжено в Бристоле. К досаде либерально настроенных людей, министерство оказалось достаточно слабым, чтобы уступить протестам населения, вызванным меркантильной завистью и фанатичной нетерпимостью, и аннулировать свою собственную работу (1754 г.), "потому что она вызвала недовольство, и умы многих верноподданных были этим встревожены". Ибо даже самые ярые враги закона не могли приписать зла евреям Англии; они производили хорошее

впечатление на англичан своим богатством, накопленным без ростовщичества, и своим благородным поведением. Общественное мнение горячо поддержало их и их требования о гражданском равенстве, и если на данный момент ими пренебрегли, то никаких неблагоприятных результатов все же не последовало.

Второе происшествие, хотя и произошедшее с одним человеком, вызвало еще большее внимание, чем действия английского парламента по отношению к евреям. Этим человеком был Аруэ де Вольтер, король литературы восемнадцатого века, который своим демоническим смехом разрушил, как карточный домик, твердыню Средневековья. Он, который не верил ни в Провидение, ни в нравственный прогресс человечества, был могущественным инструментом истории в продвижении прогресса. Вольтер — в своих произведениях чарующий волшебник, мудрец, в своей жизни глупец, раб этих страстей — затеял ссору с евреями и насмехался над ними и их прошлым. Его враждебность проистекала из личного дурного настроения и раздражительности. Он утверждал, что во время своего пребывания в Лондоне он потерял восемьдесят процентов займа в размере 25 000 франков через банкира еврейского капиталиста по имени Медина. Однако ему нельзя всегда верить.

"Медина сказал мне, что он не виноват в своем банкротстве: что ему не повезло, что он никогда не был сыном Велиала. Он растрогал меня, я обнял его, мы вознесли хвалу Богуэфиру, и я потерял свои деньги. Я никогда не ненавидел еврейскую нацию; я никого не ненавижу".

Однако, слабоумный Гарпагон, цеплявшийся за свои деньги, Вольтер, из-за этой большой или малой потери, ненавидел не только этого еврея, но и всех евреев на земле. Второй инцидент еще больше возбудил его против них. Когда Вольтер находился в Берлине и Потсдаме в качестве придворного поэта, литературного наставника и слуги короля Фридриха, который одновременно восхищался и ненавидел этого дьявольского гения, он дал грязный заказ ювелиру-еврею по имени Хирш, или Хиршель (1750), который он впоследствии, по наущению конкурента в торговле по имени Эфраим Вейтель, пожелал отозвать. Между Вольтером и Хиршелем возникли трения, пока не было заключено какое-то соглашение, от которого первый впоследствии пожелал уклониться. Во время войны Вольтер применил серию подлых уловок к своему еврейскому торговцу: обманул его насчет каких-то бриллиантов, оскорбил его, солгал, подделал документы и действовал так, как будто он был потерпевшей стороной. В конце концов в результате этого разбирательства возник сложный судебный процесс. Король отец Эдрик, который получил информацию обо всем этом из юридических документов и из брошюры, написанной якобы Хиршем, на самом деле врагами Вольтера, был очень разгневан поэтом и философом скампом. Он решил изгнать его из Пруссии и написал против него комедию во французских стихах под названием "Тантал в судебном процессе". Ссора Вольтера с прусским евреем произвела сенсацию и дала обильный материал для озорного веселья его оппонентов.

Наряду с алчностью, месть была выдающейся чертой его характера. Для Вольтера было слишком пустяковым отомстить отдельному еврею, который способствовал его унижению; он решил заставить всю еврейскую нацию почувствовать его ненависть. Всякий раз, когда у него появлялась возможность поговорить о иудаизме или евреях, он поносил евреев прошлого и настоящего своей непристойной сатирой. Это соответствовало его методу ведения войны. Христианство, которое он глубоко ненавидел и презирал, нельзя было открыто атаковать, не подвергнув агрессора суровому наказанию. Иудаизм, прародитель христианства, таким

образом, служил мишенью, против которой он метал свои элегантные, слегка размахивающие, но ядовитые дротики. В частности, в одном из своих эссе он излил свою желчь против евреев и иудаизма.

Эта частичная и поверхностная оценка евреев, это обобщенное суждение о целом народе и тысячелетней истории раздражали многих правдолюбивых людей; но никто не осмеливался затевать ссору с таким грозным противником, как Вольтер. Это потребовало смелого шага, но культурный еврей по имени Исаак Пинто отважился на это скорее из искусно рассчитанных побуждений, чем из возмущения необоснованной клеветой Вольтера. Пинто (родился в Бордо в 1715 году; умер в Амстердаме в 1787 году) принадлежал к португальской семье маррано, был богат, образован, благороден и бескорыстен в своих собственных делах; но страдал от простительного эгоизма, а именно от имени общества. Покинув Бордо, он поселился в Амстердаме, где не только служил португальской общине, но и авансировал большие суммы денег правительству Голландии, и поэтому занимал почетную должность. Он всегда проявлял теплый интерес к общине, в которой родился, и помогал ей словом и делом. Но больше всего его сердце было предано португальским Jews, его братьям по расе и языку; с другой стороны, он был равнодушен и холоден к евреям, говорившим на немецком и польском языках; он смотрел на них свысока, с презрительной гордостью, как высокопоставленные христиане на низших евреев. Благородство ума и гордость расы тесно сочетались в Пинто. В некоторых неприятных делах, в которые была замешана португальская община Бордо, он проявил, с одной стороны, горячее рвение, с другой - жестокосердие. В этом процветающем торговом городе с середины шестнадцатого века процветала конгрегация беглых маррано, бежавших от тюрем и самовыдвижения испанской и португальской инквизиции. Эти беженцы привезли с собой значительный капитал и предприимчивый характер и, таким образом, получили право на проживание и определенные привилегии, но только под именем новохристиан или португальских купцов. Какое-то время они были вынуждены терпеть лицемерие, заключая свои браки в церквях. Их число постепенно увеличивалось; за два столетия (1550-1750) конгрегация Бордо выросла до 200 семей, или 500 душ. Большинство португальских евреев, или новохристиан Бордо, содержали крупные банкирские дома, занимались производством оружия, снаряжали корабли или вели транс-морской бизнес с французскими колониями. Их значимость как торговцев и судовладельцев сочеталась с непоколебимой прямоотой, безупречной честностью в бизнесе, щедростью по отношению к евреям и неевреям и достоинством, которое они привезли с Пиренейского полуострова, своей противоестественной метрополии. Таким образом, они завоевали уважение и почет среди христианских жителей Бордо, и французский двор, а также высокопоставленные чиновники потворствовали их присутствию и постепенно стали признавать их евреями. Важный торговый город также привлекал немецких евреев из Эльзаса и французских евреев из Авиньона при папском правительстве, которые получили право поселиться, заплатив большие суммы денег. Португальские евреи были ревнивы; они боялись, что тэй поставят на один уровень с этими единоверцами, которые были малообразованны и занимались мелкой торговлей или денежными операциями, и что они потеряют свою почетную репутацию. Движимые этими эгоистичными мотивами, они приложили усилия, чтобы изгнать из города немецких иммигрантов и авиньонских евреев, апеллируя к старому эдикту, запрещавшему евреям проживать во Франции. Но изгнанники ухитрились заручиться покровительством влиятельных лиц при дворе и таким образом получили привилегию временного пребывания. При попустительстве властей в Бордо уже прибыли 152 еврея-иностранца, у некоторых из которых

были влиятельные друзья. Это было занозой в боку португальцев, и, чтобы воспрепятствовать притоку иностранцев, они приняли (1760 г.) нелиберальный общественный закон против своих иностранных единоверцев. Они клеймили каждого иностранного еврея не португальского происхождения как бродягу и нищего, а также как обузу для богатых. Они клеветали на незнакомцев, утверждая, что те придерживались бесчестных, мошеннических занятий и тем самым настраивали граждан и власти против них. Согласно их предложению, португальские евреи или их совет должны быть наделены правом изгнать иностранных евреев, или "бродяг", из города в течение трех дней. Этот жестокий и бессердечный закон должен был быть утвержден королем Людовиком XV. Было нетрудно добиться от этого монарха, которым правили его жены и придворные, самых бесчеловечных прошений. Друг и родственник Исаака Пинто взялся получить санкцию *court* на этот закон.

Это был Якоб Родригес Перейра (родился в Испании в 1715 году; умер в Париже в 1780 году), дед знаменитых и предприимчивых Эмиля и Исаака Перейр, талантливый человек с благородным характером и своеобразный художник, получивший широкую известность. Он изобрел язык жестов для глухонемых и научил этих несчастных людей выражать свои мысли. Будучи маррано, он обучал глухонемых в Испании. Любовь к религии своих предков или ненависть к кровожадной католической церкви побудили его покинуть страну инквизиции (около 1734 года) и вместе с матерью и сестрой эмигрировать в Бордо. Здесь, еще до аббата де л'Эпе, он так тщательно проверил свою теорию для обучения тех, кто родился немым, в специально оборудованной школе, что король назначил награду, а первые люди науки — Д'Аламбер, Бюффон, Дидро и Руссо - расточали ему похвалы. Впоследствии Перейра стал королевским переводчиком и членом Королевского общества в Лондоне. Португальская община Бордо назначила его своим представителем в Париже для рассмотрения их жалоб и достижения своих целей. Проникнутый сочувствием к несчастным, он в то же время был настолько преисполнен общинного эгоизма, что без колебаний наносил вред своим немецким и авиньонским единоверцам. Поручение добиться от Людовика XV ратификации предложенного статута он выполнил, но слишком добросовестно. Но при беспорядочном правлении этого короля и его двора существовала огромная разница между принятием закона и его исполнением. Высшие должностные лица могли обойти любой закон или отсрочить его исполнение. Изгнание евреев немецкого и авиньонского происхождения из Бордо находилось в руках губернатора, герцога де Ришелье. Исаак Пинто, который был с ним в близких отношениях, смог заручиться его поддержкой. Ришелье издал срочный приказ (ноябрь 1761 г.) о том, что в течение двух недель все иностранные евреи должны быть изгнаны из Бордо. Исключение было сделано только в пользу двух стариков и женщин, которых могли убить тяготы изгнания, и человека, который был полезен городу (Якоб де Перпиньян). Все остальные были ввергнуты в неизбежное бедствие, поскольку евреям было запрещено селиться где бы то ни было во Франции, а районы и города, где евреи уже проживали, не принимали новых приезжих. Какая разница между немецким евреем Моисеем Мендельсоном и португальскими евреями Исааком Пинто и Родригесом Перейрой, которые в свое время стояли в одном ряду! Первый не прекращал своих усилий до тех пор, пока своим влиянием не принес помощь своим несчастным собратьям или, по крайней мере, не предложил им утешения. Для евреев в Швейцарии, которых терпели только в двух маленьких городках, и даже там они были настолько поработаны, что, должно быть, вымерли, Мендельсон добился некоторого облегчения через своего оппонента Лафатера. Несколько сотен евреев должны были вот-вот быть изгнаны из Дрездена, потому что они не могли заплатить возложенный на них подушный налог. Благодаря

заступничеству Мендельсона перед одним из его многочисленных поклонников, членом совета Кабине Фон Фербером, несчастные люди получили разрешение остаться в Дрездене. Еврейскому ученому-талмудисту, несправедливо подозреваемому в воровстве и заключенному в тюрьму в Лейпциге, Мендельсон хитроумно ухитрился отправить утешительное письмо, в котором он получил свободу. Исаак Пинто и Якоб Перейра, с другой стороны, усердствовали в изгнании своих братьев по расе и религии, что Мендельсон считал самым суровым наказанием евреев, "равным уничтожению с лица Божьей земли, где вооруженные предрассудки отталкивают их на каждой границе".

Жестокие действия португальских евреев против своих братьев в Бордо вызвали большой переполох. Если евреи не могут оставаться во Франции, то почему должны быть терпимы те, кто говорит по-португальски? Последние, следовательно, сочли себя обязанными выставить себя в выгодном свете и попросили Исаака Пинто, который уже появлялся на публике и обладал литературной культурой, написать что-то вроде оправдания для них и разъяснить большую разницу между евреями португальского происхождения и выходцами из других стран. Пинто согласился или, скорее, последовал своему собственному желанию и подготовил "Размышления" о клевете Вольтера на иудаизм (1762). Он сказал этому безрассудному клеветнику, что преступление, связанное с клеветой на отдельных людей, возросло, когда ложные обвинения затронули целую нацию, и достигло наивысшей степени, когда было направлено против народа, оскорбляемого всеми людьми, и когда ответственность за проступки немногих возлагается на все общество, члены которого, более того, широко рассеянные, приняли облик жителей страны, в которой они живут. Английский еврей так же мало похож на своего единоверца из Константинополя, как последний на китайского мандарина; еврей из Бордо и еврей из Меца - два совершенно разных существа. Тем не менее Вольтер без разбора осудил их, и его описание их было столь же абсурдным, сколь и неправдивым. Вольтер, который чувствовал себя призванным искоренить предрассудки, фактически одолжил свое перо величайшему из них. На самом деле Он не хочет, чтобы их сожгли, но многие евреи предпочли бы быть сожженными, чем подвергнуться такой клевете. "Евреи не более невежественны, не более варвары и не более суеверны, чем другие народы, и меньше всего они заслуживают обвинения в скупости". У Вольтера был долг перед евреями, перед истиной, перед своим веком и перед потомством, которое справедливо взывало к его авторитету, когда оскорбляло и пыталось сокрушить чрезвычайно несчастный народ.

Однако, как уже говорилось, целью Пинто было не столько оправдать весь еврейский мир против злонамеренных обвинений Вольтера, сколько выставить своих родственников, португальских или сефардских евреев, в более выгодном свете. С этой целью он делал вид, что между ними и евреями другого происхождения, особенно немецкими и польскими, существует огромная пропасть. Он утверждал, с большим преувеличением, что если еврей-сефард в Англии или Голландии женится на немецкой еврейке, его родственники исключат его из общины и он даже не найдет места для упокоения на их кладбище. Это было вызвано тем фактом, что португальские евреи вели свою родословную от самых благородных семей колена Иудина, и что их благородное происхождение всегда было в Испании и Португалии импульсом к великим добродетелям и защитой от порока и преступлений. Среди них не было обнаружено никаких следов порочности или злодеяний, в которых их обвинял Вольтер. Напротив, они принесли богатство государствам, которые их приняли, особенно Голландии. Немецкие и польские евреи, с другой стороны, Пинто уступил нападкам их недоброжелателей, за исключением того, что он оправдывал их не слишком почетные профессии и презренные поступки непреодолимыми

страданиями, рабством и унижением, которые они перенесли и все еще терпят. Ему удалось получить то, чего он желал. В ответ Вольтер сделал комплименты ему и португальским евреям и признал, что поступил неправильно, включив их в число своих обвинений, но, тем не менее, продолжал злоупотреблять еврейской древностью.

Защита dПинто привлекла большое внимание. Пресса, как французская, так и английская, вынесла благоприятное суждение и поддержала дело евреев против Вольтера. Но они обвинили Пинто в том, что он был слишком равнодушен к португальцам и слишком решительно настроен против немецких и польских евреев, и, подобно Вольтеру, выносил приговоры всем без разбора из-за поведения нескольких человек. Католический священник, переодетый евреем, взялся за дело изучения древнееврейской старины. Он адресовал "Еврейские письма" Вольтеру, притворяясь, что они пришли от португальских и немецких евреев; они были написаны с хорошими намерениями, но плохо составлены. Они были широко прочитаны и помогли повернуть общественное мнение в пользу евреев против жестоких нападок Вольтера. Они не преминули напомнить ему, что из-за потери денег, понесенной по вине одного еврея, он в гневе преследовал всю расу. Этот дружеский памфлет от имени евреев, написанный на французском, тогда модном языке, был широко прочитан и обсужден и нашел благоприятный прием.

Сочувствие к евреям и движение за их освобождение от рабского положения были наиболее существенно стимулированы преследованиями, которые гуманные мыслители того времени считали удивительными и неожиданными, но которые часто повторялись среди христианских народов. Это преследование разожгло страсти с обеих сторон и пробудило людей к деятельности. Пожалуй, ни в одной части Европы угнетение и принижение евреев не было таким сильным, как в исконно немецком, но в то время французском эльзасском городе, выступавшем за поддержку, к которому можно причислить Мец. Все причины закоренелой ненависти к евреям - клерикальная нетерпимость, расовая антипатия, произвол знати, меркантильная зависть и грубое невежество — были объединены против евреев Эльзаса, чтобы превратить их существование в век просвещения в непрерывный ад. Однако угнетение было настолько ничтожным по своей природе, что оно никогда не могло побудить евреев оказать героическое сопротивление. Немецкое население этой провинции, как и немцы в целом, цепко держалось за свою ненависть к евреям. И дворяне, и граждане Эльзаса остались глухи к голосу человечности, который так красноречиво прозвучал во французской литературе, и ни на йоту не хотели ущемлять свои законные права в отношении евреев, с которыми обращались как с крепостными. В Алсе проживало от трех до четырех тысяч еврейских семей (от пятнадцати до двадцати тысяч душ). Во власти знати было принимать новые или изгонять старые семьи. В Меце купцы добились принятия закона, ограничивающего число евреев четырьмя сотнями восьмьюдесятью семьями. Такое положение дел имело те же последствия, что и в Австрии и Пруссии: младшие сыновья были обречены на безбрачие или изгнание из отцовского дома, а дочери оставались незамужними. На самом деле, это было хуже, чем в Австрии и других странах, потому что немецкий педантизм тщательно следил за исполнением этих строгих законов фараона и исподтишка наблюдал за французскими чиновниками, чтобы не было предпринято никаких попыток проявить снисхождение к несчастным людям. Естественно, евреи Эльзаса и Меца были закрыты в гетто и лишь изредка могли проезжать через другие части городов. За эти привилегии они были вынуждены платить непомерные налоги.

Людовик XIV преподнес часть своих доходов, полученных от евреев Меца, в дар герцогу д.э. Бранкасу и графине де Фонтен. Они должны были выплачивать этим лицам 20 000 ливров ежегодно; помимо подушных налогов, торговых податей, налога на жилье, взносов на церкви и госпитали, военных налогов и поборов всякого рода под другими названиями.

В Эльзасе они были обязаны платить деньги за защиту королю, дань епископу Страсбурга и герцогу Хагенау, помимо налогов на проживание дворянам, на феодальной территории которых они проживали, и военных налогов. Привилегия проживания не переходила к старшему сыну, а должна была быть приобретена у дворянина, как если бы сын был иностранным просителем защиты. Евреи должны были завоевать хорошее мнение не только о своем господине, но и о его чиновниках богатыми подарками на Новый год и по другим поводам. Откуда они могли добывать все эти деньги и все еще содержать свои синагоги и школы?

В Эльзасе им были запрещены почти все ремесла и торговля: легально они могли заниматься только скотоводством и торговлей золотом и серебром. В Меце евреям разрешалось убивать только тех животных, которые им требовались для личного потребления, и назначенные забойщики должны были вести список убитых животных. Если они хотели выехать за пределы своей узкой провинции, им приходилось платить подушный налог и подвергаться досадным изъятиям паспортов. В Страсбурге, столице провинции, ни один еврей не мог остаться на ночь. Что оставалось, как не добывать деньги, необходимые для их жалкого существования незаконным путем — через ростовщичество? Те, у кого были деньги, давали преимущественно мелким торговцам, фермерам и виноградарям, рискуя потерять предоставленные займы суммы, и требовали высокие проценты или прибегали к другим уловкам. Это только усилило ненависть к ним, и растущее обнищание народа было приписано им и стало источником их невыразимых страданий. Они оказались в печальном положении, будучи вынуждены делать несчастными себя и других.

Это жалкое положение эльзасских евреев злодей пытался обратить в свою пользу, и он едва не вызвал кровавые преследования. Юрист, не лишенный мозгов и литературной культуры, по имени Хелл, принадлежащий к бедной семье и страстно желающий занять высокое положение, будучи знакомым с уловками еврейских ростовщиков, фактически выучил язык иврит, чтобы иметь возможность шантажировать их, не опасаясь разоблачения. Он посылал письма с угрозами на иврите, в которых говорилось, что их неизбежно обвинят в ростовщичестве и обмане, если они не предоставят ему указанную сумму денег. По этому ничтожному закону в последствии Йер стал окружным судьей нескольких эльзасских дворян, и таким образом евреи были полностью отданы в его власть. Те, кто не удовлетворял его постоянно растущие требования, подвергались обвинениям, жестокому обращению и осуждению. Тем временем его несправедливое поведение было рхудожественно разоблачено: его заподозрили, и это возбудило его против евреев Эльзаса. Он разработал план, как возбудить против них фанатизм. Он указал должникам на способ избежать гнетущих долгов, которые они задолжали еврейским ростовщикам, предъявив фальшивые электронные квитанции об уже произведенных платежах. Некоторые из его приспешников путешествовали по Эльзасу и выписывали подобные оправдательные приговоры. Священнослужители заставляли замолчать совесть добросовестных должников, которые уверяли их, что ограбление евреев было праведным деянием. Евреи были усмирены специально посланным для этой цели мошенником, который

раздавал ордена и кресты, предположительно от имени короля, тем, кто принимал и предъявлял фальшивые квитанции, и был готов обвинить евреев в притеснении и двуличии. Таким образом, в отношении евреев Эльзаса возникло угрожающее чувство, граничащее с настоящим насилием. Должники объединились с обычными хулиганами и священнослужителями, чтобы умолять слабоумного короля Людовика XVI положить конец всем беспорядкам, изгнав евреев из провинции. В довершение своей работы злодейский окружной судья стремился настроить население против них. Он сочинил ядовитый труд против них (1779) "Наблюдения эльзасца о нынешних расправах евреев Эльзаса", в котором он собрал все клеветнические обвинения против евреев с древних времен, чтобы представить их отталкивающую картину и подвергнуть их ненависти и истреблению. Он признал, что квитанции были подделаны, но это было следствием велений Провидения, которому одному надлежало вершить месть. Они надеялись таким образом отомстить за распятие Иисуса, убийство Бога. Этот окружной судья ставил своей целью уничтожение или, по крайней мере, изгнание евреев. Но дух терпимости приобрел достаточную силу, чтобы предотвратить успех таких хитроумных замыслов. Его подлые уловки были раскрыты, и по приказу короля Ад был заключен в тюрьму, а затем изгнан из Эльзаса. Указом государя предписывалось (май 1780 г.), что судебные иски против ростовщиков больше не должны рассматриваться окружными судами дворянства, а главным советником или членом государственного совета (Conseil Souverain) Эльзаса.

Одним из результатов этих событий было то, что эльзасские евреи, наконец, очнулись и отважились заявить, что их положение невыносимо, и умолять освободить трон кроткого короля Людовика XVI. Их представители (Серф Берр?) составили меморандум государственному совету по поводу бесчеловечных законов, по которым они стонали, и внес предложения об улучшении их участи. Однако они считали, что этот мемориал должен быть написан таким образом, чтобы повлиять на общественное мнение, в то время почти столь же могущественное, как сам король. Но среди них не было ни одного человека с духом и способностями, который мог бы составить подходящее описание их состояния.

К кому они могли обратиться, кроме как к Мендельсону, на которого европейские евреи смотрели как на своего защитника и могущественного сторонника в бедственном положении? Поэтому эльзасские евреи — или, правильнее сказать, их выдающийся представитель, возмущенный Серф Берр, который знал Мендельсона, — послали ему материал с просьбой придать необходимый лоск и впечатляющую форму их петиции. У Мендельсона не было ни досуга, ни, возможно, умения выполнить их просьбу. К счастью, он нашел нового друга и почитателя, который, благодаря знаниям и положению, был лучше способен сформулировать такой мемориал. Кристиан Уильям Дом (р. 1751, ум. в 1820), благодаря своему доскональному знанию истории, незадолго до этого был назначен Фридрихом Великим — в звании военного советника — надзирать за архивами. Как и все амбициозные юноши и мужчины, часто посещавшие Берлин, Дом искал еврейского философа, находившегося в то время на пике своей славы; и, как и все, кто входил в его круг, Дом чувствовал, что его привлекает его интеллектуальность, мягкость и великая мудрость. Во время своего пребывания в Берлине он был постоянным гостем в доме Мендельсона, который в субботу, в свой свободный день, всегда собирал вокруг себя своих друзей. Каждый образованный христианин, соприкасавшийся с Мендельсоном, испытывал к нему приятное влечение, преодолевал свое предубеждение против евреев и испытывал смешанное восхищение и симпатию к расе, которая перенесла так много страданий и породила такую личность. Дом уже высказал свою врожденную или приобретенную антипатию к евреям. Его интерес к человечеству покоился не на зыбкой почве

христианской любви, а на твердой почве человеческой культуры, характерной для восемнадцатого века, и включал в себя также этот несчастный народ. Он уже планировал сделать "историю еврейской нации с момента разрушения их собственного государства" предметом своих исследований.

Дом выразил готовность составить мемориал эльзасским евреям в приятной форме совместно с Мендельсоном. Во время выполнения этой задачи ему пришла в голову мысль опубликовать призыв не только о защите немногих, но и от имени всех немецких евреев, которые страдали от подобных притеснений. Так возник его никогда не забываемый труд "О гражданском улучшении положения евреев" (закончен в августе 1781 г.), ставший первым шагом к снятию тяжелого ярма с шеи евреев. Этим памфлетом, подобно Лессингу с его "Натаном", Дом частично искупил вину немецкой нации в порабощении и унижении достоинства евреев. Извинения Доума не имеют клерикального оттенка, но были адресованы трезвым, просвещенным государственным деятелям и особенно подчеркивали политические преимущества. Благородному филантропу, который первым выступил за освобождение негров, приходилось преодолевать меньше трудностей, чем Дому, в его усилиях по освобождению евреев. Сами обстоятельства, которые должны были говорить в их пользу, их интеллект и активность, их миссия учить христианские народы чистым доктринам о Боге и морали, их древнее благородство — все это шло им во вред. Их интеллектуальные и энергичные привычки были описаны как хитрость и корыстолюбие; их упорство в происхождении своих догм — как самонадеянность и неверие, а их древнее благородство — как гордость. Трудно переоценить героизм, необходимый для того, чтобы сказать слово от их имени, перед лицом многочисленных предрассудков и настроений против евреев, преобладающих среди всех классов христианского общества.

В своей апологии Дом, как уже отмечалось, опустил все ссылки на религиозную точку зрения и остановился исключительно на политическом и экономическом аспекте. Он начал с утверждения, что существует всеобщее убеждение в том, что благосостояние государств зависит от увеличения численности населения. С этой целью многие правительства тратили большие суммы денег на привлечение новых граждан из зарубежных стран. Исключение было сделано только в случае с евреями. "Почти во всех частях Европы законы и конституция государства в целом направлены на то, чтобы, насколько это возможно, предотвратить увеличение числа этих несчастных азиатских беженцев." И им либо отказывают в получении вида на жительство, либо предоставляют его за фиксированную сумму на короткий срок. Таким образом, значительная часть евреев обнаруживает, что ворота каждого города закрыты для них; их бесчеловечно оттесняют от границы, и им ничего не остается, кроме как умирать с голоду или спастись от голодной смерти преступным путем. Каждая гильдия сочла бы себя обесчещенной, приняв еврея в качестве члена; поэтому почти в каждой стране евреям запрещено заниматься ремеслами и механическим искусством. Только люди редкой гениальности среди таких гнетущих обстоятельств сохраняют мужество и безмятежность, чтобы посвятить себя изящным искусствам и наукам. Даже редкие люди, достигающие высокой степени совершенства, а также те, кто делает честь человечеству своей безукоризненной праведностью, вызывают уважение лишь у немногих; у большинства самые выдающиеся достоинства души и сердца никогда не смогут искупить ошибку "быть евреем". Какие причины могли побудить правительства европейских государств быть столь единомышленными в таком отношении к еврейской нации?" — спросил Дом. Возможно ли, что трудолюбивые и добропорядочные граждане менее полезны государству, потому что они родом из Азии и отличаются бородой, обрезанием и формой поклонения? Если бы еврейская религия содержала

вредные принципы, то исключение ее приверженцев и презрение, испытываемое к ним, были бы оправданы; но это не так. "Толпа, считающая себя вправе обманывать каждого еврея, ложно утверждает, что по его закону ему разрешено обманывать приверженцев другой веры, а преследующие священники распространяют истории о предрассудках, испытываемых евреями, и таким образом раскрывают свои собственные. К главной книге евреев, Закону Моисея, с благоговением относятся и христиане".

Дом рассмотрел историю евреев в Европе — как в первые века они пользовались полными гражданскими правами в Римской империи и, должно быть, считались достойными таких привилегий, — как они были унижены адедом и лишены своих прав сначала византийцами, затем германскими варварами, особенно вестготами в Испании. Из Римской империи евреи принесли больше культуры, чем обладали доминирующие нации; они не были обезображены жестокими междоусобицами, и их прогресс не был замедлен монашеской философией и суевериями. В Испании среди евреев и арабов существовала более замечательная культура, чем в христианской Европе. Затем Дом проанализировал ложные обвинения и преследования евреев в средние века, изобразив христиан жестокими варварами, а евреев — прославленными мучениками. Коснувшись положения евреев в различных штатах, он завершил свое описание словами:

"Эти принципы исключения, в равной степени ОПП когда человечеству и политики, на которых лежит отпечаток темных веков, являются недостойными просвещения в наше время, и заслужил не последовало. Вполне возможно, что некоторые ошибки настолько глубоко укоренились, что исчезнут только в третьем или четвертом поколении. Но это не аргумент против того, чтобы начинать реформы сейчас, потому что без такого начала лучшее поколение никогда не сможет появиться".

Дом предложил план, посредством которого можно было бы способствовать улучшению положения евреев, и его предложения сформировали программу на будущее. Во-первых, они должны были получить равные права со всеми другими подданными. В частности, им должна быть предоставлена свобода занятий и добывания средств к существованию, с тем чтобы путем мудрых мер предосторожности они были бы отвлечены от мелкой торговли и ростовщичества и привлечены к ремеслам, сельскому хозяйству, искусствам и наукам — и все это без принуждения. Нравственному возвышению евреев должно было способствовать основание ими собственных хороших школ или прием их молодежи в христианские школы, а также возвышение взрослых в еврейских молитвенных домах. Но следует также убедить христиан, через проповеди и другие эффективные средства, чтобы они были на связи и жидам относиться так, как бульонДЗЗ и коллег-мужчин. Разумеется, Дом желал, чтобы им была предоставлена свобода в их частных религиозных делах: свободное отправление религиозных обрядов, основание синагог, назначение учителей, содержание их бедных, если это будет сочтено разумным, под надзором правительства. Им следует предоставить даже право исключать непокорных членов из сообщества. Дом, более того, выступал за сохранение, при определенных ограничениях, независимой юрисдикции в делах между евреями, властью, которой должен быть наделен суд раввинов. Он хотел лишить их только одной привилегии — занимать государственные должности или выходить на политическую арену. Способность выполнять эти обязанности, по его мнению, полностью отсутствовала в том поколении и не

проявится очень заметно в следующем. Кроме того, существовало скорее переизбыток, чем недостаток компетентных государственных служащих. По этой причине в настоящее время было бы лучше как для государства, так и для евреев, если бы они работали на складах за плугом, а не в государственных учреждениях. Ближайшее будущее опровергло его сомнения.

Дом предвидел, что его программа освобождения евреев встретит яростное и упорное противодействие со стороны духовенства и теологической школы. Поэтому он предоставил это "мудрости правительств", которые в то время были более склонны к прогрессу и просвещению, чем народ. Дом был преисполнен серьезности и важности своей задачи; он был уверен, что его предложения заложат основу не только для благополучия евреев, но и для благосостояния государств. Нельзя упускать из виду, что за его спиной стоял Мендельсон. Даже если он не диктовал слова, все же он вдохнул в них свой дух мягкости и любви к человечеству и осветил те моменты, которые были странными и темными для Доума, христианского и политического писателя. Таким образом, на Мендельсона следует смотреть если не как на отца, то уж точно как на крестного отца творчества Доума.

Было неизбежно, что такой трактат вызовет большое волнение в Германии. Разве это требование обращаться с евреями как с равными не должно было казаться уважаемым христианам чудовищным поступком; как если бы знати предложили сесть за один стол со своими рабами? Вскоре после своего появления работа Доума, пропагандирующая еврейскую эмансипацию, стала необычайно популярной; ее читали, обсуждали, критиковали и опровергали многие, и лишь немногие одобрили ее. Первый слух был, что дом продал свое перо, чтобы евреи по очень высокой цене, хотя он и специфически просил защиты для бедных бездомных разносчиков. Удача начала улыбаться евреям после того, как они столько веков поворачивались к ним спиной. Едва успел появиться памфлет, как император Иосиф, первый австрийский правитель, позволивший себе в какой-то степени руководствоваться моральными и гуманными принципами, сбросив ярмо католической церкви и издав эдикт о веротерпимости протестантам, издал ряд законов, касающихся евреев, которые демонстрировали искреннюю, хотя и довольно яростную филантропию.. Не успел он появиться.

Этим новым отъездом (19 октября 1781 г.) евреям было разрешено обучаться ремеслам, искусствам и наукам и, с определенными ограничениями, посвятить себя сельскому хозяйству. Двери университетов и академий, до сих пор закрытые для них, были распахнуты настежь. Образование еврейской молодежи представляло большой интерес для этого императора, который пропагандировал "философскую мораль". Соответственно, он издал указ о создании еврейских начальных и средних школ (normal schools) и заставил взрослых изучать язык страны, постановив, что в будущем юридическую силу будут иметь только документы, написанные на этом языке. Он предусмотрительно устранил риск всех возможных попыток религиозного принуждения. В школах все, что могло быть оскорбительным для любого вероисповедания, должно было быть исключено из учебной программы. Постановление предписывало (2 ноября), чтобы евреев повсюду считали "собратьями" и избегали любых эксцессов против них. Лейбцолл (налог на тело), более унижительный для христиан, чем для евреев, также был отменен Иосифом II славной памяти, в дополнение к специальным налогам по закону, паспортной пошлине, ночным дежурствам и всем подобным репрессивным поборам, которые сделали евреев изгоями, поскольку теперь они должны были иметь равные права с жителями-христианами (19 декабря). Иосиф II не собирался предоставлять евреям полное гражданство; им по-прежнему запрещалось проживать в тех городах, откуда их до сих пор

изгоняла христианская нетерпимость. Даже венским евреям мы разрешали ограничиваться лишь в нескольких исключительных случаях выплатой денег за защиту (налог на веротерпимость), защита которых не распространялась на их взрослых сыновей. Им не разрешили иметь ни одной общественной синагоги в Вене. Но Иосиф II отменил ряд неприятных, ограничительных правил, таких как обязательное ношение бороды, запрет выходить на улицу до полудня по воскресеньям и праздникам или посещать общественные увеселительные заведения. Император даже разрешил еврейским оптовым торговцам, неспособным, и их сыновьям носить мечи (2 января 1782 г.) и особенно настаивал на том, чтобы христиане вели себя дружелюбно по отношению к евреям.

Таким образом, было положено заметное начало. Тысячелетний позор, которому подвергались раса Иудеев из-за безжалостности Церкви, алчности князей и жестокости народов, теперь был частично устранен, по крайней мере в одной стране. В результате предложения Доума были встречены серьезным вниманием; они рассматривались не как идеальные мечты, а как заслуживающие внимания политические принципы. Ученые, священнослужители, государственные деятели и князья начали всерьез интересоваться еврейским вопросом. Каждый мыслящий человек в Германии и других странах принял ту или иную сторону. Высказывались различные мнения и идеи; были высказаны самые любопытные предложения. Проповедник по имени Швагер писал:

"Я всегда испытывал отвращение к ненависти к несчастной нации, потому что она по-другому поклоняется Богу. Я всегда сетовал на то, что мы заставили евреев обманывать нас угнетающим политическим игом. Ибо что еще они могут сделать, чтобы выжить? каким еще способом они могут платить свои высокие налоги?"

Диц, близкий друг Дома, один из благороднейших людей той эпохи, впоследствии посол Пруссии при турецком дворе, считал, что Дом просил слишком мало для евреев.

"Вы совершенно верно утверждаете, - заметил он, - что нынешняя моральная порочность евреев является следствием их рабства. Но для того, чтобы раскрасить картину и ослабить упреки, выдвигаемые в адрес евреев, было бы полезно показать моральную порочность христиан; конечно, она ничуть не меньше, чем у евреев, и, скорее, является причиной последних".

Джон фон Мюллер, талантливый швейцарский историк, обладавший обширными познаниями во всеобщей истории, также восхищался славной древностью евреев, высоко оценивал усилия Дома в защиту евреев и снабжал его из сокровищ своих знаний новыми доказательствами несправедливого и безжалостного преследования средневековых евреев их деморализации невыносимой тиранией. Он пожелал, чтобы труды Маймуни, "еврейского лютера", были переведены на один из европейских языков.

Естественно, недостатка во враждебных памфлетах не было. Особенно примечателен был жестокий трактат, как никогда раньше в Праге, под названием "на Инутилити евреев в королевствах Богемии и Моравии", в которой автор отказывал себе в общих оскорблениях адрес евреев, и оживил все обвинения в отравлении колодцев, подстрекательстве к мятежу, и другие поводы для их изгнания. Это непристойное произведение было настолько жестоким, что император Иосиф запретил его распространение (2 марта 1782 г.). Непримирым противником

евреев в то время был Фредерик Трауготт Хартманн. И почему? Потому что еврейские разносчики обманом лишили его нескольких пенни. Однако из-за ядовитого тона эти сочинения вредили евреям меньше, чем сочинения немецких педантов.

К ним принадлежал известный авторитетный ученый Джон Дэвид Михаэлис, престарелый профессор в Геттингене. Его кругозор расширился благодаря равелям и наблюдательности, и он вырвался из узости лютеранского богословия. Михаэлис был основателем рационалистической школы теологов, которые сводили чудеса и возвышенность Священного Писания к простым естественным фактам. Благодаря своему "Закону Моисея" и совершенствованию еврейской грамматики и толкования он приобрел высокую репутацию. Но Михаэлис обладал именно той долей неверия, которая заставляла его ненавидеть евреев как носителей богооткровенной религии и чудесной истории, и презирать их как противников христианства. Офицер-еврей французской армии, когда она дислоцировалась в Геттингене, лишь неохотно отдал честь в ответ на раболепное почтение профессоров, которое они оказывали каждому французу. Этого было достаточно, чтобы Михаэлис испытывал отвращение ко всем евреям без исключения и утверждал, что у них отвратительный характер. За несколько лет до этого Михаэлис заметил по поводу появления драмы Лессинга "Еврей", "что благородный еврей - это поэтическая невозможность". Опыт опроверг это утверждение Мендельсона и других людей; но немецкий профессор не может ошибаться. Михаэлис придерживался своего мнения, что евреи были неисправимой расой. То он осуждал евреев с теологической точки зрения, то из политических соображений. Трудно сказать, следует ли называть это бесчувственностью, интеллектуальной тупостью или злобой, когда Михаэлис выпаливает:

"Мне кажется, что здесь, в Германии, у них (евреев) уже есть все, что они могут пожелать, и я не знаю, что он (Дом) хочет к этому добавить. Медицина, философия, физика, математика — они не исключены, и он сам не желает, чтобы у них были кабинеты".

Он даже защищал получение денег за защиту от евреев.

Нельзя сказать, что антиеврейский трактат Михаэлиса в то время причинил им вред, ибо ни в коем случае немецкие князья и народ не освободили бы их, если бы этого не вынудил властный ход истории. Но в последующие годы Михаэлис был задействован в качестве авторитета по борьбе с евреями. Возбужденная Домом агитация и мнения *за* и *против* привели лишь к формированию общественного мнения об иудаизме, и это затронуло не Германию, а Францию. Чудесное стечение исторических событий! В знаменитый окружной судья Эльзаса хотел уничтожить евреев Эльзаса, и своей злобой он фактически способствовал освобождению евреев во Франции.

Мендельсон благоразумно держался на заднем плане в этом движении: он не хотел, чтобы к нему обращали внимание как к предвзятому защитнику своих собратьев по религии и расе. Он благословил вспышку интереса к своим несчастным родственникам.

"Благословенно Всемогущее Провидение, позволившее мне в конце моих дней увидеть счастливое время, когда права человечества начнут реализовываться в их истинном объеме".

Однако две вещи заставили его нарушить молчание. Он обнаружил, что стрел, выпущенных Домом, было недостаточно, чтобы пронзить толстокожего монстра ненависти к евреям.

"Разум и человечность тщетно зывали к своему голосу, ибо седоголовые предрассудки глухи". "Разум и человечность".

Сам Дом не казался ему свободным от общих предрассудков, потому что он признавал, что современные евреи порочны, бесполезны, даже вредны; поэтому он предложил способы улучшить их. Но Мендельсон, который лучше знал своих единоверцев, не находил их настолько сильно зараженными моральной проказой - или так сильно отличающимися от христиан того же класса и профессии, — как пытались утверждать высокомерные христиане в своем самовосхвалении. Очень умным способом Мендельсон дал понять не только геттингенским ученым Михаэлису и Хартманну, но и Дому, что они неправильно понимали еврейский вопрос.

"Замечательно отмечать, как предрассудки принимают формы каждого столетия, чтобы действовать деспотически по отношению к нам и создавать трудности на пути получения нами гражданских прав. В суеверные века говорили, что мы оскорбляем священные предметы просто из распутства; протыкаем распятия и пускаем из них кровь; тайно делаем детям обрезание и закалываем их, чтобы насладиться этим зрелищем; проливаем христианскую кровь на нашу Пасху; отравляем колодцы.

"Сейчас времена изменились, клевета больше не производит желаемого впечатления. Теперь мы, в свою очередь, упрекал суеверий и Игнорансе, отсутствие нравственных чувств, вкуса и изысканных манер, неспособность к выполнению наук, искусств и полезным занятиям, особенно на службу войне и государству, неодолимое влечение к обману, ростовщичества, и беззаконие; и все они заняли ПЛАСе грубых обвинений против нас, чтобы исключить нас из числа граждан, и отвергнуть нас от материнское лоно государства. Они связывают нам руки и упрекают нас в том, что мы ими не пользуемся.... Разум и дух исследований нашего века еще не стерли все следы варварства в истории. Многие легенды прошлого заслужили доверие, потому что никому не приходило в голову подвергать их сомнению. Некоторые из них поддерживаются такими важными авторитетами, что мало у кого хватает смелости рассматривать их как легенды и клевету. Даже в настоящее время в Германии есть много городов, где ни одному обрезанному человеку, даже если он платит пошлину за свою веру, не разрешается выходить при свете дня без присмотра, чтобы он не похитил христианского ребенка или не отравил колодцы; в то время как ночью ему не доверяют строжайшего надзора из-за его хорошо известных сношений со злыми духами".

Второй момент в дом мемуаров, которые вас не радуют Мендельсон был, что он потребовал признания государства к еврейской религии, поскольку правительство предоставить ему право кроме недисциплинированных членов своего рода отлучение от церкви. Это не гармонировало с его представлением о чистой религии. Чтобы как можно больше противодействовать ошибкам благонамеренной апологии Дома и упорному неправильному пониманию евреев, Мендельсон поручил одному из своих молодых друзей, врачу Маркусу Герцу, перевести с английского оригинала "Vindiciae Judæorum" Манассии бен Израэля против многочисленных слабых обвинений, выдвинутых против них. Он сам написал предисловие, полное светлых мыслей (март 1782 г.), под названием "Спасение евреев", в качестве приложения к работе Доума. Апология Манассии была похоронена в книге, которую мало кто читал; Мендельсон сделал ее превосходные истины известными среди культурных классов и путем правильного разъяснения придал им надлежащий акцент. В этом предисловии он настаивал на том, что, хотя церковь присваивает себе право налагать наказания на своих последователей, религия,

истинная вера, основанная на разуме и любви к человечеству, "не требует ни руки, ни пальца для своей цели; это касается только духа и сердца. Более того, он не изгоняет грешников и отступников из своих дверей". Не зная всей степени вреда, причиненного этим ходом еврейской истории, Мендельсон ненавидел запрещающую силу. Поэтому он заклинал раввинов и старейшин отказаться от своего права на отлучение от церкви.

"Увы! братья мои, вы слишком сильно ощутили на себе гнетущее ярмо нетерпимости; всенароды земли, похоже, до сих пор были введены в заблуждение идеей, что религию можно поддерживать только железной рукой. Вы, возможно, сами позволили ввести себя в заблуждение, заставив думать то же самое. О, братья мои, следуйте примеру любви, как вы до сих пор следовали примеру ненависти!"

Мендельсон теперь занимал столь высокое положение в общественном мнении, что каждую новую публикацию, носящую его имя, жадно читали. Основная мысль предисловия к "Оправданию" Манассии бен Израэля о том, что религия не имеет никаких прав по отношению к своим последователям и не должна прибегать к принудительным мерам, поразила его читателей. Такое никогда не приходило в голову ни одному верующему христианину. Просвещенные христианские священнослужители, такие как Теллер, Сполдинг, Цолликофер и другие, постепенно прониклись новой идеей и одарили ее создателя публичными аплодисментами. Фанатичные священнослужители и упрямые умы, с другой стороны, увидели в этом разрушение религии. "Все это ново и сложно; отрицаются основные принципы", - сказали они. В еврейских кругах также было высказано много возражений против точки зрения Мендельсона. Казалось, что он внезапно отказался от иудаизма, который, безусловно, обладает сложной системой наказаний за религиозные преступления и прегрешения. Из христианского лагеря против него был выпущен памфлет под названием "Исследования о свете и истине", в котором утверждалось, что он наконец сбросил маску; что он принял религию любви и повернулся спиной к своей родной вере, которая осуждает.

Во второй раз Мендельсон был вынужден выйти из своего уединения и изложить свои взгляды на религию. Это он сделал в работе, озаглавленной "Иерусалим", или "О церковной власти и иудаизме" (весна 1783 г.), чистота содержания и формы которой является памятником его высокого гения. Мягкость, которой дышит эта книга, теплота убеждения, откровенность высказываний, ее детская непосредственность и в то же время глубоко продуманный ход мыслей, изящный стиль, который делает приятной даже сухую дискуссию, — все эти качества заслужили одобрение этого произведения современниками и навсегда обеспечат ему место в литературе. В то время это вызвало большое удивление. Считалось, что из-за своих представлений о религии и иудаизме Мендельсон, если и не полностью порвал с иудаизмом, то объявил многие вещи в нем бесполезными. Теперь он показал, что он ярый еврей и не уступит ни малейшей части существующего иудаизма, ни раввинского, ни библейского; что он, фактически, претендовал на высшие привилегии для этого. Все это соответствовало его своеобразному способу мышления.

Иудаизм признает свободу религиозных убеждений. Таким образом, изначальный, чистый иудаизм не содержит никаких обязательных догматов веры, никаких символических книг, с помощью которых верующие были вынуждены клясться и подтверждать свой долг. Иудаизм предписывает не веру, а знание, и он призывает принимать его доктрины близко к сердцу. В этой презируемой религии каждый может думать, высказывать суждения и заблуждаться так,

как ему заблагорассудится, не навлекая на себя вины за ересь. Его право на применение наказания возникает только тогда, когда злые мысли становятся действиями. Почему? Потому что иудаизм - это не богооткровенная религия, а богооткровенное законодательство. Его первая заповедь гласит не "ты должен верить или не верить", а "ты должен делать или воздерживаться от действий".

"Согласно божественно установленной конституции, государство и религия едины. Наказываются не неверие, лжеучение и заблуждения, а злостные нарушения принципов государства и национальной конституции. С разрушением Храма, *то есть* падением государства, все общественные наказания и смертная казнь, а также денежные штрафы прекратились. Национальные узы были распущены; религиозные прегрешения больше не были преступлениями против государства, и религия как таковая не знает наказаний".

Для тех, кто всерьез или в шутку сообщал, что Мендельсон отделился от иудаизма, он подчеркивал два момента, не совсем относящихся к его предмету, а именно, что так называемый церемониальный закон иудаизма также, в частности, божественного происхождения, и что его обязательный характер должен сохраняться до тех пор, "пока Всевышнему не будет угодно отменить его так же ясно и публично, как это было открыто".

Эффект от этого подробного извинения был больше, чем Мендельсон мог ожидать. Вместо того чтобы защищаться, он выступил обвинителем и в обращении, одновременно мягком и решительном, обнажил ненавистные язвы церкви и государственного устройства. Два авторитетных представителя той эпохи высказали лестные мнения о нем и предмете, который он обсуждал. Кант, который уже свидетельствовал о величии своей мысли, писал, что прочитал "Иерусалим" с восхищением за остроту аргументации, утонченность и остроумие композиции.

"Я считаю эту книгу вестником великой реформы, которая затронет не только вашу страну, но и других. Вам удалось совместить свою религию с такой степенью свободы совести, какую никогда нельзя было себе представить возможной, и которой не может похвастаться ни одна другая вера. В то же время вы так тщательно и ясно продемонстрировали необходимость неограниченной свободы совести в каждой религии, что в конечном итоге наша Церковь также будет вынуждена задуматься о том, как удалить из своей среды все, что тревожит и угнетает совесть, что, наконец, объединит всех людей в их взгляде на существенные моменты религии".

Михаэлис, рационалистический антисемит, был сбит с толку, смущен и пристыжен смелыми идеями "Иерусалима". Иудаизм, который он презрительно презирал, теперь бесстрашно и победоносно поднял голову. Еврей Мендельсон, которому он не доверил бы и пенни, казался воплощением добросовестности и мудрости. Михаэлис был крайне озадачен, вынося суждение об этой замечательной работе. Он был вынужден признать многое. Таким образом, без корыстных побуждений, движимый только обстоятельствами, Мендельсон прославил иудаизм и страхнул позор со своего народа. Тем временем Доум помогал ему. Он продолжал излагать иудаизм в самом выгодном свете и опровергать все возражения, как честные, так и мараспутные; он стал рассматривать эту ссору как свою собственную. Но больше всего Дом добился, заручившись своими трудами в пользу евреев симпатиями Мирабо, человека с достаточно сильными плечами, чтобы вынести новую мировую систему, и он продолжил дело Дома.

В то же время и таким же образом, то есть косвенно, Мендельсон снова призывал к внутреннему омоложению евреев, которое должно было сопровождать их эмансипацию. Из скромности или благоразумия он не стал бы выходить на фронт; он побудил Доом сражаться за их освобождение, и для их возрождения он выдвинул другого друга, который, казалось, был рожден для этой задачи. Благодаря Мендельсону Уэссели стал историческим персонажем, который со всей своей энергией работал над улучшением положения евреев, восполнив недостаток замкнутого характера Мендельсона. Хартвиг (Хартог, Нафтали-Герц) Вессели (родился в Гамбурге в 1725 году; умер в том же городе в 1805 году) обладал своеобразным характером, сочетавшим в себе элементы, которые не часто сочетаются. Его дед основал оружейную фабрику в Гольштейне и был коммерческим советником и королевским резидентом. Его отец также вел важный бизнес и часто общался с так называемыми великими людьми. Таким образом, Хартвиг Вессели приехал со своим отцом в Копенгаген, где обосновалась португальская община, а также несколько немецких евреев. Его раннее образование было таким же, как у большинства мальчиков того времени; он научился механически читать на иврите и неправильно переводить Библию, чтобы быть запущенным, ничтожным мальчиком, в лабиринт Талмуда. Но путешествующий грамматик Соломон Ханау способствовал развитию зародышей внутри него и внушил ему любовь к ивриту. Его труд не был напрасным. Семя, посеянная Ханау, должно было принести тысячу плодов. Главным интересом Уэссели было изучение Священных Писаний на языке оригинала; целью его жизни было понять их со всех точек зрения. Благодаря частым контактам своего отца с нееврейскими кругами, в ходе бизнеса Уэссели получил представление о реальной жизни и впитал другие отрасли знаний, современные языки, географию, историю, описания путешествий. Они служили лишь вспомогательными науками, которые он мог использовать при специальном изучении Священных Писаний и с помощью них глубже проникать в их мысль и дух. Как и Мендельсон, Уэссели был самоучкой. Очень рано у него развился вкус, чувство красоты, стремление к чистоте речи и формы, а также отвращение к смешанным диалектам и жаргону, распространенному среди немецких евреев.

Уэссели снова напоминал Мендельсона по характеру, поскольку отличался строгой добросовестностью и возвышенным чувством чести. В нем тоже мысли, чувства, слова и поступки не отличались друг от друга. Он был глубоко, чисто набожен, непоколебимый приверженец иудаизма. Однако его натура не отличалась мягкой податливостью, присущей Мендельсону. Он был чопорным и педантичным, больше склонным жонглировать словами и расщеплять волосы, чем глубоко мыслить, и у него не было правильного представления о действии движущих миром сил. Всю свою жизнь Уэссели оставался провидцем и смотрел на события реального мира сквозь цветные очки. В одном Уэссели, очевидно, превосходил Мендельсона; он был поэтом. На самом деле, как всегда, он обладал незаурядной легкостью и умением создавать красивые, хорошо звучащие стихи безупречной утонченности, изящной симметричной плавности и точного построения.

Вессели был очень очарован законами императора Иосифа в пользу евреев, особенно приказом о строительстве школ; он увидел в них зарю золотого века для евреев, в то время как Мендельсон, с его острым восприятием, с самого начала не ожидал больших результатов. Он замечает: "Возможно, это всего лишь мимолетная идея, не имеющая смысла, или, как некоторые опасаются, у нее есть финансовая цель". Уэссели, однако, сочинил пламенный гимн, восхваляющий благородное правление и великодушие императора Иосифа. Как только ему сообщили, что строго ортодоксальная партия в Вене сожалеет о приказе об учреждении школ

как о вмешательстве в их свободу совести, он направил письмо на иврите (март 1782 г.) под названием "Слова мира и истины" австрийским конгрегациям, призывая их приветствовать это как благо, радоваться этому и в настоящее время выполнять его. Он объяснил, что приобретение общей культуры является религиозным долгом евреев, рекомендованным даже Талмудом, что последнее должно даже предшествовать знанию религии, и что только такими средствами они могут снять позор, который, о их невежестве, тяготел над ними так долго. Уэссели подчеркивал необходимость изгнания варварского жаргона из среды евреев и развития чистого, благозвучного языка. Он набросал план обучения в своем письме, показывая, как еврейскую молодежь следует вести, шаг за шагом, от элементарных предметов к изучению Талмуда. Это письмо, написанное с пылом, впечатляющим красноречием и в прекрасном еврейском стиле, не могло не произвести большого эффекта, не Вессели в своей фантастической манере рекомендовал, чтобы вся еврейская молодежь, без различия талантов и будущей профессии, обучалась не только истории и географии, но и естественным наукам, астрономии и религиозной философии, потому что только благодаря этим предварительным знаниям можно было приобрести глубокое понимание Священного Писания и иудаизма!

Это послание принесло ему как сладкие, так и горькие плоды. Община Триеста, состоящая в основном из итальянских и португальских евреев, которые, в отличие от немцев, не считали культуру ересью, обратилась к губернатору графу Цинцендорфу, заявив о своей готовности открыть обычную школу и умоляя его посоветовать им, как они могли бы приобрести учебники по религии и этике. Цинцендорф направил их к Мендуэльсону, чье знаменитое имя проникло в это отдаленное место. Соответственно, Джозеф Хаим Галайго от имени конгрегации Триеста обратился к еврейскому мудрецу из Берлина с петицией о его трудах. По этому случаю Мендельсон привлек внимание жителей Триеста к своему другу Вессели и к его циркулярному письму, рекомендующему основать еврейские школы, и община немедленно вступила с ним в переговоры. Таким образом, его пылкие слова сразу же получили поддержку.

Со стороны этих строго набожных людей, однако, теперь против него разразилась буря. Особенно их возмутило его искреннее одобрение реформ императора Иосифа. Непримируемая манера, с которой князья обычно уступали свободу, насилие, применяемое к евреям, естественное отвращение к отказу от прошлого, законный страх, что посредством школьного образования и частичной эмансипации молодые люди будут совращены от иудаизма и что преподавание в обычных школах вытеснит изучение Талмуда — все это побудило раввинов и представителей традиции выступить против реформирующих еврейские постановления императора Иосифа. Кроме того, люди сомнительного благочестия, такие как Герц Хомберг, с энтузиазмом продвигались вперед, добиваясь назначения во вновь открывшиеся учебные заведения *ded*, и соблазняя молодых студентов к нововведениям. Конечно, были умные люди, особенно в Праге, которые приветствовали новые законы как спасительные меры и надеялись, что с помощью этих средств евреи выйдут из своего жалкого, деморализованного состояния. Но ортодоксы осудили это меньшинство как новаторов и ничтожеств. Религиозная простота, которая при каждом дуновении ветра боялась падения здания веры, и жажда наживы, разжиревшая на невежестве, и извращенный метод обучения на испорченном диалекте, работали рука об руку, настраивая общины против школьных реформ. Вессели одним ударом уничтожил всю оппозицию. Тот, кого до сих пор уважали как ортодоксального верующего, теперь поддерживал новый порядок вещей. Далее, в своей неосторожной манере он процитировал талмудическую фразу: "Талмудист, который не обладает знаниями (общей культурой), уродливее трупа". Это высказывание сильно возмутило ортодоксов. Австрийские

раввины не осмеливались нападать на него открыто, потому что он всего лишь следовал идеям императора. Таким образом, они, по-видимому, подстрекали некоторых польских раввинов осудить его циркулярное письмо и отлучить от церкви.

Хотя зелоты не имели поддержки из Берлина, они продолжали охоту на еретиков, в результате чего с кафедр раздавались проклятия в адрес Уэссели; а в Лиссе его письмо было публично сожжено. У него был горький опыт одиночества в этом конфликте. Ни один из его приверженцев публично не встал на его сторону, хотя он боролся за правое дело благородными методами и в самой подобающей манере. Мендельсону не нравились подобные споры, и в то время он слишком сильно страдал, физически и морально, чтобы принимать в них участие. Таким образом, Уэссели пришлось вести собственную защиту. Он опубликовал второе письмо (24 апреля), предположительно адресованное конгрегации в Триесте, в котором он снова остановился на важности регулярного обучения и отмены старых практик и опроверг выдвинутые против него обвинения. Мягким и терпеливым Инг, он избегал перегонки строго на своих противников; но он разрешил слова порицания в адрес православия и однобоко, порочные талмудической тенденции к скольжению от него. Поистине, ирония истории заключалась в том, что самые ортодоксальные из последователей Мендельсона, сами того не желая, открыли огонь по раввинизму, подобно тому как каббалист Якоб Эмден нанес первый жестокий удар по Каббале. Мало-помалу несколько итальянских раввинов из Триеста, Феррары и Венеции высказались в пользу Уэссели и порекомендовали культуру, хотя и не смогли преодолеть пропасть между ней и раввинизмом. Вессели одержал победу; и противостоящие раввины сложили оружие. Школы для регулярного обучения возникали то тут, то там, даже в Праге. Но строгие талмудисты были правы. Их подозрения предсказывали будущее вернее, чем уверенность Мендельсона и Вессели. Старая жесткая форма иудаизма больше не могла заявлять о себе. Оба этих человека, которые чувствовали себя так непринужденно в старом здании и желали только одного - увидеть, как оно очистится тут и там от паутины и грибковых наростов, внесли свой вклад в разрушение его фундамента.

Уэссели, навсегда покинутый судьбой, дожил до того, чтобы со слезами на глазах наблюдать этот упадок. Мендельсону повезло больше, он был избавлен от этой боли. Смерть вовремя отозвала его, поскольку он понял, что его окружение, даже его собственные дочери, относились к нему с презрением и отвергали то, что его сердце считало самым священным и что он так искренне стремился прославить. Проживи он на десять лет дольше, даже его мудрость, возможно, не позволила бы ему справиться с этой болью. Он, который без тени романтики вел идеальную жизнь, умер идеально преображенным в нужный момент. Дружба и философия, которые возвысили его жизнь и принесли ему славу, разбили его сердце. Когда Мендельсон собирался воздвигнуть памятник своему незабвенному другу, чтобы показать его истинное величие будущим поколениям, он узнал от Якоби, что незадолго до своей смерти Лессинг проявил решительную симпатию к философии Спинозы. "Лессинг Спинозист!" Это пронзило сердце Мендельсона, как копьем. Ничто не было ему так неприятно, как пантеистическая система Спинозы, отрицавшая личного Бога, Провидение и Бессмертие - идеи, с которыми была связана душа Мендельсона. Что Лессинг должен был придерживаться таких убеждений, и что он, его закадычный друг, вообще ничего не должен знать о них! Ревность из-за того, что Лессинг раскрыл другим тайну, которую так тщательно скрывал от самого себя, и глубокое разочарование из-за того, что его друг не разделял его собственные убеждения, овладели Мендельсоном. Он подозревал, что его философия, если верно, что Лессингу она не понравилась, устареет и будет отброшена в сторону. Все его существо восставало против таких

сомнений. Эти мысли лишили покоя последние годы его жизни, сделали его страстным, возбужденным, лихорадочным. Когда он сочинял свою работу в опровержение работы Якоби "К друзьям Лессинга", волнение настолько овладело им, что привело к его смерти (4 января 1786 года). Эта идеальная смерть за дружбу и мудрость достойно завершила его жизнь и показала его потомкам таким, каким он предстал перед своими многочисленными друзьями и почитателями, честным человеком, в котором не было ни лжи, ни коварства. Почти все население прусской столицы и многие серьезные люди в Германии и за ее пределами оплакивали человека, который сорок лет назад с тяжелым сердцем постучался в одни из ворот Берлина, опасаясь, что христианский или еврейский бидл прогонит его. Попытка его друзей-христиан Николая, Бистера и Энгеля, наставника наследного принца Фридриха Вильгельма III, совместно с еврейскими почитателями установить памятник Мендельсону на площади Оперы рядом с памятниками Лейбницу, Ламберту и Зульцеру, хотя она и не встретила одобрения, характеризует прогресс того времени. Изуродованный сын так называемого "автора десяти заповедей" из Дессау стал украшением города Берлина.

ГЛАВА IX. НОВЫЙ ХАСИДИЗМ.

Союз разума с мистицизмом—Этораэль Баалшем, его карьера и репутация—Движение против раввинизма—"Цадик"—Беер Мизрич, его высокомерие и обманы—Религиозные методы хасидов—Их Литургия—Роспуск Синодов "Четырех стран"—Резня казаков в Польше—Илия Вильна, его характер и метод исследования—Хасиды Мизрич и Карлин—Обстоятельства оказываются благоприятными для распространения Новой секты—Энергичные разбирательства против них в Вильне—Смерть Беера Мизрича—Прогресс хасидизма, несмотря на преследования его противников.

1750-1786 гг. н. э.

Как только историческое произведение сослужило свою службу и должно претерпеть изменения, с разных сторон возникают новые явления, которые занимают враждебную позицию, чтобы либо изменить, либо уничтожить его. Можно было предвидеть, что возрождение еврейской расы, путь к которому проложил Мендельсон, приведет к трансформации и разложению религиозных привычек среди евреев. Новаторы желали этого, надеялись и стремились к этому; старая ортодоксальная партия подозревала это и боялась этого. Процесс распада был осуществлен также другим способом, на другой сцене, в совершенно других условиях и другими средствами, и этого нельзя было предвидеть. В Польше возник новый ессенизм, формы которого похожи на формы древнего культа, с омовениями и банями, белыми одеждами, чудесными исцелениями и пророческими видениями. Подобно старому движению, оно зародилось в ультра-благочестии, но вскоре обратилось против своего собственного родителя и, возможно, скрывает в себе зародыши особого кии, которое, находясь в процессе развития, не поддается определению. Мне кажется примечательным, что, в то время, когда Мендельсон заявил, рационального мышления, чтобы быть сущностью иудаизма, и основал, так сказать, широко продлен в порядке просвещенные мужи, еще один плакат был развернут, адепты которой объявил о грубейших суеверий должен быть основополагающим принципом

иудаизма, и образуется порядка чудо-ищу единомышленников. Обе эти новые организации заняли враждебную позицию по отношению к традиционному иудаизму и создали разрыв. История в своей порождающей силе столь же многообразна и загадочна, как природа. Здесь в непосредственной близости произрастают целебные травы и ядовитые растения, прекрасные цветы и отвратительные паразиты. Разум и неразумие, казалось, заключили соглашение, призванное разрушить гигантскую структуру талмудического иудаизма. Попытка, однажды предпринятая историей, ниспровергнуть иудаизм одновременным существованием Спинозы и Саббатая Цеви, теперь была повторена одновременными нападками представителей разума и неразумия. Епросветление и каббалистический мистицизм взяли за руки, чтобы начать разрушительную работу. Мендельсон и Израэль Баалшем, какие контрасты! Однако оба они бессознательно подрывали основы талмудического иудаизма. Происхождение новых хасидов, которые уже стали многочисленными и которые возникли очень быстро, не так ясно, как движение, начатое Мендельсоном. Новая секта, дочь тьмы, родилась во мраке и даже сегодня украдкой продолжает свой таинственный путь. Известно лишь несколько обстоятельств, которые способствовали его возникновению и распространению.

Основателями нового хасидизма были Израэль из Медзибоза (родился около 1698 г.; умер в 1759 г.) и Беер из Мизрича (родился около 1700 г.; умер в 1772 г.). Первый получил, как от своих поклонников, так и от своих противников, фамилию «Чудотворца посредством Призываний во Имя Бога», Баалшем, или Баал-Шемтоб, в обычной сокращенной форме, Бешт. Столь же уродливой, как и имя Бешт, была форма основателя и порядок, который он вызвал к существованию. Грации не сидели у его колыбели, но дух веры в чудотворение, и его мозг был настолько заполнен фантастическими образами, что он не мог отличить их от реальных, осязаемых существ. Опыт израильской молодежи неизвестен. Однако многое известно наверняка; он рано остался сиротой, бедным и заброшенным, и провел большую часть своей юности в лесах и пещерах Карпатских гор. Отроги Карпатских холмов были его учителями. Здесь он научился тому, чего не приобрел бы в темных, узких, грязных лачугах, называемых в Польше школами, а именно — понимать язык, на котором говорит природа. Духи гор и фонтанов нашептали ему свои секреты. Здесь он также научился, вероятно, у крестьянских женщин, которые собирали травы на вершинах гор и по берегам рек, использованию растений в качестве лечебных средств. Поскольку они не доверяли целительной силе природы, но добавляли заклинания и взывания к добрым и злым духам, Израиль также привык к этому методу лечения. Он стал врачом-чудотворцем. Необходимость тоже была его учителем; она научила его молиться. Как часто в своем покинутом и осиротевшем состоянии он мог страдать даже от недостатка сухого хлеба, как часто его могли окружать реальные или воображаемые опасности! В своем отчаянии он молился обычными для синагоги способами; но он произносил свои слова с пылом и глубокой преданностью или громко выкрикивал их в уединении гор. Его громкая молитва пробудила эхо гор, которое появилось как ответ на его мольбы. По-видимому, он часто пребывал в состоянии восторга и вызывал это состояние неистовыми движениями всего тела во время молитвы. От этого волнения кровь бросилась ему в голову, глаза заблестели, а тело и душа пришли в такое перевозбуждение, что он почувствовал, как им овладевает смертельная слабость. Было ли это магнетическое напряжение души вызвано движениями, восклицаниями, пением и молитвами?

Израэль Баалшем утверждал, что в результате этих телесных волнений этой глубокой преданности ему часто удавалось заглянуть в бесконечность. Его душа воспарила ввысь, к миру света, услышал и увидел Божественные тайны и разоблачения, вступил в разговор с

возвышенных духов и их вмешательство могло бы обеспечить Гресе Божий и процветание и, особенно, избежать надвигающихся несчастий. Израэль Медзибоз также хвастался, что может заглядывать в будущее, поскольку ему были открыты секреты. Было ли это намеренным хвастовством, самообманом или просто переоценкой болезненных чувств? Есть люди, времена и места, в которых невозможно провести демаркационную линию между обманом и самообманом. В Польше, во времена Баалшема, с ужасным умственным напряжением, вызванным Каббалой в связи с шаббатианским праздником рауд, лихорадочным ожиданием неминуемого мессианского искупления, все было возможно и все заслуживало доверия. В этой стране воображение как евреев, так и христиан вращалось среди экстраординарных и сверхъестественных явлений, как в своей естественной стихии. Израэль steadfasto верил в видения, которые видел, когда находился в состоянии умственного и физического возбуждения; он верил в силу своих молитв. В своем заблуждении он богохульно заявил, что молитва - это своего рода брачный союз (Зивуг) человека с Божеством (Шэчина), в который он должен вступить, находясь в состоянии возбуждения. Вооруженный предполагаемыми высшими знаниями о тайных лекарствах и духовном мире, которых, как он думал, он достиг по Божественной милости, Израэль вступил в общество людей, чтобы доказать свои высокие способности. К его чести следует признать, что он никогда не злоупотреблял этими талантами. Он не торговал ими и не пытался с их помощью зарабатывать себе на жизнь. Сначала он занимался скромным ремеслом извозчика, потом стал торговать лошадьми и, когда позволяли его средства, держал таверну.

Иногда, по особой просьбе, он применял свои чудодейственные средства и таким образом приобрел такую известность, что к нему обращались даже польские вельможи. Он стал заметным, его шумное, в бреду молящееся, которое, должно быть, так преображала его в том, что мужчины не признавали Вагонер или лошадь-дилера, которого они знали. Им восхищались за то, что он раскрывал секреты. В Польше не только необразованные люди и евреи считали возможными такие дары и чудеса; иудеи-уиты и каббалисты отупели от христиан и евреев своей страны и ввергли их в состояние первобытного варварства.

Было бы замечательно, если бы такой чудо-врач, который, по-видимому, общался с миром духов, не нашел приверженцев, но вряд ли он задумал создание новой секты. К нему присоединились люди, схожие с ним по настроению, которые чувствовали религиозный импульс, который, по их мнению, не мог быть удовлетворен строгой покаянной жизнью или механическим повторением предписанных молитв. Они присоединились к Израилю в Медзибозе, чтобы молиться с преданностью, *то есть* нараспев, хлопая в ладоши, кланяясь, прыгая, жестикулируя и издавая крики. Почти в то же время в Уэльсе возникла христианская секта под названием "Прыгуны", которые прибегали к подобным движениям во время молитвы и вызывали трансы и месмерические сновидения. В то же время было установлено, в Северной Америке, секты шейкеров, Ирландской девушки, Джоанна Ли, которая likewise в бреду молитвы преследовала мистика мессианского фантомы. Израилю не нужно было быть обманщиком, чтобы заполучить последователей. Мистицизм и безумие заразны. Он особенно привлекал людей, которые желали вести свободную и веселую жизнь, в то же время надеясь достичь высокой цели, жить в уверенности в близости Бога в безмятежности и спокойствии и продвигать мессианское будущее. Им не нужно было корпеть над талмудическими фолиантами, чтобы достичь более высокого благочестия.

В неохасидских церквях стало модным издеваться над талмудистами. Потому что последний поиздевался над необразованными начальниками новый приказ, который был следующим, не относящихся к гильдии Талмудистами, не будучи посвященным в Талмуде и ее придатков, хасидов depreciatРед изучение Талмуда, текущей из того, что он был не в состоянии продвигать по-настоящему благочестивой жизни. Между неохасидами и рабанитами существовала скрытая война; последние, однако, не могли причинить вреда своим противникам до тех пор, пока приверженцы Израиля не отойдут от отсутствующего иудаизма. После смерти основателя, когда усилились варварство и вырождение, вражда переросла в полный разрыв при Беере Мизриче.

Доббир (или Бериш) не был провидцем, как Израэль, но обладал способностью ясного понимания состояния человеческих умов. Таким образом, он был способен подчинять себе разум и волю других людей. Хотя он присоединился к новому движению незадолго до смерти Израэля, все же, по его предложению или нет, сын и зятья Израэля были обойдены вниманием, и Бир стал преемником Израиля в руководстве неохасидского сообщества. Беер, который перенес центр в Мизрич — село на Волыни, — превосходил своего хозяина по многим пунктам. Он был хорошо начитан в талмудических и каббалистических писаниях, был беглым проповедником (Маггидом), который для достижения своей цели мог привести в гармонию самые притянутые за уши библейские стихи, а также выражения из Агад и Зоара и, таким образом, удивить свою аудиторию. Он снял с хасидов клеймо невежества, особенно позорное в Польше, и обеспечил присоединение сторонников. У него была властная внешность, он не общался с людьми, но прожил целую неделю уединенно в маленькой комнате, доступной только его приближенным, и таким образом приобрел славу таинственного сношения с небесным миром. Только в субботу он показывался всем, кто жаждал удостоиться его взгляда. В этот день он предстал великолепно одетым в атлас, его верхняя одежда, туфли и даже табакерка были белыми, что на каббалистическом языке означает благодать. В этот день, в соответствии с обычаем, введенным Исраэлем Бештом, он возносил молитвы вместе со своими друзьями, с незнакомцами, совершившими к нему паломничество, с новыми членами церкви и теми, кто хотел увидеть каббалистического святого и чудотворца. Чтобы вызвать радостное состояние ума, необходимое для благочестивой молитвы, Бир позволял себе вульгарные шутки, чем вызывал веселье у прохожих; например, он шутил с кем-нибудь из круга и бросал его на землю. В разгар этой детской игры он внезапно восклицал: "Теперь служите Господу с радостью".

Под руководством Бира конституция хасидизма, по-видимому, осталась в той же форме, что и при его предшественнике: пылкие, судорожные молитвы, вдохновение (Хитлахабут), чудесные исцеления и откровения будущего. Но поскольку эти действия не проистекали, как в случае с Израилем, из особого или ненормального состояния ума, им можно было только подражать — искусственность или иллюзия должны были снабдить природу этим. Общеизвестным фактом было то, что лидер хасидов, или Цаддик, безукоризненно набожный человек, должен был проявлять энтузиазм в молитве, должен был видеть экстатические сны и видения. Как может умный заговорщик выглядеть вдохновленным? Алкоголь, который так любили в Польше, теперь должен был занять место демона-вдохновителя. Беер не обладал теми знаниями о целебных травах, которые его учитель раздобыл в Карпатах. Поэтому он посвятил себя медицине, и если его средства не помогали, то больной умирал от своей неосведомленности. Предсказать будущее было более сложной задачей, но ее нужно было выполнить; от этого зависела его репутация тауматурга. Пиво было равносильно чрезвычайной ситуации. Среди его приближенных были опытные шпионы, достойные службы в тайной полиции. Тэй открыл много секретов и рассказал о них их лидеру; таким образом, он смог принять видимость всеведения.

Или его эмиссары совершали грабежи; если жертвы приходили к "Святому" в его скит, чтобы узнать о них, он мог указать точное место, где лежали пропавшие вещи. Если незнакомцы, привлеченные его славой, приходили повидаться с ним, их, как уже упоминалось, не допускали до следующей субботы для участия в Шабаше хасидских ведъм. Тем временем его шпионы путем искусных расспросов и другими способами собирали сведения о делах и тайных желаниях этих чужеземцев и сообщили их цаддику. В первом интервью Бир, казалось бы, непринужденно, смог в умело выстроенной беседе рассказать обо всех моментах этим незнакомцам, благодаря чему они были убеждены, что он заглянул в их сердца и знал их прошлое. С помощью этих и подобных ухищрений ему удалось заявить о себе как о всеведущем и увеличить число своих последователей. Каждый новый сотрудник заявлял о своем Божественном вдохновении и побуждал других присоединиться.

Чтобы укрепить уважение к себе, Бир выдвинул теорию, которая при ее логическом применении рассчитана на самые пагубные последствия. Опираясь на каббалистическую формулу, гласящую, что "праведный или благочестивый человек является основой мира", он преувеличил значение цадика, или главы хасидов, до такой степени, что это стало богохульством. "Цадик - это не только самое совершенное и безгрешное человеческое существо, он не только Моисей, но и представитель Бога и Его образа". Все, что делает и думает Цаддик, оказывает решающее влияние на верхний и низший миры. Божество особенно раскрывает Себя в деяниях Цаддика; даже его самые незначительные поступки следует считать важными. То, как он носит свою одежду, связывает свою обувь, курит свою трубку, будь он обеспечивает глубокое адреса, или балуется глупые шутки—все, что имеет близкое отношение к Божеству, и столько же момент, как выполнить выполнение религиозного долга. Даже черпая вдохновение из бутылки, он раскачивает верхний и нижний миры. Все эти абсурдные фантазии были обязаны своим происхождением суеверным доктринам Каббалы, которые, несмотря на невыразимую путаницу, которую произвели через Саббата Цеви и Франка, несмотря на противодействие, с которым их главный выразитель, Зоар, столкнулся примерно в то же время со стороны Якоба Эмдена, все еще затуманивали мозги польских евреев. Согласно этой теории, Цаддик, *то есть* Бериш Мизрич, был воплощением власти и великолепия на земле. В своем "Штубеле", или "Эрмитаже", *то есть*, в своей маленькой грязной уединенной комнатке, он считал себя таким же великим, как папский наместник Бога на земле в своем великолепном дворце. Цаддик также должен был гордо вести себя по отношению к людям; все это было "во славу Божью". Это был своего рода католицизм внутри иудаизма.

Идея Бира, однако, заключалась не в том, чтобы оставаться праздной и бесплодной, а в том, чтобы принести ему почет и доход. В то время как Цаддик стремился управлять миром, обрести небесную благодать и особенно сохранить и прославить Израиль, его приверженцам приходилось культивировать три вида добродетелей. Их долгом было приближаться к нему, наслаждаться его видом и время от времени совершать паломничества к нему. Кроме того, они должны были исповедаться ему в своих грехах. Только таким образом они могли надеяться на прощение своих беззаконий. Наконец, они должны были принести ему подарки, богатые подарки, которые он умел использовать с максимальной выгодой. На них также лежала обязанность удовлетворять его личные потребности. Это похоже на возвращение ко временам жрецов Ваала, настолько вульгарными и отвратительными кажутся эти извращения. Самое печальное во всем этом то, что это учение, достойное людей, поклоняющихся фетишу, встретило одобрение в Польше, стране, отличающейся скудным знанием еврейской литературы. Именно этот избыток, эта чрезмерная активность духовного пищеварительного

аппарата вызвала столь прискорбные явления. Интеллектпольских евреев был настолько возбужден, что самые грубые вещи доставляли им больше удовольствия, чем утонченные.

Бир отправил за границу в качестве своих апостолов напыщенных проповедников, которые приправляли его пагубные учения искаженными цитатами из Священных Писаний. Простодушные люди, мошенники и бездельники, которых было так много в Польше, примкнули к новым хасидам; первые из-за склонности к энтузиазму и веры в чудеса; хитрые, чтобы легким путем добывать деньги и вести приятное существование; и бездельники, потому что при дворе цадика они находили занятие и удовлетворяли свое любопытство. Если бы таких бездельников спросили, о чем они думают, прогуливаясь с трубкой в зубах, они бы серьезно ответили: "Мы размышляем о Боге". Однако простые люди, надеявшиеся обрести блаженство с помощью хасидской дисциплины, постоянно молились, пока от изнеможения не теряли сознание.

Неохасидизму способствовали два обстоятельства: фрагментарность его членов и сухой и окаменелый характер изучения талмуда, которое продолжалось в Польше более века. С самого начала хасиды образовали своего рода братство, на самом деле не с общим кошельком, как у их прототипов, ессеев и иудео-христиан, но с учетом потребностей нуждающихся членов. Благодаря тесноте их профсоюза, их шпионской системе и их энергии им было легко обеспечивать тех, кому не хватало работы или еды. В Новый год и День Искупления люди, даже те, кто жил на больших расстояниях, совершали паломничество к Цаддику, как раньше в Храм, и оставляли своих жен и детей, чтобы провести так называемые святые дни в обществе своего вождя, чтобы получить наставление от его присутствия и поступков. Здесь ученики-хасиды узнавали друг друга, обсуждали местные дела и оказывали взаимную помощь. Зажиточные торговцы находили возможность на этих собраниях, в беседе с единоверцами, на чью верность и братское отношение они могли положиться, найти новые источники дохода. Отцы дочерей, достигших брачного возраста, искали и легко находили для них мужей, что в то время в Польше считалось очень важным делом. Совместные трапезы во второй половине дня субботы и в праздничные дни укрепляли узы верности и привязанности между ними. Как можно было накормить такое количество гостей? Богатые хасиды считали своим долгом щедро поддерживать цаддика. Особым источником дохода было суеверное верование, распространенное среди хасидов, что цадик за определенные суммы (Пидион, Выкуп) может отвести грозящие опасности и вылечить смертельные болезни. На богатых, но слабоумных людей оказывалось давление, и они были напуганы до такой степени, что поверили, что смогут избежать надвигающихся бедствий только с помощью богатых подарков. Всякий, кто желал вступить в рискованную сделку, обращался к Цаддику как к оракулу и должен был платить за его совет. Хитрые хасиды знали все, были готовы дать совет в любой ситуации и благодаря своему коварству могли оказать реальную помощь. Цаддик, каким бы скупым он ни был, должен был помогать бедным и попавшим в беду своими доходами. Таким образом, каждый член церкви получал здесь помощь. Полные энтузиазма, они вернулись домой со своего похода; чувство принадлежности к братству возвышало их, и они с горячим нетерпением ожидали возвращения священных времен. Бедные и покинутые, фанатичные и беспринципные не могли придумать ничего лучше, чем присоединиться к этому союзу, к этому легкому, но религиозному ордену.

Серьезные люди, также желавшие удовлетворить свои духовные потребности, чувствовали влечение к хасидам. Раввинский иудаизм, известный в Польше, не предлагал никакого религиозного утешения. Его представители придавали наибольшее значение диалектичному, искусственному изложению Талмуда и комментариев к нему. Кроме того, действительная

необходимость потребовала тщательного изучения той части Талмуда, в которой говорилось о гражданском праве, поскольку раввины осуществляли гражданскую юрисдикцию над своими стадами. Тщательно продуманные решения по новым, сложным юридическим вопросам днем и ночью занимали знатоков Талмуда. Более того, это расщепление волос считалось высшим благочестием и вытесняло все остальное. Если кто-нибудь решал сложный талмудический вопрос или открывал что-то новое, называемое Торой, он чувствовал себя довольным собой и уверенным в своем будущем счастье. Все остальные объекты, побуждение к набожности, молитва и эмоции, или интерес к моральному состоянию общины, были второстепенными вопросами, которым едва ли уделялось какое-либо внимание. Умственное упражнение в логических выводах из Талмуда, или, правильнее сказать, из законов Моих и Твоих, заглушило все другие интеллектуальные занятия в Польше. Религиозные церемонии выродились, как среди талмудистов, так и среди тех, кто незаслужил, в бессмысленные обычаи, а молитва - просто в произнесение слов. Для чувствующих людей эта сухость изучения Талмуда вместе с любовью к спорам, а также проистекающие из этого догматизм и гордыня раввинов были отвратительны, и они бросались в объятия нового порядка, который позволял так много игры для фантазии и эмоций. Особенно проповедники, полуталмудисты, на которых эрудированные раввины-талмудисты смотрели и обращались с ними как с низшими и презренными, которые влачили жалкое существование или почти голодали, объединились с неохасидами, потому что среди них ценились их проповеднические таланты, и они могли получить почетное положение и быть защищены от нужды. Благодаря присоединению таких элементов круг неохасидов ежедневно расширялся. Почти в каждом городе жили последователи новой школы, которые время от времени общались со своими братьями-членами и их руководителем.

С нарастанием силы антипатии неохасидов к раввинам и талмудистам возрастала, не осознавая этого, они образовали новую секту, которая презирала общение с талмудистскими евреями. Выпив пива, они почувствовали себя достаточно сильными, чтобы ввести новшество, которое, естественно, обрушило бы на них гнев раввинов. Поскольку главным для них были молитва и обряды богослужения, они не беспокоились о предписаниях ритуального закона относительно того, сколько молитв должно быть произнесено, ни о том, в какое время должны начинаться и заканчиваться различные службы, они полностью руководствовались чувством момента. Совершая ежедневные омовения, принимая ванны и другие приготовления к публичному богослужению, они редко были готовы к молитве в установленное время, но начинали ее позже, продлевали ее движениями своих тел и интонациями и внезапно заканчивали, пропустив несколько частей. Особенно им не нравились резкие вставки в субботних и праздничных молитвах (пюти́м). Эти вставки прерывают наиболее важные и наводящие на размышления части сервиса. Чтобы покончить с ними одним ударом, Беер Мизрич представил молитвенник архикаббалиста Исаака Лурьи, который по большей части соответствует португальскому ритуалу и не содержит поэтических дополнений. В глазах ультраортодоксальных это нововведение было огромным или, скорее, двойным преступлением, поскольку оно допускало упущение освященных обычаев вставок и замену немецкого ритуала сефардским.

Это нововведение, вероятно, вызвало бы у неохасидов несколько критических замечаний, но в то время, когда политическая власть Польши была сокрушена, прочные политические связи польских евреев также были разорваны. Польша была отвлечена гражданской войной. "В этой стране, - жаловался примас Гнезен на открытии рейхстага в марте 1764 года, - свобода подавлена, законы не соблюдаются, справедливости добиться невозможно, торговля

полностью разрушена, районы и деревни опустошены, казна пуста, а монета королевства не имеет никакой ценности". Она была ослаблена иезуитами, и Россия уже рассматривала ее как верную добычу. Ее король — Станислав Август Понятовский — был слабаком, игрушкой внутренних группировок и внешних врагов (сентябрь 1764 г.). В первый год своего правления Понятовский среди других законов издал постановление, которое разрушило общинный союз польских евреев. Синоду Четырех стран, состоящему из делегатов, раввинов и мирян (парнассим), уполномоченному выносить интердикты и налагать штрафы, не разрешалось собираться, принимать резолюции или приводить их в исполнение.

Роспуск синода был очень удачным для неохасидов. Представители польского еврейского мира не могли отлучить их от церкви, но каждая отдельная община должна была выступить против них и запретить их собрания. Даже этот шаг был предпринят не сразу, поскольку ужасная смертельная борьба, в которую вступила Польша перед своим первым разделом, остро ощущалась богатыми евреями, которые дрожали за свои жизни. В Конфедерации разразилась война, превратившая многие районы в пустыню; Польша была наказана вечным Правосудием так же, как и согрешила. Именем папы римского и иезуитов она всегда преследовала инакомыслящих и лишала их государственных должностей, и во имя инакомыслящих Екатерина ввергла страну в братоубийственную войну. Русские во второй раз натравили на Польшу запорожских казаков — свирепых гайдамаков, — которые всеми известными способами убивали польскую знать, духовенство и евреев. Гайдамаки повесили вместе дворянина, еврея, монаха и собаку с насмешливой надписью "Все равны". Самые бесчеловечные жестокости были применены к пленным и беззащитным. Вдобавок пришли турки, которые под видом спасителей Польши убивали и грабили со всех сторон. Украина, Подолия, в целом южные провинции Польши были превращены в пустыни.

Эти несчастья были скорее выгодны, чем вредны для неохасидов. Они распространились на севере, и хотя до сих пор им удавалось поддерживать свой культ только в небольших, сравнительно молодых общинах, с этого времени они закрепились в больших и старых конгрегациях. Их численность уже выросла до такой степени, что они образовали две ветви — мизричейцев и карлинцев - первые были названы в честь их первоначального дома, вторые - в честь деревни Карлин, недалеко от Пинска. Карлинцы распространились до Вильны и Бродов. Сначала они действовали осторожно. Как только по крайней мере десять человек собирались вместе, они искали помещение (Stübel), в котором могли бы проводить свои службы; там они практиковали обряды своего вероучения и стремились приобрести новых приверженцев; но все это делалось искусно, так что ничего не обнаруживалось до тех пор, пока они не закрепились за Л.д. В Литве их система еще не была известна, и поэтому поначалу они не вызвали никаких подозрений.

Первая яростная атака на них была предпринята человеком, чье влияние было благословлено при его жизни и даже после смерти, и который в более благоприятных условиях мог бы, подобно Мендельсону, многое сделать для морального развития своих единоверцев. Элайджа Вильна (родился в 1720 г.; умер в 1797 г.), чье имя вместе с титулом "Гаон" до сих пор упоминается литовскими евреями с почтением и любовью, был редким исключением среди массы польских евреев. У него был чистейший характер, и он обладал высокими талантами, которые он не использовал в извращенных целях. О его характере достаточно сказать, что, несмотря на его

всестороннюю и глубокую талмудическую эрудицию, он отказался от должности раввина, в отличие от большинства ученых в Польше, которые искали должности и получили раввинаты обманным путем. Несмотря на поразительную плодовитость его пера во многих областях еврейской литературы, он при жизни ничего не позволял публиковать, опять же в отличие от современных студентов, которые, чтобы сделать себе имя и увидеть свои идеи в печати, едва дожидались, пока высохнут чернила на их сочинениях. В своем бескорыстии Элайджа Вильна осознал идеал Талмуда, согласно которому учитель иудаизма "не должен использовать Закон ни как корону, чтобы украсить ею себя, ни как лопату, чтобы копать ею". Несмотря на превосходство своих знаний и оказанное ему полное и всеобщее признание, он скромно и добросовестно избегал самоутверждения. Удовлетворение, получаемое от исследований, от поиска знаний, полностью удовлетворяло его. Его интеллектуальный метод в своей неизменной простоте соответствовал его характеру и жизни. Как само собой разумеющееся, Талмуд и все разделы, связанные с ним или зависящие от него, занимали его ум. Но ему не нравился порочный метод своих соотечественников, которые предавались лжи, казуистике и тонкостям. Его единственной целью было проникнуть в простой смысл текста; он даже предпринял попытку критического анализа и исправления текстов и своими неискаженными объяснениями разрушил карточные домики, которые хитроумные талмудисты воздвигли на зыбучих песках.

Требовалась экстраординарная сила ума, чтобы плыть против прилива обычаев и подняться над заблуждениями, в которые впали все сыны Талмуда в Польше. На самом деле Элайджа Вильна в свое время был изолирован. Казалось, что он с юности боялся следовать ошибкам своих соотечественников, поскольку не посещал никакой специальной школы, но, как ни странно, сам был учителем Талмуда. Изучение талмуда не занимало его исключительно. Элайджа Вильна уделял большое внимание Библии — редкость в его кругу — и, что было еще более необычно, он познакомился с грамматикой еврейского языка. В отличие от своих соотечественников, он ни в коем случае не пренебрегал знаниями по неталмудическим предметам, но изучал математику и написал книгу по геометрии, алгебре и математической астрономии. Он призывал своих учеников и друзей интересоваться мирскими науками и открыто выражал свое убеждение, что иудаизм выиграет от таких занятий. Только его скрупулезное благочестие, его безупречное поведение, его бескорыстная сущность и его отречение от всех должностей и почетных положений спасли его от обвинения в ереси из-за его увлечения неталмудическими отраслями знаний.

Илия Вильна, прежде всего, имплантировали добрый дух в литовских евреев. Он учил его сУНС и учеников стремиться к простоте и избегать казуистики польского способ. В Илии Вильне было воплощено прекрасное талмудическое изречение: "Они ищут того, кто бежит от почестей". В раннем возрасте он был признан даже за пределами Польши авторитетом и человеком истины. И все же даже Илия был подвержен заблуждению, что ненавистная Каббала была истинной дочерью иудаизма и содержала истинные элементы. Он глубоко сожалел о моральном разрушении, произведенном каббалой среди подольских и галицийских евреев через негодяя Франка, который загнал их в объятия Церкви и сделал врагами Синагоги; и все же он не мог освободиться от этого. Даже когда с появлением хасидов до него дошла опасность этих ложных доктрин, и он был вынужден открыто выступить против них, он не смог отказаться от своей слепой любви к каббале.

Неохасиды, или карлинианцы, проникли в Вильну и основали тайный "Штубель" для своих шумных собраний. Верный друг их лидера и посланный им эмиссар тайно внедрились в их культ в

город и привлекли на свою сторону нескольких членов общины Вильны. Их собрания, их действия и их насмешки над талмудистами были преданы огласке. Все собрание было сильно взволновано этим. Они были возмущены тем, что карлинцы нагло заявили об уважаемом Илии Вильне, что его жизнь, как и его профессия и вера, была ложью. Старейшины и раввины немедленно посоветовались. Хасидские собрания были немедленно атакованы, начато расследование и возбуждены судебные процессы. Среди хасидов были найдены писания, в которых содержался принцип, согласно которому следует избегать любой печали, даже при раскаянии в грехах. Но наибольшее беспокойство вызвали изменения в литургии и неуважительные высказывания в адрес раввинов. Илия Вильно, который, хотя он наполнил нет официальной позиции, всегда был приглашен на заседания совета, и важную роль в его решениях, принял очень серьезный вид о.ф Дело. Он увидел в хасидских отклонениях продолжение эксцессов Фрэнка и его тлетворного влияния. В остальном мягкий и кроткий человек превратился в настоящего фанатика. Раввины и вожди общины, вместе с Илией Вильной, обратились с письмом ко всем крупным общинам, в котором им предписывалось внимательно следить за хасидами и отлучать их от церкви до тех пор, пока они не откажутся от своих ошибочных взглядов. Несколько конгрегаций немедленно подчинились этому предписанию. В Бродах во время ярмарки в присутствии многих незнакомцев был опубликован запрет на всех тех, кто шумно молился, отклонялся от ритуала немецкой синагоги, носил белые одежды по субботам и праздникам и был виновен в других странных обычаях и нововведениях. Окружение Элайджи Вильны выпустило энергичную обличительную брошюру против преступников. Это был первый удар, который нанесли хасиды. Кроме того, их лидер Беер Мизрич умер в том же году (1772) — как предполагали раввины, вследствие отлучения от церкви — и таким образом, они чувствовали себя совершенно покинутыми. Из-за слабости короля и жадности соседних народов Польское королевство было расчленено. Из-за этой дезорганизации союз хасидов был распущен, и отделившиеся члены попали в зависимость от законодательной власти или произвола различных правительств.

Однако эта буря не сокрушила их; они оставались непоколебимыми и не проявляли ни малейших признаков подчинения своим противникам (Митнагдим). Напротив, борьба сделала их более активными и энергичными. Они не были глубоко тронуты запретом, под который они были поставлены; это оружие, затупившееся после конкурса за и против Джонатана Эйбешютца, больше не могло наносить ран. Хасиды, численность которых выросла до пятидесяти или шестидесяти тысяч человек, разделились на небольшие группы, каждая со своим лидером по имени ребе. Их странствующие проповедники призывали отдельные общины упорствовать в своих догматах и принимать преследования как спасительное испытание. Таким образом, поддерживалась связь групп друг с другом; вождь из семьи Беер Мизрич был поставлен во главе в качестве верховного цаддика, которому подчинялись различные ребе и для использования которых они должны были выделять часть своего имущества. Возможное отступничество членов церкви из-за нападений из Вильны было встречено приказом о том, что хасидам не разрешается читать никаких работ, которые не получили одобрения хасидских властей. Повиновение своим лидерам пустило настолько глубокие корни в умах хасидов, что они никогда не нарушали этот запрет. Их вожди распространяли среди них проповеди или сборники изречений, предположительно написанные Израэлем Баалшемом или Беером Мизричем, в которых подчеркивалась высокая важность цаддика, хасидской жизни и презрение к талмудистам — мерзкие писания, которые, тем не менее, с восхищением читались членами церкви, которых постоянно держали в состоянии алкогольного опьянения. То, что до сих пор

было необязательным и индивидуальным, было возведено этим трудами в ранг статута и строгих законов.

После смерти Бира два человека внесли главный вклад в возвышение хасидизма: один своим безграничным энтузиазмом, другой - своей ученостью. Этими людьми, ни один из которых не подлежит подозрению, были Исраэль из Козенизы (к северу от Радома) и Салман из Лиادي, оба ученики Беера.

Хасиды снова стали настолько сильными, что против них пришлось ввести второй запрет. На этот раз преследование также зародилось в Вильне, и было спровоцировано Илией Вильной. Хасиды были объявлены еретиками, с которыми ни один благочестивый еврей не мог вступать в брак (лето 1781 года). Из Вильны были отправлены два гонца к литовским общинам, чтобы побудить их поддержать запрет. Вследствие этого, коллекции цитат из хасидских проповедей и других сочинений, хотя они и содержали предложения из Священного Писания, были публично сожжены в Бродах и Кракове. В Сельвии, недалеко от Слонима, во время ярмарки, в присутствии большого количества евреев, был публично объявлен запрет против хасидов и их писаний (21 августа 1781 г.); но от этих устаревших методов было мало толку. В австрийско-польских провинциях (Галиция) последователи школы Мендельсона использовали другие средства против отупляющей системы хасидов. Указ Иосифа II о создании во всех еврейских общинах школ с преподаванием немецкого языка и элементарных предметов натолкнулся на энергичное сопротивление всех евреев, но особенно хасидов. Веря, что культура укрепит деморализованное и варварское состояние народа, небольшая группа людей, поклонников Мендельсона, рьяно пыталась противостоять им. Среди самых ревностных борцов за просвещение галицийских евреев был Александр Каллер. Каллер и его единомышленники, вероятно, получили указ венского двора, предписывающий не допускать в Галицию хасидские или каббалистические труды (1785). После второго раздела Польши против хасидов в русской Польше также были выдвинуты обвинения как опасных для государства. Салмана из Лиادي в цепях приволокли в Санкт-Петербург. Говорят, что Элайджа Вильна также был инициатором этого обвинения; более того, он преследовал секту всю свою жизнь. После его смерти хасиды отомстили ему, повесившись на его могиле и отметив день его кончины как праздник, с криками и пьянством. Все усилия, предпринятые для подавления хасидов, были напрасны, потому что в какой-то мере они представляли справедливый принцип, направленный против эксцессов талмудизма. К концу восемнадцатого века их число увеличилось до 100 000 душ. В настоящее время они правят в общинах, где раньше подвергались преследованиям, и распространяются со всех сторон.

ГЛАВА X. МЕФИСТОФЕЛИ И ИУДЕО-ХРИСТИАНЕ ОДНИ.

Прогрессисты—Собиратель (Меассеф)—Дэвид Мендес—Мозес Энсхайм—Мозайд Вессели—Маркус Герц—Соломон Маймон—Культура берлинских евреев—Влияние французской литературы—Первый шаг к воспитанию евреев—Прогрессивные и ортодоксальные партии—Общество друзей—Фридлендер и обращение—Порочность

берлинских еврейок—Генриетта Герц—Гумбольдт—Доротея Мендельсон—Шлегель—
Рахель—Шлейермахер—Шатобриан.

1786-1791 гг. н. э.

Положение немецких евреев, среди которых началась борьба с неразумием, было более удовлетворительным, чем у польских евреев. В Германии проявились юношеская активность и энергия, импульс к действию, который обещал за короткий промежуток времени исправить вековое забвение. Внезапно возник огромный энтузиазм, который привел к замечательным или, по крайней мере, неожиданным результатам и преодолел оцепенелые последствия апатии. Молодые люди вырвали скипетр из рук стариков и возжелали проповедовать новую мудрость или, скорее, омолодить старый организм иудаизма новыми соками. Синагоге вполне мог бы воскликнуть: "Кто породил мне их, видя, что я потерял своих детей и нахожусь в отчаянии, в плену и блуждаю туда-сюда? и кто же все это воспитал?" На этих молодых людей снизошел новый дух, который за одну ночь положил конец их изоляции и превратил их в органы исторической реконструкции. Словно сговорившись, они внезапно закрыли тяжеловесные фолианты Талмуда, отвернулись от него и посвятили себя Библии, вечному источнику молодости. Перевод энциклопедии Мендельсона вдохнул в них новый дух, снабдил их новым языком и вдохнул в них новую поэзию. Откуда взялась эта группа энергичных молодых людей? Каким до сих пор был курс их образования? Почему на них оказали такое сильное влияние? Внезапно они появились, предсказали новое будущее, сами не зная точно, что они предсказывают, и, едва окрепнув, взмыли ввысь. От Польши до Эльзаса, от Италии до Амстердама, Лондона и Копенгагена зазвучали новые голоса, поющие в гармоничном союзе. Их значение полностью заключалось в их гармонии; по отдельности голоса кажутся тонкими, писклявыми и нетренированными; только объединившись, они издают приятный и впечатляющий тембр. Те, кто недавно научился ценить красоту иврита, сами вперед в качестве учителей, чтобы восстановить в его чистоте языка, так сильно обезображенный, поэтому обычно используется, и так постоянно издевались. Вдохновленные идеалами, которые вызвал в воображении берлинский мудрец, они желали проложить путь к глубокому пониманию Священного Писания, приобрести вкус к поэзии и пробудить рвение к науке. Увлеченные пылом, они игнорировали трудности на пути народа, внутренне и внешне поработанного, который стремится подняться до высот поэзии и философии, и поэтому им удалось осуществить возрождение. В целом они добились большего, чем Мендельсон, их обожаемый прототип, потому что последний был слишком осторожен, чтобы предпринять шаг, который мог привести к неблагоприятным результатам. Но эти молодые люди смело настаивали на *wag*, поскольку им нечего было терять репутацию, и они не представляли интересов, которые можно было бы поставить под угрозу.

Этот результат был достигнут благодаря материальным и идеальным обстоятельствам. Жажда денег Фридриха, его желание обогатить землю почти вынудили евреев, особенно берлинцев, накапливать капитал. Благодаря своим мануфактурам, спекуляциям и огромным предприятиям, с одной стороны, и умеренному образу жизни - с другой, в Берлине появились первые еврейские миллионеры, и рядом с ними появилось множество способов использовать их в богатых обстоятельствах. Но что можно было сделать с этими богатствами? Евреев не допускали к знати и двору; мещане-мещане закрывали свои двери перед этими еврейскими выскочками, на которых они смотрели с завистью. Таким образом, для богатых евреев оставалось только литературное общение, которому они всегда отдавали предпочтение. Все или большинство из

них в юности познакомились с Талмудом и были близки к миру книг. Это обстоятельство придавало их усилиям идеальный характер: они поклонялись не только Маммоне; чтение в часы досуга было для них необходимостью. Как только немецкая литература была натурализована в их среде благодаря Мендельсону, они включили ее в круг своих занятий либо с серьезной целью самосовершенствования, либо для того, чтобы соответствовать моде. В этом вопросе они превзошли граждан-христиан, которые, как правило, не интересовались книгами. Еврейские купцы, фабриканты и банкиры интересовались литературными произведениями, как если бы они принадлежали к гильдии ученых мужей, используя для них время, которое христианские граждане и рабочие проводили в пьянстве.

Первое движение было совершено в Кенигсберге, своего рода колонии по отношению к Берлину. В этом городе некоторые люди разбогатели благодаря своему трудолюбию и осмотрительности и приобщились к культуре, зарождавшейся в Германии под влиянием французской литературы. Лидерами были три брата по имени Фридлендер (Берманн, Мейер и Вольф). К этой семье принадлежал Давид Фридлендер (родился в 1750 г., умер в 1834 г.), подневольный исполнитель Мендельсона, который благодаря своей брачной связи с банкирским домом Даниэля Ицига приобрел влияние в Берлине (с 1771 г.) и установил тесные отношения между Берлином и Кенигсбергом. Он также принимал участие в пропаганде возрождения среди евреев. Это было событие в истории кенигсбергских евреев, когда Мендельсон останавливался там на несколько дней во время деловой поездки. Его посещали выдающиеся личности, профессора и писатели, и к нему относились с необычайным вниманием. Иммануил Кант, глубокий мыслитель, публично обнял его. Это незначительное происшествие дало культурным евреям Кенигсберга своего рода сознание того, что еврей может с помощью самоуважения завоевать уважение правящих классов. Более того, Кенигсбергский университет, по наущению некоторых либерально настроенных преподавателей, особенно Канта, принимал еврейских юношей, жаждущих знаний, в качестве студентов и академических граждан. Среди этих молодых людей, воспитанных частично на талмудических, частично на академических принципах, были двое, которые пробудили новый дух или, скорее, продолжили тихую деятельность Мендельсона с большим эффектом. Это были Исаак Абрахам Эйхель и Мендель Бресселау, оба учителя, нанятые богатыми, любящими культуру Фридлендерами. Исаак Юхель благодаря МЭндельсону и Вессли приобрел достойный, правильный стиль иврита, наиболее выгодно контрастирующий с испорченным языком, который использовался до сих пор. Его младший товарищ, Мендель Бресселау, который впоследствии принял участие в великом соревновании со старой школой, был важнее. Он был настоящим художником на иврите и без всяких уточнений или двусмысленностей применял библейскую фразеологию к современным условиям и обстоятельствам. Он взял за образец поэта Мозеса Хаима Луццатто и, подобно ему, сочинил моральную драму под названием "Юность". Поддержанный двумя молодыми членами богатой семьи Фридлендер, Эйхелом и Бресселау, при жизни Мендельсона и во время конфликта Уэссели с ультраортодоксальными (весна 1783 г.), обратился ко всему еврейскому миру с призывом основать общество содействия распространению языка иврит (Чебрат Дорше Лешон Эбер) и основать журнал, который будет называться "Собиратель" (Меассеф). Они рассчитывали на поддержку Уэссели, уже признанного авторитета в области стиля, и попросили пожертвования у него, который, как они сами выразились, "снял арфы с вавилонских ив и извлек из них новые песни". Престарелый поэт с радостью присоединился к молодым людям, но, как будто предчувствуя конечный результат, он предостерег их от обращения своих стрел против иудаизма и вообще от использования

сатиры. Их призыв нашел широкий отклик. Они выбрали правильные средства для развития культуры и удовлетворили реальную потребность. Только еврейский язык в своей чистоте и целомудрии мог обеспечить союз между иудаизмом и культурой того времени.

"Собиратель" нашел наибольшее одобрение в Берлине, столице еврейской культуры. Здесь ожидалось многочисленных литературных вкладов и материальная поддержка. В этом городе жило несколько молодых людей, движимых теми же стремлениями, что Эйхель и Бресселау, которые питали энтузиазм к ивриту и обновляли его молодость. Не слишком гордый, чтобы вступать в соперничество с новичками, Мендельсон также анонимно написал несколько стихотворений на иврите. Характерно для вновь пробудившегося духа, что прекрасные вступительные стихи на иврите в периодическом издании представлены как написанные маленьким ребенком, который скромно просит о допуске, как будто отныне не седовласый Элифаз, а юный Элиу должен был быть выразителем и устанавливать закон. В недавно созданном органе появились новые имена, а их владельцы под общим именем Меасфим, участники "Собирателя" (Меасеф, впервые опубликованный осенью 1783 г.), отмечают определенную тенденцию, период *бури и сопротивления* в неоеврейской литературе. Другая пара друзей Эйхеля и Бресселау впоследствии взяла на себя редакторскую работу; это были Джоэл Леви и Аарон Галле, или Вольфссон — один из них был известным исследователем святого, другой — смелым иконоборцем, который первым подтвердил опасения Уэссели и в диалоге между Моисеем Маймонидом и Моисеем Мендельсоном подверг резкой критике непрогрессивный иудаизм.

Два поляка, проживавшие в Берлине, Исаак Сатанов и Бен-Зиб, наиболее выдающиеся мастера ивритского стиля, также принадлежали к Measfim, но их изучение немецкой культуры оказало пагубное влияние на их моральный облик. Кроме того, небольшое число авторов "Собирателя" пополнилось Вольфом ХайдеНхаймом, странным человеком, который в равной степени питал отвращение к грубости и безрассудству старой системы, а также к легкомыслию и софистике новой и изгонял свое дурное настроение педантично точными грамматическими и масоретскими штудиями в духе старых мастеров. На своей машинетщательно подобранные издания старых сочинений он если не уничтожил, то, по крайней мере, обуздал старые привычки к неряшливости и беспечности.

Знатоки иврита дружески протягивали друг другу руки в отдаленных друг от друга районах и образовали своего рода братство, которое распространилось на Голландию, Францию и Италию. Дэвид Фридрихсфельд также был энтузиастом еврейского языка и библейской литературы. Он так тонко понимал красоту этого языка, что неудачно подобранное еврейское слово "с" причинило ему боль. Он постоянно настаивал на чистых формах и выражениях и был образованным и строгим судьей. В юности Фридрихсфельд выбрал лучшую судьбу, повернувшись спиной к Пруссии, столь жестокой к евреям, и эмигрировав в вольный город of - Амстердам. Он сердечно, с юношеским пылом приветствовал план изучения иврита и дожил до того, что ему посчастливилось отпраздновать в стихах на иврите полную эмансипацию евреев в Голландии. По его предложению еврейские поэты Голландии вступили в ряды месфим. Самым известным был Дэвид Франко Мендес из Амстердама (родился в 1713 году; умер в 1792 году). Он происходил из семьи маррано, был учеником поэта Луццатто, когда последний жил в Амстердаме, и взял его за образец. Серия отдельных стихотворений в форме иудео-испанской поэзии семнадцатого века принесла ему имя, которое усилилось благодаря его еврейской исторической драме "Наказание Аталии" (Gemul Athalia). Франко Мендес был огорчен, увидев,

как Jews отвернулись от иврита и обратились к модной французской литературе, потому что последняя создавала прекрасные, художественные произведения, в то время как иврит казался пораженным стерильностью. Этот позор Мендес желал изгладить и, следуя примеру Расинаэ и Метастазео, взялся инсценировать интересную историю царственного мальчика Иоаша, который, чтобы защититься от рук убийц, тайно воспитывался в Храме, и падения кровожадной королевы Аталии.

Во Франции еврейскую литературу Measfim представлял Мозес Энсхайм (Einsheim), или Мозес Мец, который в течение нескольких лет был частным репетитором детей Мендельсона. Он был математиком с большой репутацией, чьи работы получили высокую оценку авторитетных специалистов первого ранга. Таким образом, он написал работу по интегральному и дифференциальному исчислению, которая вызвала аплодисменты Лагранжа и Лапласа. Но он так и не опубликовал ни одной из своих работ. Он только озвучивал триумфальные песни на иврите в честь победы свободы над рабством во Франции, и некоторые из них исполнялись в синагогах. Энсхайм оказал влияние на сторонника освобождения своих единоверцев во Франции (Грегуара) и предоставил ему материалы для их защиты. Энсхайм представлял собой контраст со старшим учителем в доме Мендельсона, Герцем Хомбергом, который был большим любимцем Мендельсона. Последний обманулся в нем и слишком доверял ему, когда пригласил его к сотрудничеству в переводе Пятикнижия. Хомберг обладал прозаической натурой, руководствовался исключительно эгоистичными мотивами и был в некотором роде охотником за местами. Через Гомберга, во время его пребывания в Герце, и Элайджу Морпурго, который переписывался с Мендельсоном и Вессели, образовательное влияние меасфимов проникло в Италию; и молодое поколение, которое впоследствии объединилось с французскими евреями, черпало вдохновение из этого источника.

Таким образом, иврит и неоеврейская поэзия стали узами союза для евреев Западной Европы, в некоторой степени охватив и евреев Польши, и проложили путь к удивительно быстрому и прочному возрождению. Иврит был известен почти всем евреям, за исключением нескольких невежественных сельских жителей, и представлял собой прекрасную среду для распространения европейской культуры. Тысячи молодых людей, изучавших Талмуд в различных колледжах, постепенно, по большей части тайно, приняли активное участие в движении и жадно впитывали поток инноваций. Таким образом, в связи с ожидаемым освобождением от политического гнета, которое уже было осуществлено в различных местах, там возникли особое волнение и неразбериха. Старое и новое смешались, образовав своего рода духовную кашу. Был поднят вопрос о том, разрешено ли, помимо Талмуда, заниматься библистикой и светской литературой, культивировать философию и вообще изучать науки (Хохмот). Великие раввины, Иезекииль Ландау, Рафаэль Коэн и другие, осуждали подобные исследования, в то время как Мендельсон и Уэссели, безусловно набожные люди, не только разрешали, но даже рекомендовали их для возвышения иудаизма. Из старых и уважаемых авторитетов некоторые разрешали их и даже занимались ими, в то время как другие запрещали и держались в стороне от них, как от какого-то соблазнительного греха. Эти важные вопросы встали перед мыслящими еврейскими молодыми людьми и вызвали большое беспокойство. Для большинства вопрос решался очарованием новизны, привлекательным языком представителей нового направления или склонностью сбросить обременительные ритуальные оковы. Числотех, кто интересовался периодическим изданием "Собиратель", увеличивалось из года в год. Смерть Мендельсона также оказала решающее влияние. Его ученики — а таковыми считали себя все Мефистофели — обожествляли его, прославляли яркими красками, идеализировали

его и его богатую событиями историю в прозе и стихах, указывали на него как на идеал, достойный подражания, и использовали его известность в своих интересах. Они пошли на шаг дальше или расширили масштабы своей деятельности, стремясь не просто к облагораживанию еврейского языка, но и к утонченности в целом. Они называли себя "Обществом добрых и благородных" (с 1787 года), не будучи в состоянии определить свою цель. Всомогущий поток инноваций не могли остановить приверженцы старой школы. Они неумело пытались отстоять старую систему, преувеличивая опасности и тем самым теряя всякое влияние.

Таким образом, почти в каждом крупном сообществе возникла партия "просвещенных" или "левых", которая еще не порвала со старой школой, но чьи действия граничили с отделением. Ультраортодоксальные христиане объявили их еретиками из-за их предпочтения чистого языка и формы как в иврите, так и в европейской литературе. Это оскорбительное название мало их задело и скорее доставило им определенное удовлетворение. Результатом работы Измерителей было то, что они будоражили умы людей, расширяя диапазон их наблюдений и приводя их к облагораживающим мыслям и поступкам; но эти писатели не оставили никаких постоянных результатов. Ни одна постановка the circle не имеет непреходящей ценности. Их лучшим спектаклем была "Лебединая песня" Уэссели, которая обладает литературной, если не художественной ценностью. Вызванный, возможно, удивлением Гердера, почитателя древнееврейской поэзии, тем, что ни один поэт не воспел чудеса исхода из Египта, центром которого был возвышенный пророк Моисей, Уэсси твердо решил сочинить неоеврейский эпос. Воодушевленные духом пророков, из-под его пера полились гладкие, округлые, благозвучные стихи, которые раскрывают перед взором великие события, произошедшие от жестокого рабства в Египте до чудесного перехода через Красное море и странствий по пустыне. "Песнями славы" Уэссели назвал свою еврейскую героическую поэму "Мосайд". На самом деле его стихи и строфы прекрасно аранжированы и совершенны по форме. Это лучшая работа, которую создала школа Measfim. Эпос Уэсси вызвал такое восхищение, что два христианских поэта, Хуфнагель и Сполдинг, перевели первые две песни на немецкий. Однако мозаика id ни в коем случае не является шедевром; ей не хватает дыхания истинной поэзии, фантазии и возвышенности замысла. Это всего лишь история происхождения израильтян, изложенная в стихах, или, правильнее сказать, стихотворный комментарий к Пятикнижию. Его критика справедлива для школы в целом; ее ученики были хорошими неоеврейскими стилистами, но как поэты они не были даже посредственными.

Появление "Собирателя" привлекло внимание в христианских кругах. Старый противник евреев, Михаэлис, не мог молчать. Другие приветствовали это как рассвет, обещающий ясный день; на самом деле это был рассвет для еврейской расы. Чем отличается культурный народ? Наряду с мягкими манерами, это проявляется во вкусе к гармоничным формам и в способности создавать художественные творения. Этот вкус и сила, утраченные из-за внешнего угнетения и внутренней дезорганизации, были вновь пробуждены среди евреев органом Месфим. Для возведения еврейской расы в ранг культурных наций не требовалось ничего нового; было просто необходимо привить понимание красоты и возвышенности их собственной литературы.

В этот период у евреев были глубокие философские мыслители, если не первого, то уж точно второго ранга, которые по остроте интеллекта почти превосходили Мендельсона. Особо следует упомянуть троих, которые, хотя и были обучены системе Мендельсона, вскоре осознали ее слабые стороны и направили свой разум по новым путям: это были Маркус Герц, Соломон Маймон и Бен-Давид. События их жизни в небольшом масштабе показывают, как еврейская

раса в целом прошла путь от деградации и невежества к свободе и просвещению. Марк (Мардохей) Герц (родился в Берлине в 1747 году, где и умер в 1803 году) был сыном бедных родителей, и его отец, как и отец Мендельсона, содержал себя и свою семью переписыванием еврейских рукописей. Он получил талмудическое образование в школе, основанной Эфраимом Вейтелем. Из-за бедности он не смог, несмотря на свои таланты, продолжить учебу, поэтому ввозрасте пятнадцати лет был вынужден отправиться в Кенигсберг в качестве подмастерья. Стремление к знаниям вскоре отвлекло его от бизнеса и привело в университет, поскольку Альбертина в то время принимала еврейских юношей на медицинский факультет. Философу, однако, привлекал его больше. Считалось, что Герц был одарен "острым умом, свойственным еврейской нации". Кант, работавший тогда над своей монументальной системой, видел Герца в своей аудитории так же часто, как профессора-медики видели его вналоговой службе. Он выделял его, ввел в круг своих близких и относился к нему как к своему любимому ученику. Вступая в должность профессора, Кант, согласно абсурдному и устаревшему обычаю, должен был публично рассуждать на философскую тему, и не нашел никого, кто лучше Герца подходил бы ему в качестве ассистента. Несколько представителей университетов возразили, что студенту-еврею, каким бы талантливым и превосходящим своих товарищей-христиан, должны быть предоставлены равные с ними привилегии. Кант, однако, настоял насвоем требовании. Испытывая финансовые трудности, а также из-за того, что еврей не мог получить ученую степень в Кенигсбергском университете, Герц вернулся в свой родной город и присоединился к кружку Мендельсона. Однако он был сторонником философии Канта. В то же время он стал искусным врачом и добросовестно и усердно практиковал свое искусство. Женившись на Генриетте де Лемош, он обзавелся обширной практикой и многочисленными знакомствами в качестве помощника врача своего португальского тестя; и благодаря своему острому уму и разносторонним знаниям он стал известной личностью в столице Пруссии. Когда он читал философские лекции по философии Канта, все еще новой и малопонятной, среди его слушателей было много выдающихся людей. Разве не был бы велик прогресс, если бы знаменитости сидели у ног еврея и слушали его наставления о высших истинах, в то время как такие люди, как Михаэлис, решительно отрицали всякую возможность культуры у евреев? Впоследствии Герц выступил с лекциями по физике и проиллюстрировал удивительные законы природы экспериментальной демонстрацией. На этих лекциях было еще больше народу; даже наследный принц (впоследствии король Фридрих Вильгельм III) и другие принцы не побрезговали войти в дом еврея и послушать егоуроки. Его философская ясность, приобретенная у Канта и Мендельсона, способствовала тому, что его лекции по медицине, а также по другим предметам были приятными и ценными. Герц, однако, не был независимым мыслителем, способным осветить темныепути человеческого познания блестящими идеями; но он преуспел в объяснении глубоких мыслей других и в том, чтобы сделать их понятными обычному уму. Благодаря своей личности и общественному положению Герц оказал глубокое влияние не только на культуру берлинских евреев, но и на христианские круги.

Еще более ярким примером замечательных культурных способностей евреев был Соломон Маймон. Этот поляк, чье настоящее имя было Соломон Литовский, или Несвежский (родился около 1753 г., умер в 1800 г.), поднялся изсамого густого облака польского невежества к чистому философскому знанию, достигнув этой высоты собственными усилиями, но из-за своего скептицизма он стал жертвой шокирующих ошибок. История его жизни полна путешествий и беспокойства и является хорошим примероммногогранности евреев.

Как и в случае с Мендельсоном, философско-религиозный труд Маймуни "Руководство сбитых с толку" (далее Небухим) стал причиной интеллектуального пробуждения Соломона. Он читал книгу до тех пор, пока она не стала частью его самого, после чего принял имя Маймон, клялся именем еврейского мудреца всякий раз, когда злое желание подталкивало его к греху, и побеждал с его помощью. Но в то время как Мендельсон достиг правильного пути через Маймуни, Соломон Маймон был введен в заблуждение, сомневался и неверие, и до конца своей жизни вел бесцельное существование. В отчаянии он ухватился за Каббалу, желая стать еврейским Фаустом, вызывать духов, которые получили бы для него глубокую мудрость; он также совершил паломничество к лидеру хасидов Бееру из МизРича. Но практикуемый обман вызвал у него отвращение, и он быстро отвернулся от него. Но что ему, с его духом скептицизма, было делать в узком мире жесткой ортодоксии? Постоянно лицемерить? В Польшу дошли слухи, что в некоторых городах Германии преобладает более свободная религиозная система и что там больше простора для философских изысканий. В тот период поляк без зазрения совести бросал жену, детей и дом и скитался за границей. Это стоило Маймону меньших усилий, учитывая, что его жена навязалась ему, когда он был ребенком, и, к его досаде, у него родились дети. Чтобы успокоить свою совесть, он обманывал себя под предлогом, что будет изучать медицину в Германии и сможет содержать себя и свою семью.

Таким образом, Маймон покинул Литву (весна 1777 г.) в возрасте двадцати пяти лет, "с густой грязной бородой, в рваной, грязной одежде, его язык представлял собой жаргон, состоящий из фрагментов иврита, иудео-немецкого и польского языков вместе с грамматическими ошибками", как он сам говорит, и в этом обличье он представился некоторым образованным евреям в Кенигсберге, сказав, что желает посвятить себя науке. В этом оборванном Шесте был мозг, полный глубоких мыслей, которые по мере того, как он становился старше, переросли в зрелость. Его путешествие из Кенигсберга в Берлин через Штеттин было чередой прискорбных неприятностей. В Берлине власти отказались предоставить ему вид на жительство. Те поляки, которые порвали с Талмудом и посвятили себя науке, жили в атмосфере худшей ереси и часто давали повод для подозрений. Маймон был достаточно искренен, чтобы признать справедливость этого мнения. Нравственная жизнь, деятельность любого рода, участие в труде человечества, использование таланта для покорения природы, освобождение ман. от оков своекорыстия, пробуждение в нем морального побуждения действовать на благо своих братьев, осуществление небесного царства справедливости и благотворительной любви — всех этих идеалов Маймон не ценил. Это были безразличные вопросы, которыми мыслителю не нужно было утруждать себя. В этом нездоровом состоянии ума он избегал всякой активной работы; праздные размышления и составление формул были его главными занятиями. Он не достигал определенной цели в жизни, но переходил от безумия к глупости, от несчастья к несчастью.

Широкой публике он впервые стал известен благодаря своей "Автобиографии", в которой он раскрыл слабые стороны польских евреев, для него единственных представителей иудаизма, а также свои собственные, с беспощадной, циничной суровостью, как несколькими годами ранее это сделал Руссо в своей "Исповеди". Тем самым он оказал дурную услугу своим единоверцам. Его мнения о своих братьях, проистекавшие из плохого настроения, принимались в ущерб им как универсальные характеристики; и то, что он изображал ненавистным в польских евреях, приписывалось всем евреям.

Такого рода признания считались экстраординарными и вызывали большое внимание в чопорной, педантичной Германии. "Автобиография" нашла свой путь в многочисленных кругах и

приобрела большинство читателей. Два великих немецких поэта, Шиллер и Гете, до нелепости любили циничного философа, и Гете выразил желание, чтобы он жил рядом с ним. Его слава не сделала Маймона ни лучше, ни счастливее, и он оказал честь еврейской расе только своими умственными способностями; своими действиями он полностью опозорил ее.

У третьего еврейского мыслителя того времени, Лазаря Бен-Давида (родился в Берлине в 1762 году; умер там же в 1832 году), не было ни трагической, ни комической истории Маймона. Он был прозаичным, педантичным человеком, который в любом немецком университете мог бы занять кафедру логики и математики и год за годом давать одни и те же инструкции без сокращений и без увеличения объема. Однако Бен-Давид обладал пылкостью и восторженной преданностью философии Канта, поскольку признавал ее истиной и верно следовал ее моральным принципам. Эта философия хорошо подходила евреям, потому что требовала высокой силы мысли и нравственных действий. По этой причине у Канта, как и у Аристотеля в прежние времена, было много еврейских последователей. Бен-Давид также был знатоком Талмуда и хорошим математиком. Возможно, с его стороны было ошибкой поехать в Вену читать лекции по философии Канта. Сначала университет разрешил ему читать лекции в своих залах — еврей, читающий лекции по философии, которые отрицали право католицизма на существование! Вскоре, однако, ему пришлось прекратить их, но граф Харрах предложил ему свой дворец в качестве лекционного зала. Столкнувшись с препятствиями и здесь, он покинул имперский город, продолжил свои проповеди в Берлине и некоторое время работал редактором журнала. Бен-Давид произвел лишь незначительное впечатление на ход еврейской истории.

Однако немецкие евреи, вдохновленные Мендельсоном, не только с большой быстротой поднялись на высоту культуры, но и безошибочно способствовали распространению культуры в христианских кругах. Евреи-интеллектуалы и еврейки создали в Берлине тот культурный общественный тон, который стал отличительной чертой этой столицы и повлиял на то, чтобы в Германии. Евреи и еврейки были первыми, кто основал салон для интеллектуального общения, в котором элементы возвышенной мысли, вкуса, поэзии и критики изящно и непринужденно сочетались друг с другом, обсуждались и были доступны людям различных профессий. Христианское население Берлина во времена Фридриха Великого и его преемника очень напоминало население маленького городка. Знать и высшие сановники были слишком аристократичны и необразованны, чтобы беспокоиться об интеллектуальных, экономических и социальных делах и о внешнем мире. Для них двор и мелкие события повседневной жизни были миром. Ученые образовывали исключительную гильдию, и не было высокого или богатого класса бюргеров. Представители среднего класса шли узким путем своих старомодных немецких отцов; встречались, если вообще встречались, за кружкой пива и постоянно повторяли истории о "победах старого Фрица". В частности, женщины скромно жили в своих четырех стенах или полностью занимались заботами своего семейного круга. С евреями Берлина дело обстояло совершенно иначе. Все они, или большинство из них, в юности в той или иной степени изучали Талмуд; их умственные способности были острыми и восприимчивыми к свежим влияниям. Эти новые элементы культуры Мендельсон привнес в свой перевод Библии, а также в свои философские и эстетические труды. В еврейских кругах знание приносило больше отличия, чем богатство; к невежественному человеку, каким бы богатым он ни был, относились как к предмету презрения. Каждый еврей, каковы бы ни были его средства, гордился тем, что у него есть коллекция старых и новых книг, и, когда это было возможно, стремился узнать их содержание, чтобы не оказаться лишним в разговоре. Каждый хорошо информированный еврей жил в двух мирах: мире бизнеса и мире книг. Под влиянием

импульса, данного Мендельсоном, молодое поколение занялось *художественной литературой*, языком и философией. Предметы изучения изменились, но тяга к знаниям осталась или стала еще сильнее. Вскоре после смерти Мендельсона евреи Берлина насчитывали более сотни молодых людей, горящих рвением к знаниям и культуре, из среды которых поступали материалы для периодического издания "Ха-Меассеф".

К этой искренней склонности к учебе добавилось модное безрассудство. Благодаря Фридриху Великому французская литература акклиматизировалась в Пруссии, и евреев особенно привлекала искрометная интеллектуальность французского остроумия. В палатках Якоба у Вольтера было больше поклонников, чем в немецких домах. Еврейская молодежь с жадностью набрасывалась на французскую литературу и усваивала ее формы; в то же время французское легкомыслие, естественно, вступало в свои права. Умные дочери Израиля также страстно предавались этому модному безрассудству; они выучили французский, поначалу, конечно, для того, чтобы разговаривать на модном языке с молодыми кавалерами, которые занимали деньги у их отцов. Это было еще одно украшение, которым можно было украсить себя. Под влиянием Мендельсона и Лессинга такие пустяки уступили место серьезным усилиям по приобретению основательных знаний, чтобы они могли занимать такое же высокое положение среди людей. Дочери Мендельсона, которые постоянно находились в обществе культурных мужчин, были первыми и вызывали соперничество. Ни в одном городе Германии не было столько культурных еврейских женщин, как в Берлине, потому что они легко учились, были трудолюбивы и в целом превосходили своих сестер-христианок в знании литературы.

Дом Мендельсона стал центром научного и литературного общения, и его посещали чаще, поскольку его друзья могли ожидать встретить там выдающихся незнакомцев, которых привлекла его широко распространенная слава и от которых можно было узнать что-то новое. Дочери Хи были приняты в это остроумное и обаятельное общество, которому они также представили своих юных спутников. После смерти Мендельсона его место заняли Дэвид Фридлендер и Маркус Герц. Фридлендер, однако, был слишком чопорным и невзрачным, чтобы проявлять интерес. Таким образом, дом Герца стал штаб-квартирой друзей Мендельсона, которые стали ядром большого круга. Герц был популярным врачом и имел множество знакомых среди выдающихся еврейских и христианских семей. Его лекции привлекали в его дом людей всех рангов, и те, кто жаждал знаний, были допущены в интимный семейный круг. Герц был одарен едким остроумием, которым он приправлял беседу. Но более сильным, чем его наука и гениальность, было влияние его жены. Она была волшебным кругом, в который как магнитом притягивалась каждая местная или иностранная значимая персона в Берлине. Общение с красивой и одаренной еврейкой Генриеттой Герц было, помимо придворного круга, самым востребованным в Берлине. Если бы она не была введена в заблуждение обольстительным влиянием, она могла бы стать источником богатых благословений для иудаизма.

Таким образом, эта красивая женщина превратила свой дом в место сбора избранного общества Берлина, и знатные незнакомцы добивались чести быть представленными ей. Здесь христианские друзья Мендельсона, уже привыкшие к общению с евреями, свободно общались с культурными евреями, но там можно было встретить и новых людей, занимавших высокие посты, и дипломатов. Мирабо, в сознании которого уже сгустились грозные тучи Революции и которому евреи были так многим обязаны, во время своего тайного дипломатического посольства (1786) в Берлин больше находился в обществе Генриетты Герц, чем в обществе ее

мужа. Постепенно дамы высокого положения и образованные также вступали в отношения с мадам Герц и ее друзьями, привлеченные очарованием утонченного светского общения. Но ее салон оказывал самое сильное воздействие на образованную христианскую молодежь благодаря своим прекрасным еврейским девицам и дамам, спутницам прекрасной хозяйки. Эти еврейские красавицы, однако, не просто составляли украшение салона, но принимали активное участие в интеллектуальных развлечениях и отличались своей оригинальностью. Генц называл их "умными женщинами еврейства". Среди них были двое, блиставшие превосходными интеллектуальными качествами и сочетавшие современную культуру с еврейской остротой ума и остроумия: старшая дочь Мендельсона Доротея и Рахель Левин, впоследствии жена Варнгагена фон Энзе. Оба обладали выдающимися талантами, в дополнение к которым Рейчел Левин обладала непреклонной любовью к правде, соединенной с мягкостью и дружелюбием.

Почти в то же время берлинская еврейка Фанни Ициг, дочь банкира Даниэля Ицига, открыла в Вене блестящий салон, где собирались писатели, художники, дворяне и дипломаты, местные и иностранные, вместе. Она была остроумной, дружелюбной и благородной и была замужем за Натаном Адамом фон Арнштейном, который получил титул барона. Как и ее друзья в Берлине, она привела к социальному смешению евреев с христианами в Вене. Эти еврейские кружки самым победоносным образом опровергли глупое замечание наглого ученого из Геттингена, "что цыгане скорее претерпят превращение в народ, чем евреи". Тысячелетний предрассудок был развеян одним дыханием более эффективно, чем сотней ученых или красноречивых рассуждений.

Социальное выравнивание евреев в культурных кругах Пруссии заставило их надеяться, если не на полные гражданские права, то, по крайней мере, на смягчение гнетущих налогов и унижений, налагаемых на них. Между социальным положением культурных евреев и их правовым статусом пролегла глубокая пропасть. Среди бюргеров евреи Берлина были первыми миллионерами — не безразлично, какое важное место занимали деньги в то время, — однако, согласно закону, с ними обращались как с корабейниками. От короля-философа нельзя было ожидать гуманного обращения. Извинений Доума за евреев для него не существовало. Надежда пробудилась среди берлинских евреев после восшествия на престол Фридриха Вильгельма II, который был слабым, но добрым человеком. По настоянию Дэвида Фридендера, который, будучи преемником Мендельсона, в то же время считался представителем еврейских интересов, главы и старейшины берлинской общины представили петицию об отмене еврейского подушного налога, отмене варварских законов против евреев и предоставлении свободы передвижения. Они получили благоприятный ответ, предписывающий им "выбрать из своей среды достойных людей", с которыми правительство могло бы вести переговоры. Их предложение отобрать делегатов из числа евреев в провинциях было принято, и была создана комиссия для расследования жалоб прусских евреев и внесения предложений по улучшению положения. Генеральными депутатами от евреев были избраны Фридендер и его богатый тесть Даниэль Ициг, которые с большой независимостью и мужеством разоблачили варварское и продажное законодательство Фридриха Великого в отношении евреев.

Депутаты составили список податей, вымогаемых у евреев, с нелепыми названиями; например, вывоз фарфора, который обязывал их покупать изделия худшего качества за непомерную цену (называемые в насмешку "еврейским фарфором") с королевской мануфактуры и продавать их за границу; и налоги на содержание мануфактур, производящих чепчики, чулки, носовые платки и вуали. Они указывали на обременительные ограничения, на то, что в судах с ними обращались

не как с равными христианским иудеям, и особенно жаловались на ответственность, возложенную на всех за каждого, и смело требовали полного уравнивания, а не просто разрешения заниматься сельским хозяйством и ремеслами, но также занимать государственные должности и кафедры в университетах (май 1787 г.). Ожидания евреев Берлина и Пруссии, однако, не оправдались. Был отменен только закон о торговле некачественным фарфором на сумму в четыре тысячи талеров. Унизительный налог на тело был также отменен для местных евреев, путешествующих из провинции в провинцию, и для иностранцев, посещающих ярмарку во Франкфурте-на-Одере (декабрь 1787 г.; июль 1788 г.). Это освобождение от рабства было осуществлено Иосифом II и Людовиком XVI во Франции несколькими годами ранее. Поэтому высокопоставленные чиновники посоветовали отменить подушный налог для евреев из чувства стыда. Но выгода была невелика, поскольку, поскольку прусским евреям приходилось доказывать, что они такие, у всех общественных ворот, клеймо не было снято. Конечным результатом петиции еврейских депутатов стал ламенский стол. То, что давалось одной рукой, отнималось другой. К чести депутатов делает тот факт, что они откровенно отвергли ничтожные, ограниченные уступки, заметив: "Предполагаемые услуги ниже наших ожиданий и вряд ли соответствуют радостным надеждам, возлагаемым на восшествие на престол короля". Они заявили, что не уполномочены принимать предложенные реформы, "которые содержат мало преимуществ и много ограничений", особенно в том, что касается набора простых солдат. Только некоторые отдельные евреи получили исключительное уравнивание в правах. Были отданы распоряжения о том, что в официальных актах с ними не следует обращаться как с евреями. В остальном все продолжалось по-старому, евреям в Силезии было оказано лишь небольшое послабление.

Таким образом, в берлинской общине сформировалось ядро для возвышения еврейской расы, и их усилия поощрялись, если не государством, то, по крайней мере, общественным мнением. Их действия повлияли на более широкий круг двумя способами — через Свободную школу (Чинуч Неарим) и связанное с ней пучебное заведение. Бесплатная школа, которой руководили Дэвид Фридлиндер и его шури Ициг Даниэль Ициг, не соответствовала идеальному плану Уэссели. Учебная программа состояла в основном из предметов общего образования, и постепенно все еврейское (иврит, Библия, Талмуд) было вытеснено. За десять лет (1781-1791) из школы вышло более пятисот хорошо обученных учеников - апостолов берлинского духа, распространивших его влияние во всех направлениях. Это была образцовая школа для немецкого и других сообществ. С аналогичными целями типография отправила в гетто большое количество поучительных работ на иврите и немецком. Порожденный таким образом дух поначалу был духом скептицизма, поверхностного просветления. Его целью было искоренить из еврейской жизни и нравов все, что оскорбляло культурный вкус или делало евреев объектами насмешек, но оно включало в свои нападки все, что не сразу нравилось трезвомыслящим, и поэтому имело тенденцию уничтожать все, что напоминало о великих событиях прошлого, и что заставляло евреев выглядеть отдельной расой в глазах христиан. Самым заветным стремлением сторонников этого движения было походить на христиан во всех отношениях. "Просвещение, Культура" были их паролями, идолами их поклонения, которым они приносили в жертву все. Мендельсон не оставил после себя ни одного сколько-нибудь значимого ученика, способного осознать великие истины иудаизма и привести их в соответствие с культурой. Такие люди, как Юкхель, Леви, Фридлиндер, Герц и почти все остальные, обладали посредственным умом и ограниченными взглядами; они были неспособны распространять повсюду плодоносящие ростки мысли. Несмотря на свой энтузиазм по отношению к Мендельсону, они не понимали

сути егонатуры и думали, что он все еще находится среди них, хотя они давно покинули его. Даже его собственные дети, не исключая его образованных дочерей, неправильно понимали его; и это неправильное представление привело к большой путанице.

С каждым шагом вперед, сделанным берлинской школой просвещения, она становилась все более враждебной основному течению иудаизма, раздражая его восприимчивость и тем самым подрывая его собственную эффективность. Непонимание, горькие чувства, трения и раздоры были прямыми последствиями.

Ультра-или ортодоксальная партия, однако, насчитывала еще меньше важных людей, чем продвинутая школа. Самый выдающийся лидер среди них, или тот, кого считали таковым, Иезекииль Ландау в Праге, не испытывал ни малейшей симпатии к новой тенденции, но бездумно прибегал ко всякому использованию, каким бы неоправданным оно ни было, и тем самым наносил ущерб делу, которое он представлял. У него было только осуждение как еретиков для тех, кто сошел с проторенного пути.

Из-за трений между прогрессивными и ортодоксальными паствами, которые перешли все границы дозволенного, в берлинской общине разгорелась волнующая ссора. Молодые люди — частные учителя, подмастерья торговцев, сыновья богатых и светская молодежь — хвастались легкомысленной философией и гордо презирали свою древнюю религию, считая все, что мешает их удовольствиям, суеверием, предрассудком и раввинской глупостью. Поэтому приверженцы старых взглядов становились все более упорными и придерживались всего, что носило религиозный отпечаток. Поскольку лидеры общины orthodox все еще имели преимущество в благотворительных учреждениях, они отказывали в поддержке сторонникам просвещения, особенно незнакомым людям, не допускали своих больных в еврейскую больницу и отказывали мертвым в почетных похоронах. В Ш.орт проявились все явления, которые обычно сопровождают конфликты религиозных партий. Те, у кого не было семей, среди которых были два видных месфима, Юхель и Вольфссон, были полны решимости объединиться, чтобы не оставаться изолированными против ортодоксальной партии. Они хотели создать союз для защиты его членов. Старший сын Мендельсона, Джозеф, был очень ревностен в продвижении такого союза, и благодаря его имени он получил широкую поддержку. Так было сформировано "Общество друзей" (1792), сообщество *иллюминатов* внутри сообщества, состоящее исключительно из неженатых мужчин, главной целью которых было относиться друг к другу как к братьям и поддерживать друг друга в беде и болезни; но их побочным намерением было распространять культуру и продвигать просвещение. "Друзья" взяли в качестве своего девиза изречение Мендельсона: "Искать истину, любить прекрасное, желать добра, делать все как можно лучше". Связка посохов была их символом. В первый год своего существования профсоюз насчитывал более сотничленов в столице. Молодые люди в Кенигсберге, Бреслау и Вене пополнили свои ряды. Узы сердечного братства сплачивали членов Общества, и по сей день в Обществе сохранилось братское чувство деликатной доброжелательности. Но это был болезненный симптом. Общество парило в воздухе без прочной основы; оно не имело корней ни в своей собственной среде, ни в иудаизме, и не было привязано к какому-либо великому политическому идеалу. Она была нацелена на физическое благополучие и покой, как будто цивилизованные люди могли жить только хлебом насущным: лозунги и фразы культуры и просвещения мало что давали. Борьба против старого режима была слабой; все, что им удалось сделать, - это подольше удерживать своих умерших друзей на поверхности. Короче говоря,

"Обществу пятничныхконцов" не хватало закваски вдохновения, единственного качества, которое в конечном итоге приносит плоды.

Если члены этого Общества не занимали твердой позиции, то те, кто никогда не знал ни идеала, ни даже мечтательного стремления, обычные люди, которые были простыми рабами и искали всего своего счастья в общении с христианами, поступали еще более виновато. Старая система не имела для них никакого очарования, а новая - никакой осязаемой формы, способной привлечь их. Пример двора и высших кругов общества оказывал дурное влияние также наевреев крупных городов Пруссии. "При Фридрихе Вильгельме II, - как отмечает Мирабо по своему собственному наблюдению, - Пруссия впала в состояние гниения, еще не достигнув стадии зрелости". Еврейская молодежь из богатых домов следовалаобщей склонности к чувственным удовольствиям. Не тайно, а открыто, при свете дня, они перешли все границы и с презрением к иудаизму объединили презрение к целомудрию и морали. Они подражали другим обезьянам. Серьезные люди, такие как Дэвид Фридлендер, Лазарус Бен-Давид и Саул Ашер, сожалели об упадке морали среди евреев, не замечая, что этому способствовало их собственное поверхностное стремление к просвещению.

"Среди нас распространились пороки, которых не знали наши отцы и которые любой ценой были куплены слишком дорого. Безбожие, сладострастие и изнеженность, сорняки, прорастающие из-за неправильного использования просвещения и культуры, - увы! укоренившись среди нас, и особенно в главных городах, мы подвергаемся опасности того, что поток роскошивместе с нашим хамством сметает нашу суровую и простую мораль ".

Вырвавшись из уз национальной религии, существовавшей тысячелетиями, поверхностные мыслители и распутники всем телом перешли в христианство. "Они были как мотыльки, порхающие вокруг пламени, пока не сгорели". Какой смысл было терзаться оковами "всеобщей привилегии", какой смысл продолжать нести позор того, что ты "защищенный" иудей, если повторением пустой формулыони могли стать равными христианам! Итак, они смыли клеймо ярма и его позор водами крещения. Конгрегации Берлина, Бреслау и Кенигсберга ежедневно были свидетелями отступничества своих членов, самых богатых и внешне самыхкультурных людей. Казалось, что слова пророка подтверждаются: "Я оставлю среди тебя страждущих и нищих людей". Следует считать чудом, что вся еврейская партия просвещения в Германии не отреклась от иудаизма. Три невидимые силы удерживали их от того, чтобы *в массовом порядке* последовать примеру предательства и отступничества: глубокое отвращение к догме Божественного Воплощения, нерушимая привязанность к своим семьям и своему великому тысячелетнему прошлому и любовь к еврейскому языку и литературе. Сами того не подозревая, они чувствовали себя единой нацией, звеном в длинной цепи истории еврейской расы, и они не могли убедить себя отделиться от нее. Возрождение иврита через Меасфим оказало благотворное влияние в этом направлении. Тот, кто мог постичь красоту и возвышенные мысли библейской литературы и мог подражать ее языку, оставался евреем, несмотря на тайные сомнения, деградацию и позор. Таким образом, Мендельсон снабдил новое поколение как ядом, так и противоядием от него.

Только Дэвид Фридлендер оказался исключением из этого правила. Ни еврейская древность, ни еврейская поэзия, ни семейные узы не смогли удержать его верным своему знамени, даже при половинчатой преданностииону. Разрыв всех семейных связей, пренебрежение

обязанностями религиозного братства действительно угнетали его. Тем не менее, он продолжал отделяться от еврейской общины и дезертировать во враждебный лагерь. Он стремился добиться для себя и всей своей семьи исключительной натурализации со всеми вытекающими правами и обязанностями, но не преуспел. Это причинило ему боль, и вместо того, чтобы скрывать свое раздражение за гордостью за происхождение и мученичество, вместо того, чтобы работать на благо своих единоверцев, чтобы превзойти надменных христиан, он возжелал чести присоединиться к ним. Фридлиндер, однако, не желал осуществлять это дезертирство в одиночку или абсолютно. Поэтому он вместе с другими отцами семейств, настроенными подобным образом, ятрусливо направил письмо, не упоминая ни себя, ни других по имени, главному советнику консистории Теллеру, который был в дружеских отношениях с евреями. В этом письме выражалось их желание обратиться в христианство и креститься при условии, что они могут быть освобождены от веры в Иисуса и участия в церковных обрядах, или что, по крайней мере, им может быть позволено объяснять христианские догмы по—своему - предложение в равной степени глупое и бесчестное. Фридлиндер не мог отрицать, что среди евреев "добродетель была повсеместной, благожелательность врожденной, родительская и сыновья любовь и святость брака глубоко укоренились, самопожертвование ради других было частым явлением; и что, с другой стороны, тяжкие преступления - убийства, грабежи и превышениевозраста — были редкостью". Но эта светлая сторона их рабского положения казалась ему лишь второстепенной. Поэтому в этом глупом письме он оклеветал свой народ и его прошлое, назвал Талмуд (это тонизирующее средство для ума) мистицизмом, в нелогичной путанице говорил то о вредном характере, то о полезности ритуальных законов иудаизма и обрисовал развитие еврейской истории таким образом, который нельзя назвать извращенным.

Теллер расправился с еврейскими отцами, которые жаждали христианства без Иисуса, вежливо, но эффективно, как они того заслуживали. Они могли бы остаться теми, кем были, поскольку христианство не желало таких неверующих. Фридлиндер столкнулся с позорным опытом; он остался евреем, но его дети настаивали на крещении без каких-либо ограничений. Однако его письмо привлекло больше внимания, чем оно того заслуживало.

Если немецкие евреи, особенно берлинские, благодаря своему общению с христианским обществом и интересу к литературе приобрели что—то во внешнем поведении, в формах вежливости и социальных манерах — преимущества, которые нельзя недооценивать, - то они потеряли то, чего не было никакой компенсации. Целомудрие еврейских женщин и дев во время их изоляции было нерушимо свято; счастье семейной жизни покоилось на этой драгоценной основе. Еврейские женщины редко выходили замуж по любви — гетто было не местом для любовных утех, — но после замужества долг порождал любовь. Это святилище, гордость Израиля, которое вызывало восхищение у искренних христиан и заставляло их высоко ценить евреев, было обесчещено их общением с христианами более высокого ранга.

Если бы враги евреев намеревались подорвать могущество Израиля, они не смогли бы найти более действенного средства, чем заражение еврейских мужчин моральной порочностью, план более действенный, чем тот, который использовали мадианитяне, ослаблявшие людей безнравственностью. Салон прекрасной Генриетты Герц превратился в своего рода мадианитский шатер. Здесь собралось несколько молодых еврейских женщин, чьи мужья были отстранены из-за своих дел. Самым выдающимся представителем мужского пола этого круга был Фредерик фон Генц, воплощение эгоизма, распущенности, порока и разврата, главным занятием которого было предательство женщин. Генриетта Герц была первой, кого смутило и

сбило с толку преклонение перед ее красотой. Это было время, когда немецкий романтизм, порождение музы Гете, начал воздействовать на умы людей, побуждая их воплощать лирические эмоции в реальность и поэтически преображать жизнь. Эта романтическая склонность привела к развитию сентиментальности и печально известным бракам, которые заключались и расторгались по своему усмотрению. Была сформирована так называемая Группа добродетели (Тугенд-Бунд), членами которой были Генриетта Герц, две дочери Мендельсона и другие еврейки, а также христианские распутники. Еврейские женщины чувствовали себя возвышенными и польщенными тесной близостью с высокопоставленными христианами; они не видели клыкастой змеи под цветами. С Вильгельмом фон Гумбольдтом, пылким юношей, впоследствии прусским министром, Генриетта тайно поддерживала любовную переписку за спиной своего мужа.

Когда Вильгельм фон Гумбольдт женился и забыл Генриетту, которую ввело в заблуждение ее тщеславие, она вступила в двусмысленные отношения со Шломэйермахером, современным апостолом нового христианства. Их демонстративная близость вызывала насмешки со стороны знакомых, даже больше, чем со стороны незнакомцев. Обе стороны несколько чересчур озабоченно отрицали преступность своих интимных отношений. Правда это или нет, но ябыл достаточно опозорен, чтобы злые языки могли даже заподозрить честь еврейской матроны из хорошей семьи.

Спутником Шлейермахера был Фридрих Шлегель, который штурмовал небеса с детской силой, — хамелеон в чувствах и взглядах, увлеченный то республикой, то монархическим деспотизмом, вызывавший призраков и злых духов средневековья. Введенный в салон Герца, он стал закадычным другом Шлейермахера и сразу же решил соблазнить Доротею Мендельсон. Ее отец умер, зная, что она вступила в счастливый брак с банкиром Саймоном Файтом Витценхаузенем. Муж окружал ее знаками внимания и любви. Результатом этого брака были двое детей. Тем не менее, она позволила предательскому голосу романтика Шлегеля увлечь себя в неверность. В этом обществе было модно жаловаться на то, что их неправильно понимают, и на разлад в душах. Безнравственное учение Гете о факультативных симпатиях уже пустило корни в еврейских семьях. Мысль о разлуке с мужем и детьми не удержала Доротею от того, чтобы сбиться с пути истинного, и Генриетта Герц выступила в роли посредницы. Поэтому Доротея ушла от мужа и жила со Шлегелем, поначалу в незаконном союзе. Весь мир был поражен этой безнравственностью, которая втоптала в грязь честное имя Мендельсона. Доктор Герц запретил своей жене вступать в половую связь с этой развратной женщиной. Но сама она в глубине души была прелюбодейкой и сообщила мужу, что не оставит свою подругу. Проповедник Шлейермахер тоже почти не обиделся на это распутное поведение. Доротея следовала за своим романтическим предателем от одной глупости к другой, приняла протестантское крещение и, наконец, вместе с ним обратилась в католичество. Это было прискорбное зрелище, когда дочь Мендельсона поцеловала палец на ноге папы римского. Младшая сестра, Генриетта Мендельсон, не была достаточно красива, чтобы очаровать распутниц салона. Достаточно указать на ее склад ума, чтобы сказать, что она также перешла в католицизм. Следствием этой внутренней коррупции стало то, что участники оказались не в ладах с жизнью.

Рейчел Левин, еще одна энергичная женщина, была слишком умна, чтобы участвовать в легкомысленной Компании Добродетели. Она хотела поступить по-своему. Но ее мудрость и ясный ум не защитили ее от заражения безнравственностью. В одном отношении она превосходила своих грешных еврейских сестер; она была правдива и не носила маски. Когда

Рахиль впервые познакомилась с героем, добрым, но распутным принцем Луи Фердинандом, она взялась учить его "чердачным истинам"; но она скорее научилась у него дворцовым безумствам. Сама незамужняя, она согласилась стать посредницей между ним и брошенной Паулиной Визель. Рахель Левин, или, как ее еще называли, Рахель Роберт, в жилах которой текла талмудическая кровь, наделявшая ее ярким и активным умом, позволявшая ей проникать в самую основу вещей и преследовать душу и ее разнообразные инстинкты в их тончайших проявлениях, игнорировала свое собственное происхождение. Она желала различить дыхание Бога в исторических изменениях, но при этом не осознавала величия своей расы. Она презирала это, считая величайшим позором и своим худшим несчастьем родиться еврейкой. Только в смертный час слабое подозрение о великой важности иудаизма и евреев пришло ей в голову.

"С возвышенным восторгом я размышляю о своем происхождении и паутине истории, благодаря которой древнейшие воспоминания о хуманской расе соединяются с текущими событиями, несмотря на расстояние во времени и пространстве. Я, беглец из Египта, нахожусь здесь и ищу помощи. То, что всю свою жизнь я считал своим величайшим позором, я теперь не отдам ни за какие деньги".

Но даже в этот час ее маманичего не видела ясно, ее мысли были в беспорядке, и она изнемогала в фантастических снах.

Эти талантливые, но грешные еврейские женщины оказали услугу иудаизму, став христианками. Дочери Мендельсона и Рахиль были обращены публично, в то время как Анриэтта Герц, которая больше заботилась о внешности, приняла крещение в маленьком городке, чтобы не навредить своим еврейским друзьям, и пошла на этот шаг только после смерти своей матери.

Шлейермахер снова привил образованным слоям населения Германии своеобразную, едваопределимую антипатию к иудаизму. Он ни в коей мере не был травителем евреев в обычном смысле этого слова и с негодованием протестовал против того, чтобы его так называли; но его разум был взбужден смутным, неприятным чувством по отношению к евреям, от которого он не мог отделаться. Когда было опубликовано глупое письмо Фридлендера о принятии некоторых семей в христианство, лишенное догмата о Троице, Шлейермахер высказался против их принятия. Государство могло бы уступить евреям права гражданства, но должно терпеть их только как особую секту, поскольку они не откажутся от своей надежды на Мессию. Это вполне соответствовало его романтическому неохристианству, когда по невежеству и путанице он изобразил иудаизм как мумию, "вокруг которой сидят ее сыновья, стонущие и плачущие". Он даже не признавал иудаизм предшественником христианства. "Я ненавижу такого рода исторические взаимоотношения в религии". До сих пор, христианский мир был осознает определенные связи с *Judaism*, и Ветхий Завет, Библия, были точки соприкосновения, на которых наглой дочери и поработанной матери встретились, и на мгновение забыл о своей ненависти. Этой связи или ее признанию евреи были обязаны своим спасением в печальные дни чрезмерного распространения христианской веры, иначе они были бы полностью уничтожены в Европе. Папство защитило их, "потому что Спаситель пришел из их среды". Эту связь Шлейермахер разрушил на одном дыхании. Желание иметь что-то общее с евреями раздражало его. Но разве Иисус, Апостолы и первые Отцы Церкви не были евреями?

Шлейермахер охотно отрицал бы этот факт, если бы мог это сделать; но поскольку это было практически невозможно, он окутал это тайной.

-Что? мы должны верить, что Иисус был всего лишь еврейским раввином, с филантропическими чувствами и некоторой сократической моралью; с определенными чудесами или, по крайней мере, с тем, что некоторые считают таковыми, и с талантом сочинять изящные загадки и притчи — некоторые безумства даже тогда не должны были быть ему прощены, согласно первым трем Евангелистам; и такой человек мог основать новую религию и Церковь — человек, которого нельзя сравнить с Моисеем и Магометом?"

С этим фактом Шлейермахер не мог смириться, ибо в таком случае не только Моспророк, но и Моисей Мендельсон, берлинский мудрец, был бы более великим. Поэтому Шлейермахер удалил своего Иисуса далеко от иудаизма; у него была общая с евреями лишь случайность рождения, но он был сверхчеловеком и все же человеком, "чье сознание Бога можно правильно назвать существованием Бога внутри него", как это выражено в этом мистическом, экстравагантном, романтическом учении, которое, таким образом, взяло под свою защиту своего собственного вождя. Проповеди Шлейермахера были наполнены такого рода жонглированием словами, к которому берлинские евреи, особенно женщины, прислушивались так же преданно, как их предки к лживым уловкам лжепророков. Школа Шлейермахера, оказавшая ведущее влияние в Германии, сделала это глубокое презрение к иудаизму своим паролем и основой своей ортодоксальности.

В то же время другой романтик, Шатобриан, изобрел новые, непрочные опоры для христианства, которое находилось в руинах и было почти забыто во Франции. Несмотря на то, что он прослеживал происхождение искусств, музыки, живописи, архитектуры, красноречия и поэзии от христианства, он, по крайней мере, не отрицал причастности иудаизма к этим заслугам, хотя и только с намерением приписать христианству самые благородные черты в еврейской литературе и истории. "В истории есть только два ярких имени и воспоминания об израильтянах и пеласгах (греках)". Когда Шатобриан захотел доказать свое утверждение о том, что поэзия природы является изобретением христианства, он привел в качестве примеров прекрасные описания у Иова, у Пророков и в Псалмах, поэзии которых произведения Пиндара и Горация значительно уступали. Шатобриан собрал цветы еврейской поэзии, чтобы сплести прекрасную гирлянду для своего распятого бога. Но он не стал, подобно Шлейермахеру, превращать иудаизм в пыль, отрицая отцовство ребенка, выросшего таким могущественным.

Новая юдофобия возникла из неохристианской школы, которая, по мере того как ее создатели приобретали политическое влияние, становилась намного сильнее, чем у старого ортодоксального христианства. Примечательно, что двоякая реакция - реакция Церкви, вызванная Шлейермахером, и реакция политического мира, связанная с Генцем, - возникла в иудео-христианском салоне в Берлине. Но в тот самый год, когда неоподобный Шлейермахер в своем романтическом описании самого себя оклеветал иудаизм, назвав его мумией, появился человек, герой, гигант по сравнению с этими жалкими карликами, который призвал евреев собраться вокруг его штандарта. Он хотел завоевать для них Святую Землю их отцов и, как второй Кир, восстановить их Храм. Свободу, которой берлинские евреи желали достичь, отказавшись от своих особенностей и унизившись перед Церковью, они теперь получили через Францию, не платя этой цены и не позорясь на торгах.

ГЛАВА XI.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЭМАНСИПАЦИЯ ЕВРЕЕВ.

Предзнаменование Французской революции—Серф Берр—Мирабо о еврейском вопросе во Франции—Берр Исаак Берр—Еврейский вопрос и Национальное собрание—Уравнение португальских евреев—Усилия по уравнению парижских евреев—Еврейский вопрос отложен—Уравнение французских евреев—Царство террора—Уравнение евреев Голландии—Конгрегация Адат Джешурун—Распространение Эмансипации—Бонапарт в Палестине—Ненависть к евреям Фихте-Подушный налог—"Петиция евреев Германии" Грунда-Якобсон—Брайденбах—Лефранк—Александр I Российский: его попытки улучшить положение евреев России.

1791-1805 гг. н. э.

Тот, кто верит, что Провидение проявляет себя в истории, что грехи, преступления и безумства в целом служат возвышению человечества, находит во Французской революции полное подтверждение своей веры. Могла ли эта богатая событиями реакция, которую постепенно пережил весь цивилизованный мир, произойти без длинной цепи отвратительных преступлений и мерзостей, совершенных дворянством, монархией и Церковью? Неестественное рабство, налагаемое светской и духовной властью, породило свободу, но наполнило ее ядом, так что свобода вгрызлась в свою собственную плоть и ранила саму себя. Революция была судом, который в один день искупил тысячелетние грехи и поверг в прах всех, кто за счет справедливости и религии создал новые слои общества. Пришел новый день Господень, "чтобы унижить всех гордых и возвышенных и возвысить смиренных". Для евреев, самых жалких и презираемых людей в европейском обществе, тоже должен был наступить день искупления и свободы после их долгого рабства у народов Европы. Примечательно, что Англия и Франция, две европейские страны, которые первыми изгнали евреев, были первыми, кто восстановил их в правах человечества. То, что Мендельсон считал возможным в какое-то далекое время, и то, чего искренне желали Дом и Диц, эти защитники евреев, было реализовано во Франции с почти волшебной быстротой.

Однако свобода французских евреев не упала к ним в руки, как спелый плод, о созревании которого они не позаботились. Они прилагали энергичные усилия, чтобы сбросить со своих плеч гнетущее ярмо; но во Франции результат их деятельности был более благоприятным и быстрым, чем в Германии. Самую ревностную энергию в делеосвобождения французских евреев проявил человек, чья забытая память заслуживает того, чтобы ее передали потомкам. Герц Медельсхайм, или Серф Берр (родился около 1730 г., умер в 1793 г.) был первым, кто словом и делом приложил усилия, чтобы устранить предубежденияпротив своих единоверцев, от которых он сам жестоко страдал. Он был знаком с Талмудом при хороших обстоятельствах, достаточно добросердечен, чтобы избежать эгоизма, порожденного процветанием, и достаточно либерален, чтобы понимать и распространять новыйдух, исходящий от Мендельсона. Он был близко знаком с берлинским мудрецом и взялся распространять перевод Пятикнижия в Эльзасе. Благодаря своему положению Серф Берр получил возможность работать на благо освобождения своих братьев. Он снабжал французскую армию всем необходимым для

войны и поэтому должен был находиться в Страсбурге, где ни одному еврею не разрешалось жить. Сначала ему разрешили пожить в Страсбурге только одну зиму, но, оказав большие услуги государству во время войны и голода при Людовике XV, министр неоднократно продлевал разрешение на пребывание, и он воспользовался этой милостью, чтобы поселиться там на постоянное жительство. Серф Берр привлек в Страсбург других евреев. Тайно он покупал дома для себя и своей семьи и благодаря своим заслугам перед государством получил от Людовика XVI все права и свободы королевских подданных, особенно исключительную привилегию владения земельной собственностью и товарами. Он также основал фабрики в Страсбурге и пытался поручить работу евреям, чтобы отстранить их от мелкой торговли и лишить их обвинителей всякого оправдания их предрассудкам.

Хотя Серф Берр был полезным членом общества и приносил прибыль городу, немцы в Страсбурге косо смотрели на поселение евреев в своих стенах и прилагали все мыслимые усилия, чтобы изгнать Бера и его друзей. Эта филистерская ограниченность, с одной стороны, и защита евреев Думом, с другой, а также частичное облегчение, предоставленное императором Иосифом, побудили Беррасерьезно задуматься об освобождении евреев или, по крайней мере, об их допуске в большинство французских городов, и попытаться провести эту меру при дворе. Чтобы завоевать общественное мнение, он энергично распространял извинения Доума во Франции. Предложения Серфа Бера были благосклонно приняты при дворе. Из других кругов также поступали петиции к французскому правительству с просьбой смягчить репрессивные меры, которые особенно тяготели над евреями Эльзаса и Лотарингии. Добродушный Людовик XVI был склонен устранять любые оскорбления, как только они предстали перед ним в истинном свете. Благородный Малешерб, страстно желавший благополучия человечества, вероятно, по наущению короля, созвал комиссию евреев, которая должна была внести предложения по улучшению условий жизни их братьев во Франции. Как само собой разумеющееся, был приглашен Серф Бер. В качестве представителя евреев Лотарингии был вызван его союзник Бер Исаак Бер из Нанси, который впоследствии проявил величайшее рвение к освобождению своих единоверцев. Португальские евреи из Бордо и Байонны, двух городов, где они проживали, также были включены в комиссию. Фуртадо, впоследствии сыгравший определенную роль в истории революции, Градис, Исаак Родригес из Бордо и Лопес-Дюбек были членами этой комиссии, учрежденной Малешербесом. Эти выдающиеся люди, все они были полны ревностного сочувствия к своим изнывающим собратьям, несомненно, настаивали на отмене исключительных законов, но их предложения неизвестны. Вероятно, в результате их усилий Людовик XVI отменил подушный налог, который был особенно унизителен для евреев в немецкоязычных провинциях Франции.

Более эффективно, чем Серф Берр и Еврейская комиссия, работали на освобождение евреев два человека, которые в какой-то мере вдохновлялись Мендельсоном и его друзьями и были воплощением Революции. Это были Мирабо и аббат Грегуар, не менее ревностные борцы за свободу, чем первый. Граф Мирабо (родился в 1749 г.; умер в 1791 г.), который всегда был на стороне угнетенных против угнетателей, был впервые побужден своей близостью к кругу Мендельсона возвысить свой громовой голос в защиту евреев.

Преисполненный восхищения великой личностью Мендельсона и вдохновленный мыслью об освобождении поработенной расы, Мирабо написал свою важную работу "О Мендельсоне и политической реформе евреев" (1787). О первом он нарисовал блестящую картину. Еврейский

мудрец не мог бы пожелать более теплого, проникновенного, более дальновидного толкователя. Симпатия, которую он питал к Мендельсону Мирабо, распространилась и на евреев в целом.

"Нельзя ли сказать, что его пример, особенно результат его усилий по возвышению своих братьев, заставляет замолчать тех, кто постыдной горечью настаивает на том, что евреи настолько презренны, что их невозможно превратить в уважаемый народ?"

Это наблюдение было введением к книге Мирабо "Оправдание евреев", в которой он дал правильное изложение того, что привел Духом. и что он сам пережил. Он исследовал долгую, трагическую историю евреев, обнаруживая черты, сильно отличающиеся от тех, что были обнаружены Вольтером. Мирабо видел славное мученичество евреев и позор их угнетателей. Он свободно превозносил их добродетели и приписывал их недостатки жестокому обращению, которому они подвергались.

"Если вы хотите, чтобы евреи стали лучшими людьми и полезными гражданами, тогда устраните все унижительные различия, откройте для них все пути к получению средств к существованию; вместо того, чтобы запрещать им сельское хозяйство, ремесла и механические искусства, поощряйте их посвящать себя этим занятиям".

С красноречивым остроумием Мирабо опроверг аргументы немецких антисемитов Михаэлиса и геттингенской гильдии шоЛарса против натурализации евреев. Нужно было только поставить различные возражения рядом, чтобы продемонстрировать их абсурдность. С одной стороны, утверждалось, что в своем соперничестве с христианами евреи одержат верх, а с другой точки зрения было продемонстрировано, что они всегда будут оставаться низшими. "Пусть их оппоненты сначала договорятся между собой, - заметил он, - в настоящее время они опровергают друг друга". Мирабо с пророческой ясностью предвидел, что в свободных и счастливых условиях евреи вскоре забудут своего мессианского царя, и что поэтому оправдание их постоянного исключения, вытекающее из их веры в Мессию, было тщетным.

"Остается только сожалеть об одном, что столь высокоодаренный народ так долго содержался в состоянии, при котором его силы не могли развиваться, и каждый дальновидный человек должен радоваться приобретению полезных сограждан из числа евреев".

Во всех случаях Мирабо пользовался возможностью, чтобы тепло выступить от имени евреев. Он был предан им и их библейской литературе и рассеял облака предрассудков, которыми их окутал Вольтер. Когда Мирабо брался за защиту какого-либо вопроса, победа была уже наполовину одержана. Его предложения по реформе приходили в нужный момент.

Среди тысяч вопросов, занимавших общественное мнение накануне революции, был и еврейский вопрос. Евреи, особенно в Эльзасе, жаловались на свою невыносимую нищету, а христианское население - на свое невыносимое обнищание из-за евреев. В Меце появилась антиеврейская брошюра, озаглавленная "Крик гражданина против евреев", которая разжигала худшие страсти народа по отношению к ним. Брошюра действительно была запрещена; но какое клеветническое утверждение, каким бы невероятным оно ни было, когда-либо оставалось безрезультатным? Выступления, по сути, были направлены против евреев. Молодой еврейский писатель, первый эльзасский еврей, писавший по-французски, опубликовал язвительный ответ (1787), который оправдал ожидания, что евреи больше не будут, как во времена Вольтера, оставлять подобные оскорбления незамеченными, но проявят свою позицию молчаливого

страдания. Исайя Бер Бинг (родился в 1759 г.; умер в 1805 г.), хорошо образованный и красноречивый, лучше знакомый с историей своего народа, чем его еврейские современники, включая даже берлинских лидеров, убедительно опроверг каждое обвинение.

Благодаря этим писаниям за и против евреев еврейский вопрос занял видное место во Франции. Королевское общество науки и искусств в Меце предложило приз за лучшее эссе в ответ на вопрос: "Есть ли средства сделать евреев счастливее и полезнее во Франции?" Было прислано три ответа, все в пользу евреев — от двух христиан и одного еврея., аббата Грегуара, Тьери, члена парламента от Нанси, и Салкинда Гурвица, поляка из Ковно (на Немане), который эмигрировал в Париж. Однако выступление Грегуара произвело наибольший эффект. Грегуар был простой натурой и среди университетской развращенности сохранил чистый, детский ум.

Когда появились эти апологетические брошюры, грозовые тучи Революции, которые должны были привести к разрушению и реорганизации в мире, уже сгустились. Оковы сомнительного рабства, под которыми стонали европейские нации, рабства государства и Церкви, были наконец разорваны, по крайней мере, в одной стране. А если коснуться волшебной палочкой, Франция превратилась в светящийся печи, где все инструменты крепостного права были продуктамед, и из пепла восстал французский народ, омолаживается, предназначен для великих дел, первый апостол религия свободы, которую он любил со страстной преданностью. Разве не естественно было ожидать, что пробьет час искупления самого униженного народа - евреев? Двое из их самых ярых защитников заседали в той части Национального собрания, которая, будучи истинно представительной нацией, восстановила неотъемлемые права тех, кого Церковь и государство так долго лишали наследства. Этими представителями были МираБо, один из отцов Революции, и аббат Грегуар, который был обязан своим избранием эссе в защиту евреев.

На момент начала Революции во Франции проживало едва ли 50 000 евреев — почти половина из которых (20 000) проживала в Эльзасе — подсамым жестоким игом. В Меце, самой большой "общине образца", допускались только 420 еврейских семей, а во всей Лотарингии - только 180, и им не разрешалось увеличиваться. В Париже, несмотря на строгие запреты, собралась конгрегация из около 500 человек (с 1740 года); примерно столько же проживало в Бордо, большинство из них новохристианского или португальского происхождения. Существовало также несколько общин в папских округах Авиньон и Карпантра. В Карпантресе проживало около 700 семей (более 2000 душ) со своим собственным раввином. В лучшем состоянии находились евреи Бордо и дочерняя община Байонны. Среди евреев различных провинций было так же мало общего, как и среди евреев других европейских стран. Несчастье разлучило их. Таким образом, случилось так, что не было предпринято никаких согласованных действий для немедленного получения натурализации в Национальном собрании, хотя Грегуар, католический священник, с истинной любовью к человечеству в сердце, призывал их воспользоваться этой благоприятной возможностью. Они действительно могли похвастаться энергичными людьми, преисполненными любви к своей расе и готовыми к самопожертвованию, людьми такта, такими как Серф Бер, Фуртадо, Исаак Бер и Дэвид Градис, но поначалу никаких мер принято не было. Возможно, был сделан призыв к объединенным действиям, но гордость португальцев, вероятно, сделала его безрезультатным. Поэтому в первые бурные месяцы Революции ничего не предпринималось для освобождения евреев. Депутаты Генеральных штатов или Национального собрания были достаточно заняты, чтобы не думать о евреях. Кроме того, они довольно строго придерживались программы, в которой

перечислялись пожелания их избирателей, и в которой эмансипация евреев не упоминалась. Депутаты Эльзаса и Лотарингии, на самом деле, получили инструкции напасть на евреев. Нападения на евреев в немецких провинциях в результате беспорядков революции сначала побудили жертв обратиться со своими жалобами в Национальное собрание. Возможно, , преимуществом было то, что спелый плод свободы не попал к ним в руки, но им пришлось энергично напрячься, чтобы получить его; ибо таким образом свобода стала для них еще более ценной.

Штурм Бастилии окончательно вырвал скипетр у обманутого короля и передал его народу. Революция вкусила крови и начала карать тиранов. Во многих частях страны, словно сговорившись, были сожжены замки, разрушены монастыри, а со знатью жестоко обращались или убивали. Люди, воспитанные Церковью в невежестве, а теперь освобожденные от цепей рабства, не умели отличать друга от врага и безрассудно бросались на то, что попадалось под их глупый взгляд. В Эльзасе низшие классы народов то же время предприняли яростную атаку на евреев (начало августа 1789 г.) — возможно, подстрекаемые тайными ненавистниками евреев, — разрушая их дома, разграбляя их имущество и вынуждая их бежать полуголыми. Они, которые до сих пор были унижены и поработочены знатью и духовенством, теперь были товарищами по несчастью со своими тиранами. Эльзасские евреи в основном бежали в Базель, и хотя ни одному еврею не разрешалось там жить, беглецов приютили и относились к ним с сочувствием. В Национальное собрание были поданы жалобы на эксцессы после первого глотка свободы; от этого Собрания все ожидали помощи, но уже не от монархии, которая уже превратилась в простую тень. Каждый депутат получил подробные отчеты о тревожных, иногда кровопролитных событиях. Обиженные евреи Эльзаса обратились к Грегуару, и он обрисовал (3 августа) мрачную картину бесчинств над евреями и добавил, что он, служитель религии, которая рассматривает всех людей как братьев, просил могущественную руку Ассамблеи от имени этого презираемого и несчастного народа. Он также опубликовал брошюру под названием "Предложения в пользу евреев", призванную повлиять на общественное мнение. Затем последовала памятная ночь четвертого августа, которая покрыла французскую нацию вечной славой, когда дворяне пожертвовали своими привилегиями на алтарь свободы и признали равенство всех граждан — час рождения нового порядка вещей. В результате этой агитации и опасаясь, что они могут пасть жертвами анархии, евреи различных провинций решили подать прошения о приеме в братство французского народа; но опять-таки они действовали поодиночке и в какой-то степени предпочитали противоречивые просьбы. Евреи Бордо уже вступили в Национальную гвардию, и один из них даже был назначен капитаном. У них было только одно желание, чтобы их уравнивание было закреплено законом, и это желание публично выразили их четыре заместителя, Давид Градис, Фуртадо, Лопес-Дубек и Родригес. Около сотни парижских евреев также были зачислены в Национальную гвардию и соперничали с другими гражданами в патриотизме и революционном духе. Они послали в Национальное собрание одиннадцать депутатов, которые молились об устранении позора, покрывавшего их как евреев, и об уравнивании в правах, говоря, что пример французского народа побудит все народы земли признать евреев братьями. Община Меца желала, кроме того, чтобы их гнетущие налоги были отменены, а долги, которые они влезли в связи с налогами, были аннулированы. Общины Лотарингии направили делегата в Национальное собрание Берра Исаака Берра (родился в 1744 году; умер в 1828 году), который, будучи человеком многих добродетелей и достоинств, а также поклонником Мендельсона и Уэссели, пользовался большим влиянием. Он подал петицию, содержащую особую просьбу о том, чтобы авторитет и

автономия раввинов во внутренних делах были установлены и признаны законом. Депутаты от Люневилля и прилегающей общины протестовали против этого. Однако прошло немало времени, прежде чем еврейский вопрос стал отчетливым вопросом дня. Национальное собрание, казалось, уклонялось от обсуждения этого вопроса, опасаясь еще более страстного возбуждения общественного мнения в немецких провинциях с их упрямыми предрассудками и ненавистью к евреям.

Религиозная нетерпимость проявилась даже в Ассамблее. 23 августа состоялось волнующее заседание. Предметом дебатов был вопрос о том, должны ли неприкосновенные права человека, которые должны быть поставлены во главу конституции, включать в себя религиозную свободу совести и свободу вероисповедания. Депутат Де Кастеллан ясно сформулировал этот пункт: "Ни один человек не должен подвергаться преследованию из-за его религиозных убеждений или нарушению его вероисповедания". Против этого предложения поднялась буря со стороны католического духовенства и других представителей католицизма. Они постоянно говорили о доминирующей религии или конфессии, которая, как и до сих пор, должна поддерживаться государством, в то время как другие вероисповедания могут допускаться. Напрасно Мирабо поднимает смелый протест против такой самонадеянности.

"Неограниченная свобода вероисповедания настолько священна в моих глазах, что даже слово "терпимость" звучит для меня как деспотизм, потому что само существование власти, уполномоченной терпеть, наносит ущерб свободе, поскольку она ослабляет, поскольку может привести к обратному результату".

Но его мощный голос потонул в шуме оппозиции. Однако умная речь другого депутата, Рабо Сент-Этьена, принесла победу свободе совести. Он говорил также от имени евреев.

"Я требую свободы для еврейского народа, всегда презираемого, бездомного, скитающегося по всему земному шару и обреченного на унижение. Навсегда изгнать аристократию мысли, феодальную систему взглядов, которая желает управлять другими и навязывать им принуждение".

Несмотря на сильную оппозицию, был принят закон, который с тех пор стал основой европейской конституции:

"Никто не должен подвергаться преследованиям из-за его религиозных убеждений, в той мере, в какой их внешнее выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом".

Таким образом, был устранен один пункт в петиции французских евреев. Но когда впоследствии еврейский вопрос был вынесен на рассмотрение (3 сентября), он был отложен и передан комитету. Три недели спустя Ассамблея снова пришлось рассматривать еврейский вопрос. Преследования, которым евреи подвергались в определенных местах, вынудили их к этому. Жителям Нанси угрожали разграблением, потому что их упрекали в том, что они скупили провизию и подняли цены. Еврейский вопрос стал настолько острым, что из-за него был нарушен распорядок дня (28 сентября). И снова Грегуар встал на защиту преследуемых. Его поддержал граф Клермон-Тоннер, искренний друг свободы. С пылким красноречием он указывал, что христианское общество виновно в деградации евреев и что оно должно предложить им какое-то искупление. Вслед за этим Ассамблея постановила, что президент обратится официальным письмом в различные города, в котором заявит, что декларация прав

человека, принятая Ассамблеей, касается всех людей на земле, следовательно, также и евреев, которые больше не должны подвергаться преследованиям. Короля, с его ослабевшей властью, попросили защитить евреев от дальнейших преследований. Однако это действие не принесло никаких результатов для пострадавших. Евреи Эльзаса, как и раньше, по-прежнему подвергались нападениям. Еврейские представители трех епископств Эльзаса и Лотарингии потеряли терпение, видя, что их уравнивание постоянно откладывается. Поэтому они стремились добиться слушания дела для себя. Представленный депутатами Лотарингии Национальному собранию (14 октября), Бер, неутомимый защитник своих единоверцев, выступил с речью, в которой описал страдания тысячи лет и призвал к гуманному обращению с ними. Он достойно выполнил свою задачу. Он был вынужден быть кратким; Собрание, которому предстояло возвести новое здание на руинах старого королевства, не могло тратить время на длинные речи. Президент Прето ответил, что Ассамблея будет чувствовать себя счастливой, если сможет предоставить отдых и счастье евреям Франции. Собрание приветствовало его слова аплодисментами, разрешило депутатам-евреям присутствовать на заседании в качестве приглашенных и пообещало рассмотреть вопрос об уравнивании евреев в правах на следующем заседании. С этого времени французские евреи уверенно надеялись, что их освобождение осуществится.

Тем временем Революция снова сделала гигантский шаг вперед: народ перевез гордого французского монарха, словно пленника, из Версаля в Париж. Депутаты тоже переехали в Париж, и столица все больше и больше заражалась революционной лихорадкой. Молодые парижские евреи, как, так и иммигранты, проявляли большой интерес ко всему происходящему. Даже средний класс помогал делу отечества, предоставляя средства. Наконец еврейский вопрос должен был быть решен. Был назначен депутат для доклада по нему, и было созвано специальное заседание. Но это было связано с другим вопросом, а именно с правом голоса палачей, актеров и протестантов, которым католическое население в некоторых городах не хотело давать разрешения голосовать.

Отчет был отправлен Клермоном Вннерр и наиболее логично высказывался в пользу всех четырех классов. Все искренние друзья свободы, Робеспьер, Дюпор, Барнав и, конечно же, Мирабо, высказались в пользу евреев и их товарищей по несчастью. Последователи старой школы решительно противостояли им, главным среди них были аббат Мори, епископ Нанси Ла Фар и епископ Клермона. Только один ультрареволюционер, Рубелл из Эльзаса, выступил против евреев, утверждая, что опасно немедленно предоставлять полные права гражданства тем, кто проживает в Эльзасе, против кого глубоко укоренилась ненависть. Аббат Мори приводил совершенно ложные или частично правдивые утверждения в качестве аргументов в пользу недружественного поведения по отношению к евреям. Он даже цитировал антиеврейские сочинения Вольтера, чтобы нанести ущерб Собранию. Собрание колебалось; оно боялось выступить против грубого предубеждения населения восточных провинций против евреев. По представлению одного из депутатов, уравнивание евреев было отделено от уравнивания протестантов, и резолюция была сформулирована таким двусмысленным образом: Собрание оставляло за собой право принимать решения относительно евреев, не определяя ничего нового, касающегося их. Эта оговорка была повторена при обсуждении законов о выборах муниципальных служащих (8 января 1790 г.), из которых евреи были исключены.

Это уклончивое решение сильно оскорбило португальских евреев Бордо. До сих пор они молчаливо пользовались всеми правами граждан и по-своему выполняли все свои обязанности

с готовностью к самопожертвованию. Теперь их держали в неопределенности относительно их гражданского статуса вместе с немецкими евреями, к которым они питали антипатию не меньшую, чем к враждебно настроенным христианам. Поэтому они поспешно отправили депутацию в Париж, чтобы добиться отмены этой пагубной резолюции. Поскольку население было в лучших отношениях с португальцами, их просьбу было легко удовлетворить. Депутат от Бордо Де Сез тепло высказался от их имени. ТаллеИран, тогдашний епископ Отена, был назначен для доклада по этому вопросу и лаконично предположил (28 февраля), что те евреи, которые до сих пор пользовались гражданскими правами как натурализованные французы, должны продолжать пользоваться этой привилегией. Враги евреев, конечно,, выступили против этого предложения, опасаясь, что оно будет распространяться и на немецких евреев.

Тем не менее, большинство решило, что те евреи во Франции, которых называли португальцами, испанцами или авиньонцами (из Бордо и Байонны), должны пользоваться всеми привилегиями как активные граждане, и король сразу одобрил этот закон. Это было первое юридическое признание евреев гражданами, и, хотя это было лишь частичное признание, оно, по крайней мере, послужило бы прецедентом.

Депутатам от евреев из немецких округов было не так легко добиться успеха; им пришлось упорно бороться за равенство. В то же время они нашли средство оказать давление на Национальное собрание и побудить его предоставить им полное гражданство. Было пятеро мужчин, которые очень усердно работали над устранением всех препятствий. Они привлекли на свою сторону пламенного, красноречивого адвоката Годара, который отстаивал их дело пером и языком. Они знали, что власть больше не находится в руках Национального собрания, а захвачена партиями столицы, которые своим революционным пылом полностью контролировали Париж, совещательное собрание, короля, почти всю страну. Поэтому еврейские представители Парижа, Эльзаса и Лотарингии обратились к ним за помощью. Они заставили Годара составить петицию к Национальному собранию, в которой говорилось, что эмансипации евреев требуют не только принципы Учредительного собрания и справедливость, но и что было бы жестокостью отказывать в ней. Ибо до тех пор, пока их равенство не было закреплено юридически, люди будут верить, что они действительно такие изгои, какими их описывали враги. Но еще более действенной, чем эта петиция, была сцена, которую парижские евреи устроили со своим адвокатом перед Генеральной ассамблеей Парижской коммуны; она решила вопрос. Пятьдесят евреев-членов Национальной гвардии, украшенных кокардами, среди них поляк Салкинд Гурвиц, предстали в качестве депутатов перед Собранием коммуны и обратились с петицией, чтобы сам город Париж энергично взялся за достижение равенства для евреев. Годар произнес пламенную речь в их поддержку. Председатель Генеральной ассамблеи аббат Мюло ответил на это энергичное выступление с пылким красноречием, свойственным революционным ораторам: "Пропасть между их религиозными представлениями и истиной, которую исповедуем мы, христиане, не может помешать нам, мужчинам, сближаться друг с другом, и даже если мы упрекаем друг друга в наших ошибках и жалуемся друг на друга, по крайней мере, мы можем любить друг друга".theref. От имени собрания он пообещал поддержать петицию парижских евреев о равноправии. На следующий день (29 января 1790 г.) евреи Парижа получили свидетельство, составленное в самых лестных выражениях и свидетельствующее об их безупречной репутации, от жителей района Кармелиток, где в то время проживало большинство евреев.

Затем шесть депутатов, назначенных от округа кармелиток, отправились в мэрию, чтобы поддержать резолюцию в пользу евреев. Один из них, Кайе де ГеРвиль, впоследствии ставший министром, выступил с впечатляющей речью. "Не удивляйтесь, - сказал он, - что этот район спешит первым публично признать патриотизм, мужество и благородство проживающих в нем евреев. Ни один гражданин не проявил себя более ревностным к обретению свободы, чем еврей ... никто не проявил большего чувства порядка и справедливости, никто не проявил большей доброжелательности к бедным и готовности добровольно вносить свой вклад в расходы округа. Я хочу, чтобы мы атаковали все предрассудки, и атаковали их решительно. Пусть ни одно из чудовищных проявлений деспотизма и невежества не переживет нового рождения свободы и утверждения прав человека.... Примите во внимание справедливое и настоятельное требование в пользу наших новых братьев и присоедините свои пожелания к их петиции, чтобы, объединившись, они могли предстать перед Национальным Собранием. Не сомневайтесь, но вы без труда добьетесь для евреев Парижа того, в чем не было отказано евреям Порт-Угаля, Испании и Авиньона. Какая причина для того, чтобы отдавать предпочтение этому классу? Разве не все евреи придерживаются одних и тех же доктрин? Разве наши политические условия не одинаковы для тех и для других? Если предки тех евреев, от имени которых мы выступаем, испытали более жестокие страдания и преследования, чем португальские евреи, то это длительное, жестокое угнетение, которому они подвергались, должно дать им новое право на национальную справедливость. В остальном, взгляните на происхождение этих странных и несправедливых различий и посмотрите, осмелится ли кто-нибудь сегодня проводить различие в правах между двумя классами одного и того же народа, двумя ветвями одного ствола, основывая свои действия на апокрифическом предании или, скорее, на химерах и баснях".

На эту речь ответил президент аббат Мюло, подчеркнув тот факт, что сообщение из округа кармелиток должно было считаться очень весомым в пользу евреев.

Следующая речь аббата Бертолио, наконец, побудила собрание провести благоприятный тест на уважение к евреям Парижа и выразить Национальному собранию пожелание, чтобы эти евреи, большинство из которых немецкого происхождения, были поставлены в равные условия с португальцами. Мэр Байи и его комитет в тот же день приняли резолюцию, согласно которой, как только другие округа объявят о своем одобрении, вся тяжесть влияния муниципалитета Парижа будет направлена на обеспечение равенства евреев. В течение следующего месяца все городские округа, за исключением Халлеса, направили свои заявления о своем одобрении решения кармелитского округа. Соответственно, депутация Коммуны вместе с ее президентом аббатом Мюло, официально уполномоченная столицей (25 февраля), явилась на заседание Национальной ассамблеи с просьбой или, скорее, моральным убеждением заставить этот орган распространить на евреев, проживающих в Париже, указ об объявлении португальских евреев полноправными гражданами.

После некоторой задержки некоторые депутаты потребовали (15 апреля), чтобы еврейский вопрос был рассмотрен в порядке дня. Аббат Мори снова выступил против этого предложения и пообещал представить меморандум, в ответ на который следует призвать евреев. Однако, чтобы защитить евреев Эльзаса от нападений толпы, Ассамблея снова постановила, что они находятся под защитой законов и что магистраты и Национальная гвардия должны принять меры предосторожности для их безопасности. Таким образом, они успокаивали свою совесть.

Король немедленно санкционировал (18 апреля) закон о защите эльзасских евреев, после чего этот вопрос не поднимался в течение трех месяцев.

К счастью, еврейский вопрос не стоял изолированно, а был связан с другими вопросами. Евреям Эльзаса, особенно евреям Меца, приходилось платить высокие налоги на защиту. Когда на обсуждение был вынесен финансовый вопрос, Ассамблее предстояло определить, следует ли продолжать или прекратить введение этого налога. Они пришли к либеральному решению, хотя депутаты были крайне обеспокоены создавшимся таким образом дефицитом. Секретарь комитета земель короны Висмес первым показал, насколько несправедливо, что община Меца, которую Людовик XIV когда-то в хорошем настроении подарил герцогу Бранкасу и графине де Фонтен, должна ежегодно выплачивать дому Бранкасов 20 000 франков. Поэтому он предложил, чтобы налоги с евреев были переведены без какой-либо компенсации и чтобы всякая дань, под каким бы названием она ни называлась — деньги за защиту, налог на проживание или деньги за терпимость, — была прекращена. Это предложение было принято в качестве закона (20 июля) почти без возражений. Людовик XVI, который этим актом стал свидетелем исчезновения еще одного пережитка Средневековья, сначала проявил запоздалость с утверждением закона (7 августа). Десятью годами ранее евреи Эльзаса тщетно представляли в государственный совет меморандум, подробно описывающий скудость их положения; он не получил никакого уведомления. Благодаря внезапному повороту событий менее чем за час они достигли большего, чем когда-либо смели надеяться.

Но Национальное собрание не приступило к рассмотрению главного требования евреев Нижнего Рейна — так тогда назывались эти округа — предоставить им гражданские права. Некоторые из них высказались благосклонно, когда герцог де Бройль вмешался с бурной речью. Он утверждал, что предлагаемая резолюция вызовет новые волнения в Лотарингии и Эльзасе, которые и без того находятся в состоянии брожения из-за действий духовенства, отказавшегося принести присягу. Страсбург также был сильно взволнован из-за евреев, которые желали поселиться там, куда до сих пор не допускался ни один еврей. Де Бройль далее отметил, что основная масса евреев Эльзаса была совершенно безразлична к гражданству; что петиция, поданная от их имени, была интригой, затеянной четырьмя или пятью евреями; особенно один, который сколотил большое состояние за счет государства (Серф Бер), самым щедрым образом разбрасывал большие суммы денег в Париже, чтобы привлечь сторонников схемы уравниловки. Его предложение отложить рассмотрение этого вопроса до завершения работы над Конституцией было удовлетворено.

Но Конституция была деокончательно закреплена и ратифицирована королем (сентябрь 1791 г.), и немецкоговорящие евреи Франции не получили равенства, которое так часто обещали. Только параграф в "Правах человека", в котором говорилось, что никто не может подвергаться насилию из-за его религиозных убеждений, пошел им на пользу. Наконец, за несколько дней до роспуска Национального собрания, о евреях вспомнил один из друзей свободы, Дюпор, член Якобинского клуба, бывший член парламентского совета. В краткой речи он добился равенства, которого они так желали. Он сделал естественный вывод из процитированных выше прав на свободу вероисповедания и сказал: "Я считаю, что свобода мысли не допускает какого-либо различия в политических правах на основании вероисповедания человека. Признание этого равенства все время откладывается. Тем временем туркам, мусульманам и представителям всех сект разрешено пользоваться политическими правами во Франции. Я требую, чтобы ходатайство об отсрочке было отозвано и был издан указ о том, что евреи во Франции всегда

пользуются привилегиями гражданства (citoyens actifs)". Это предложение было принято под громкие аплодисменты. Напрасно Рубелл пытался оспорить предложение, его прервали. Другой депутат предложил призвать к порядку каждого, кто выступит против этого предложения, поскольку он будет выступать против самой Конституции. Таким образом, Национальное собрание приняло (27 сентября 1791 г.) предложение Дюпора, а на следующий день сформулировало закон, отменяющий все исключительные постановления против евреев и допускающий немецких евреев к присяге гражданства. Два дня спустя Национальное собрание было распущено, чтобы освободить место для еще более ожесточенного революционного собрания. Несколько дней спустя Людовик XVI подтвердил это полное уравнивание французских евреев (13 ноября 1791 г.). От них не требовалось ни на йоту отклоняться от своей религии в качестве цены за освобождение; все, что от них требовалось, заключалось в том, чтобы они отказались от определенных древних привилегий.

Берр Исаак Берр был прав, радуясь этому успеху, в котором он имел большое преимущество. Он сразу же отправил поздравительное письмо своим единоверцам, чтобы пробудить энтузиазм по поводу их недавно обретенной свободы и в то же время склонить их к соответствующим улучшениям.

"Наконец-то настал день, когда сорвана завеса, скрывавшая нас от унижения! Наконец-то мы снова обрели права, которых были лишены на протяжении восемнадцати столетий. Как глубоко в этот момент мы должны признать чудесную милость Бога наших предков! 27 сентября мы были единственными жителями этого великого королевства, которые, казалось, были обречены на вечное унижение и рабство, и уже на следующий день, памятный день, который мы всегда будем чтить, Ты вдохновил этих бессмертных законодателей Франции произнести одно слово, которое заставило 60 000 несчастных существ, до сих пор сокрушавшихся о своей тяжелой участи, внезапно погрузиться в опьяняющие радости чистейшего восторга".

"Бог избрал благородную французскую нацию, чтобы восстановить нам надлежащие привилегии и привести нас к новому рождению, точно так же, как в прежние дни Он избрал Антиоха и Помпея, чтобы унижать и угнетать нас.... Эта нация не требует никакой благодарности, кроме того, чтобы мы показали себя достойными гражданами".

Берр добавил несколько важных, своевременных замечаний, в которых он мягко указал своим французским собратьям по религии и ионам на недостатки, вытекающие из их прежнего плачевного положения, и призвал их устранить эти недостатки.

Он также снабдил французских евреев средствами, позволившими им стать чистокровными французами и в то же время оставаться членами Дома Иакова. Библия должна была быть переведена на французский язык на основе немецкого перевода Мендельсона и передана в руки молодежи, чтобы испорченный немецкий язык, которым они пользовались, мог быть полностью изгнан из их среды. Таким образом, Берр атаковал глупое предрассудок, согласно которому немецкий или еврейско-немецкий диалект считался близким по святости к ивриту и, следовательно, более достойным органом богослужения, чем язык Вольтера.

Берр был глубоко убежден в том, что иудаизм во всех отношениях совместим со свободой, цивилизацией и патриотизмом по отношению к стране, которая восстановила его единоверцам

их права как мужчин. Берр был лучшим учеником Мендельсона, чем Дэвид Фридлиндер и берлинские евреи.

С большим усердием и самопожертвованием большинство французских евреев заботились о благополучии государства, которое дало им отечество, свободу и равенство. Они одним ударом разрушили всю клевету своих противников, которые утверждали, что как евреи они не смогут выполнять обязанности граждан. Они приходили на фронт всякий раз, когда государство нуждалось в помощи. Большое количество евреев в это лихорадочное время, призывая к смелым действиям, с поразительной быстротой отбросили застенчивую, пресмыкающуюся манеру поведения, которая мешала им общаться с миром и подвергала их всеобщему осмеянию. Когда французские легионы, вдохновленные свободой, разгромили наемные войска Германии, Мозес Энсхайм, еврейский поэт школы Мендельсона, сочинил пламенный триумфальный гимн "хал", похожий на "песнь Деборы", который торжественно распевали в синагоге. Евреи, однако, не принимали никакого участия в кровавых злодеяниях Революции.

В безумии Правления террора, который подобно бичу Божьему обрушился на невинных и виновных, пострадали и некоторые евреи. Знакомство евреев с преследованиями, их проникательность, и ловкость, с которой они скрывались, их послушание заповеди "Склонись на мгновение, пока не утихнет буря", защищали их от широко распространенной резни. В общем, ими не двигало честолюбивое стремление выдвинуться вперед или желание принимать участие в делах; они также не оскорбляли правителей того времени. Таким образом, буря Революции обрушилась на них без серьезных результатов.

Атака на веру в Бога, когда двум богохульствующим депутатам, Шометту и Эберу, удалось склонить конвент (ноябрь 1793 г.-май 1794 г.) к установлению религии Разума, также не оказала никакого воздействия на евреев. Сильная враждебность и гнев, испытываемые к религии и Божеству, были направлены только против католицизма, или христианства, служителями которого человечество когда-либо деградировало, которые сами принесли мириады жертв и во время Революции разжигали гражданскую войну. Господство террора, Сентябрьская резня и Гильотина представлялись им почти как печальная, суровая необходимость, потому что вместе с феодальной аристократией они были непримиримыми врагами свободы. Декрет Конвента гласил так: "Католическая вера аннулируется и заменяется поклонением Разуму". Это отражало не только настроение самых передовых, якобинцев; это была склонность французского народа яростно выступать против Церкви и ее последователей из-за чувства, что они от природы враждебны свободе. Через двадцать дней после принятия резолюции Конвента более 2300 церквей были преобразованы в Храмы Разума. Закон не содержал положений, направленных против евреев и протестантов. Частотолько магистраты или фанатично настроенные члены клубов в провинциях, главным образом, по-видимому, в старых немецких округах, распространяли приказ о подавлении религии и на евреев. В Нанси чиновник от имени городского совета потребовал от евреев города, чтобы они пришли в назначенный день в Национальный храм и вместе со священнослужителями других вероисповеданий отказались от "своих суеверий", а также сдали все серебряные и золотые сосуды синагоги. Жестокие и буйствующие люди врывались в синагоги, вырывали Священные Писания из Ковчегов и сжигали их, или обыскивали дома в поисках книг, написанных на иврите, чтобы уничтожить их. Молитвы в синагогах некоторых общин были запрещены так же, как и в церквях. Из-за шпионской системы, которую поддерживали революционные клубы, чтобы дать им возможность противостоять надвигающейся контрреволюции, даже частные собрания с

религиозными целями были сопряжены с большой опасностью. Когда был издан указ Конвента, согласно которому каждый десятый день должен отмечаться как день отдыха, а воскресенье - как рабочий день, мэры некоторых городов, таких как Страсбург и Труа, распространили этот указ также на субботу. Они повелели, чтобы еврейские торговцы выставляли свои товары на продажу в субботу. В сельскохозяйственных районах евреев заставляли в субботу и по еврейским праздникам косить и собирать урожай, а раввины, а также епископы подвергались насилию. Дэвид Синцхайм, который жил в Страсбурге, а впоследствии стал президентом великого французского Synhedrion, был вынужден перебегать из города в город, чтобы избежать тюремного заключения или смерти. В Меце евреи не осмеливались открыто печь свои пасхальные лепешки, пока умная еврейская матрона не набралась смелости объяснить офицерам Революции, что этот хлеб всегда был символом свободы для евреев. В Париже еврейские школьные учителя были вынуждены водить своих учеников в Храм Разума, в который была преобразована церковь Нотр-Дам на Декади. Однако это решение прошло без каких-либо серьезных последствий. С победой термидорианцев (9 Термидора—27 июля 1794 г.) над Робеспьером царство террора начало угасать. Население стремилось прибегнуть к более мягким средствам. Уравнение французских евреев, однажды окончательно урегулированное, оставалось нетронутым при всех сменах правительства. Новая Конституция году три республики, или Конституции каталог (осень 1795 года), признанных приверженцев иудаизма, без всяких трудностей, а на равных со всеми вокруг них; кроме того, он вытер последние следы неравенства, поскольку католическая церковь была не более чем синагога признана государственной церковью. Закон содержал фундаментальное положение о том, что никто не может быть принужден вносить свой вклад в расходы церковного учреждения, поскольку Республика никого не субсидировала. Только общине Меца пришлось пострадать от некоторых пагубных последствий средневековья.

Вместе с победоносными французскими войсками Республики освобождение евреев, самой угнетенной расы древнего мира, продвигалось из одного места в другое. Она прочно укоренилась в Голландии, которая была преобразована в Батавскую республику (начало 1795 года). Здесь несколько энергичных евреев, среди них Ассер (Мозес и Каролус), Де Лемон и Бромет, присоединились к клубу под названием Felix Libertate, который взял девиз Французской Республики — Свобода, равенство и братство.

Эти государственные принципы были в целом приняты собравшимися Генеральными штатами (4 марта 1795 г.). Хотя 50 000 евреев Голландии, составлявших тридцать девятую часть всего населения страны и разделенных на португальскую и немецкую общины, могли по праву считать эту землю своим Раем, они до сих пор находились во многих неблагоприятных условиях по сравнению с христианами. Им было позволено существовать только как корпоративным структурам, так сказать, маленьким государствам посреди более крупных. То, что они были исключены из государственных учреждений, их не беспокоило. Но они также были исключены из нескольких торговых гильдий, и это было для них делом огромной важности. Они должны были вносить свой вклад в правящий церковный истеблишмент и его школы, не извлекая из этого никакой выгоды. Кроме того, не было недостатка в досадных жалобах. В Амстердаме, например, когда еврейская пара отправилась зарегистрировать свою свадьбу, они были вынуждены ждать, пока о них позаботятся христиане, и, кроме того, платить двойную пошлину. По этой причине требование уравниловки стало настоятельным, больше со стороны немцев, чем со стороны португальских евреев, к последним, богатым и благородного происхождения, патриции обычно относились с уважением, в то время как немцев презирали как жалких

поляков. В ходе первого волнения в ходе агитации были устранены некоторые недостатки евреев Голландии или Батавии, и раздались голоса в пользу предоставления им полных гражданских прав. Но позже, как и во Франции, враждебные евреям сочинения настроили против них общественное мнение. Среди этих работ особенно большое впечатление произвела работа Ван Свидена, озаглавленная "Советы представителям народа".

Он утверждал, что из-за своего происхождения, своего характера, своей истории и своей веры в Мессию евреи оставались чужими и не могли быть поглощены государством. Это утверждение было в какой-то мере принято официальными представителями иудаизма как правильное. Ибо, как ни странно, раввины и администраторы еврейских дел, особенно могущественный парнасим в Амстердаме, как в португальской, так и в немецкой общинах, были против уравниловки. Они опасались, что иудаизм пострадает от большой свободы евреев и от их новых обязанностей, таких как военная служба.

В циркулярном письме они заявили, что евреи вновь отказались от гражданства, поскольку это противоречит заповедям Священного Писания. За короткое время эта декларация была подписана более чем тысячей человек. Хотя евреи были приглашены, но лишь немногие приняли участие в выборах первого батавского национального собрания (Nationale Vergadering). Так случилось, что Амстердам, в котором проживало более 20 000 евреев, не вернул ни одного депутата-еврея. Еврейские друзья свободы в Голландии оказались в плачевном положении, вынужденные бороться с врагами внутри и за пределами Страны. Они были вынуждены приложить все свои силы, чтобы преодолеть эту двойную трудность. Дэвид Фридрихсфельд, член школы месфимов, поселившийся в Амстердаме, написал превосходную работу (около 1795 г.) против нападавших на евреев под названием "Исследование работы Ван Свидена в отношении гражданских прав евреев". Рядом с ним шестеро выдающихся и интеллигентных евреев — большинство из них немецкого происхождения — проявили величайшее рвение к осуществлению эмансипации евреев Голландии. Это мы: Герц Броммет, который долгое время жил в Суринаме, где его признали свободным гражданином и откуда он привез знания политики и состояние; Мозес Ассер, который был назначен кавалером бельгийского ордена Льва; еще один Ассер, Каролус, и Исаак де Йонге, все выдающиеся члены немецкой общины. Только двое представителей португальской общины участвовали в усилиях по обеспечению равных прав: уважаемый врач Герц де Лемон и Якоб Саспортас. Они представили петицию Батавскому национальному собранию (29 марта 1796 г.), которое проводило свои заседания в Гааге, с требованием эмансипации батавских евреев в качестве права; поскольку они были гражданами Батавской республики, обладали избирательным правом и уже пользовались гражданскими правами, они просили Ассамблею объявить, что они могут пользоваться этой привилегией в полном объеме. Национальное собрание рассмотрело петицию и назначило комиссию для консультирования и принятия решения по ней. Когда на обсуждение был вынесен еврейский вопрос (август 1796 г.), волнение достигло предела, и напряжение между сторонами было велико.

Хотя эмансипация евреев в Батавской республике была признана в принципе и практически подтверждена разрешением голосовать на выборах, там все еще было много противников, с которыми приходилось бороться, едва ли не больше, чем во Франции. Консервативные голландские депутаты в глубине души твердо верили в Библию и считали словом Божиим писания Нового Завета, в которых говорилось, что евреи были изгоями и должны оставаться таковыми. Относительно большое количество евреев, их богатство, респектабельность и

интеллект давали повод для серьезных опасений, что они пробьются на высшие государственные посты и изгонят христиан. Шестьдесят или сто тысяч евреев на огромной территории Франции затерялись, как песчинка на огромной равнине, но пятьдесят тысяч из двух миллионов, особенно двадцать тысяч евреев в Амстердаме среди двухсот тысяч христиан, могли дать о себе знать и осуществить свою цель. Один из депутатов, Люблинк де Джонге, с большим упором остановился на таком положении дел. Если "друзья евреев" указали на Америку, где, как и во Франции, они недавно достигли полномасштабной гражданской борьбы, то он обратил внимание на неравное соотношение численности; в Голландии их большое количество вскоре придаст населению еврейские черты. Благородным португальцам можно было бы признать все права; но что касается немецких евреев, большинство из которых были изгоями, Люблинк де Джонге процитировал работу Пинто "Против Вольтера", в которой он, сам еврей, ясно показал огромную разницу между португальскими и немецкими евреями. Таким образом, искусственное кастовое чувство в недрах иудаизма должно было бы отомстить за себя. Еще сильнее были опасения, что число евреев в Голландии может быть значительно увеличено иммигрантами из Германии и Польши, целью которых долгое время был Амстердам. Противники схемы уравниловки могли бы далее привести аргумент о том, что большинство евреев не желали эмансипации и что шесть заявителей действовали без полномочий. Ноэль, французский посол, в несколько властной манере сделал первый шаг в пользу уравниловки евреев. После долгих дебатов было окончательно установлено полное равенство батавских евреев (2 сентября 1796 г.) с дополнением для тех, кто хотел им воспользоваться. В связи с этим все предыдущие провинциальные и муниципальные законы, в которых упоминались их инвалидность, были отменены.

Евреи в Голландии не восприняли объявление об этом решении с такой радостью, как евреи во Франции, когда им были предоставлены права равенства. Они недостаточно прочувствовали лишение свободы, чтобы впасть в экстаз от своей новой свободы. У них не было амбиций получить государственные должности, и они видели в гражданстве только бремя и опасность для религии. Поэтому они были озлоблены против тех, кто добился их уравнивания, и таким образом разорвали узы, которые удерживали две конгрегации вместе как корпоративные организации. Таким образом, в Амстердаме возникли поводы для споров и внутреннего разлада.

Либерально настроенные люди, большинство из которых принадлежало к немецкой общине, требовали, чтобы правила, которые наделяли раввинов и, в большей степени, парнасим, или старост, могущественной властью над членами общины, были изменены в соответствии с духом времени. Лидеры сообщества не только отказались от этого требования, но даже пригрозили заявителям штрафами. После этого продвинутые покинули существующую синагогу, основали свою собственную общину и заявили, что они составляют настоящую общину (Адат Джешурун, образованную в конце 1796 года). Консервативные члены старого сообщества наложили на сепаратистов своего рода интердикт, запретив своим прихожанам вступать с ними в какие-либо сношения или вступать в смешанные браки. Политическое расхождение во мнениях в то же время переросло в религиозное; сторонники новой конгрегации Адат Джешурун инициировали своего рода реформу. Они вычеркнули из своего ритуала формулу проклятия (вла-Малшиним), которая первоначально была направлена против евреев-христиан-отступников, но из-за неправильного толкования впоследствии была применена ко всем христианам. Они отменили практику поспешного погребения мертвых и построили новую, чистую общую баню - невинные реформы, которые, однако, были расценены

строго ортодоксальными людьми как тяжкие преступления против иудаизма. Новой конгрегации удалось добиться смещения со своих постов фанатичных лидеров немецкой общины, которые были более невнимательны, чем португальцы, в своем противостоянии тем, кто вышел из их среды, вероятно, благодаря действиям французского посла Ноэля. Среди новых должностных лиц совета были избраны члены новой конгрегации. Постепенно многие из старой партии примирились с новым порядком вещей и с чаяниями либерально настроенной части. Ортодоксы также были очень польщены, когда два еврея, Бромет и Де Лемон, были избраны депутатами от Амстердама. Несколько человек присутствовали в Гааге на открытии второго Национального собрания (1 сентября 1797 г.), чтобы принять участие в чествовании еврейских депутатов. Они были еще более довольны идеей уравниловки, когда еврейский депутат Исаак да Коста Атиас был последовательно избран членом городского совета, Национального собрания и, наконец, на должность президента того же самого (1798). Глава Батавской республики, великий пенсионер Шиммельпенинк, всерьез выступал за эмансипацию евреев и без колебаний назначал способных евреев на государственные должности. Первое назначение на государственные должности в Европе было произведено в Голландии.

Было естественно, что чувство собственной значимости и благородной гордости пробудилось в груди либеральных членов новой конгрегации, между которыми были распределены государственные должности. Негодование охватило их, когда они увидели, что с евреями при немецких князьях по-прежнему обращались как с изгоями или дикими животными. Поэтому они внесли предложение в Национальное собрание, умоляя проинструктировать батавского посла во Французской Республике выступить на Мирном конгрессе, проходящем в Раштадте, о том, чтобы голландских евреев в Германии больше не заставляли платить подушный налог, и пригрозить, что, если это не будет удовлетворено, все немцы, проезжающие через Голландию, будут подвергнуты такому же бесчестному обращению. Национальное собрание согласилось с этим предложением.

Праведный суд вскоре настиг немецких правителей, которые, упрямые, как фараон и египтяне, отказывались снять с евреев цепи рабства. Вскоре они сами были вынуждены стать *камеристками* Французской республики и платить подушный налог. Везде, где в Германии и Италии мужественные французы обретали твердую опору, евреи становились свободными. Стены гетто распахивались, и согнутые фигуры выпрямлялись.

Имя непобедимых французов, одержавших замечательные победы в Италии, быстро распространилось за границей, даже за пределами Европы, и вызвало ужас и удивление в самых отдаленных странах. Новый Александр, корсиканец Бонапарт, бог войны, которому едва исполнилось тридцать лет, отправился со сравнительно небольшой армией покорять Египет и надеялся проникнуть в Индию. Менее чем через шесть месяцев (июль-ноябрь 1798 г.) Египет был раздавлен у его ног. Но навстречу ему направлялась турецкая армия, против которой Бонапарт вторгся в Палестину. Таким образом, в результате чудесной череды исторических событий Святая Земля стала ареной кровавой войны между представителями старого и нового духа в Европе.

Эль-Ариш и Газа на юго-западе Палестины перешли в руки французской армии, которая едва насчитывала 12 000 человек (17 и 25 февраля 1799 года). Еврейская община Газы бежала. В Иерусалиме новости о победах и жестокости французов вызвали панику. Ходили слухи, что Наполеон вот-вот войдет в Святой город. По приказу суб-паши, или Мотусаллима, жители

начали возводить валы, евреи приняли участие в работе. Один из их раввинов, Мордехай Джозеф Меюхас, поощрял их деятельность и даже помогал им. Турки распространили сообщение о том, что французы обращались с евреями особенно жестоко. Бонапарт призвал азиатских и африканских евреев выступить под его знаменами, пообещав отдать им Святую Землю и восстановить древний Иерусалим в его первоизданном великолепии. Но евреи в Иерусалиме, по-видимому, либо не поверили этим лестным словам, либо были совершенно неосведомлены об этом воззвании. Вероятно, это была всего лишь уловка со стороны Бонапарта, направленная на привлечение на свою сторону еврейского министра паши Акко Хаима Маалема Фарчи (убит в 1820 году), души обороны важного морского берега Акко. Если бы Бонапарту удалось завоевать Сирию и перенести войну в сердце Турции, он, возможно, выделил бы определенную долю в своем правительстве представителям еврейской нации, на которых французы могли бы положиться. Но появление Бонапарт в Палестине было подобно появлению ужасного метеорита, который исчезает, причинив много разрушений. Его мечта стать императором Востока и вернуть Иерусалим евреям быстро угасла.

Пылающий энтузиазм по поводу Франции, где были освобождены его порабощенные единоверцы, создал в Элия Галеви еврейского поэта, в то время как еврейский юноша пробудился, чтобы стать энергичным оратором, чье красноречие всегда было окрашено поэзией. Майкл Бер (родился в 1780 году, умер в 1843 году), достойный сын Исаака Бера, который так ревностно боролся за эмансипацию евреев Франции, в юности подавал большие надежды благодаря своей красивой, благородной фигуре и разнообразным талантам. В нем впервые еврейский и французский дух встретились в гармоничном сочетании. Он был первым еврейским адвокатом во Франции. Воодушевленный честолюбием отважной молодежи и в пылу своего пламенного духа, этот молодой человек задумал смелую идею в начале нового столетия, когда был заключен мир. Предполагалось, что состоится Съезд князей Европы. К ним и их народу Майкл Бер обратился с "Призывом" от имени "всех жителей Европы, исповедующих еврейскую религию", умоляя их освободить его единоверцев от угнетения и гарантировать им правосудие, которого так долго скрывали. Этот юноша выразил надежды на возрождение Израиля. Призыв Бера был обращен в первую очередь к немцам, как к князьям, так и к нациям, которые по-прежнему относились к евреям, живущим среди них, как к клейменным *servi camerae*.

Берр, который был вдохновлен любовью к своим единоверцам, проповедовал глухо, его пламенные слова и убедительные аргументы не находили отклика в сердцах восточноевропейцев. В Австрии, Пруссии и многочисленных небольших немецких государствах евреи оставались в своем прежнем унижении. В самом Берлине, средоточии просвещения, еврейские врачи, какой бы почетной ни была их репутация, не были включены в список своих христианских коллег-практиков, но были перечислены сами по себе, отнесенные, так сказать, к медицинскому Ghetto. Два выдающихся человека, величайший поэт и мыслитель того времени, Гете и Фихте, разделяли предубеждения немцев против евреев и не делали из этого секрета. Гете, представитель аристократического мира, и Фихте, защитник демократических взглядов в Германии, оба желали видеть евреев удаленными, как больных чумой, за пределы христианского общества. Оба были в плохих отношениях с Церковью, оба считали христианство с его верой в чудеса безумием, и обоих считали атеистами. Тем не менее они ненавидели евреев во имя Иисуса. Нетерпимость Гете к евреям нельзя рассматривать как выражение его личных предубеждений; он лишь показал, каково течение мнений в культурных немецких кругах.

Фихте, одностороннее дополнение Канта, был еще более жесток и озлоблен против евреев. Как и большинство немецких метафизиков, до начала Французской революции его философия носила визионерский характер.

Очевидно, Фихте оказал евреям большую честь, когда поставил их на один уровень с дворянством и духовенством. Но он никоим образом не хотел оказывать им честь, а скорее обвинить их перед судом общественного мнения. Фихте, философский мыслитель, питал ту же неприязнь к евреям и иудаизму, что и Гете, поэт-аристократ, и Шлейермахер, гностический проповедник.

Следует ли предоставить евреям гражданские права? Фихте выступал против этого самым решительным образом; даже в христианском государстве, по его мнению, мелком государстве, противоречащем праву и разумности, они не должны быть освобождены. "Единственный способ, который я вижу, чтобы им (евреям) были предоставлены гражданские права, - это отрубить все их головы за одну ночь и водрузить им на плечи новые, в которых не должно быть ни одной еврейской идеи. Единственное средство защититься от них - завоевать их землю обетованную и отправить их туда". История рассудила иначе: новые головы были возложены не на евреев, а на самих немцев. Его точка зрения заключалась в том, что евреев не следует преследовать, что на самом деле им должны быть предоставлены права мужчин, "потому что они мужчины", но что они должны быть полностью изгнаны. Даже клерикальные противники эмансипации во Франции, аббат Мори и епископ Ла Фар, не отзывались о евреях в такой извращенной и ненавистнической манере. Фихте можно рассматривать как отца и апостола национальной ненависти немцев к евреям, неизвестной ранее или, скорее, никогда прежде не проявлявшейся так явно. Даже Гердер, хотя и преисполненный восхищения древностью Израиля инародом в его библейском великолепии, — первый, кто исследовал священную литературу с поэтической точки зрения, — испытывал отвращение к евреям, что проявилось в его отношениях с Мендельсоном, к которому ему стоило усилий относиться дружелюбно. Гердер, это правда, пророчествовал о лучшем времени, когда христиане и евреи будут работать вместе в согласии над структурой человеческой цивилизации. Но, подобно древнему Валааму, он произносил свои благословения Израилю нерешительно. Эта растущая враждебность к евреям со стороны немцев не была замечена образованными евреями, жившими среди них, по крайней мере, они не боролись с ней энергично. В то время появилась только одна брошюра, вышедшая из-под пера еврейского автора. Сол Ашер написал свое "Айзенменгер Второй, открытое письмо Фихте", но на него почти не обратили внимания.

Если евреи не пользовались благосклонностью в глазах тех, кто формировал общественное мнение в Германии, кто поднял его от устаревших обычаев к блестящей высоте культуры, как в демократическом, так и в аристократическом лагере, но испытывали от их рук только отвращение и презрение, то насколько хуже было их отношение к огромной массе населения, все еще погруженной в глубины самого темного невежества и грубости! Два благородно мыслящих христианина обратились к Конгрессу в Раштаде с самыми вескими доводами о том, что немецкие евреи должны быть выведены из своего позорного положения. Один из них, неизвестный филантроп, обрушил шквал насмешек на глупость и напыщенную надменность немецких ненавистников к евреям, а другой, Кристиан Грунд, с безжалостной логикой продемонстрировал несправедливость, с которой обращались с евреями. Оба желали поддержать требование голландских евреев к дипломатическим представителям, чтобы князья Германии были вынуждены уважать евреев, и с этой целью оказать влияние на общественное

мнение. Грунд действовал как умный защитник евреев; он делал комплименты немцам, чтобы завоевать их расположение. "Немецкие евреи, - сказал он, - осмеливаются обратиться к немецкой нации, способной на настоящие поступки, творцу своих собственных судеб, а не просто имитатору действий других народов, объединяющему свой голос с голосом своих братьев, с самым почтительным прошением к представителям нации в Раштадте об отмене техусловий, при которых они живут, и о приобретении более широких прав". Ответ немецких князей и правителей был не очень обнадеживающим.

Самая постыдная деградация и унижение евреев заключалась в подушном налоге, мошенничестве, неизвестном за пределами Германии. Какая польза была от того, что император Иосиф Австрийский и Фридрих Вильгельм II передали его по наследству? Он все еще существовал во всем своем уродстве в Центральной и Западной Германии, в округах Майн и Рейн, где маленькие государства вплотную граничили с другими маленькими государствами размером в квадратную милю и где через короткие промежутки времени виднелись одна магистраль за другой. Если еврей отправлялся в однодневное путешествие, он проезжал через разные территории, и на границах каждой из них приходилось платить подушный налог. Нищий-еврей в сопровождении своего маленького сына однажды выставил свои счета по подушному налогу на сумму полтора флорина за шесть дней, оплаченные в разных местах. Способ взимания налога был более унижительным, чем обязанность его уплаты. Очень часто налог составлял несколько крейцеров, и только бедняки, которые не были освобождены от него, ощущали его как бремя. Но жестокие порядки офицеров и позорное обращение на каждой границе оскорбляли также богатых. Пока французская армия стояла лагерем на территории Германии, евреи избегали уплаты подушного налога. Но как только был заключен Люневильский мир и французские войска выведены, мелкие немецкие князьки вновь ввели налог, но не для того, чтобы увеличить небольшой доход, получаемый из этого источника, а чтобы унижить евреев. Они нанесли оскорбление также французским евреям, которые пересекли Рейн с деловыми целями, оправдывая свои действия буквальным толкованием одной из статей Кампо-Формийского мира, в которой говорилось: "Все деловые отношения в настоящее время должны продолжаться на тех же условиях, что и до войны". Французские евреи, гордящиеся своим гражданством, не подчинились, разорвали свои деловые связи с Германией и пожаловались на несправедливость французскому правительству, которое не обошло этот вопрос стороной. Правительственный комиссар Жоливе разослал циркулярное письмо (1801 г.) агентам Французской Республики, проживающим при немецких дворах, с инструкциями не допускать, чтобы французских граждан израильской веры приравнивали к животным. Они должны были сделать серьезные заявления соответствующим правительствам и пригрозить им возмездием. Несколько мелких князьков, таких как Сольмс, прислушались к этому и немедленно отменили подушный налог; из страха перед французами французские евреи были освобождены от него, но он по-прежнему тяжелым бременем ложился на немецких путешественников. Каждый шаг к отмене репрессивных ограничений в Германии был результатом огромных усилий.

В результате Люневильского мира Голая Римская империя была впервые расчленена. Представители Империи, собравшиеся в Ратисбоне, были вынуждены искать способы привести своих разобщенных членов к какому-либо порядку или принять решение о возмещении понесенного ущерба. На этой конференции послов восьми князей, занятых торговлей территориями и рассматриваемых близорукими людьми как представляющие немецкую нацию, немецкие евреи представили петицию с просьбой о пассивном гражданстве (15 ноября 1802 г.).

Это ходатайство было составлено "от имени евреев Германии" государственным прокурором Кристофером Грундом. Какая конгрегация или какие люди, ревностно борющиеся за эмансипацию, поручили ему это сделать, точно неизвестно. Похоже, что петиция была подана во Франкфурте. Он молился о том, чтобы представители Империи сняли с немецких евреев обременительные различия, в условиях которых они трудились; чтобы узкие рамки, в которых они были вынуждены проживать, были распахнуты, чтобы ради здоровья и свободного наслаждения жизнью они могли выбрать себе собственное жилье в городах. Далее, чтобы узы, которыми их население, их торговля и их промышленность были ограничены до фатальной степени, были ослаблены, и чтобы, короче говоря, еврейская община была признана достойной, путем предоставления гражданских прав, составлять один объединенный народ с немецкой нацией. Евреи или их адвокат Грунд ссылались на тот факт, что они были "причислены к бесчестным людям, вне закона и крепостным". Плачевное состояние франкфуртской общины, которая после обнародования указов об устройстве города в 1616 году была лишена естественной свободы и стеснена в самых узких пределах, служило убедительным доказательством. Приводился пример Франции и Батавской республики в деле освобождения евреев; но евреи вряд ли могли тешить себя наивной надеждой, что представители Империи так много им уступят. Они надеялись, что по крайней мере одно ограничение будет снято, а именно подушный налог, и на этом пункте настаивали с большой энергией. "Самым унижительным из всех этих ограничений, - говорили они, - является подушный налог, который удаляет имя еврея из категории разумных существ, помещая его среди диких зверей, и заставляет его платить за свой путь, когда он ступает на ту или иную землю". Вопреки ожиданиям, это прошение представителям Империи было передано и поддержано самым выдающимся членом среди них, послом от курфюршества Богемии илиустрии. Он выдвинул предложение "о предоставлении евреям Германии гражданских прав" (в конце 1802 года). Тем временем Конгресс по возмещению ущерба был занят другими делами, и его члены не могли заняться еврейскими поисками. Петиция была погребена под грудой государственных бумаг.

От немецкого народа ничего нельзя было ожидать, как легко поняли те, кто следил за ходом событий. Поэтому евреи направили свое рвение на то, чтобы побудить различные правительства ввести подушный налог. Два человека прославили свои имена в борьбе за устранение этого одиозного самозванца, а именно Израэль Якобсон и Вольф Брайденбах. Первому, придворному агенту и финансовому советнику принца Брауншвейгского, удалось добиться отмены подушного налога на территориях Брауншвейг-Люнебурга (23 апреля 1803 г.). В течение ряда лет Вольф Брайденбах стремился к тому же делу и добился более далеко идущих результатов. Брайденбах родился в деревне с таким названием близ Касселя в 1751 году и умер в Оффенбахе в 1829 году. Он был человеком высокой культуры, благородных идеалов и настолько скромным, что его имя почти было забыто, несмотря на все жертвы, которые он принес во имя немецких евреев. Он, в отличие от Джейкобсона, не позаботился о том, чтобы его имя распространилось далеко и широко.

Глубоко тронутый неприятностями и презрительным обращением, которому подвергались еврейские путешественники в местах, где был введен налог, о чем Брайденбах ежедневно получал уведомления во время своих деловых поездок, он решил, по крайней мере, отменить подушный налог, и приложил к этой задаче всю свою энергию. Он тихонько попытался ослабить цепь там, где она давила сильнее всего. Он понимал, что потребуются большие суммы денег для обеспечения подарков магистратам полиции и городскому духовенству под предлогом раздачи милостыни бедным, а также "для возведения прекрасных памятников в честь великодушных

князей", которые позволят повлиять на себя, чтобы оставить евреев необлагаемыми налогами. Он был не в состоянии покрыть эти огромные расходы за счет своих собственных средств. Поэтому он обратился с призывом к немецким и иностранным евреям (сентябрь 1803 г.), прося их подписаться на фонд, из которого можно было бы покрыть расходы по отмене подушной подати. В то время было хорошо известно, кто распространил это обращение, но из скромности Брайденбах не назвал своего имени. Этими средствами и путем переговоров с второстепенными немецкими князьями на сейме в Ратисбоне, проведенных при дружеской помощи имперского канцлера Дальберга и, наконец, по рекомендациям самих князей, которые научились уважать его, Брайденбаху удалось добиться права свободного проезда евреев по Рейнской области и Баварии. Даже узколобый, ненавидящий евреев самый благородный совет Франкфурта был тронут петицией Брайденбаха об отмене подушной подати, взимаемой с ворот и мостов.

Петиция евреев представителям Империи о гражданских привилегиях, какими бы ограниченными они ни были, чувства, проявленные несколькими князьями в пользу снятия с них оков, и другие признаки заставили ненавистников евреев в Германии заподозрить, что старое состояние имперского крепостничества скоро исчезнет. Они были поражены ужасом; они не могли постичь саму мысль о том, что угнетенные евреи должны подняться из своего унижения в Германии во многих местах. Эта болезненная идея побудила множество авторов, большинство из которых были юристами, как бы по взаимному согласию приложить все свои усилия в различных частях Германии для противодействия освобождению евреев из рабства. Среди этих людей были Паальцов, Граттенауэр, БукХольц и многие анонимные писатели, которые сохраняли свою враждебность в течение нескольких лет (1803-1805). Они демонстрировали ненависть к евреям, настолько злобную, что она напоминала о днях Черной смерти, о Капистрано, Пфедферкорне и доминиканцах. Они создали искусственный туман, чтобы предотвратить распространение лучей просветления. В прежние дни именно служители церкви клеймили евреев бесчестьем. Теперь жрецы справедливости взяли на себя эту роль и путем извращения справедливости стремились держать евреев в рабстве, для чего Фихте подготовил почву. Как только петиция евреев дошла до представителей Империи в Ратисбоне, юрист из Южной Германии выступил против нее, настаивая на том, что существуют тысячи причин, по которым евреи недостойны становиться гражданами Империи и провинций. Наибольшее число и наиболее упрямых представителей этого движения травли евреев обосновались в Берлине, городе просвещения и христианства, которому учил Шлейермахер. Модель SCharacter, учения и истории евреев, даже своих пророков и патриархов, на самом деле все евреи, напали эти трусливые писатели, большинство из которых писали анонимно, а также стал предметом грязных оскорблений и брани.

Лидеры берлинского иудаизма были в растерянности, как противостоять этим систематическим нападкам. Дэвид Фридлиндер хранил молчание. Бен-Давид решил написать ответ, но благоразумно воздержался. Теперь части были изменены. Во времена Мендельсона и в течение некоторого времени после негонемецкие евреи выступали в качестве опекунов французских евреев всякий раз, когда у последних возникали какие-либо претензии, требующие возмещения. Теперь свобода сделала французских евреев такими могущественными и уверенными в себе, что они мужественно и уверенно отражали каждое нападение на себя и свою веру. Берлинские евреи, которые всегда были готовы похвастаться своим мужеством, при

первом же вражеском нападении оказались беспомощными, как младенцы. В своем замешательстве они обратились за помощью к полиции, которая издала приказ не публиковать никаких брошюр ни за, ни противевреев. Этот шаг был расценен их противниками как признак трусости или признание бессилия. Новый оскорбительный трактат, озаглавленный "Могут ли евреи оставаться в своем нынешнем состоянии без ущерба для государства?", придал дополнительный вес выдвинутому против них обвинению.

"Сколько было самых богатых евреев или их отцов двадцать или тридцать лет назад? Разносчики, которые ползали по улицам в рваной одежде, раздражая прохожих своей назойливостью купить несколько ярдов потсдамской ленты для волос; или крестьяне, которые под предлогом торговли прокрадывались в христианские жилища и часто причиняли вред их владельцам".

Этот автор предлагал обезвредить евреев средствами более отвратительными, чем те, которые использовались в средние века.

"Евреи не только должны быть снова заключены в гетто и находиться под постоянным надзором полиции; их не только следует заставить носить нашивки заметного цвета на рукавах своих пальто, но и, чтобы предотвратить их увеличение, второго ребенка мужского пола у каждого еврея следует кастрировать".

Протестантская теология и немецкая философия предложили правила против евреев, не имеющие аналогов в канонических декретах пап Иннокентия III и Павла IV.

В Бреслау появились аналогичные пасквили, которые разжигали ненависть населения к евреям. Даже благонамеренные сочинения, составленные в их защиту христианами, такие как Косманн и Рамсон - "Слово беспристрастному" — признавали низкий характер евреев и, казалось, подразумевали, что для христиан было бы лучше, если бы среди них не было евреев; но, видя, что зло существует, его нужно терпеть. Честь немцев была частично искуплена человеком, принадлежавшим к старине, фрайхерром фон Дибичем, некогда майором русской службы, для которого любовь к человечеству не была пустым звуком. Он горячо защищал евреев от ядовитых нападок Граттенауэра и его злонамеренных союзников (1803 и 1804) и тем самым подставил себя под обвинение в получении взятки. Ввиду общего предубеждения против еврейской расы он был готов увидеть себя "карикатурным и изображенным верхом на свинье или осле". Его добрых, но педантичных брошюр в защиту евреев было недостаточно, чтобы заткнуть рты их противникам.

Столь же неадекватными и безрезультатными были попытки оправдания, предпринятые еврейскими писателями за пределами Берлина, которые сочли необходимым возвысить свой голос в противовес всеобщему возмущению против их народа.

Два еврея, один из Кенигсберга, другой из Гамбурга, придумали превосходный план. Оба признавали, что ненависть евреев к немцам не может быть опровергнута вескими аргументами, но может быть заглушена насмешками. Они были предшественниками Берне и Гейне, один из которых был неизвестным врачом, другой писал анонимно (Лефранк). Первый в сатирическом памфлете, написанном под именем Доминика Амана Эпифана, выразил мнение, что, если все евреи не будут быстро истреблены, а все еврейки не будут проданы в рабство, мир,

христианство и все государство неизбежно должны погибнуть. Человечество получило бы огромную выгоду от продажи евреев: всякая безнравственность, таким образом, сразу же уменьшилась бы, и бессмертный Граттенауэр, породивший великолепную идею и распространивший свое благородное отвращение к евреям, был бы повсюду признан благодетелем человечества и заслуженно увековечен храмами и памятниками.

Другой сатирик, Лефранк, назвал свое произведение "Беллерофонт" (или побежденный Граттенауэр). Он хотел убить химерическое чудовище "ненависть к евреям" в Граттенауэре, оседлав Пегаса. Он обратился к травителю евреев на презрительном "ты".

"Ты, который с таким успехом привил юриспруденцию к теологии, ты, который лизал соль в Галле — на самом деле не аттическую соль, — ты, который изучал невежество и глупость у великого Землера, если ты так гордишься своим христианством, что с презрением смотришь на евреев, тогда, пожалуйста, позволь мне спросить тебя, почему твои тюрьмы битком набиты преступниками, осужденными по обвинению в государственной измене, убийстве, отравлении, грабежах и растлении взрослых?" Сначала уберись из своей среды эшафот, виселицу, дыбу, бич и все ужасные орудия пыток и смерти, ни одно из которых не было изобретено евреями. Избавься от демона, и тогда тебе станет жаль людей, обреченных участвовать в торговле людьми против их воли и обвиняемых в том, что они занимаются торговлей людьми. Говорят, что обман — широко распространенный порок среди евреев. Твой портной-христианин обкрадывает тебя, твой сапожник дает тебе плохую кожу, твой бакалейщик подделывает меру и вес, твой пекарь, несмотря на процветание, продает буханки низкорослого размера. Твое вино фальсифицировано, твой слуга и твоя служанка объединились, чтобы обмануть тебя. Ты сам — в невинности своего сердца — предлагаешь на продажу жалкую ложь и злобный умысел, написанные на промокательной бумаге, за шесть фартинов, которые не стоят и шести булавок, и ты смеешь утверждать, что мошенничество свойственно евреям. Посмотрите, есть ли среди всех банкротств, происходящих сейчас в Лондоне и Париже, хоть одно еврейское банкротство". "Ты по глупости повторяешь глупую болтовню великого Фихте, когда замечаешь, что евреи составляют государство в государстве. Ты не можешь простить евреям то преступление, что они правильно говорят по-немецки, одеваются более респектабельно и часто судят более справедливо, чем ты. Они больше не носят бород, за которые ты можешь дернуть; они больше не говорят на тарабарщине, которой ты мог бы подражать.... Еврей более двадцати лет стремился приблизиться к христианину, но как его приняли? Сколько изменений он внес в свои канонические законы, чтобы иметь возможность присоединиться к вам; но из чистого человеколюбия вы отворачиваетесь от него.... И все же твоя брошюра кажется мне добрым предзнаменованием. Обычный человек верит, что зиму можно разлучить с летом только ужасными раскатами грома и градом. Так и с тобой. Преследования, фанатизм и суеверия находятся при последнем издыхании и с помощью могучей ярости делают свое последнее усилие через тебя, прежде чем их дух полностью угаснет".

Уверенность в себе, проявленная Лефранком, была самым верным признаком окончательной победы евреев.

При существующих условиях, ввиду того факта, что евреи были склонны недооценивать и презирать свою собственную власть, надежда на освобождение была обманчивой. Как в

протестантских, так и в католических странах, в Пруссии, так и в Австрии народ был еще более слепо настроен против них, чем их князья. Немецко-австрийский чиновник по имени Джозеф Рорер (1804) писал о том, что в хоре травителей евреев не может быть недостатка в австрийском голосе, направленном против "еврейского народа". Он нарисовал ужасную картину, особенно о евреях Галиции, не намекнув, что галицийские крестьяне находились в еще более низком положении и что дворянство было более выродившимся, чем любой из классов. Паальцов, Граттенауэр, Бухгольц, Рорер и их союзники преуспели в своем замысле. Идея эмансипации евреев в Германии еще не могла быть реализована. При всем своем рвении Брайденбах не смог добиться отмены подушного налога во всех местах. Он все еще оставался в силе, являясь печальным напоминанием и позором, в некоторых немецких провинциях. Нужно было пустить в ход пушки, чтобы разрушить эти разлагающие, глубоко укоренившиеся предрассудки.

Луч света от солнца свободы, сияющего над евреями Франции, проник даже в Россию. Сердце императора Александра I было наполнено милосердием к тому, что в его королевстве стало меньше евреев. Он назначил комиссию для рассмотрения предложения по улучшению их положения. Но российской комиссии требуется время для выполнения своей работы, и после двухлетнего тщательного рассмотрения интересов христиан и наиболее эффективного способа принести пользу израильтянам в 1804 году был наконец опубликован указ. Согласно этому закону, фермеры, фабриканты, ремесленники, те, кто получил университетское образование или посещал высшие или низшие школы, были освобождены от действия особых законов против евреев. Чтобы отучить их от употребления жаргона, особые привилегии были предоставлены тем, кто изучал один из трех языков — русский, польский или немецкий. Культуры евреев в своем царстве желал Александр, который надеялся, что среди них родится еще один Мендельсон. Посещение школ не было принудительным; поэтому еврейская община, насколько это было возможно, поддерживала школы для мальчиков (Хедарим). Да и не могло быть иначе среди миллионов крепостных в России, ни одному из которых не разрешалось посещать школу.

Однако в то время было введено ограничение, которое сводило на нет все привилегии в пользу евреев. Тем, кто жил в деревне, было приказано покинуть ее в течение короткого промежутка времени и собраться вместе в городах. Этот приказ был продиктован жестокой хитростью. Польские землевладельцы, которые по лености передали заботу о своих пивоварнях и продаже продукции трудолюбивым и заслуживающим доверия еврейским управляющим и фермерам, были разорены изгнанием евреев из деревень и, таким образом, оказались неспособными к восстанию. Этот закон не мог быть приведен в исполнение в настоящее время, но оставался в силе как мертвая буква до более поздних дней. Наихудшим результатом было то, что с евреями обращались как с чужаками, хотя они прожили в польских провинциях более полувека. Естественно, они не продвинулись в культуре, поскольку им препятствовал и преследовал раввинизм, а тем более неохасидизм.

ГЛАВА XII.

ЕВРЕЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СИНОД И ЕВРЕЙСКИЕ КОНСИСТОРИИ.

Еврей-Ненависть в Страсбурге—Обвинения Бональда—Заговоры против французских евреев—Фуртадо—Дэвид Синцхайм—Ассамблея знати—Итальянские депутаты—Двенадцать вопросов—Дебаты о смешанных браках—Парижский Синедрион—Его Конституция—Постановления Наполеона—Израэль Якобсон—Консиистория Вестфалии—Эмансипация в Германии—В Ганзейских городах—Ограничения в Саксонии.

1806-1813 гг. н. э.

Со времен римлян мир не был свидетелем таких внезапных перемен и катастроф, как в начале этого столетия, когда была основана новая империя с намерением установить всемирную монархию. Все державы склонились перед Наполеоном, императором французов, еще ниже, чем перед Первым консулом Бонапартом. Папа, который в глубине души проклинал его и весь новый порядок, без колебаний помазал его преемником Карла Великого. Германские князья были первыми, кто с ужасом признал это нововведение, возвышение выскочки над самими собой. Как будто Наполеон, соприкоснувшись с немцами во время своих войн против Австрии и Пруссии, был заражен их ненавистью к евреям, его чувства по отношению к ним с того времени претерпели изменения. Хотя раньше он выказывал восхищение почтенной древностью и гигантской борьбой еврейской расы, теперь он выказывал к ним явную неприязнь. Его неблагоприятное отношение к евреям было использовано немцами в Эльзасе, чтобы побудить его лишить французских евреев их привилегий и низвести их до прежнего состояния унижения.

Бури Революции положили конец старым обвинениям против евреев Эльзаса. Еврейские кредиторы, ростовщики, христианские должники были одинаково разорены царством террора; старые времена были сметены с лица земли. Когда спокойствие было восстановлено, многие евреи, которые благодаря своей энергии снова приобрели какую-то собственность, вернулись к своим прежним занятиям. Что еще они могли сделать? От людей преклонных лет нельзя было ожидать, что они начнут осваивать ремесла и сельское хозяйство. Даже молодым людям было трудно, поскольку фанатичные работодатели-христиане в немецкоязычных провинциях не желали брать в подмастерья евреев. Многочисленный класс населения Эльзаса предлагал зажиточным евреям источник дохода. Крестьяне и поденщики, дореволюционные крепостные, были освобождены благодаря этому, но не имели средств, чтобы приобрести землю и приступить к работе. Их скот и даже сельскохозяйственные орудия были потеряны в годы бурь, и многие из них бежали, спасаясь от военной службы. Эти крестьяне после установления мира обратились к евреям за помощью в получении денег, чтобы получить небольшие участки национальной земли для обработки.

Состоятельные евреи откликнулись и, вероятно, потребовали высоких процентных ставок. Крестьяне, однако, не были в проигрыше, ибо, хотя изначально они были лишены средств, у значительно улучшили свое положение. Через несколько лет их земельная собственность составила 60 миллионов франков, шестую часть из которых они задолжали евреям. Крестьянам Эльзаса действительно было трудно получить наличные деньги для погашения долгов перед своими еврейскими кредиторами, особенно после того, как войны Бонапарта заставили их оторваться от плуга и взяться за оружие, и против должников последовало множество судебных процессов. Только Торговый суд Страсбурга в 1802-4 годах должен был выносить решения по судебным повесткам о задолженности между еврейскими кредиторами и христианскими

должниками на сумму 800 000 франков. Неплатежеспособные крестьяне были приговорены передать свои поля и виноградники еврейским кредиторам, некоторые из которых, возможно, действовали жестко в этих вопросах.

Этими ограничениями пользовались ненавистники евреев. Они обобщили проступки евреев, преувеличивают страдания христианских должников заставят платить, и печатью евреев-ростовщиков и кровопийц, так как лишить французских евреев, живущих в их провинциях своих недавно приобретенных равных, или, если возможно, подготовить какие-хуже участи для них. Как и во все времена, жители немецкого города Страсбург приняли самое заметное участие в этом движении против евреев. Они предприняли тщетную попытку изгнать евреев из своего города и преследовать их во время правления террора. С неистовой яростью они наблюдали за увеличением числа еврейских иммигрантов. Среди них не было евреев-ростовщиков; напротив, были богатые, весьма уважаемые и образованные евреи, такие как семьи Серф-Бер, Ратисбон и Пикар, большинство из которых жили за счет своих поместий. Тем не менее жители Страсбурга подняли самый громкий шум против евреев, как будто последние были причиной их обнищания. Пфстрасбургский префект, немец, помогал торговцам. Когда Наполеон оставался в Страсбурге (январь 1806 г.) после стодневной кампании против Австрии, он был осажден префектом и депутацией народа Эльзаса с жалобами, показывающими, насколько вредны для государства евреи; как, подобно стае воронов, они разоряли христианское население, так что целые деревни переходили во владение еврейских ростовщиков, как половина имений Эльзаса была заложена еврейским кредиторам, и другим излонамеренными обвинениями. В этой связи Наполеон вспомнил, что во время его кампании несколько евреев близ Ульма купили у солдат краденое, что вызвало его сильное неудовольствие. Ненавистники евреев предположили, что это, возможно, были страсбургские евреи, которые следуют за по следам армии, чтобы обогатиться за счет добычи; и что все евреи были ростовщиками, разносчиками и старьевщиками. Чтобы еще больше подстрекнуть императора к враждебным действиям, было добавлено следующее серьезное заявление — что во всем Эльзасе, более того, во всех (немецких) департаментах Верхнего и Нижнего Рейна народ был настолько озлоблен против евреев, что могла последовать всеобщая резня, свидетелями которой были в Средние века. В пивных часто обсуждался вопрос об уничтожении евреев. Переполненный такими дурными впечатлениями, Наполеон покинул Страсбург, пообещав устранить эти обиды. Чтобы это впечатление не рассеялось, враги евреев осаждали министра юстиции громкими жалобами на низость и вредность евреев. Судьи, префекты, все немецкоговорящие чиновники соперничали друг с другом в попытках лишить евреев их гражданских прав. Министр юстиции, увлеченный жалобами, фактически был близок к тому, чтобы введя действие исключительный закон против евреев Франции, запрещающий им на время заниматься каким-либо бизнесом по закладным.

К этой ненависти к евреям, возникшей из мелкой зависти членов гильдии и из страха чрезмерной конкуренции, примешивались фанатичные и мрачные взгляды реакционной партии, которая начала плести свои сети интриг с целью подавления ментальной свободы, так сказать, матери политической свободы. Одним из главных представителей этой партии, враждебной свободе и искусной в интригах, был Луи Габриэль Амбруаз Бональд, человек, близкий по духу Генцу, Адаму Мюллеру и другим подобного калибра, который вместе с романтиком Шатобрианом и Фонтанесом, в прошлом мастером лести, вызвал самую ужасную религиозную и политическую реакцию. Бональд, который после недолгого энтузиазма по поводу свободы развернул знамя легитимистов-бурбонов и прославил его мистико-

католическими глупостями, увидел в освобождении евреев ослабление власти Церкви и использовал средства, чтобы подорвать их уравнильность во Франции. Он хотел низвести их до уровня таких презренных существ, которые требовались Церкви для своих целей. В документе, который он выпустил совместно с ШатоБрианом с целью поддержания власти ультрамонтанов, он атаковал евреев с софистическим красноречием. Он завидовал немцам, потому что, будучи более разумными и рассудительными, чем французы, они взимали только подушный налог, а в остальном держали евреев в повиновении. Он обвинил Национальное собрание для уступив Все права, не учитывая того, что, когда французы евреев были освобождены от гнета, они могут действовать согласованно со своими единоверцами в других странах, чтобы обеспечить все основное влияние и богатство к себе и держать в рабстве христиан. Бональд снова высказал ту ядовитую клевету, которую продажный, беспринципный эльзасец распространил в брошюре перед революцией. Его повторяющиеся высказывания о том, что евреи были эВЭМ в конфликт с моралью, что они образовали "государство в государстве", и что большинство из них были вампирами и мелких торговцев, среди которых на возвышенных исчез. Бональд завершил свой список обвинений мнением, которое клеймило французскую нацию в такой же степени, как и евреев. "Если последним когда-либо будет позволено пользоваться независимостью и устанавливать законы, то еврейский Синхедрион не стал бы устанавливать более бессмысленных или недостойных законов, чем Учредительное собрание философов".

Это был удачный circumstance для будущего евреев в том, что враги свободы, а также православные христиане входят юдофобию в свою программу, потому что это заставило друзей свободы защищать интересы евреев в рамках их собственных. Но на данный момент попытки Боньненавидеть евреев сильно навредили им. Они были одобрены теми, кто стремился задержать наступающий дух эпохи, и окольными путями были вдолблены в ухо Наполеону. Французские евреи не имели ни малейшего представления о масштабах этой агитации, они воображали, что это касается только еврейских ростовщиков в Эльзасе и что это не затрагивает честь, положение и существование всех, и поэтому они недостаточно противодействовали этому.

Теперь дело приняло серьезный оборот. Наполеон вынес еврейский вопросна обсуждение своего совета, который поручил его молодому члену, графу Моле, известному в более поздней французской истории как прототип двусмысленности. К удивлению всех старших и наиболее влиятельных членов совета, Моле, чья прабабушкаэр была еврейкой, представила отчет, явно враждебный евреям, в котором предлагалось распространить на всех французских евреев исключительные законы, что означало, что у них должно быть отнято их юридически признанное и практически реализованное равенство. Его доклад был отдыхеived с заслуживала насмешек со стороны старых членов совета, которые были так проникнуты принцип абсолютного равенства освящается революции, что они помыслить не могли о том, что кредитор подал иск на компенсацию от своего должника может иметь право расследовать его религиозных убеждений. Они подозревали, что Моле был в сговоре с реакционными политиками Фонтанесом и Бональдом, которые стремились принести евреев в качестве первой жертвы своей ретроградной политике. Моле, однако, по-видимому, стремился выслужиться перед императором, который, как он знал, не был благосклонно расположен к евреям. Хотя все советники выступали за их неограниченные гражданские права, еврейский вопрос должен был быть поднят на очередном заседании государственного совета иво время президентства Наполеона (30 апреля 1806 г.), который придавал этому вопросу большое значение.

Это был судьбоносный момент, когда эти вопросы, давно решенные, снова встали на обсуждение. Благополучие и горе не только французских и итальянских евреев, но и во всей Европе зависели от исхода этой консультации. Ибо, если бы уравниванию евреев первых стран каким-либо образом угрожала опасность, евреи других стран были бы обречены оставаться в состоянии деградации и угнетения еще долгое время. Заседание было бурным. К несчастью, случилось так, что недавно избранный государственный советник по имени Беньо, который в отсутствие императора с большим воодушевлением и обращением говорил в пользу евреев, пожелал продемонстрировать свое красноречие перед императором. Поэтому он использовал следующую неудачную фразу: "Лишение евреев их полных гражданских прав было подобно проигранной битве на поле правосудия". Наполеон был раздосадован. Тон и содержание речи Беньо вызвали у него крайнее неудовольствие. Его раздражало, что его предубеждения против евреев считались необоснованными. Беньо разжег в нем страсть, он выступал против теоретиков и приверженцев принципов и позволил своему гневу превзойти благоразумие. Он говорил о евреях так, как это делал Фихте, говоря, что они составляли государство в государстве, будучи феодальной знатью того времени; что их нельзя ставить в одну категорию с католиками и протестантами, потому что, помимо того, что они не были гражданами страны, они были опасным элементом. Нельзя допустить, чтобы ключи от Франции, Эльзаса и Страсбурга, попали в руки нации шпионов. Было бы благоразумно допустить только 50 000 евреев в округах Верхнего и Нижнего Рейна, остальных рассеять по всей Франции и запретить им заниматься торговлей, потому что они развращали ее ростовщицеством. Он выдвинул и другие обвинения, о которых узнал от ненавистников евреев. Несмотря на эту речь, два важных советника, Рено и Сегюр, осмелились выступить от имени евреев или за справедливость. Они указали, что евреи в Бордо, Марселе и итальянских городах, принадлежащих Франции, как и в Голландии, пользовались высочайшим уважением, и что преступления, вменяемые евреям Эльзаса, следует приписывать не иудаизму, а скорее их несчастному положению. Им удалось на время смягчить гнев Наполеона, и второе заседание решило этот вопрос.

Тем временем некоторым влиятельным лицам удалось внушить Наполеону лучшее мнение о евреях. Они обратили его внимание на то, как быстро они овладели искусствами и науками, сельским хозяйством и ремеслами. Ему указали на лиц, которые были награждены орденом Почетного легиона или получали пенсии за храбрость в войне, и что, следовательно, называть всех евреев ростовщиками и лоточниками - клевета. На втором заседании государственного совета (7 мая 1806 г.) Наполеон в более мягком тоне отзывался о евреях. Он отверг сделанное ему предложение изгнать еврейских торговцев и наделить суды правосудия неограниченной властью над ростовщиками. Он не желал делать ничего такого, что могло бы вызвать неодобрение потомков или омрачить его славу. Тем не менее, он не мог освободиться от предубеждения, что еврейский народ с самых древних времен, даже со времен Моисея, был ростовщиками и вымогателями. Однако он был полон решимости не допустить никаких преследований или пренебрежения к евреям. Затем ему пришла в голову счастливая мысль — или, возможно, она была ему подсказана, — собрать вместе несколько евреев из различных провинций, которые должны были рассказать ему, требует ли иудаизм от своих приверженцев ненависти и угнетения христиан. Евреи сами, через своих представителей, должны были решить свою судьбу.

Указ, которым была объявлена эта резолюция (30 мая 1806 г.), был сформулирован в резких выражениях. Сам Наполеон, по-видимому, придавал ему последние штрихи, находясь в гневном настроении. Первая часть указа гласила: "Требования еврейских кредиторов в

определенных провинциях не могут быть удовлетворены в течение года". Вторая часть предписывала созвать собрание еврейской знати. Поводом для их встречи был таким, чтобы удовлетворить Bonalds. Некоторые евреи в северных районах, имеющих на ростовщичество горя принесли на многие крестьяне, император лишил Тподол гражданского равенства. Но он также считал необходимым пробудить во всех, кто исповедовал еврейскую религию во Франции, чувство гражданской морали, которое из-за их унижения почти исчезло среди них. С этой целью еврейские нотаблidos должны были выразить свои пожелания и предложить средства, с помощью которых квалифицированный труд и полезные занятия стали бы обычным явлением среди евреев. Таким образом, по крайней мере на время, часть евреев Франции была лишена своих равноправных прав. Но от Собрания знати можно было ожидать бальзама для ран, нанесенных Наполеоном. Префекты должны были выбрать выдающихся людей из числа раввинов и мирян, которые в определенный день должны были явиться "в добрый город Париж". Не только Конгресс-Центраисследований старых французских провинций, но и в новых, в район на левом берегу Рейна, должны были быть представлены депутатам. Итальянские евреи, обратившиеся за разрешением принять участие в этом собрании, также были допущены.

Хотя все известные люди были выбраны магистратами несколько произвольно, в целом их выбор был удачным. Среди ста с лишним знаменитостей французской, немецкой и итальянской речи большинство полностью осознавали масштаб и важность своей задачи. Они должны были защищать иудаизм на глазах у всей Европы — трудная, но благодарная задача. Среди них были люди, которые уже приобрели известность, такие как Бер Исаак Бер, его многообещающий сын Майкл Бер (который обратился с призывом к князьям и народам освободить евреев из рабства) и Абрахам Фуртадо, сторонник жирондистов, пострадавший за свои политические взгляды и обладавший благородным умом и большой дальновидностью. Его происхождение интересно. Его родители были португальскими марранами, но, несмотря на внешнюю приверженность семье Церкви в течение двухсот лет, его мать не забыла о своем происхождении и своей привязанности к иудаизму. Когда страшное землетрясение сделал Лиссабон грудой развалин, Фуртадо, родители были поражены их Фаллинг дом—его отца убили, но его мать, которая была беременна, похоронен в живые могилы. Она поклялась, что, если Бог спасет ее от этой опасности, она, несмотря на все трудности, открыто примет иудаизм. Новое потрясение вскрыло ее могилу. Ей удалось бежать из этого ужасного места, она добралась до Лондона и там публично вернулась к иудаизму. Здесь у нее родился сын Авраам, которого она воспитала как еврея. Абрахам Фуртадо был хорошо знаком с еврейской литературой; он собирал материалы для еврейской истории и уделял особое внимание Книге Иова; но его еврейские знания были простым дилетантством, без основательности. Его любимым занятием были естественные науки. Во время революции Фуртадо входил в комиссию, назначенную для принятия мер по улучшению положения французских евреев. Во время правления террора и как сторонник жирондистов, его жизнь подвергалась опасности, а имущество конфисковано. Благодаря усердному трудолюбию он позволил себе приобрести поместье в Бордеаукс. После старшего и младшего Берров Фуртадо был самым ярким украшением собрания; он был красноречивым оратором и обладал большим тактом в государственных делах.

Счастливым выбором стал раввин Джозеф Давид Синцхайм из Страсбурга (родился в 1745 году, умер в 1812 году). Он был человеком почти патриархального характера, с глубочайшей моральной серьезностью и самой привлекательной, мягкой натурой. Хорошо оборудован, значит, и шуринов богатых Серф Берр, sinzheim в посвятил себя изучению Талмуда, а не отМ

каких-либо корыстных целей, а от желания. Его знакомство с талмудической и раввинской литературой было поразительным, но ему не хватало глубины. Его образование мешало ему интересоваться другими отраслями науки, но, по крайней мере, он не испытывал к ним антипатии. Во время правления террора, из-за которого евреи в Страсбурге, ненавидевшем евреев, жестоко страдали, он был вынужден бежать в поисках безопасности и не мог вернуться, пока не был восстановлен мир. Число евреев в Страсбурге увеличилось при Директории и Наполеоне. Они объединились в конгрегацию, назначив Синцхайма своим первым раввином. Оттуда он был вызван в Париж для участия в Ассамблее знати. Он считался самым выдающимся французским талмудистом и стал лидером ортодоксальной бычьей партии. Помимо Синцхайма, только один раввин был видным, португальский раввин Абрахам Андраде из Сент-Эспри; большинство членов были мирянами.

С трепетом в сердцах собрались около сотни еврейских знаменитостей из департаментов Франции и Германии. У них не было плана, поскольку они не знали точно, каковы были намерения императора. Повестка от министра, адресованная каждому члену в отдельности (23 июля 1806 г.), мало что прояснила для них. Они узнали, что через три дня, в субботу, они должны были провести собрание в специально отведенном для них зале отеля De Ville. Там должно было состояться собрание, и они должны были ответить на вопросы, которые имперские уполномоченные поставят перед ними. Цель состояла в том, чтобы сделать из евреев полезных граждан, привести их религиозные убеждения в соответствие с их обязанностями французов, опровергнуть выдвинутые против них обвинения и исправить то зло, которое они причинили. Избрание Моле имперским комиссаром вместе с Порталисом и Паскье, которые должны были официально обедать с Ассамблеей, не было рассчитано на то, чтобы успокоить их опасения. Моле был первым, кто послужил средством распространения антиеврейской клеветы Бональда и других. За день до открытия Ассамблеи (25 июля) в официальном журнале "Монитор" появился отчет об истории евреев от возвращения из Вавилона до того времени. Таким образом, французская нация должна была быть ознакомлена с важностью вопросов, которые теперь предстояло задать самим евреям. В гарпоследовательности были изображены следующие обстоятельства: — Независимость и зависимость еврейского народа, его победы и поражения; их преследования в средние века и защита, которую они находили; их рассеянное положение и массовые убийства; обвинения, направленные против них; их унижение и притеснения в разных странах, которым подвергались монархи за монархом, а также колебания мнений и политики. Таким образом, еврейская история получила, так сказать, официальную печать. То, что в этом рассказе были человеческие ошибки и ложные утверждения, не вызывало удивления. По приказу императора еврейская религия, или иудаизм, была официально изложена с еще большей демонстрацией невежества. Особенно подчеркивались два момента, а именно, что религиозное и моральное отделение евреев от остального мира и стремление к ростовщичеству во вред представителям других вероисповеданий, если и не предписывалось, то, во всяком случае, допускалось еврейским законом. "Как иначе объяснить тот факт, - отмечалось в заключении официального документа, - что те евреи, которые в настоящее время требуют высокие проценты, наиболее религиозны и наиболее верно следуют законам Талмуда?" Этот вывод был в высшей степени ложным. "Разве мы не видим, что португальские евреи, которые не запятнали себя ростовщичеством, менее строги в своей приверженности Талмуду? Испытывали ли выдающиеся евреи Германии, такие как их знаменитый Мендельсон, большое почтение к раввинам? Наконец, являются ли те люди среди нас, которые посвящают себя наукам, ортодоксальными евреями?" Таким образом, талмудический иудаизм снова был

представлен как камень преткновения на пути прогресса евреев, правда, не в том духе ненависти, который преобладал в Германии; но он был открыт для рассмотрения, и это тоже перед общественным, так сказать европейским, трибуналом.

В тот же день, когда евреи стали темой разговоров в Париже, депутаты собрались, чтобы решить вопрос совести. Первое официальное заседание должно было состояться в суббота, и первым делом были выборы президента и секретарей путем письменного голосования. Это был первый раз, когда представители французских, немецких и итальянских евреев собрались вместе, и контрасты и вариации, возникшие за последние полвека в связи с изменениями времени, стали очевидными — были представлены все оттенки, от политика Фуртадо до раввинов, которые всю свою жизнь провели в школах. Ожидалось, что они придут к согласию. Сначала они не могли понять друг друга, и им пришлось нанять переводчиков с немецкого и итальянского. Должна ли была общественная деятельность еврейских депутатов начинаться с осквернения субботы? Или они должны строго придерживаться религиозного запрета и таким образом дать отпор врагам евреев, которые утверждали, что иудаизм несовместим с осуществлением гражданских функций? Эти серьезные вопросы занимали умы членов клуба. Раввины и партия Бера Исаака Бера придерживались мнения, что первое заседание следует перенести на другой день или, по крайней мере, что выборы не должны проводиться. Менее критичная партия, политики, настаивали на том, чтобы они доказали императору, что иудаизм может подчиняться законам страны; и дебаты стали очень ожесточенными.

Таким образом, первый еврейский парламент Парижа собрался в субботу в зале ратуши, украшенном соответствующими эмблемами. Депутаты присутствовали в полном составе, никто не отсутствовал; некоторые из них намеренно приехали в экипажах. Некоторые из более строгих депутатов снова попытались перенести первое заседание, но тщетно. Страх перед властью Наполеона привел в ужас тех, кто, как правило, scrupulously соблюдал религиозные обряды. Выборы проходили под председательством раввина Соломона Липманна, старейшего члена парламента. Ортодоксы раздобыли себе избирательные бюллетени, но большинство остальных беззастенчиво выписали их прямо на глазах у раввинов, в то время как некоторые написали свои бюллетени за них. Только два человека были квалифицированы на пост президента, Бер Исаак Бер и Фуртадо. Первого поддерживала ортодоксальная партия, второго — политики. Фуртадо получил большинство голосов. С парламентским тактом он председательствовал на заседании. Депутаты полностью осознали серьезную ответственность, лежащую на них, и показали себя достойными своей задачи. Всех одушевляло сильное стремление к единодушию.

Даже немецкие раввины, которые до сих пор были похоронены в уединении академий среди томов Талмуда, быстро приспособились к новым обстоятельствам к парламентским формам. Некоторые депутаты внесли свой вклад в то, чтобы произвести на всех присутствующих впечатление согласия. Речь депутата Липманна Серфа Бера произвела замечательный эффект, особенно следующие слова:—

"Давайте забудем о нашем происхождении! Давайте больше не говорить о евреях Эльзаса, Португалии или Германии. Хотя мы и разбросаны по всему земному шару, мы все еще являемся одним народом, поклоняющимся одному Богу, и, как велит нам наш закон, мы должны подчиняться законам страны, в которой живем".

Когда офицер почетного караула, снаряженный для встречи, подошел к новоизбранному президенту, чтобы получить его приказы, и когда при отъезде депутатов гвардия приветствовала их с воинскими почестями и боем в барабаны, они почувствовали себя воодушевленными, и их страх сменился надеждой..

Это радостное ожидание придало им мужества и позволило противостоять нападкам авторов, ненавидящих евреев. Тем временем прибыла целая группа депутатов из королевства Италия, которые своей осанкой производили благоприятное впечатление. Среди них дух эпохи проявлялся в различии религиозных взглядов, хотя и не столь резко выраженном, как среди французских и немецких евреев.

Самым выдающимся среди еврейско-итальянских депутатов был Авраам Вита ди Колонья (родился в 1750 году, умер в Триесте в 1832 году). Он хорошо разбирался как в раввинских, так и в научных знаниях, обладал привлекательной внешностью и был элегантным оратором. Будучи раввином Мантуи, он был избран членом парламента итальянского королевства. Его талмудические и светские знания, однако, не были ни всеобъемлющими, ни глубокими. Колонья поддерживал новое направление, которое вывело иудаизм из его изолированного положения и наполнило его европейскими идеями; но как средства, так и цель не были четко определены в его сознании, и он не предпринял никаких шагов для осуществления своих желаний. Старейший представитель итальянской знати, Джошуа Бенцион Сегре (родился около 1720 г., умер в 1809 г.), одновременно владетель поместья, раввин и муниципальный советник Верчелли, также выступал за научные исследования и принадлежал к передовой партии. Безумства каббалы все еще находили много сторонников среди образованных итальянских евреев, хотя ее первые противники были выходцами из Италии. Бенцион Сегре был против этого исследования, в то время как итальянский депутат Грациаджо (Чананель) Непи, раввини врач в Синто (родился в 1760 году, умер в 1836 году), твердо верил в это. Он был чрезвычайно начитан в еврейской литературе и составил алфавитный список имен еврейских авторов древних и новейших времен.

На втором заседании (29 июля) три имперских уполномоченных торжественно выдвинули двенадцать вопросов, на которые Ассамблея должна была добросовестно ответить. Главными моментами были: считали ли французские евреи Францию своей страной, а французов своими братьями; считали ли они законы государства обязательными для себя, и, в качестве вывода из этих двух пунктов, острый третий вопрос: "Могут ли евреи законно вступать в браки с христианами", и, наконец, разрешено или запрещено ли ростовщичество в отношении неевреев. Остальные пункты относились к многоженству, разводу и авторитету раввинов и носили подчиненный характер. Большинство членов не могли слушать эти вопросы без чувства боли из-за того, что их любовь к родине и привязанность к Франции были поставлены под сомнение, несмотря на то, что евреи засвидетельствовали свой патриотизм, пролив свою кровь на полях сражений. В ответ на эти вопросы со многих сторон раздались крики: "Да, до смерти". Обращение, произнесенное Моле при ответах на эти двенадцать вопросов, было холодным и в некоторой степени оскорбительным. Его содержание было почти следующим: — Обвинения против различных евреев были доказаны. Император, однако, не удовлетворился тем, что сам остановил зло, но пожелал помощи своих депутатов. Они должны были высказать всю правду, отвечая на поставленные перед ними вопросы. Император разрешил полную свободу дискуссий, но пожелал, чтобы они помнили, что они французы и откажутся от этой чести, если

не покажут, что они ее достойны. Теперь ассамблея знала, чего от нее ожидают. Они оказались лицом к лицу с альтернативой: отказаться от своего равенства или нанести ущерб иудаизму.

Фуртадо в своем ответе на речь комиссара очень ловко превратил недоверие императора в видимость доверия. Он сказал, что евреи приветствовали возможность ответить на эти вопросы, разоблачить все ошибки и положить конец предубеждениям, сложившимся против них. Речь, которую Бер Исаак Бер произнес на этом собрании, была более искренней, более мужественной и в целом более пылкой. Фуртадо представлял евреев, но не иудаизм; он дал понять, что Ассамблея должна считать своим долгом и честью повиноваться каждому намеку императора. Берр придал достойное выражение притязаниям иудаизма. Обязанность отвечать на вопросы была возложена на комиссию, в которую, помимо президента, секретаря и аудиторов, входили четыре самых выдающихся раввина: Синцхайм, Андраде, ди Колонья и Сегре, а также двое ученых мирян.

Эта комиссия передала основную часть своей работы раввину Давиду Синцхайму, самому ученому и уважаемому члену ассамблеи, который за очень короткое время выполнил свою задачу к удовлетворению своих коллег, имперских комиссаров и, в конечном итоге, императора (с 30 июля по 3 августа). Его доклад был представлен комиссарам, которые доложили о нем императору до того, как он был вынесен на общественное обсуждение. Наполеон был настолько доволен поведением Собрания, что объявил о своем намерении предоставить аудиенцию всем его членам. На самом деле, их парламентский такт, проявленный в ходе слушаний, внушил ему такое высокое уважение к ним, что он частично преодолел свои предубеждения против евреев. Он всегда представлял их старьевщиками и ростовщиками с рабскими, согбенными формами или хитрыми льстецами, подстерегающими свою добычу в засаде; и, к своему удивлению, он увидел среди членов клуба людей с прекрасным характером, умом и внушительной внешностью. Таким образом, он приобрел лучшее мнение о евреях. Следует признать, что благоволения, поднесенные ему Собранием как божеству, не оставили его равнодушным. С другой стороны, серьезная задача, поставленная перед еврейскими депутатами, сделала их более великими, возвысила их над уровнем общества, идеализировала их. Их слаженная работа вызывала у них энтузиазм, речи опьяняли их, и даже трезвые немецкие участники заразились.

На третьем заседании (4 августа), во время обсуждения ответов на различные вопросы, депутаты были полны уверенности в себе и уверенности в победе. Первые два вопроса не вызвали никаких затруднений — разрешена ли полигамия среди евреев и признается ли законность развода, разрешенного французским законодательством, их религиозными моральным кодексом. Они были решены в соответствии с желанием императора без какого-либо ущерба для иудаизма. Но третий вопрос вызвал болезненное возбуждение и выявил оппозицию, разделявшую евреев со времен Мендельсона: "Может ли ливесс жениться на христианке или христианка - на еврейке?" Этот вопрос вызвал жаркие дебаты в комиссии, тем более в общественном собрании. Даже ортодоксальная партия сочла, что безоговорочный отрицательный ответ был бы чрезвычайно опасным. Комиссия, однако, уже дала умный ответ, и если это заслуга Синцхайма, то это свидетельствует о его интеллекте и такте. С самого начала было умело объяснено, что, согласно Библии, запрещены только браки с ханаанейскими народами. Даже в Талмуде разрешались смешанные браки, потому что народы Европы не считались идолопоклонниками. Раввины, конечно, были против таких союзов, видя, что обычные церемонии не могут быть совершены. Они отказались бы от такого союза, как

католические священники отказывались от их помощи в подобных случаях. Этот отказ, однако, не имел большого значения, поскольку гражданские браки были признаны государством. Во всяком случае, раввины считали еврея или еврейку, заключивших подобный союз, полноправными единоверцами.

Остальные вопросы были решены без каких-либо волнений на двух заседаниях (7 и 12 августа). На вопросы, считают ли евреи французов своими братьями, а Францию - своей страной, Ассамблея ответила громким, восторженным "да". Они могли сослаться на доктрины иудаизма, который на трех своих этапах — библейском, талмудическом и раввинском — всегда подчеркивал человечность и братство людей. Только один пункт в отчете комиссии вызвал определенные трения, а именно тот, который, казалось, приписывал своего рода превосходство португальским евреям, как будто благодаря своему поведению они пользовались большим уважением у христиан, чем немецкие евреи. Таким образом, этот клаусе был вычеркнут.

Отвечая на два вопроса, касающихся ростовщичества, Ассамблея смогла разрушить глубоко укоренившийся предрассудок и представить иудаизм в благоприятном свете.

Комиссар Моле, первым уступивший ненависти к евреям и предложивший исключить евреев из государственных учреждений, должен был теперь публично заявить (18 сентября), что император удовлетворен намерениями и рвением ассамблеи. Его речь по этому поводу звучала совсем иначе, чем предыдущие. "В самом деле, - воскликнул он, - кто не был бы поражен при виде этого собрания просвещенных людей, избранных из числа потомков древнейшей из наций? Если бы человек прошлых веков мог ожить и если бы эта сцена предстала перед его взором, не подумал бы он, что перенесся в стены Святого Города? или он не мог вообразить, что произошла глубокая революция в делах человеческих?" "Его Величество, - продолжал Моле, - гарантирует вам свободное отправление вашей религии и полное пользование вашими политическими правами; но в обмен на эти ценные привилегии он требует религиозной гарантии того, что вы полностью реализуете принципы, изложенные в ваших ответах".

В чем может заключаться гарантия? Затем Наполеон огласил удивительное сообщение, которое наполнило ослепленных радостным изумлением и наэлектризовало их. - Император предлагает созвать великий Синхедрион! Эта часть их национального правительства, которая погибла вместе с Храмом и которая единственная была наделена властью в Израиле, теперь должна была быть возрождена с целью преобразования ответов Собрании в решения, которые должны были вызывать высочайшее уважение, наравне с решениями Талмуда, у евреев всех стран и на протяжении всех веков. Далее, Ассамблея должна была сообщить о собрании великого Синхедриона всем синагогам Европы, чтобы они послали в Париж депутатов, способных разумно консультировать правительство и достойных принадлежать к этой ассамблее. Чтобы возрожденный Синхедрион мог обладать почетным и внушительным характером своей модели, он должен был быть сформирован по образцу предыдущего; он должен был состоять из семидесяти одного члена и иметь президента (Наси), вице-президента (Аббет-Дин) и второго вице-президента (Хачам). Это заявление заставило депутатов почувствовать себя так, словно древняя слава Израиля внезапно восстала из могилы и снова приняла твердые очертания. Тремя месяцами ранее они были призваны спасти свои гражданские права, которые оказались под угрозой, и теперь перед ними открылась новая перспектива; им казалось, что их славное прошлое возродилось в настоящем и помогло осуществить мечту; и они были полны изумления.

Естественно, получив это объявление, Ассамблея с энтузиазмом приняла предложения и благодарственные голоса. Они выразили свое одобрение всему, что предлагали или на что намекали уполномоченные. Синхедрион должен был состоять на две трети из раввинов и на одну треть из мирян и включать всех раввинов в Собрание знати вместе с другими, которые будут впоследствии избраны. Истинная важность Ассамблеи теперь подошла к концу; ее обязанности теперь были просто формальными. Воззвание, обращенное ко всему еврейскому миру (24 Тишри— 6 октября), было его единственным важным действием в дальнейшем. Она была направлена на то, чтобы побудить евреев проявить интерес к Синхедриону и прислать депутатов. Это воззвание было написано на четырех языках: иврите, французском, немецком и итальянском, и выражало чувства, которые воодушевляли членов Ассамблеи, и надежды, возлагаемые на великий Синхедрион:

"Вот-вот произойдет великое событие, которое на протяжении долгого ряда веков наши отцы и даже мы в наше время не ожидали увидеть, и которое теперь предстало перед глазами всего удивительного мира. 20 октября было назначено датой открытия Великого Синхедриона в столице одной из самых могущественных христианских наций под защитой бессмертного Принца, который правит ею. Париж явит миру воспоминание оковчеге, и это навсегда запоминающееся событие откроет для рассеянных остатков потомков Авраама период освобождения и процветания".

Еврейский парламент и восстановление Синхедриона вызвали большой интерес в Европе. Мир привык к военным подвигам Наполеона и блестящим победам; мощь его оружия перестала удивлять людей. Но то, что этот почитаемый и ужасный герой снизошел до самых древних людей, чтобы воскресить и вернуть им часть утраченного могущества, вызвало, пожалуй, большее общее удивление у христиан, чем у евреев. Это рассматривалось как чудесное событие, знаменующее новую эру в истории мира, в которой восторжествует иное положение вещей. Некоторые христианские писатели в Бамберге, во главе с католическим священником (Глеем), ожидали от еврейской ассамблеи в Париже таких обильных и важных результатов, что основали специальную газету, своего рода журнал для евреев. Только берлинские *иллюминаты*— окружение Дэвида Фридлендера — испытали неприятные ощущения при этой новости, потому что они опасались, что через Синхедрион во Франции древний иудаизм может возродиться в новом обличье. Поэтому они объявили Синхедрион представлением жонглера, устроенным Наполеоном для своих парижан. Патриотизм также был связан с этим чувством беспокойства, поскольку прусские евреи разделяли глубокое горе, в которое народ Пруссии и королевская семья были повергнуты поражениями при Йене и Ауэрштедте (14 октября 1806 г.).

Через четыре дня после роспуска Ассамблеи знати (9 адара- 9 февраля 1807 г.) собрался Великий Синхедрион, очень непохожий по характеру. Она состояла, как упоминалось выше, по большей части из раввинов, большинство из которых были членами Собрания знати. Были добавлены двадцать пять мирян из того же Собрания, и была обеспечена ратификация ответов на двенадцать вопросов в соответствии с пожеланиями Наполеона. Судя по всему, великий Синхедрион должен был собираться и вести дела по своему усмотрению. Уполномоченные не должны были поддерживать с ним никаких контактов. Министр внутренних дел выбрал только первых трех должностных лиц: Синцхейма президентом (Наси), седовласого Сегре первым вице-президентом (Аб-Бет-Дин) и Абрахама ди Колонья вторым вице-президентом (Чачам).

После посещения синагоги Собрание направилось в Отель де Виль, и там семьдесят членов Ассамблеи в специально оформленном для них зале заняли свои места по старшинству, по древнему обычаю, полукругом вокруг президента. Заседания были публичными, и на них присутствовало много зрителей. Члены Синхедриона были соответственно одеты в черные одежды, шелковые накидки и треугольные шляпы. Собрание открылось молитвой, которую специально сочинил Синцхайм. Речи Синцхайма и Фуртадо, с которых началась первая встреча, были полностью соответствующими ситуации.

Второе заседание (12 февраля) было занято зачитыванием ходатайств, которые Синедрион должен был одобрить, вместе с представлением обращений от различных конгрегаций Франции, Италии и Рейнской области, и особенно в Дрездене и Нойвиде, выражающих их согласие с собранием, и приемом посланцев для Синедриона из Амстердама.

Синхедрион почувствовал, что ему не хватает тем для обсуждения. Новые вопросы, которые они предложили урегулировать, остались нетронутыми. Франко-прусская война заставила императора забыть о Синхедрионе и евреях в целом. Членам Синхедриона оставалось только преобразовать ответы предыдущего собрания в определенные, нерушимые законы. Вопрос о полномочиях нового Синхедриона устанавливать обязательные законы или о том, может ли он быть поставлен на ту же основу, что и древний, не обсуждался. Раввины преодолели этот стеснения, утверждая, что каждое поколение было разрешено Талмуд в институт любой таинственности и принять новые решения, а значит, без лишних рассуждений, они заявили о себе как устроен. Без возражений Синхедрион принял разрушительную точку зрения Фуртадо о том, что иудаизм состоит из двух совершенно различных элементов — чисто религиозных и политико-законодательных законов. Первые упомянутые принципы неизменны; вторые, с другой стороны, которые потеряли свое значение после падения еврейского государства, могут быть отброшены в сторону. Выводы из этого различия, однако, мог сделать не какой-либо отдельный человек, а только уполномоченное собрание, великий Синхедрион, который из-за неблагоприятных обстоятельств так и не смог собраться. Таким образом, Синхедрион не был новшеством. Следующий чрезвычайно важный параграф, касающийся брака, также был принят без возражений: что не только гражданский брак должен предшествовать религиозной церемонии, но и что смешанные браки между евреями и христианами должны считаться обязательными, и хотя они не сопровождаются никакими религиозными формами, на них не может быть наложен религиозный запрет. Таким уклончивым образом Синхедрион удовлетворил свою собственную совесть и подозрения имперских офицеров.

Поскольку у Синхедриона не было реальных дел, которыми можно было бы заняться, время заседаний было заполнено речами Фуртадо, Хильдесхаймера, депутата от Франкфурта, Ассера, депутата от Амстердама и, наконец, Синцхайма, который произнес заключительную речь. Новые решения Синхедриона, составленные на французском и иврите, предписывали следующее: что любому еврею запрещено жениться более чем на одной жене; что развод по еврейскому закону вступает в силу только тогда, когда ему предшествует решение гражданских властей; и что брак также должен рассматриваться в первую очередь как гражданский договор; что каждый израильтянин религиозно обязан рассматривать своих соседей-неевреев, которые также признают и почитают Бога как Творца, как братьев; что он должен любить свою страну, защищать ее и проходить военную службу, если к этому призывают; что иудаизм не запрещал никаких ремесел и занятий, и что, следовательно, для израильтян было похвально заниматься

сельским хозяйством, ремеслами и искусствами и отказаться от торговли; и, наконец, что израильтянам было запрещено взимать ростовщичество ни с евреев, ни с христиан.

Эти новые законы Синхедриона имели очень ограниченный охват. Синхедрион имел в виду только настоящее и не заглядывал в отдаленное будущее. Евреи в целом не были удовлетворены его действиями и результатами. Английский еврей в письме, адресованном членам церкви, смело упрекнул их в том, что они отреклись не только от иудаизма, но и от всех богооткровенных религий.

"Был ли кто-нибудь из наших братьев в Константинополе, Алеппо, Багдаде, на Корфу или в одной из наших (английских) общин направлен к вам в качестве заместителя, или они зафиксировали свое одобрение ваших решений?"

Французское правительство, однако, не получило гарантии, предусмотренные до того, как права гражданства будут вновь юридически признаны. По предложению уполномоченных Синхедрион был распущен, и их резолюции были представлены Наполеону, внимание которого было приковано к прусско-русской войне, пока в результате решающего сражения при прусском Фридланде не был заключен обманчивый Тильзитский мир. Во время отсутствия Наполеона тайно разрабатывались планы с целью ограничения прав французских евреев. Еврейские депутаты Хоувер обнаружили это, и неутомимый Фуртадо вместе с Морисом Леви из Нанси поспешили от Сены к Неману, чтобы ознакомить императора с агитацией против евреев; и он остался склонен к иудаизму.

После роспуска Синхедриона Ассамблея нотаблей снова собралась, чтобы представить свой официальный отчет властям (25 марта- 6 апреля 1807 г.).

Спустя год Наполеон объявил евреям о своих намерениях, ссылаясь на законодательство об их гражданстве. Он выразил (17 марта 1808 г.) свое одобрение жалкой консисториальной организации, которая низводила должностных лиц синагоги до уровня полицейских и регулировала гражданское положение евреев, или, скорее, посягала на их до сих пор благоприятное положение, хотя он неоднократно заверял их, что их уравнивание не потерпит никаких ограничений. Он обманул весь мир и повсюду попирает ногами свободу; как можно было ожидать, что он сдержит свое слово, данное евреям, и оставит их свободу неприкосновенной? Закон предполагает, что ненавидящий евреев Моле сфабриковал его. В нем не было ни слова об уравнивании евреев. Отныне ни один французский еврей не должен был заниматься каким-либо видом торговли, не получив разрешения префекта, и его согласие должно было выдаваться только на основании показаний гражданских магистратов и консистории относительно хорошего характера заявителя. Контракты евреев, которые не могли предъявить патент, были недействительны. Принятие залогов в качестве обеспечения кредита также было ограничено, напоминая о средневековье. Кроме того, ни один иностранный еврей не должен был селиться в немецких департаментах, равно как и кто-либо из этих департаментов в другом округе. Наконец, еврейскому народу не разрешалось приобретать замену военной службе; каждый еврей, выбранный в качестве солдата, должен был вступить в ряды. Эти ограничительные законы должны были оставаться в силе в течение десяти лет, "в надежде, что к концу этого периода и введению в действие различных нормативных актов между евреями и другими гражданами не будет никакой разницы".

Таким образом, евреи Франции, опора надежды их братьев в других странах, были в очередной раз унижены и поставлены под действие исключительного законодательства. Закон действительно предписывал, что евреи Бордо и некоторых других департаментов, которые не давали повода для жалоб, не должны подпадать под эти новые ограничения. Вскоре после этого, из-за их громких жалоб, были сделаны исключения в пользу евреев Парижа, Ливорно, департамента Нижние Пиренеи и пятнадцати других округов Франции и Италии, так что только козлы отпущения, немецкоговорящие евреи во Франции, были лишены своих гражданских прав. Но отвратительное пятно, которое снова легло на евреев, легло и на эмансипированных. Их противники, которые ревностно стремились помешать возвышению евреев, могли теперь указать на Францию и настаивать на том, что раса действительно неспособна к исправлению, видя, что даже там, где ее представители давно эмансипировались, их пришлось лишить прав равенства.

Рука Наполеона, какой бы могущественной она ни была, не могла остановить поток, однажды пущенный в ход освобождением угнетенных национальностей и классов. Своим собственным гением и стремительностью он увеличил буйство сил. После подчинения Пруссии Наполеон создал, главным образом за счет этого государства, два новых политических образования: герцогство Варшавское (избегающее опасного и магического титула королевства Польского) под властью принца-выборщика Саксонии и Вестфальское королевство под властью своего брата Иеронима.

В последнем царстве, образованном из территорий многих владык, евреи получили свободу и уравнивание. Наполеон разработал конституцию нового королевства с помощью государственных деятелей Бенъо, Йоханнеса фон Мюллера и частично также Дома, которые, будучи друзьями евреев, сделали их эмансипацию неотъемлемой частью своей жизни. Джером, более справедливый и честный, чем его брат, издал указ (12 января 1808 г.), объявляющий всех евреев своего государства безисключения полноправными гражданами, отменяющий всевозможные налоги на евреев, разрешающий иностранным евреям проживать в стране под той же защитой, что предоставляется иммигрантам-христианам, и угрожающий наказанием злоумышленнику, который посмеет оскорбительно назвать еврейского гражданина своего государства "евреем-покровителем" (Шуц-Джуд). Михаэль Бер, храбрый и благочестивый защитник иудаизма, был вызван из Франции, чтобы занять пост в королевстве Вестфалия. Как евреи, так и христиане были полны надежды на это справедливое отношение к немецким евреям, и ненавидящий евреев Геттингенский немецкий университет избрал Берра своим членом.

Важную роль при новом дворе в Касселе сыграл Израэль Якобсон (родился в Хальберштадте в 1769 году; умер в Берлине в 1828 году), который был придворным агентом, или финансовым советником, при Брауншвейгском дворе. Хотя он является важной фигурой в современной еврейской истории и был рад считать себя немецким Фуртадо, все же он имел лишь внешнее сходство с этим искренним еврейским патриотом. Сходство заключалось в том факте, что Якобсон обладал необычайным потоком речи и большой энергией в осуществлении своих проектов, и эти таланты, надо признать, он использовал для улучшения положения своих единоверцев. Его богатство давало ему средства для реализации всех планов, которые изобретал его активный мозг. Благородный, добродушный, готовый на любые жертвы и энергичный, он преследовал одну цель - избавиться от ненавистной, отталкивающей внешности евреев и иудаизма и стремиться сделать их внешне привлекательными и блестящими.

В ознаменование дня освобождения евреев Якобсон распорядился отчеканить золотую медаль с эмблемой союза доселе антагонистических верований и латинской надписью: "Богу иатерному королю, объединенным в королевстве Вестфалия". По наущению Якобсона евреи Вестфальского королевства должны были быть организованы примерно так же, как их собратья во Франции. В Кассель были вызваны двадцать два известных человека, среди которых, естественно, был и основатель движения. Джером принял их любезно и произнес памятные слова по этому случаю: он был рад обнаружить, что конституция его королевства, которая была ему навязана, подтверждает равенство всех вероисповеданий и в этом отношении полностью соответствует его собственным идеям. В комиссии, назначенной для разработки плана еврейской консистории в королевстве Вестфалия, Якобсон, естественно, был избран президентом. Майкл Берр также был членом. Конституция консистории по образцу французской была опубликована примерно в то же время, что и последняя (3 марта 1808 года). Во Франции главный пост занимал раввин, в то время как в немецком собрании Якобсон должен был стать президентом. Он желал, чтобы его считали рабби, и даже выдавал себя за такового. Главным местом встреч вестфальской консистории был Кассель. Его авторитет был признан по многим вопросам, и Якобсон был всемогущ, ему было приказано консультироваться с магистратами только по важным поводам. Консистория также должна была использоваться как средство пробуждения патриотических чувств в сердцах старых и молодых от имени Дома Бонапартов. В особенности оно занималось долгами различных конгрегаций, которые должны были быть разделены междунесколькими общинами и, таким образом, легко погашались.

Как ни странно, одним из членов консистории был христианин, государственный советник Меркель, который, исполняя обязанности секретаря, следил за высшими еврейскими судебными органами, как детектив. В центральную консисторию Freench были избраны вдумчивые, надежные люди, доказавшие свои способности, такие как Дэвид Синцхайм, президент, Абрахам ди Колонья и Менахем Дейц, чей сын впоследствии приобрел печальную известность, люди, которые знали, как преодолеть пропасть между старыми временами и новыми; в то время как Джейкобсон получал удовольствие от безрассудных поступков и увлекал за собой своих коллег. При преобразовании условий жизни общин и синагог, находящихся под его юрисдикцией, он консультировался с Дэвидом Фридлиндером, стоявшим почти в черте христианства, и его коллегами из числа месфимов. Якобсон стремился к реформам или, скорее, к введению в еврейское богослужение таких обычаев, которые соблюдались в христианской церкви, особенно тех, которые вызвали к чувствам.

Первым немецким принцем, добровольно предоставившим евреям хотя бы ограниченную свободу, был герцог Карл Баденский, один из иждивенцев семьи Наполеона. Баден, находящийся на границе с Францией, привык к признанию евреев последней страны гражданами; и общественное мнение там было к ним более благосклонно, чем в других частях Германии. Безусловно, немецкий принц Баденский не был так свободен от предрассудков, как член семьи Наполеонов, занявший немецкий трон. Он объявил евреев гражданами государства, но не дал им свободы передвижения по городам, так что они не могли жить в таких городах, которые до сих пор были закрыты для евреев; и даже там, где их всегдатерпели, их следовало рассматривать только как "защищенных граждан". Герцог, однако, оставил за собой право предоставить свободу городам тем, кто откажется от мелкой торговли. Их религиозные особенности должны были уважаться "только в той мере, в какой они соглашались с Законом Моисея, но не с талмудическими его толкованиями".

Даже город Франкфурт на мгновение поддавался опьянению равенством, хотя мелочная, педантичная ненависть к евреям была заложена в каждом патриции. Эта ненависть значительно усилилась с распространением революционных принципов. Подчинение евреев должно было компенсировать потерю независимости. Ни один значок или церемония, увековечивающие еврейскую деградацию, не были сняты с евреев, которые насчитывали около пятисот семей. Законы "Stättigkeit", определяющие их зависимый статус, которые существовали в течение двухсот лет, по-прежнему ежегодно зачитывались в синагоге. Каждый вновь принятый еврей был вынужден принести присягу на верность Сенату. Продолжали вводиться ограничения на еврейские браки. Налоги с евреев должны были быть уплачены, как будто Священная Римская империя все еще сохраняла власть, а не всемогущая воля корсиканца, сокрушающая императоров и королей. Евреи были вынуждены жить в узком, грязном, нездоровом еврейском квартале, и каждый христианин, каким бы опустившимся он ни был, имел право кричать самому утонченному еврею: "Соблюдай нравы, Джад!", обращаться с ним как с объектом презрения и даже изгонять его из лучших районов города и из парков.

Французский генерал Журден действительно освободил франкфуртских евреев из гетто на несколько лет, когда он бомбардировал город и разрушил эту его часть. На глазах французских победителей патриции, совершенно против своей воли, разрешали евреям снимать дома в других округах; ни при каких условиях они не могли покупать или возводить дома. Когда Священная Римская империя растаяла, как снежинка, под дуновением Наполеона, когда Франкфурт пал под суверенитетом эрцгерцога или принца-примаса Рейнской конфедерации, а сами могущественные ордены стали подданными, крепостному праву евреев пришел конец, хотя это изменение не было выражено в правовых актах. Карл фон Дальбэрг, либерально настроенный человек, наиболее благосклонно настроенный к евреям, с радостью снял бы с них иго, более того, он написал по этому поводу Грегуару, стороннику эмансипации. Однако он был слишком хорошо осведомлен об упрямой ненависти франкфуртских патрициев к евреям, чтобы отважиться на их полную эмансипацию. На так называемой коронации он лишь в общих чертах пообещал, что члены еврейской нации должны быть защищены от травм и оскорбительного обращения. Настоятельная необходимость законодательного регулирования статуса евреев была очевидна этому князю-примасу, который выполнял свой долг лишь полумерами, характерными для немцев. Опубликовав новый приказ о правительстве и защите евреев, он признал, в духе новой эры, что "предыдущие законы, противоречащие современной конституции еврейской нации", должны быть отменены. В то же время он проявил себя приверженцем антиеврейской партии, заявив, "что полное равенство не может быть обеспечено до тех пор, пока евреи не покажут себя достойными этого, отказавшись от своих особенностей и приняв обычаи страны". Согласно этим новым постановлениям, с ними обращались как с чужаками на попечении, которые могли пользоваться благами закона наций и человечества, но не правами граждан. Единственной мерой облегчения было то, что различные протекционистские налоги были объединены в ежегодный сбор в размере 22 000 флоринов. Даже гетто снова было предоставлено им в качестве места жительства; их предупредили, чтобы они не перезаключали договоры аренды в городе с арендодателями-христианами, потому что скоро наступит день, когда им придется вернуться в свою тюрьму. Естественно, евреи Франкфурта приложили все усилия, чтобы эти исключительные законы были отменены, тем более что их единоверцы в соседнем королевстве Вестфалия пользовались равенством. Когда Рейнская конфедерация была распущена и герцогство Франкфурт было создано с собственной конституцией, признающей равенство всех жителей независимо от вероисповедания, Амшель,

Гумпрехт и Ротшильд (первый судебный исполнитель, подчинивший себе князей), как представители евреев, не успокоились, пока не убедили эрцгерцога Дальберга и его совет установить их равенство специальным законом, несмотря на все возражения. Новый эрцгерцог, испытывающий нехватку средств, помимо желания свободы и равенства евреев, согласился предоставить эти привилегии на сумму в 440 000 флоринов (что в двадцать раз превышает сумму ежегодного взноса в размере 22 000 флоринов), 150 000 должны быть выплачены сразу, затем 50 000, а остальные ежегодные выплаты в размере 10 000 флоринов. Закон (опубликован 28 декабря 1811 г.) постановил, "что все евреи, проживающие во Франкфурте под защитой, вместе со своими детьми и потомками, должны пользоваться гражданскими правами и привилегиями наравне с другими гражданами". Евреи принесли присягу гражданства, вступили в свои привилегии и обязанности, и Луи Барух (Берне), еврей, был принят на работу в герцогскую полицию. Еврейская улица, или то, что от нее осталось, утратила свои печальные привилегии и была сметена с лица земли или присоединена к соседним кварталам. Гордые патриции скрежетали зубами от таких неслыханных нововведений. Они понесли двойную потерю из-за отмены крепостного права и старых законов, касающихся еврейских жителей; но на какое-то время им пришлось смириться.

Северные ганзейские города, где немецкая цеховая узость в сочетании с закостенелым лютеранством едва позволяли евреям дышать, были вынуждены по приказу французского гарнизона предоставить им равенство. Гамбург согласился поставить всех своих жителей, включая евреев, на равный уровень (1811), а также допустил их к местам в гражданском совете. Впоследствии в их пользу были приведены следующие показания —

"Несмотря на все полученные или гарантированные привилегии равенства, их вызывающая страх самонадеянность не проявилась, и христианским гражданам не было причинено никаких неудобств; напротив, евреи демонстрировали тихое, скромное и дружелюбное поведение, несмотря на дополнительные прерогативы, и проявляли стремление работать на общественное благо. Некоторые из них отличились своей большой доброжелательностью и патриотизмом".

Небольшой городок Любек проявил больше сопротивления поселению и эмансипации нескольких евреев под защитой Франции. До сих пор только около десяти семей допускались в город в качестве "евреев-покровителей", которым было запрещено заниматься торговлей, вступать в гильдии или вступать во владение домами. Эти привилегии считались исключительно христианскими; ни один иудей не осмеливался претендовать на них. Только трем евреям разрешалось ежедневно приезжать в Любек из соседнего города Мойслинг (под владычеством Дании или Гольштейна), и они были вынуждены платить что-то вроде подушной подати у ворот. Любой представитель торговой палаты мог наложить на них руки и доставить в полицию, если они продавали товары, и все, что находилось у таких подозреваемых, конфисковывалось. С приходом французов (1811-1814) около сорока двух евреев из Мойслинга и четырнадцати иностранцев со своими семьями переехали в Любек, таким образом, число семей в Любеке возросло до шестидесяти шести. Эти шестьдесят шесть евреев вызвали яростный гнев любекских патрициев даже больше, чем суверенитет Наполеона. Эмбарго, наложенное Наполеоном на Страну, продолжавшую раздражать Англию, привлекло несколько еврейских семей в Северную Германию, доселе недружелюбную к евреям.

В ганзейском городе Бремен, который до тех пор знал только путешествующих евреев, которые платили пошлину при въезде в город, евреи поселились под французской защитой, на самом деле не в большом количестве, но слишком много для фанатизма патрициев. Здесь им также были предоставлены равные права с другими гражданами. Даже герцог Мекленбургский Фридрих Франц даровал уравнение евреев (22 февраля 1812 г.) и разрешил браки между евреями и христианами, что было большей уступкой, чем те, которые делались любым другим кодексом. Пруссия также больше не могла сопротивляться течению в пользу евреев. В Пруссии они проявили гораздо большую любовь к своей родной земле и принесли больше жертв во времена смуты, чем многие из развращенной знати, которые втерлись в доверие к своим победоносным врагам. Но прошло много времени, прежде чем король Фридрих Вильгельм III смог преодолеть свое аристократическое и религиозное отвращение к ним. Он лишь отменил оскорбительное прозвище "евреи-покровители", объявив их не только допустимыми к гражданству городов, но и вынужденными выполнять свои обязанности. Их заставляли приносить присягу как горожан и разделять тяготы городов, в которых они жили. Но они не должны были быть признаны гражданами государства, поскольку их положение было обратным положению евреев в Бадене. Им постоянно предлагалась перспектива равноправия в качестве граждан штата, но обещание оставалось невыполненным в течение нескольких лет. Когда Харденберг снова взял под контроль расстроенные дела государства и настоял на отмене пришедших в упадок законов и устранении прогнивших условий, он выступил за устранение гражданских недостатков евреев, чтобы с их помощью новые силы были влиты в изуродованную, истекающую кровью, нищую территорию, — помощь, которой она едва ли могла бы обойтись в своем жалком состоянии глубокой депрессии. Дэвид Фридлиндер и его друзья, берлинские капиталисты, приложили все свои последние усилия, чтобы добиться так давно обещанного государственного выравнивания. Король снова и снова откладывал ратификацию закона, представленного ему канцлером. Наконец, тронутый, как говорят, интересом, проявленным берлинскими евреями к увековечиванию памяти многострадальной, оплакиваемой королевы Луизы, Фридрих Вильгельм дал свое согласие (11 марта 1812 г.) на уравнение всех евреев, в то время проживавших в Пруссии. Они должны были быть допущены к должностям в школах и колледжах; но король отказал им в привилегии приема на государственные должности. Получив привилегии, они должны были взять на себя обязанности, особенно в качестве солдат. Их религиозные дела должны были регулироваться впоследствии: "Когда будет разработан план их религиозной организации, будут проведены консультации с теми евреями, которые пользуются общественным доверием как благодаря своим знаниям, так и честности".

Только три немецких принца устояли перед духом эпохи: принцы Баварии, Австрии и Саксонии. Первый, Максимилиан Иосиф, назначенный Наполеоном королем Баварии, обнародовал эдикт (10 июня 1813 г.), который, по-видимому, признавал равенство евреев, по крайней мере тех, кто обладал правом поселения. Но это было равенство со многими ограничениями. В городах, в которые до сих пор не допускался ни один еврей, их расселение должно было зависеть от королевского соизволения, и даже в тех местах, где они жили долгое время, их число не должно было увеличиваться, а скорее уменьшаться. В Австрии Леопольд II и Франциск I, преемники императора Иосифа, которые несколько ослабили цепи евреев, оставили благие намерения своего предшественника неисполненными и подвергли новым унижениям. В дополнение к невыносимому бремени налогов в Богемии, Моравии, Силезии и Галиции — налогов на свечи, вино и мясо — в Вене был введен сбор-налог, который взимался с каждого

еврея, въезжавшего в столицу. Шпионы внимательно следили за евреем, который ненадолго задержался в Вене, не имея паспорта, и обращались с ним как с преступником. Браки между евреями по-прежнему были ограничены, и заключать их мог только старший сын в семье или тот, кто был способен платить крупные взятки. Хотя Австрия так часто наводнялась солдатами свободы, все же, непроницаемая, как Китайская стена, она сопротивлялась любым нововведениям. Во вновь созданном королевстве Саксония все ограничения, введенные во времена князей-выборщиков и лютеранской церкви, сохранялись со всей строгостью. Саксонию по праву называли протестантской Испанией евреев. На самом деле им вообще не разрешалось проживать в стране; лишь несколькими привилегированным евреям было разрешено жить в двух городах Дрездене и Лейпциге, но при четком условии, что они могут быть изгнаны в любое время. Им не разрешалось иметь синагогу, а только собираться для молитвы в маленьких комнатах, при условии, что они не будут шуметь. В Лейпциге и Дрездене каждый привилегированный еврей был вынужден ежегодно выплачивать семьдесят талеров за себя, помимо других сумм за свою жену, детей и слуг. Евреи были жестко ограничены в выборе профессии во время путешествий находились под строгим наблюдением. Когда все остальные округа Германии отменили подушный налог, Саксония все еще сохраняла его. Пример двух соседних стран — Вестфалии и Пруссии — не оказал никакого влияния на этот округ, который в то время был вдвойне эгоистичен из-за торговой зависти и религиозных предрассудков. Реакционное движение нашло много подпитки в Германии.

ГЛАВА XIII. РЕАКЦИЯ И ТЕВТОМАНИЯ.

Евреи в войнах за свободу—V Конгресс Христианский германизм Йенны—Харденберга и Меттерниха—Рюхса—Ненависть к евреям в Германии и Риме—Закон о федерации Германии—Защита Эвальдом иудаизма—Ненависть к евреям в Пруссии—Льюис Уэй-Конгресс в Экс—Хепе, преследование хепе—Хартвиг Хундт—Юлиус фон Восс—Еврейские мстители.

1813-1818 гг. н. э.

Подобно персидскому монарху Ксерксу, Наполеон, доселе непобедимый, но ставший высокомерным и жестоким благодаря своим успехам, призвал народы и князей на всеобщую войну, и они последовали за ним так же покорно, как рабы следуют за своим хозяином. Он смело повел покоренную им Европу против Азиатской России. На памяти человечества не было такого грандиозного похода. Но, если когда-либо слова текста были исполнены в этом гигантском состязании: "Лошадь - бесполезная вещь для обеспечения безопасности, ион никого не спасет своей великой силой"; если когда-либо, Божественная справедливость проявилась в том, кто пограл право и свободу. Наполеон был побежден не силой своего врага, а Высшей Рукой, поразившей его слепотой — слепотой, позволившей зареву пожаров в Москве и ледяной русской зиме погубить его. Когда Бог и удача оставили его, князья, обещавшие ему службу и верность, отступились от него и обратили против него острия своих мечей, и народ, который, полагаясь на его собственные воинские таланты, он так сильно презирал, восстал против него. Но народы также были поражены слепотой; разрывая одного рода узы, они выковывали для

себя новые. Два года (май 1812-апрель 1814) образуют поучительную главу в истории, начиная с момента, когда Наполеон повел армию численностью более полумиллиона человек против России, до того дня, когда, покинутый всеми, он был вынужден бежать, чтобы спастись от угроз и оскорблений озлобленного французского народа. Это была кровавая, ужасающая драма.

Никто и предположить не мог, что большее погубит меньшее, что с падением Наполеона евреи, которых он освободил, хотя и неохотно, будут ввергнуты в свое прежнее рабство. Еврейские юноши, принадлежащие к богатым семьям, подражали в храбрости своим друзьям-христианам и бросились в бой, чтобы помочь убить великана. Большое количество евреев, особенно в Пруссии, воодушевленных жгучей любовью к родине, присоединились к добровольцам, радовались, что их приняли в ряды, и смыли своей кровью на поле боя пятно трусости, которое так часто приписывали им противники их освобождения. Еврейские молодые люди заплатили за свободу, предоставленную им на бумаге, своими жизнями. Еврейские врачи и хирурги жертвовали собой в лагерях и госпиталях, самоотверженно ухаживая за ранеными и пораженными чумой. Еврейские женщины и девушки не жалели усилий, чтобы оказать помощи и утешить раненых. Снова, как и во времена национальной независимости, сыновья одной расы и религии оказались противопоставлены друг другу — немецкие евреи вступили в смертельную схватку с французскими, итальянскими и голландскими евреями и узнали друг друга только в последний час нашего времени, чтобы обняться как братья. Те, кто не мог носить оружие, показали свою привязанность к Германии и ценность освобождения, пожертвовав другими способами. Тем не менее, казалось бы, забытая ненависть к евреям возродилась в сердцах немцев, распространилась еще дальше и лишила евреев награды, которую с таким трудом одержанные победы обещали принести даже им.

С падением героя началось правление мелких, интригующих, безрассудных спекулянтов, которые обменивали как людей, так и земли. Они ввели в заблуждение князей, искренне желавших восстановить давно утраченную свободу, и заманили их в ловушку лживыми уловками. Во Франции эти интриганы, Талейраны, восстановили на троне Бурбонов. В Германии Меттерних и Генц превратили борьбу за свободу в насмешку. Только самые дальновидные знали, что Европа из-за более тесной связи между правителями будет доведена до еще более униженного состояния рабства, потому что лень и мелочность были в порядке вещей.

Евреи почувствовали первые последствия реакции, которая сейчас начинается в Германии. Она возникла во Франкфурте, средоточии неприкрытого средневекового антисемитизма. Как только артиллерия отступающего противника прекратила обстрел в окрестностях этого города, послышались громкие голоса, подбадривающие друг друга объявить, что необходимо немедленно установить границы неслыханной самонадеянности евреев. В Любеке и Бремене граждане не удовлетворились лишением евреев их недавно приобретенных прав, а энергично стремились к их полному изгнанию. Было серьезно выдвинуто предложение изгнать из города всех приверженцев религии Моисея. В Ганновере, Хильдесхайме, Брауншвейге и Гессене они были одним ударом лишены своих прав на равенство. Эти события, естественно, вызвали большое беспокойство у евреев по всей Германии. Если привилегии, предоставленные им законом, как во Франкфурте, могли быть отменены, какие гарантии были у них для сохранения своего равенства? Какой контраст представляла эта реакция с той, что была во Франции! Здесь, хотя дворянство, ненавидевшее свободу и жаждавшее мести, и католическое духовенство находились у власти при дворе Людовика XVIII и смотрели на ужасные события с 1789 года так, как будто их не было, права евреев все же не были ограничены.

Евреи, обеспокоенные своим происхождением, честью, более того, самим своим существованием, особенно в так называемых свободных городах, с надеждой ожидали Венского конгресса, который должен был привести в порядок расчлененную Европу. Монархические и дипломатические члены Конгресса, однако, не спешили выполнять возложенную на них Провидением роль. Они открыли заседания в ноябре, а не в августе, и из недр этого Конгресса, призванного установить вечный мир, поднялась опустошительная война. Община Франкфурта направила двух депутатов в Вену, одним из которых был Якоб Барух, отец Берне, выбранный потому, что у него были покровители при венском дворе. Барух выполнил свою задачу бескорыстно, достойно своего великого сына. Вместе со своим менее известным коллегой он представил Конгрессу мемориал (октябрь 1814 г.), в котором были четко изложены аргументы в пользу иска франкфуртских евреев. Они сделали официальное заявление о том, что их снаряжение было должным образом приобретено за крупную сумму, и патриотическое заявление о том, что они приняли участие в освобождении Германии. Их главной целью было устранить сюзеренитет Сената над ними.

Евреи трех ганзейских городов послали христианина-юриста в качестве заместителя для защиты их интересов в Вене, который по собственной воле составил обращение за уравнение евреев. В сочетании с депутатами некоторые влиятельные личности работали тихо и ненавязчиво. Банкирский дом Ротшильдов благодаря своей осмотрительности и удачным предприятиям приобрел силу в денежном мире; и даже самое поверхностное подозрение не могло обнаружить следов нечестности в накоплении его богатств, что могло быть использовано в качестве предлога антиеврейскими противниками. Основатель дома, Майер Амшель Ротшильд, пользовался высочайшим уважением во Франкфурте и в результате выравнивания получил место в Коллегии выборщиков. К счастью, он умер до начала реакции (сентябрь 1812 г.), но его пятеро сыновей приумножили состояние, оставленное их отцом. Хотя они, по-видимому, придерживались принципа не бросать силу своего богатства на чашу весов в пользу своих единоверцев и своей веры, все же они не могли быть равнодушны к попытке, предпринятой во Франкфурте, их доме, снова низвести евреев до состояния рабства. Один из братьев, вероятно, обратился со словами протеста к наиболее влиятельным немецким членам Конгресса против ущемления прав его единоверцев.

Государственные деятели, контролировавшие дела Германии в Конгрессе, проявили благосклонность к евреям. Hardenberg и Меттерних в письме по этому вопросу, выразили неодобрение притеснения, которым евреи подвергались в Ганзейских городах (январь 1815), и рекомендовал Сенат—совет, который составил команду—надо относиться к ним гуманно, просто дух. Харденберг указал ганзейским городам на пример Пруссии и эдикт от 11 марта 1812 года и заметил с некоторым сарказмом, что им удастся лишить еврейские дома того процветания, которого они достигли, и что постоянное притеснение вынудит их вывести свои капиталы. В эскизе конституции Германии, составленном прусским полномочным представителем Вильгельмом фон Гумбольдтом, который был представлен Меттерниху и принят в качестве основы для обсуждения, евреям было обещано равенство, хотя они упоминались отдельно. "Три христианские религиозные секты пользуются равными правами во всех немецких государствах, и приверженцы еврейской веры, пока они берут на себя все обязанности гражданина, должны пользоваться соответствующими правами". Но доброй воли двух канцлеров, даже несмотря на то, что их чувства разделяли монархи, которых они представляли, в то время было недостаточно. Против евреев восстал новый враг, более жестокий и опасный, чем зависть и буржуазная гордыня. Этим ужасным врагом, который теперь

обратил свое оружие против евреев, был немецкий провидец. Иго, так долго навязываемое немцам французами, принуждение, под которым они находились, к уничтожению своих наиболее характерных особенностей, сделало для них ненавистным не только все французское, но и все иностранное, что не носило печати чисто немецкого происхождения. Безусловно, следует делать скидку нации, которая, осознав свою силу и солидарность, разрывает эти оковы, если она имеет преувеличенное представление о своей важности. Но было непростительным и ребяческим то, что взрослые мужчины мечтали среди бела дня, выдавая свои мечты за правду и пытаясь навязать их другим. Экстравагантная тевтомания была одним из проявлений такого рода и привела к разорению немцев. Впервые немецкая нация действовала как единое целое; до сих пор она была орудием князей в итальянских экспедициях, турецких войнах или гражданских беспорядках. Немцы искали аналогичные случаи в своей собственной истории, чтобы регулировать свое поведение, и нашли их только в средние века, во времена Империи и всемогущества папства, или в ранние тевтонские времена, когда преобладали грубое варварство и детская простота. Романтическая школа, Шлегели, Арнимы и Брентано, показали им этот ужасный призрак Средневековья в таком чудесном свете, что немцы в своем заблуждении считали его идеалом, реализация которого была святой задачей. Средневековью принадлежали христианство, легкое верие, бездумный клерикализм, которые стали самым дорогим достоянием немцев, потому что они были диаметрально противоположны неверию французов и революционной эпохе. С того времени возникло пустое словосочетание "Христианско-немецкий" (или "тевчский"), которое быстро стало популярным.

Но только преданные последователи католицизма, с папством в качестве высшей власти, могли быть благочестивыми в смысле средневековья. Честные романтики, такие как Геррес, Фредерик Шлегель, Адам Мюллер и др., логично перешли на сторону Римской церкви и помогли восстановить империю иезуитов и инквизиции. Что касается немецких протестантов, "Бог излил на них дух смятения, и они шатались, как пьяные". Вместо того чтобы обратить свое внимание на Вену, где Конгресс, среди танцев и веселья, спускал свою добычу, немецкий народ, на землю, романтики построили воздушные замки и сразу же объявили, что некоторым людям будет отказано во въезде.

Христианский тевтомания был вооруженным призраком, который на протяжении многих десятилетий лишал немецких евреев покоя, чести и радости в жизни. Поскольку эта раса, сильно отмеченная происхождением и традициями, отличалась от немцев внешними признаками, чертами лица, осанкой и живостью, несмотря на родство по языку, чувствам и темпераменту, они вызывали отвращение как иностранцы, как сила, порождающая беспокойство и дискомфорт, и, если бы дух времени позволил, они были бы изгнаны с территории Германии. Но чтобы найти причину для его слепой ненависти, враги евреев обратились к старым, вызывающим презрение публикациям и извлекли мусор из источников, где другие находили богатые интеллектуальные сокровища евреев, и нарисовали их такой портрет, который вызвал ужас как у них самих, так и у других эльфы.

Первым, кто облек смутные предрассудки в слова и осыпал евреев бранью, был не мошеннический писатель, а академический профессор по имени Фридрих Рюс, которого недавно основанный Берлинский университет назначил на кафедру истории. Он хотел расследовать упадок Германии и обрушиться на евреев, как если бы они были виновниками позора Германии во время ее оккупации иностранными державами. Рюх обсуждал "Притязания евреев на немецкое гражданство", развивал нездоровую

теорию христианского государства и отсюда выводил свое оправдание, если и не фактического изгнания евреев из Германии, то все же стремления смирить их и помешать их росту. Он составил полную программу их лечения, которая впоследствии была добросовестно выполнена.

Превыше всего он хотел, чтобы евреи жили просто терпимо и ни в коем случае не претендовали на равные права гражданства. Они снова должны были платить деньги за защиту, налог на евреев, и должны были быть установлены ограничения на их увеличение. Города, которые до сих пор не терпели их, должны были получить поддержку в этом направлении, и, естественно, евреи не должны были быть допущены ни к каким должностям и даже им не разрешалось защищать свою страну. Рюх, более того, настаивал на том, чтобы евреи снова носили значок, но не отталкивающую желтую нашивку, а "национальную кокарду"; во всяком случае, какой-нибудь знак отличия, "чтобы немец, который не мог узнать своего врага-еврея по лицу, походке или речи, мог сделать это по сомнительному почетному знаку". Прежде всего, Рюхс призывал немецкие государства и народ Германии содействовать обращению евреев в христианство; это было самое важное. Обычно утверждалось, даже в христианских кругах, что только плохие и покинутые люди меняют иудаизм на христианство; но это был предрассудок.

Брошюра Рюхса вызвала большой интерес. Достойные и образованные люди заявили о своем согласии с ним. Ученый немецкий мир во времена Лессинга, Аббата, Канта и Гердера, апостольского посланника всего человечества, теперь говорил на языке Отцов Церкви и разжигал ненависти гонения. Шлейермахер и Фихте настолько унизили представителей немецкой интеллигенции, что они фактически соревновались с ультракатоликами в ненависти к евреям. Пий VII, который вследствие Реставрации вновь правил в Папских государствах и вновь ввел инквизицию, чтобы изгнать безбожие посредством аутодафе, постановил, что евреи должны лишиться свободы, которой пользовались при французском правлении. Евреям Рима пришлось покинуть свои прекрасные дома во всех частях города и вернуться в грязное, нездоровое гетто; средневековье вернулось в Папскую область. Евреи, как и в семнадцатом веке, должны были посещать проповеди для собственного обращения под страхом наказания. Тем временем история разыграла одну из тех неожиданно нарастающих интерлюдий, которая должна была доказать неустойчивость реакционной Реставрации. Наполеону удалось высадиться на французской земле, несмотря на морскую опеку Англии. Подпорки трона Бурбонов - дворянство, духовенство и интриганы, которые демонстративно демонстрировали свою власть, — рухнули прежде, чем прозвучал хоть один выстрел, и Наполеон с триумфом вступил в Париж. Была создана империя ста дней. Вся Европа вооружилась против одного человека, и судьба войны решилась в пользу союзников на голландских полях сражений при Ватерлоо. В прусской армии, которая после английской сыграла наибольшую роль в переломе хода победы, было много солдат-евреев, среди них несколько офицеров ополчения.

Какую награду получили немецкие евреи за свою искреннюю преданность своей стране? Когда Конгресс, встревоженный внезапным появлением Наполеона, перестал бездельничать и начал проводить регулярные заседания, на рассмотрение был вынесен Акт о федерации германских государств, которые, несмотря на свое объединение, должны были быть автономными, и в нем был параграф, посвященный евреям. Им должно было быть гарантировано гражданство, и в странах, где существовали препятствия на пути этой реформы, они должны были быть устранены, насколько это возможно. Но этот параграф был принят только Пруссией и Австрией; все остальные члены лиги, особенно из вольных городов, проголосовали против него. Чтобы прийти к соглашению, был предложен бесцветный компромисс: "Конгресс союзников

рассмотрит, каким образом гражданское улучшение тех, кто исповедует еврейскую веру в Германии, должно осуществляться наиболее гармоничным образом, и как, в частности, им может быть обеспечено пользование гражданскими правами и участие в выполнении гражданских обязанностей. Права, уже предоставленные им в нескольких отстраненных штатах, будут сохранены".

Первая часть была безвредной и могла быть принята всеми, поскольку она оставалась открытой для каждого государства, чтобы предотвратить ее благоприятное толкование. Последняя часть, однако, была склонна ставить Свободные города в щекотливое положение. Там евреи благодаря французскому влиянию фактически добились гражданского равенства. Соответственно, депутат от Франкфурта (синдик Данц) выразил решительный протест, и его поддержали саксонские депутаты. К стыду немецкий узкого мышления, Даниш государством, как если бы он предвидел, что ненависть к евреям в Германии было распространено, приказал Бернсторф, ее представителя Гольштейн, заявить, что приверженцы иудейской веры, если они исполняли свои обязанности гражданства, может там ожидать конституционного положения, обеспечивающего их от преследования, угнетения, произвола или неопределенность законодательства в отношении прав пропустили к ним. Депутат от Бремена, сенатор Шмидт, был умнее; он не протестовал, но мастерским ударом опроверг подозрительную резолюцию. Отметив, что привилегии евреев, предоставленные французами в Северной Германии (32-я военная дивизия), не могут быть обязательными для немцев, он заявил, что им нужно всего лишь заменить слово *in* на *by*, и все будет правильно. Сначала никто не обратил внимания на это, казалось бы, незначительное изменение. Меттерних и Харденберг, которые до сих пор либо по склонности, либо во исполнение обещаний, казалось, благоволили евреям, обошли этот пункт непонятным образом. Таким образом, абзац, касающийся еврейского вопроса в его окончательной форме, гласил: "Права, уже предоставленные исповедующим еврейскую веру *by* несколькими федеративными штатами, будут сохранены". Однако из федеративных штатов только Пруссия и Мекленбург, а возможно, также Баден, предоставили евреям гражданство. Постановление французских властей, таким образом, было признано недействительным, и Германия была спасена. Какое значение имело для восхищенной нации, что это словесное изменение стоило стольких слез?

Унижение евреев вскоре проявилось в практической жизни. Любек, защищенный несправедливым толкованием одного параграфа, приказал более чем сорока еврейским семьям покинуть город (сентябрь 1815 г.). Бремен сделал то же самое со своими евреями. Франкфурт мог не изгнать своих еврейских жителей, но их жизнь была омрачена; их не допускали на гражданские собрания, еврейские функционеры были смещены, они были исключены из многих профессий и производств, еврейским парам было отказано в разрешении на брак с бессердечием средневековья, им было запрещено жить в определенных частях города, и с ними обращались так, как будто они все еще были *камеристками*. Но поскольку Сенат знал, что Пруссия и Австрия считали делом чести сохранение неприкосновенности гражданских прав евреев Франкфурта и что Федеральный сейм по просьбе обеих великих держав мог легко разрешить спор в пользу евреев, он обратился к трем немецким юридическим факультетам, берлинскому, Марбургскому и Гиссенскому, с просьбой разрешить этот вопрос как юридический.

Эта борьба между франкфуртским сенатом и евреями, затянувшаяся на девять лет (1815-24) и вызвавшая множество неприятностей, навсегда останется пятном на памяти времени,

памятником немецкой ограниченности. Евреи, полагаясь на заверения двух германских держав, верили, что их гражданские права защищены, как тройной стеной.

Но именно эту очевидную истину тевтоманцы и софисты, внезапно превратившиеся в фанатиков, стремились затемнить и оплакать. Со всех концов Германии одновременно раздались крики против евреев, призывающие нацию или германскую федерацию поработить евреев или уничтожить их. Журналы и памфлеты неистовствовали против них, как будто Германию или христианский мир можно было спасти только уничтожением евреев.

Самые яростные атаки был врачом и профессором естественных наук в Гейдельберге, Я. Ф. Фрис, "опасность для благосостояния и характер немцев через евреев" (лето 1816), в котором он утверждал, что евреи должны быть изгнаны из страны, что племя должно быть истреблено с корнем, а между всеми тайными и политического общества, в котором они были наиболее опасными для государства. "Спросите человека за человеком и посмотрите, не ненавидит ли каждый горожанин и каждый бюргер евреев и не проклинает ли их как национальных вредителей и расхитителей хлеба". Евреи, по его словам, ухитрились прибрать к рукам более половины всей столицы Франкфурта. "Пусть это продлится сорок лет, и сыновья первых христианских домов будут искать службы у евреев на самых низменных должностях". Примечательно, что перед лицом такого страстного подстрекательства в то время не произошло диких вспышек против евреев, тем более что брошюру Фриса читали во всех тавернах и трактирах.

Неужели никто из христиан не поднял свой голос против этой несправедливости? К чести немцев следует упомянуть, что у некоторых людей хватило мужества бороться с грубыми предрассудками и слепой ненавистью. Высокоуважаемый и образованный член городского совета в Ратис-боне Август Кремер написал статью в защиту "Евреев и их справедливых притязаний на христианские государства; вклад в смягчение жестоких предрассудков против еврейской нации". Советник Шмидт из Хильдбургхаузена, с одной стороны, изобразил отвратительные сцены, которые христианский фанатизм в прошлом разыгрывал против евреев, а с другой стороны, показал превосходство культуры последних над христианами в Испании. Но их самым ярким защитником был Иоганн Людвиг Эвальд, восстановленный священник из Карлсруэ, занимавший высокое положение, семидесятилетний мужчина. Злобные высказывания Рюса и Фриса о евреях так сильно возмутили его, что он отказал себе в сезонном отдыхе в Бадене и потратил время на то, чтобы опровергнуть их наглые утверждения в брошюре (1816). Эвальд защищал угнетенных сынов Израиля во имя христианства, представителем которого он был. Каждую беспочвенную жалобу на них он обращал в ничто. Из Англии и Франции также поступали увещевания, призывающие немцев не выставлять напоказ свою собственную мелочность своей безумной ненавистью к евреям. Английская газета считала, что город Любек, а также все свободные города, должны быть лишены своей независимости (которой они так позорно воспользовались) со стороны Германской федерации из-за невежественной нетерпимости, проявляемой по отношению к евреям. Французский писатель М. Бейль в ярких выражениях оправдал несчастный народ и покрыл позором их немецких врагов.

"Еврейская нация в большей степени, чем любая другая, обладает древним, освященным характером, который вызывает удивление. Я никогда не встречаю раввина с белой бородой, не подумав о достойных патриархах. Нет ничего более возвышающего в

израильтянах, чем их торжественная жизнь, которая делает их самыми преданными и благородными людьми на земле. Среди них можно найти образец всех семейных добродетелей, любящей заботы о нуждающихся и глубокого почтения к родителям. Счастливы, тысячу раз счастливы народы, среди которых сохранился принцип нравственности".

Но если бы истина и справедливость говорили ангельскими языками, немцы тех дней остались бы глухи к их голосам. Они были настолько глубоко проникнуты ненавистью к евреям, что вели себя иррационально.

Органавстрийского правительства направил своего рода угрозу против посягательств жителей Любека на права евреев.

"Как может будущий Федеральный парламент обсуждать улучшение положения евреев, если отдельные штаты предвосхищают это с помощью самых жестоких и произвольных постановлений? Такое поведение свидетельствует о недостатке уважения как к последующему федеральному парламенту, так и к ведущим судам Германии, чьи принципы в отношении этого вопроса высказывались часто и достаточно громко".

Что сделала сама Австрия, которая проявила такое праведное негодование против Любека от имени евреев? Франциск I и его правитель Меттерних полностью забыли о благожелательных намерениях Иосифа II и помнили только о ненавистных законах Марии Терезии, направленных против евреев. На самом деле они не изгоняли евреев, как в Любеке и Бремене, но их отправили в гетто на территории Австрии, за пределы которых им не разрешалось выходить. Тироль, уединенная горная провинция, была закрыта для них, как для протестантов. В Бохэмии им было запрещено посещать горные города и деревни, а в Моравии, в крупных городах Брюнне и Ольмюце, им разрешалось оставаться только на ночь или на короткое время. Повсюду были еврейские улицы; ограничения, налагаемые на евреев всей Полосы, вошли в поговорку, в то время как в Галисии они сталкивались с большим притеснением, чем в средние века. Даже благожелательные постановления Иосифа II в отношении обязательного посещения школы и практического религиозного обучения проводились не столько для распространения культуры среди евреев, сколько для того, чтобы мучить и травмировать их. Император Франциск возвысил нескольких евреев, но остальные были унижены; они были вынуждены нести военную службу, но самые храбрые редко допускались даже на самые низкие ступени военной лестницы.

Австрия, конечно, не давала евреям никаких обещаний и не пробудила никакой надежды на свободу. Но Пруссия, где они уже пользовались полноправным гражданством, вызвала в воображении хобгоблина, достойного Средневековья, и еще глубже ранила их честь. Фридрих Вильгельм III, который подтвердил равенство прусских евреев законом, аннулировал его или, скорее, оставил неисполненным, мертвой буквой. Бессознательно он поддался теории христианского государства, созданной тевтоманами и софистами, которые настаивают на том, что евреям не должно быть отведено никакого почетного места. Обещанное уравнение евреев во вновь приобретенных или отвоеванных провинциях постоянно откладывалось. В последнем случае на них по-прежнему распространялись ограничения прежнего времени, и законодательство Пруссии в отношении евреев было любопытным окаменением. Существовал двадцать один фундаментальный закон об обращении с ними, и они были разделены на французских, древнепрусских, саксонских и польских евреев, естественно, в невыгодном для них положении.

Конкретной целью Пруссии было сделать евреев презренными в обществе. В то время как раньше правительство из всех сил старалось избегать в официальной переписке слов "еврей", "еврейский" как имеющих оскорбительный оттенок, теперь на них настаивали.

Юдофобский дух в Пруссии проявился в деле, которое бросает вызов сравнению с Францией. Несправедливый закон Наполеона, который приостановил равенство евреев немецких департаментов на десять лет в отношении свободной миграции и торговли, должен был вступить в силу после окончания отсрочки (March 17, 1818), если только она не была продлена. Правительство Людовика XVIII, хотя и было осаждено клерикальными и политическими реакционерами, ни на мгновение не предприняло попытки сохранить это ограничение. В Палате, которая занималась этим вопросом (февраль года и март 1818 г.), только один враждебный голос (Латье) прозвучал против евреев в Эльзасе. Этот противник евреев утверждал, что вся страна вскоре окажется в руках евреев, если не будет положен конец их жадности. Даже Правые, которые были клерикально настроенными, не произнесли ни слова против евреев вообще и за ограничение их свобод. Призрак христианского государства был совершенно неизвестен французам. Палата отклонила предложение Латье, и, таким образом, евреи Эльзаса были восстановлены к своему прежнему равенству. Аналогичный закон был принят против евреев округа на левом берегу Рейна, который был присоединен к Пруссии, или Рейнской провинции, и Вестфалии. Прусское правительство, захватив эту бывшую французскую территорию, разрешило продолжить действие ограничительного законодательства, и постановлением кабинета министров от 3 марта 1818 года оно было продлено на неопределенный срок.

Примерно в это же время один выдающийся англичанин с Ветхим и Новым Заветами в руках с необычайным рвением выступал за равенство и свободу евреев по всей Европе. Льюис Уэй, ученик энтузиастов Пятой монархии английской войны за независимость, принял пророчества Ветхого Завета и Апокалипсиса и был убежден, что еврейский народ воскреснет и будет восстановлен во славе на земле своих отцов. Только когда они восстановят свою независимость, они обратятся к учениям Иисуса. Поэтому для него было делом совести способствовать благополучию евреев. Он совершил поездку в Польшу, чтобы выяснить количество и положение евреев в этой стране. Теперь Уэй разработал замечательный мемориал, в котором он подробно остановился на высоком значении евреев в прошлом, а также в будущем. С этим памятником он отправился в Экс, где король Пруссии и императоры России и Австрии со своими министрами и дипломатами встретились в Конгрессе (конец сентября 1818 г.). Он стремился произвести благоприятное впечатление на императора Александра, чей мистический темперамент был ему известен. Как только царь проявил себя сторонником уравниловки евреев, можно было не сомневаться, что Фридрих Вильгельм III и император Франциск также будут благосклонны к этому.

Путь начался с предположения, что евреи были царственной нацией и не перестали быть таковой даже в изгнании, несмотря на невзгоды своей трагической карьеры. Этот человек обладал ключом к истории всего земного шара. Та же Божественная благодать, которая была ими руководствоваться в прежние времена отдыхали на них в баннаказанию и ссылке. Обетования, которые пророки предсказывали для израильской расы, непременно сбудутся; они снова будут собраны вместе на земле своих отцов. Все народы земли, которые получили спасение благодаря им, были обязаны с благодарностью оказывать евреям величайшие почести и безграничную благодать, чтобы стереть вину, навлеченную на эту божественно

одаренную расу жестокими преследованиями, которым они подвергались. Настоящий момент был в высшей степени благоприятен для их полного освобождения. В некоторых странах фанатичные, узколобые ораторы возвысили свой голос против эмансипации евреев, но они представляли общественное мнение не больше, чем яростные крики нескольких американских плантаторов против подавления рабства. Если Уэй был энтузиастом, когда он пытался мистическим образом доказать необходимость эмансипации на основе пророческих и апокалиптических стихов, он все же был достаточно верен практическим инстинктам английской расы, чтобы суметь доказать наследным величествам, какую пользу эмансипированные евреи принесут государству. Он признавал, что многое в евреях должно быть изменено, но их национальной особенностью была священная собственность, к которой нельзя прикасаться. Это были невидимые узы, которые связывали прошлое Евреев с их будущим, прошлое человечества с его будущим; исполнение пророчества зависело от Израиля.

Этот мистический, но осмысленный мемориал был лично вручен российскому императору, на которого он, должно быть, произвел впечатление, поскольку он передал его своим полномочным представителям, Нессельроде и Капо д'Истриасу, поручив им довести его и вопрос об освобождении евреев до сведения Конгресса. Из уважения к Александру, который в то время дергал за ниточки европейской политики, полномочные представители были обязаны уделить внимание этому вопросу, хотя бы внешне. В протоколе говорилось (21 ноября 1818 г.), что, хотя они не могут во всех отношениях принять точку зрения автора мемориала, они должны отдать должное тенденции и похвальной цели его выводов. Полномочные представители Австрии и Пруссии (Меттерних, Харденберг, и Бернсторф) заявили, что они готовы дать любую информацию по вопросу в обеих монархиях, которые могли бы помочь в решении проблемы, импорти государственный деятель и благотворитель; но это было не более чем куртуазные фразы. Другой голос адресовал Конгрессу в Экс-ла-Шапель восторженные слова в пользу немецких и польских евреев. Майкл Бер, как и его отец, неутомимо действовавший в возвышении своих единоверцев, изливал поток своего ораторского искусства на их благо.

"В любимом городе Карла Великого монархи окончательно примут решение относительно политического существования моих единоверцев в Германии. Честь Германии, честь эпохи и монархов громко требуют восстановления евреев в их гражданских и политических правах. Они справедливо относятся к законам, которые все еще существуют кое-где в ущерб евреям".

Итальянские евреи также собрались направить петицию в Конгресс Экс-ла-Шапель об отмене их жалоб и прекращении преследований. Они ничего не потеряли, не сумев осуществить свой замысел. Прошло время, когда князья и государственные деятели, мудрецы и горожане интересовались "улучшением положения израильтян", как гласила эта фраза.

Неприязнь к евреям в Германии продолжала расти без каких-либо оснований или провокаций. Еврейские проповедники с большим энтузиазмом праздновали битву при Лейпциге (18 октября 1818 г.) в синагоге, но для тевтоманцев это не было доказательством их патриотической любви. Ненависть к евреям приняла настолько жестокий характер, что писатель, человек не из плохих, считал нужным предсказать вспышку популистских нападений на жизнь и собственность.

Германия в то время была сильно взволнована убийством Коцебу в Мангейме полубезумным студентом-христианином Карлом Зандом (март 1819 г.) и суровыми постановлениями правительства против демагогических и германизирующих движений, которые оно ранее

поощряло. Германизаторы жаждали жертвы, и, поскольку они не могли напасть на государственных деятелей, таких как Меттернихи, Генце и Кампце, беспомощные евреи были отмечены как жертвы. В течение нескольких месяцев произошла серия жестоких вспышек. С криком "Хеп, хеп!" против евреев средневековые снова возродились, как глумливый призрак, и преследования ожили среди студентов и коммерсантов.

Атаку начал город Вюрцбург. Новый профессор был введен в должность (2 августа) под ликование студентов, к которым присоединилось большое количество людей. Внезапно был замечен старый профессор Брендель, который незадолго до этого написал письмо в пользу евреев, за что, как утверждалось, получил коробку дукатов. При виде его из уст студентов вырвался безумный крик: "Хеп, хеп!" вместе с криками "Джуд, веррек", *то есть* "Еврей, умри как зверь". Первое выражение, которое затем было использовано впервые, на студенческом сленге означало "Иерусалим разрушен" (Hierosolyma est perdita). Бренделя преследовали, и ему пришлось спастись бегством. Совершенная ярость овладела жителями Вюрцбурга, которые врывались в магазины евреев, выбрасывая товары на улицы, а когда они защищались камнями, ожесточение возросло до неистовства. Завязался обычный бой, было получено много ран и несколько человек убито. В потасовке приняли участие около сорока горожан. Пришлось вызвать военных, иначе евреи были бы уничтожены. На следующий день бюргеры обратились к гражданским властям с просьбой распорядиться об изгнании евреев из Вюрцбурга, и им пришлось подчиниться. Охваченные горем, около четырехсот евреев всех возрастов покинули город, и несколько дней стояли лагерем в деревнях или в палатках, предвкушая ужасное будущее. Преследование евреев в Вюрцбурге повторилось в Бамберге и почти в каждом городе Франконии. Где бы ни показывался еврей, на него нападали соскорбительным криком "Хеп, хеп!" и жестоко обращались.

Это преследование евреев во Франконии было подсказкой жителям Франкфурта, как смирить своих ненавистных сограждан, которые осмелились подать иск против Сената и были защищены Федеральным парламентом. Таким образом, здесь вновь разыгрались беспорядки (9 и 10 августа), которые начались с криков "Хеп, хеп!" и с разбивания окон в еврейских домах; затем толпа перешла к жестокости и с оскорблениями и негодованием прогнала всех евреев с променадов. Ремесленники, рабочие, продавщицы, тайно поощряемые своими работодателями, как во времена Винсента Феттмильха двумя столетиями ранее, совершали жестокие нападения на еврейские дома. Дом Ротшильдов, в частности, был выбран для нападения, поскольку их богатство и политическое значение были занозой в боку христианских патрициев. В Париже в это время все послы и дипломатические представители появились на балу, который давал Джеймс Ротшильд, а в Германии к Ротшильдам по-прежнему относились как к разносчикам. После этого безобразия нескольких богатых евреев покинули Франкфурт. Буря, перешедшая в неистовство во Франкфурте, резиденции сейма, не была безразлична послам. Деньги сейма были помещены в казну Ротшильда в целях безопасности. Президент, граф фон Буол Шауэнштайн, созвал конференцию депутатов, и было решено вызвать федеральные войска, поскольку городскому ополчению доверять было нельзя. Преследование евреев во Франкфурте привлекло большое внимание всей Европы, но волнения против них продолжались, несмотря на прибытие войск. В результате несколько евреев продали свои дома, и даже Ротшильды не верили в затишье и всерьез подумывали о том, чтобы покинуть Франкфурт; им пришлось бы эмигрировать во Францию или Англию, поскольку нигде в Германии они не были в безопасности.

Эта резня евреев распространилась по Германии подобно лесному пожару, как будто люди повсюду ждали знака, чтобы начать. В Дармштадте и Байройте беспорядки повторились (12 августа). Несколько евреев в Мейнингене были изгнаны. В Карлсруэ однажды утром на синагоге и домах известных евреев был обнаружен плакат: "Смерть и разрушение евреям!"

В Дюссельдорфе на дверях нескольких еврейских домов были обнаружены черные метки и плакаты с угрозами. На территории Бадена, где Санд завершил безумие тевтоманства убийством, и волнения все еще продолжались, озлобление против евреев было настолько велико, что никто не мог появиться на улицах, не подвергнувшись жестокому обращению. В Гейдельберге (начало сентября) разразился скандал из-за вульгарной сцены, которая любопытно иллюстрирует немецкое рыцарство. Гражданин оскорбил еврейскую девушку и был арестован полицией. Почти все население немедленно бросилось спасать героя и разрушать еврейские дома. На улицах раздавались крики "Хеп, хеп!"; были собраны топоры, ломы, всевозможные инструменты, как для взятия города штурмом. Городская стража, которая должна была разогнать нападавших, отказалась от их услуг. Губернатор города Пфайзер, вместо того чтобы встать на сторону преследуемых, помогал нападавшим. Пролилась бы кровь, если бы студенты Гейдельберга, возможно, очеловеченные контактом с Францией, не защищали беззащитных людей на свой страх и риск под руководством двух профессоров, Дауба и Тибо. Когда, наконец, появились вооруженные силы, и патрули пронесли по всей провинции Баден, и каждый маленький городок и деревня были привлечены к ответственности за нападения определенных лиц из их числа на евреев, вспышки против евреев постепенно утихли, но ненависть к ним только усилилась.

"Из Германии искра ненависти к евреям проникла даже в столицу датского государства", которое несколькими годами ранее предоставило евреям гражданство, а оно отказалось отозвать его. В Копенгагене восстала толпа (сентябрь), начавшаяся с забрасывания евреев камнями, а закончившаяся актами насилия. Правительство объявило военное положение. Граждане в немногих городах, где жили евреи, поддерживали их, а проповедники проповедовали им терпимость и любовь с кафедры. В Германии служители культа не произнесли ни единого слова протеста во время этих возмутительных сцен. Чтобы не упустить ни одной детали, напоминающей о преследовании евреев в Средние века, в маленьком баварском местечке был взят штурмом синагога, а свитки Закона были грубо разорваны в клочья. Даже там, где к настоящему насилию нельзя было прибегнуть, оскорбительный крик "Хеп, хеп!" раздавался в адрес евреев в маленьких и крупных городах, к развлечению зрителей. Полиция или военные силы, которые выступили против бунтовщиков и нарушителей спокойствия, тайно принимали участие в борьбе с евреями, и правительства, которые их защищали, делали это больше из страха, потому что они подозревали демагогическое движение, стоящее за выступлениями против евреев. Впоследствии на эти безобразия ссылались как на иллюстрацию чувства или, скорее, неприязни к евреям из-за отказа им в равных правах.

Зенита тевтоманской ненависти к евреям достиг подстрекательский памфлет "Зеркало евреев" (ноябрь 1819 г.), который появился в это волнующее время. Хартвиг Хундт, человек, полный приключений, смело выступал за истребление евреев. Он выдвигал самые похвальные предложения, которые, как он льстил себе, удовлетворили бы людей из "Нер, хеп".

"Хотя я, со своей стороны, считаю убийство евреев не грехом и не преступлением, а всего лишь полицейским правонарушением, я бы, тем не менее, никогда не советовал, чтобы они были осуждены и наказаны без огласки, как, кажется, сейчас модно".

Что тогда? Его предложения были такими:—

"Пусть дети Израиля будут проданы англичанам, которые могли бы использовать их на своих индийских плантациях вместо черных. Чтобы они не увеличивались, мужчины должны быть кастрированы, а их жены и дочери помещены в дома позора. Лучшим планом было бы полностью очистить страну от этих паразитов, либо уничтожив их, либо, как это сделали фараон и жители Майнингена, Вюрцбурга и Франкфурта, изгнав их из страны".

Шторм "Нер, хер" и убийственные уроки Хундта были ядовитыми плодами семян, посеянных Фихте и Шлейермахером и быстро и обильно давших всходы.

Подстрекательская книга Хундта, в которой каждое слово является мерзостью, была так же жадно поглощена немецкой читающей публикой, как и его плохие романы. Только по просьбе евреев это было запрещено и конфисковано цензурой, которая стала всемогущей благодаря Карлсбадским правилам. В Португалии примерно в то же время в кортесах было выдвинуто предложение повторно принять изгнанных евреев и искупить преступление, совершенное против них, в то время как в Германии писатели и государственные деятели оправдывали это преступление и желали, чтобы оно повторилось в девятнадцатом веке. Хундт не был одинок в своей пропаганде истребления евреев. Кого волнует перечислять все яростные, враждебные писания против евреев в годы шторма "Нер, хер"? Разговоры на злобу дня, какими бы далекими от темы евреев они ни были, всегда заканчивались оскорблениями в их адрес. Если автор прославлял Занда и его убийство Коцебу и восхвалял его христианский религиозный дух, он не преминул добавить, что "ненависть христиан навлекла бы страшный суд на евреев, пособников финансистов, которые разорили государство, хотя ни один писатель никогда не напечатал ни строчки в ущерб евреям".

Таким образом, все были против них; не нашлось защитника, обладающего каким-либо весом или влиянием, чье слово если и не могло заставить замолчать, то, по крайней мере, могло обуздать оппозицию. Престарелый Жан-Поль (Фридрих Рихтер) не повышал на них голоса, хотя питал пристрастие к евреям; так же как и Варнхаген фон Энзе, хотя Рахиль была его женой и была включена в общий список осужденных. Только один писатель преодолел свои предубеждения и бросил вызов общественному мнению, чтобы выступить с дубинками от имени повсеместно презираемых и угнетенных евреев. Это был писатель-комедиограф Юлиус фон Восс, чей голос, безусловно, не имел большого веса, и чьи беспорядочные дела вызывали подозрение, что еврейская либеральность сопровождала его предприимчивость. Сам Восс в своих комедиях и романах выставял евреев на посмеище, но из сожаления и раскаяния, по его признанию, он хотел защитить евреев от оскорблений типа "Хеп, хеп". К его словам мало отнеслись и даже отнеслись с пренебрежением. Еще меньшее впечатление произвели анонимные труды различных масонов в пользу евреев, но следует признать их добрую волю. Обращенные евреи вели себя на этом этапе постыдным образом. Ни один из них, кроме БЭрне, не выступил в защиту своих бывших собратьев с тем справедливым негодованием, которое должно вызывать насилие над беззащитными. Рахель фон Варнхаген, это правда, написала своему брату Людвигу Роберту, который был свидетелем взрыва "Нер, хер", следующим образом:—

"Я глубоко тронут, как никогда прежде, из-за евреев. Они должны быть сохранены, но только для пыток, для оскорблений, для жестокого надругательства. Лицемерная новорожденная любовь к христианской религии (Боже, прости мне мой грех!), к Средневековью с его искусством, поэзией и безобразиями, подстрекает людей к единственной мерзости, к которой, помня обо всем прошлом опыте, их еще можно подстрекать. Это не действия людей, которых учат кричать "Хеп, хеп". Профессора Фриз и Рюс, а также другие, такие как Арним, Brentano, "наши связи" и еще более выдающиеся личности, полны предрассудков".

Она считала, что христианские священники должны выступить вперед, чтобы пресечь безобразия народа. "Да,, священники". Но ни Рейчел, ни ее брат Роберт, ни ее муж Варнхаген, которые разрабатывали свои периоды для каждой детской глупости и имели голос в общественном мнении, не выступали против насилия и господства угнетения.

У евреев, я прав, были свои собственные литературные деятели, которые защищали их. Только в Германии было около сорока еврейских писателей, которые могли обратиться к немецкой общественности. У них было два еврейских органа, и ежедневные журналы время от времени открывали для них свои страницы. Они смело выступили на поле битвы, чтобы отразить всеобщие обвинения против их расы. Даже престарелый Дэвид Фридендер повысил голос, заламывал руки над врагами евреев и их преследованиями в Германии в девятнадцатом веке и не мог понять — он, который считал официальное христианство и государство идеалом, — как эти боги могли погрязнуть в таком количестве грязи. Он обратился к графине фон дер Рекке и напомнил ей о том времени, когда выдающиеся христиане приятно беседовали с Jews и оба получали наставления друг от друга. Это звучало как забытая сказка древних времен. Но еврейские бойцы только метали легкие снаряды и едва могли пробить толстую кожу предрассудков. Для этого были необходимы острые и тяжелые гарпуны. В этот момент Наставник всей истории, не оставивший евреев, пробудил для них двух ангелов мщения, которые огненными бичами обрушились на порочность немцев. Этими духами мщения, которые принесли немцам больше благословений, даже чем их ангелы-хранители, были Людвиг Берне и Генрих Гейне.

ГЛАВА XIV. БЕРНЕ И ГЕЙНЕ.

Берне и Гейне—Юность Берне—Его отношение к иудаизму—Его любовь к свободе—Его защита евреев—Гейне: его позиция по отношению к иудаизму—Раввин Бахараха—Мысли Гейне об иудаизме—Влияние Берне и Гейне.

1819-1830 гг. н. э.

Почему у Берне и Гейне не должно быть страницы в еврейской истории? В их жилах текла не только еврейская кровь, но и они были пропитаны истинно еврейским духом.

Молниеносные стрелы, которыми они метали по Германии, теперь в цветах радуги, снова в ярких простынях, были заряжены электричеством еврейского талмудизма. И Берне, и Гейне отреклись

от иудаизма, но только как бойцы, которые, присваивая форму и цвета противника, могут с большей легкостью нанести ему удар и уничтожить его. Оба выразили с ясностью, не оставлявшей желать ничего лучшего, насколько им дорога религия креста, которую они исповедовали. Следовательно, нет ни малейшей причины для того, чтобы христианство считало Берне и Гейне членами своей паствы из-за праздной церемонии, которой они подверглись в церкви. Один из них, несмотря на смену своих настроений, в глубине души оставался более верным иудаизму, чем жители Фриденда, которые сами были его представителями. Эти два одаренных человека, гордость Германии, являются еще большим украшением иудаизма. Этим двум евреям немцы обязаны своим чистым вкусом, своим чувством истины и своим стремлением к свободе — этим двум евреям, чья вся жизнь преследовало отвратительное "Хеп, хеп". Туман средневековья, которым немцы искусственно окружили себя, чтобы затемнить истину, был рассеян вспышками остроумия Берне и Гейне, и свет в его чистоте был восстановлен. Они привили немецкой литературе остроумие и жизнь и изгнали ту неуклюжесть, которая вызывала насмешки соседних народов.

В своей детской злобе против евреев теетоманки, Рюссы и Хундты, утверждали, что иудаизм не может породить человека с сильным характером или одаренного истинным чувством искусства. История сразу же изобличила их во лжи и пристыдила. Иудаизм выдвинул энергичного апостола свободы, язык которого напоминал язык пророков и римского Катона, который смешал все представления немцев о праве; и он дал поэта с художественным чувством, характеризующимся смесью пафоса и едкой иронии, который отменил все их жесткие правила искусства. Богатое, разнообразное цветение ума Берне-Гейне произошло на еврейской почве и было только подпитано европейской культурой. Отсюда и тесная связь между ними, несмотря на их непохожесть и взаимную антипатию. Не только их остроумие было еврейским, но и их любовь к истине, их отвращение к тщеславной показухе, их ненависть к сокрытию и смягчению несправедливости, их презрение к официальной помпезности, к затуманивающим облакам ладана, к звону колоколов, амброзийным звукам органа, прикрывающим рабство, извращение справедливости и угнетение. Демократический, свободолобивый дух, заметный у Берне больше, чем у Гейне, и аналитический, Спинозоподобный способ рассуждения, более характерный для Гейне, чем для Берне, являются еврейскими по своей сути. Если бы они родились христианами и воспитывались в атмосфере бюрократизма, ни у одного из них не развилась бы спасительная сила, которая со смеющимся видом помогала изгонять глубоко укоренившиеся извращения и абсурд. Рабы стали освободителями и избавили своих врагов от двойного ярма политической и социальной неполноценности. Эти теетоманки почти заслуживают благодарности за то, что мучили евреев своими реакционными мерами. Они пробудили если не Гейне, то уж точно Берне, склонного к праздным размышлениям, и снабдили его дротиком, ранившим врага.

Людвиг Берне, или Л. об Барух (родился во Франкфурте-на-Майне в 1786 году; умер в Париже в 1837 году), увидел свет в том же году, когда погасли ради Мендельсона, как будто история хотела компенсировать скорбящим евреям потерю берлинского мудреца. Берне в чем-то напоминал Мендальсона: своей робкой, застенчивой, несколько неуклюжей осанкой, самообладанием, силой характера и строгой приверженностью принятой системе морали. Оба стали объектами восхищения случайно, помимо своей воли. Оба выработали для себя эстетические правила поведения, не будучи обучены этому.

Берне презиравал евреев своего времени и говорил о них так, словно был их заклятым врагом. Еврейскую древность, искаженную ему в юности и еще более затемненную его берлинскими и галлескими друзьями, он рассматривал как карикатуру. Древние евреи со времен Авраама до времен "богатого Соломона" казались ему "как будто они хотели спародировать историю". Он и не подозревал, насколько его внутреннее "я", правдивость своей натуры были обязаны иудаизму. "Грязь Люсинды", освященная Шлейермахером, вызвала у Берне в шестнадцатилетнем возрасте такое отвращение, что даже тайное прочтение книги не обладало очарованием. Трезвость, которой наделил его иудаизм, показала Берне, как правильно уравновесить свою идеальную натуру и избежать слишком резкого диссонанса с реальным миром. В раннем возрасте он познакомился с богиней, которой был предан экстравагантной любовью и которой оставался верен до своего последнего вздоха. Истинную природу добродетели можно выразить в нескольких словах. Что такое добродетель? Добродетель - это блаженство. А блаженство? Это свобода. Мы не можем далее исследовать, что такое свобода, поскольку свобода находится в согласии с разумом, в согласии с Богом и в согласии с безусловным — это объясняет само себя". Так думал Берне и так он записал в своем дневнике в возрасте восемнадцати лет; и эта идея управляла его внутренним существом до тех пор, пока он был жив, и была движущей силой всех его действий. Добродетель - это свобода, а свобода - это добродетель; они требуют и производят блаженство. И все же Берне ограничивал свою любовь к свободе; он оберегал себя от переступления той узкой границы, за которой стремление к идеалу превращается в безумие.

Не может ли его еврейская кровь или, во всяком случае, печальные страницы еврейской истории объяснить его тягу к свободе, которая повлияла на его тело и разум? Насколько тяжелым и унижительным было отсутствие свободы, мог ощутить только еврей, по сравнению с которым индийский или русский раб был свободным человеком. Франкфурт, место рождения Берне, с его позорными законами, касающимися проживания евреев, эффективно научил его любви к свободе. Когда ему, еще мальчику, запрещали ходить по тропинкам и приходилось держаться пыльной дороги, поджидая повозки, когда каждому оборванному христианину-попрошайке или пьянице разрешалось окликать его: "Соблюдай нравы, Джад!" - его, возможно, поразила мысль, что отсутствие свободы было проклятием, а наличие свободы спасением. "Я, раб от рождения, люблю свободу больше, чем ты; да, поскольку я был воспитан в рабстве, я понимаю свободу лучше, чем ты!" - часто говорил он. Его вызывающий восхищение стиль, его совершенные, пленительные манеры, его глубокие эпиграммы напоминают о гномической мудрости Библии и Талмуда. Короче говоря, своими положительными моментами Берне обязан иудаизму. Но он не был благодарен за свои подарки и не признавал их происхождения, которое оценивал не больше, чем его берлинские друзья. Действительно, однажды он сказал:

"Я не заслуживал бы наслаждаться солнечным светом, если бы из-за насмешек, на которые я всегда смотрел с презрением, был неблагодарным за великую милость Бога, сделавшего меня одновременно немцем и евреем: ибо я знаю, как ценить незаслуженное счастье быть одновременно немцем и евреем, иметь возможность стремиться ко всем добродетелям немцев, не сожалея об их недостатках".

Он добавил, обращаясь к немцам: —

"Молю тебя, не презирай моих евреев. Если бы ты только был таким, как они, ты был бы лучше. Вы лишили евреев воздуха, и таким образом они были сохранены от гниения; вы

посыпали их сердца солью ненависти, и таким образом их сердца остались свежими. Вы заточили их на всю долгую зиму в погреб и заделали дверь погреба навозом; но вы, выставленные на мороз, замерзли насмерть. Когда придет весна, мы посмотрим, кто расцветет первым, еврей или христианин".

Однако сам Берне не верил в стойкость евреев и произнес эти слова только потому, что был раздосадован, или для того, чтобы досадить немцам. В то же время он сказал с иронией: "Вы знаете, как бьется мое сердце за евреев".

С тех пор, как его ум начал созревать, он видел в евреях только делателей денег, как на бирже во Франкфурте, или насмешников религии, стыдящихся своей расы, как в салоне Генриетты Герц; более того, его образование сделало иудаизм настолько презренным, что он не считал его заслуживающим внимания. Таким образом, Берне никогда не понимал, что было самым священным для евреев, и он был неспособен проникнуть в глубины своего собственного разума и провести различие между тем, чем он обязан общему состоянию культуры, и тем, что связано с иудаизмом.

Однако его здоровый дух и любовь к угнетенным защищали его от беспринципного поведения Рахили, тех, кто часто посещал салоны в Берлине, и многих других, кто презрительно отворачивался от евреев. Даже в юности Берне ненавидел саму мысль о том, что слово "еврей" может быть оскорбительно брошено в его адрес.

"А когда они приходят и говорят тебе, что ты еврей, - записал он в своем дневнике, - как они перекликаются с еврейским жаргоном, так что приходится чуть ли не умирать от смеха.

-О! когда я думаю об этом, мой разум встревожен, как бурей, моя душа жаждет вырваться из своего жилища и облечься в тело льва, чтобы встретить злодея челюстью и когтями".

Его предчувствия оправдались, на него не ответили оскорблением, и был продемонстрирован его львиный коготь. Будучи студентом, он раздобыл во франкфуртской полиции паспорт, в который злобный полицейский клерк вставил слова: "Еврей из Франкфурта".

Кровь застыла у меня в жилах, но я ничего не мог ни сказать, ни сделать, потому что рядом был мой отец. Тогда я поклялся в своем сердце: "Только подождите, придет время, когда я выпишу паспорт для вас, паспорт для всех вас".

На мгновение показалось, что Берне забудет о своей клятве. Евреи Франкфурта купили равенство за полмиллиона денег, и Берне, изучавший юриспруденцию и показавший себя многообещающим молодым человеком, одним из первых получил должность в полицейском управлении Франкфурта. Но если Берне был склонен забывать, что он еврей, и помнил только то, что он немец, жители Франкфурта не забыли этого и опрометчиво и жестоко напомнили ему о его тайной клятве. Он был первой жертвой реакции; его отстранили от должности, как только франкфуртских евреев загнали обратно в гетто. Наглая манера, с которой их обманом лишили втрое обещанной свободы, возмутила чувство Берне к свободе, и он заточил свои первые стрелы в защиту представителей своей собственной расы. Они были направлены против узколобых граждан Франкфурта, которые в девятнадцатом веке восстановили законы 1616 года о проживании евреев, "этот роман злого умысла", как назвал их Берне. Чувства, которые

волновали его в годы все усиливающейся реакции против евреев, он вложил в уста еврейского офицера в романе:

- Вы украли у меня радости детства, отъявленные негодяи! Ты бросил соль в сладкую чашу моей юности, ты поместил злобную клевету и ненавистные насмешки на моем пути к возмужанию; арестовать меня ты не мог, но усталый, раздосадованный, без радости, я достиг своей цели.... Что я не могу даже отомстить за себя, что у меня не должно быть ни силы простить, ни слабости наказать! Они вне моей досягаемости в своей лисьей норе!... Вы спрашиваете меня, почему я избегаю своего отца. У меня его нет; я никогда не покидал свой дом. Мой дом в подземельях; там, где преследуют, я дышу атмосферой моего детства. Луна так же близка мне, как и Германия".

Вместо того, чтобы отомстить за раны, нанесенные ему и представителям его расы ненавистью к немецким евреям, Берне взялся за трудную задачу по подавлению этой ненависти. В "Baare", своем органе, он установил идеальные стандарты, по которым оценивал ограниченность, мелочность немцев и их близорукость.

Прежде чем Луи Барух предпринял свою кампанию против немецких недостатков и предрассудков, или, скорее, прежде чем он занялся образованием немцев, он отрекся от иудаизма, был крещен в Оффенбахе и принял имя Карл Людвиг Берне (5 июня 1818 г.). Насколько мало он заботился о христианской вере, мы можем судить по его замечанию, что он "раскаялся в деньгах, потраченных на крещение". Он не хотел, чтобы эффект от его снарядов был уменьшен предубеждением, которое могло возникнуть из-за того, что они были выпущены евреем. Однако трудно извинить человека с характером Берне за то, что он без какой-либо такой борьбы, как у Гейне с самим собой, покинул ряды слабых и угнетенных, которых должна была облагородить в его глазах сама боль деградации; более того, покинул ради дела, в которое он не верил. Германия вскоре обнаружила, что приобрела автора уровня Лессинга. Остроумие Берне ощущалось тем острее, что на каждом шагу можно было ощутить правильность изображения наблюдать подлинность и цельность художника. С первого взгляда становилось ясно, что он писал "кровью своего сердца и соком своих нервов", поэтому его слова производили впечатление веских поступков.

Он не мог молча созерцать безумие и жестокость года "Нер, нер" и написал "для евреев". "Я должен был сказать "за право и свободу"; но если эти термины понятны, то говорить ничего не нужно". Он указал пальцем на дураков и пролил свет на лица негодяев. "Своего рода фатальная необходимость, - сказал он, - была связана в прошлые времена с массовыми убийствами евреев. Они, по-видимому, возникли из неясного, необъяснимого чувства, навеянного иудаизмом, который, подобно насмешливому и угрожающему духу, подобно призраку убитой матери, сопровождал христианство колыбели". Берне проанализировал ненависть немцев к евреям по ее составляющим и показал абсурдность каждой из них. В другом случае (1820) он сказал им суровую правду:

"Я прощаю немецкую нацию за ее ненависть к евреям, ибо это нация детей, и по этой причине, точно так же, как младенцу, нужна тележка, которая позволила бы ему когда-нибудь твердо стоять на ногах, чтобы с помощью барьеров на пути к свободе он мог научиться обходиться без барьеров. Немецкая нация терпела бы крах по сто раз на дню, если бы была свободна от предрассудков. Но отдельных взрослых я не могу простить за их ненависть к евреям".

Доктор Людвиг Хольст, новоиспеченный ненавистник евреев, превративший свой культ в философскую систему и звучавший, как говорит Берне, "метафизическим вздором", подвергся с его стороны насмешкам и насмешкам.

"Ненависть к евреям - одно из понтийских болот, отравляющих прекрасную землю нашей свободы. Мы видим, как полные надежд друзья отечества с бледными лицами безнадежно блуждают. Умы немцев витают на альпийских высотах, но сердца немцев тяжело дышат в сырых болотах. Хольст хочет убивать евреев, и если они сопротивляются, он поворачивается к своему кругу зрителей и говорит: "Теперь вы видите, что я прав, облагая евреев беспрецедентной наглостью; они не допустят, чтобы им снесли голову даже за малейшую малость, и они дуются". ... Вы ненавидите евреев не потому, что они заслужили ненависть, а потому, что они зарабатывают деньги.... То, что вы называете правами человека, которые, надо признать, вы предоставляете евреям, - это всего лишь права животных. Правом искать пищу, пожирать ее, спать и размножаться обладают также полевые звери — пока они не будут убиты, а евреям вы больше ничего не дадите.... Жители Франкfurта, Гамбурга, Любека и Бремена, ответьте мне. Вы жалуетесь, что все евреи ростовщики, но при этом препятствуете умственному развитию тех, кто отказывается от ростовщичества! Я не позволю прогнать себя; я требую ответа. Жители Франкfurта, скажите мне: почему врачебная практика должна быть ограничена четырьмя евреями, а юридическая - не разрешена никому?... Так же, как вы сейчас в своем свободном городе выступаете против евреев, разве двадцать лет назад вы не выступали против католиков?... Вы сомневаетесь в наступлении дня, который прикажет вам смотреть на евреев как на равных? Но вы хотите, чтобы вас *вынудили*! Немец глух. Ты не подчинишься добровольно; судьбе придется схватить тебя и таскать туда-сюда. Позор тебе!" Берне замечает в заключение: "Я не люблю ни еврея как еврея, ни христианина как христианина; я люблю их потому что они человеческие существа и рождены быть свободными. Свобода будет владеть душой моего пера, пока оно не затупится или моя рука не покалечится".

Но Берне хотел, чтобы евреи забыли, как страшный сон, свою тысячелетнюю историю и стали немцами. Он не обладал дальновидностью Гейне.

Генрих Гейне (родился в Дюссельдорфе в 1799 году, умер в Париже в 1854 году) в глубине души был бесконечно большим евреем, чем Берне; более того, он в значительной степени обладал всеми положительными и отрицательными характеристиками евреев. Кто может нарисовать этого "порочного любимца граций и муз" (как его называли), этого насмешливого романтика и философа-лирика, с его хамелеоноподобной натурой? Разум Берне напоминал прозрачную родниковую воду, которая струится по гальке и пенится только под порывами ветра. Разум Гейне, с другой стороны, напоминает водоворот, на поверхности которого солнечные лучи играют разноцветными призмами, но который затягивает приближающиеся суда в свои ревущие глубины и разбивает их вдребезги, если только они не самой прочной конструкции. Ибо Гейне был столь же глубоким мыслителем, сколь и артистичным поэтом, столь же безжалостным критиком, сколь и любезным насмешником, столь же полным оригинальных мыслей, сколь и стихов. Гейне не нужно было искать Истину; Истина сама прилетела к Гейне. Она, подобно Музе, открылась ему, шутя и играя с ним, как со своим любимым. За его подшучиванием часто скрывалось больше искренней убежденности, чем в литании угрюмого моралиста. Гейне стремился к идеалам, которые мог бы почитать его разум, и поскольку он не находил их, он насмехался над ложными богами, которые позволяли поклоняться себе. Он,

безусловно, дал глубокие решения проблем истории. Он никогда не приносил содержание в жертву форме, когда первое имело большую ценность, чем второе. Это правда, что он часто менял свои мнения, но он не играл со своими убеждениями. Его религиозные взгляды также изменились; но он не изменил своего мнения. Он никогда не писал и не действовал вопреки тем убеждениям, которые у него были в то время. Если какое-то время он был рабом ложной философской теории, которая делает из человека бога, то впоследствии он признал свою ошибку и основательно высмеял ее. Гейне, безусловно, не был образцом добродетели и не был таким уж великим грешником, как можно было предположить по его острому перу и языку. Он никогда не терял своей глубокой, благородной натуры и чувства возвышенного; он также не утопал в грязи чувственности, как он хотел заставить поверить своих читателей. Он выкрасил себя чернее, чем был на самом деле. Ему была присуща та острая чувствительность, которая свойственна поэтам, актерам и проповедникам, и это болезненное состояние было в случае Гейне связано с сильными нервными страданиями. В своем чувствительном состоянии он писал вещи, которые его трезвый рассудок не одобрял, но о которых ему было стыдно вспоминать.

Гейне имел преимущество перед Берне из-за своей искренней привязанности к матери. Бетти фон Гельдерн происходила из уважаемой, как говорят, облагороженной еврейской семьи. Эта образованная мать, которой он был обязан своим складом ума, была религиозной женщиной и воспитывала своих детей в знании еврейской веры. Религиозные разногласия, которые рано чужойованные Вörне от иудаизма было неизвестно Гейне, и в юности он категорически избегал нарушения еврейские обычаи. На самом деле он выучил иврит не так много, как Берне, но поскольку он с любовью впитывал то немногое, что выучил, это немногое никогда не покидало его, и он не забывал его позже в жизни, в то время как Берне полностью стер иврит из его памяти. Любовь Гейне к иудаизму, который, несмотря на его насмешки, никогда полностью не умирал, и особенно его глубокое понимание его, проистекали из теплых воспоминаний о его "ты", которые оставались с ним, как сладкие, приятные сны. Его душа также была наполнена очарованием истинно еврейской семейной жизни, которая давала ему надлежащий стандарт для измерения того, что люди называют добродетелью и счастьем.

У него была теплая, хотя и смутная привязанность к иудаизму или еврейской расе, к ее трогательной истории и священным книгам, и на него произвела сильное впечатление древность иудаизма и его непрерывность существования, бросающая вызов времени и мириадам препятствий. Время от времени Гейне гордился принадлежностью к этой древней аристократии. Он чувствовал то, что написал в конце жизни:

Теперь я понимаю, что греки были всего лишь красивыми юношами, но евреи всегда были мужчинами, сильными, упрямыми мужчинами, не только в былые времена, но даже в настоящее время, несмотря на восемнадцать веков изоляции и страданий. С тех пор я научился узнавать их лучше и ценить их более высоко, и если бы гордость происхождением не была всегда глупым противоречием, я мог бы гордиться тем фактом, что мои предки были членами благородного дома Израиля, тоя потомок тех мучеников, которые дали миру Бога и мораль, и которые сражались и страдали на всех полях сражений мысли ".

Это сознание мягко дремало в нем с юности. Но он не определил для себя четко своего отношения к иудаизму. Евреи, в которых все еще можно было найти солидность, высокие добродетели и мораль, отталкивали его своей неэстетичной внешностью и религиозными

обрядами, которых он не понимал. Он чувствовал, что его чувство красоты уязвлено отталкивающей внешностью иудаизма и его представителей. Его взгляд не мог проникнуть сквозь уродливые завесы. Круг более утонченных евреев, к которому он присоединился в ранней зрелости в Берлине, — пожилые люди, Фридлиндер, Бен-Давид, Якобсон и их молодые подражатели — не лелеяли иудаизм настолько глубоко, чтобы привить ему дух самопожертвования во имя веры. И в полувеврейском кругу, который он также часто посещал во время своего пребывания в Берлине, как, например, в кругу Рахили фон Варнгаген, к тому времени уже крещеной, он видел только глубокое презрение к евреям и иудаизму и восторженное, романтическое пристрастие к христианству.

Но Гейне, в отличие от Берне, обладал слишком независимым суждением, чтобы поддаться на идолопоклонническое поклонение интеллектуальным идолам того времени. Софистика не могла понять его преданности иудаизму. Наоборот, Гейне вступил в общество молодых людей, чья цель заключалась в популяризации культуры среди евреев, и как один из его членов, он выписывал их молчаливого обета, чтобы не страдать самим креститься для SAке правительственного назначения. Импульс, которым руководствовались он и другие члены церкви, был, без сомнения, смутным; но, во всяком случае, в нем проявляется желание внести свой вклад в улучшение положения своих братьев. Он обязался помочь в укреплении общества и расширении его сферы деятельности. Мнение Гейне даже о столь презираемых польских евреях не было совершенно неблагоприятным, и они нашли в нем защитника.

Гейне поддержал бы дело иудаизма сердцем и душой, если бы сам иудаизм, *то есть* его сыны, обладали развитой силой ума и характера, если бы свежесть юности и привлекательное очарование сочетались с достоинством его старости, его смыслом и призванием и если бы это могло внушить уважение образованному миру. В нетерпении он пожелал, чтобы сее иудаизма, как легендарный Мессия заковали в Риме, вдруг лишиться себя его рваный плащ, ее прокаженной кожи, скинуть ее аспект в рабстве и превращается в богато украшенный, цветущий, идеальный выбор для молодежи. Процесс омоложения казался ему слишком медленным, используемые средства — слишком мелочными, поведение тех, кто хотел его ускорить, особенно их кокетство с господствующей Церковью, казалось ему слабым, обезьяньим и недостойным.

Израилью не хватает энергии. Хироподисты (Дэвид Фридлиндер и Компания) стремились исцелить тело иудаизма от его фатальных наростов, и из-за их неумелости и их паутинной повязки разума Израиль должен истечь кровью до смерти. Хотелось бы, чтобы заблуждение о том, что бессилие, недостаток сил, одностороннее отрицание — это прекрасно, поскорее прекратилось.... У нас больше нет мужества носить бороду, поститься, ненавидеть и из-за ненависти страдать. Это мотив нашей реформации. Те, кто получил свое просвещение от комиков, хотят придать иудаизму новые декорации и новые сцены, а суфлер должен носить белые повязки вместо бороды. Они хотят налить океан в аккуратный маленький тазик для рук.... Другие желают евангельского христианства под еврейскими именами".... "Даже у меня нет силы духа (откровенно признался он), чтобы носить бороду и позволять называть себя "грязным евреем"".

Мы ясно видим его привязанность к иудаизму в случае его простительной ненависти к угнетателю и презирающему его расу, к врагу, получившему спасение от иудаизма, который он заключил в тюрьму и на который плюнул. Испытывая новую боль от старых ран, нанесенных

евреям языческим и христианским Римом, он вложил мир кипящего гнева в слово "Эдом". Так он насмеялся в стихотворении, обращенном к Эдому:

"Тысячулет или дольше
Мы относимся друг к другу по-братски;
Ты терпишь, когда я дышу,
я терплю, когда ты бредишь.

"Только иногда, в мрачные дни,
твое настроение было странным,
И твои пиетистские когти
Окрашивались моим бледнымлицом.

"Теперь наша дружба становится крепче,
И с каждым днем набирает силу;
Ибо я сам начал бредить,
И я становлюсь почти таким же, как ты".

Еще большей была ненависть Гейне к дезертирам, предателям, евреям, которые ради личной выгоды повернулисьспиной к своим страдающим собратьям и перешли на сторону врага. Гейне не мог поверить, что еврей когда-либо крестился по искреннему убеждению; крещение, по его мнению, было самообманом, если не ложью. Евангелие, тщетно проповедуемое беднякам Иудеи, никогда не процветало, как он утверждал, среди богатых. Гейне дал выход этой ненависти в своей драматической поэме "Альмансор" (закончена в 1823 году). Но он счел неподходящим представлять персонажей как евреев, рассказывать в ярких стихах об их несчастьях и презрении, которому они подвергались. Поэтому Он вложил эти стихи в уста мусульман Гранады, которые по дьявольской злобе испытывали ту же жестокую участь, что и евреи, и которые чувствовали зияющую пропасть в своих сердцах из-за того, что были вынуждены принятьхристианство. Безошибочно можно сказать, что эти стихи дышат еврейским страданием. Еврейский поэт, однако, навлек на себя ожесточенную вражду этой драмой.

Доказательством теплой привязанности Гейне к своей расе является то, что, когда он был глубоко раздосадован частными и общественными неурядицямипри назначениях, он продолжал прославлять ее. Завораживающий псалом, однажды спетый еврейским бардом у Вавилонских вод, постоянно звучал в его голове:

"Пусть мой пересохший язык прильнет
К небу, а моя правая рука
отсохнет, если когда-нибудь
я забуду тебя, о Иерусалимем."

За оскорбления, нанесенные ему в связи с постановкой "Альмансора", он намеревался основательно отомстить своим немецко-христианским врагам и показать им зеркало в еврейском романе. В "Раввине Бахараха" он живо,как только мог, описал печальные и славные сцены еврейской истории и с этой целью тщательно изучил еврейские хроники, поскольку

хотел строго придерживаться истории. Его воображение только освещало факты, но не выдумывало их, поскольку в его распоряжении было достаточно материала. Гейне не гнушался рыться в мусоре, содержащемся в старых книгах, таких как "Еврейские курьезы" Шудта, "этот памятник франкфуртской ненависти к евреям"; и ему удалось извлечь кое-что даже из мякины и соломы. "Дух еврейской истории раскрывается передо мной все больше и больше, и изучение его, без сомнения, окажется полезным для меня в будущем". В ходе еврейской истории, очерченной актами героизма и жертвоприношений, он увидел связь между планами Провидения: "В тот же год, когда евреи были изгнаны из Испании, была открыта новая земля религиозной свободы". Золотой период средневековой еврейской истории — история испанских евреев — обладал для него наибольшим очарованием. На переднем плане этой сцены он хотел представить гордых евреев, которые не склоняли свои шеи под ярмом немецких ограничений и канонического высокомерия и которые с гордостью исповедовали свою религию; но эта эпоха в то время была малоизвестна, и Гейне тщетно искал источники, откуда можно было бы почерпнуть полезную информацию. Вместо фактов те, к кому он обращался, давали ему только обмолоченную солому. Но Гейне не допустил, чтобы какие-либо трудности помешали ему собрать интересный исторический материал для своего романа; эта постановка должна была стать кульминацией не его ненависти, а его любви. Он буквально купался в ней: "Поскольку она исходит из любви, это будет бессмертная книга, вечно горящий светильник во дворце Бога - никакого прерывистого театрального освещения".

Роман Гейне действительно был задуман грандиозно. Действие "Издания" происходило в Германии, но главными событиями должны были стать история евреев Испании, их изгнание и насильственное крещение.

Однако в то время, когда Гейне серьезно занимался изучением иудаизма, увлекался его историей и яростно ненавидел христианство, он тихо перешел в лоно христианства (28 июня 1825 г.) и принял при крещении имя христиан Иоганн Генрих. Он долго боролся с этим искушением. Он ясно выразил свое мнение по этому вопросу: —

"Никто из моей семьи не возражает против этого, кроме меня самого. Этот поступок может быть важен для меня, поскольку благодаря ему я смогу лучше посвятить себя делу моих несчастных единоверцев. Но я счел бы это пятном на моем достоинстве и чести, если бы мне пришлось креститься, чтобы получить должность в Пруссии — в дорогой Пруссии!... Досада может заставить меня стать католиком и повеситься".

Несмотря на это заявление, он обратился в христианство, чтобы получить положение в Пруссии, а также избавиться от чрезмерной военной зависимости от своего дяди. В своем дневнике он записал следующие стихи на эту тему:

"И ко кресту ныне низко склоняешься ты,
Ко кресту, который некогда ты презирал;
Который всего несколько коротких недель назад
Казался таким мерзким в твоём презрительном "да".

Вскоре после этого (20 июля 1825 г.) он сдал экзамен по юриспруденции. Но он преследовал призраков и напрасно пожертвовал своей честью. Он не мог найти работу и не мог обойтись без поддержки своего дяди. Пристыженный, как девушка, провинившаяся в какой-нибудь

провинности, Гейне аллегорическим языком сообщил о своем обращении своему закадычному другу Мозеру:

"Молодой испанский еврей, в душе еврей, который из-за потребности удовольствия отрекся от своей веры, переписывался с юным джоном мудрой Абрабанелем и прислал ему стихотворение, переведенное с мавританского. Возможно, ему не хотелось откровенно рассказывать своему другу о своем не очень похвальном выступлении; тем не менее он посылает стихотворение.—Не размышляй об этом".

Из-за своего отступничества Гейне стал всего лишь человеком, озлобленным против христианства, как будто оно было прямой причиной его неверия, потери достоинства и нелояльности к своему лучшему "я". "Уверю вас, - писал он своему близкому другу, - если бы закон разрешал кражу серебряных ложек, я бы не крестился". Когда примерно в то же время, Эдуард Ганс, лидера молодого Израиля, основателя Общества, культуры, и одним из ее активных пропагандистов, тоже принял христианство, Гейне не мог простить ему, ибо он не пчелоподобный вынужденный по бедности, чтобы сделать шаг. Гейне был еще более возмущен, когда ему сообщили, что Ганс побудил слабоумных евреев отказаться от своей веры.

"Если он делает это по убеждению, он дурак; если из лицемерия, он негодяй".

Его также раздражало, что его оппоненты не забывали о его еврейском происхождении, но, как и в случае с Берне, напоминали ему об этом при каждом удобном случае. Чтобы в какой-то мере успокоить свои угрызания совести, он продолжал работать над романом "Раввин из Бахараха". Через нее он хотел сделать известной свою тайную привязанность к евреям и хотел опубликовать ее вопреки совету своего друга Мозера, который не был слеп к вопиющему противоречию между мыслями и действиями и враждебности, которую это неизбежно навлекло бы на него.

Однако Гейне не был так устроен, чтобы позволять угрызаниям совести мучить его в течение какого-либо длительного времени. Однажды повернувшись спиной к иудаизму, он попытался усыпить свою совесть. Его стремление к удовольствиям после обращения было лишь средством для достижения этой цели. Гейне изобретательно старался обнаружить недостатки в евреях и иудаизме и таким образом оправдать себя. В этом порыве зародились его враждебные выпады против иудаизма — что это, например, "не религия, а несчастье". Впоследствии он стремился сделать разделяющую грань между иудаизмом и христианством очень размытой; он охарактеризовал обе религии как самоистязающие, монашеские и назорейские; он одинаково поносил их, пренебрегал обеими и признавал эллинистическую религию "возрождения плоти". Тем не менее, я могу сказать, что в светлые моменты его старая любовь к иудаизму возрождалась, и он снова демонстрировал свое вдумчивое представление о нем. Гейне раздражало, что Шекспира причисляют к травле евреев, потому что он создал "Шейлока", и он использовал свое дерзкое нелестное красноречие, чтобы убрать этот позор с евреев и Шекспира.

"Стремился ли Шекспир изобразить еврейку в "Джессике"? Конечно, нет. Он изобразил всего лишь дочь Евы, одну из тех прелестных птичек, которые, едва оперившись, выпорхивают из домашнего гнезда к своим возлюбленным.... В Джессике особенно заметен некий робкий стыд, который она не может преодолеть, надевая мужскую одежду. В этой

черте, возможно, можно распознать скромность, характерную для ее расы, которая наделяет своих дочерей таким удивительным очарованием. Целомудрие евреев, вероятно, является следствием отвращения, которое они испытывали к восточной чувственности и безнравственному богослужению, которое процветало среди их соседей, египтян, ассирийцев и вавилонян, и сохранилось, изменив лишь свою внешнюю форму, до наших дней. Евреи - целомудренный, воздержанный, так сказать, абстрактный народ, и по чистоте нравов приближаются к германским нациям.... Греки и римляне были преданы земле ... более поздние северные иммигранты обращались к личности своих вождей ... в то время как евреи с древних времен были привязаны к закону, к абстрактному мышлению, подобно нашим современным космополитическим республиканцам ... свобода и равенство были их религией".

В преклонных годах, когда тяжело о тяжелое заболевание еще больше прояснило зеркало его мыслей, Гейне осознал превосходство морали, основанной на благочестии, над красотой, и всем сердцем вернулся к любви своей юности, к своему благоговению перед иудаизмом. Его "Исповеди" (1853-54) - вдохновенные гимны еврейской истории и еврейскому народу, и очевидно, что они искренни. Он всегда с энтузиазмом относился к Библии.

"Евреи могут утешать себя потерей Иерусалима и Ковчега Завета; эта потеря ничтожна по сравнению с Библией, нерушимым сокровищем, которое они сберегли.... Я обязан возрождением своих религиозных чувств этой Священной Книге (Библии), и она стала для меня в равной степени источником спасения и объектом самого горячего восхищения.... Думаю, я могу льстить себе надеждой, что понимаю характер Моисея, раскрытый в первой части священной книги (Ветхого Завета). Я считаю его наиболее впечатляющей фигурой. Какая гигантская фигура! Каким маленьким кажется Синай, когда на нем стоит Моисей! Эта гора - всего лишь пьедестал для ног человека, чья голова достигает небес, где он разговаривает с Богом.... Раньше я не испытывал особой привязанности к Моисею, вероятно, потому, что во мне преобладал эллинский дух, и я не мог простить законодателю евреев его ненависти к пластическим искусствам. Я не видел, что, несмотря на свою враждебность к искусству, Мозес был великим художником и обладал истинно артистическим духом! Но этот дух был направлен им, как и его египетскими соотечественниками, на колоссальные и нерушимые начинания.... Он построил человеческие пирамиды, высек человеческие обелиски; он взял бедную пастушью семью и создал из нее нацию, великий, вечный, святой народ, народ Божий, которому суждено пережить века и служить образцом для всех других наций, даже прототипом для всего человечества: он создал Израиль.... Как и о художнике, я не всегда с достаточным уважением отзывался о его творчестве "Евреи".... История средних веков и даже других времен редко упоминает в своих анналах имена этих рыцарей святого духа, потому что они обычно сражались с закрытым забралом. Деяния евреев, как и их своеобразный характер, мало известны миру. Каждый знает их, потому что видны их бороды, но больше ничего не видно; и теперь, как и в средние века, они представляют собой глубокую тайну, которая, возможно, будет раскрыта в день, о котором говорит пророк....

Да, евреям, которым весь мир обязан своим Богом, он также обязан Его Слову, Библии; они спасли его от крушения Римской империи, и в безумной борьбе мигрирующих племен они сохранили драгоценную книгу, пока протестантизм не разыскал ее у них, перевел обнаруженный труд на народный язык и распространил его по всему миру.... На Севере

Европы и Америки влияние Палестины стало настолько велико, что можно представить себя перенесенным в среду евреев.... Я не буду говорить о большинстве общин Соединенных Штатов, где педантично имитируется жизнь Ветхого Завета ... но карикатура не исчезнет, и реальная, непреходящая и истинная часть, а именно мораль древнего иудаизма, также будет процветать в этих странах так же пышно, как в прежние дни на берегах Иордана и на высотах Ливана. Чтобы быть хорошим, человеку не нужны ладони; а быть хорошим лучше, чем быть красивым.... Иудея всегда казалась мне частицей Запада, потерянной на Востоке. На самом деле, благодаря своей духовной вере, своей суровой, чистой, почти аскетической морали, своей абстрактной внутренней жизни, эта земля и ее люди всегда составляли разительный контраст с окружающими странами и их жителями, которые отдавали дань уважения наиболее распущенным и позорным культам природы и растрачивали свое существование в вакхических оргиях. Израиль благочестиво сидел под своей смоковницей и пел хвалу невидимому Богу, и практиковал добродетель и справедливость; в то время как в храмах Вавилона, Ниневии, Сидона и Тира совершались кровавые и безнравственные обряды, описание которых даже сейчас внушает нам ужас. Когда думаешь о его окружении, невозможно в достаточной степени восхититься этим древним величием Израиля. О любви Израиля к свободе, в то время как рабство оправдывалось не только в непосредственной близости от него, но и всеми народами древности, даже философами, — об этом я предпочел бы не говорить, чтобы не компрометировать Библию перед нашими нынешними правителями.... Вместо того чтобы бороться с невозможным, вместо того чтобы безрассудно декретировать отмену собственности, Моисей стремился сделать ее нравственной; он пытался привести владение собственностью в соответствие с моралью, с законом разума, и этого он добился с помощью института Юбилея, когда-то отчужденная наследственная собственность, которой у земледельческого народа была земля, возвращалась первоначальным владельцам, независимо от того, как они утратили владение ею. Это постановление представляет собой решительный контраст с законом о давности у римлян.... Моисей не хотел отменять владение собственностью; его план состоял в том, чтобы каждый владел некоторой землей, чтобы никто не становился рабом с рабскими наклонностями из-за бедности, ибо свобода была конечной целью великого освободителя, и его желание сквозит во всех его законах, касающихся пауперизма. Он безмерно, почти яростно ненавидел рабство.... Однако, если раб, освобожденный по закону, отказывался покинуть дом своего господина, Моисей приказывал, чтобы неисправимый негодяй был пригвожден за ухо к дверному косяку дома своего господина.... О Моисей, наш учитель, Моше Раббену, ярый враг крепостничества, молю тебя, дай мне молоток и гвозди, чтобы я мог пригвоздить наших добровольных рабов в их черно-красно-золотых ливреях за их длинные ушки Бранденбургским воротам".

Дух еврейского закона и еврейской истории действительно снизошел на этого взбалмошного сына Израиля и открыл ему то, что немногие из его предшественников досконально поняли и никто не описал так ярко. Гейне в равной степени ценил глубокую мудрость, проявленную в законах и интеллектуальных состязаниях на протяжении веков еврейской истории, а также драгоценную руду поэзии, исходившую от величайшего еврейского поэта средневековья. Едва Майкл Сакс, проповедник с душой псалмопевца и пророческой речью, раскрыл скрытые красоты "Религиозной поэзии евреев в Испании", и особенно почти забытую славу поэта Иегуды Халеви Альхассана, как глубоко тронутый Гейне написал мемуары этому певцу и собрату

по расе и искусству. Своей волшебной палочкой он вызвал тень Иегуды Халеви из могилы и изобразил его во всей его идеальности и полном сиянии вдохновения.

До последнего вздоха в душе Гейне продолжалась борьба между двумя великими принципами построения мировой истории, чистой моралью иудаизма и симметричной красотой эллинизма, которые он почитал, но не мог примирить:

"Контрасты смело сочетаются:

Любовь к удовольствиям у греков и мысль о Боге у иудеев,

О! этот конфликт никогда не закончится,

Истинное всегда должно соперничать с прекрасным".

Он подозревал, что гармоничное сочетание этих двух элементов было задачей европейской цивилизации, но сам он был не в состоянии осуществить это. Он был уверен, что это не так. Из этого конфликта возникли его аберрации, а также его стремление доминировать над ними с помощью насмешек и таким образом помешать им овладеть им.

Еврейский мир в большом долгу перед двумя своими сыновьями-отступниками, Берне и Гейне. На самом деле они не уничтожили все немецкие антиеврейские чувства, но, по крайней мере, приглушили их. Ссылаясь на абсурдный крик "Хеп, хеп", Гейне однажды сказал: "Это никогда не должно повториться, ибо пресса - это оружие, и есть два еврея, которые обладают Зародышемстиля, один из которых я, другой Берне". Его предсказание почти сбылось, ибо с момента появления этих двоих таких жестоких вспышек против евреев больше не повторялось. Германия не производила более талантливых, более артистичных, более утонченных писателей, чем эти два еврея.

Молодая Германия, которая положила начало нынешнему состоянию культуры и создала 1848 Год Освобождения, является потомком этих двух еврейских отцов. Брань, клевета, и тайная полиция были вполне правы, обозначающий лидеры молодых Германии, как евреи, потому что без влияния еврейского духа они бы не стали борцами за свободу. Евреев-ненавистников думал, что они были нанести позор на светловолосых комбатантов, называя их евреями, хотя реальныели они только даровал честь на них. Но список заслуг Берне и Гейне перед Германией еще не исчерпан. Они заставили французов уважать стойкость немецкого духа. Берне и Гейне были первыми, кто объединил Францию и Германию, объединил немецкую глубину мысли с французской элегантностью. Они первыми рассеяли тучи, разделявшие эти две нации, заставив французский народ подняться, а немцев спуститься с горы, встретиться друг с другом на полпути и, невзирая на взаимную муравьиноюагонию и своих угнетателей, протянуть руки в братском союзе. Это мессианское время, когда оно наступит, будет подготовлено двумя евреями, которые выполняли свою национальную миссию.

ГЛАВА XV. РЕФОРМА И МОЛОДОЙ ИЗРАИЛЬ.

Сегрегация евреев — Ее результаты—Раскол и упрямый консерватизм—Исраэль Якобсон—Его реформы—Гамбургский союз реформаторских храмов—Готтольд Саломон—Падение авторитета раввинов—Элеазар Либерман—Аарон Хорин—Лазарь Риссер—Партийная рознь—Исаак Бернейс—Его труды—Бернейс в Гамбурге—Мангеймер—Его Конгрегация в Вене—Берлинское общество культуры—Эдвард Ганс—Его крещение—Крах Общества культуры.

1818-1830 гг. н. э.

Продвижение евреев в Германии завершилось за поразительно короткое время, как становится ясно, когда мы сравниваем сдержанность Мендельсона в описании религиозных и политических условий в христианском мире со смелостью Берне и Гейне, которые демонстрировали их в обнаженном виде. И обратите внимание на прогресс, достигнутый во Франции! Здесь евреи превратились в мужчин, бесстрашно встречающих любого противника лицом к лицу и готовых мечом отомстить за оскорбительные замечания о своем происхождении. Иудаизм, однако, менее быстро отказался от рабских форм, чем его последователи. Почти две тысячи лет она боролась за существование против каждого нового народа и каждой новой тенденции, появлявшейся на исторической сцене. С греками и римлянами, парфянами и неоперсами, готами и славянскими племенами, с арабами и средневековыми рыцарями в доспехах, с монахами всех орденов и фанатичными лютеранами он постоянно вступал в борьбу и по необходимости покрывался уродливыми шрамами и вонючей пылью. Чтобы защититься от нападений стольких враждебных сил и в течение столь длительного периода, иудаизм был вынужден окружить себя непроницаемой кольчугой, полностью изолировать себя или уйти в собственное святилище, каждый доступ к которому был тщательно забаррикадирован. Евреи так привыкли к своим тяжелым доспехам, что они, казалось, выросли в само их существо; и они не могли отказаться от них до тех пор, пока были неизбежны новые сражения. Предоставленный своим собственным ресурсам и изолированный от внешнего мира, особенно после изгнания его членов из Испании и Португалии и их одновременного изгнания из многих районов Германии, иудаизм создал для себя страну грез. Она впустила магические формулы в свой мир мыслей и фантазий, чтобы отвлечь умы своих приверженцев от мук, чтобы они могли переносить их с большей легкостью или полностью забыть о них. Внезапно его сыновья пробудились от своих грез от ослепительного солнечного света и увидели реальный мир, в котором они были совершенно незнакомы. Сначала они крепче зажмурили глаза, чтобы сохранить приятные картины из сновидений. В эту новую эпоху и в новых условиях они не могли сразу найти свой надлежащий уровень и опасались, что изменившееся положение дел было всего лишь военной хитростью, новым методом замаскированной войны, который их древние враги рассчитывали использовать против иудаизма.

Во время своего долгого путешествия по миру и знакомства со многими народами иудаизм, несмотря на свою исключительность, допускал различные извращенные идеи, которые стали такой же неотъемлемой частью его самого, как если бы происходили из первоначального источника. Память была ослаблена в результате изоляции и мученичества; сила мысли также несколько пострадала из-за ежедневно усиливающихся невзгод. Сначала он был слишком отвлечен, чтобы проводить тесты, отличать чужеродные и непригодные элементы от родных и

необходимых деталей и удалять их. Среди евреев Германии, Англии и Франции принятие некультурной польской манеры придавало иудаизму варварский вид, а среди португальских и итальянских евреев, благодаря Исааку Лурье и Хаиму Виталю, оно приняло каббалистическую форму. Это искажение иудаизма, существующее среди португальцев наряду с внешними приличиями, и его запущенное состояние в польских и немецких общинах повлияли на каждый элемент религиозной жизни — богослужения, проповеди, бракосочетания, погребения, короче говоря, на все церемонии официального характера. Официальные представители и толкователи иудаизма, раввины и руководители богослужения были отталкивающими людьми, либо полуварварами, либо провидцами. Инородные приросты и выросты, грибовидная поросль, прикрепленная к первоначальному стволу, рассматривались этими лидерами иудаизма как неотъемлемые элементы. В те времена еще не было зрелых людей, которые благодаря тонкому восприятию внутреннего ядра иудаизма (содержащегося в Библии и Талмуде), благодаря широкому видению и ясному пониманию могли бы распознать злоупотребления, накопившиеся с течением времени, и отделать их от существенных частей. Чтобы удалить эти нежелательные наросты постепенно, нежной рукой, не нанося оскорблений, требовалась глубокая шлифовка. Необходимая реформа, не продиктованная внешними соображениями, была предложена несколькими столетиями ранее дальновидными людьми; но современное поколение не знало об этом. Не было также никакого адекватного представительного органа и в еврейском мире. Несомненно, существовала организация, обладавшая своего рода официальным характером и властью или легко доступная для получения, а именно французский Синод и консистория. Но вожди, Дэвид Синцхайм и Абрахам ди Колонья, не проявили должной заботы о том, чтобы добиться облагораживания и возрождения иудаизма. Синцхайм был всего лишь ортодоксальным талмудистом, а Ди Колонья — интересным проповедником. Нужные люди хотели провести и продвинуть эту столь необходимую реформу, но не самой религии — поскольку ни лидеры, ни рядовые члены не потеряли ни малейшей степени морали из-за деградации иудаизма, — а ее внешнего вида, чтобы украсить ее и удалить наросты. Поскольку мужчин не было видно, время внесло свои коррективы, и так возникли ссоры и раздоры. Иудаизму было суждено сбросить с себя оковы нелегкой работы.

Изменения в иудаизме, как и в евреях, начались в Германии. Перед немецкими евреями (поскольку Мендельсон происходил из их среды) была поставлена задача, аналогичная той, которую выполняли в прежние времена александрийские и испанские, и частично провансальские евреи, — примирение иудаизма с культурой. Но когда эти усилия начались, ситуация уже была очень запутанной, а метод, с помощью которого они были объединены, только усугубил трудности. Во время борьбы немецких евреев за освобождение, когда каждый шаг к свободе совершался только после самых напряженных усилий, когда каждое продвижение встречалось презрением и пренебрежением, когда их постоянно возвращали в их униженное положение и напоминали об их презираемом состоянии, проявились два одинаково неприятных явления. Те, кто, облагороженный культурой и образованием, плыл по течению, отдалились от иудаизма, отреклись от всякой связи с его официальными актами и презирали его как препятствие для своего гражданского или социального продвижения. Для них иудаизм представлялся мумией, окаменелостью или призраком, который беспокойно и бесцельно порхал сквозь века, картиной горя, которому невозможно помочь. Лишь немногие из этого образованного класса, подобно Гейне в его светлые моменты, когда его не сбивала с пути распущенность, были достаточно прозорливы, чтобы распознать жизнь в этой мумии, способной однажды разорвать свои покровы и вступить

всхватку со своими врагами. С другой стороны, большинство евреев, которые все еще хранили в своих сердцах глубокую любовь к сморщенной матери всех религий, цеплялись за те второстепенные формы, к которым они привыкли с юности, потому что они видели предательство противоположной стороны и не хотели, чтобы их причислили к предателям иудаизма. "Они любили камни и дорожили пылью". Это было уже не невинное благочестие ушедших дней, которому не с чем было бороться, а активное, пассивное чувство. Представители старой школы забеспокоились и с подозрением отнеслись к растущей слабости религиозных чувств, ослаблению всех уз единения, явным симптомам отступничества и презрению к их происхождению. Иудаизм казался гигантским сооружением, состоящим из крошечных кубиков, поддерживающих друг друга и целое. Они боялись обрушения всего здания, если ослабнет хоть одна опора. У них не было уверенности в долговечности сооружения, для поддержания которого они были готовы пожертвовать своими жизнями. Они не отказались бы даже от использования своего жалкого жаргона, нарушающего все грамматические законы, в ритуале, ни от своих неприличных привычек, ни от каких-либо особенностей своей беспорядочной системы. Любой признак уступки, любой отход от старого порядка казался им актом предательства по отношению к иудаизму.

Казалось невозможным найти способ объединить эти противоположности. Тем не менее, попытка была предпринята, но грубым, неумелым образом, в результате чего продвижение иудаизма было задержано на значительное время. Первым, кто предпринял какую-то реформу, был Израэль Якобсон. Он был особенно пригоден для руководства новой партией благодаря своей привязанности к своей вере, своему восхищению красотой и внешними качествами, своей активности, богатству и высокому положению. Сразу же после того, как была назначена Вестфальская консистория и он был поставлен во главе ее, он выступил с нововведениями двойного характера. С государственной службы в синагоге, связанной с недавно построенной школой в Касселе, он убрал все нежелательные и шумные элементы, особенно чтение нараспев, которое так часто используется. Естественно, он настоял на том, чтобы проповеди читались на немецком языке. Он также ввел новые формы и методы, заимствованные из Церкви, такие как молитвы на немецком и иврите, безвкусные немецкие песни рядом с псалмами, наполненными размышлениями, и церемонию исповедания веры (конфирмации) для мальчиков и девочек-подростков — идею, не имеющую смысла в иудаизме.

Якобсон пользовался такой властью над своими коллегами в Вестфальской консистории, что они безропотно приняли эти нововведения. Затем он приступил к внедрению своих реформ во всех общинах Вестфалии, пригрозив, что закроет те синагоги, которые откажутся принять его правила. Это принуждение, однако, возбудило чувства православной партии; введение немецкого языка в богослужение было особенно нежелательно для большинства. Рабби с мягким темпераментом, Сэмюэль Эгер из Брауншвейга (умер в 1842 году), имел мужество протестовать против произвола президента консистории. Он пророчески выразил убеждение, что при использовании немецких молитв и гимнов еврейский язык выйдет из употребления и, в конце концов, исчезнет, и узы, объединяющие евреев, рассеянных по всему миру, тем самым будут ослаблены. Джейкобсон, по-видимому, не обратил внимания на эти предупреждения и признаки противодействия. Недовольные евреи, должно быть, подали жалобы на него и его новые планы королю Иерониму, поскольку король сделал ему выговор за автократическое вмешательство в дела совести и его стремление к реформам.

Слава Якобсона закончилась быстрым падением Вестфальского королевства. Переехав Берлин, он оборудовал комнату в своем доме под синагогу (1815), хотя раньше он был против частных синагог, и представил свое реформированное богослужение немецкими молитвами, песнями и хором. Сначала там не было места для органа. После прихода Джейкоба Бира банкир, отец Мейера Бира, предоставил большую комнату (1817), где можно было установить орган. После победы немцев над Наполеоном стало модным быть религиозным, и это заразило евреев, которые ранее не испытывали малейшей необходимости в религиозных упражнениях и были совершенно равнодушны к религиозным церемониалам. Такие сентименталисты, не имевшие никакого отношения к иудаизму, посещали службы Якобсона, чтобы "назидать себя" и "быть набожными", как гласили новые фразы. "Общество друзей" предоставляло своих членов. Так возникла партия реформ, крошечная община внутри общины, у которой, однако, как легко можно было предвидеть, было будущее благодаря энергии, проявленной в начале, и отталкивающей форме обычного богослужения. Самой привлекательной в новой форме служения была проповедь на немецком языке, которую обычно произносил Якобсон. Его выступления имели огромную силу, потому что так называемые "гомилетические речи" раввинов и польских или моравских странствующих проповедников были скучными и непривлекательными.

Но частная синагога в Берлине из-за жалоб некоторых представителей ортодоксальной партии была закрыта прусским правительством. Король Пруссии Фридрих Вильгельм III питал отвращение к любым нововведениям, даже в еврейских кругах, и ненавидел их как революционные заговоры. После этого молодой проповедник из школы Якобсона отправился в Гамбург, получив приглашение руководить бесплатной школой, основанной несколькими богатыми евреями. Здесь он приступил к осуществлению плана возведения реформаторского храма по образцу Якобсона.

Этот молодой священник, Клей, принес из синагоги Якобсона полную схему, которая включала немецкие гимны и молитвы, проповеди и орган. Он сочинил так называемый "религиозный песенник" в подражание протестантской литургии, пустое и немогущее произведение, подходящее только для племени детей, не знающих псалмов, образцовых источников религиозного благочестия. Но в Гамбурге были люди, которые, хотя и одобряли современные *ideas*, все же не желали полностью порывать с иудаизмом и его прошлым и которые решительно возражали против отсутствия иврита в своих молитвах. Руководителями этого движения были М. Я. Бресселау, сам хороший стилист по ивриту, и Секель Френкель (умер в Гамбурге в 1833 году), также знаток иврита, который перевел несколько апокрифических книг на священный язык. Эти двое составили подборку используемых молитв на иврите, чтобы объединить их с недавно принятыми немецкими песнями и молитвами, разнородным по содержанию и форме месивом, которое несколько напоминает дружеский компромисс между противоборствующими сторонами. Около пятидесяти семей объединились, и так возник Союз Реформаторского храма в Гамбурге. Это беспородное потомство появилось на свет без любви и энтузиазма. Его сторонники были настолько прозаичны, что для дня освящения Храма была выбрана годовщина Лейпцигской битвы (18 октября 1818 года). Проповедник Клей, чтобы иметь достаточный материал для выступления, должен был использовать в качестве отправной точки немецкие освободительные войны, которые привели к тому, что евреи в Германии скорее отступили, чем продвинулись вперед. Юные девушки пели гимны вместе с молодыми людьми, чтобы вызвать сенсацию, которую не могла пробудить сама причина, и это вызывало у грест обиду. Клей не смог бы долго удерживать храмовую общину вместе, если бы тамплиеры, как их

называли, не нашли умелого проповедника в лице Готтольда Саломона из Дессау (умер в 1862 году), который был хорошо знаком с библейской и еврейской литературой изнал, как скрыть неприкрытость нового движения. С одной стороны, он наделил Храм протестантскими атрибутами, а с другой, в силу своего тщеславия и показухи, придал ему агрессивный характер. С Саломон влияние пррпреподаватель в среде немецких евреев началось; за кафедру занял место в школе, и от этого возникает чаще раздавался полого фраз, которые скрывают мысли, или отсутствие мысли. Храмовый союз официально отказался от веры в Мессию, не точно определив, какую позицию должен занимать иудаизм по отношению к христианству. Некоторые из ревностных реформаторов замыслили полный разрыв и отказ вносить взносы в общественные фонды.

Создатели и лидеры были преисполнены обманчивой идеи, которая поначалу казалась оправданной, что Храм благодаря своей современной и привлекательной форме служения вернет в лоно церкви тех, кто был отчужден от иудаизма. Они надеялись, что менее строгие религиозные формы преодолению неприязн, которую мирские люди испытывают ко всему еврейскому. В нескольких случаях тем, кто отпал от иудаизма, запрещалось переступать порог Церкви, но это не было средством с постоянным эффектом. Тем не менее, достижения Гамбургского храма, какими бы банальными ни были его истоки, не следует недооценивать. Одним махом, без особых колебаний, он изгнал многовековой мусор из синагоги, с юношеской порывистостью смел священную паутину, к которой никто не осмеливался прикасаться, и пробудил вкус к четко регламентированному богослужению, к благопристойному поведению при богослужении, к порядку и простоте. Ущерб, нанесенный иудаизму подражанием иностранным обычаям и ослаблением его собственной силы, не может быть полностью отнесен на его счет.

Естественно, основание Гамбургского храма вызвало раскол в еврейском мире. До сих пор существовали только "старомодные" и "новомодные" люди, как они называли друг друга, но не было отдельных сект, обладающих знаменем, пропускнымсловом и исповеданием веры. Даже старомодная ортодоксальная секция не представляла собой определенной партии. Ибо, хотя приверженцев прошлого, которые ни на йоту не отступили бы от прежних практик, было так много, что даже в Гамбурге ониподавили бы новаторов, если бы захотели, они действовали не как единое целое. Были слышны лишь слабые протесты отдельных людей, оплакивающих гибель иудаизма из-за его предателей, и эти часто повторяющиеся стенания были жалкими. У старой партии не былони вождей, ни вожаков; уважение к раввинам исчезло за одно поколение. Жалкий спор за Ионатана Эйбешютца и против него, а также сатиры еврейских писателей периода Месфим полностью подорвали их авторитет. Вболее крупных немецких общинах пустующим раввинским кафедрам было разрешено оставаться незанятыми. Они больше не хотели иметь раввинов из Польши, потому что те не могли говорить на языке страны, а в Германии не было великих раввинов с признанным авторитетом. Берлин подал пример, которому последовала община Праги после смерти мудрого Иезекииля Ландау, Гамбурга после ухода на пенсию фанатика Рафаэля Коэна и Франкфурта-на-Майне после смерти ультраортодоксального (хасидского) Пинхаса Гурвица. Помощники (даяним) раввинов управляли раввинской канцелярией — гибридные существа, слишком зависимые, чтобы иметь собственное мнение, и слишком слабые, чтобы противостоять требованиям безрассудных лидеров общин.

В результате пренебрежения, с которым относились к раввинам, талмудические школы пришли в упадок. Одаренная еврейская молодежь, чье образование раньше начиналось с Талмуда, предпочитала посещать гимназии и университеты и научилась презирать Талмуд и иудаизм. Самые известные талмудические академии в Праге, Франкфурте, Альтоне и Гамбурге, Фюрте, Меце и Хальберштадте, в которых обучалось по меньшей мере несколько сотен учеников (бахурим), постепенно закрывались. Это запустение распространилось и на Польшу, поскольку у изучавших талмуд больше не было надежды найти работу в Германии и Франции. Они все еще направлялись в Германию, но с намерением изучать науку (Чохмот), а если оставались дома, то посвящали себя пленительному мистицизму неохасидизма. Было всего четыре раввина молодого поколения, которые благодаря своему глубокому знанию Талмуда и чистому патриархальному характеру пользовались широким авторитетом: Мордехай Бенет из Никольсбурга, Якоб Лисса, Акиба Эгер и его зять Моисей Софер из Франкфурта-на-Майне. Эти четверо раввинов своими изобретательными методами поддерживали живое рвение к изучению талмуда. Акиба Эгер, благодаря своему поразительно изобретательному уму и высоким добродетелям, среди которых преобладала скромность, пользовался почти божественным почитанием тысяч учеников, вышедших из его академий во Фридрихсберге и Позене. Он был тихим человеком, который никогда не проявлял инициативы и испытывал отвращение к агрессивному противодействию. Моисей Софер, с другой стороны, был фанатичным фанатиком и активным еретиком-охотником. Он обладал смелостью и решимостью, которые не считались с последствиями. Он мог бы быть полезным лидером, но, как и его товарищи, находился на слишком большом расстоянии от места действия, чтобы принять участие в соревновании или даже установить стандарт. Эти раввины не имели ни малейшего представления о новой тенденции, которую развили время и евреи, и поэтому были невежественны относительно важности дела, которое они представляли. Они не знали врага, на которого нападали, или слишком сильно презирали его, чтобы быть опасными противниками. Когда возникал серьезный вопрос или критическая ситуация, они не знали, что делать, доставали свое старое ржавое оружие, и вредили своему делу, раскрывая его слабость. Эта неловкость создавала впечатление немощи и дряхлости. Таким образом, староортодоксальная партия (как называли их их оппоненты, заимствуя название из церковной фразеологии), или консерваторы, были без головы, без знамени или плана, совершенно без единодушия или дисциплины, без сознания собственной силы. Им особенно не хватало красноречия, незаменимого средства, с помощью которого можно влиять на общественное мнение и управлять им, а его безрассудство и пустота становятся очевидными. Их крайняя необразованность жестоко отомстила за это строгой набожной партии.

С другой стороны, противостоящая часть, ярые новаторы, партия Якобсона, обладала тем, чего не хватало другим: смелым лидером, единством и особенно обилием паролей и фраз, таких как "дух времени", просвещение", которыми пленяются бездумные. Их победу и конечный успех можно было предвидеть. Они обладали уверенностью и мужеством молодости, были смелыми и не слишком разборчивыми в используемых средствах. Джейкобсон, их руководитель, знал, какискать и достигать цели, а также как использовать имеющиеся в его распоряжении средства. Он видел, что Гамбургский храм столкнется с трудностями и будет осужден старыми раввинами как еретический. Якобсон состоял в переписке с основателями и знал, что Сенат, подстрекаемый ортодоксальной партией, будет, подобно королю Пруссии, запрещать нововведения. Он также видел, что многие гамбургские тамплиеры были слишком равнодушны, чтобы бороться с большими трудностями. По этой причине он стремился заранее получить

одобрение храмового ритуала. Среди раввинов Германии он не смог найти голоса, одобряющего новый порядок служения. Следовательно, он связал себя — факт, который не проливает благоприятного света на дело, — с подлым авантюристом, которого, по-видимому, наняли, чтобы помочь ему. Элеазар Либерман из Австрии, игрок, стал его апостолом реформ. Чтобы охарактеризовать этого человека, достаточно отметить, что впоследствии он принял крещение. По настоянию реформаторов Либерман совершил поездку по Австрии. От него они узнали, что в Венгрии и Италии есть раввины или потенциальные раввины, готовые высказать благоприятное мнение о новом ритуале. Джейкобсон обратился к ним со своими запросами, и его пожелания были выполнены. Первым, кто позволил Либерману использовать себя, был Аарон Хорин (из Хорина), раввин из Арада, Венгрия, нудный болтун поверхностной культуры и посредственной талмудической эрудиции, который был способен повторять нелепости на трех языках — иврите, немецком и еврейско-немецком жаргоне. Он был предан новому движению, не понимая его сути. Два итальянских раввина с низкими достижениями также высказались в пользу нововведений. Мнения всех этих людей — ни один из которых не был полностью в здравом уме — показывали, что появление органа не противоречило раввинскому закону. Один только Хорин поддержал другие реформы и немецкие молитвы. Либерман сопоставил эти мнения, подкрепил их своей собственной мнимой ученостью, добавив ложь о том, что не только все раввины ЛеГорна, но даже раввины Иерусалима объявили допустимым использование органа в еврейском богослужении. Эти мнения, которые были напечатаны и разрозненно переданы по радио, были призваны снять вину с Гамбургского реформаторского храма с самого его зарождения и убрать пятно незаконности, которое, как можно было предвидеть, наложат на него раввины старой школы.

В то время как реформаторы энергично пытались устранить все препятствия, консерваторы бездействовали и позволяли опасностям, которые угрожали их убеждениям, накапливаться незаметно. Как уже отмечалось, в то время во главе Гамбурга не стоял раввин, а существовала коллегия из трех помощников (даяним), пользующихся небольшой репутацией. Хотя этих официальных представителей иудаизма поддерживало почти все сообщество Гамбурга, они выступали против нововведений без особой энергии. Вскоре после открытия Храма колледж приказал вывесить в синагогах слабо написанное воззвание (26 октября 1818 г.) о том, что новый молитвенник не должен использоваться благочестивыми израильтянами, поскольку вопреки обычаю существенные отрывки были опущены или изменены. Но это заявление утратило силу, когда мирские главы общины, чьей помощи даянам заручиться не смогли, сняли его, и упрекнули авторов, потому что "они были виновны в недопустимой самонадеянности". Главы мирян, по рекомендации колледжа, впоследствии пригласили руководителей Храма (8 ноября) на встречу и попросили их прекратить использование молитвенника, поскольку это не согласуется с ритуалом, принятым всеми еврейскими общинами. Тамплиеры, однако, с презрением рассмеялись над этим требованием.

Храмовый союз неожиданно получил моральную поддержку от человека, имеющего большое влияние в Гамбурге. Лазарус РисЭр, отец неутомимого борца за эмансипацию евреев в Германии, всегда считался членом старой ортодоксальной партии. Как зять раввина Рафаэля Коэна и его правая рука, он был поглощен изучением Талмуда. Он опубликовал "Еврейскую жизнь Рафаэля Коэна", в которой восхвалял не только автора, но и его раввинские взгляды и объявил себя его верным последователем. Каково же было изумление гамбургских евреев обеих партий, когда внезапно появилось письмо Риссера, отредактированное, озаглавленное "Моим единоверцам в Гамбурге" (начало 1819 г.), в котором приветствовались

нововведения в Храме и резко осуждалась коллегия раввинов, выступившая против них! Он откровенно назвал противников "ханжескими лицемерами", которые "подпитывают раздорыв Израиле и преграждают путь сыновьям, желающим вернуть расположение своего отца". Похоже, что он хотел мелко отомстить членам гамбургской коллегии раввинов, которые, возможно, считали, что он держится в тени.

Ортодоксальная партия в Гамбурге, которая воображала, что ни один раввин во всей Европе не одобрит реформы, была горько разочарована; благодаря деятельности Якобсона и Либермана еврейская общественность обнаружила, что несколько раввинов в различных округах поддержали их. трикты. Старые раввины были настолько вялыми и ленивыми в этом вопросе, что к ним пришлось обращаться дважды, прежде чем они вынесли приговор Храму. В ходе первого волнения гамбургские раввины неблагоразумно осудили невинные ипереносимые обычаи, которые были введены в Храме, такие как португальское произношение иврита, отсутствие интонации при чтении Библии. Чтобы исправить эти ошибки, впоследствии они ограничили свои жалобы тремя пунктами — сокращением молитв, особенно в отношении пропуска мессиянских отрывков, молитв на немецком языке и использования органа. В конце концов было получено согласие на эту программу многих выдающихся раввинов и раввинатат: четырех в Германии (Фюрт, Майен, Бреслау и Ханау), пяти в Италии (Триест, Модена, Падуа, Мантуя и Ливорно), трех в прусской Польше (Позен, Лисса и Равиц) и двух в Моравии (Никольсбург и Трич). Мозес Софер из Пресбурга, немецкий раввин из Амстердама и французские главные раввины консистории Винценхайма также подписали документ. Все они объявляли реформы в Храме явно неортодоксальными. Ложь Либермана теперь стала очевидной, поскольку раввинат Ливорно не дал своего согласия на использование органа. Самун, будущий раввин из Ливорно, и Хорин из Арада, вероятно, под моральным давлением, отозвали свои прежние свидетельства. Наиболее рьяными в своих обличениях Храма были Софер Пресбургский и Бенет Никольсбургский, которые объявили незначительноеотклонение от древних обычаев ересью. Но впечатления, на которое рассчитывали авторы этого документа, не последовало. Он задерживается слишком долго, не более семи месяцев, имеющих, по истечении которых приговор в ереси был принят; и тем временем чье храм Союз установил сам. Восемнадцать враждующих раввинов (всего сорок раввинов) казались немногочисленными, а самый выдающийся из всех, Центральная консистория Франции, хранил молчание. Подписавшие протест утверждали, что было получено больше мнений, но это запоздалое заявление не принесло никакого результата. Аргументы, приводимые раввинами против храмовой службы, были по большей части пустыми, некоторые были совершенно детскими. Буква закона говорила против них. Разнообразие мнений среди раввинских авторитетов разных эпох и стран всегда позволяло найти доводы за и против любого вопроса.

Эта слабость была безжалостно разоблачена М. Ж. Бресселау, одним из инициаторов гамбургской реформы. В письме на иврите (1819), написанномиттен красивым еврейским стилем и с такой искусной манипуляцией библейскими стихами, что казалось, будто пророки и псалмопевцы сами бичевали заблуждения тупых раввинов, Бресселау обращался с ними то как с невежественными мальчиками, то как с любимымипророками, и особенно как с нарушителями мира. Каждое предложение в этом, казалось бы, серьезном, но язвительно-сатирическом послании было ударом кинжала в сторону старых извращений и их защитников. Реформаторы также получили поддержку из Польши. Старомодная партия, с другой стороны, не смогла представить ни одного еврейского писателя для защиты своего дела. Даже еврейский стиль, использованный в документе противостоящих раввинов, был грубым и огрубелым.

Даяним Гамбурга, действительно, добился, чтобы свидетельство было частично переведено на немецкий язык — уступка, свидетельствующая о слабости их дела, — но немецкая версия не была рассчитана на то, чтобы произвести хорошее впечатление. Для этого им пришлось нанять Шалома Коэна, перебежчика, который ранее принадлежал к рядам реформаторов. Короче говоря, консерваторам не повезло, потому что они были неумелыми и неосмотрительными.

Случилось также, что ссора в Храме произошла в тот год, когда раздавался крик "Хеп, хеп!", и Гамбург тоже участвовал в ней. Здоровые и мирские евреи были, таким образом, ограничены обществом своего собственного народа и активно поддерживали развернутое знамя. Еврейские купцы Гамбурга, члены Храмового союза, которые привыкли посещать ярмарку в Лейпцигском дюринге во время главных праздников весной и осенью, присоединились к некоторым берлинским купцам, придерживающимся схожих взглядов, и основали филиал синагоги (20 сентября 1820 г.). Мейербер сочинил песни для церемонии открытия. Они назначили так называемого справедливого проповедника (Messprediger) Якоба Ауэрбаха, и из этого места сбора евреев из разных стран нововведения распространились на более широкий круг. Таким образом, гамбургские реформы были приняты в некоторых частях; а в других общинах, таких как Карлсруэ, Кенигсберг и Бреслау, где программа не была выполнена полностью, был введен, по крайней мере, обряд конфирмации, заимствованный у Церкви.

Первая попытка создать оппозиционную партию, чтобы перекрыть бьющий через край поток реформ и направить его в спокойное русло, была предпринята в связи с храмовыми нововведениями. Эта противоборствующая партия была основана человеком, который сам частично отрекся от раввинского иудаизма, но который стремился укрепить и отстоять его, находясь под правильным впечатлением, что развитие должно происходить на его собственной почве, с должным учетом исторических условий и по своим особым линиям, и особенно без подражания иностранным церковным формам. Исаак Бернейс (родился в Майнце в 1792 году; умер в Гамбурге в 1849 году) был человеком, который разумно выступал против преобладающей вялости полупросвещенных реформ и мышления. В Южной Германии, в отличие от Северной Германии с ее любовью к формальным изложениям доктрин, которые никогда не выходили за рамки общих мест рационализма, была создана мистическая философская школа, которая продвигала визионерские идеи. Во всех вещах, самых маленьких и величайших, в природе и истории, в группировке вещей, в числах, цветах и названиях эта философия видела систему, зародыши идей, разбитые руины гигантского зеркала, отражающего фундаментальные мысли огромного размера. Исаак Бернейс принадлежал к этой школе. Для его видения иудаизм в своей литературе и историческом прогрессе раскрылся наполовину. Ум Бернейса, с его безграничным богатством идей, находил во всех явлениях гармоничную систематизацию и развитие фундаментальной мысли, которая, проявляя все свои скрытые возможности, пронизывала проходящие события и исторические достижения и которая развивалась от начала творения до самого недавнего факта. Бернейс, гораздо более глубокий, чем Мендельсон, был первым, кто осознал важную роль иудаизма в мировой истории и с первого взгляда оценил диапазон его литературы. Возможно, его вина заключалась в том, что он был слишком богат идеями, поэтому он слишком много искал и открыл и не справился с задачей облечь свои идеи в подходящую форму и язык. Со своей высшей высоты он с презрительной жалостью взирал на бедность мысли еврейских реформаторов, которые хотели сжать и ограничить гигантский дух иудаизма (о котором они не имели никакого представления) в узких рамках катехизиса для больших и маленьких детей. В его глазах последователи Фридлендера

были воплощением безвкусицы и ограниченности. Они впечатляют Эда Бернейса идеей толпы, которая живет в Пирамиде и приспособливает ее для мелких бытовых нужд.

"Они, ученики Мендельсона, стыдящиеся своей древности, предпочитают, как современные подкидыши, безрассудно переступить немодные границы Закона, вместо того чтобы слушать в школе своей расы, что Бог совершил в наши дни".

Ход мыслей, с помощью которого Бернейс реконструировал иудаизм в своем сознании на основе его первоначальных источников и истории, нам мало известен. Он относил устные инструкции к письменным и не желал излагать свои мысли на бумаге. "Библейский Восток", который ему приписывают, является, так сказать, лишь фундаментом притвора внушающего благоговение храма. Эта работа, какой бы странной она ни была по форме, отличается своей глубиной и оригинальностью; она начинается с идеи, что на иудаизм возложена задача вернуть Богу людей, созданных по Его образу и подобию, и что еврейский народ должен был служить прообразом для человечества, показывая, как можно вернуть утраченное сходство с Богом. "Библейский Восток" стремился установить более глубокое понимание Библии, чем это было достигнуто школой Мендельсона. Они рассматривали его исключительно с поэтической стороны и не смогли увидеть, что в нем изображено совпадение двух взглядов на жизнь. Бернейс считал, что его критика низвергла школу Мендельсона вместе с ее основателем; ибо сам Мендельсон своим поверхностным отношением к еврейской литературе был первым, кто внес свой вклад в ослабление иудаизма.

Согласно мнению Бернейса, еврейский культ отличался от языческого и должен был представлять собой контраст. Идолопоклонство выражалось в пластике, иудаизм - в ритуалах, символически. Следовательно, тот самый аспект иудаизма, который судьи хотели уничтожить как неподходящий и недостойный, должен быть сохранен. Все, что в ходе еврейской истории было ассимилировано и развито, согласно Бернейсу, должно иметь отведенное ему место, являясь необходимой частью целого, — даже талмудизм и каббала.

В этой книге содержится много незрелых и неотшлифованных идей, многое из которых граничит со смехотворностью. Но если бы автору удалось только пробудить идею о том, что иудаизм имеет историческую миссию апостола для народов, этого было бы достаточно, чтобы обеспечить ему почетное место в летописях еврейской истории. Не то чтобы он мог утверждать, что это новое открытие, поскольку учебник иудаизма ясно указывает на это. Это суть посланий, провозглашенных пророками. История доказала, что европейские и азиатские народы были избавлены от своей тьмы светом, пришедшим от иудаизма. Но накопившиеся страдания евреев и рабская форма, принятая иудаизмом, привели к тому, что этот факт был настолько забыт, что его собственные сыновья даже не подозревали об этом. Таким образом, заслуга человека, который снова напомнил об этом, немалая.

Экстраординарные таланты и оригинальные идеи Бернейса привлекли к нему внимание еврейского общества. Впоследствии, правда, он отрицал авторство "Библейского Востока"; но если бы он на самом деле не сочинил его, он мог бы это сделать, ибо это плоть от его плоти или дух от его духа.

Гамбургская община, которая остро нуждалась в силе, чтобы противостоять Храмовому союзу, в связи с его известностью выбрала Бернейса своим духовным наставником. Это был хороший ход с их стороны, и он принес важные результаты. Раввины старой школы были плохо

подготовлены к борьбе между двумя оправданными принципами: сохранением иудаизма в его особых проявлениях и ассимиляцией евреями европейской культуры. Их оружие заржавело и ранило владельцев больше, чем их противников. Поэтому для их дела требовались свежие силы — люди, понимающие нужды эпохи, которые могли бы использовать их для прославления и очищения иудаизма. Назначение Бернейса в гамбургский раввинат (ноябрь 1821 г.) вызвало ажиотаж: он был первым раввином с хорошо организованным светским образованием. То, что он отказался от титула раввина и предпочитал, чтобы его называли Хахамом, как это было принято среди португальских евреев, было знаменем времени: он не хотел, чтобы презируемый титул раввина мешал его деятельности. Верный своему отвращению к рабскому подражанию, он избегал всех клерикальных хитростей в костюме и жестах, которым проповедники-реформаторы придавали большое значение, выступая за кафедрой. Бернейс не претендовал на то, чтобы быть хранителем душ, а только учителем своей паствы. Он также произносил проповеди, но их содержание, форма и другие особенности полностью отличались от тех, что были представлены школой Якобсона. Из-за его особого образа мыслей толпа не понимала его обращений; но вдумчивые слушатели, по крайней мере, признавали за ним достоинство оригинальности, которая выгодно контрастировала с безвкусицей храмовых проповедников. Когда Гейне, который в то время все еще практически интересовался иудаизмом, находился в Гамбурге, его побудили послушать проповеди Бернейса и сравнить их с проповедями других проповедников. Гейне понимал метод и форму своих мыслей, и мнение лирического сатирика звучало следующим образом:

"Я слышал проповеди Бернейса ..., никто из евреев не понимает его, он ничего не желает для себя и никогда не будет играть никакой другой роли; но он человек ума, и внем больше жизни, чем в Кее, Саломоне и Ауэрбахе I и II".

Благодаря ненавязчивой работе Бернейсу удалось завоевать уважение не только общества, но и строго набожной партии в других местах. Их подозрительные натуры не нашли ничего, что можно было бы обвинить в религиозном поведении чачама. Внесенные им изменения, на самом деле реформы, встретили одобрение и подражание в православных общинах. Благодаря своей проницательности и большой эрудиции он оказал глубокое влияние на подрастающее поколение, которому он открыл богатые сокровища еврейской литературы, тогда еще малоизвестной. Тем самым он внушил своим ученикам радостную привязанность к иудаизму. Как уже говорилось, он не любил писать. Если бы его мужество соответствовало его знаниям и богатству идеологии, его деятельность оказала бы большее влияние на современную еврейскую историю.

В другом квартале действовала столь же благотворная и возвышающая личность, хотя и по-другому устроенная. Исаак Ноа Мангеймер (родился в Копенгагене в 1793 году; умер в Вене в 1864 году), первоначально последователь школы Якобсона, смягчил ее грубость и таким образом добился того, что оскорбительные изменения в богослужении были восприняты благосклонно; внося улучшения, он взял правильную ноту. Его по праву можно считать воплощением тончайшей еврейской нации — мужчиной до мозга костей. В нем основные элементы специфически еврейской культуры гармонично сочетались с привлекательными формами европейской цивилизации; действительно, во всех отношениях он был идеально сформированной натурой. Одаренный добродушным юмором и остроумием, энтузиазмом и осмотрительностью, ведущий идеальную жизнь и обладающий верным практическим чутьем, наделенный поэтическим талантом и трезвым мышлением, детской нежностью и язвительной

сатирой, большим красноречием и искренней энергией, глубокой любовью к иудаизму и восхищением современными идеями, он самым счастливым образом сочетал в себе эти разнообразные характеристики. Эти блестящие качества, вместе с его благородством души и бескорыстием, преданностью своим убеждениям и добросовестностью во всех служебных делах, тонкостью чувств, тактом, неприятием вульгарности и снисходительностью к вульгарным, быстро пленили все сердца, привлекли благородных и даже прониклись уважением к недостойным, и таким образом облегчили его труды. Рожденный и воспитанный при мягком правительстве Даниш., которое с самого начала предоставляло евреям равные права, но, подобно другим государствам, не отменяло и не урезало их при изменении обстоятельств, Мангеймер с детства научился высоко держать голову, представлять своих единомышленников и без страха высказывать свои убеждения даже в стране, где долгое время господствовало рабское представление о положении граждан, крестьян и особенно евреев. Мангеймер не обладал оригинальными идеями или глубокими знаниями еврейской литературы; но на него сильно влияли его собственные убеждения, которые он лелеял и распространял, а не прятал их как зарытые сокровища. Этот человек слова и действия был поставлен судьбой в ситуацию, где его своеобразная натура и особые дары могли найти применение и облагородить идеальных кругов. Каждый, кто осведомлен о положении дел, царившем тогда в Австрии, и о том, до какой степени с тех пор продвинулись австрийские евреи, должен признать, что Мангеймер был providentially приспособлен для своего положения в австрийской столице, на границе полудиких стран, чтобы вывести евреев этих стран из морального вырождения, в которое они были ввергнуты как благожелательным деспотизмом Иосифа II, так и враждебностью его матери, и возместить ущерб, причиненный Герцами Хомбергами, Питером Бирсом и всем отрядом так называемых "нормальных учителей" и официальных религиозных наставников.

Вожь, который перед лицом постоянной борьбы и опасности основывает колонию с группой полудиких людей, возвышает ее и воспитывает так, чтобы она была образцом для других, не может претендовать на большую похвалу, чем заслужил Мангеймер, основав венскую конгрегацию. Лагерь Меттерниха и Франциска I не терпел евреев в пределах своих владений; лишь в виде исключения несколько богатых семей с их иждивенцами были терпимы различными экстраординарными титулами. Эти привилегированные семьи иммигрировали из разных стран, никак не были связаны, не имели прав как община, не могли ни владеть синагогой, ни назначать раввина; короче говоря, по закону им как религиозной организации было запрещено почти все. Тем не менее, некоторые предприимчивые люди среди них желали ввести немецкий орден служения, основанный по образцу гамбургского храма, и их усилия попеременно поощрялись и пресекались правительством. Когда эти просвещенные люди в Вене взялись построить Храм, они заручились помощью Мангеймера в качестве проповедника (июнь 1825 г.), но были вынуждены обойти ограничительные законы, придумав для него какой-нибудь незначительный титул, чтобы ему разрешили проживать в Вене.

Хотя Мангеймер был близок с Дэвидом Фридендером, Якобсоном и молодыми иконоборцами, для которых разрушение старого иудаизма было принципом, и время от времени проповедовал в реформистских синагогах Берлина, Гамбурга и Лейпцига, все же он не был настолько сильно привязан к новой системе, чтобы не признавать ее фундаментальных ошибок. Его первым и последним словом в его новой сфере деятельности было то, что между евреями не должно быть раскола, не следует поощрять сектантство и что старую ортодоксальную партию не следует оскорблять и отталкивать смелыми движениями, а следует постепенно привлекать к новым

формам. Движимый этими идеями, он внес умеренные изменения в синагогальное богослужение вопреки желаниям человека, который повысил его до должности. Мангеймер в новой синагоге убрал только оскорбительные наросты, придав службе достоинство и оживив ее своими впечатляющими словами, но он сохранил иврит, эти прочные узы единения, и, к сожалению своих бывших братьев-реформаторов, обошелся без органа и немецких гимнов. Исаак Маннхаймер даже более успешно, чем Исаак Бернейс, проложил путь к примирению старых и новых идей.

В его красноречии с кафедры, признанном компетентными судьями, евреями и христианами, как высокое качество, проявилась его способность гармонично сочетать два явно враждебных элемента. Мангеймер обнаружил в еврейской литературе великое сокровище и щедро им воспользовался. В Талмуде и Агаде — кладезе глубокомысленных высказываний, притч, загадок, интересных наблюдений и остроумной игры словами — он чувствовал себя как дома, обнаружил золотое зерно или, говоря точнее, знал, как извлечь приятный смысл из самого незначительного высказывания, и использовал замечания старых агадистов как толкователей новых взглядов и мыслей. Используя элементы агады, его метод проповеди приобрел особый характер и оказал сильное влияние на благочестивых евреев и подрастающее поколение. Портовые египетские евреи (франки), мигрировавшие из Турции в Вену, также с удовольствием слушали этого живого и одухотворенного проповедника. Восток и Запад были объединены в Мангеймере и в новом Венском храме, освященном в апреле 1826 года. Как будто конгрегация того Храма с самого начала была предназначена для завершения работы умиловления между старыми и новыми формами, им удалось заручиться услугами Зульцера, искусного музыканта, который благодаря своим богатым музыкальным ресурсам придал еврейским молитвам почти магическую выразительность и превратил старые неприятные интонации в волнующие душу мелодии. Эти мелодии сделали орган излишним. Мягкие, напыщенные хоралы и соло Венского храма, а также проповеди Мангеймера доказали, что старые владения не были совершенно бесполезными, какими их представляли жестокие реформаторы, а лишь нуждались в модификации, чтобы произвести впечатление. Кафедра и хор, работающие в согласии, оказали огромное влияние на умы растущей конгрегации Вены, чья привязанность к унаследованному иудаизму и благоговение перед еврейской древностью сочетались с желанием соответствовать требованиям прогресса. Личность Мангеймера способствовала усилению столь пробудившегося чувства. За кафедрой, как и в домашних и общественных делах, он выступал не как защитник душ, не как священнослужитель — он ненавидел ханжеские, елейные манеры, — а как нежный отец, друг, советник и подмога. Поскольку он не гнушался осуждать нежелательные стороны старых и новых обычаев, он словом и примером воспитывал образцовое сообщество, в котором каждый индивид стремился поддерживать мир и подавлять разногласия.

Именно в Вене раболепная покорность еврея впервые превратилась в самоуважение, и это несмотря на политическое притеснение, продолжавшееся до года Революции. Отвращение, которое испытывали варварские польские евреи к цивилизации, постепенно исчезло, уступив место стремлению к самосовершенствованию. Таким образом, венская община приобрела историческое значение. Звуки, раздававшиеся с кафедры и хора, будоража прихожан, вызвали могучее эхо в ближних и отдаленных общинах Австрии. Пест, Прага и более мелкие общины в Венгрии и Богемии последовали импульсу, данному Веной, на меня повлияла примирительная манера, с которой там проводилось "очищенное богослужение", и движение, начатое в Вене, распространилось на Галицию.

Избрание Чахама Бернейса главой гамбургской конгрегации и деятельность Мангеймера по установлению порядка богослужения в венской синагоге постепенно вызвали подражание в других немецких общинах. Предпочтение отдавалось образованным раввинам, и они восстановили достоинство синагоги. Немецкие евреи, в свою очередь, дали почувствовать свое влияние во Франции и Италии. Франко-еврейские консистории, пренебрегшие благоприятной возможностью стать лидерами, предоставленной французским превосходством, были вынуждены довольствоваться тем, что были последователями. В Италии те общины, которые принадлежали Австрии, также почувствовали импульс, исходящий из Германии, хотя проповеди на местном или испанском языках произносились там с давних времен, и богослужение, по крайней мере внешне, не проявляло признаков пренебрежения.

Насколько велик вред, который может быть нанесен нездоровостью ума или туманными теориями даже выдающимися людьми, или как, по крайней мере, они могут свести на нет свои собственные усилия, было доказано на поразительном примере в Берлине, наиболее резко контрастирующем с примером в Вене. В то время, когда образованная толпа Германии бросала камни в евреев с криками "Геп, геп!", трое еврейских молодых людей собрались вместе, чтобы спланировать своего рода заговор против неисправимого христианского государства, все трое были преисполнены искренних идеалов. Они тщательно обдумывали средства, которые можно было бы использовать для уничтожения глубоко укоренившейся ненависти к евреям в Германии. Первым из троих был Цунц, который дожил до седых лет в исследованиях; вторым был Эдвард Ганс, защитник и апостол философии Гегеля и противник старых методов юриспруденции; и, наконец, бухгалтер, живший в литературном мире, Мозес Мозер, самый близкий друг Гейне, которого он называл "*Роскошным* произведением настоящего мужчины, эпилогом Натана Мудрого". Они объединились (27 ноября 1819 г.) с целью основания "Общества поддержки культуры и науки евреев". Ганс, который обладал непостоянной натурой и мог бы стать лидером революции, был главой этого движения. Эти трое молодых людей заручились помощью двух других, настроенных подобным же образом, которые были увлечены наукой, свободой и идеализмом. Двое ископаемых мендельсонианцев, Бен-Давид и Дэвид Фридлендер, также стали членами общества, и Якобсон был готов дать совет и оказать помощь. Всего в Берлине она насчитывала около пятидесяти членов; в Гамбурге в нее входило около двадцати сторонников Союза Храмов и еще несколько человек, разбросанных по разным местам. Как уже упоминалось, Гейне впоследствии присоединился к ней и работал над ее успехом.

Первое условие, выдвинутое основателями, заключалось в том, что members должны были верно придерживаться иудаизма, мужественно противостоять соблазнам Церкви и таким образом подавать молодому поколению блестящий пример постоянства и независимости. Если бы общество оставалось верным этой программе, оно стало бы благотворным фактором в развитии иудаизма, поскольку большинство его членов были талантливы и достигли высот культуры. Но все началось с ложных предпосылок, было нацелено на слишком далекие результаты и использовало неправильные средства для достижения цели. Обществу не хватало практических умов. Ложная предпосылка заключалась в том, что если бы евреи приобрели солидную культуру, посвятили себя искусству и науке и занимались сельским хозяйством и ремеслами вместо торговли, немецкий антисемитизм исчез бы, сыновья Тевтона по-братски приняли бы сыновей Иакова, и государство не отказало бы им в равных привилегиях. Поэтому

общество желало — их многочисленные желания кажутся почти смехотворными — основать школы, семинарии и академии для евреев, продвигать ремесла, искусства, сельское хозяйство и научные исследования и даже воспитывать их в формах приличного общества. Из идеи основания академий, однако, вышло лишь нечто вроде частной школы, где культурные члены общества обучали или заставляли работать с собой бедную молодежь, приехавшую в Берлин в основном из Польши, изучавшую Талмуд, сбежавшую из его фолиантов, чтобы постичь "мудрость". Основатели вскоре поняли, что построили воздушные замки и что Общество культуры, из-за своегосдержанного характера, не встретило никакой поддержки. Поэтому они заняли менее возвышенную позицию, ограничившись простой агитацией и продвижением науки иудаизма, что, безусловно, было похвальным предприятием и насущной необходимостью. Они решили выступать с лекциями по очереди и основать журнал "Наука иудаизма". Но сами лидеры точно не знали, что подразумевается под этим термином и с чего начать свою работу.

Гегель, глубокий мыслитель и великий софист, придворный и церковный философ, ввел этих молодых евреев, пылких в стремлении к истине, в лабиринты своего метода и запутал их умы. Молодой Израэль, основатели Общества культуры, сначала прислушивались к высказываниям этого философствующего акробата как к оракулам. Как попугаи, они повторяли за ним, что иудаизм - это религия духа, который испустил дух, и что христианство объединило в себе всю древнюю историю и излучает свои идеи в обновленной, облагороженной форме. Они также привыкли, как и их хозяин, ходить на ходулях. Самые простые мысли были представлены в искаженной форме, как будто они не хотели, чтобы их понимали. Как, в самом деле, могло в них пробудиться чувство к иудаизму? Эдвард Ганс, это правда, постоянно говорил о "неизлечимой боли иудаизма", но все время думал о себе, который не мог получить должность в Пруссии. Какова была цель науки иудаизма, которую это Культурное общество желало продвигать? Ганс выразил это пустыми фразами гегельянского жаргона, и очевидно, что лидер не знал, какое дело должны защищать его последователи.

"Евреи не могут погибнуть, и иудаизм не может быть полностью уничтожен. Но в великом движении целого должно казаться, что оно исчезло, и все же оно должно продолжать жить, как поток продолжает жить в океане".

Общество желало помочь в разрушении разделительной стены, отделяющей евреев от христиан, а еврейский мир - от европейского. Яне хотел устранять все различия, существующие между еврейской и вселенской системой.

Журнал Общества культуры свидетельствовал о неопределенности и неясности его цели. Его статьи состояли в основном из неудобоваримой гегелевской фразеологии, или ученого материала, пригодного для использования чрезвычайно ограниченным кругом в качестве материала для дальнейшей работы. Гейне, называвший вещи своими именами, прямо заявил редактору журнала, "Что большая его часть бесполезна из-за своей неясной формы".

"Если бы я случайно не знал, к чему стремятся Маркус [один из участников] и Ганс, я бы ничего не понял из того, что они пишут.... Настаивайте на культуре стиля для своих авторов. Без этого другая культура не сможет процветать".

Однако с помощью этой надуманной бессмыслицы Общество надеялось возвысить не только евреев, но даже иудаизм, и было возмущено тем, что первые не обращали внимания на их

усилия. Gans в статье, рассказывающей о своих планах, жаловались, что основатели не были поняты. Упрек, который он бросил евреям в целом, был особенно справедлив в отношении Общества культуры —

"Энтузиазм по отношению к религии вместе с прочностью древних институтов исчез, но никакого нового энтузиазма не проявилось, и никакое новое положение дел не установилось. Мы не вышли за пределы этого негативного просвещения, которое состоит в презрении к вещам такими, какие они есть, не заботясь о том, чтобы привнести в них новый дух".

Это чудо меньше всего могло быть сотворено Культурным обществом, потому что оно было глухо к голосу Божьему, который с самого начала звучал в еврейской истории, в еврейском законе и в еврейском народе. Общество оскорбляло весь мир и изливало свои чувства в элегических излияниях. Ганс, главный мовер, излил свой гнев на богатых людей в Израиле, которые не проявили сочувствия к его мечтам о пробуждении мира.

Велико было разочарование основателей Общества культуры. Число его сторонников скорее уменьшилось, чем увеличилось. Журнал с его на удивление путаным языком не нашел читателей, материалы были на исходе, а сами члены отказались от стандарта и, несмотря на молчаливую клятву, приняли христианство. Сам Эдвард Ганс втайне лелеял идею получить профессорскую должность посредством крещения. Разногласия среди немецких евреев, презрительный тон, которым сыны иудаизма отзывались о своей религии, и многочисленные примеры крещения в их среде — до 1823 года в Берлине было не менее 1236 обращенных, что составляло половину членов общины, а в других частях Пруссии их было 1382 — и пиетизм прусского двора привели к образованию в Берлине Общества "Для распространения христианства среди евреев", которое надеялось увидеть, как все евреи вступят в христианство. церковь. Избранию талантливых евреев на академические должности решительно противодействовали. Напрасно министр Харденберг ходатайствовал за Ганса, чтобы тот получил кафедру исторической юриспруденции, которая была его специальностью. Ганс рассматривал возможность креститься, выступая с длинными речами перед Обществом культуры. Общество распалось и, в конце концов, тихо вымерло, никем не замеченное. Ганс, главный деятель, обладавший достаточным состоянием, позволяющим ему оставаться верным своему обету, увеличил число скептиков и неверующих, исповедующих христианство. Это настолько возмутило Гейне, хотя он сам был обращен в христианство, что два десятилетия спустя, даже после того, как над ним сомкнулась могила, он не мог простить Ганса.

"Отступничество Ганса было тем более отвратительным, что он сыграл роль агитатора и принял на себя позитивные обязанности президента. Традиционная обязанность капитана - покидать тонущий корабль последним; Ганс, однако, спас себя первым".

Мозер, второй член триумvirата Общества культуры, оставался более стойким к своим взглядам, хотя и сомневался в возможности спасения иудаизма и провозгласил массовое крещение евреев. Третий член триумvirата был самым стойким и единственный остался полностью верен своему слову. Он также был полон сомнений, но не отчаивался в улучшении. Он указал, как должно начаться исцеление или завершение нового пробуждения.

"Единственное, что выживает и является нетленным посреди этого "Мабула" (потоп), - это наука иудаизма; она продолжает жить, даже несмотря на то, что на протяжении веков никто и пальцем не пошевелил в ее защиту. Я признаю, что помимо моей покорности Божьему правосудию, моя

надежда и поддержка заключаются в развитии этой науки. Эти бури и переживания не повлияют на меня настолько, чтобы привести к столкновению с самим собой. Я выполнил то, что считал своим долгом. Поскольку я увидел, что проповедую в пустыне, я перестаю проповедовать, но не для того, чтобы быть неверным смыслу своих собственных слов. Членам Общества ничего не остается делать, кроме как оставаться верными, каждый в своей ограниченной сфере, а остальное предоставить Богу".

Если Общество культуры, которое начинало свою карьеру с высоких устремлений, а закончилось столь плачевно, преуспело в достижении только одного результата - пробуждении любви к науке иудаизма, то его мечты и попытки были не совсем напрасными. В истории даже самое слабое семя не пропадало даром; но ни одно растение не могло расцвести на почве, покрытой пылью, брошенной на нее Фридлиндером и Якобсоном в Берлине. Словно пораженное проклятием, место, где Мендельсон начал свою работу, было таким многообещающим, что ничто не могло быть сделано для процветания или служения возрождению иудаизма. Раввинская академия, которую помощник раввина в Берлине совместно с замечательными людьми хотел создать, так и не увидела света. Однако с другой, совершенно неожиданной стороны возникла перспектива если не спасения, то все же его начала.

ГЛАВА XVI.

ПРОБУЖДЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И НАУКА ИУДАИЗМА.

Рассвет самоуважения—Исследование еврейской истории—Ханна Адамс—Соломон Левизон—Йост—Его история—Революция июля 1830 г.—Габриэль Риссер—Его лекции—Штайнхайм—Его работы—Его "Откровение"—Нахман Крохмаль—Рапопорт—Эртер—Его стихи—Труды Рапопорта—Зунц—Луццатто—Его Толкование—Гейгер—"Девятнадцать писем" Бен Узиэля—Новая школа реформ—Джоэл Джейкоби.

1830-1840 гг. н. э.

Если на мгновение дать волю фантазии, можно представить, что не только дома, утварь и картины, извлеченные из руин Геркуланума и Помпей, были обновлены, но и что погребенные люди внезапно пробудились от своего векового сна и смогли собраться с мыслями. Если бы эти воскресшие римляне могли вспомнить свое состояние, когда их постигла катастрофа, могли бы вызвать перед своим мысленным взором великолепие своего величия, вспомнить могущественные институты, которые они и их предки вызвали к существованию, осознать героическую силу, которую развил римский народ, и если бы они почувствовали, что та же самая сила все еще шевелится в них, ими овладело бы не совсем неоправданное чувство собственного достоинства. Это предположение не является фантастической идеей: нация действительно возникла из тьмы могилы, и это единственный пример, зафиксированный в анналах человечества. Этот возрожденный народ, еврейская раса, при своем воскрешении попыталась собраться с мыслями и воспоминаниями и вызвать в памяти видение своего блестящего прошлого; ощущая себя одновременно старым и молодым, богатым воспоминаниями и лишенным опыта, прикованным к седой древности совершенной

последовательностью событий, которые, однако, кажутся вчерашними. Евреи первыми исследовали памятники своего интеллекта, которые оказали влияние на историю народов и породили множество необычных продуктов. Они служили указателями в лабиринте еврейской истории. Это наука иудаизма — яркое осознание его великой истории и его своеобразных доктрин. Его усилие над памятью - это не просто забавная игра, приятное времяпрепровождение, удовлетворение жажды знаний, сродни любопытству, но непреодолимый импульс к самоанализу. Это пробудило дремлющую силу в груди вопрошающего и вдохновило его с уверенностью в себе действовать в будущем так же, как в прошлом. Самосознание - сознание того, что мы являемся народом Божьим, — пробудилось в этой старой, возрожденной нации, и она сразу же вступила в соперничество с молодыми нациями, чтобы утвердить свои особые культурные полномочия.

Но история еще не зашла так далеко: она лишь показывает, что самоуважение пробудилось; что евреи больше не краснеют за свое происхождение и исповедание; больше не колеблются, когда их спрашивают о них; больше не делают ложных шагов из ложного стыда и собственного дурного понимания, притворяясь, что верят в веру, безусловно, более неприятную для них, чем для тех, кто в ней родился. Как будто это чувство самоуважения должно было быть особенно поддержано созидательной силой истории, из среды нации Jewish вышли художники больших способностей — художники тона и колорита, и поэты первого ранга, которые своей стойкостью добились общественного признания своей расы. Это самоуважение евреев было результатом политической зрелости, которая, в свою очередь, была обусловлена замечательными изобретениями и ростом общего интеллекта за последние десятилетия, но в основном оно было пробуждено, усилено и поощрялось наукой иудаизма и достижениями талантливых евреев в связи с этим.

Хотя история этого периода все еще находится в развитии — во многих моментах она затрагивает мимолетное настоящее — и ее результаты нельзя суммировать, как результаты ушедших дней, тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что целью еврейской жизни было достижение этих двух ценных приобретений — уверенности в себе и самопознания. Эти качества тесно связаны, одно дополняет и усиливает другое. Знание своего собственного опыта и истории позволило евреям тщательно, непредвзято изучить происхождение своей национальности и особенности своего учения, а также ничего не скрывать и не игнорировать. Понимание своих собственных доктрин повысило их уверенность в себе и побудило их снять бремя, которое взяли на себя поколения, жившие в условиях угнетения. Борьба, в которую только что были вовлечены евреи за обеспечение гражданского, политического и социального равенства и за реформирование и утончение иудаизма, находится в теснейшей связи с этими двумя качествами — с лучшей оценкой своей собственной природы, с другой стороны, с их растущей уверенностью в себе - влияющими на них или находящимися под их влиянием.

Шаг за шагом горы мешающего мусора должны были быть расчищены, вырублено открытое пространство, закуплены или собраны новые строительные материалы, прежде чем стало возможным думать не о том, чтобы положить первый камень в здание, а о том, чтобы возвести каркас сооружения. Бессознательно все поколение, многие представители которого все еще активны, приступило к работе над этой гигантской задачей, о которой пятьдесят лет назад и не мечтали, а тем более не считали сколько-нибудь осуществимой. Глубокая, но почти бессознательная привязанность к иудаизму со стороны энтузиастов позволила им достичь цели, которая должна рассматриваться потомками как чудо, даже несмотря на то, что сама она

превзошла его. Еврейская наука путем кропотливых исследований выявила три важных момента: ход еврейской истории в ее длинной цепи событий и ее значение, драгоценный смысл еврейского учения во всех его проявлениях и, наконец, стойкую способность еврейской расы, которая бросила вызов стольким преследованиям, передала определенные качества по наследству, совершила такие удивительные исторические чудеса и была средством принесения спасения миру. Эти три аспекта - понимание истории, догматов иудаизма и особой национальности - были развиты один за другим. Каждой из этих отраслей знания нужно было заниматься с самого начала, и следовать за нейдолгим курсом, и если не доводить до конца, то, по крайней мере, достигать состояния, в котором ее можно было четко схватить и понять.

Все нации, желающие утвердить свою независимость и жизнеспособность, стремятся доказать свой возраст: они интересуются памятниками прошлого и выставляют на всеобщее обозрение портреты своих предков и гербы, чтобы продемонстрировать, что они прошли через превратности судьбы и несчастья, смену силы и слабости, победы и поражения, что они продемонстрировали интеллектуальные способности и, следовательно, могут претендовать на дальнейшее существование и развитие. Еврейскому народу не было необходимости разыскивать свои знаменитые подвиги или памятники своих интеллектуальных способностей; даже в их кажущемся рабском состоянии недостатка в этом не было. Каждое столетие провозглашало этот факт следующему, и нужно было только прислушиваться к этому голосу или не совсем игнорировать его в толпе эгоистичных интересов. История евреев, естественно, являла собой самое яркое свидетельство величия народа, но представить ее во всем блеске было нелегко. История еврейского народа была искажена тысячью несправедливых предрассудков веков. Под жестокими преследованиями своих мучителей евреи не могли сохранить накопленные воспоминания о своем великом прошлом; они знали их лишь в искаженных фрагментах. Христианские ученые, привлеченные величием темы, действительно сформировали из этих разрозненных фрагментов картину; но она не могла быть истинной, поскольку не хватало многих составных частей. Яркие цвета поблекли, и в комнате преобладали тени, возможно, намеренно помещенные туда. Даже таким благожелательно настроенным защитникам евреев, как Дом и Грегуар, которые усердно изучали анналы еврейской истории, они не давали четкого представления о ее ходе. Прошло более столетия с тех пор, как достойный французский протестантский священник Баснаж, прилежно изучив еврейскую историю, представил миру свои несколько фрагментарные исследования, когда жена американского священника Ханна Адамс из Бостона, пораженная чудесной судьбой еврейской нации, изложила их историю со времени возвращения из Вавилона до недавних дней. По многим причинам она не была квалифицирована для того, чтобы дать внятный очерк еврейской истории, а могла лишь связать воедино ряд грубых набросков без связи или последовательности. Эта грубая работа, тем не менее, была достаточно хороша для целей Лондонского общества распространения христианства среди евреев, которое, кроме того, внесло в книгу несколько изменений, чтобы послужить ее целям. Верность истории и правде были полностью проигнорированы при этих изменениях.

Евреям давно пора было забрать перо историка из рук христиан, которые только обращались с ним легкомысленно. Какими бы слабыми ни были их первые попытки и каким бы неадекватным ни было их представление об особенностях еврейской истории, все же было достойно снять христианскую печать, наложенную на нее бессознательными фальсификаторами, чтобы объявить ее собственностью Церкви. Первый еврей, который носил в своем сердце великие черты истории своей расы и частично опубликовал их, заслуживает почетного места. Он был

талантливым юношей, чья ранняя смерть наступила из-за безумия, столь часто свойственна настоящему поэту. Соломон Левизон (родился в Муре, Венгрия, в 1789 году, умер в 1822 году) преуспел при самых неблагоприятных обстоятельствах в приобретении светской культуры и, таким образом, сумел оценить ценность сокровищ своей страны. Левизон гораздо лучше понимал красоту и сладость еврейской поэзии, ее возвышенность и простоту, чем Гердер, потому что был лучше знаком с ней. Он рассматривал историю своего народа с точки зрения поэзии, как с точки зрения веры. В своих "Лекциях по новейшей истории евреев", от их рассеяния до наших дней, ему удалось развернуть очаровательную картину. Он также выделил определенные важные моменты и правильно показал направления, которым следует следовать, чтобы не потеряться в этом кажущемся хаосе.

Еврейская история приобрела лучшую форму в руках Исаака Маркуса Йоста (родился в Бернбурге в 1793 году; умер во Франкфурте-на-Майне в 1860 году). У него было больше мужества, чем у более одаренного современника, и, хотя он не обладал достаточными ресурсами, он взялся за гигантскую задачу, и он заслуживает похвалы за то, что указал путь через огромный лабиринт. Когда фанатичные тевтоманки захотели изгнать евреев с тевтонской земли, а ненавистники евреев искали на страницах истории повод оклеветать их, Йост решил показать их в лучшем свете. Он хотел доказать, что они всегда были мирными гражданами и верными подданными. Они, конечно, выступали против римских императоров и вели против них ожесточенную войну, но это был поступок горстки неистовых скандалистов, за чью глупость не следует наказывать весь народ. В целом евреи показали себя честными людьми, которые не убивали христианских детей и никоим образом не заслуживали тех упреков, которые звучали в их адрес. Только фарисеи и их потомки, раввины, отвратительные люди, наполненные суевериями, тьмой и высокомерием, сделали ад жарким для народа, собственности раввинов. Это основа концепции еврейской истории, предложенной Йостом. Он хотел одновременно опровергнуть поклонников и противников еврейской истории. Никто в наши дни не может отрицать односторонности его репрезентации. Тем не менее, своими историческими трудами Йост оказал реальную услугу своему народу. Он предложил нечто новое для своего времени и как можно точнее заложил незаменимые основы истории — время и пространство. Его нельзя упрекнуть в том, что он использовал исторические источники, не исследовав их; его поколение не было наделено способностью тщательно проверять исторические свидетельства. "История" Йоста оказалась хорошим руководством для государственных деятелей, занятых улучшением положения евреев.

Но главное возражение против повествования Йоста нельзя игнорировать, поскольку даже в преклонном возрасте, несмотря на поучительную критику, он упрямо следовал своему методу. Он придал еврейской истории, бесспорно героической, сухой, обывательский характер, лишив ее той яркости, которой она была наделена даже в глазах непредубежденных христианских наблюдателей. Он разорвал в клочья героическую драму тысячелетий. Между древними израильтянами, предками и современниками Пророков и псалмопевцев, и евреями, учениками раввинов, Йост проделал глубокую пропасть, проводя между ними резкое различие, как будто последние были не потомками первых, а совершенно другого происхождения. И почему? Потому что Йост, ученик Фридлиндера и Якобсона, отрицал все чудеса, не только те, которые связаны с изменениями в законах природы, но и те, которые совершаются благодаря вдохновению и непоколебимому терпению, чудеса истории, возникающие в результате своеобразного стечения обстоятельств, удара за ударом, реакции на действие. Он видел в истории лишь скопление случайностей, не подчиняющихся никакому закону. Следовательно,

евреев нельзя было считать сыновьями израильтян, раввинов - преемниками Пророков, а Талмуд - итогом Библии, иначе пришлось бы признать вмешательство чудес.

В Европе, которая впала в состояние почти вопиющей глупости, теперь произошло историческое чудо, вызвавшее сенсацию от одного конца континента до другого. С безмятежного неба на Западе сверкнула молния; за ней последовал раскат грома иужасающий грохот, как будто наступил конец света — июльская революция (1830) действительно была чудом. Никто не ожидал этого и не был готов к этому. Даже люди, которые осуществили это, и сражались в нем, были движимы каким-то темным чувством, мы не осознаем силу их действий, были всего лишь слепыми агентами Правителя истории.

Эта революция затронула евреев и, следовательно, иудаизм, как и любое важное изменение в истории. Уравнение евреев во Франции, хотя и закрепленное конституцией, несколько пострадало при двух бурбонах, Людовике XVIII и Карле X, поскольку дворянство и католическое духовенство обладали большим влиянием, и официальные лица поняли их намеки не слишком дружелюбно по отношению к евреям. Реакционное католическое духовенство начало проявлять новую нетерпимость по отношению к евреям, а полиция проявляла враждебность к еврейскому ритуалу. Если бы бурбоны смогли удовлетворить свои собственные желания, дискредитировав конституцию, а также свободу и равенство, французские евреи стали бы первыми жертвами и, подобно своим немецким единоверцам, снова попали бы под действие исключительных законов. Таким образом, Июльская революция имела для них огромное значение. Первое собрание депутатов при короле Людовике Филиппе, желавшее выполнить Хартию, сразу же рассмотрело вопрос об отмене всего существующего неравенства, каким бы незначительным оно ни было, между евреями и христианами. Один из депутатов, Вьенне, предложил (7 августа 1830 г.) исключить из конституции признание государственной религии. Его предложение было поддержано всеми сторонами. Несколько месяцев спустя (13 ноября) министр народного образования Мерилю выдвинул предложение поставить иудаизм наравне с двумя другими вероучениями, выплачивать жалование из государственной казны синагоге и раввинам, а также Церкви и ее служителям. Он похвалил французских евреев, сказав, что с тех пор, как Революция лишила их инвалидности, они показали себя достойными привилегий, предоставленных им. Он призвал депутатов согласиться с законом о равенстве трех вероисповеданий. Его предложение было принято подавляющим большинством.

В палате пэров было сложнее принять закон, устанавливающий равенство иудаизма и христианства. Защитники этого предложения были красноречивы в своем признании еврейских добродетелей. Были упомянуты имена тех евреев, которые оставили после себя славную репутацию в истории, такие как Филон, представитель еврейской философии в древние времена; Маймонид из книги "Средние века и современность"; Мендельсон, "мудрец, которого философская Германия привыкла сравнивать с Платоном".

Когда в палате пэров состоялось разделение (1 января 1831 г.), закон о полном уравнении евреев был принят 89 голосами против 57. Таким образом, во Франции были устранены последние барьеры между приверженцами иудаизма и их соседями-христианами. Король Луи Филипп 8 февраля ратифицировал закон, согласно которому французские раввины, такие как католики и протестантские священнослужители, должны получать часть своего жалования из государственной казны. Высшая школа (Collège Rabbînique) для подготовки раввинов, которая незадолго до этого была основана в Меце, также была признана государственным учреждением.

и частично финансировалась из государственного бюджета. В то же время Сенат Франкфурта-на-Майне выдвинул предложение о предоставлении евреям гражданских прав, в частности об отмене ограничений на вступление в брак. Но из 90 членов законодательного органа две трети проголосовали против.

Шок, вызванный июльскими событиями, который ощутили также в Германии, пробудил чувство самостоятельности; он рассеял всякую робость и ложный стыд при разговорах о евреях и иудаизме, которых до сих пор избегали, как будто одно громкое слово могло бы вызвать лавину юдофобии с разрушительной силой. Даже евреи, принадлежащие к так называемому хорошему обществу, которые ради какой-то материальной выгоды стремились заставить людей забыть, что они были представителями угнетенной расы, и предпочитали скрывать или игнорировать причиненную им несправедливость, начали ценить себя и перестали стыдиться того, что их признали евреями. Это изменение настроений, проявлявшееся по-разному, как и любое другое изменение, было вызвано влиятельными личностями.

Габриэль Риссер (родился в 1806 году, умер в 1860 году), человек благородного ума и огромной энергии, сыграл заметную роль в пробуждении этого самоуважения. Какими бы горькими ни были жалобы немецких евреев на позор, навлеченный на них иммигрировавшими польскими евреями, Риссер щедро компенсировал им это. Свой дух твердой решимости он унаследовал скорее от своего деда по материнской линии, раввина Рафаэля Козна, эмигрировавшего из Польши, чем от своего слабого, добродушного отца-немца. Габриэль Риссер во всех отношениях принадлежал современности. В отличие от большинства пропагандистов нового духа, он не был укоренен в старом порядке вещей. Его мысли, чувства и мечты были немецкими, и заметны лишь слабые следы его еврейского происхождения. К иудаизму в его национальной форме, как к закваске истории, Риссер был равнодушен; только воспоминания юности и родительского дома привязывали его к вере. Кроме того, он рассматривал ее как ослабленную систему размытых доктрин, которые он молчаливо исповедовал, не желая их защищать. Однако он подозревал, что иудаизм может продолжать процветать в обновленной здоровой форме, хотя и не определил четко, в чем должно заключаться это возрождение. Его пропаганда была совершенно вне его сферы деятельности. Если бы ему не препятствовали в избранном им призвании, он был бы тихим гражданином Германии, добросовестным судьей или юристом, не утруждая себя улучшением мира или исправлением коррумпированного состояния дел. Ненависть к немецким евреям побудила его защищать осмеянное дело своих товарищей по несчастью. Его первая работа юриста привлекла внимание, и он попытался стать адвокатом в своем родном городе, но получил отказ. Затем он попытался читать лекции по юриспруденции в Гейдельберге, но ему также было отказано в профессорской кафедре. Его мягкая, миролюбивая натура восставала против таких глупых исключений. Таким образом, Риссер, который не чувствовал особого призвания работать на общее благо, был вынужден стать агитатором не только за свободу своих единоверцев, но и за свободу всей немецкой нации. Он считал своим жизненным долгом обеспечить евреям равные привилегии и защищать их всякий раз, когда на них нападали. "Невыразимые страдания на протяжении двух столетий многих миллионов людей, которые терпеливо ждали освобождения" тяжело давили на него. Его идеалом был Лессинг. В своем первом памфлете (1831) он с сознательной гордостью выступал не только против немецких правителей, но и против народа, который отказывал евреям в разрешении подняться даже на самую низкую ступеньку на лестнице особого общества. Не щадил он и своих единоверцев, которые из-за высшего образования и социального положения презрительно смотрели свысока

на массу евреев и стыдились самого названия "еврей". "Если несправедливая ненависть, - воскликнул он, - цепляется за наше имя, не должны ли мы вместо того, чтобы отрицать это, использовать все наши силы, чтобы обеспечить ему честь?" Он внес свой добровольный вклад в устранение неуважения, брошенного на это имя. Риссер стремился главным образом к защите чести и достоинства евреев. Не эгоистичное достижение утаиваемых преимуществ стимулировало его действия; но желание принять участие в непрекращающемся состязании между свободой и угнетением, справедливостью и несправедливостью, правдой и ложью. Преисполненный негодования, он открыто заявил немецким правителям, что причиной лишения евреев их человеческих прав была надежда, что таким образом их можно будет побудить принять крещение. Он также упрекал малодушных евреев, которые, занимая удобное положение, отделялись от основной массы своих братьев, или ложным признанием покупали равенство, или передавали своих детей Церкви, чтобы облегчить им путь в жизни. Риссер желал видеть созданным общество, которое должны были бы энергично работать на эмансипацию евреев. Сочувствующие должны были объединиться в своего рода соглашения, согласно которому из чувства чести они могли оставаться верными своим товарищам по несчастью до тех пор, пока исход состязания не будет решен. Десятью годами ранее Берлинское общество культуры не осмеливалось публиковать подобную программу. Но между Эдвардом Гансом и Габриэлем Риссером произошла Июльская революция. Риссер также пригласил христиан присоединиться, поскольку благожелательно настроенным людям всех вероисповеданий подобает участвовать в освобождении поработанного народа.

Слова Риссера произвели должное действие; они прозвучали в подходящий момент, когда умы людей стали восприимчивыми. Его мягкие, но решительные высказывания произвели более глубокое впечатление, чем высказывания Берне с их пронзительной остротой. Тон положительной уверенности, с которым Риссер предсказал окончательную победу свободы, вселил надежду в каждое сердце. Различные благоприятные события, которые теперь произошли, по-видимому, наложили печать на его пророчество. Впервые вопрос об эмансипации евреев начал обсуждаться в английском парламенте, и главные лидеры в Палате общин высказались за отмену инвалидности. В курфюршестве Гессен, первой провинции Германии, легализовавшей эмансипацию евреев, была принята резолюция. Это придавало Риссеру смелости продолжать следовать своим идеалам. Он был неутомим в своих усилиях во имя дела, которому посвятил свою жизнь, но больше думал о чести и уважении, которые можно было получить, чем о каком-либо стремлении к материальной выгоде. Даже самая незначительная церемония не могла быть принесена в жертву для получения прав гражданства, если их можно было получить только такой ценой; правило, которое он самым решительным образом изложил в двух случаях.

Евреи Бадена в знак своей благодарности подарили ему прекрасно оформленную картину еврейского художника Оппенгейма, которая художественно изобразила переходный период в еврейской жизни, разделение старого и нового. Фильм назывался "Возвращение еврейского воина", который изображен удивляющим своих родителей и семью наступлением субботы. В своем письме с признанием этого подарка Риссер отметил: "Глуп отец, который хочет облачить своего сына в одежды древности ... но недостаток достоинства - это когда сын стыдится своего отца, поколение стыдится прошлого". Это глубоко укоренившееся чувство было передано поколению йоунгера с большей интенсивностью, потому что оно исходило не от официального представителя иудаизма, а от юриста, чье существо было пропитано немецким духом. Риссер сделал вопрос эмансипации популярным благодаря своей борьбе с иудеофоническими бистами

Паулюсом, Эдвардом Мейером, Пфайзером, Штрекфусом и другими отъявленными врагами свободы в немецких сословных собраниях, которые использовали презрение к евреям, чтобы опорочить всю борьбу за свободу. Риссеру далее удалось включить еврейский вопрос в программу либералистов. Молодая Германия и все, кто выступал против угнетения, были отныне вынуждены начертать на своем знамени религиозную свободу и равенство всех классов, какой бы ни была их антипатия к евреям. Но Риссер оказал гораздо большую услугу, пробудив в евреях чувство собственного достоинства и уничтожив тот ложный стыд, который испытывали так называемые культурные люди при упоминании слова "еврей". Искренность его убеждений и неподдельность его чувств, проявлявшаяся в каждом росчерке его пера, открывали ему все сердца.

В то время среди евреев не было большого числа людей с выдающимся интеллектом; но молодое поколение было богато людьми с характером, которые, так сказать, компенсировали потери, понесенные Берлинским обществом культуры. Одним из таких безупречных персонажей был закадычный друг Риссера, врач Соломон Людвиг Штайнхайм (родился в Альтоне в 1790 году; умер в Цюрихе в 1866 году). Он был в высшей степени одаренной натурой, пребывавшей на солнечной высоте мысли; и с этой высоты глупые занятия толпы казались туманными образованиями, разносимыми туда-сюда ветром.

В Штайнхайме было выявлено, во всем его блеске и всей его полномочия ли выкупить ионов, еврейской мысли, без которой иудаизм были лишь тысячи лет мечта—чтобы еврейский народ гигантскую миссию, с которой его учение и судьба по созвучию. Эта идея, возможно, была бессознательно вызвана в Штайнхайме Исааком Бернейсом. Наряду с богатством мышления, Штайнхайм умел облекать свои идеи в интересную форму и украшать их своим богатым даром красноречия. Его можно было бы сравнить с Иегудой Халеви, кастильским поэтом-философом, если бы он был одарен высшими поэтическими талантами. Его первая постановка "Песни Обади бен Амоса в изгнании" показала ростки плодотворного семени мысли, которое он распространял. Еврейский мудрец Обадиа в Египте описывает своему сыну Элиакиму, который, как предполагается, жил во времена Птолемея, различные стадии величия и унижения, через которые предстояло пройти еврейскому народу.

"Таков замысел Провидения, что слабые люди, призванные провозглашать спасение, будут подвергаться преследованиям, выслеживаться и приноситься в жертву миллионам врагов на протяжении тысячелетий и, тем не менее, останутся живыми и активными. Наши предки получили для себя и своих потомков освященную должность священства. Семья Джейкоба с самого начала была рассеяна, то собрана вместе, и таким образом готовилась к своему призванию".

Еврейский народ отправился в свое паломничество по поверхности земного шара, чтобы посеять светлые семена чистого поклонения Богу и идеала возвышенной морали. С этой моральной вершины Штайнхайм увидел прошлое и будущее иудаизма в самом ясном свете. Все загадки были разгаданы, на все вопросы даны ответы; доктрины и история Израиля давали удовлетворительные и утешительные ответы. Священническая миссия Израиля должна была быть выполнена через великие страдания; этот спаситель мира был вынужден носить терновый венец и быть униженным до положения раба. Штайнхайм видел прошлое и будущее Израиля как в волшебном зеркале, ярком, ясном и богатом солором. Только настоящее озадачивало его. Отчуждение сынов его народа от своего происхождения, их отчаяние в самих

себе, их презрение к своему учению и происхождению, ежедневно повторяющиеся отступничества и отход от флага казались хит предзнаменованиями приближающегося падения, как будто первосвященники человечества секуляризировали себя, оскверняли свою святость, обменивали право первородства на похлебку. Такому самоотчуждению и самоуничтожению Штайнхайм хотел противодействовать. Поэтому он сочинил свои "Песни Обаии в изгнании", в которых разработал свою систему.

"Опасны такие времена, когда угнетение ослабевает, но не устраняется полностью, или когда свобода близка, но не достигнута полностью. В эти периоды отказ от обычаев ушедших эпох считается достойным и выгодным, в то время как стремление к преходящим благам порождает безразличие к вечному. Это время для настоящего плача, когда каждая глупость воспринимается всерьез, и каждая серьезная вещь считается явной глупостью; когда насмешка звучит в каждом усте, а дерзость и распушенность - в каждом сердце, и когда из-за сатирического смеха нет времени на серьезные дела".

Муза Штайнхайма сурово упрекала бездумных, которые отделялись от еврейской религии.

Однако он хотел не только обличать, но и наставлять и убеждать. Он обращался не к преуспевающим, довольным и богатым, а к "молодежи с ее страданиями и пылкими стремлениями, с ее восприимчивостью к свету и справедливости". Им он посвятил свою столь плодотворную по мысли книгу "Откровение по системе синагоги" (февраль 1835 г.). Одаренный философским складом ума, Штайнхайм подвергнул всю систему права тщательному анализу, рассматривая ее как самое важное соображение, как "чудо из чудес", с помощью которого только беспокойный пытливый человеческий ум может прийти к удовлетворению. Он смело попытался дать ответ на вопрос: что такое этот высоко восхваляемый и глубоко презируемый иудаизм? Все еврейские мыслители были счастливы доказать, что ее фундаментальные принципы согласуются с аксиомами ментальной философии или, по крайней мере, не противоречат им. Если человек остался исключительно руководством разума или естественной философии, он хотел найти ключ для неморального действия в лабиринте противоречий и неопределенностей. Следовательно, заключил Штайнхайм, утверждение, что религия находится в согласии с разумом, является плохим комплиментом религии; ибо последний - это Хронос, пожирающий свое собственное потомство; он созидает с одной стороны и разрушает с другой. Единственная религия, соответствующая разуму, — это язычество, или естественная религия, в ее различных модификациях - язычество, которое было источником стольких нарушений морали, в котором "разбойники, воришки, прелюбодеи и содомиты находили свои лучшие примеры в высших существах". Если христианство отрекается от своего совместного происхождения с иудаизмом, модного со времен Шлейермахера и Гегеля, оно тем самым опускается на самые низкие глубины язычества. Любовь и ненависть, Ариман и Ормуз, Христос и сатана, со всеми вариациями противоположных принципов, вечная субстанция, из—за которой вечно борются две силы, и неумолимая необходимость - вот фундаментальные идеи естественной религии: человек сам подвержен страданиям, вызванным необходимостью:

"Благодаря вечным, незыблемым, могущественным законам мы все должны завершить круг нашего существования".

"Как боги, так и их жрецы и мудрецы: как царь, так и стадо".

В оппозиции это чувственное или, возможно, утонченное язычество приходит Джудаизм с ее совершенно различных способа мышления. Она устанавливает личностного Бога, который не тождествен Природе и не разделен на два принципа: она признает "Творение из ничего", без вечной субстанции. Он делает упор на свободную волю, вытекающую на человека ответственность за его моральные действия. Эти и другие истины не были развиты человеческим разумом, да и не могли быть развиты таким образом; они были открыты на Синае. Хотя они были чужды разуму, все же они настолько ясны и убедительны, что он вскоре принимает их, вытесняя противоречивые фазы мышления относительно запутанных природных явлений, законы которых разум не может объяснить. Синай с его вспышками молний проливает на мир свет и тепло, ясность мыслей и чистоту. Синагога образует резко выраженную антитезу как мифологической религии, так и церкви. "Из Сиона выйдет закон, и слово Господне из Иерусалима": с вдохновенным энтузиазмом Штайнхайм подписался под этими пророческими, исполнившимися словами. Когда он открыл или думал, что открыл душу иудаизма, Штайнхайм преисполнился горячего рвения, что было поразительным явлением во времена трезвых размышлений. Эта любовь к иудаизму настолько просветлила его ум и облегчила понимание прошлого, что он даже научился ценить деятельность и энергию глубоко презираемых раввинов.

В своем "Откровении" Штайнхайм раскрыл много истин, или, скорее, он извлек на свет древние истины, которые были проигнорированы или забыты. Никто раньше, ни в его собственную, ни в предшествующую эпоху, не понимал фундаментальных принципов иудаизма так глубоко, как он, хотя некоторые из его гипотез и выводов не могут быть полностью подтверждены. Однако он произвел лишь слабое впечатление на своих современников, хотя излагал величие иудаизма с почти пророческим вдохновением и в привлекательной манере. Откуда взялась его изоляция? Она возникла из-за того, что жизнь и поступки Штайнхайма не соответствовали его мыслям и чувствам. В согласии с его словами, он должен был стать тесно связанным с Синагогой, которая из-за невежества "с каждым днем становилась все более пустынной", участвовать в ее бедах и позоре, участвовать в праздновании ее дней веселья и печали и облекаться гордостью тех, кто внешне был рабами, но в своих сердцах свободными людьми. Но Штайнхайм не сделал ничего подобного: он держался в стороне от еврейской общины и еврейской жизни. То, что он правильно распознал как причину сопротивления доктринам иудаизма, "простота и рабское положение его приверженцев", отталкивало даже его самого.

"Имя народа, ставшее его хранителем, превратилось в поговорку, и теперь требуется, чтобы была принята доктрина, сторонники которой преданы ненависти, презрению и преследованиям".

Полностью отречься от иудаизма, подобно Гейне, Эдварду Гансу и многим другим, казалось Штайнхайму бесчестным и распутным; и поэтому он внешне оставался верным. Но, хотя он осознал истину о том, что миссия Израиля состояла в том, чтобы быть не только священниками, но и жертвоприношениями, он не позволил этому знанию повлиять на ход его жизни. Это было связано не со слабостью характера Штайнхайма, а с недостаточным знанием иудаизма во всей

его многогранности. Несмотря на свое пристрастие к ее интеллектуальной сокровищнице, он чувствовал себя как дома во всех других предметах, кроме еврейской литературы.

Более глубокое знание иудаизма неожиданно проявилось в отношении человека, которого культурные евреи, такие как Риссер и Штайнхайм, привыкли презирать. Как раньше спрашивали, что хорошего может выйти из Галилеи? итак, теперь было сказано, что хорошего может выйти из Польши? Тем не менее, из этого самого места появились плодотворные семена, которые превратились в здоровые цветы. Особенно двое мужчин, Нахман Крохмаль и Соломон Иегуда Рапопорт, с пользой применили знания, полученные в Германии. Обоим, казалось, было суждено заполнить пробел, к которому исследователи еврейской науки в Германии и Франции были равнодушны. Они добывали твердую руду из шахт, недоступных в этих странах, и показывали, как ее добывать и обрабатывать. Они пробудили дух соперничества, который за короткий промежуток в три десятилетия сыграл важную роль в разрушении руин, покрывающих великое прошлое иудаизма, и в выявлении скрытого под ними Божественного образа. Они были основателями новой школы, которую можно назвать галицийской.

Нахман Коэн Крохмаль (родился в Бродах в 1785 году; умер в Тарнополе в 1840 году), сын зажиточного торговца, интересующегося наукой, который привык совершать поездки в Германию, уловил бледный, угасающий свет школы Мендельсона. Мендельсон был идеалом, по которому Крохмаль моделировал себя. Выйдя замуж в возрасте четырнадцати лет и переехав в маленькую деревушку под Жолкевом, где все еще был в моде метод обучения, столь разрушительный для науки, Крохмаль тайно увлекся изучением еврейской литературы. Он также пытался раздобыть труды немецких философов, особенно Канта, чтобы освежить и очистить свой разум серьезными мыслями. Чем больше строгие талмудисты и хасиды Польши, охотящиеся за еретиками, пытались обнаружить тех, кто занимался другими трудами, кроме Талмуда или Каббалы, или кто читал книги на нееврейском языке, чтобы разоблачить их, тем больше Крохмаль и его товарищи наслаждались украденным удовольствием. Наряду с массой знаний из Талмуда, Крохмаль накопил много мыслей враждебного талмудизму характера. Но открытая война так и не была объявлена. Крохмаль, вероятно, из-за своего здоровья, ослабленного постоянной умственной деятельностью, был слишком робок, чтобы сойти с проторенной дороги: он избегал споров и следовал всем суеверно-благочестивым польским обычаям, даже преувеличивая их, чтобы не подвергать опасности свой горошинный склад ума. Он был слишком серьезен и благоразумен, чтобы выйти за рамки привычки; тем не менее, он не мог полностью избежать подозрений. Он вел безобидную переписку с караимским хачамом из соседней деревни Кукизов. Некоторые благочестивые люди знали об этом и утверждали, что он вместе с караимами вынашивал заговор против Талмуда. Они получили одно из его писем от ничего не подозревающего караима, попытались извлечь ересь из невинных комплиментов, сделанных его корреспонденту в стихотворении, и распространили его по всей большой общине Лемберга, чтобы возбудить против него толпу. Эта интрига сильно подействовала на Крохмалю, и, став еще более робким и осторожным, он запер свои мысли в собственной груди, и долгое время его нельзя было заставить что-либо опубликовать.

Но он раскрыл сокровища своего разума своим верным друзьям и ученикам не в ненадежных стенах, а в открытом поле. Его слушатели, обученные Талмуду и привыкшие распутывать темные и трудные проблемы, быстро поняли его намеки без размытых объяснений. Своим лаконичным методом Крохмаль мог перевернуть все с ног на голову и развернуть серию расследований, каждое звено которых, будь оно обнародовано, заклеило бы его в глазах его коллег как

злостного еретика. Что делало его метод обучения и исследования особенно плодотворными, так это ясность и законченность его мыслей, которые были расположены в замечательной последовательности. Таким образом, его учение было полезным противоядием от хаотических противоречий и неразберихи, от которых сильно страдали лучшие польские умы. Знакомство с немецкой философией закалило его ум и научило логической дисциплине. Крохмаль не развивал оригинальных философских мыслей, которые, тем не менее, , похоже, считал своей сильной стороной. Он был первым, кто философски взглянул на историю, особенно на еврейскую, и сделал четкий обзор ее хитросплетений. Он также указал, как можно использовать сокровищницу Талмуда, и сделал ее ценной для исторических исследований. Сам Крохмаль посвятил свое внимание этой заброшенной и малоценной литературе и применил свои результаты для выяснения еврейской истории. Ему удалось пролить столько света на период от Вавилонского пленения до заключения Мишны, которое Йост и христианские ученые совершенно не смогли понять, что последующим исследователям было легко следовать по его пути. Он был первым, кто научил ученых изучать талмудические источники истории через микроскоп или воспроизводить полустертые черты. Это действительно было большим приобретением и огромным шагом вперед по сравнению с неуклюжим взглядом Йоста на историю. Результаты Крохмала не всегда заслуживают изучения, поскольку, не имея доступа к нееврейским трудам айс, он был вынужден довольствоваться вторичными или третичными источниками. Но его проницательность и искренняя преданность этому исследованию не позволяли ему часто сбиваться с правильного пути. Он вдохновил своих учеников на исследования и дал им ключ к этим иероглифическим источникам. Хотя он еще не опубликовал многие из своих открытий, его слава распространилась за пределы его собственной страны. Община Берлина, которая со времен Фридлиндера испытывала глубокое отвращение к полякам и аббатисам, вынашивала идею назначить его своим раввином. Он считался одним из лидеров молодой науки иудаизма, и у него было много поклонников в Германии.

Самый восприимчивый и одаренный среди своих учеников Соломон Иегуда Рапопорт (родился в Лемберге, 1790? умер в Праге, 1867), соперничал с ним за первенство и даже затмил его, отчасти из-за его более плодотворных произведений. Рапопорт происходил из уважаемой еврейской семьи, рода ученых раввинов, одна из ветвей которой была перенесена из Италии в Польшу. Следы его наследственного дворянства были очевидны в его осанке и внешности. Обладая мягким характером, который покорило ему все сердца, обладая запасом добродушного юмора и общительным нравом, Рапопорт был любимым и привлекательным человеком во всех кругах. Эти качества смягчали суровость его поразительной учености. В его юности не произошло ничего особенно важного. В раннем возрасте его допустили к изучению Талмуда, и вскоре он почувствовал себя в его лабиринтах как дома, благодаря своей необычайной памяти и проницательной сообразительности..... Он также рано женился.

В юности Рапопорт отчасти увлекся изучением талмуда, поскольку отдавал предпочтение его соперникам — науке и поэзии. Он наглядно описал мучительный путь, пройденный им и его сверстниками, чтобы прийти к древу познания. Было трудно раздобыть какую-либо научную книгу, а еще труднее - книгу, написанную на европейском языке. Индекс книг, запрещенных общественным мнением, был гораздо более полным, чем у пап. Если кто-то, жаждущий знаний, тайно приобретал такую книгу и она обнаруживалась любопытными глазами его родственников или друзей, его умоляли выбросить ее в сторону, или его друзья под свою ответственность конфисковывали еретический труд, чтобы уберечь ученика от фанатичного преследования со

стороны хасидов. Даже здравомыслящие люди сомневались, не запрещено ли, согласно Талмуду, изучение светских наук.

Рапопорт был не одинок в своем стремлении к знаниям. Кое-где в Галиции пробудились ростки свежего духа, который упорно боролся за то, чтобы сбросить ярмо бездумного, фанатичного общественного мнения. Общение с Веной, наполеоновские войны, в целом, общение с миром привели к тому, что многие старые формы пришли в упадок. Распространение хасидского культа и его самонадеянные, возмутительные и все более неистовые действия побудили вдумчивых, разумных людей встретить его решительным противодействием, поскольку это наполнило их страстной ненавистью и побудило изобретать способы сокрушить его. Наиболее подходящим методом, по-видимому, было устранить грубое невежество в религиозных и светских вопросах и детскую доверчивость посредством образования. Хотя австрийское правительство объявило, что создание школ является делом всех галицийских общин, чиновники низшего звена не проявили особого рвения в приведении этого приказа в исполнение. Это пренебрежение было в какой-то степени выгодно, поскольку самоосвобождение евреев было тем более эффективным, чем больше им пришлось пережить борьбы. После войн с Наполеоном в трех крупнейших общинах Галиции - Бродах, Лемберге и Тарнополе - возникли небольшие кружки, объединившиеся для самообразования, продвижения образования и войны на уничтожение против хасидизма. Начало этому движению положил в Тарнополе Джозеф Перл (родился в Тарнополе в 1773 году; умер в 1839 году). Пожертвовав большим количеством времени и денег и проявив непоколебимую настойчивость, он основал типовую среднюю школу для средних классов. Он выступил с резкими нападками на хасидов в работе, намеренно написанной искаженным, варварским жаргоном, который ни в чем не уступал "Письмам безвестных людей" на монашеской латыни Рубиана и Хаттена, возможно, чуть более художественным. Этот заклятый враг хасидов вступил в общение с еврейскими представителями образования в Германии и был избран почетным членом Берлинского общества культуры. В Бродах, где евреи занимались обширной внешней торговлей, богатые купцы, путешествовавшие по Германии и Австрии, внедрили желание подражать немецким евреям. В Лемберге, где жил Рапопорт, было основано нечто вроде литературного кружка, во главе которого стоял богатый, высококультурный человек Иегуда Леб Мизес (умер в 1831 году). Он обеспечил амбициозных молодых людей в Лемберге деньгами, советом и, что было для них особенно ценно, превосходной библиотекой еврейских и европейских книг.

Из этого круга вышел выдающийся ученый, заслуживающий восхищения, который заслуживает золотой страницы в летописях еврейской литературы. Это был Исаак Эртер, родившийся в деревне близ Перемышля в 1792 году и умерший в Бродах в 1851 году. Тот, кто посредством своей волшебной поэзии преуспевает в том, чтобы показать силы возрождения, дремлющие в так называемом мертвом языке, бессознательно также демонстрирует жизнеспособность расы, в среде которой могут возникнуть такие художественные творения, которые многие могут понять и которыми восхищаются. Целью Эртера было осудить порочность польского иудаизма, хаос суеверий и учености, а также грубость хасидов; но благородной формой, в которую он облек свое презрение и свое праведное негодование, он засвидетельствовал бессмертие еврейского языка и народа. Родившийся в убогой галисийской деревушке, он создал прекрасные картины на иврите, такие, которые привели бы в восторг Исайю и самых почитаемых псалмопевцев..... Отец Эртера, хотя и был бедняком, немногим больше крестьянина, тем не менее не пренебрегал священным долгом еврея обучать своего талантливого сына еврейским писаниям. Талмуд, безусловно, был единственным произведением, с которым молодой Эртер

был досконально знаком. О красотах библейской поэзии, как и все евреи Польши того времени, он в юности не имел ни малейшего представления. Когда ему было тринадцать лет, отец наложил на него узы брака, и вскоре после этого, овдовев, мальчик женился на второй жене. Его второй тесть, обещавший поддерживать его, не сдержал своего слова, и таким образом Эртер в юности вкусил хлеб нищеты. Чтобы развеять свои горькие заботы, он присоединился к веселым хасидам, принимая участие во всех их безумствах; но его врожденная любовь к прекрасному вызвала у него отвращение при виде их моральной и физической деградации, и он не мог поверить в их чудеса. Счастливый случай познакомил его с культурным человеком, который познакомил его с двумя идеалами, Маимуни и Мендельсоном, и так он научился понимать, любить и подражать высшим образцам, а именно пророку Моисею и еврейской литературе. Это старое, но всегда новое откровение вдохнуло в Эртера новый дух, изменив его взгляды и отношение к иудаизму. Чтобы повысить свою культуру, Эртер отправился в Лемберг, где надеялся найти лучшие средства для удовлетворения своей жажды к науке. Здесь он нашел сочувствующих, борющихся своими сверстниками, которые, как и он сам, рано вышедшие замуж, должны были ужесточиться с материальными заботами, но, тем не менее, направили всю свою энергию на культивирование разума. Здесь он познакомился с Рапопортом, на которого, как на более образованного человека, смотрел с почтением. Было особое очарование в общении этих молодых искателей знаний, каждый из которых был одновременно учителем и учеником. Все, что было прекрасного и истинного в европейской литературе, они создавали для своего собственного использования и для других на иврите, которым пользовались так, как если бы это был живой язык. Трудности, с которыми танцаРС из этого круга не могли преодолеть, были представлены мудрым хозяином, Крохмалю, и ему они совершают паломничества в Zolkiew, как для мастера. Эта интеллектуально идиллическая жизнь, которую они вспоминали даже в старости как золотую мечту, длилась три года. Но их занятие нечестивой литературой, а также их действия и цели вызвали большое оскорбление.

Однажды на воротах синагоги был обнаружен запрет на отлучение от церкви (от имени раввина Якоба Оренштейна). Оно было направлено против четырех мужчин, которые, как говорили, обучали молодежь своим еретическим взглядам, а именно: Рапопорта, Эртера, Наткеса и пастора. Формальное отлучение от церкви, обычное в старину, было запрещено в Галиции со времен императора Иосифа, поэтому zeloty выбрали именно этот метод. в то время, когда они обвинили Крохмалю в ереси, они решили нанести решительный удар по всем апостолам культуры. Но, видя, что запрет был направлен только против этих четырех бедняков, и что они не осмеливались нападать на богатого, уважаемого Мизеса, который открыто высмеивал талмудический иудаизм, их трусость сделала их рвение безрезультатным. Приговор об отлучении от церкви не возымел ожидаемого результата, и австрийские власти вынудили Оренштейна отозвать его. Это вряд ли повлияло на Рапопорта, который занимал довольно независимое, хотя и несколько подчиненное положение и который обучал молодых людей безвозмездно. Однако в глазах простых людей он был еретиком, но это не помешало ему стать раввином Тарнополя, а затем главным раввином Праги.

Бедный Эртер, однако, сильно пострадал, потому что ему приходилось содержать себя и свою семью преподавательской деятельностью. Хотя раввин был вынужден отозвать запрет, Эртер обнаружил, что многие родители не хотели доверять ему своих сыновей, и ему пришлось взять свой посох и отправиться в Броды. Но он отомстил Оренштейну и zelotам: он увековечил их фанатизм и мелочность своей поэзией. Возмущение и злость на то, что его преследуют такие мучители, заставили его взяться за перо и породили его шедевры рисования. Эртер причинил

Оренштейну боль своими поэтическими громами отлучения от церкви более сильную, чем ему самому пришлось пострадать, и полностью раздавил его. В стихотворении он представлял суд, который определял ценность объектов с точки зрения, отличной от точки зрения реального мира. Книги огромного размера превращаются в ничто, потому что оказывается, что их содержание было украдено из разных источников, и обнаруживается плагиат; только титульный лист остается собственностью автора. Эта сатира была направлена против Оренштейна, опубликовавшего многотомный раввинский труд, который, как говорили, он украсил заимствованными перьями.

Берне и Гейне, конечно, не поверили бы этому, если бы услышали, что где-то в Польше, среди бородатых евреев, жил брат-художник, "столь же способный создавать филигранную работу из тончайших слов, ткать проволочную сетку для душ мошек или метать сатиру, настолько острую, что она могла проникать сквозь поры стекла". Как они улучшили, утончили и отшлифовали немецкий язык, так Эртер улучшил иврит. Он вдохнул юношескую энергию и свежесть в "старую женщину с серебристыми волосами и морщинистым лбом, которая демонстрировала лишь следы своей былой красоты" (как он говорит), сделал ее восприимчивой к преобладающим влияниям дня и послушной выражению новых мыслей. Был ли Эртер поэтом? В своей прозе он был совершенным поэтом. В его правдивых и трогательных описаниях есть что-то отволшебной поэзии и юмора, которые, подобно порождению остроумия Гейне, привлекают и приковывают наши умы.

Через две тысячи лет после того, как умолкли пророки, раздался голос, который звучал одновременно знакомо и ново. И в этом смешении старого и нового в стиле Эртера, напоминающем Исайю и Гейне, кроется необычайное очарование. Точно переведенные стихи Эртера по-прежнему были бы интересны, но особый, неопиcуемый аромат его творчества исчез бы. В своем оригинальном виде и цвете, в контрасте торжественности и детской простоты, возвышенности и детального описания эти поэтические произведения производят невыразимо приятное впечатление на умы, восприимчивые к тонким оттенкам мысли. Читая эти мастерски-эпические очерки, можно только сожалеть, что они не стали длиннее и что этот глубокий художник оставил не более шести таких восхитительных картин и всего несколько не менее прекрасных писем.

Как истинный поэт, Эртер слишком поздно приступил к распределению благ, и ему пришлось бороться с бедностью. На тридцать третьем году жизни, когда у него уже были дочери на выданье, он начал изучать медицину, чтобы этим зарабатывать себе на хлеб насущный. Время, потраченное на попытки омолодить еврейский язык, пришлось вырвать из сна, и смерть унесла его прочь в полном расцвете его поэтических сил. Эртер оказал большие услуги иудаизму. Своими доказательствами гибкости иврита он пробудил новую любовь к нему и создал сравнительно новое средство распространения молодой науки иудаизма. Его влияние на современников безошибочно. В то время как еврейский стиль Нахмана Крохмала был грубым, неуклюжим, почти таким же чопорным, как у Тиббонидов, и читается как перевод с иностранного языка, Рапопорт, Наткес, Джейкоб Соломон Бик, Гольдберги, отец и сын, и молодые люди галицийской школы демонстрировали плавность речи, беглость и непринужденность, которые впоследствии были неправильно использованы при переводе французских романов и "тщеславия" на иврит.

Соответственно, Рапопорт не был одинок в Лемберге; он нашел друзей, которые разделяли его идеи и усилия. Для развития его умственных способностей было особенно благоприятно то, что Крохмаль служил ему живой книгой, в которой содержалось все, что он знал. С дней своей юности и до глубокой зрелости, на протяжении почти тридцати лет, Рапопорт взял за правило, по крайней мере раз в месяц, совершать поездку из Лемберга в Жолкев, чтобы навестить смелого и в то же время робкого исследователя философии Крохмалю и вступить с ним в интеллектуальную беседу. Общение со своим одаренным молодым другом стало для Крохмалю такой необходимостью, что всякий раз, когда он был занят каким-либо предметом исследования, он искал Рапопорта в Лемберге, чтобы достичь ясности путем обмена идеями. Рапопорту требовалось только внушение; у него были врожденный вкус и любовь к еврейской истории, и поскольку он обладал как ученостью, так и острым восприятием, он сделал множество открытий. При обмене мыслями между мастером и учеником они вместе достигли важных результатов, и в конце концов они не знали, из чьего разума исходили, или, скорее, они работали вместе над решением проблем. Поэтому вызывает недоумение точное знание того, какие из многочисленных результатов их общих исследований следует приписать мастеру, а какие - ученику. Эти плодотворные беседы между Крохмалем и Рапопортом ознаменовали рождение науки иудаизма с исторической точки зрения.

Однако, несмотря на их совместные открытия, как только оба достигли полной интеллектуальной зрелости, соответствующие области их исследований стали различаться. Крохмалю больше нравились общие и энциклопедические исследования; детали служили ему только подтверждением его теории. Рапопорта, с другой стороны, больше интересовали мелкие, особенно биографические, исследования; а общие занятия его не привлекали. В юности Крохмаль планировал провести обзор развития мысли в иудаизме, касающийся различных фаз просвещения и мракобесия. Рапопорт также начал работу в юности, но это должна была быть биография наиболее известных представителей иудаизма и его идей.

Поскольку эта трудоемкая задача требовала большого количества времени и внимания, а Рапопорт не был хозяином своего времени, плоды его исследований созревали, но медленно. Однако, когда он опубликовал подряд пять биографий (1829-31) с большой полнотой ярких деталей и предположений, путь к глубокому знанию внутренней истории иудаизма и расы желаний был открыт. Рапопорт бесспорно и на строго научных основаниях доказал, что великие представители иудаизма, его лидеры в Средние века, вместо того чтобы избегать света знания, на самом деле разжигали и подпитывали его. Он показал, что в то время, когда европейские нации все еще были погружены во тьму средневековья, евреи культивировали общую науку. Хронология, историческая география, история литературы и другие разделы, важные для критического исследования истории, которыми до сих пор совершенно пренебрегали или к которым относились лишь поверхностно, были им впервые доказаны как необходимые и применяемые. Острый ум, с которым он объединял разрозненные факты и отделял другие, по-видимому, связанные; критический критерий, который он применял для отличия истины от лжи, фактов от легенд, привел к таким впечатляющим результатам, что после Крохмалю его следует считать отцом еврейской науки. Все, чего достигли Йосиф и другие предшественники, исчезло перед этими исследованиями, как поверхностные разговоры перед хорошо переваренной, хорошо построенной, четко продуманной речью. Что придавало этим исследованиям особую ценность и отличало их от результатов педантизма, так это рвение и любовь, с которыми они проводились. Поэтому их следует рассматривать как национальные представления, а не как продукт праздной учености. Поскольку евреи проявляли интерес к этим

трудам, они видели в них свое отражение и рассматривали историю своего умственного развития, изложенную в них, как свою собственную работу или руководящую линию, которой следует следовать в будущем. Рапопорт добился в этом направлении большего, чем Крохмаль, потому что он не позволил запугать себя охотникам за еретиками и проявил больше мужественности, открыто защищая истину, признанную им таковой. Научное движение в иудаизме, которое с его времен постоянно набирало силу, должно быть полностью приписано ему. Источник, который изливает воду из своих недр и позволяет ей незаметно растекаться среди кустарников, не имеет никакого значения по сравнению с широким потоком, открывающимся каждому взору, несущим по своей поверхности большие корабли и своим разливом удобряющим прилегающие поля. Его величие было признано, поскольку он был избран раввином Тарнополя, а вскоре после этого главным раввином Праги. Поляка снова призывали в Германию, но при каких изменившихся обстоятельствах!

Вскоре проявились результаты исследовательской системы Рапопорта. Ученый первого ранга, который медленно складывал кирпичик за кирпичиком для построения внутренней истории евреев, один из триумвирата Берлинского общества культуры, находивший утешение в расследовании разочарований, с которыми столкнулся в другой области, использовал результаты Рапопорта и систему исследований, чтобы пролить свет на другую сторону еврейской истории. Зунц в своих "Проповедях евреев в богослужении" рассмотрел их происхождение, рост, величие и вырождение (1832). Они изображали иудаизм не с точки зрения и приводили убедительные доказательства того, что евреи в средние века не были грубой, полудикой ордой, как утверждали их злейшие враги, чтобы оклеветать их и лишить их прав равенства; что они не были варварским братством без морали и порядочности, а разумным сообществом со свойственной им самой культурой, но активно продвигающим общую культуру.

"С самых ранних времен мы находим в конституции еврейской нации меры по возвышению мужчин, погрязших в жизненных испытаниях и ошибках или скованных чувственностью и грубыми похотями. Суббота и праздники, жертвоприношения и священные собрания, публичное богослужение и обучение закону должны были приносить утешение грешнику, поддержку слабым и поучать всех, а также сохранять священный огонь веры и патриотизма в среде нации, как и в груди отдельного человека. С тех пор прошли столетия, евреи потеряли свою независимость и свою страну; но после падения самого института синагога осталась единственным представителем их национальности. К этому центру была направлена их вера, и от него они получали наставления для своего повседневного поведения, силу переносить неслыханные страдания и надежду на то, что скоро наступит рассвет свободы. Публичное богослужение в синагоге стало эталоном еврейской национальности, чудесным щитом еврейской веры".

Форма молитв и проповедей была прослежена в этом своеобразном произведении во всем их многообразии, начиная с пограничных времен библейского периода и периода софим до времени их совершенствования, упадка и возрождения. Эта книга была первым солидным, трезвым и убедительным произведением еврейского автора, задуманным в духе гильдии немецких ученых. Ят продемонстрировал множество фактов, которые были либо полностью неизвестны, либо известны неточно. Поэтому она произвела неизгладимое впечатление, и, в свою очередь, была плодотворной в плане предложений. Она занимает важное место в здании еврейской науки. "Проповеди евреев" были посвящены также продвижению двух побочных вопросов — эмансипации евреев и продвижению реформ. В поддержку этих целей было

тщательно указано и подчеркнуто, что вплоть до прошлого столетия в португальских и итальянских общинах проповеди произносились на местном наречии. Но эти два движения, эмансипация и реформа, не были сильно развиты, и все, что было достигнуто в этих двух направлениях, никоим образом не связано с "Проповедями евреев". Но они сделали научную точность в немецком понимании необходимым качеством будущих исследований и сняли упрек в поверхностности с еврейских авторов.

Новоиспеченная еврейская наука вскоре создала новые органы, в которых могла выразить себя. Старейший и наиболее примечательный был проведен на иврите: он назывался "желанный виноградник" (Керем Чемед) и был основан Самуэлем Лебом Гольдбергом из Тарнополя, и в течение десяти лет приносил большую пользу, предоставляя возможность выражения различным взглядам иудаизма. Главной темой была еврейская история; этому предмету уделялось самое пристальное внимание. В соответствии со своими способностями, знаниями или зрелостью интеллекта, вкладчики в "Виноградник" приносили большие или малые подношения, не ожидая никакой награды или ощутимых почестей. Какой университет или академия могли бы вознаградить их за кропотливые исследования дарованием профессорской кафедры или почетного поста? Не было даже перспективы оказаться в роли раввинов для мужчин, занимающихся предметами, совершенно непохожими, часто предполагаемыми, на раввинские исследования. Напротив, их рвение к науке делало их недостойными раввинского почета в глазах строго ортодоксальных людей. Главными авторами нового журнала были лидеры галицийской школы, среди которых Рапопорт занимал первое место, хотя своими откровенными высказываниями он вызвал противодействие. Воодушевленный примером Рапопорта, Крохмаль также согласился опубликовать под своим именем отдельные главы из своего энциклопедического труда. Немецкие евреи представили только двух представителей, оба из которых были талантливыми людьми, а именно автора "Проповедей евреям" и великодушного Михаэля Сакса, которому, как бы сильно они ни расходились в своих представлениях об иудаизме, еврейская наука глубоко обязана своим значительным ростом.

Небольшая группа еврейских исследователей получила подкрепление из Италии, страны, которая долгое время была погружена в спячку и принимала весьма незначительное участие в еврейской истории. Помимо старого Реджио, раввина Жиронди из Падуи, Альманци, богатого мирянина, и Самуэля Виты делла Вольта, врача из Мантуи, особой известностью пользуется Самуэль Давид Луццатто (родился в Триесте в 1800 году; умер в Падуе в 1865 году).

Самопожертвование еврейских исследователей средневековья, которые среди невыразимых лишений и страданий занимались совершенствованием своего разума, Луццатто также проявил как образец для подрастающего поколения. На протяжении всей своей жизни, несмотря на то, что он пользовался европейской известностью, Луццатто и его семья страдали от бедности. Лишения, как бы то ни было, не помешали ему расширять свои знания с помощью выносливости, тем более героической, что не демонстрировалась публично. Быть бедным в Польше, как это было в случае с Рапопортом и Эртером, было не так тяжело, как быть бедным в Италии, потому что в первой потребности были невелики, а довольствоваться самыми малыми средствами было почти повсеместно; кроме того, щедрые, богатые люди спасали людей науки от голодной смерти. Но в Италии, где даже средний класс жаждал комфортной жизни и где

безразличие к знаниям среди евреев достигло высшей точки, вызывает большое удивление тот факт, что Луццатто среди своей борьбы за хлеб насущный смог обрести спокойствие и жизнерадостность, необходимые для того, чтобы так много сделать для продвижения еврейской науки. При каждом открытии, каким бы незначительным оно ни было, Луццатто испытывал детское удовольствие, которое стороннему наблюдателю кажется странным: это было созданное им самим воссоздание образа мученика, которое на мгновение заставляет забыть о гложущей боли.

Луццатто от природы не был одарен способностями к историческим исследованиям. Самой заметной его чертой была восторженная любовь к поэзии, иудаизму и еврейской литературе, и эта тройственная любовь стала в нем единым целым. Но возвышенный энтузиазм, соединенный с необычайно тонким вкусом к поэтической красоте, не мог компенсировать недостаток творческой силы; это могло сделать из него лишь более талантливого Уэссели. Его стихи на иврите, с помощью которых он надеялся оживить библейскую поэзию, безупречны по форме, ритмичны и имеют еврейский колорит; но, как и стихам Уэссели, им не хватает души, истинной поэзии. Еврейская проза Луццатто, какой бы отточенной и элегантной она ни была, не может сравниться с волшебным языком Эртера. Он чувствовал это, и ему хватило справедливости присудить пальму первенства своему галисийскому коллеге-художнику. Его глубокое понимание истинного искусства поэзии, особенно тонкости библейской литературы, и его чрезвычайно утонченный вкус открыли Луццатто другую область деятельности, а именно изложение Священного Писания. Очистить это сокровище от тысячелетней ржавчины до сих пор было задачей чужаков, которые не привнесли в эту работу должной оценки, не говоря уже о необходимой преданности. Христианские толкователи Библии, такие как Эйхгорн, Де Ветте, Гезениус и другие, неуклюже проводили работу по очищению и из-за отсутствия критических способностей отбрасывали истинную руду как шлак. Луццатто был одним из первых евреев в наши дни, посвятивших себя толкованию Библии. Он обладал верным чутьем распознавать истинный дух и прекрасную форму библейской литературы, и он привлекал внимание к тревожащим элементам, восстанавливая первоначальные. Никто лучше него не понимал устройство еврейского языка, даже до самых тонких его моментов и грамматических мелочей.

В новом раввинском колледже Падуи (Collegio Rabbinico) Луццатто нашел возможность усердно заниматься изучением Библии и выяснять правильное значение слов пророков и вдохновенных писателей. Если бы Луццатто с его прекрасным чувством языка и еврейским рвением остался верен этой области исследований, он добился бы великолепных результатов и, возможно, оказал бы существенную услугу еврейской науке, поскольку пригласил бы много учеников, поскольку его ортодоксальность была безупречной. Но он внезапно испугался собственной смелости, или, скорее, испугался, что может злоупотребить ею. Он опасался, что если стены Массоры будут снесены, священный текст станет добычей некомпетентности и бесконечной революции, вызывая ужаснейшую путаницу. Он не верил, что критика залечит нанесенные ею раны, или, скорее, он не верил, что она способна излечить, введя яд. Поэтому он занял двусмысленную позицию и заново воздвиг внешние укрепления Массоры, которые сам же и подорвал.

Воодушевленный достижениями Рапопорта в истории, он погрузился в это исследование и добился важных результатов. Из-за рассеяния евреев и их трагической судьбы были утрачены самые прекрасные страницы их истории во франко-испанскую эпоху. Желание открыть эти страницы разожгло рвение Луццатто, и в Италии его усилия увенчались успехом. Преследуемые

евреи из Испании и Франции в своем бегстве в основном проезжали через Италию. Таким образом, здесь была спрятана большая часть еврейских литературных сокровищ, но они были похоронены из страха перед "глазом Аргуса" кровавой инквизиции. Луццатто раскопал их, опубликовал в научных изданиях или в виде отдельных работ и таким образом сделал доступными. Через него еврейская история Средних веков получила свою аутентичность, свою прочную основу, свою окраску и изложение. Если Крохмаль и Рапопорт - отцы еврейской истории, то Луццатто была ее матерью.

Благодаря ему стало возможным получить четкое понимание фактов, доселе лишь смутно depicted, чтобы расположить их в соответствующие группы, и распознать их первоначальное величие. Зачатки неоеврейской поэзии, период ее расцвета во времена Иегуды Галеви и в целом плодотворная умственная деятельность евреев Испании были впервые изложены им. И до своего последнего вздоха Луццатто был неутомим в своих изысканиях. Он собрал ряд ценных работ и побудил других друзей еврейской науки сделать то же самое. Он без ограничений разрешал использовать свои открытия и был счастлив, когда мог принести пользу обществу своими недавно найденными сокровищами. Он был священником на службе еврейской науки, и память о нем никогда не будет забыта в Доме Израиля.

Рядом с еврейским научным органом на иврите (Керем Чемед) были основаны различные немецкие журналы, которые, помимо актуальных тем, освещали еврейские научные исследования и популяризировали их. Один из этих органов, "Научный журнал", с самого начала взял на себя чрезмерно самоуверенный тон, как будто желая представить себя высшим судом, перед которым все усилия должны ожидать окончательного решения. И все же большинство его участников, если не доказано другими способами, учились путем преподавания. Те, кто все еще среди нас, должны признаться, если они искренни, что, начиная свое начинание, вместо того, чтобы стоять во главе еврейской науки, они были простыми тиротами, обладавшими лишь поверхностными знаниями, и что галицийская школа была их проводником.

Душой периодического издания был его основатель Абрахам Гейгер (родился в 1810 году; умер в 1874 году), человек значительных талантов, ясного интеллекта, проницательности, всесторонних знаний и сурового характера, граничащего почти с упрямством и неповиновением. Он также отличался слабым нравом, и им легко было руководить, и это качество помогло превратить то, что до сих пор вызывало лишь разногласия относительно иудаизма, в суровую крайность раскола между различными сектами. Хотя Гейгер родился и вырос в семье, воспитанной на Талмуде, он преисполнился жгучей ненависти к нему, и, видя, что религиозная жизнь евреев до сих пор регулировалась талмудическими стандартами, он считал целью своего существования добиться их низложения и провести реформы радикального характера, превосходящие реформы его предшественников. Главным желанием Гейгера была реформа иудаизма; и для ее осуществления он использовал свое влияние проповедника и свои научные исследования. Он не испытывал никакого уважения ни к древности, ни к религиозным обрядам и никогда не щадил тех единоверцев, которые придерживались традиционных обычаев. Он не побоялся вызвать самый тщательный раскол и разобщенность. Научные труды Гейгера не принесли долговременных результатов, поскольку его меньше заботили поиски истины, чем планы реформ. Его дневник, однако, преуспел в воспитании уверенности в себе и самопознании. Он смело атаковал бесстыдную самонадеянность ненавистников евреев-сионистов, таких как Хартманн, и обрушивался с

упреками на слабоумных евреев, которые приписывали христианству все идеалы. К чести этого периодического издания или этой школы можно отнести то, что оно напомнило о забытых, потому что презираемых личностях - караимах, этих талантливых скептиках и лицемерах.

Благодаря стремительности новой школы жизнь и действия были привнесены в еврейские круги, а результаты исследований не были размыты и стали популярными. Кто может сказать сейчас, была ли большая выгода или потеря для иудаизма? Например, она распространила серьезные ошибки, превратив иудаизм в теологическую систему, а его представителей, раввинов и законоучителей, в священнослужителей и пасторов. Эта тенденция сужала иудаизм и принижала достижения, бросающие вызов векам, связывая их с современными явлениями. В спешке оно хотело практически применить результаты научного исследования, недавно проведенного, или, согласно его лозунгу, "установить гармонию между законом и жизнью", принес наполовину понятый закон в жертву жизни, то есть стремлению к удобству, гражданскому равенству. Наука сама по себе не была целью, а лишь средством, позволяющим лишить иудаизм его характерных особенностей и преобразовать его в нечто совершенно новое. Оно хотело придать произвольности, с которой Фридлиндер, Якобсон и их товарищи проводили реформы, видимость необходимости и обосновать это на научных основаниях. Его жестокая, догматическая позиция вызвала ожесточенное сопротивление, и таким образом семена раздора были посеяны в винограднике Иакова.

Но даже у этого явления была своя положительная сторона. Это был вызов для православной партии, который до сих пор встречался инновации молчанием, или бессильной злобе, но всегда неудачно, или, как в лице Бернейса, был сделан Сфинкс, как высказывания. Они полностью отрицали оправданность реформы, на которой так уверенно настаивала передовая партия. "Девятнадцать писем об иудаизме" Бен Узиэля, ученика Бернейса (1836), были первыми звуками мощной оппозиции против приравнивания иудаизма к банальной религии, состоящей из проповедей, немецких гимнов и конфирмации, что вынуждало его щедрые пропорции приспособляться к узким рамкам синагоги. Это было началом борьбы между двумя различными группами взглядов, борьбы, которая до сих пор не прекратилась. Борьба была ограничена Германией. Евреи других европейских стран не знали об этом. В Германии было так трудно разрушить старое позорное государство, так трудно добиться новой свободы, что образованные евреи, считая особенности своей веры одним из препятствий на пути обеспечения равных привилегий, были готовы пожертвовать ими, пытаясь убедить себя, что это не капитуляция, а просто сбрасывание внешней оболочки. Христианское общество отказывается признавать их как немцев, и, таким образом, они хотели показать, на ул.переворачивания собственный оригинальный наряд, что они были немцы, ничего, кроме немцев, и только отдаленное родство с иудаизмом. Дух тонкого исследования, который был пробужден в высокой степени, главным образом в Германии, способствовал развитию привычки находить недостатки, не только в деталях, но и во всей структуре иудаизма; рассматривать его как произведение, прогнившее от времени, которое, за исключением нескольких фундаментных камней, должно быть уничтожено.

Было странно, что вдумчивые христиане восхищались шатрами Иакова в их простоте, в то время как приверженцы иудаизма чувствовали себя в них стесненными и желали обменять Скинию и Ковчег Завета на пышность и шествие Церкви или хотели окружить их уродующими украшениями. Два поэтически одаренных христианских ученого, пораженные удивительным фактом, что преследуемый еврейский народ даже в наши дни создает неоеврейскую поэзию -

весеннее цветение посреди буйной зимы, - стремились распространить понимание и любовь к ней в христианских кругах.....кланах. "История неоеврейской поэзии" (1836) Франца Делича и "Еврейская хрестоматия" (1837) Адама Мартине являются символами уважения, приносимого христианами еврейскому сознанию. Авторы были поражены его творческими способностями и способностью к развитию, существующей в иврите, хотя они знали лишь фрагменты и не были знакомы с самыми современными и прекраснейшими образцами неоеврейской поэзии. Эта сторона еврейских способностей убедила их в бессмертии расе. "Никто не может отрицать, - заметил первый, - что еврейский народ - самый замечательный из всех народов, и рядом с народами Церкви его история и литература заслуживают самого глубокого и преданного внимания. Поэзия составляет значительную часть этой колоссальной массы литературы и является наиболее достоверным изображением внутренней истории этого народа. Элегическая поэзия синагоги раскрывает нам постоянное повторение страданий, которые Бог налагал на изгнанников, и впечатления, которые эти страдания оставили в сердце нации. Восток - изгнанник посреди Запада, и из слез его тоски по родине рождается еврейская поэзия".

Мартинэ желал "удостовериться в высоте, глубине и широте еврейского духа нашего времени, как это показано в сокровищах его собственной литературы", и ему повезло, что он нашел благородный, глубоко интересный, во всех отношениях прекрасный фрагмент. Его "Крестоматия" была задумана как оправдание неоеврейской литературы - прекрасных восточных цветов, выращенных на западной земле, которые он собрал в благоухающий букет, чтобы привлечь к ним почитателей и побудить их собрать сияющие гирлянды из еще более прекрасных цветов из волшебного сада.

Новая реформатская школа испытывала мало энтузиазма благодарных христиан. Они сожалели о том, что сомнения, конфликты и раздоры возникли на месте уверенности, мира, совершенного единства и искренности; что все умы были наполнены неуверенностью и дискомфортом, создавая состояние раздражительности, которое ослабляло всю силу воли. Но они сами внесли свой вклад, если не в то, чтобы вызвать это дурное настроение к жизни, то, по крайней мере, в то, чтобы питать его и таким образом заражать здоровые умы. Они воображали, что разложение иудаизма уже началось, пока не убедились в этом, и подобно романтическим мечтателям предавались искусственной скорби, пока она не стала реальной. В Германии из-за конкурса на устранение недостатков пробуждение самосознания и зарождение знаний были приобретены дорогой ценой, ценой внутренних разрушений и самоистязаний.

Мрачные взгляды тех, кто, восхищаясь иудаизмом в его древней и почтенной форме, все же сомневался в его продолжении, были правдиво представлены в "Жалобах еврея" (1837). Прусские евреи в то время были поставлены в ситуацию одновременно комическую и трагическую указом, достойным византийского двора, обнародованным королем Фридрихом Вильгельмом III. Вместо частичного предоставления им гарантированной свободы, они больше не должны были официально называться "членами моисеевой веры", а просто "евреями", и им не разрешалось носить христианские имена. Полиции было приказано настаивать на введении этого закона в действие. Ожидалось, что этот метод привлечет колеблющихся к крещению. Самоуважение евреев было еще недостаточно укреплено, чтобы они могли достойно перенести намеченное унижение. Многие евреи в крупных городах, особенно в Берлине, которые были ближе к церкви, чем к синагоге, сочли это пренебрежением и умоляли короля защититься от такого незаслуженного презрения. Они скорбели так, словно их снова должны были отправить в изгнание. Эта комическая печаль была изображена на манер Псалмов в "Жалобах еврея".

"Дети моего народа пришли ко мне с жалобами и плачем. Двоемужчин и матери подошли ближе, и на их лицах отразилось тревожное страдание. Я спросил малышей: "Почему вы плачете так рано?" а старшим я сказал: "Почему вы жалуетесь так поздно?" Дети прошепелявили: "Увы! мы, возможно, больше не носим ярких, красивых имен христиан, но вынуждены использовать скучные, полные ненависти имена евреев. Мы созданы для того, чтобы нас клеймили на самих наших играх." И старики сказали: "Колчан гнева снова опустел и угрожает нашим детям несчастьями и опасностями". Тогда я ответил: ...

"Утешьтесь, успокойтесь и гордо носите гордые имена ваших отцов. Это имена героев, увенчанных славой мучеников, древней знати, древнего рыцарства.... Когда Запад был еще погружен в полное варварство, ваши имена процветали в бессмертной великолепии, правя миром, просвещая и освобождая его. Ибо я говорю вам, что прежде, чем стрелка часов истории повернется вспять, многие пустые имена Запада будут сметены с лица земли, как солома острой косой. Но пока длится время, имена Авраама, Моисея и Исаяи всегда будут по-королевски восседать на тронах".

Джоэл Джейкоби, сын строго ортодоксального отца, привнес в свои "Жалобы еврея" много неистинных излияний фантастической сентиментальности и притворного чувства боли; но некоторые из его элегий пылки и прекрасно построены.

ГЛАВА XVII.

1840 ГОД И КРОВАВОЕ ОБВИНЕНИЕ В ДАМАСКЕ.

Мехмет Али—Ратти Ментон—Дамаск—Отец Томазо—Его исчезновение—Кровавое обвинение против евреев Дамаска—Заключение обвиняемых—Их пытки и мученичество—Кровавое обвинение на Родосе—В Пруссии—Адольф Кремье—Собрание английских евреев—Мозес Монтефиор—Натаниэль де Ротшильд—Мерлато, австрийский консул—Заговоры—Тьер—Шаги, предпринятые евреями в Париже и Лондоне—Бернар ван Овен—Собрание в особняке—Монтефиоре, Кремье и другие отправлены в Египет—Соломон Мунк.

1840 год н. э.

Если Джоэл Джейкоби, колеблющийся между верностью и отступничеством, так обратился к иудаизму: "Немощно тело твое, народ мой, и дух твой изнемог: поэтому я приношу тебе гроб и посвящаю тебе могилу"; и если статья Гейгера, написанная наполовину с болью, наполовину вопреки, свидетельствовала о том, что "узы, которые раньше удерживали вместе общины, разорваны, и теперь они едины только внешне, сила воли общины сломлена", то это желание было отцом идеи или авторов сильно обманывали себя. Поверхностные наблюдатели, своевольные мнители, они считали симптомы быстрого роста признаками быстрого истощения и восхваляли свои собственные шарлатанские лекарства, которые, несомненно, привели бы к разложению.

Непредвиденное событие, незначительное вначале, но имеющее огромное значение по своим результатам, опровергло ложь лжепророков и шарлатанов и показало, насколько чудесна сила, удерживающая представителей еврейской расы в неразрывном союзе; насколько сильны невидимые узы, которые без их ведома охватывают их; и насколько серьезная угроза

иудаизм пробуждает патриотизм реформатора и ортодоксов, политика, который, кажется, оставил свою веру, и отшельника, поглощенного только Каббалой или философией. Талмуд о евреях в легкомысленной Франции и о нем самом в серьезной Азии. Как ни странно, он презирал "еврейский вопрос", который оказался вплетенным в сложные нити европейской и азиатской политики, и российскому деспоту Николаю, как и Американской Республике, пришлось встать на защиту евреев в Дамаске. Тот, кто помнит это время и может оценить чудеса истории, не может неправильно понять удивительное переплетение событий. Ратти Ментон, итальянка, натурализовавшаяся во Франции, безрассудная, бессовестная охотница за приданым; Ханна Бачари Бей, ренегатка, перешедшая из христианства в Иклевету, отъявленная лжеца и ненавистница евреев; Мохаммед Эль-Телли, человек такого же калибра, пригрозивший богатому еврею в Дамаске кровавым обвинением, если тот не одолжит денег, чтобы избавить его от трудностей; и, наконец, араб-христианин Шибли Аджуб, беззащитный негодяй, жаждущий мести, потому что он был убит. заключенный в тюрьму по обвинению в растрате, предпочтенный евреям; вот список злодеев, разыгравших кровавую драму, в которой роль мучеников снова сыграли евреи. Но их страдания вызвали мужество, экзальтацию и гордую уверенность в себе.

Политические события, как уже упоминалось, послужили фоном для этой драмы. Хитрый Мехмет Али, египетский паша, блестящими победами отвоевал всю Сирию и Палестину у турецкого султана, своего феодала. Он притеснял жителей этих стран даже более жестоко, чем жителей своего собственного пашалича, чтобы наполнить свою казну. Так называемый король-гражданин Луи Филипп, столь же хитрый, чтобы обезоружить негодование законных принцев Европы, поддержал завоевательные планы Мехмеда Али, а французские агенты помогли египетской системе грабежей. Эти интриги усилились, когда сильный духом, но неудачливый султан Мухаммед был мертв, и его слабый, избалованный сын Абдул Мегид, которому было всего семь пятнадцати лет, взойшел на трон (июль 1839 г.). Затем Восточный вопрос начал набирать обороты. Россия поддерживала слабую Турцию, чтобы та не попала в объятия Мехмета Али. Франция, с другой стороны, поддерживала египетского грабителя, чтобы сдержать Россию. Австрия и Англия были выбиты из колеи в своей политике, а Пруссия была пятым колесом в фургоне европейской пентархии. Благодаря тесному союзу между Луи Филиппом и Мехметом Али христиане в Палестине и Сирии, до сих пор угнетаемые сядом, теперь могли поднять головы; ибо Франции доставляло удовольствие изображать из себя защитницу христианства на Востоке, чтобы получить титул и власть, подобно тому, как она кокетничала с клерикальной партией у себя дома, чтобы подавить друзей свободы. Духовенство и монахи многих орденов на Востоке, особенно католики или латиняне, до недавнего времени угнетенные, теперь, полагаясь на защиту Франции, стали угнетателями.

В Дамаске, где в то время проживало пять тысяч еврейских семей, или около двадцати тысяч душ, хранитель монастыря капуцинов отец Томазо (Томас) с Сардинии вместе со своим слугой однажды (5 февраля 1840 г.) исчез. Он не был святым в католическом смысле этого слова, но человеком мирским, более готовым брать, чем отдавать деньги. Он занимался медициной, особенно занимаясь прививками от оспы, и так же часто бывал в еврейских и магометанских кварталах, как и в христианских. Что стало с Отцом, которого так хорошо знало все население Дамаска? Никто не знал точно, когда. Ходили слухи, что за несколько дней до этого Томазо поссорился с турецким погонщиком мулов, который, как говорили, поклялся: "Этот христианский пес умрет не от чьей-либо другой руки, кроме моей". Было сказано, что за этим последовали оскорбления и насилие. Как только стало известно, что отец исчез и, вероятно,

умер насильственной смертью, монахи осаждали беспринципного Ратти Ментона, французского консула в Дамаске, мольбами разыскать убийцу. Внимание немедленно было привлечено к евреям, поскольку некоторые из них невинно показали, что видели Томазо и его слугу в еврейском квартале вечером накануне их исчезновения. Монахи, главным из которых был фанатичный ненавистник евреев отец Тусти, быстро возбудили подозрение против евреев, надеясь таким образом добиться нескольких целей. Они могли бы утолить свою ненависть к евреям, пресечь расследование того, действительно ли отец Томазо ссорился с мусульманами и оскорблял их, и, наконец, новый мученик, убитый евреями, был бы добавлен к их списку святых, что всегда было источником прибыли. Ратти Ментон, в свою очередь, из корыстных побуждений быстро поддержала подозрение против евреев и отказалась от всех других версий, хотя ключ к разгадке был дан тем фактом, что турецкий купец, который присутствовал при ссоре с Отцом, повесился. Шериф-паша, губернатор Дамаска, был готов разрешить или продолжить преследование евреев из желания быть в дружеских отношениях с французским консулом и надеясь извлечь выгоду для себя из кровавого обвинения против евреев. Чтобы соблюсти приличия, обвинители процитировали свидетельство благочестивого мошенника, который заверил их, что Томазо и его слуга были убиты в еврейском квартале в таком-то доме. Этот трюк, вероятно, был совершен Бачари-беем. Турецкий негодяй Мохаммед Эль-Телли предложил свои услуги в качестве шпиона Ратти Ментону, если тот освободит его из тюрьмы и долгов. Он охотно согласился; эти два негодяя были достойны друг друга.

Доказательства были накоплены. Христиане свидетельствовали, что они слышали, как евреи говорили: "Давайте закроем ворота и не будем выходить, потому что опасность неминуема", или что они видели монаха в доме еврея незадолго до его исчезновения. Быстро был подготовлен обвинительный акт: "Евреи убили Томазо и его слугу, чтобы использовать кровь для своего праздника Пасхи", — как будто они были настолько нелепы, что хранили это в течение шести недель! Были предприняты усилия, чтобы пробудить христиан и турецкое население. Несколько евреев были арестованы, доставлены в Ратти Ментон и допрошены. Бедный еврейский цирюльник из-за врожденного страха проявил сильное замешательство во время осмотра в присутствии шпионов. Но он решительно отрицал свое участие в убийстве пропавшего монаха или осведомленность об этом. Тем не менее французский консул передал его для суда шериф-паше, как человека, находящегося под сильным подозрением. Последний приказал ему подвергнуться бастinado - пятистам ударам палкой по подошвам ног. Однако Ратти Ментон эта пытка показалась слишком мягкой. Бедный цирюльник подвергся жесточайшим пыткам, но остался непоколебимым. Затем его навел на Мохаммед Эль-Телли, сидевший в тюрьме за долги. Побуждаемый лживыми речами, цирюльник, боясь новых пыток, согласился выдать имена виновных. Он назвал, по предложению, семерых выдающихся и богатых евреев: Давида Арари (Харари) с его сыном и братьями, затем Моисея Абулафию, Моисея Салоники и Джозефа Ланиадо, восьмидесятилетнего старика. При аресте и допросе они признали свою вину. К бастinado прибегли, но палачи, опасаясь, что старики утонут под ударами и от их признаний не будет никакой пользы, применили другой метод пыток. Обвиняемых под охраной солдат заставляли стоять прямо в течение тридцати шести часов без еды и питья и не разрешали им ложиться спать. Поскольку эта пытка не принесла результата, кровожадные злодеи по приказу Ратти Ментон начали жестоко избивать ее розгами; после двадцатого удара несчастные жертвы упали на землю без сознания. Французский консул, тем не менее, приказал продолжить бичевание, когда они придут в себя.

Все это, однако, не требовало признания. Шериф-паша изобрел новый вид пыток или использовал тот, который ему предложили. Более шестидесяти детей в возрасте от трех до десяти лет были оторваны от своих родителей, заперты в комнате и лишены еды, чтобы матери, измученные жалобными криками детей, могли быть вынуждены сделать признания, даже хотя и неправдивые. Это средство также не сработало. Несмотря на сострадание к своим детям, еврейские матери никоим образом не подтвердили ужасное обвинение. Только одна женщина и ее дочь были загнаны горем и любовью к своим детям в объятия ислама. Шериф-паша пришел в ярость и пригрозил, что, если Отец не будет найден, падет много еврейских голов. С отрядом солдат (18 февраля) он вошел в еврейский квартал и приказал разрушить великолепный дом Давида Арари, чтобы найти труп монаха или подозрительные следы. Дома других обвиняемых также были разрушены. Огорченный такой жестокостью, еврейский юноша отважился пойти к паше и засвидетельствовать, что он видел, как отец Томазо входил в лавку Турк незадолго до своего исчезновения. Вместо того чтобы следовать этой подсказке, Ратти Ментон и его личный секретарь Боден попытались замять улики. Юноша был немилосердно выпорот и в ту же ночь скончался, став первым мучеником в этой трагедии.

Ратти Ментон был неистощим на уловки для вымогательства признания у евреев. Он приказал провести эксперимент над турецким слугой Давида Арари, Мурадом эль Фаллатом. Ему не в чем было признаваться, и он позволил бичевать себя до тех пор, пока его тело не превратилось почти в кружево. Затем Мохаммед Эль-Телли взял у него интервью и, смешивая дружеские заигрывания и угрозы, получил от него некоторую информацию. Слуга обвинил себя в том, что убил Томазо по приказу Давида Арари в присутствии других заключенных; и еврейского цирюльника убедили подтвердить это заявление. Затем Ратти Ментон приказала отвести двух изувеченных мужчин к месту, где кости и черепа, как предполагалось, были выброшены в канал. Он нашел кусок кости и лоскут ткани; и римские врачи заявили, что эта кость принадлежала человеческому телу, а нашивка была признана частью монашеского капюшона. Таким образом, в еврейском квартале были найдены убедительные доказательства убийства, семеро обвиняемых были снова допрошены и подвергнуты жестоким пыткам. Им было приказано принести флягу с кровью, взятой у убитых мужчин для празднования Пасхи. В результате пыток умер старик Джозеф Ланиадо. Моисей Абулафия, чтобы избежать дальнейших пыток, надел тюрбан. Остальные, измученные сафферинг, сказали все, что от них требовали; они оступили и желали только скорой смерти. Их признание, однако, им не помогло. Французскому консулу нужны были материальные доказательства, такие как колба с кровью и другие улики. Но бедные заключенные, как бы они ни хотели, не смогли их предъявить.

Были применены новые пытки, единственным результатом которых стало то, что несчастные жертвы отказались от своих прежних признаний. Поскольку Ратти Ментон нуждалась в новых жертвах, слуге Арари потребовалась помощь в их доставке в начале марта. Подозрение пало на другие выдающиеся еврейские семьи: на богатую семью Фарчи (Parchi), на молодого человека по имени Исаак Леви Пиччотто (Peixotto) и на Аарона Стамбули. Трое раввинов Дамаска, Якоб Антери, Соломон и Азария Халфен, были арестованы ранее и подвергнуты пыткам, но желаемых доказательств получено не было. Из выдающихся евреев, предположительно причастных к обвинению в убийстве, удалось найти только двоих: Рафаэля Мурада Фарчи, который, благодаря своему высокому положению консула, считал себя в безопасности, и Пиччотто, племянника генерального консула Алеппо, который был посвящен в рыцари австрийским императором за свои заслуги. Один Пиччотто остался непоколебим и смело упрекал Ратти Ментона и пашу в бесчеловечности их поведения. Его защищал австрийский консул,

итальянец по имени Мерлато, который, несмотря на все угрозы и доводы, отказался допустить пытки австрийского подданного без существенных доказательств его вины. Это новое осложнение привело к изменению ужасающей драмы. Мерлато долгое время спокойно смотрел на бесчеловечные действия, как и другие европейские консулы, особенно английский консул по имени Уэрри, который был сообщником Ратти Ментон. Но в конце концов терпение Мерлато лопнуло; он открыто атаковал варвару, ужасные действия. В результате ему пришлось вынести немало оскорблений. Христианское население осыпало его проклятиями за то, что он защищал евреев и не отдал своего протеже Пиччотто в руки каннибалов. Его дом был окружен шпионами, и магометанская толпа также была настроена против евреев нечестивыми средствами.

Ратти Ментон была неутомима в придумывании новых обвинений и фальшивых доказательств. Он приказал перевести на арабский язык оскорбительную книгу Лусио Феррайо против евреев, которую ему показали монахи. Эта книга доказывала из Талмуда, что евреи использовали кровь, что они убивали христианских детей и оскорбляли Воинство, которое впоследствии творило чудеса. Арабский перевод был передан Ратти Ментоном шериф-паше, и он распространил его среди магометанского населения. Чтобы начать широкомасштабное преследование, из Бейрута был привезен Франциск Сардинский, ядовитый монах-капуцин, хорошо известный своей способностью придавать видимость истины извращениям и лжи. Затем паша приказал разлучить трех заключенных раввинов и приказал перевести на арабский язык некоторые подозрительные отрывки из Талмуда, пригрозив смертной казнью, если они будут уличены в обмане. Вдумчивые турки покачали головой по поводу этого систематического преследования евреев, но промолчали. Ратти Ментон закрыла разбирательство и вынесла решение, как будто было неопровержимо доказано, что арестованные и подвергнутые пыткам евреи были убийцами отца Томазо. Те, кто еще был жив, были приговорены к обезглавливанию. Шериф-паша заручился согласием своего повелителя Мехмета Али на это деяние.

Словно для того, чтобы придать правдоподобность обвинениям в крови евреев и оправдать их уничтожение как кровожадных каннибалов, аналогичный случай произошел примерно в то же время на острове Родос, который принадлежал Турции. Десятилетний мальчик, сын греческого крестьянина, повесился, и христиане поспешили обвинить евреев в его убийстве. Европейские консулы взяли это дело в свои руки и потребовали от губернатора Юсуфа-паши проведения строгого расследования в отношении евреев. На основании показаний двух гречанок о том, что мальчик последовал за евреем с Родоса, мужчина был арестован, предан суду, заключен в тюрьму и, из-за его отрицания, подвергнут жестоким пыткам. Ему проткнули ноздри железной проволокой, положили на голову раскаленные угли, а на грудь - тяжелый камень. Это было сделано или одобрено европейцами и христианами, консулами европейских держав, Англии, Франции и Швеции. Здесь, также, австрийский консул не принимал участия в варварском преследовании. Пытки были применены к обвиняемому еврею его офицерами без ведома паши. Признание, которое они хотели получить, состояло в том, что он убил греческого мальчика, чтобы отправить его кровь главному раввину Константинополя. Это был своего рода заговор христиан Турции против евреев, направленный на то, чтобы поставить их на край пропасти, возможно, из-за зависти, потому что молодой султан Абдул Мегид, взошед на трон, в своем благодарственном обращении (Хатти-шериф Гюльхане) предоставил равные привилегии всем подданным своего королевства, включая евреев. Греки и латиноамериканцы в Турции мало думали о своей свободе, потому что им приходилось делить ее с ненавистными евреями.

Подвергнутый жестоким пыткам, полуживой еврей на Родосе сделал признание. Он обвинил нескольких евреев в убийстве мальчика, надеясь, что они уже бежали, опасаясь преследований. Но некоторые из них все еще были на Родосе. Как и в Дамаске, их заключили в тюрьму, подвергли пыткам и подвели к порогу смерти. Тем не менее они остались непоколебимы. Затем консулы приказали закрыть гетто, чтобы никто не мог входить и выходить, и евреи не могли обратиться со своими жалобами к паше или даже к султану. В течение трех дней евреи не получали еды извне. Греки постоянно бродили по гетто, чтобы бросить кости, чтобы потом иметь возможность сказать, что это кости убитого христианина. Австрийский консул, который поначалу поддерживал евреев, в конце концов был вынужден присоединиться к их врагам.

В результате этого двойного обвинения против евреев в Сирии и Турции разразился настоящий шторм. В Джабаре, недалеко от Дамаска, толпа ворвалась в синагогу, разграбила ее и разорвала свитки Закона в клочья. В Бейруте евреи были защищены от жестокого обращения благодаря вмешательству Лаурильи, голландского консула, и Сасона, прусского консула. Дух вражды распространился до Смирны и сопровождался жестокими нападениями на евреев.

Было ли простой случайностью, что в то же время (начало марта 1840 г.) против еврея в Рейнской Пруссии, в Юлихе, было выдвинуто обвинение в крови? Девочка-христианка девяти лет от роду утверждала, что ее ударил ножом еврей. Ее маленький брат, шести лет, подтвердил ее заявление. Еврей и его жена, которые случайно проезжали через Юлих, были опознаны детьми как преступники, и девочка добавила, что еврей в то же время убил ножом пожилого христианина. Если бы истина говорила устами детей, этот еврей должен был бы быть осужден как убийца христиан, вампир. Если бы были применены пытки, от еврея и его жены, вероятно, удалось бы добиться признания в совершенном преступлении. Но строгое судебное расследование выявило, что заявления детей были пустой ложью и обманом. Христианин, которого считали убитым, был жив. Притворная рана на теле девушки была всего лишь пятном крови. Обвиняемый еврей был оправдан, и слух, на который сослался сам государственный прокурор, обвинил двух христиан из Дюссельдорфа в том, что они вбили эти ужасные обвинения в головы детей.

В Рейнской Пруссии правда и невиновность евреев были быстро раскрыты. В Дамаске и на Родосе, с другой стороны, борьба затянулась, потому что дьявольские европейские христиане намеренно сплели такую сеть лжи, что даже простодушные люди были обмануты. Напрасно евреи, подвергшиеся жестокому обращению, заламывали руки и умоляли своих европейских братьев помочь им при более благоприятных обстоятельствах. Им было чрезвычайно трудно выявить правду и разоблачить злодейство. Религиозный фанатизм, юдофобия и страсти к политическим партиям - все это объединилось, чтобы способствовать торжеству лжи. Тайные заговорщики использовали искусство Гуттенберга — чей четырехсотлетний юбилей в то время отмечался, чтобы распространить по всему миру обвинения в том, что евреи жаждут христианской крови.

Ратти Ментон аррапотребовал, чтобы репортаж из Дамаска, представляющий события с его точки зрения, был помещен во французских журналах, чтобы проинформировать европейский мир о том, что евреи убили священника и его слугу и собрали кровь для своих опресноков на Пасху. Один труп был брошен в канал в их квартале, а другой - в подвал еврея. Они сознались, признав, что совершили преступление, чтобы отпраздновать таинства своей религии. Без

Ратти Ментона преступники не были бы обнаружены, и без его вмешательства еврейский квартал и все его жители были бы уничтожены. Не только газеты, контролируемые католическим духовенством, рьяно распространяли это обвинение против евреев, но и либеральные журналы, чтобы прославить могущество Франции на Востоке, публиковали как факты все искаженные заявления из Дамаска. Поскольку взоры Европы в это время устремлены на ситуацию в Турции, ложные репортажи быстро распространяются по венам европейской журналистики. Средневековая ненависть к евреям могла бы легко пробудиться вновь и привести к повторению кровавых сцен. Евреи Европы были полны ужаса от того, что среди бела дня девятнадцатого века им все еще приходилось бороться с темным призраком кровавого обвинения, чтобы оно не утащило их в могилу.

Пресса, которую раньше использовали их противники, теперь использовалась с большей пользой для дела евреев. Клевету и лживые обвинения против них больше нельзя было скрывать под завесой тайны. Были отважные евреи, которые сорвали маску добродетели с лжи и лицемерия. Таким человеком был Адольф Кремье (родился в 1796 году, умер в 1880 году), который незадолго до этого прославился триумфом красноречия. Этому выдающемуся человеку было суждено, как будет показано далее, стать смелым и могущественным защитником евреев в их бедственном положении. Ложные обвинения, выдвинутые против них в Дамаске, сделали его их защитником и побудили принять активное участие в истории своих единоверцев. Кремье, который среди многих талантливых ораторов Франции считался исключительно прекрасным оратором, использовал свой великий дар для защиты невинных заключенных, независимо от вероисповедания, положения или партии. Хотя Кремье в то время был членом франко-еврейской консистории, до сих пор он не слишком беспокоился о еврейских делах; его душа была полна патриотизма по отношению к Франции. Кровавое сражение в Дамаске, которое было широко распространено противниками евреев, впервые напомнило ему о его еврейском происхождении и вдохновило его на мужество и рвение встать на защиту своих братьев по религии и расе, а также развило в нем пламенный патриотизм по отношению к иудаизму. При первых известиях о темных событиях в Дамаске, полностью убежденный в том, что восточные евреи, как и европейские, невиновны в крови, Кремье поспешил к французскому министру, чтобы спросить его, располагает ли правительство более точной информацией по этому вопросу. Министр ответил, что он не получал ни малейшей информации по этому вопросу ни от консула, ни из какого-либо другого источника. Таким образом, стало очевидным, как велась эта игра. Со всем пылающим огнем своего красноречия и энтузиазмом, внушенным праведным делом, Кремье выступил против широко распространенной клеветы, которая эхом прокатилась по Франции (7 апреля), и стал центром патриотического движения французских сообществ. Кремье был тогда вице-президентом центральной консистории; и евреи Франции надеялись, что он, их назначенный представитель, разорвет сеть лжи, протянувшуюся от Дамаска до Франции.

Подобно французским евреям, евреи Англии также внезапно пробудились. Благодаря своему богатству и благородному поведению занимали очень высокое положение в общественном мнении. Некоторые из них были избраны на почетный пост шерифа, и следовало ожидать, что вскоре они будут приняты в парламент. Самые выдающиеся евреи Англии, среди них барон Натаниэль Ротшильд, сэр Мозес Монтефиоре (который из благочестивых чувств предпринял паломничество в Святую Землю), Salomons и высокочтимые братья Голдсמיד, провели встречу (21 апреля) и решили обратиться к правительствам Англии, Франции и Австрии с призывом использовать свое влияние, чтобы положить конец бесчеловечным действиям в Дамаске.

Крестьяне приехали в Лондон и присутствовали на встрече, чтобы обсудить общий план действий. Примечательно единодушие, с которым видные евреи встали на защиту своих преследуемых братьев и защитили чистоту иудаизма, его Закона и Талмуда. В тот же день (1 мая) Крестьяне предстали перед Луи Филиппом, королем Франции, а еврейская депутация посетила английского министра лорда Пальмерстона, чтобы заручиться защитой этих двух стран для жертв в Дамаске.

Луи Филипп ответил с большим чувством:

"Я ничего не знаю об этом происшествии; но если где-нибудь найдутся несчастные евреи, которые обратятся за защитой к моему правительству, и если с его помощью чего-нибудь можно добиться, я соглашусь с вашими пожеланиями".

Неизвестно, серьезно ли подразумевал это утверждение этот дипломатический монарх. Однако был назначен вице-консул для посещения Дамаска, расследования этого дела и подготовки отчета. Но он был всего лишь подчиненным, которого, как можно было себе представить, Ратти Ментон мог легко обмануть или отважиться выступить против. Ответ лорда Пальмерстона был более прямолинейным. Он пообещал еврейской депутации, которая представила ему полные доказательства невинности обвиняемых в Дамаске и на Родосе, что он уполномочит английского посла в Константинополе, а также консула в Александрии приложить все усилия, чтобы пресечь продолжение подобных жестокостей. В другом квартале, менее публичном, но более эффективном, были предприняты шаги по заручению поддержки Вены и австрийского кабинета министров. Австрийский консул в Дамаске Мерлато был единственным, кто видел насквозь злодейство Ратти Ментона, его помощников и монахов и с истинным мужеством оказал решительное сопротивление..... В свою очередь, он подвергся оскорблениям со стороны своих противников как на Востоке, так и на Западе; они порицали его как еврея, чтобы бросить тень подозрения на его защиту евреев и таким образом разрушить ее последствия. Но Мерлато чувствовал себя морально обязанным отстаивать невинность евреев как личное дело каждого. Он опубликовал достоверный и всеобъемлющий отчет о безосновательных нападениях толпы на жертв в Дамаске. Это повествование, оправдывающее его поведение при защите Пиччотто, он отправил своему начальнику, генеральному консулу Египта, и последний отправил его как достоверный отчет австрийскому министру Меттерниху. Несмотря на нежелание огласки, Меттерних разрешил распространять в газетах все статьи, благоприятные для евреев. В этом отчете Ратти Ментон, которую клерикальные интриганы прославляли как ангела света, была показана злым демоном. В общественном мнении произошла революция, которая наполнила евреев мужеством и предвещала торжество справедливости. Трудно сказать, было ли вмешательство Меттерниха в это дело вызвано его собственным импульсом, недовольством практикуемой жестокостью, или политической враждебностью к Франции и желанием подорвать ее власть на Востоке, или, возможно, из-за уступчивости к Ротшильдам, члены которого были необычайно ревностны в этом деле в защиту своих единоверцев. Во всяком случае, Меттерних призвал австрийских агентов в Египте и Сирии смело встать на защиту евреев.

В Константинополе, на диване султана, представители европейских правительств, дружественных евреям, добились пересмотра судебного процесса по обвинению в крови на острове Родос. Еврейским депутатам с Родоса наконец удалось добраться до Константинополя. Натаниэль де Ротшильд также отправился туда, и в результате Абдул Мегид издал Фирман (27 июля), согласно которому греческое население должно прислать в столицу трех примасов в

качестве обвинителей, а евреи - столько же старейшин в качестве ответчиков. Для расследования этого дела был назначен трибунал под председательством Рисаат-бея, в результате чего Юсуф-паша был уволен со своего поста губернатора Родоса, а евреи, обвиненные в детоубийстве, были оправданы. Кроме того, им было поручено потребовать компенсации за понесенные убытки от тех, кто несправедливо обвинил их, а именно от некоторых европейских консулов. За три месяца — с начала мая до конца июля — дело было улажено.

С Мехметом Али пришлось столкнуться с большими трудностями. Он, действительно, еще в начале апреля, обещали австрийского генерального консула автомат, чтобы положить конец жестокости; но этому помешала французским генеральным консулом, Cochelet, и, по глупости, доверившись во Франции, он не мог ссориться остроумием агентов французского правительства. Но Лауринь, действуя по указанию Меттерниха, был неутомим в своих усилиях вырвать египетского пашу из сетей французских интриганов. По его наущению александрийские евреи обратились к Мехмету Али с красноречивыми воодушевленным обращением. Примечательно, что египетские евреи не получили взбучки за то, что говорили правду; Мехмет Али хорошо знал, кто их поддерживал. Письмо Меттерниха паше произвело удивительно благоприятный эффект. Врешении Восточного вопроса последняя не могла позволить себе порвать с Австрией, из которой султан мог получить подкрепления быстрее, чем из Франции.

Поэтому Мехмет Али решил сформировать суд, состоящий из консулов Австрии, Англии, России и Пруссии, для проведения судебного разбирательства в соответствии с европейскими обычаями. Трибунал был уполномочен направить комиссию в Дамаск и провести беспристрастный допрос свидетелей на месте. В Дамаск шерифу-паше был отправлен приказ, повелевающий ему прекратить пытки заключенных и вообще прекратить преследование евреев. Чтобы подавить любую бунтарскую вспышку христиан, мужество которых возросло, туда были отправлены восемьсот солдат. Дело начало выглядеть так, как будто истина будет подтверждена. Четыре консула, назначенные главными судьями, неуверенные в своей способности провести столь сложный судебный процесс, обратились за помощью в Вену и попросили, чтобы четыре немецких судьи, хорошо разбирающиеся в уголовном праве, расследовали это дело, но политическая интерлюдия прервала разбирательство.

Тайная война велась между чересчур мудрым королем Луи Филиппом и хитрым государственным деятелем Тьером, который играл с портфелем министра, и чья маленькая персона и громкие фразы настолько раздражали короля, что он держал его, насколько это было возможно, на расстоянии вытянутой руки. Как раз в это время (в мае) Тьер сыграл злую шутку с королем и заставил его назначить его президентом кабинета министров. Маленькая "муха", как он ее называл, начала жужжать, ведя себя так, как будто он мог приобрести Рейн в собственность Франции и решить Восточный вопрос в соответствии с взглядами Франции. Чтобы получить большинство в Палате, Тьер был вынужден заручиться благосклонностью клерикальной партии, которая была особенно сильна в Палате пэров. Таким образом, случилось так, что не было разрешено проводить строгое расследование дела в Дамаске, чтобы не пролить свет на жестокое поведение Ратти Ментон и монахов. Во всяком случае, для Франции было пренебрежением, что ее консул был исключен из состава нового суда. Кроме того, Тьер не был в дружеских отношениях с финансовым миром, то есть с Ротшильдами, и он хотел нанести удар, чтобы заставить их уступить. Генеральный консул Франции Кошелев

Александрии получил инструкции от Тьера придержать Мехмета Али и не допустить, чтобы злодеяния в Дамаске были раскрыты. Египетский паша, введенный в заблуждение заговорами Тьера, подчинился его приказу и нарушил обещание, данное четырем консулам. Таким образом, драма, которая, казалось, приближалась к развязке, снова затянулась, но ее конец не был благоприятен для Тьера и его протекже.

Евреи всех оттенков убеждений стали обладать достаточной зависимостью, чтобы не обращать внимания на увертки министра или консула. Ахилл Фульд, которого с иудаизмом связывали лишь узкие узы, а также строго ортодоксальный Хирш Лерен из Амстердама, оба считали своим долгом принять смелое участие в защите своих преследуемых единоверцев в Сирии. Во французской палате депутатов (2 июля) Фульд так резко допросил Тьера, что последний был вынужден оправдываться.

Французский консул приказал применить пытки, и после того, как французская нация показала пример подчинения правилу "равенства перед законом", а также в религиозных вопросах, француз одобрил это исключение из правил, применил пытки и, таким образом, поддержал палачей паши. Такое поведение было настолько глубоко возмущено другими европейскими агентами, что французский посол был исключен из состава совета, который был создан, потому что он был обвинителем, в то время как остальные были защитниками".

На это заявление Тьер был вынужден ответить, но каждое произносимое им слово звучало как ложь. Два депутата-христианина приняли сторону евреев в этом обсуждении. Граф Делаборд, путешествовавший по Востоку, высоко оценил евреев Турции и заявил, что к ним было оказано заслуженное уважение и что, как и Ламартин, он получил самое сердечное и щедрое гостеприимство от их богатых членов. Положительное утверждение Тьера о том, что у него есть документы, доказывающие невиновность Ратти Ментон, было встречено другим депутатом, Изамбэртом; он представил отчет, составленный апостольским миссионером, преемником отца Томазо, в котором говорилось, "что усилия и рвение французского консула в пытках евреев Дамаска превзошли всякое понимание". Палата депутатов, однако, не вынесла вотума порицания министру, который так противоречил учтивому характеру французской нации, но взгляды депутатов осуждали его. Тьер чувствовал себя настолько неловко, что выступил с мелочными нападками на евреев, "которые подняли бурю по всей Европе, обратившись за помощью к министрам всех государств, и таким образом показали, что они обладают большим влиянием, чем утверждалось".

Евреи, безусловно, должны были объединиться и развить особую активность, видя, что католическая партия во Франции, Италии и Бельгии официально вступила в сговор или получила намек из центральных учреждений, чтобы окутать мраком события в Дамаске и представить евреев на Востоке и в Европе как убийц и каннибалов. По всей Италии документы в пользу жертв в Дамаске или против Ратти Ментон не разрешалось печатать: цензура, находившаяся под опекой духовенства, запрещала это. Французский журнал призвал крещеных евреев заявить под присягой и в меру своих знаний, находили ли они когда-либо среди своих бывших единоверцев или в еврейских писаниях хоть малейший след или указание относительно отвратительного преступления, вменяемого несчастным людям в Дамаске. Несколько евреев, которые были обращены в протестантизм и даже занимали церковные должности, утверждали о невиновности евреев в этом преступлении — среди них Август Неандер, известный как церковный историк и человек с нежной совестью. Ни один

католик, за исключением одного человека, не выступил с такой инициативой. Возможно, они были вынуждены хранить молчание. Клерикальные враги евреев теперь опубликовали новое обвинение, что Талмуд, который европейские евреи знали и изучали, действительно мог быть свободен от мест, враждебных христианам и рекомендующих пролитие крови, которые, возможно, были удалены из копий из страха, но евреи Востока, находящиеся под турецким владычеством, все еще владели Талмудом в его первоначальном виде, который был полон ненависти ко всем людям, особенно к христианам.

Таким образом, евреи были вынуждены установить связь истины с неистинным, публично заявить о невинности мучеников в Дамаске и в то же время подтвердить чистоту своих собственных доктрин; короче говоря, они должны были помочь себе сами. Французская центральная консистория, получившая торжественные обещания от Луи Филиппа, увидела себя обманутой в своих надеждах. Кремье был вынужден сделать болезненное заявление своим собратям: "Франция против нас". Настойчивые призывы евреев из Дамаска, Бейрута, Александрии и Константинополя в письмах Ротшильдам, Мозесу Монтефиоре, Кремье и Хиршу Лерену в Амстердам сделали очевидным, что видным европейским евреям было необходимо вернуться на место действия, чтобы добиться более эффективных результатов. Поэтому центральная консистория решила отправить в Александрию эмиссара с сопровождением, чье пламенное красноречие могло бы снискать расположение Мехмета Али. Возложив на себя эту опасную и почетную миссию, Кремье вступил в контакт с главами еврейской общины Лондона.

Здесь был сформирован совет самых благородных и выдающихся евреев, включая Монтефиоре и Ротшильда, который на собрании, состоявшемся в вестибюле синагоги (15 июня), принял следующее важное решение: Монтефиоре, в сопровождении выбранного им самим друга, должен отправиться в Египет вместе с Кремье, "чтобы представлять евреев Англии при дворе паши и защищать их преследуемых братьев на Востоке посредством своего весомого влияния и своего рвения". Он был также Допределяемой на эту встречу, чтобы собрать большие суммы денег, потому что видно было, что они бы хотели, правда, не в качестве взятки в ожидании суда в Дамаске, но это большие вознаграждения могут быть предложены, чтобы обнаружить убийцу отца Томазо. Тысяча фунтов стерлингов была предложена в качестве награды за поимку преступника. Готовность евреев внести свой вклад в этом случае снова проявилась самым заметным образом. Свой вклад в правое дело внесли как бедняки, так и миллионеры. Этот комитет также заставил незамутненное общественное мнение в том виде, в каком оно существует в Англии, заявить о себе в парламенте от имени евреев, и сэр Роберт Пил, имевший большое влияние, взялся за эту задачу.

Заседание Палаты общин (22 июня) представляет собой интересный контраст с заседанием Палаты депутатов Франции в то же время и по тому же вопросу. Пил справедливо представил вопросы министрам, сказав, "что было просто необходимо затронуть этот вопрос в Нижней палате, чтобы достичь великих целей справедливости и гуманности". Лорд Пальмерстон ответил Тьеру совершенно по-другому:

"Я уже поручил английскому генеральному консулу Ходжесу сообщить Мехмету Али, какой эффект должны произвести новости о таких зверствах в Европе, и что в его собственных интересах расследовать это дело и предать наказанию виновных, если они будут обнаружены, в то время как невинные жертвы должны быть возмещены, если это еще возможно. Я также отправил инструкции консулу Ее Величества в Дамаске провести

тщательное расследование всего, что произошло, и отправить домой точный отчет о том, какое участие в этом приняли европейские консулы".

Воздух Англии делал восприимчивыми к чувству свободы даже тех, кто привык возводить порабощение тел и умов в ранг догмы. О'Коннелл, пламенный ирландский агитатор за эмансипацию католиков в Англии, выступал в парламенте за предоставление подобной привилегии евреям.

"Замечания по этому поводу были бы более весомыми, если бы член этой Палаты, принадлежащий к вероисповеданию обвиняемого, смог их высказать. Правительству следовало бы внести законопроект о полной эмансипации евреев".

Так говорила Англия устами своих достойнейших представителей.

На следующий день (23 июня) в Большой синагоге состоялось многочисленное собрание самых выдающихся евреев Лондона, на котором были приняты окончательные меры по отправке Монтефиоре в Египет. В этом случае было доказано, какой благородный круг евреев существовал в Англии и что их умы были наполнены возвышенными чувствами привязанности к иудаизму и его приверженцам. До сих пор английские евреи принимали весьма незначительное участие в еврейской истории, они оставались пассивными из-за своей незначительной численности. Но когда они впервые заявили о себе, то проявили свою независимость и подали блестящий пример другим. Монтефиоре, де Кастро, Ротшильд, Ван духовка, Саломонс, и многие другие, говорил и действовал как еврей, сознающий свои достоинства, которые были готовы пойти на значительные жертвы, чтобы обеспечить торжество своих оспариваемых убеждений. Кремье приехал из Парижа, чтобы присутствовать. Сначала участники собрания выразили свою благодарность тем людям, христианам, а также евреям, которые ревностно защищали несчастных жителей Дамаска, а именно Джеймсу де Ротшильду, который внес большой вклад в поддержку обедневших евреев Дамаска, Меттерниху и его агентам, Лаурину и Мерлато, а также Ходжесу, английскому консулу. Бернард ван Овен произнес пламенную речь, которая, однако, была по существу, и была встречена бурными аплодисментами.

На этой встрече не требовалось много слов. Все были твердо полны решимости приложить все усилия и принести все жертвы, чтобы добиться освобождения тех, кого ложно обвинили в пролитии крови. Это благородное еврейское собрание в Лондоне было чем-то похоже на то, что состоялось в Александрии ровно восемнадцать веков назад, когда иудаизм во времена императора Калигулы был заклеен позором все бесстыдными, дьявольскими врагами. В то время также собрались самые выдающиеся евреи, известные своей культурой, благородством ума и богатством. Но Александрийское собрание, окруженное врагами, встретило их с ужасом, в то время как собрание в Лондоне воодушевлялось и поддерживалось добрыми пожеланиями и сочувствием граждан столицы. Во второй еврейской общине, в Манчестере, было проведено аналогичное собрание.

Уверенный в успехе благодаря этим признакам, Монтефиоре отправился в свое важное дело, снабженный рекомендательными письмами от видных людей государства и сопровождаемый добрыми пожеланиями миллионов людей, в первую очередь королевы Виктории. Перед его отъездом она дала ему аудиенцию и предоставила в его распоряжение свое судно, на котором намеревалась пересечь Ла-Манш — безусловно, экстраординарный знак благосклонности и сочувствия к несчастьям евреев, но в то время чувства в их пользу были

настолько сильны, что это не вызвало большого удивления. Монтефиоре сопровождали джентльмен, юрист по профессии, и его жена Джудит, которая настояла на том, чтобы разделить трудности своего мужа в этой экспедиции на благо своей нации. Она была идеалом еврейской женщины, культурной, благородно мыслящей, гордящейся своим исповеданием и преданно привязанной к своему тузу, являя собой яркий контраст с женщинами Берлина, которые опозорили иудаизм. Прежде чем Монтефиоре и его сопровождающие покинули Англию, два главных раввина немецкой и португальской общин, Соломон Гершель (умер в 1842 году) и Дэвид Мелдола, сочли необходимым повторить торжественную клятву, которую дали Манассия бен Израэль и Мозес Мендельсон: обвинение в крови против евреев не имеет ни тени подтверждения в талмудических писаниях или фактически. Ввиду низости клерикальной французской партии и продажности немецких газет эта клятва ни в коем случае не была излишней. Католические агитаторы во Франции и Бельгии поносили евреев по презренной, но понятной причине и с определенным планом заманить совесть свободных людей в эсеты. Но немецкие писатели действовали таким образом из низменных побуждений, чтобы использовать несчастья других как источник богатства. Некий доктор Филибер отправил письмо в дом Ротшильдов в Париже, заявив, что за большую сумму денег он возьмет на себя защиту дамасских евреев в каждом европейском журнале, добавив угрозу, что в случае отказа от этих кровавых денег он повлияет на общественное мнение в противоположном направлении. Евреи с презрением отвергали таких жалких созданий. Они чувствовали, что могут полагаться на свои собственные силы и силу истины. Обманутые в своих ожиданиях, презренные писаки напали на евреев и увеличили количество лжи и клеветы, накопившихся вокруг убийства в Дамаске. Поэтому главным раввинам пришлось проглотить свою гордыню и принести клятву по вопросу, ясному как божий день.

Однако, если евреи подвергались нападкам во французских и немецких газетах, Англия предоставила им достаточный повод забыть обо всех страданиях евреев на протяжении пятнадцати столетий. Известные купцы, владельцы крупных банковских домов и члены парламента, всего около двухсот десяти человек, предпочли обратиться к лорд-мэру Лондона Маршаллу с просьбой созвать открытое собрание и дать им возможность выразить свои чувства и искреннее сочувствие преследуемым евреям в Дамаске. Лорд-мэр, разделяя их мнение по этому вопросу, сердечно согласился, и в Лондоне (в Мэншн-хаусе, 3 июля) состоялась блестящая встреча, которая завершилась победой. Среди собравшихся было много высокопоставленных дам. Председатель Томпсон заметил в самом начале:

"Евреи Дамаска так же достойны уважения, как и те, кто живет среди нас в Англии. И о них я позволю себе сказать, что никто из наших падших нынешних граждан не проявляет большего рвения в распространении человечности, в помощи бедным и угнетенным, в защите сирот и в продвижении литературы и знаний, чем они, и что их благожелательность распространяется не только на людей, принадлежащих к их текущей религии, но и на христиан, наравне с представителями любого вероисповедания".

Член парламента по фамилии Смит, который поднялся, чтобы внести первую резолюцию, сказал:

"Я считаю эти обвинения столь же ложными, сколь жестоки и порочны натуры тех, кто их придумал. Я уверен, что вся страна единым голосом и единодушием поднимется, чтобы подавить такие зверства, такое варварство, которые творились в Дамаске. И что же это за

люди, которые были подвергнуты такой боли? Нация, связанная с нами всем, что дорого и священо религии; нация, чья вера основана на истории, которая с непоколебимой уверенностью ожидает своего политического и религиозного восстановления; нация, тесно связанная с прогрессом торговли и цивилизации во всем мире и находящаяся в дружеских отношениях со всем миром.... В прошлые времена они были людьми, которые прокладывали путь в воспитании человеческой расы и предоставляли другим ту самую гражданскую и религиозную свободу, которой в настоящее время они требуют для себя. Эта нация дала лучшее доказательство ценности, которую она придает свободе, поскольку на своем собственном примере показала, насколько сильно она руководствовалась этим принципом в своем поведении по отношению к другим людям без различия вероисповедания; поэтому она может претендовать на высочайшую терпимость".

Видный священнослужитель, лорд Хоудон, добавил:

"Таинственными путями Провидения мы часто обнаруживаем, что добро возникает из зла, и поэтому я вместе со всеми друзьями человечества надеюсь, что парламент этой страны, выразив свое мнение об этой жестокости, вознаградит евреев за их страдания законодательством в их пользу".

Предложение было принято единогласно:

"Это собрание глубоко сожалеет о том факте, что в наш просвещенный век преследование наших еврейских братьев могло быть начато из-за невежества и разжигаться фанатизмом".

Ближе к концу собрания вошел О'Коннелл. Он подумал, что его присутствие потребуется для того, чтобы вызвать энтузиазм. Но когда он увидел, что рвение в защиту евреев достигло высшей высоты, он просто добавил:

"После показаний, данных для демонстрации моральной ценности евреев, может ли кто-нибудь быть настолько безумным, чтобы поверить, что они используют кровь для своих обрядов? Разве еврей не является примером во всех жизненных отношениях? Разве он не хороший отец, хороший сын? Разве они не настоящие друзья? Разве они не честные, трудолюбивые?... Я обращаюсь ко всем англичанам с призывом возвысить свой голос в защиту жертв этого позорного угнетения. Пусть апелляция дойдет от одного конца Британских островов до другого, и, если требуется согласие ирландца, я здесь, чтобы засвидетельствовать это".

Эта трехчасовая встреча в Особняке представляет собой примечательный эпизод в еврейской истории. От имени собрания лорд-мэр сообщил о принятых резолюциях не только английскому правительству, но и послам всех европейских держав, попросив их в то же время добиться выражения сочувствия евреям от их соответствующих наций и правителей. Непредвзятое общественное мнение было настолько эффективным, что император России Николай, а также Американская Республика почувствовали себя морально обязанными выразить свое отвращение к пыткам, которым подвергались евреи.

Несколькими неделями позже аналогичная встреча состоялась в Манчестере, и, хотя большинство спучастников были священнослужителями, были высказаны те же чувства по отношению к евреям. Почему такие взгляды не преобладали в четвертом и пятом веках, когда христианство впервые приобрело первостепенное значение? Каких слез и кровопролития

можно было бы избежать! Но еврейская расадолжна была пройти испытание и укрепиться мученичеством.

Монтефиоре смог начать свое путешествие, полный мужества. Его не только поддерживало правительство, но и сопровождали симпатии лучших людей Англии, и поэтому он чувствовал надежду. Для Кремье это было не так просто. Фактически, ему мешало французское министерство. Тьер хотел показать себя твердым. Возможно, он был виноват не так сильно, как принято было предполагать; возможно, что Луи Филипп, который был очень хитер, удержал его от уступки. Достопочтенные люди также напомнили ему в Палате пэров (10 июля), что, защищая Ратти Ментон, он ставит под угрозу честь Франции, но он продолжал придерживаться своей двусмысленной позиции. События свели хитрость Ихдрузей и короля на нет. В то время как они думали, что мелкими интригами, детским упрямством и обманом Мехмета Али они укрепляют позиции Франции, четыре оставшиеся европейские державы — Англия, Россия, Австрия и Пруссия — сформировали Четвертыйальянс (15 июля) против Франции, который согласился, что Сирия должна быть возвращена султану. Падение Тьера было неминуемо, пока он хвастался своими успехами.

За день до заключения союза Монтефьоре и Кремье со своими сопровождающими отправились в Египет. В компании Кремье был Соломон Мунк, достойно представлявший еврейскую ученость. Таким образом, еврейское посольство не испытывало недостатка в том, что необходимо для успеха великого предприятия, — в преданности, чистом доверии Богу, красноречии и глубокой учености. Во время своего путешествия по Франции эти благородно мыслящие, доблестные представители иудаизма были с энтузиазмом приняты в еврейских общинах Авиньона, Ниса, Карпантра и Марселя, и сопровождались добрыми пожеланиями. В ЛЭгхорне, где бросил якорь королевский корабль, португальская община торжественно отпраздновала день их высадки. Всякое различие между евреями исчезло в единодушном восхищении людьми, взявшимися за столь трудную задачу, и в надежде, что они добьются успеха. Весь Израиль снова стал единым сердцем и душой. Ортодоксальные раввины разрешили вставлять в богослужение молитвы за Монтефиоре и Кремье. Каждый еврей, даже самый скромный, был готов принести какую-то жертву, чтобы облегчить задачу.

Прибыв в Каир (4 августа), они поспешили выполнить свою миссию, не отдыхая. Монтефиоре, которого решительно поддержал английский генеральный консул Ходжес, получивший инструкции от Пальмерстона на этот счет, немедленно попросил о беседе с Мехметом Али (6 августа), который его принял и которому он передал петицию от имени еврейской общины с просьбой разрешить ему отправиться в Дамаск и там провести расследование обстоятельств дела. Для этой цели ему самому и его друзьям требовалась подписка о невыезде, а также привилегия разговаривать с заключенными так часто, как это было необходимо, и заслушивать показания. Мехмет Али был крайне озадачен. Он охотно согласился бы на эту просьбу, потому что искреннехотел выглядеть справедливым принцем в глазах Европы. Но французский генеральный консул Кошле, проинструктированный Тьером, пресек это стремление и приложил все усилия, чтобы не допустить поднятия завесы. Кошле, вопреки обычаю, даже не представил Кремье паше. Поэтому Кремье был вынужден сам добиваться аудиенции; но, как и Монтефьоре, он получил лишь уклончивые ответы. Восточный вопрос в то время стал чрезвычайно запутанным. Каждую минуту Мехмет Али ожидал окончательного решения европейских держав о том, что он должен подчиниться султану, отказаться от своей независимости и отказаться от Сирии. Он не хотел порывать ни с теми державами, которые встали на защиту евреев, особенно

с Англией и Австрией, ни с ни с Тьером, ни с Луи Филиппом, которые не отказались бы от Ратти Ментон и монахов. Из-за нерешительности Мехмета Али дело затянулось на три недели. Еврейские посланники не получили определенного ответа. Они не были обескуражены, но стремились изобрести новые средства для достижения своей цели. Кремье придумал наилучший план. Все европейские консулы, или столько, сколько было готово подписать петицию, должны были потребовать освобождения заключенных в Дамаске. Девять консулов согласились с этим, фактически все, кроме французского консула. Мехмет Али, однако, получил информацию о предложенной петиции, и, чтобы не создалось впечатления, что он уступил давлению иностранных держав, через их представителей он решил отправить в Дамаск приказ (28 августа) о немедленном освобождении заключенных.

Оба посланника и их сопровождающие были преисполнены искренней радости. В трех синагогах Александрии раздались благодарственные молитвы и благословения Мехмету Али, Меттерниху и австрийским консулам Лауриню и Мерлато, а также всем, кто принимал участие в освобождении и кто был восхищен результатом их усилий.

Однако велико было удивление двух еврейских представителей, когда до них дошла турецкая копия приказа Мехмета Али, и Мунк, который был опытным лингвистом, зачитал слова: "Мистер Мозес Монтефиоре и месье Кремье умоляли меня проявить милосердие к евреям в Дамаске и предоставить им свободу", что подразумевало, что обвиняемые дамасские евреи, хотя и были виновны, были наказаны пашой милосердием, а не правосудием. Рука Кошеле была видна в этой попытке защитить Ратти Ментону и монашеских палачей. Кремье немедленно поспешил к паше и объяснил ему, что выражение "милосердие" бросает тень на обвиняемых, а вместе с ними и на всех евреев, поскольку они таким образом были признаны виновными. Он попросил заменить слова "свобода и мир". Мехмет Али приказал внести это изменение в Фирман, и таким образом последние интриги Кошеле были разрушены.

Как только приказ прибыл в Дамаск, шериф-паша, знавший суровость Мехмета Али, был вынужден освободить девять еврейских заключенных, которые все еще содержались в тюрьме (6 сентября), не посоветовавшись с Ратти Ментон. Семеро из этих мужчин были использованы пытками, только двое избежали травм и подверглись преследованиям, в то время как четверо жертв скончались. Как только радостная весть об их освобождении распространилась по Дамаску, все евреи и многие турки собрались перед тюрьмой и сопровождали страдальцев в синагогу, чтобы вознести благодарность Богу за обретенную свободу и помолиться за Мехмета Али и их еврейских защитников.

Радость евреев во всех частях мира, узнав о торжестве свое правое дело, может быть яmagined; это была национальная радость, в котором лучшие люди, как в Европе, так и Азии, принимали участие. Все, что оставалось сделать, это получить от Мехмета Али официальное заявление о том, что обвинение в крови было клеветой, и этому было достаточно доказательств, когда каждый в Дамаске мог свободно говорить об этом печальном происшествии. Еврейские посланники также сочли своим долгом убедить пашу полностью отменить пытки. Но политические осложнения помешали осуществлению этого гуманного предложения. Мехмет Али был вынужден сдать Сирию, а также Крит Турции. Таким образом, его постигло наказание за то, что он почти три месяца самодовольно наблюдал кровавые сцены в Дамаске из уважения к Франции. Шериф-паша, еще до того, как Дамаск был захвачен турками, был привезен в цепях в

Каир и там казнен, как говорят, за государственную измену. Франсуа Салинс, один из злостных французских преследователей евреев в Дамаске, был разорван на куски толпой. Фанатичные католики этого города, которым при Мехмеде Али было позволено проявлять такую жестокость, были унижены или чувствовали себя униженными, когда Рафаэль Фарчи, выдающийся еврей, был снова назначен на должность члена городского совета. Не имея больше возможности пытаться евреев, они охладили свою ненависть, подстрекая к крестовому походу против них. Представитель греческого патриарха, армянский епископ Вантабиет, викарий Святой Земли, сирийский священник Иаков и представитель католического патриарха священник Маруни — короче говоря, представители трех сект, питавших смертельную ненависть друг к другу, объединились, чтобы возвести новую клевету на евреев, которых все трое ненавидели одинаково.

"Евреи Дамаска позволили себе грубо оскорблять христиан, поносить их и подвергать всевозможным унижениям. Несколько человек подали жалобы на позорное поведение евреев, отвратительное поведение, которое унижает всех христиан".

Однако большинство европейского христианского мира было достаточно хорошо знакомо справедливостью дамаского духовенства, чтобы не обращать внимания на этот лицемерный плач, а главам католицизма стало стыдно за то, что они разоблачили себя в дамаском деле.

Еврейские посланники не считали свою задачу выполненной, если только они не стремились предотвратить, насколько это было в их силах, повторение событий, которые позорили весь иудаизм. Предвидя, что Сирия вместе с Дамаском будет возвращена Турции, Монтефиоре направился в Константинополь, вступил в сношения с Портой, к которой у него были влиятельные рекомендательные письма, и вместе с некоторыми видными евреями турецкой столицы добился аудиенции султана, когда он попросил Фирман (6 ноября), который должен был в будущем обезопасить турецких евреев от кровавых обвинений.

Кремье выбрал другое поле для своей деятельности. Мученическая смерть евреев Дамаска имела неожиданный эффект укрепления связи между евреями Европы и Востока. Последние с изумлением увидели, сколь многого их европейские собратья могли добиться с помощью культуры, влияния и мужества, и что принцы и вельможи относились к ним с уважением, в то время как сами они безропотно гнули спины под каждым ударом. Это благоговейное восхищение азиатских евреев европейцами Кремье использовал в попытке освободить египетских евреев (или, по крайней мере, евреев из двух столиц Александрии и Каира) от состояния невежества и сделать их восприимчивыми к цивилизации. Их игнорирование даже еврейских писаний, следствие неизмеримого гнета, под которым они трудились, а также их неопишуемой бедности, было причиной сильного презрения, с которым к ним относились магометане и христиане. От этого позора Кремье надеялся освободить их, и его мощно поддержал Соломон Мунк, которому, похоже, было суждено стать посредником между европейскими и египетскими евреями - между прошлым и настоящим. Мунк обратился к евреям Египта с красноречивым циркулярным письмом на иврите и арабском языке (Элул 23), в котором он противопоставил бывшее величие евреев этой страны во времена Второго Храма, во времена Филона и Маймуни, когда они стояли во главе еврейской духовной деятельности, тем их нынешних страданий, следствию их интеллектуального упадка. Он призывал их пробудиться от своего смертного оцепенения и основать школы, где их дети могли бы получить знания об иудаизме и еврейской литературе и в то же время получить светское и практическое

образование. Мунк сделал для египетских евреев то, что Уэссели сделал для евреев Европы. Но, в отличие от своего предшественника, он не был осужден как еретик за свои усилия. Напротив, раввин Александрии был первым, кто предложил помощь в этой работе. Выдающийся еврей по имени Валенсина поставил себя во главе общества по созданию школ и надзору за общественным образованием. Затем Кремье вместе с Мунком отправились в Каир, где проживало большое собрание, насчитывавшее около 300 семей, только около двенадцати из которых были очень богаты, в то время как около 200 жили на благотворительность. Здесь также раввин Моисей Джозеф Алгази, семидесятишестилетний мужчина, и выдающийся человек по имени Адда охотно помогали в создании школ. Благодаря усилиям наследника и других лиц в Каире были открыты две школы для мальчиков (4 октября) и одна для девочек; они назывались школами Кремье. Здесь Мунку удалось добиться важного примирения. Несмотря на фанатизм строго ортодоксальных людей, ему удалось добиться приема детей караимов в школы, так как в Каире осталось всего около сотни представителей этой секты. Раввин Альгази также поддержал нововведение, которое, по-видимому, было шагом, направленным на восстановление родства между равванитами и караимами. Возмущенный этими движениями, великий раввин Константинополя (Хачам Баши) Мозес Фреско выпустил циркулярное письмо (28 октября) к турецким общинам, в котором настаивал на том, что долг евреев - изучать язык страны (турецкий), чтобы удовлетворить пожелания султана, который своим Фирманом Хатти-Шериф вывел их из их жалкого состояния. Смешанный язык, на котором было написано это циркулярное письмо Хачам баши (староиспанский с ивритом и турецкими словами), в достаточной степени доказал необходимость чистого языка для евреев.

Однако эти зачатки были всего лишь семенами, разбросанными по песку пустыни, и было сомнительно, что они пустят корни и прорастут. Эти усилия были возобновлены в более крупном масштабе двадцать лет спустя под названием "Всемирный альянс израэлитов" (Alliance Israélite Universelle). Миссия в Египет принесла практические и прочные плоды еврейской науке, главным образом благодаря Соломону Мунку (родился в Глогау в 1802 году; умер в Париже в 1867 году). Сомнительно, что заслуживает большего восхищения - безупречный характер этого человека или его беззаветная привязанность к науке. Он пополнил число великих людей, появившихся среди евреев в первой половине девятнадцатого века. Его скромность была характерной чертой, которая росла пропорционально росту его научной значимости. За его терпение в несчастях и жизнерадостность в страданиях, которые он перенес на службе науке, им очень восхищались в его родной стране, Германии, и во Франции, его приемной стране, и его любили так же сильно, как и почитали. Мунк обладал всеми достоинствами евреев без их недостатков. Во всем многообразии арабской литературы он был одним из первых мастеров своего времени, и самые глубокие ученые в той же области признавали его равным или присуждали ему пальму первенства. Будучи переводчиком в сопровождении Кремье, он говорил и писал по-арабски так, словно родился в арабской палатке. Он угадывал слова и смысл любого отрывка из рукописи с помощью своего рода инстинкта, острота которого только усиливалась, когда он отвлекался от изучения рукописей. Его интеллектуальное зрение компенсировало потерю физической силы. Темнота, которая окутывала его почти двадцать лет перед смертью, не помешала его зрению быть ясным и отчетливым.

Слава еврейской истории в Средние века расцвела во времена правления арабов на Востоке и Западе; ее рассвет начался с Саади, а зенита она достигла при Маймуни. Мунк рассеял мрак, в котором была окутана эта эпоха, и осветил ее полным светом своих глубоких исследований. Самые сокровенные мысли Маймуни, пробуждателя интеллекта, которому еврейская раса в

основном обязана своим возрождением в наши дни, были полностью раскрыты только благодаря исследованиям Мунка. Он восстановил в первоначальном виде то, что было испорчено постоянными исправлениями. Гордое хвастовство христианского мира, что даже в темноте средневековья оно распространяло яркие зародыши мысли, часто опровергается неопровержимыми доказательствами того, что без арабской и еврейской философии тьма средневековья была бы непроницаемой и что так называемые христианские философские школы того периода питались крохами, которые падали с уст еврейских мыслителей. Мунк настолько убедительно установил этот исторический факт, что едва ли возможно говорить о христианской философии. Другой исторический факт, происхождение и развитие караимской секты, о которой, несмотря на мощное влияние, которое она оказывала на мысль в еврейское средневековье, было известно лишь в общих чертах, был раскрыт Мунком; одним словом, еврейская наука глубоко обязана ему. Он не только значительно дополнил ее своими глубокими знаниями, но и показал, как проводить разумный курс исследования. Как Луццатто открыл новые еврейские источники для еврейской науки, так и Мунк открыл новые арабские источники, сделав их понятными и доступными и тем самым значительно пополнив знания об иудаизме, который он любил всем своим сердцем. Пребывание Мунка в Александрии и Каире имело чрезвычайное значение для его литературных и исторических исследований. Из этой почвы, которая в течение многих дней оставалась непродуктивной в плане интеллектуальных результатов, он извлек богатые сокровища еврейской науки. Мунк полностью осознавал, что самоуважение евреев может быть подтверждено только самопознанием, достигнутым путем науки.

ГЛАВА XVIII. СОБЫТИЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ И МАРТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИЯМ 1848 ГОДА, И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ.

Возвращение Монтефьоре и Кремье с Востока—Патриотические предложения—Всеобщая нерешительность—Габриэль Риссер—Михаэль Крейзенах—Партия реформ во Франкфурте—Собрание раввинов—Холдхайм—Ассоциация реформаторов—Захария Франкель—Берлинский восстановительный Римский храм—Михаэль Сакс—Его персонаж—Его Библейское толкование—Холдхайм и Сакс—Еврейская немецкая церковь—Прогресс еврейской литературы—Эвальд и его произведения—Предоставление избирательных прав английским евреям—Еврейский колледж Бреслау—Его Основатели — Дело Мортары—Папа Пий IX—Израильский альянс—Аструк, Кон, Кабальо, Масуэль, Неттер—Американские евреи—"Союз американских еврейских конгрегаций"—Англо-еврейская ассоциация—Бениш, Леви—"Израильский альянс"—Вертхаймер, Гольдшмидт, Куранда—Быстрое социальное продвижение евреев—Рост антисемитизма.

1840-1870 гг. н. э.

Возвращение с Востока еврейских посланников, которые не только спасли нескольких человек от смерти, но и весь иудаизм от позора, было настоящим триумфальным шествием. От Корфу до

Парижа и Лондона, и даже до самых глубин Польши, еврейские общины были единодушны в выражении благодарности спасателям и стремились видимыми знаками выразить свою благодарность и в то же время продемонстрировать свои патриотические чувства к иудаизму. Дань уважения принимала форму публичных речей, обращений, статей, написанных на всех европейских языках, естественно, также на иврите, причем как в прозе, так и в стихах. Внимание и подарки были щедро оказаны двум главным представителям иудаизма, чтобы достойным образом отпраздновать знаменательные события, произошедшие в Дамаске, и передать память об этих деяниях потомкам. Кремье, который первым отправился в обратный путь, получил восторженные почести на Корфу, в Триесте, Венеции, Вене, Фюрте, Нюрнберге, Франкфурте и Майнце (ноябрь-декабрь 1840 г.). Крупные общины, через города которых он не мог проехать, присылали депутации и обращения. Было наивно трогательно, что старомодные ортодоксальные раввины, не зная, как выразить свою благодарность, наградили его титулом раввина (Морену), как высшей честью в их подарке. Только еврейская община Парижа вела себя холодно и не подготовила достойного приема своему эмиссару, словно опасаясь уязвить чувствительность короля Луи Филиппа, чье двусмысленное отношение было поразительным.

Монтефиоре, который долгое время оставался в Константинополе, чтобы получить благоприятный Фирман, и который начал свое обратное путешествие позже и путешествовал в основном морем, не контактировал с таким количеством конгрегаций, как Кремье, следовательно, не получал такого большого общественного почитания. Однако он был завален письмами со всех сторон. Своей неусыпной заботой, постоянно направленной на благополучие и честь своих братьев, и без всякой мысли о награде, он в своем простом городе посрамил их врагов. Он получил обещание от кардинала Риваролы, покровителя всех капуцинов в Риме, что будет снят надгробный камень, установленный в церкви капуцинов в Дамаске, на котором запечатлено убийство отца Томазоевреем и который представляет его как мученика. Он также заставил короля Луи Филиппа казаться довольным тем, что произошло. На аудиенции, полученной через английского посла лорда Грэнвилла (22 февраля 1844 г.), Монтефиоре вручил королю копию султанского фирмана, который свидетельствовал о невинности дамаских евреев и молчаливо осуждал французского консула. Луи Филипп был вынужден смириться с этим унижением, принять любезный вид ради приличия и поздравить Монтефиоре с успехом его путешествия и его миссии. Королева Виктория еще более искренне поблагодарила Монтефиоре через лорда Пальмерстона (который в то время был премьер-министром и которому он был представлен по возвращении) за помощь, которую он оказал своим единоверцам-ионистам.

Все евреи Европы в это время были заняты выполнением трех задач: предложить своим двум спасателям прочный и яркий знак благодарности, увековечить память о совершенном ими освобождении и, наконец, найти совместными действиями средство, с помощью которого можно было бы предотвратить повторение подобных ложных обвинений против евреев и иудаизма. Лидеры немецких евреев были особенно тронуты тем, что официально заявили о своем интересе к этим событиям и о своем восхищении двумя благородными представителями их расы. Они, те самые, кто до сих пор брал на себя ведущую роль в пропаганде прогресса, мало что сделали в связи с кровавыми событиями в Дамаске. Выдающийся еврейский ученый Зунц полностью опроверг предполагаемые доказательства, якобы почерпнутые из Талмуда, использования евреями крови. Еврейские газеты смело боролись с антиеврейскими нападками и клеветой. Но это было все, что было сделано в Германии для защиты чести иудаизма. Риссер мог бы легко присоединиться к Монтефиоре и Кремье, мог бы сопровождать их в Египет в качестве представителя немецких евреев и использовать свое красноречие от имени

страдальцев; но такая идея даже не была предложена. Гейгер в книге "От ненависти кТалмуду" фактически признал, что антисемиты были правы, приписывая Талмуду человеконенавистнические выражения. Некоторые высокопоставленные евреи в Германии сочли тем более необходимым предпринять публичные действия в этом вопросе. Риссер вместе с несколькими французскими учеными желал основать общества, через которые евреи четырех главных стран Европы могли бы предложить некоторое общественное признание двум своим представителям. Но этот план признания их долга провалился. На самом деле, три цели, о которых мечтали люди, были реализованы лишь несовершенно, потому что не были использованы правильные средства для их достижения. Однако по возвращении Монтефиоре в Лондон его заслуги были отмечены с горячим энтузиазмом публичным празднованием в синагогах, и в память о его успехе ему подарили кусочек тарелки. Еще большее отличие ожидало его от королевы Виктории. Она наградила его дополнением к его гербу (24 июня), что стало большой честью как для его расы, так и для него самого. Но более важными, чем эта игрушка, для взрослых были слова Ее Величества, сопровождавшие это милостивое признание:

"По мере того, как она была доведена до нашего сведения, что в последствие весть с Востока, в котором говорится, что на счету accusatio, что они убили отца Томазо, евреи в Дамаске и на Родосе был заключен в тюрьму и подвергнут пыткам, что многие дети были брошены в тюрьмы и лишены практически всех питает, и что многие лица были так жестоко пытали, что смерть наступит, д, ... нашей верной и любимой сэр Мозес Монтефиоре, в сопровождении Леди Монтефиоре, было вполне добровольно отправился в Александрию с целью доказать ложность обвинения и ведения дела его несчастными и гонимыми братьями; что он добился получения от Паши Мехмет-Али, почетный освобождения обвиняемых, находившихся в заключении, и для тех, кто бежал из города, чтобы вернуться домой; что для этой цели он выписал фирман в Константинополе от Его Императорского величества султана Абдул Саид Мэг, которая заявила о невинности евреев, и заверил, равные права со всеми остальными предметами для членов еврейской религии под властью Турции—мы взяли вышеприведенные факты, в нашей королевской выиграть Иона, и желание дать Монтефиоре особый знак нашей монаршей милости, в память о его настойчивые усилия от имени своих страждущих и гонимых братьев на Востоке, и его нации в целом".

Это был отрывок из истории современных евреев, написанный в восторге от самой королевы.

По сравнению с этим отличием предложение некоторых французских конгрегаций Верхнего Рейна отчеканить медаль в честь Кремье кажется очень тривиальным. Они разделяли общую идею, "что для будущих поколений было важно увековечить память о событиях 1840 года, затронувших израильтян". Но Кремье отказался от медали. Каким образом эти радостные национальные воспоминания должны были быть увековечены, было вопросом, относительно которого существовала общая нерешительность. Кремье попросил французских евреев и других людей поддержать школы, которые он основал в Александрии и Каире, своими пожертвованиями. Однако была подписана лишь небольшая сумма: содержание школ Кремье в Египте было лишь случайно связано с главным вопросом и вряд ли могло поддерживать экзальтацию евреев на высоком уровне. Было сделано одно подходящее предложение, но оно не было принято во внимание.

"Мы можем засвидетельствовать нашу благодарность не показными подарками и не шумными празднованиями. Мы хотели бы предложить лучшее свидетельство людям, которые пришли на помощь, увековечив это великое историческое событие в религиозной форме, соответствующей его религиозному духу. Его следует отмечать ежегодным праздником, равным праздникам Ханука и Пурим; ибо в те дни можно сказать, что Израиль был избавлен от телесных страданий, в то время как в этот день он был освобожден от духовного рабства".

Иудаизм никогда не знал более эффективного способа увековечить свое освобождение, победы и пробудить дух соперничества у потомков, чем установление памятных дней, посредством которых время, разрушитель, становится защитником исторических событий. Если бы этот искуснейший мастер иврита Исаак Эртердополнил повествование о преследовании и освобождении в Дамаске, которое он начал в простом библейском стиле, и если бы главы еврейских общин решили отметить самый важный день в дамаском деле и публично прочитать этот "Свиток" (Мегилла), то память об этих событиях была бы сохранена надолго, и в то же время было бы найдено средство для нового укрепления уз братства. Евреи Азии и Африки, да и всего земного шара, с радостью восприняли бы такой фестиваль как международный мемориал. Мунк, чей голос звучал очень веско, заметил:

"Хотелось бы, чтобы печальный инцидент в Дамаске, по крайней мере, заставил нас осознать наше дезорганизованное состояние, которое, хотя нам и тяжело размышлять, к сожалению, является фактом. Если бы это могло показать нам, что во времена опасности мы должны полагаться на самих себя и что узлы, которые раньше объединяли нас, могут быть возобновлены".

Однако вместо единства внутри немецкого иудаизма произошел раскол, который, хотя и был вызван пустяковым спором, который можно было бы легко разрешить в самом начале, разросся до огромных размеров. Сознание противостояния присутствовало, и случайно оно проявилось в этом случае; но с таким же успехом оно могло проявиться и в любое другое время, пока оно не было ослаблено или не выветрилось. Гамбургский храм, который двадцать лет назад впервые вызвал разногласия между старомодной ортодоксальной партией и реформаторами, снова вызвал ссору, которая с тех пор приобрела более ожесточенный характер. С момента его основания численность прихожан Храма значительно увеличилась. Молодые члены старомодной общины присоединились к ним, потому что в старой синагоге они не находили удовлетворения для своих религиозных желаний и возражали против постоянного беспорядка, который там царил. Новая община уже разрослась почти до восьмисот членов, и в нее входил человек, который сам по себе был очень привлекателен. После смерти Бресселау, секретаря конгрегации, Габриэль Риссер занял этот пост. Он стал тесно связан с Храмом и был избран на должность второго смотрителя. Поскольку его имя пользовалось исключительной репутацией, благодаря его неутомимому рвению к политической и социальной эмансипации евреев в Германии, его приверженность Храму придала ему новый блеск. Когда прихожане Храма решили возвести новый и более крупный молитвенный дом, старая партия, подав жалобу в сенат, чинила препятствия на пути этого начинания. Власти Храма также распорядились составить новый молитвенник.

Измененная храмовая литургия была опубликована и объявлена общим "Молитвенником для израильтян", но была настолько неуживчива ортодоксальной партии, что была полностью отвергнута. То обстоятельство, что новый молитвенник утверждал, что им пользуются все евреи, вызвало большое раздражение. Поэтому Хахам Бернайс возобновил в субботу в трех синагогах (1 Мархешвана, 16 октября 1841 г.) прокламацию против еретиков, которую три раввина издали при основании Храма, запрещая любому израильтянину пользоваться этим молитвенником. Причины назначаются, резкие выражения были заняты зарядки, что этот молитвенник, даже больше прежнего, Джорджияве распутные и легкомысленные отношения к религиозным убеждениям, содержащиеся в иудейских молитвах. Это разоблачение, естественно, взволновало прихожан Храма и довело даже осторожного Риссера до крайности. В то время как проповедники рассматривали это оскорбительное выражение мнения с религиозной точки зрения, Риссер усмотрел в этом посягательство на их права, "потому что Хахам не имел власти над Храмом". Затем Храмовый комитет опубликовал контрдекларацию (24 октября), в которой Бернейс обвинили не только в "высокомерии, бессильной пристрастности и злонамеренном игнорировании содержания книги", но и в "незнании всей богословской и литургической литературы". Тут разгорелся ожесточенный спор, разгоревшийся с такой страстью, что суд был вынужден вынести порицание обеим сторонам.....enate. Хахам и лидеры его общины, которые встали на его сторону, распространили тысячи экземпляров приговора об осуждении молитвенника во многих общинах; в то время как власти Храма (ноябрь) просили раввинов и проповедников, придерживающихся тех же религиозных взглядов, высказать свое мнение относительно ценности или никчемности нововведений, ожидая, что решения будут в их пользу. В этот раз стали очевидны изменения, которые произошли в немецких общинах за два десятилетия. В то время как ранее только три раввина двусмысленно дали свое согласие на храмовый ритуал, и многие другие осудили его, на этом втором обсуждении только раввин Альтоны поддержал Бернейса, в то время как двенадцать или тринадцать других вынесли отрицательное по отношению к нему суждение; это было в конце 1841 или начале 1842 года. Затем началась агрессивная стадия реформаторского движения. Молодые раввины или священнослужители, пасторы (как они предпочитали называть себя), которые в основном черпали свою мудрость в академиях и с энтузиазмом относились к реформе, вошедшей в моду, теперь были во главе. Старые раввины, с другой стороны, больше не осмеливались выступать против них. Таким образом, казалось, что все евреи Германии поддерживали нововведения в синагоге, и лишь немногие, лишенные духа, боролись с этой тенденцией.

Спор по поводу Гамбургского храма не принес результатов в самом городе, поскольку ужасный пожар (май 1842 г.) превратил большую часть города в груды руин и отвлек внимание от партийных интересов. Пламя реформы вспыхнуло с другой стороны и угрожало распространиться повсюду. Во Франкфурте-на-Майне в течение некоторого времени были недовольные люди, которые оторвались от иудаизма того времени. Эти тревожные элементы частично зародились в школе под названием "Филантропин" (которая из небольшого начала превратилась в важное учреждение), частично в первой еврейской масонской ложе. Управляющий, учителя школы и члены ложи поддерживали радикализм, противный иудаизму. Долгое время Майкл Крейзенах (родился в 1789 году, умер в 1842 году), преподаватель Филантропии, был центром невидимого общества. Крейзенах, который был единственным, рассудительным, но неинтересным человеком, опубликовал много брошюр, направленных против раввинско-талмудического иудаизма, но из-за их умеренного тона и недостатка глубины эти труды не произвели большого впечатления. Однако благодаря своему личному влиянию он

наполнил круг своих друзей и почитателей страстью к инновациям и глубоким отвращением к старине.

После его смерти несколько его приверженцев попытались создать конгрегацию и секту, даже рискуя отделиться от иудаизма. Их целью было в определенной мере устранить предлог антиеврейских политиков, которые отказывали евреям в равных правах из-за привязанности к их национальности, Талмуду и старым формам, а также они хотели обеспечить себе свободу действий. Они были образованными мирянами, которые из-за царящей неразберихи потеряли душевное равновесие или, возможно, были введены в заблуждение ложными лидерами. Они учредили Общество друзей реформы (октябрь 1842 г.) и составили исповедание веры, которое ясно доказывало запутанность времени. Они отказывались признавать Талмуд авторитетом. Но Библия? "Они считали религию Моисея способной к постоянному развитию". Прежде всего, они хотели сбросить оковы диетических законов, поскольку они "возникли в древней конституции государства" и в наши дни утратили свое значение как религиозный акт или символ. Они определенно отказались от всякой надежды на Мессию или возвращение в Палестину, "потому что считали свою родную землю своим единственным отечеством".

"Друзья реформы Крайзенаха" не нашли большого числа сторонников. Поэтому они стремились заинтересовать Габриэля Риссера, важность которого уже была признана и который мог привлечь других. Сначала он был склонен присоединиться к them. Похоже, он так и не преодолел возбуждения, в которое его повергло вмешательство Бернейса в дела гамбургского храма. Он даже не уклонился от полного отделения, хотя до сих пор постоянно желал, чтобы "оболочку иудаизма уважали из-за его души". Идея свободы, которая полностью заполнила его разум, разрушила его эмоциональную привязанность к существующему иудаизму. Поэтому он был в высшей степени сторонником пункта программы Крайзенаха или Франкфурта, в котором разъяснялось, что каждый еврейский отец не обязан делать обрезание своим сыновьям и что в случае отказа от этого обряда не должны возникать гражданские нарушения. Риссер хотел бороться с любым предполагаемым правом принуждения к совести. Однако другие, которых попросили присоединиться, были оскорблены самим вопросом обрезания. Таким образом, основатели Общества друзей реформы сочли себя обязанными отказаться от этого пункта, а также от декларации против законов о питании и согласиться только с тремя из пяти резолюций своей первоначальной программы: резолюцией против Талмуда, резолюцией против Мессии и резолюцией, провозглашающей возможность развития "религии Моисея". Это сокращение и ослабление первоначального признания Риссер считал нелогичным и трусливым, и он отказался от своей поддержки. В обществе отсутствовала сила притяжения, и поскольку к нему присоединились лишь немногие, оно погибло при своем рождении. Вскоре после этого вопрос об обрезании был поднят с другой стороны. Несколько несчастных случаев на обрезание еврейских мальчиков побуждал на здоровье сотрудников во Франкфурте-на-Главном издать приказ (февраль 8, 1843) с неоднозначными формулировками, "израильтянин граждан и жителей, если они Desire делать обрезание своим детям, необходимо воспользоваться услугами компетентных лиц". Из этого следовало, что сенат Франкфурта сделал необязательным для еврейских родителей совершение обряда или пренебрежение им и не рассматривал это как необходимый признак еврейской религии. Сенат в то же время объяснил, что они не имели в виду тем самым предоставить неограниченную свободу новаторам. Но реформаторы ухватились за эти слова, чтобы иметь предлог для отмены обряда обрезания. Впоследствии раввин Соломон Трир заинтересовался мнением своих братьев-раввинов по этому вопросу (1843-44), чтобы навсегда покончить с этим вопросом. Однако это

вызвало лишь легкую сенсацию, поскольку даже молодые раввины, благосклонно настроенные к реформе, решительно утверждали обязательность и необходимость обрезания. Таким образом, среди евреев Германии не было сформировано ни одной отделившейся секты, хотя элементы существовали, и результатом этого было тревожное самочувствие.

Это чувство было особенно заметно среди молодых раввинов, которые не очень четко представляли цель и масштабы реформ, которые должны были быть проведены, или сталкивались с постоянным противодействием с той или иной стороны в своих общинах, и в своей изоляции были лишены поддержки. В это время моды чуждые и общества вошли в моду; железные дороги уже построены между городами великими, и он способствовал личному общению. Таким образом, приглашение созвать конференцию раввинов было встречено с одобрением. Эта встреча раввинов и проповедников, которые в какой-то степени были единомышленны в обсуждаемых вопросах, поначалу пробудила определенное ожидание; это было новинкой, и в этом всегда есть определенная доля очарования. Однако на первое заседание в Брауншвейге собрались только двадцать два раввина, большинство из южной и западной Германии. Остальные ждали, пока не будут обнародованы резолюции ассамблеи, и в зависимости от того, согласны они с ними или не согласны, решали, присоединиться им или держаться в стороне. Присутствовало мало раввинов, которые придерживались иудаизма, уходящего корнями в Талмуд; большинство членов церкви частично или полностью отделили себя от Талмуда, хотя практически не проявляли этого отделения в своих религиозных практиках.

На первом раввинском собрании доминировал человек, обладающий всеми качествами, рассчитанными на то, чтобы расширить брешь и привести к полному разделению. Это был Сэмюэль Холдхайм (родился в Кемпене в 1806 году; умер в Берлине в 1860 году). Это любопытный, но естественный факт, что талмудизм, который приобрел свой расцвет и широкое распространение благодаря польским студентам, должен подвергаться нападкам со стороны поляка с беспощадной суровостью. Выйдя из детского возраста, Холдхайм продемонстрировал не только экстраординарное знакомство с Талмудом и раввинской литературой, но и такие замечательные способности в диалектике и искусстве ведения дискуссии, что он завоевывал восхищение седобородых раввинов и считался высококвалифицированным талмудистом.

Как и Соломон Маймон, Холдхайм, когда у него уже был сын, начал свое светское образование в академии в Праге, пропустив младшие классы. Все, что он слышал в философских аудиториях этого не очень выдающегося университета, было для него ново, поражало и ослепляло его и приводило в сильное смятение ума. Он быстро усвоил такие элементы знания, которые были связаны с его предыдущими приобретениями, такими как христианское богословие и банальная философия, терпимая в Австрии при Меттернихе. Но он не ценил основательные, дисциплинирующие отрасли науки, и даже предметы, которые его привлекали, он должен был сначала воспроизвести в талмудической форме. Таким образом, знания Холдхейма носили лишь фрагментарный характер и содержали многочисленные пробелы. Однако он был достаточно осторожен и практичен, чтобы посвятить себя полезной работе, приобрести хороший навык, которым пренебрегали при его образовании, и развить красноречие с кафедры. Из-за своей бедности он был вынужден посвятить себя профессиональному обучению и, таким образом, не мог тратить время на свои любимые предметы. Библию, которая до сих пор была закрытой книгой для Холдхейма или рассматривалась им только через талмудические очки, он изучал исключительно для того, чтобы добыть стихи для своих проповедей. Не каждому

дано обладать идеалами и руководствоваться ими в своем поведении. Должны же существовать сухие, спокойные, сомневающиеся натуры, занятые только миром реальных вещей, которые строят себе хижины здесь, внизу, и с презрением смотрят на все возвышенные и идеальные чувства как на пену и безумие. Такой мефистофелевский темперамент, воплощение духа Д.убта, столь же необходим в сфере нравственной жизни, как противоположность в природе. У Холдхайма была эта склонность, и его талмудическая культура питала и развивала ее. Он не испытывал энтузиазма ни по поводу спокойного света бледных воспоминаний, ни по поводу тусклых, туманных перспектив будущего. Твердая почва настоящего была ему больше по вкусу. Поскольку иудаизм состоит из воспоминаний и надежд, Холдхайм не был предан ему душой, но стремился переделать его, чтобы не испытывать неудобств.

Мекленбург-шверин, где сохранилась типичная жестокость средневековья и где скипетром управлял простой каприз, в то время управлялся князем, который, вместо того чтобы дать своим евреям свободу действий, хотел, чтобы они были свободомыслящими. Они должны были отлить из всех старых воспоминаний и форм и переделать себя. Был назначен суперинтендант для поддержания дисциплины в общинах, а Холдхайм был назначен главным раввином (1840), чтобы помогать в проведении реформ и скреплять нововведения раввинской печатью. Здесь он чувствовал себя нетренированными мог избавиться от всего, что было ему неприятно. Тот, кто раньше не имел представления о том, что богослужение должно быть достойным, теперь обнаружил, что беспорядок в синагоге неприличен, и решил убрать все, что не соответствует духу времени. Поскольку, однако, желание перемен в синагоге не было вызвано каким-либо его собственным импульсом, он огляделся в поисках образцов и ввел вюртембергский ритуал, не беспокоясь о том, не ущемляет ли он совесть в основном старомодных ортодоксальных конгрегаций.

Но Холдхайму не суждено было снискать лавры, внедряя новшества в синагогу. Он наметил для себя более широкое поле деятельности. Он хотел изменить весь иудаизм в его тройственной форме, с его библейскими, талмудическими и раввинскими составляющими, чтобы запутать все идеи и отупить совесть. Со времен Павла из Тарса иудаизм не знал в своей среде такого врага, который потряс все здание до самого основания. Но Холдхайм не обладал оригинальными идеями, которые можно было бы использовать в качестве рычага для свержения иудаизма: у него была только определенная изобретательность, которую он почерпнул из Талмуда. Поэтому он был вынужден использовать такие мысли других людей, которые стали общественным достоянием. Однако его острый интеллект позволил ему собрать воедино эти разрозненные, наполовину правдивые предпосылки и придать им истинную окраску. Иудаизм, по его словам, состоит из тесного сочетания религиозных и моральных идей с национальными и политическими элементами. Холдхайм принял это определение для того, чтобы отделить религиозные обряды от национальных, последние потеряли всякое значение после падения еврейского государства. Какие законы являются национальными и, следовательно, временными? Холдхайм широко применял этот термин, называя всенациональные и политические обряды, которые неудобны и требуют определенного самоотречения, такие как соблюдение субботы, еврейские законы о браке и даже овладение ивритом, который он желал изгнать из среды еврейской расы, потому что это национальные узы союза; и еще более национальной является надежда на Мессию. К этой софистике Холдхайм добавил и другие придирки. Он считал любое государство, как бы оно ни было устроено, даже российскую деспотию, всепожирающим Молохом, который постоянно требует жертв и чья жажда жертвоприношений может быть удовлетворена только отказом от независимости, свободы, и

любого религиозного чувства. Кульминационным моментом теории Холдхайма было то, что сам талмудический иудаизм, выраженный в выражении "законгосударства есть закон для евреев" (в гражданских отношениях), обязывает каждого еврея подчинять свои религиозные дела государственным; иудаизм, другими словами, предписывает собственное самоубийство, если государство обеспечивает его шелковой уздечкой. Живи он во времена Маккавеев, Холдхайм присоединился бы к отступнику Менелая, призывая евреев поклоняться греческому Зевсу, потому что так повелело государство, которое тогда называлось Антиох Эпифан. Во времена Адриана, подобно второму Ашеру, он поддерживал бы культ Юпитера Капитолийского, а во времена Филиппа Испанского и Эммануила Португальского он выступал бы за поклонение кресту. Миллионы еврейских мучеников, согласно его теории, были преступниками против государства, поскольку они выступали против данных им законов. Холдхайм, сын Талмуда, сразил талмудический иудаизм тем оружием, которым он был ему дарован. Власть, которой законодательный Синхедрион ранее обладал или, как говорят, пользовался, Холдхайм хотел передать христианскому государству, даже право вмешиваться в вопросы совести. Эти идеи он излагал с софистической казуистикой, безошибочно следуя методу польской раввинской школы. Это было difficult для Holdheim решить, что иудаизм на самом деле был, и что бы от него осталось, после всего, что каким-либо образом связаны с национальной политической жизни были исключены, и, когда высшей властью был к тому же наделен в каждом государстве, чтобы изменить команду, О,Р, запретить религиозные обряды.

Большинство членов первого собрания раввинов в Брауншвейге смотрели на Холдхейма с благоговением как на ученого-талмудиста и безрассудного реформатора, и он оказал заметное влияние на обсуждения и решения собрания. Букве и духу иудаизма уделялось меньше внимания, "чем государству, возвышенным немецким правительствам" и неуловимому, причудливому "духу эпохи". Большинство делегатов пожертвовали Талмудом в качестве козла отпущения. Однако дебаты и выводы Брауншвейгской конференции раввинов (июнь 1844 г.) произвели лишь незначительный эффект. Конгрегации беспокоились об этом так же мало, как и о протесте семидесяти семи раввинов Германии, Богемии, Моравии и Хунги, который, инициированный честным, самоотверженным, бескорыстным, но фанатичным фанатиком Хиршем Лереном из Амстердама, категорически осудил Брауншвейгскую ассамблею.

События в христианском мире примерно в это время продемонстрировали более эффективно, чем этот лабораторно сконструированный протест, что иудаизм с его древним исповеданием еще не стал излишним. Выставка мнимого священного облачения Иисуса в Трире, к которому более миллиона католиков из всех стран совершили паломничество и преклонили колена (август-октябрь 1844 г.), показала, что "дух эпохи" был обманчивым стандартом. Вследствие этого избытка средневековых суеверий и легковерия в Германии возникло то, что обещало стать влиятельным антикатолическим движением. Была основана немецкая католическая церковь (январь 1845 г.), а рядом с ней, в недрах протестантизма, сформировались "Сообщества друзей Света", которые угрожали неминуемым распадом христианству, его вере в Троицу и Божественное Воплощение. У каждого периода есть свои заблуждения, и всегда можно найти евреев, готовых подражать странным обычаям. То тут, то там раздавались голоса в пользу основания Немецкой еврейской церкви по образцу немецкой католической. В Бреслау агитация за этот новый план поддерживалась лишь искусственно, но в Берлине это движение было несколько более энергичным. В этом городе популярный проповедник Стерн читал лекции по иудаизму и еврейской истории и характеризовал еврейские доктрины как капризную систему. По его предложению около двадцати человек, чьи мнения по этим вопросам совпадали с его

собственными, собрались с целью создания своего рода Церковной системы особого типа, названной Ассоциацией реформаторов (2 апреля 1845 г.). Они верили, что большинство немецких евреев в своих сердцах отrekliсь от всякой привязанности к древнему иудаизму и с радостью приняли бы новое вероучение. Поэтому основатели Берлинской ассоциации реформаторов призвали весь Израиль посетить синод, чтобы установить новую еврейскую религию. В своей программе они, естественно, включали только негативные принципы, такие как неприятие Талмуда и мессианской доктрины, потому что они душой и телом принадлежали своему берлинскому дому; они выступали за возвращение к Священному Писанию, не к его буквальному смыслу, а к его духу. Утвердительными принципами были: "Мы желаем веры, позитивной религии, иудаизма". Путаница идей в то время была такой же большой, как и тогда, когда христианские общины древности впервые возникли из полуеврейских элементов, и это затронуло даже ясные головы.

Однако этот вопрос не привел к созыву синода для обсуждения реформы, которая действительно показала бы евреям, что они рабски подражают Церкви и "Друзьям Света". Речи в пользу движения, произносимые в различных кругах, оказались полны пустых фраз. Берлинское общество придерживалось своей программы, и поскольку она не нашла одобрения в глазах масс, она должна была быть ратифицирована вторым съездом раввинов, состоявшимся во Франкфурте (июль 1845 г.), что соответствовало иудаизму.

Это Собрание вызвало большее возбуждение и более яростные страсти, чем первое, потому что, с одной стороны, в нем участвовал Берлинский союз реформаторов, чтобы укрепить свой дух или вызвать его падение, в то время как, с другой стороны, к нему временно присоединился умелый лидер ортодоксальной партии, чтобы показать, как следует очищать иудаизм, или создать препятствия на пути, если реформаторы, по-видимому, бросятся в безрассудные крайности. Ортодоксальным лидером был Захария Френкель (родился в 1801 году, умер в 1875 году). Он чем-то напоминал Холдхейма. Оба были глубоко сведущи в Талмуде, и оба получили светское образование, когда достигли преклонных лет, но их различия были еще более разительными. В характере Холдхейма выдающимися чертами были его врожденная или приобретенная любовь к насмешкам и крайнее презрение к прошлому. Во Френкеле поражает моральная серьезность, которая вместе с его сердечностью делала его достойным уважения за его истинное отношение к унаследованным формам, его добросовестность во всем и его твердый, но несколько своеобразный характер. Холдхайм любил настоящее и практическое, Френкель - будущее и идеал: первый стремился стереть из памяти людей все следы Талмуда и ираввинского иудаизма, если не иудаизма вообще; в то время как второй оправдывал и прославлял Талмуд. Главной целью научной деятельности Френкеля было продемонстрировать, что талмудическая традиция верна и что другой Талмуд был известен еще раньше нашего. Он искал следы этой оригинальной традиции в древнегреческом переводе Пятикнижия, в сочинениях двух иудео-греческих авторов, Филона и Иосифа Флавия, и особенно в неталмудических источниках. Такие всесторонние исследования были возможны только у человека с его удивительной интеллектуальной силой и замечательным телосложением.

Хотя Френкель трудился над поддержанием славы Талмуда и доказывал, что почитание связано с еврейской древностью, он не испытывал отвращения к религиозным реформам и не был равнодушен к потребностям современности. Однако, хотя он и не признал бы притязания отдельного человека на проведение реформ, он был готов апеллировать к научному трибуналу и голосу народа, всего еврейского мира. Он не желал превращать устаревшие формы в подобие

жизни, даже несмотря на то, что они раньше имели значение, и был готов отменить такие существующие обычаи, как научные исследования, объявленные неоправданными или вредными. Франкель хотел видеть конференцию раввинов, или, правильнее сказать, знаменитостей, занимающих передовые посты в еврейской науке, чтобы преодолеть пропасть между старой и новой системами. Поэтому он присоединился к собранию раввинов во Франкфурте, надеясь противодействовать горячему стремлению к реформам с помощью веса своего имени, которое, благодаря его выдающемуся положению писателя, уже было известным, и помочь защититься от опрометчивых мер или, по крайней мере, изменить их. Подобно Холдхайму и Гейгеру, которые принесли с собой свои программы реформ, он принес свою и в ней попытался примирить античность с прогрессом.

Измученная соперничающим влиянием Френкеля и реформаторов, конференция начала колебаться. Первое выдвинутое предложение, которое не было полностью неожиданным, о том, что иврит должен быть, по возможности, искоренен из умов и памяти всей еврейской расы, вынудило Френкеля публично разорвать свою связь с ассамблеей, а аплодисменты, вызванные его поведением, показали тот факт, что раввинский съезд представлял не все немецкое еврейство, а лишь небольшую активную партию. Франкфуртское собрание бессознательно потеряло равновесие. Его члены были вынуждены лицемерить перед Обществом реформ. Они должны были хвалить его действия, иначе они потеряли бы его поддержку. С другой стороны, они не осмеливались открыто поддерживать его пустые взгляды, иначе потеряли бы расположение конгрегаций. Из этого затруднительного положения им помогла уловка: они пообещали всячески поддерживать усилия Ассоциации реформаторов, если последняя "согласится с принципами, которыми, по их мнению, следует руководствоваться при проведении реформ в иудаизме", что прозвучало как скрытый упрек.

Реформаторское общество не было отталкиваемо этим частичным осуждением; они знали, что лидеры конференции, особенно Холдхайм, встали на их сторону, и они обманывали себя иллюзией, что создают принципиально новую форму иудаизма. Они сформировали конгрегацию примерно из двухсот членов и отпраздновали освящение (2 апреля 1846 г.), когда Холдхайм в качестве первосвященника вознес облака благовоний. Прихожане и их пастор хорошо подходили друг другу, и как бы сильно они ни сопротивлялись поначалу, в конце концов им пришлось заключить друг друга в дружеские объятия. Таким образом, была создана "Немецкая еврейская церковь" с храмом, проповедником и собственным ритуалом. Казалось, что время вернулось на семнадцать столетий назад и что они находились в каком-нибудь городе Сирии, или Малой Азии, или в Риме, когда в результате конфликта древнего иудаизма с полухристианскими и полуязыческими элементами возникли новые общины, сохранившие лишь слабые следы иудаизма. Новые обычаи преобладали в Реформаторском храме в Берлине. Молитва с непокрытыми головами особенно подчеркивала иностранный рост и отталкивала даже тех, кто в остальном одобрял реформу. Иврит сохранялся лишь в нескольких молитвах и чтениях из Пятикнижия. Реформатский храм, по сути, приобрел германский оттенок и отбросил свой еврейский космополитический характер. Трасса еврейского происхождения была видна только в богослужении; по своему образу жизни ее члены не могли быть признаны потомками евреев. Возможно, Холдхайм был даже более фанатично заинтересован в отмене всех еврейских обычаев, чем его ездравомыслящие прихожане. Он пренебрегал не только раввинским иудаизмом и Талмудом, но и обязанностями, предписанными Священным Писанием. Но даже в реформаторском сообществе было очевидно, что еврейская самостоятельность значительно возросла со времен Фридриха Шлегеля. Партия реформ полностью

преодолела свою склонность к христианству. Из ее членов, насчитывающих тысячу душ, ни один член Церкви, ни кто-либо из их детей не присоединился к христианской церкви. Они желают, чтобы их рассматривали не как отдельный вид, а как неотъемлемый элемент еврейской расы.

Берлинские реформаторы, однако, оставались изолированными и не нашли последователей в Европе. В их собственной среде воцарился прохладный настрой даже раньше, чем ожидали их оппоненты. Из-за нехватки посетителей в молитвенном доме субботнее богослужение пришлось перенести на воскресенье - то же самое изменение, которое было внесено иудеохристианами в первом веке. Вопрос о воскресном богослужении не может обсуждаться здесь; он относится к непосредственному настоящему. Такая вялость и отсутствие интереса должны были убедить основателей, которые дожили до их появления, что они совершили какую-то ошибку. В этой истории невозможно дать полный отчет об этой ошибке; это было бы выходом за рамки описания событий. Однако не следует забывать об одном обстоятельстве: Берлинское реформаторское общество имело поблизости своего антагониста. Этот враг, которого оно не принимало в расчет, был тем более опасен, что он использовал свое острое красноречие и все силы своего существа, чтобы протестовать против новой секты, основанной Берлинским комитетом. Этим оппонентом был Михаэль Сакс, родившийся в Глогау в 1808 году и умерший в Берлине в начале 1864 года.

Если щедрая природа решила создать полную противоположность Холдхейму, то в Саксе ей это удалось. Внешне, умственно, во внешности, речи, отношении и склонностях ума, в его образовании и характере, даже в привычках и фантазиях — во всем эти два человека были настолько противоположны, что на первый взгляд в них с трудом можно было узнать представителей одной расы, приверженцев одного призвания. Если Холдхайм олицетворял еврейский польский дух, обостренный талмудической диалектикой, Майкл Сакс напоминал еврейских эмигрантов из Пиренейского полуострова, облагороженных классическими формами и эстетическими учениями. Он напоминал благородного Исаака Кардозу, или Исаака де Пинедо, или любого из многочисленных поэтов и ученых из рода маррано в Голландии и Италии, которые сочетали глубокую преданность иудаизму со вкусом к поэтическим или филологическим занятиям.

Благодаря своему своеобразному характеру и двойственному влиянию, оказанному на его сознание еврейской и греческой литературой, Сакс стал идеальной личностью, подобной Гебиролю и Иегуде Халеви, которые могли преуспеть только благодаря ясным достижениям борьбы за существование и испытывали физическое отвращение ко всему низменному. В нем не было двусмысленности; чувства, мысли и действия - все вытекало из одного источника. Поэтому он был беспощадно настроен против лжи, двусмысленности и лицемерия, против всякой показухи и помпезности, против шумной пустоты и тщеславия; он бичевал их плетью своих слов и своим поразительным, блестящим остроумием. Благородный и самоотверженный, смиренный перед Богом и людьми, несущий на себе отпечаток Божественного, Сакс вызывал гордость и отвращение у всех, кто в религии, искусстве, науке или общественной жизни использует фальшивые монеты и скрывает свои корыстные мелкие интересы под маской общей, великой цели. Если Сакс в отношении убеждений, характера, морального возвышения, способности к самоотречению и преданности долгу и своей вере был насквозь евреем, то в своей глубокой любви к красоте он был эллином и в своей личности противоречил предполагаемой невозможности такой двойственной природы, о

которой утверждал Гейне. Все, что было уродливым, негармоничным или неуклюжим, было ему так же отвратительно, как аморальное и неправдивое.

Иудаизм был дороже всего его сердцу, поскольку он считал его откровением от Бога, который направляет человечество, и воплощением всего возвышенного и священного; и он не позволил бы, чтобы это было тонко объяснено философией того времени. Сакс не преминул заметить неприятные наросты, возникшие на его поверхности, но он знал их происхождение и верил, что время, породившее, уничтожит их. Однако он не решался прикоснуться к ним, опасаясь повредить звук, удаляя поврежденные и разложившиеся части. Он не доверил бы ни себе, ни кому-либо другому задачу внедрения инноваций. Это подозрение в решительных реформах возникло отчасти из его отвращения к активным мерам, что было одним из его недостатков. Поскольку он был всего лишь человеком, у него не могло быть недостатков. Другой ошибкой, которая отомстила ему и партии, которую он представлял, было его непреодолимое нежелание объединяться для общих действий даже с теми, кто разделял его мнение. Сакс с радостью подчинился бы лидерам, возвышенность ума которых могла бы внушить ему уважение. Но поскольку он не находил таких характеров среди своих современников, он не привязывался к людям, ни в чем не превосходящим его или которые даже не достигали его собственного роста. Таким образом, он в равной степени не годился ни на роль партийного лидера, ни на роль партизана.

Выдающиеся качества и мелкие недостатки Сакса навязали ему его призвание: он был предназначен для кафедры. Непринужденный поток его красноречия, глубина чувств, теплота убеждения, грация жестов, обаяние, которое он проявлял при толковании пророков и агадистов, блестящее остроумие, которым он владел, красота его голоса и плавная дикция— все это вместе делало его непревзойденным среди лучших проповедников своего времени, и единственным равным ему был Мангеймер. Когда стоял за кафедрой, Сакс, казалось, преображенным и забывая о себе; казалось, если один из пророков Божьих exhortiNG народ, или поощрения в уныние его весть идеального будущего. Даже те из его слушателей, которые не разделяли его убеждений, были увлечены его красноречием и вынуждены были воздать ему должное похвалой. Сакс, однако, была убедительным моратором не только с кафедры, но и в обычной беседе. Его речь была переполнена теплотой чувств, наполнявших его сердце. Его впечатляющие слова, исходившие из глубин его существа, привлекли многих верных приверженцев джудаизма. Всякий, кто вступал с ним в контакт, попадал в магический круг и впитывал в себя часть его убеждений. Его влияние было тем больше, что он никогда не пытался убедить; он просто высказывал то, что было в нем. Для него не было ничего более ненавистного, чем демонстрация служебного достоинства, притворный религиозный пыл и пасторальный вид, скопированный у христианских священнослужителей.

В Праге, где он вызвал большой энтузиазм у немецкоговорящих жителей, как христиан, так и евреев, счастливый случай свел его с Рапопортом (1840-1844), одним из основоположников еврейской науки. Между этими двумя людьми, чье образование велось по таким разным направлениям, возникла тесная дружба, и его друг познакомил Сакса с богатой областью еврейской литературы, которая до сих пор была ему доступна лишь частично, поскольку его внимание было сосредоточено на изучении Священного Писания и классической литературы. Его талант живо воспринимать существенные и превосходные элементы предмета и запоминать их в своем мозгу вскоре сделал его мастером этого нового материала и позволил ему донести его до широкого круга в изысканной форме. Но Сакс так и не познакомился полностью с

диалектикой Талмуда, которая была главной точкой зрения Холдхейма, и эта территория оставалась для него чуждой. Хотя он глубоко сожалел об этом недостатке в своих знаниях, это не было настоящим недостатком, поскольку подобные занятия не соответствовали эллинской стороне его натуры и погубили бы расцвет его гениев. Как будто ему было суждено противодействовать влиянию немецкой еврейской церкви, которая должна была сформироваться в Берлине, и стать противоположным полюсом бесконечным отрицаниям Холдхейма, он был избран берлинской конгрегацией проповедником и раввином. Здесь, вселяя в умы своих прихожан ту же еврейскую уверенность, которая была внушена ему, и чувство праведной гордости за принадлежность к столь древней, благородной и культурной расе, ему удалось до некоторой степени излечить их от склонности к христианству и дурной привычки подражать, которой они были так долго подвержены. Это изменение в мышлении, затронувшее самые отдаленные круги, ослабило антипатию к евреям Берлина, которая со времен Фридлендера преобладала в других общинах. Сакс входил в число самых выдающихся личностей прусской столицы; культурный христианский мир расточал ему знаки внимания, хотя он и не искал их. Если бы он придавал своим словам решительный и энергичный эффект и создал постоянные институты, для чего либеральное сообщество Берлина предоставило бы ему массу возможностей, возможно, конгрегация реформаторов и не возникла бы.

Он изо всех сил боролся с тенденцией к реформированию. В Холдхейме и его союзниках он видел только извращенцев иудаизма и ложных лидеров народа, и он открыто выражал это мнение, ибо, как он часто замечал, "К оскорблениям и резким словам я ожесточен и равнодушен". С кафедры он обрушил свой уничтожающий удар кукурузой на еврейскую немецкую церковь, которая настолько ограничила развитие иудаизма, что его можно было вместить в ореховую скорлупу. Но даже его противники признавали, что он использовал только благородное оружие, а использование других шло вразрез с его благородной натурой. Он нанес огромный вред Храму Реформ. Люди, слушавшие проповеди Сакса, были утомлены присутствием в реформаторской синагоге. Сравнение между Саксом и его противоположностью Холдхеймом, который был полной противоположностью ему во всех отношениях, всегда приводило в пользу первого. В то время как Храм, где проповедовал Холдхейм, становился все более и более пустынным, синагога, в которой служил Сакс, с каждой неделей становилась все более многолюдной.

Поскольку Сакс оказал большие услуги в повышении и укреплении самоуважения евреев, он также продвигал еврейские знания. Его вклад в последнее касается скорее формы, чем сути. Фактически, он просто популяризировал еврейскую тематику и сделал ее доступной для образованных христиан. Сакс на самом деле не распространял новые, эпохальные истины или открывал новые факты. Он также не был художником-поэтом, который мог бы создавать блестящие картины идеальных миров. В его жизни и учении было больше поэзии, чем в его стихах. Его утонченное восприятие позволяло ему распознавать и воспроизводить малейшие штрихи в красоте, созданной другими художниками, и он идеализировал то, что обнаружили другие исследователи. Наиболее решительная склонность его интеллекта была к экзегетическому толкованию Священного Писания. Его горячая любовь к иудаизму и его древним Священным Писаниям, его глубокое знание иврита, который был языком его сердца, и, наконец, его тонкое эстетическое чутье к филологии - все это проявилось в его экзегетической работе. Рано в жизни Саксу пришла в голову идея, которой он всегда оставался верен, восстановить еврейским Писаниям их чистый и изначальный смысл и освободить их от всех наслоений и изъяснов. Вдохновленный примером Рюккерта, "поэта Востока и Запада,

признанного мастера перевода и изложения", он начал с псалтыря, который, возможно, был излиянием его собственного благочестивого сердца. Впоследствии, с помощью различных коллег, Сакс перевел несколько книг Священного Писания в замечательном стиле, чтобы сформировать "Библию для израильтян". Но поскольку он больше работал сердцем, чем мозгом, его библейскому толкованию не хватало прочной основы. Задача открыть новые пути в этом направлении выпала на долю христианских ученых.

Сакс принимал активное участие в раскопках захороненных фигур еврейского прошлого, очищая их от уродующих инкрустаций и выставляя в надлежащем свете. Этой цели были особенно посвящены три периодических издания — "Керем Чемед" и "Сион" на иврите и "Ориент" на немецком. Молодые и пожилые помогали в возведении еврейского храма отцам, и пожертвования поступали со всех концов Европы. "Сороковые годы" были особенно плодотворны в развитии еврейской науки. Не педантичная ученость, а их сердце побуждало еврейских авторов приводить ясные доказательства того, что иудаизм, во всех его разветвлениях, шел рука об руку с цивилизацией. Иудео-испанская эпоха особенно привлекала еврейских исследователей. Она показала, чего достигли и могли достичь евреи в богатстве мысли и красоте формы. Еврейская наука в то же время должна была служить извинением хулителям евреев и иудаизма и идеалом для возбуждения соперничества. Блестящая испанская эпоха была известна только еврейским ученым, да и то лишь в грубых отрывках. Сакс взялся воссоздать из этих фрагментов органичное, прекрасное целое и своим красноречивым языком привлечь тех, кто не испытывал религиозного интереса к этому предмету. Его "Религиозная поэзия евреев в Испании" (1845) предлагает больше, чем указано в названии. Сакс привлекательно описывает серию произведений еврейского гения, начиная с того времени, "когда в ужасных муках конечности отрывались от живого тела", после разрушения еврейского центра римлянами, до периода расцвета неоеврейской поэзии в Испании. Труды Сакса привлекли внимание образованного мира к богатству и красоте еврейской литературы средних веков, о которых он до сих пор и не подозревал; даже Гейне был охвачен восхищением и использовал для этого свое золотое перо.

В то же время литература средневековых евреев Франции и Германии и еврейских поэтов Прованса рассматривалась с обильными подробностями, но в стиле, подходящем для образованной аудитории. Цунц, автор этого труда, справедливо упрекал своих современников в их явном пренебрежении этой отраслью литературы, которой христианские исследователи шестнадцатого и семнадцатого веков уделяли так много внимания.

Постоянная приверженность литературе Средневековья грозила стать слишком односторонней. Та эпоха, с ее произведениями, была, в конце концов, всего лишь порождением национальной деятельности ушедших дней и внуком или правнуком еще более важного периода. Этот неясный вопрос о двойном происхождении иудаизма из Библии и Талмуда был ясно освещен исследованиями еврейской науки в "сороковых годах". Талмуд находился под запретом, и к нему относились с самым оскорбительным презрением. Это был козел отпущения, на которого возлагали всю вину и страдания евреев. Респектабельные исследователи сторонились его, как прокаженного. Но это продолжалось недолго; был поднят вопрос, не были ли сами писания, послужившие основой христианства, пронизаны талмудическими элементами. Доказательство утвердительного ответа на этот вопрос было смело предпринято Френкелем. Еще более важным был тот факт, что стало очевидным, что сильная сторона Талмуда заключается в его идеях справедливости и их развитии. Было установлено

превосходство талмудического уголовного кодекса над законодательством древних времен. Результатом научной трактовки Талмуда стало то, что у иудаизма не было причин стыдиться его.

Но иудаизм вместе со своими последователями оставался неразборчивым иероглифом, мрачной тайной, которую одно столетие передавало другому неразгаданной до тех пор, пока "первоначальная скала, из которой он был высечен, глубины, из которых он был выдолблен", продолжали оставаться неизвестными. Только доскональное знание его первоисточников, священных писаний, могло дать ключ к этой загадке. Прошли столетия, а решение все еще не было найдено. После того как Священное Писание, мать двух или трех религий, так долго обожествлялось массами, что считалось "всем во всем", а его объяснения жизни, природы и истории охотно принимались, с середины восемнадцатого века оно стало вызывать презрение. Она разделила судьбу еврейской расы. Рационалистическая школа действительно уделяла большое внимание еврейским источникам, но только с намерением принизить их ценность. Эйхгорн, Гезениус, Фон Болен, Де Ветте и Тух были преисполнены антипатии к евреям, и это мешало им прийти к правильному пониманию Ветхого Завета. Священнослужители Толак и Хенгстенберг искали в нем истинную историю, и то, что они обнаружили, они приняли за христианство. В еврейских кругах было только три человека, которые занимались научным изложением Священных Писаний, а именно: Крохмаль, Луццатто и Сакс; но они были робки, они боялись подходить слишком близко к границам Синая. Человек с детским умом был первым, кто приподнял завесу, постиг язык Пророков и псалмопевцев и раскрыл древнюю историю еврейского народа в ее истинном свете. С появлением "Пророков Ветхого Завета" и "Истории народа Израиля" (1843-1847) Генриха Эвальда открылся новый путь для понимания еврейского гения и народа. Загадка, которую так долго скрывали, приблизилась к своему разрешению с открытием ключа.

"Народы древности, вавилоняне, индийцы, египтяне, финикийцы, греки и римляне, каждый при благоприятных обстоятельствах, преследовали только одну конкретную цель, пока, наконец, не достигли высот, недостижимых для других поколений.... Народ Израиля, с другой стороны, с самого начала своего исторического сознания так ясно представлял себе свою конечную цель и так сильно стремился к ее достижению, что он не мог упускать ее из виду ни на какое время, и после любой кратковременной паузы он преследовал ее только более настойчиво. Его цель - совершенная религия.... История этого древнего народа - это история истинной религии, показывающая каждую стадию развития вплоть до совершенства".

Эта новая многообещающая школа имеет в качестве своей фундаментальной идеи то, что раса, обязанная своим происхождением семени Авраама, на самом деле является "народом Божьим", который в изобилии дал миру истины спасения. Раскрытие этих истин проявляется в ходе истории и в литературе израильтян. Безусловно, это серьезная ошибка этой школы, первой распутавшей художественную паутину, воображать, что последняя страница истории народа Божьего была написана восемнадцать веков назад, и обнаружить, что с тех пор она вела лишь призрачное существование. Великие воспоминания приводят к воскрешению, и у какого народа более грандиозное или блестящее прошлое, чем у евреев, или израильтян, или еврейского народа? Но если этот народ все еще хочет совершить работу в мировой истории, с него должны быть сняты цепи, не только те, которые отягощают конечности, но и те, которые ограничивают разум. Нация должна была быть освобождена, только тогда можно было выяснить, продолжит ли она независимое существование или погибнет в конфликте рас.

Неожиданно час свободы для европейских евреев пробил с февральскими и мартовскими революциями (1848) в Париже, Вене, Берлине, Италии и других странах. Опыняющее стремление к свободе охватило народы Европы, даже более сильное и удивительное, чем движение 1830 года. С властными требованиями люди выступили перед своими князьями и правителями. Среди требований было требование эмансипации евреев. На всех народных собраниях и публичных заявлениях презируемые вчерашние евреи были допущены к узам "Свободы, Равенства и Братства". Внезапно произошло то, на что самые оптимистичные никогда не смели надеяться. Евреи были избраны в парламенты с правом голоса при переустройстве государств. Член прусского ландтага выразил неприятие идеи о том, что еврей однажды сядет рядом с ним и сможет голосовать. На следующий день это действительно произошло, поскольку Риссер и Файт заняли свои места рядом с этим самым человеком, чтобы обсудить восстановление Германии, в то время как Мангеймер вместе с Майзельсом, раввином старой школы, одетым в польскую одежду, помогали реорганизовывать Австрию. Собрание протестантских священнослужителей объявило, что обращение христианина в иудаизм является признаком безумия или идиотизма, но за короткий промежуток времени законы были вынуждены предоставить свободу даже этому вероучению.

В бурные годы Революции и те, что последовали за ней, недавно принятых конституций в Германии было в изобилии, как ежевики. Однако, когда первая паника террора прошла и привилегии наций стали сильно ограничены, эмансипация евреев, тем не менее, воспринималась как нечто само собой разумеющееся (даже в тех случаях, когда народу была навязана конституция), как будто этот безусловный "Голос народа, голос божий" никоим образом не должен был быть нарушен.

Вполне вероятно, что сторонники реакции, как и их правители, не намеревались реализовывать эти пункты в данных условиях, но написанные им слова неожиданно сработали как магическая руна. Только на Англию год штормов не оказал никакого влияния. Ограничения, наложенные на евреев этой страны, постепенно отменялись по мере возможности. Выдающиеся личности были избраны олдерменами и шерифами. Но последнее звено в цепи противодействия их допуску в парламент еще не было устранено. Когда барон Лайонел де Ротшильд был избран в качестве представителя города, в Лондоне, счета в подтверждение этих выборов были repeatedly представлены (в годы 1847-51), но после прохождения Палаты общин большинством голосов было каждый раз выкинуто с коллегами. Хотя их оппоненты признавали, что евреи достойны быть принятыми в парламент, они были исключены из-за формулы предписанной присяги "на истинной вере христианина". Велика была сенсация, когда Дэвид Саломонс, заняв пост олдермена и будучи избранным депутатом от Гринвича, набрался смелости войти в Палату представителей и трижды принять участие в дебатах. За такое поведение он был оштрафован на 1500 фунтов стерлингов, по 500 фунтов стерлингов за каждое нарушение закона. Абсурдность такого исключения стала еще более поразительной, когда Высокий апелляционный суд подтвердил суровое наказание (1852 г.) как оправданное по закону.

С этого времени Либеральная партия решила добиться отмены формы присяги. Поскольку в Англии не существовало предубеждения против потомков Патриархов, а, напротив, существовала тенденция в их пользу, следовало убедиться, что это последнее ограничение также исчезнет. Фактически, несколько лет спустя в Палате пэров была принята резолюция о том, что евреи должны допускаться без принятия предписанной присяги, и это голосование было немедленно одобрено королевой Викторией (1858 г.). С тех пор несколько евреев заняли

пост лорд-мэра, барон Натаниэль М. де Ротшильд был произведен в пэры, а покойный сэр Джордж Джессел - в мастера списков.

Тем временем иудаизм добился заметного прогресса в другом направлении. В Бреслау (1854) был основан дом еврейской науки. Это был вопрос острой необходимости, хотя эта потребность ощущалась не всеми. Стремительный прогресс застал иудаизм врасплох еще до того, как были приняты необходимые меры по перестройке его религиозной жизни. Талмудические школы, даже в России и Венгрии, рухнули из-за отсутствия поддержки. Раввины были бесполезны в этой чрезвычайной ситуации. Некоторые из тех, кто придерживался старых форм, обнаружили, что конгрегации больше не осознают их важности; другие, которые посещали университеты ООН, в основном изучали христианскую теологию, но были в недоумении, как приобрести еврейские знания. Это знание существовало только в зачаточном состоянии. Конечно, существовали различные научные периодические издания, как на иврите, так и на современных языках, в которых трактовались еврейскиенаучные темы, но они давали лишь фрагментарную информацию. Учителям иудаизма нужно было прежде всего узнать, что такое иудаизм? Какое оправдание существует для него на новом этапе мировой истории? Они ничего не знали и могли только передвигаться вслепую на ощупь. От них требовалось преподавать, и они еще не овладели зачатками предмета. Их драгоценное наследие, Священные Писания, ценилось недостаточно, и только несколько специалистов, Нахман Крохмаль, Майкл Сакс и Сэмюэль Дэвид Лудзатто, занимались этим изучением, и даже они пролили свет только на определенные моменты. Еврейские студенты-богословы, неспособные испытать из чистого источника слова, слушали христианских проповедников и были введены в заблуждение.

Уеврейской религиозной философии было еще меньше представителей, а именно Соломона Штайнхайма и Соломона Мунка. Это правда, что существовала разновидность теологической семинарии (которая была признана государством) для франко-еврейских студентов в Меце и для итало-еврейских студентов в Падуе, но преподавание не основывалось на научных принципах. Поэтому немаловажным событием стало то, что благородный жертвователь Йонас Франкель решил выделить необходимые средства для основания еврейского теологического колледжа. К счастью, ООН была организована людьми, стоявшими на вершине научного знания — Захарией Франкелем^А. (умер в 1875 году), Джейкобом Бернейсом (умер в 1882 году) и Эмануэлем Джоэлом (умер в 1890 году). Сначала они не определились спланом обучения, которому следует следовать, и с разделением предметов, и с различием, которое следует проводить между главными отраслями и вспомогательными вопросами, и они поняли поговорку о том, что "человек учится, обучая". За сравнительно короткий промежуток времени студенты колледжа Бреслау заняли руководящие посты в наиболее важных сообществах Германии, Австрии и Венгрии. Поэтому повсеместно было осознанной необходимостью наличия школ, что институты для изучения еврейского богословия ВВЭРэлектронной основана в Буда-Pesth, Берлин (два), Амстердам, Цинциннати, и, в измененном виде, в Лондоне.

^А Автор этой работы был, вместе с френкелем, одним из первых основателей. (Примечание автора.)

Нет более поразительного примера трансформации, произошедшей в самом иудаизме, чем сравнение различных учреждений, даже тех, которые проводятся в истинно ортодоксальном духе, со школами талмуд-Торы (Бет ха-мидраш) в российской и некоторых венгерских общинах.

Они контрастируют друг с другом как внутренне, так и внешне, как архитектурное сооружение с глинобитной хижинкой. В

В богословско-еврейский факультет, филиал университета, и еврейская академия по-прежнему необходимы. (Примечание автора.)

Периодические повторения преследований против евреев пробудили чувство братства, не имевшее аналогов в еврейской истории со времен отделения Израиля от Иудеи. Главным толчком к этому чувству послужили действия, предпринятые папой Пием IX.

Слуга-христианин, живущий в Болонье в еврейской семье по имени Мортара, тайно взял больного ребенка для крещения. Несколько лет спустя этот факт стал известен священникам. После этого мальчик Мортара, которому тогда было шесть лет, был забран у своих родителей должностными лицами папства и помещен в монастырь (1858). Все усилия, которые предпринимал отец, чтобы вернуть себе сына, были бесполезны. Столь же бесплодными были усилия различных правительств и даже императора Наполеона III, который протестовал против этого акта как способного нанести ущерб папству, если в девятнадцатом веке оно одобряло такое варварское деяние, как похищение ребенка. Пий IX в прежнее время проявлял либеральные тенденции, но впоследствии он возродил узколобый образ действий, который преобладал в средние века, и даже приказал запереть римских евреев в унылых стенах гетто. Вопреки всем представлениям, Пий IX упрямо настаивал на своем ответе "non-possumus". Мальчика Мортару держали в тайне и воспитывали в духе католицизма; в конце концов он научился проклинать своих родителей и свою расу. Но папство не получило никаких преимуществ. Вскоре последовала потеря Рима или так называемых Папских государств.

Это событие и подобные акты нетерпимости побудили шестерых благородных молодых французов создать своего рода братство для оказания помощи своим угнетенным и страдающим единоверцам. Своими объединенными усилиями они стремились улучшить положение евреев, живших при нетерпимых правителях, и распространить преимущества образования среди тех, кто в нем нуждался. Этими людьми были Аристидис Астук, сотрудник главного раввина Парижа; Исидор Кон, профессор раввинского колледжа; Жюль Кабальо, инженер; Нарцисс Левен, юрист; Эжен Масуэль, профессор Парижского университета; и Чарльз Неттер, коммерсант, из которых только двое (Астук и Левен) все еще живы. Они основали учреждение, носящее название "Всемирный израильский альянс" (1860), девиз которого гласит: "Все израильтяне несут ответственность друг за друга". Это учреждение встретило радужный прием, и к нему присоединились члены со всех уголков земного шара. Число подписчиков продолжало увеличиваться, особенно после того, как президентом стал Адольф Кремье, и в 1873 году число подписчиков достигло высокой цифры в 12 526 человек.

В Соединенных Штатах, где здесь в 1775-6 годах, после войны за независимость, была принята республиканская форма правления, равенство евреев было установлено как нечто само собой разумеющееся. Сначала в Нью-Йорке и Ньюпорте было всего несколько еврейских иммигрантов, но благодаря этим удобствам, предлагаемым для всех промышленных занятий и всех видов коммерческой деятельности, число американских евреев быстро увеличилось. Они также объединились в организацию для защиты своих менее привилегированных братьев под названием "Union американских еврейских конгрегаций". Они искренне желали способствовать благосостоянию еврейских общин, построили множество синагог и до сих пор продолжают проявлять живой интерес ко всему, что касается их братьев в Европе. В 1878 году

еврейскоеамериканское население насчитывало около 250 000 душ и содержало 278 синагог. В этих местах отправления культа в основном соблюдается ритуал реформы. Поскольку никаких общественных традиций, которые следовало бы отменять, не было, изменения, которые в Европе могли быть осуществлены только после жестокой борьбы, были легко осуществлены. Даже такая радикальная реформа, как перенос богослужения с субботы на воскресенье, инициатором которой выступила незначительная Реформистская конгрегация в Берлине, была скопирована в различных американских конгрегациях. Теплое сочувствие, проявленное американцами к иудаизму и евреям, заслуживает высокой оценки, и именно такому сочувствию Союз был обязан своим возникновением.

Английские евреи, на которых, по-видимому, была возложена задача руководить своими братьями, не отстали в объединении для содействия благополучию своей расы. По наущению двух замечательных людей, Абрахама Бениша, редактора "Еврейской хроники" (умер в 1878 году), и Альберта Леви, одного из служителей Конгрегации реформистов в Лондоне (чей скромный характер был бы уязвлен, если бы его хвалили по заслугам), было основано учреждение (1871), связанное с Альянсом Израэлит, и названное "Англо-еврейская ассоциация". Хотя число английских евреев сравнительно невелико (около сорока тысяч в Лондоне и едва ли тридцать тысяч в других городах и Колониях), все же членов Ассоциации насчитывается четыре тысячи. Через своих членов поддерживается активная переписка между Австралией, Канадой, Индией, Gibraltar и вышестоящим органом.

В Вене также усилиями Джозефа Вертхаймера, Игнаца Куранды и Морица Гольдшмидта была создана ассоциация под названием "Израильский альянс". Их главной целью было работать рука об руку с "Альянсом", но главной задачей, которую они взяли на себя, было способствовать улучшению положения дел среди евреев Галиции. Евреи, живущие в этой провинции Австрии, которых насчитывается около миллиона, по большей части находятся на низшей ступени культуры. Из-за бедности и тяжелого труда, необходимого для возделывания столь бесплодной почвы, они едва ли продвинулись дальше, чем это позволило им выучить свои молитвы. Даже те, кто обладает необходимыми способностями и досугом для освоения европейской культуры, удерживаются извращениями неохасидизма, у которого много последователей среди них. Вывести их из униженного состояния - достойная похвалы цель Венского альянса. Альянс насчитывает около пяти тысяч членов.

Это объединениецветка иудаизма для совместных действий, помимо его цивилизующей тенденции, имеет также защитную цель, для предотвращения умаления и деградации. Однако с самого начала нельзя было предвидеть, что перед проделанной работой откроются столь широкие возможности.

После того, как евреи получили эмансипацию в Западной Европе, как и в Америке, они неустанно трудились над собственным совершенствованием и вскоре смогли указать на выдающихся единоверцев в высших эшелонах власти во всех профессиях - коронованных юристов, государственных советников, членов парламента, музыкантов, писателей, академиков, а во Франции даже генералов.

Евреи Западной Европы настолько слились со своим окружением, что робкие умы начали опасаться, что Израиль может быть затоплен этим течением. Но внезапно они столкнулись с злейшим врагом, который попытался исключить их и вытеснить с тех позиций, которых они достигли. Этот враг практически бросил им вызов вспомнить свое прошлое, доказать

собственную ценность в противостоянии со своими преследователями и показать, что, хотя они и своеобразный народ, эта особенность является в такой же степени действующим лицом мировой истории, как и ее продуктом. Этот враг, злейший антисемитизм, порождение заблуждений и лжи, лишает возродившийся Израиль его могущества, играет активную роль в непосредственном настоящем и, к сожалению, пока не может быть отнесен к сфере Истории.

КОНЕЦ.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД.

Здесь рассказана история народа, который, начиная с первобытных времен, продолжает обладать всей жизнеспособностью, необходимой для его дальнейшего существования. Выйдя на арену истории более трех тысяч лет назад, она не проявляет желания покидать ее.

Таким образом, этот народ одновременно стар и молод. В его чертах остаются неизгладимые следы седой старости, и все же сами эти черты свежи и юны, как будто они появились совсем недавно. Нация, пережиток незапамятных веков, которая была свидетелем расцвета и упадка древнейших империй и которая все еще продолжает занимать свое место в наши дни, заслуживает, уже только по этому факту, самого пристального внимания. Следует иметь в виду, что субъекты этой Истории — евреи, израэлиты или иудеи — не проводили свое существование в уединении и созерцательной изоляции. Отнюдь! Во все эпохи их затягивал жестокий водоворот проходящих событий. Они много боролись и жестоко страдали. Жизнь народа за более чем три тысячи лет претерпела множество потрясений и травм. Оно все еще хранит следы своих мран, хотя никто не может отрицать его права на мученический венец; и тем не менее оно живет по сей день! Она проделала много полезной работы, и этот факт не оспаривается никем, кроме пессимистов и злобных придилок. Если бы ей удалось только избавить образованную часть человечества от иллюзий идолопоклонства, которые приводят к моральному и социальному разложению, она заслуживала бы особого внимания уже за одно это; но она оказала человечеству гораздо большие услуги. Откуда взялась высокая культура, которой гордятся просвещенные современные нации? Конечно, не они сами ее создали. Они просто удачливые наследники древнего наследия, которое они обратили на пользу и приумножили.

Существовали только две нации творческого разума, которые создали эту культуру и подняли человечество из трясины варварства. Этими двумя были эллинский и израильский народы. Третьей расы коадьюторов не существовало. Римляне, действительно, ввели и передали далеко идущие социальные правила и высокий уровень военной науки; но только когда они достигли стадии рабства, они стали оказывать услуги, сравнимые с услугами насекомого, которое переносит оплодотворяющую пыльцу на восприимчивое рыльце. Греки и древнееврейцы были единственными создателями более высокой культуры. Если бы современные римские, германские и славянские народы, как по эту, так и по другую сторону океана, могли быть лишены того, что они получили от греков и израильтян, они были бы совершенно нищими. Эта идея, однако, является всего лишь фантазией; нации больше не могут быть лишены того, что они когда-то позаимствовали и что с тех пор стало неотъемлемой частью самой их природы. Участие греков в возрождении цивилизованных рас признается без единого

голоса несогласия и без малейшего подозрения в зависти. Свободно признается, что греки распространили повсюду распускающиеся цветы искусства и зрелые плоды высшего разума; что они открыли область прекрасного и распространили яркость олимпийских идей. Также признается, что их интеллектуальный гений нашел свое воплощение во всей их литературе, и что из этой литературы и сохранившихся остатков их идеалов в изобразительном искусстве до сих пор исходит новая животворящая энергия. Этих классических греков уже давно нет в живых, и к ушедшим последующие люди склонны быть справедливыми. Желтушная злоба и ненависть умолкают у могилы прославленного человека; его заслуги, перечисленные там, на самом деле, как правило, переоцениваются.

Теперь этот аспект отличается в случае с другой творческой расой. Именно из—за их продолжающегося существования заслуги и моральные достижения евреев не являются общепризнанными или подвергаются придиркам - их качества принижаются под неправильными обозначениями, с целью очернения их первоначального характера или полного отрицания эффективности этого характера, и, хотя искренние мыслители признают, что евреи внедрили монотеистический принцип среди народов и высший кодекс морали, все же лишь немногие ценят широкое значение этих признаний. Даже глубокие мыслители не задумываются над тем, как случилось, что одна нация вымерла, несмотря на свои выдающиеся умы и богатые таланты, в то время как другая нация, столь часто находящаяся на грани смерти, все еще продолжает существовать в мире людей и даже преуспела в восстановлении своей первозданной молодости. Несмотря на очарование греческой мифологии, красоту их произведений искусства и их живительную мудрость, эти качества оказались бесполезными в тревожные дни, когда македонские фаланги и римские легионы, вместо того чтобы позволить им увидеть радостную сторону жизни, заставили их испытать ее изнанку. Тогда они отчаялись в своем блестящем Олимпе и в лучшем случае сохранили достаточно мужества, чтобы прибегнуть к самоубийству. В несчастье нация проявляет характеристики, сходные с характеристиками отдельного человека. Греки не были одарены способностью жить по своему злому образу жизни или оставаться верными себе, когда их лишали их территорий; и будь то в чужой стране или у себя на родине, они теряли душевное равновесие и смешивались с толпой варварских народов. Что вызвало этот полный крах? Здесь была веская причина исчезновения римлян, самой могущественной нации древнего мира, а также причина исчезновения их различных могущественных предшественников, поскольку все они слишком сильно полагались на меч. Даже среди народов действует этот закон возмездия: "Тот, кто полагается на меч, становится добычей меча". Но как получилось, что греков постигла аналогичная участь? Ответ заключается в том, что у них не было определенной миссии. Еврейский народ, с другой стороны, должен был выполнить жизненную задачу, благодаря которой он был сплочен и благодаря которой в самых страшных несчастьях он был утешен и сохранен. Нация, осознающая свою миссию, становится сильной и консолидированной и отказывается проводить свое существование в бесплодных мечтах ихеминге. С национальной точки зрения миссией израильтян было выработать самодисциплину, преодолеть или регулировать свои эгоистичные желания, обрести полную силу смирения, или, используя слова пророка, "обрезать сердце". Воздержание, рассматриваемое с религиозной точки зрения, побуждало их к самоограничению и сочеталось с обязанностями, которые поддерживали здоровье тела и души. История человечества свидетельствует об этом. Все народы, которые оскверняли себя распутством и становились черствыми из-за насилия, были обречены на уничтожение. Не так обстояло дело с израильской расой. Посреди развращенного и греховного мира, среди пороков, которыми с самого начала

были заражены и евреи, они все же освободились, они высоко подняли стандарты моральной чистоты и таким образом составили разительный контраст с другими народами.

Практическая теория жизни у древних народов была тесно связана с их представлением о Божественном; одно подразумевало другое. Была ли их извращенная мораль результатом извращенной теологии или ее первопричиной? Какой бы ни была связь между причиной и следствием, пагубные последствия оставались прежними. Политеизм, каким бы поэтичным он ни был, порождает раздор, страсть и ненависть. В совете богов должна быть борьба. Даже когда объекты поклонения имеют двойственную природу, результатом является враждебный контраст — один бог созидания и один бог разрушения, один бог света и один бог тьмы. Творческое божествообычно делится на два пола и наделено всеми слабостями пола. Хотя было сказано, что человек создал своих богов по своему собственному образу и подобию, все же, когда теология была однажды систематизирована, от почитателей богастали требовать нравственности, которые, тем не менее, стали такими же грешными, как изображения, которым они поклонялись. Народ Израиля провозгласил Бога, единого с Самим Собой и неизменного; святого Бога, который требует святости от человечества, Творца неба и земли, света и тьмы. Он, хотя и могущественный и возвышенный, все же близок к человечеству, особенно защищая бедных и угнетенных, ревнивый, но не мстительный Бог, которому нравственное поведение человека небезразлично, хотя он Бог милосердия и с любовью относится ко всему человечеству как к творению Своих рук. Для этого Бога зло - мерзость, ибо Он Бог справедливости, Отец сироте и Защитник вдовы. Эти слова мирового значения глубоко проникли в сердце человека и в более поздний период стали средством повергнуть прекрасных языческих богов в прах.

Мысль и желание, чтобы люди были равны перед законом, как перед Богом, чтобы чужеземец имел равные права с местным жителем, также выросли из идеи сходства человека с божественным образом и утвердились среди израильтян как основной закон государства. Это было первое признание прав человека, ибо среди народов древности даже лидеры цивилизации никогда не признавали этого права, которое теперь стало установленным правилом. Если чужеземец, потерпевший крушение на чужом берегу, больше не приносил в жертву, как в древнейшие времена, он, тем не менее, подпадал под действие исключительных законов и считался лишь на ступень выше раба. Эта жестокость по отношению к чужакам, к позору народов, на самом деле пережила разрушение древнего мира.

Доминирующая идея Израиля приобрела далеко идущее значение в его этической тенденции. Нравственному поведению человека ни в коем случае не безразлично, как в отношении больших, так и в отношении малых вещей, управляется ли земля, место действия, одной Властью или несколькими взаимно антагонистическими силами. Одна концепция обеспечивает единство и мир, другая раскрывает картину разногласий и раздоров и ведет к варварству. Подобие человека Богу — в противовес богохульной идее подобия Бога человеку - и ход мыслей, вытекающий из монотеизма, внушают человеку чувство самоуважения и уважения к своим ближним. Таким образом, жизнь даже самого скромного из людей оказывается под религиозной и моральной защитой.

Является ли оставление новорожденного ребенка родителями преступлением? Среди древних, даже среди греков, это так не считалось. Горы оглашались плачем детей женского пола, а реки несли по себе трупы маленьких созданий, которых их родители (находя неудобным воспитывать их) бросили в глубины ручьев без малейшей боли или сожаления. Древние не испытывали

угрызений совести при вздохах убитого младенца, и уж тем более трибунал не стал бы возражать против такого преступления. Убийство раба имело не больше значения, чем убийство животного на охоте. Почему же тогда культурные люди теперь содрогаются при мысли о таких злодеяниях? Потому что народ Исроэль провозгласил закон: "Не убивай, ибо по образу Божьему был создан человек. Ты не должен забирать даже молодую жизнь, ни ту, чье существование проходит в рабстве". Утверждалось, что интеллект человека достиг гигантских успехов, в то время как его нравственная культура осталась далеко позади или продвинулась лишь незначительно с первобытных времен. Но следует помнить, что варварское состояние человека пришло в упадок гораздо позже, чем его невежество.

Дремлющая совесть и отвращение к преступлению пробудились только в более поздний период, и этим пробуждением был обязан народ Израиля. Еще меньше древние народы признавали целомудрие поведения, ибо они погрязли в глубинах порока и нецеломудрия. В то время как народы все еще находились на вершине своего величия еврейские поэты-сивиллы неоднократно предупреждали, что грешные народы будут преданы смерти из-за их противоестественных пороков, зверств, извращенного богослужения и мерзостей, которые последовали за этим.

Но они только прислушались к предостерегающему голосу, продолжили следовать своим злым путям и были уничтожены. Их искусство и мудрость не могли спасти их от смерти. Это показывает, что израильский народ в одиночку осуществил эмансипацию человека, провозгласив святость жизни, равные права пришельцев и доморожденных, а также все то, что входит в понятие человечности. Нелишне отметить, что краеугольный камень культуры "Возлюби ближнего твоего, как самого себя" был заложен этим народом. Кто молился о том, чтобы бедняки были подняты из праха; страдающие, сироты и беспомощные - из навозной кучи? Израильский народ. Кто провозгласил, что вечный мир является священным идеалом будущего, "когда одна нация не должна больше обнажать меч против другой, и не должна больше учиться военному искусству"? Пророки Израиля. Этот народ был назван блуждающей тайной, но его скорее следовало бы назвать блуждающим откровением. Она раскрыла тайну жизни и искусство из всех искусств — как нация может уберечь себя от того, чтобы быть преданной уничтожению....."

Этот народ нельзя обвинить в том, что он ввел самоуничтожение, самоистязание и мрачный взгляд на жизнь, и что таким образом он проложил путь к тому монашескому аскетизму, который покрывает яркость жизни пеленой смерти. Совсем наоборот; все народы древности, за исключением израильтян, придавали особое значение смерти, совершали жертвоприношения на могилах усопших и предавались благочестивой меланхолии. Это были мистерии, которые, подобно всем преувеличениям, переходили в противоположную крайность и заканчивались эксцессами оргий. Сами боги не избежали соприкосновения со смертью; им пришлось совершить путешествие к смерти, и то тут, то там можно было увидеть могилу или Голгофу какого-нибудь бога. Израильская элитарная концепция, почитающая в Боге "источник жизни", придает жизни такую большую ценность, что стремится изгнать из круга святости все, что напоминает о смерти. Так мало думают о том, что лежит внутри могилы и за ее пределами, что израильтян часто упрекают в том, что они предавались удовольствиям жизни. И это правда.

Пророки не знали более высокого идеала, чем то, что земля должна быть наполнена познанием Бога, как море покрывает свое дно. Жизнь высоко ценится, но это должна быть чистая и

возвышенная жизнь. Только после долгого и несчастливой хода истории вкралась мрачная и аскетическая теория жизни, породившая печальный и человеконенавистнический порядок, который искоренял чистую радость как грех и рассматривал землю как долину слез, и до этого состояния она действительно в какой-то степени дошла.

Израильский народ не имеет ничего общего со своими сородичами, которых называют семитами, ни в их безумии самоистязания в честь одного бога, ни в их беспутных излишествах в честь другого бога. Израильтяне были отделены от семитских племен жесткой дисциплиной, и они отучили себя от извращений своих инопланетных сородичей. Столь же ошибочно пытаться софистически приписывать особенности Израиля семитскому характеру или рассматривать отношения двух народов как отношения двух потомков из одного рода. Израильтяне и другие народы Востока по разным причинам возникли в результате смешанного союза, и оба потеряли многие черты своей унаследованной природы.

У Израэлитов определенно есть большие недостатки; они сильно заблуждались и были сурово наказаны за свои недостатки. История описывает и раскрывает эти ошибки, их происхождение, их насыщенные событиями результаты и последствия, которые к ним привели. Многие из этих недостатков были приобретенными и в какой-то степени были следствием их окружения; но в характере этого народа были и своеобразные черты. Почему они должны быть совершеннее всех других национальностей, ни одна из которых никогда не достигала совершенства во всех направлениях?

Те, кто страстно стремится показать недостатки израильского народа как через увеличительное стекло, бессознательно оказывают ему высокую честь, предъявляя к нему более высокие требования, чем к другим народам. Это явный недостаток со стороны израильтян, что они не оставили после себя ни колоссальных зданий, ни архитектурных памятников. Возможно, эта раса не обладала никаким талантом к архитектуре; или, возможно, из-за своих идеалов равенства короли и военачальники не были настолько высоко почитаемы, чтобы считалось необходимым воздвигать в их память колоссальные дворцы, пирамиды или мраморные монументы. Лачуги бедняков занимали более высокое положение. Израильтяне даже не воздвигли храм Богу (Храм Соломона был построен финикийцами), ибо сердце было храмом Бога. Израильтяне не ваяли и не рисовали богов, поскольку не считали Божество предметом приятного времяпрепровождения, но воздавали Ему благочестивое и искреннее поклонение. Израильтяне также не преуспели в художественном эпосе и еще меньше в драме или комедии. Возможно, это было недостатком их идиосинкразии, а также связано с их сильным отвращением к мифологическим рождениям и скандалам. Они проявляли подобную неприязнь ко всем драмам, публичным играм и театральным представлениям. Однако в качестве компенсации у них были поэтические концепции, адекватно отражающие идеалы жизни, как они описаны в Псалмах и в поэтически оформленном красноречии пророков. Оба обладают той общей чертой, что их неизменным качеством является правда, а не вымысел, благодаря чему поэзия из простой игрушки для воображения превратилась в инструмент достижения этической культуры.

Их литература, хотя и не трактуется о драме, все же полна драматической силы; и, если не по-настоящему юмористична, тем не менее полна иронии и со своего идеального пьедестала гордо взирает на все заблуждения. Израильские пророки и псалмопевцы, создавая прекрасную поэтическую форму, никогда не приносили в жертву истинность предмета ради стиля.

Израильтяне также ввели свой собственный исторический стиль, который изображал события в соответствии с канонами истины и без каких-либо попыток оправдать или скрыть недостатки героев, царей или народов. Эта своеобразная еврейская литература, подобной которой не может похвастаться ни одна другая нация на земле (в лучшем случае только имитация), благодаря своему совершенству достигла многих моральных завоеваний. Нации, способные к культуре, не смогли бы устоять перед теплотой и правдивостью, которые пронизывают эти произведения. Если греческая литература возвысила господство искусства и его восприятие, то еврейская литература идеализировала область святости и нравственности. История нации, достигшей столь многого, имеет неоспоримое право на всестороннюю оценку.

При поверхностном рассмотрении снаш исторический период от вступления израильтян в Ханаан до далеких царских времен может легко породить неправильное представление, поскольку наиболее поразительные события, по-видимому, носят политический характер. Вторжения, битвы и завоевания занимают передний угол истории. Мы видим на сцене лидеров наций, героев, королей и генералов, заключаются и разрываются договоры, в то время как преобладающая интеллектуальная деятельность едва заметна на заднем плане. Герои-судьи, которые первыми становятся объектами исторического исследования — Эхуд, Гедеон, его сын Абимелех и особенно Иеффай и Самсон, — проявляют так мало национальных черт, что с равным успехом могут сойти за хананеев, филистимлян или моавитян. О Самсоне утверждалось, что он отлит по образцу сирийского Геркулеса. Большинство царей, а также их сыновья и придворные действовали так произвольно, как будто не существовало свода законов, ограничивающих их деспотическую волю, и как будто они никогда даже не слышали о Десяти заповедях Синая.

На протяжении веков этот народ носил оковы дикого идолопоклонства и лишь в незначительной степени отличался от окружавшего его языческого мира. Неужели гонка в ее зарождении на самом деле не имела никакого значения? Неужели этот народ в течение значительного времени шел в ногу со своими семитскими сородичами, и только в определенный период приобрел те особенности, которые заставляли его так сильно контрастировать со своими соседями? Разве Синай не озарял саму его колыбель? или этот факт был подтвержден только в более поздние времена и историками? Скептики говорили то же самое, но фрагменты израильской поэзии, относящиеся к первобытным временам, опровергают это утверждение. За несколько столетий до начала царского правления и в первые дни героев-судей, во времена Деворы, "матери Израиля", поэт воспел чудеса откровения; на Синае он описал народ Божий как разительно отличающийся от своего окружения и приписал их ошибки тому факту, что они последовали "ложным богам" и тем самым отпали от своего совершенно иного происхождения. Даже если кто-то склонен сомневаться в правдивости истории, все же следует доверять поэзии как заслуживающему доверия очевидцу. Нельзя отрицать, что духовное рождение израильского народа происходило одновременно с его фактическим рождением, и что Синай был ареной первого события, а Египет - другого; и что Ковчег Завета со священными Десятью Заповедями был его верным спутником с самых ранних дней.

Ядро народной веры в Бога и в свою миссию, фундаментальное учение, начертанное на каменных скрижалях, имело седую древность, было ровесником их представителей. Особо избранные мужчины, не имеющие отношения к повседневным действиям и суматохе народа, подобно Херувимам в Шайлох, должны были защищать святилище. Это святилище лишь внешне носит религиозный отпечаток, лишь внешне является теократическим, но суть его

заключена в законах морали. Бог является источником учения, но не его целью, которая скорее лежит в индивидуальной общественной жизни и ее законных требованиях.

В этом законе Бог является Святой Волей, определяющей все, что является этичным и добрым. Он - священный Тип, который указывает путь, но не причину, ради которой следует совершать действия, чтобы получить какое-то определенное преимущество. Таким образом, израильский символ веры - это ни в коем случае не догматическая доктрина, а доктрина долга. Хотя это и закон освобождения, в нем нет мистической примеси. Но эта религия или закон искупления, безусловно, были за пределами понимания народа, находясь еще на младенческой стадии, и идеал, который должен был придать ей значимость и жизнеспособность, долгое время оставался загадкой для народа. Эта загадка была впервые разгадана пророками. Прошло значительное время даже после того, как пророки произнесли свои горящие огнем слова, прежде чем нация стала хранителем учения, услышанного на Синае, и прежде чем они воздвигли для него храм в своих собственных сердцах.

Но как только была достигнута эта зрелость и "каменное сердце превратилось в сердце из плоти", как только пророческое тело смогло обойтись без вмешательства священства, они могли уйти со сцены; они стали излишними, ибо нация сама достигла полного понимания своего собственного существа и своей собственной миссии. История показывает, как была осуществлена эта двойная трансформация; как семья мелкого шейха стала ядром народа; как этот маленький народ был унижен до положения орды; как эта орда была обучена тому, чтобы стать нацией Бога через закон самоосвящения и самоконтроля; и как эти учения вместе с духовным идеалом Бога вдохнули в нее свою душу.

Эта национальная душа также переросла в национальное тело, развилась и приняла форму законов, которые, хотя и не были подвержены колебаниям времени, все же соответствовали событиям эпохи. Преобразование было осуществлено только в условиях тяжелой борьбы, препятствий и изнутри, и снаружи пришлось преодолеть, и ошибки, и RelapСЭС необходимо внести изменения, прежде чем нации тело может стать сторона-орган души народа. Скрытые вещи должны быть раскрыты, неясные для озарится, смутные понятия, чтобы быть выведены на свет определенности, прежде чем этот идеал Израиля (как foreshadowed пророками в дальнем расстоянии от времени, и, которые были явно отличает их от Израиля, как она тогда существовала при всех ее пороках) может стать "светом для народов". Несомненно, сейчас нет второго народа, обитающего вдали или скрытого в потоке времени, который, подобно Израилю, нес с собой predetermined закон. Этот народ обладал не только таким законом, но и полным убеждением, что он существовал только благодаря этому закону и для того, чтобы быть выразителем этого закона, и что его единственная важность заключалась в его призвании возвещать истины спасения. Они должны были прививаться не насилием и принуждением, а примером, действием и реализацией тех идеалов, которые израильтяне как народ должны были провозгласить.

Глубокое понимание, предоставленное Историей, доказало, что миссией греков было пролить свет на идеалы искусства и науки, но сами греки ничего не знали об этом факте.

Иначе обстояло дело с израильтянами. Не только им была поручена их задача, но им было дано откровение, что это их задача и что без нее они значат не больше, чем "капля в кувшине или пылинки на весах". Только по этой причине жители Гол называли израильтян избранным народом. Факт избранности навязали нации тяжелее и более важных обязанностей, а в

большей степени обязанности; и когда их миссия, как представители особой религиозной и нравственной концепции, стал сливаться с ними, люди ценили их задачу за все вещи—в большей степени, чем их родина и национальность, и даже больше, чем саму жизнь. И благодаря тому, что они пожертвовали собой, идея, которая доминировала над ними, обрела непреходящее существование и безжизненность.

Израильяне были первыми людьми, которые обладали смелостью отстаивать свое собственное мнение и которые рисковали всеми мирскими благами ради своих убеждений. Они доказали, что истина, создающая пропаганду, может быть подтверждена только кровью мучеников. Верность их убеждениям наделила их стойкостью и выносливостью. Их внутреннее ядро не могло быть полностью испорчено, учитывая, что они были способны бросить вызов разрушительной силе, существовавшей почти четыре тысячи лет, и множеству врагов. История израильского народа в его зарождении носит решительно изменчивый характер. Два различных фактора определили его возвышение и упадок: один физический, другой духовный, один политический, другой этический. Внезапно оттуда хлынул духовный поток, сильный и пенящийся, как горный источник, который постепенно набирал силу, пока был скрыт от глаз, и существование которого началось только в тот момент, когда он вышел из своего скалистого ложа.

Появление одаренных пророков и псалмопевцев во времена Амоса и Исайи напоминает по своей силе и оплодотворяющей силе излияние горного источника. Пророки и псалмопевцы, которые посеяли семена великих и всегда истинных мыслей в очаровательной и привлекательной форме и которые составляют цветок израильского народа, не смогли бы возникнуть и осуществить все, что они на самом деле совершили, если бы предшествующие условия не были благоприятны для их цели. Они возникли потому, что почва была для них духовно удобрена, и их поняли только потому, что их возвышенные моральные теории жизни не возвещали людям ничего нового или странного, но они проповедовали то, что уже было хорошо известно, страстными и поэтически просветленными словами, и ими двигали самоотречение, рвение и мужественная отвага.

Даже те, кто не верит в чудеса, должны признать удивительный ход истории Израиля и восхищаться им. Разве не удивительно, что именно в неблагоприятных условиях вавилонского изгнания, в стране, "полной идолов и распущенности", и среди иудейской знати, которая, не обученная и не обращенная своим печальным опытом, продолжала вести себя порочно во время изгнания, — что в такой обстановке могло развиваться духовное движение, нашедшее выход в особенно характерной манере? Во время вавилонского изгнания псалмопевцы трогательно и с поэтическим блеском оплакивали свои собственные горести и национальные невзгоды, и эти напевы звучат даже сегодня в самых высоких местах поклонения.

Во время этого изгнания, что великолепный дидактическую поэму в полу-ДРАматическая форма от страданий Иова и его друзей была написана, стихотворение, состоящее в диалогах человеческая судьба и Божественное провидение, которое практически вне конкуренции. Во время этого изгнания пророки еще раз обратились к своей общине глухих и слепых в поэтических выражениях. Среди них был тот избранный богом человек, второй Исайя, которого называли "великим неизвестным". Его огненные слова изливаются с неподражаемой силой, наказывая, как отец, и в то же время утешая, как мать, раня, как плетью, и в то же время исцеляя, как бальзам. Этот пророк полностью изложил фундаментальную идею для оправдания

дальнейшего существования Израиля, что, приняв мученическую смерть, он обречен быть слугой Бога, стать светом для всех народов и нести спасение до краев земли. Разве менее удивительно, что Кир даровал вавилонским изгнанникам разрешение вернуться на их родину, возделывать опустевшую страну, отстроить Иерусалим и Храм в честь их Бога и снова наслаждаться определенной независимостью? Еще более удивительно то, что пророки с безусловной уверенностью предсказывали возрождение нации за один день и что за исходом из Египта последует исход из Вавилона. Даже их пророчество о том, что язычники присоединятся к иудейскому народу, исполнилось. Таким образом, иудейская национальность возродилась на своей собственной земле, люди наполнились древними воспоминаниями и новыми надеждами и были полны решимости воплотить в жизнь увещевания пророка. Народ сохранял свою независимость в своей собственной стране в течение шестисот лет. Склонность к идолопоклонству, которая в значительной степени считалась непреодолимой в период до изгнания, внезапно исчезла, а вместе с ней исчезли также языческие обычаи и обряды. Тора, как свод законов, должна была стать путеводной нитью возрожденной нации, чье "каменное сердце было превращено в сердце из плоти", и не только отдельного человека, но и всего сообщества. Благодаря периодическому чтению Торы вянагоге — обычай, который теперь был введен, — и объяснению ее, по крайней мере, в одной из школ, ее учения стали общим достоянием высших классов. Тора была "Великой хартией вольностей" общественной жизни точно так же, как иудейская община депревратилась в разновидность "Civitas Dei".

Теперь пророки могли удалиться, поскольку законодатели - фарисеи (соферим) — освободили их от обязанностей и создали Синхедрион, который также выполнял законодательную функцию. Таким образом, история после изгнания приобрела форму, совершенно отличную от той, что была до изгнания. Трибунал Синхедриона был полон болезненного беспокойства по поводу строгого исполнения постановлений пятикнижия. Учителя народа желали избежать повторения условий, существовавших до изгнания, идолопоклонства, общения с язычниками и подражания языческим обычаям. Следствием этого было полное отделение от языческого мира и полная изоляция. Подобное положение вещей сохранялось и в отношении самаритян, которые демонстративно стремились получить равные права гражданства в "Civitas Dei". Им было отказано в этом. Поскольку, однако, им никто не мешал поклоняться Богу Израиля, они воздвигли конкурирующий храм на горе Гаризим. Так возникло первое полуиудейское племя, самаритяне, которые враждебно относились к Иерусалиму. Это было одним из результатов чрезмерной щепетильности. Другое следствие было результатом максимы "Возведите забор вокруг закона". Таким образом, все, что раньше было дозволено и что касалось лишь границы запретного, было запрещено. Члены Синхедриона, или уполномоченные законоучители, на основании этого принципа добавили новые решения к законам пятикнижия. Эти новые софийские законы и преобладающая пунктуальность не помешали созданию еврейских колоний в Александрии, Антиохии и других греческих центрах, которые были основаны Александром Македонским и его преемниками. Еврейская колония в Египте построила особый храм, храм Онии, который соперничал со святилищем в Иерусалиме. Там закон был впервые переведен на греческий, и на этом языке его читали во всех грекоязычных странах. Это был поворотный момент в ходе еврейской истории, хотя из-за практики чтения закона на греческом языке в Иерусалиме был установлен общественный траур. Иудаизм по этой причине стал в какой-то степени более приближенным к языческому миру, и этому способствовало присоединение народов к общине Авраама. С другой стороны, эллинизация иудаизма поставила нацию на грань уничтожения и подвергла ее преследованиям Антиоха Епифана, а

также вероотступничеству. От этих бед ее избавило только восстание Маккавеев, чье восстание стало причиной многих мученических смертей.

За этими победами последовало движение назад. Законы, которые эллинистические отступники дерзко нарушили и из-за которых пало так много мучеников, даже те законы, которые были наложены друг на друга в качестве оград, отныне исполнялись еще более ревностно и скрупулезно. Иудаизм приобрел измененный фарисейский (*то есть* педантичный) характер. Для части людей, чрезмерно щепетильных (ассидеев), даже этого было недостаточно. Они воображали, что только удаляясь от мира, можно строго соблюдать законы, и поэтому, назвавшись ессеями, они отделились от остальных и следовали своему особому образу мыслей и особым обрядам. Более мирские, такие как воины и государственная смена, выступили резко против такого аскетизма и отвергли дополнительные предписания, которые не были оправданы буквой закона. Отсюда возникло разделение на фарисеев, ессеев и саддукеев, которое было одним из результатов Маккавеевской войны. Последовали внутренние раздоры, которые способствовали покорению Иудеи Помпеем и римскими легионами, и политической независимости иудеев при их собственном царе, которая сохранялась в течение столетия, теперь пришел конец.

К сожалению, римляне назначили царем своего протеже Ирода, и он внедрил свои ядовитые идеи в сердца Патриархов. Чтобы в какой-то степени защитить население от отчуждения, которого желали иродианцы, были ужесточены исключительные законы, в частности, ритуальные предписания. Это была работа Гиллея и Шаммая. Кроме того, фанатичное рвение было проявлено в увековечении свободы, которой были позорно лишены; это была работа основателя партии зелотов — Иуды из Галилеи, — с которым шаммаиты были в некоторой степени связаны. Зелоты подстрекнули всю нацию к ожесточенной войне против римских завоевателей мира, но их попытка закончилась разрушением общины и Иерусалима, а великий почитаемый Храм был опустошен. Однако удивительно, что национальность и религия не исчезли, а пережили разрушителей, Веспасиана, Тита и их преемников, как они пережили Навуходоносора и его династию. Население было спасено благодаря закону, который стал самой его душой. Центром теперь стала Синедриальная школа, но закон полностью изменился по своему характеру.

Теперь закон перекрывали массы новых религиозных постановлений; оград, синедриальные постановления, обычаи, датируемые более древними или недавними временами, которые передавались устно и накопились в огромной степени. Эти устные галахи, как их называли, занимали если не более высокое положение, то уж точно равное писаным законам.

Противодействие саддукеев этим законам прекратилось; молодой христианский мир, выросший из лона иудаизма или, правильнее сказать, из ессенизма, повысил ценность высоко ценимых и переоцененных законов и был безразличен к их происхождению. В отличие от иудео-христиан, которые думали, что они могут объединить старые законы с новой верой, апостол Павел создал языческо-христианскую идею, которая отвергала каждое предписание закона как порабощающее и провозглашала евангельскую свободу. Эта атака на закон и мистические формулы, выведенные гностиками на основе букв Священного Писания, привели к тому, что все, что граничило с религиозными предписаниями, стало более ценным и неукоснительно соблюдалось в иудейских кругах.

Передача галахических доктрин была поставлена под угрозу из-за расхождения во мнениях между учениками Гиллеля и Шаммая относительно их объема, пределов, оправдания и применимости, а также вследствие фатального окончания катастрофической войны. Те законоучители, которые пережили катастрофу, тем более стремились утвердить такие законы, которые, как они утверждали, были переданы верно, и спасти их от забвения. Молодежь и мужчины, теперь избавленные от политических забот, толпами направлялись в знаменитые колледжи, чтобы запечатлеть в их памяти переданные им традиции. Они соперничали друг с другом в обучении. Но это рвение не подавило фанатизма и желания взяться за оружие во имя свободы. Пылкие юноши, особенно ученики школы Акибы, покидали здание школы, чтобы в подходящий момент продолжить кровавую распрю с римскими легионами - в первый раз это произошло при Траяне, едва ли через полвека после падения Иерусалима, и снова двумя десятилетиями позже, при Хадриане. Эти попытки закончились катастрофически; Адриан учредил систему преследований, направленную больше против иудаизма, чем против иудеев, и особенно против учителей и учеников, в надежде уничтожить Закон, саму душу нации, но он не преуспел в своей цели. Пламенное рвение к традиционному закону усилилось благодаря деятельности учеников Акибы, вернувшихся из изгнания.

Центр, однако, был перенесен в Галилею, поскольку Иудея, южная часть страны, была опустошена и находилась в основном во владении колонистов-язычников. Здесь располагался Патриархат, олицетворявший единство народа, пост Патриарха занимал потомок Гиллеля, который, как утверждалось, происходил из царского дома Давида и который с крошечной территории Галилеи, из Сепфориса и Тиверии управлял многочисленными общинами Диаспоры — за пределами суши и моря, в Египте, Вавилоне, Малой Азии и Европе. Его энциклики, присланные сосланными посланниками, были встречены с уважением, и им повиновались, как духовному руководителю. Мишна, фундаментальный текст объемистого Талмуда, собрание галахических законов и разновидность "корпуса гражданских канонов", который был составлен патриархом Иудой I, получила всеобщее признание именно по этой причине. Это духовное величие, однако, было разрушено Византией с тех пор, как Римская империя поклонялась или была вынуждена поклоняться Иисусу вместо Юпитера, а фанатичные преследования, практикуемые христианскими сектами, обрушились на евреев.

Византийские императоры Константин, Феодосий II и Юстиниан обращались с сыновьями Иакова даже более безжалостно, чем их враги-язычники. Они лишили их римских гражданских прав, их прав как мужчин, а также посягнули на их свободу в религиозных практиках. Этому примеру последовали правители различных европейских стран, особенно Франции и Испании.

К счастью, было основано новое место в другом квартале, на берегах Евфрата и Тигра, где многочисленные иудейские общины занимали выгодное положение и жили почти в состоянии политической независимости под властью своего собственного иудейского князя, экзиларха. Школы, которые были созданы здесь, заменили те, которые были разрушены на Святой Земле. Эти школы осуществляли власть над всей еврейской общиной, с небольшими перерывами, в течение семисот лет. Здесь возник Вавилонский талмуд, которому повезло больше, чем его компаньону, Палестинскому или Иерусалимскому Талмуду, религиозному кодексу особого рода. Это произведение с его фазами света и тени оказало влияние в еврейских кругах (которое продолжается и по сей день), и оно почти затмило Священное Писание. Здесь также получила развитие талмудическая диалектика, которая наделила евреев, находившихся под влиянием Талмуда, особыми чертами характера, особенно наделив их той любовью к острению, которая

впоследствии выродилась в софистическую утонченность. Авторитет Талмуда, однако, был в некоторой степени ослаблен событиями, произошедшими на Аравийском полуострове. Магомет, сын Абдаллаха из Мекки, основал исламскую религию на основе различных фрагментов иудаизма. Арабы сначала жили в дружеских отношениях с иудеями, которые жили на их земле и которые были воинственными, любителями свободы и песен и превосходили арабов по причине своего владения Священным Писанием. Однако Магомет, подвергшийся их насмешкам, впоследствии вел войну против одного иудейского племени за другим и изгнал их из Аравии, запрет на что был поддержан халифом Омаром.

Изгнанники поселились в Палестине и Вавилоне, где познакомились с соплеменниками и единоверцами, которые, следуя талмудическим предписаниям, приобрели совершенно иные привычки. Они сочли талмудические ограничения несовместимыми с их наследственной и неутоленной жадью свободы. Этот иудео-арабский кружок объявил войну талмудизму. Соперничество, которое поначалу носило лишь умеренный характер, поскольку не хватало необходимой способности поддерживать его, впоследствии стало более ожесточенным, когда Анан, родственник принца Плена, с готовностью присоединился к драке, утверждая, что Священное Писание является единственным источником религии, а Талмуд - всего лишь творением человека.

Так возникла новая секта - ананиты, или караимы. Несмотря на малочисленность, все же своей энергией и воинственностью они пробудили менее активные умы и пробудили желание знать Священное Писание, которым до сих пор пренебрегали. Импульс, приданный этому исследованию, был настолько силен, что Саадия, представитель талмудической школы, посвятил ему все свое внимание. Через него философское направление было введено в иудейские круги. До этого времени, как и в христианском мире и исламе, вера в существующие власти считалась еретической из-за спекуляций на религии.

Из Вавилона теперь исходила искра рационального мышления и научных изысканий, которая дошла до Пиренейского полуострова. Эта территория, находясь под властью магометан, была связана по духу с Востоком. Длинная череда выдающихся личностей в течение двух столетий поощряла и культивировала дух глубоких исследований в Испании, в результате чего впервые в христианском мире фанатичное стремление к преследованиям привело к уничтожению евреев или к их изгнанию из домов, которыми они владели так долго. Кульминационной точки философской мысли достиг Моисей Маймуни, который на протяжении веков был "Наставником сбивших с толку" и который также, с санкции Церкви, оказал мощное влияние на доминиканскую схоластику. Там, где много света, должно быть и много тени. Тени, вызванные светом, который исходил от Маймуни, воплотились в причудах Каббалы, которая смущала умы толпы своими подделками и развращала чувства своими излишествами.

В Испании и Южной Франции образовалась глубокая пропасть между маймунистами, и антимаймунистами, между верой, основанной на интеллектуальности, и верой, основанной на авторитете. Этот раскол привел бы к сектантству, если бы накопившиеся страдания людей не приковали их внимание к тому, что было ближе — к страданиям всех людей. Вера в авторитет оказалась победоносной под влиянием каббалы, и любое научное занятие, за исключением медицины, было запрещено в Испании, как будто оно имело целью подорвать преемственность иудаизма. Четырнадцатый век игнорировал десятый век. Соломон бен Адрет, который

торжественно объявил запрет на философию, причислил Саадию к некоторым еретикам. Казалось, что с упадком знаний слава испанских евреев должна была полностью угаснуть.

The Чаша скорби, осушенная евреями по всей Центральной Европе — от Рейна до Вислы и от Альп до болот Немецкого океана — в результате Черной смерти, как если бы они действительно были отравителями, также достигла испанских евреев. Вельможи, работавшие при дворе министрами финансов, дипломатами, личными секретарями или придворными врачами, были бессильны защитить их, как они это делали раньше.

Ужасная резня 1391 года привела многих евреев с диким отчаянием в их сердцах в объятия Церкви, и они обманывали себя мыслью, что могут внешне присоединиться к Церкви, оставаясь внутренне верными Богу Израиля.

Так возникли Марраны. Однако их фанатичные преследователи не желали покоя до тех пор, пока им не удалось вызвать гром инквизиции против евреев, разжечь костры, изгнать их сотнями тысяч из Испании и ввести обязательное крещение в Португалии. Но инквизиция и кол в обеих этих странах только пробудили более глубокую любовь к иудаизму в сердцах марранов. Как ни велико было число тех, кто погиб при аутодафе или томился в тюрьме, все же их отпрыски, которые тайно продолжали исповедовать свою собственную веру, рискуя жизнью, спустя одно или два столетия попытались сбежать из ада на Пиренейском полуострове.

Под видом испанских или португальских купцов они основали большие общины в Бордо, Амстердаме, Лондоне и в различных частях Италии. Со своей отчизны они принесли с собой более высокую культуру и аристократические манеры поведения. Следовательно, они не страдали от презрения, с которым относились к другим евреям в политических и социальных кругах. На самом деле, еврейского происхождения маррано смотрели свысока на своих единоверцев как на цыган из-за их внешнего обветшания. Однако с поразительной быстротой те, кого считали цыганами, переродились и возвысились; и, что было еще более удивительным, эта перемена исходила не от аристократических сефардов. Личность, которой было суждено это преобразование, происходила из среды тех, кого так презирали. В молодости в нем не было и следа культуры, но он был уродливым, неуклюжим, и застенчивым — таким был Мозес Мендельсон из мелкой общины Дессау. Если бы до него дошел призыв стать лидером своих единоверцев, он бы ответил, подобно великому Пророку в Египте — "Кто я?" Примечательно, что Мендельсон, сам того не желая или не намереваясь этого делать, проложил путь к эмансипации евреев и очищению иудаизма. Нынешний век опроверг утверждение ненавистников к евреям (которых в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века было бесчисленное множество), что поколение за поколением должно уходить из жизни, прежде чем можно будет ожидать какого-либо улучшения в униженном положении евреев.

За два десятилетия на канве Истории появился ряд благородных, если не сказать облагороженных евреев в Германии, Франции, Голландии и Италии, и они занимали такое высокое положение, как если бы были равного происхождения с христианами аристократического класса.

Исторический путь израильского народа не только показывает, как и у других народов, стадии роста, расцвета и упадка, но демонстрирует тот экстраординарный феномен, что за упадком в трех разных случаях последовало новое время зарождения и расцвета. История кристаллизации израильской семейной группы в нацию и их вхождения в землю Ханаанскую до

основания царства представляет собой рост. Стадия расцвета пришлась на времена царей Давида и Соломона, которые подняли положение израильского народа до уровня государства первого ранга. Период расцвета был коротким, затем последовала потеря власти и упадок нации. Но снова она постепенно возродилась под властью персов и греков, развилась при Маккавеях, но только для того, чтобы прийти в упадок при римлянах. Этот распад, однако, был лишь поверхностным, и ему было суждено уступить место возрождению в другой форме.

Один из пророков изобразил рост израильской нации в Египте изображением брошенной девочки, оставленной лежать в поле, перепачканной кровью и грязью, но она, несмотря на свое покинутие и страдания, превращается в цветущую девушку. Развитие расы в Вавилоне описано другим пророком в образе несчастной и скорбящей вдовы, у которой отняли ее детей, пока, после неожиданного возвращения ее многочисленных отпрысков со всех концов земли, она не утешится и не вернет себе вместе с ними утраченную молодость. Для третьего возрождения еврейской расы традиция также нашла подходящую картину.

У ворот Рима вогне лежит человеческая фигура, одетая в лохмотья, прокаженная, полумертвая, объект ужаса и жалости. Внезапно к этой жалкой фигуре прикасаются посохом, на котором начертаны библейские фразы. Он встает, его отвратительные покровы и уродства исчезают, и он стоит, выпрямившись в прекрасном сиянии юности. Сравнения весьма неубедительны и не дают адекватного представления о феномене, которому нет равных в повседневном существовании. В любом случае, еврейская нация представляет собой экстраординарное явление, восходящее к седой древности, но обладающее юношеской энергией, прошедшее через бесчисленные превратности судьбы, но при этом всегда остающееся верным себе.

Примечания переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Исправлены простые типографские ошибки.

Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены.

Непоследовательное использование заглавных букв и букв собственного имени в именах без изменений.

Непоследовательное использование точек после порядковых номеров не изменено.

Указатель не был проверен на наличие правильных ссылок на страницы.

Страница 46: "Джон Хорнбек" на странице 747 Указателя пишется как "Джон Хорнбек".

Страница 312: "он спросил Лафатера" было напечатано в том же году.

Страница 710: "совесть при вздохах а" напечатана как "взгляд" в другом издании этой книги.